АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 26

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1952 ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 26

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ И ПАМИРО-АЛАЯ

А. Н. БЕРНШТАМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1952 ЛЕНИНГРАД

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
М. М. ДЬЯКОНОВ

ВВЕДЕНИЕ (ТЕРРИТОРИЯ, ПАМЯТНИКИ, МАРШРУТЫ, МЕТОД РАБОТ И ТЕМЫ ЭКСПЕДИЦИЙ 1944—1949 гг.)

«Историко-археологические очерки Центрального Тянь-шаня и Памиро-Алая» сложились на основе наших полевых исследований 1941 г. и 1944—1949 гг., археологических разведок и раскопок, обработки археологического материала и изучения его в связи с данными письменных источников (рис. 1).

Экспедиции проводились Институтом языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии Наук СССР (ИЯЛИ, Фрунзе) и Институтом истории материальной культуры (ИИМК, Ленинградское отделение).

В оформлении графического материала настоящего труда наибольшая доля участия принадлежит С. С. Сорокину (чертежи, карты, рисунки), М. Г. Агаронян (съемка коллекций), К. Н. Видику и Л. Сухову (фотографии на Памире).

Летом 1941 г. мы осуществили первую поездку на юг Киргизии, но работы были прерваны начавшейся Великой Отечественной войной. Краткий отчет о работах 1941 г. появился в 1943 г.[1] С 1944 г. мы начали не прекращавшиеся до настоящего времени археологические поездки, которые охватили по Тянь-шаню весь Иссык-куль с долинами Кырчин, Тюп, Джаргелан, путь из Фрунзе до Нарына, долину Нарына до впадения ее левого притока — р. Алабуки, а также Кочкорскую долину и долину Джумгала. Кроме долины Алабуки было обследовано междуречье рр. Алабуки и Манакельды, а также котловина Токуз-тарау. К югу от Нарына мы провели рекогносцировку в долинах Атбаш, Арпа, Ак-сай и по берегам оз. Чатыр-куль (рис. 2).

Уже при первом исследовании долины Алабуки наметились связи Тянь-шаня с Ферганой и Алаем, обследование которых мы начали, как указано выше, в 1941 г.; в 1944 г. были продолжены маршрутные обследования: был охвачен район Узгена, Кара-дарьи, путь от Узгена до г. Ош от г. Ош на юг через Гульчу до Алайской долины.

В 1945 г., наряду с продолжением работ в Тянь-шане (Арпа, Нарын), особое внимание на юге было уделено Узгену, в раскопках которого принимал участие Государственный Эрмитаж.

1946—1948 гг. были целиком посвящены югу Киргизии (рис. 3 и 4). Последовательными маршрутами были охвачены район Кетмень-тюбе и предгорья Чаткальского хребта, включая Касан. Предварительное описание Касана было сделано еще в 1946 г., а затем в 1948 г. проводились раскопки городища древнего Касана (при участии Наманганского областного музея). Кроме того, в 1946 г. мы посетили предгорья Ферганского хребта (в частности район Арсланбоба), предгорья Туркестанского хребта от Узгена до долины р. Сох, а также межгорные долины Алайского хребта к югу от г. Ош: Гульча — Терек-су и Чон-алай от Иркештама до Дараут-кургана. Дальнейшие исследования при поддержке других учреждений (прежде всего Ленинградского Государственного ордена Ленина университета и Академии Наук КазССР) охватили Каратегин и Памир, с одной стороны, и крайний северо-западный «горный форпост» кочевников — Кара-тау и Сыр-дарью, — с другой, что дало возможность полнее осветить обследованный район и выявить его этнокультурные взаимоотношения.

Особое значение имели для нас экспедиции 1948 г. на Памир и 1949 г. в Центральный Тянь-шань, благодаря которым удалось наметить предварительную историко-археологическую периодизацию этих районов.

Мотивы, побудившие заняться исследованием Памира, отнюдь не случайны. Они не сводились только к стремлению снять «белое пятно» с археологической карты СССР или к простому желанию посетить «крышу мира», с которой столь давно и упорно связывалось все неясное в истории Востока. К Памиру автора привели долголетние, начатые еще

[1] Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943.

ВВЕДЕНИЕ (ТЕРРИТОРИЯ, ПАМЯТНИКИ, МАРШРУТЫ, МЕТОД РАБОТ И ТЕМЫ ЭКСПЕДИЦИЙ 1944—1949 гг.)

«Историко-археологические очерки Центрального Тянь-шаня и Памиро-Алая» сложились на основе наших полевых исследований 1941 г. и 1944—1949 гг., археологических разведок и раскопок, обработки археологического материала и изучения его в связи с данными письменных источников (рис. 1).

Экспедиции проводились Институтом языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии Наук СССР (ИЯЛИ, Фрунзе) и Институтом истории материальной культуры (ИИМК, Ленинградское отделение).

В оформлении графического материала настоящего труда наибольшая доля участия принадлежит С. С. Сорокину (чертежи, карты, рисунки), М. Г. Агаронян (съемка коллекций), К. Н. Видику и Л. Сухову (фотографии на Памире).

Летом 1941 г. мы осуществили первую поездку на юг Киргизии, но работы были прерваны начавшейся Великой Отечественной войной. Краткий отчет о работах 1941 г. появился в 1943 г.[1] С 1944 г. мы начали не прекращавшиеся до настоящего времени археологические поездки, которые охватили по Тянь-шаню весь Иссык-куль с долинами Кырчин, Тюп, Джаргелан, путь из Фрунзе до Нарына, долину Нарына до впадения ее левого притока — р. Алабуки, а также Кочкорскую долину и долину Джумгала. Кроме долины Алабуки было обследовано междуречье рр. Алабуки и Манакельды, а также котловина Токузтарау. К югу от Нарына мы провели рекогносцировку в долинах Атбаш, Арпа, Ак-сай и по берегам оз. Чатыр-куль (рис. 2).

Уже при первом исследовании долины Алабуки наметились связи Тянь-шаня с Ферганой и Алаем, обследование которых мы начали, как указано выше, в 1941 г.; в 1944 г. были продолжены маршрутные обследования: был охвачен район Узгена, Кара-дарьи, путь от Узгена до г. Ош от г. Ош на юг через Гульчу до Алайской долины.

В 1945 г., наряду с продолжением работ в Тянь-шане (Арпа, Нарын), особое внимание на юге было уделено Узгену, в раскопках которого принимал участие Государственный Эрмитаж.

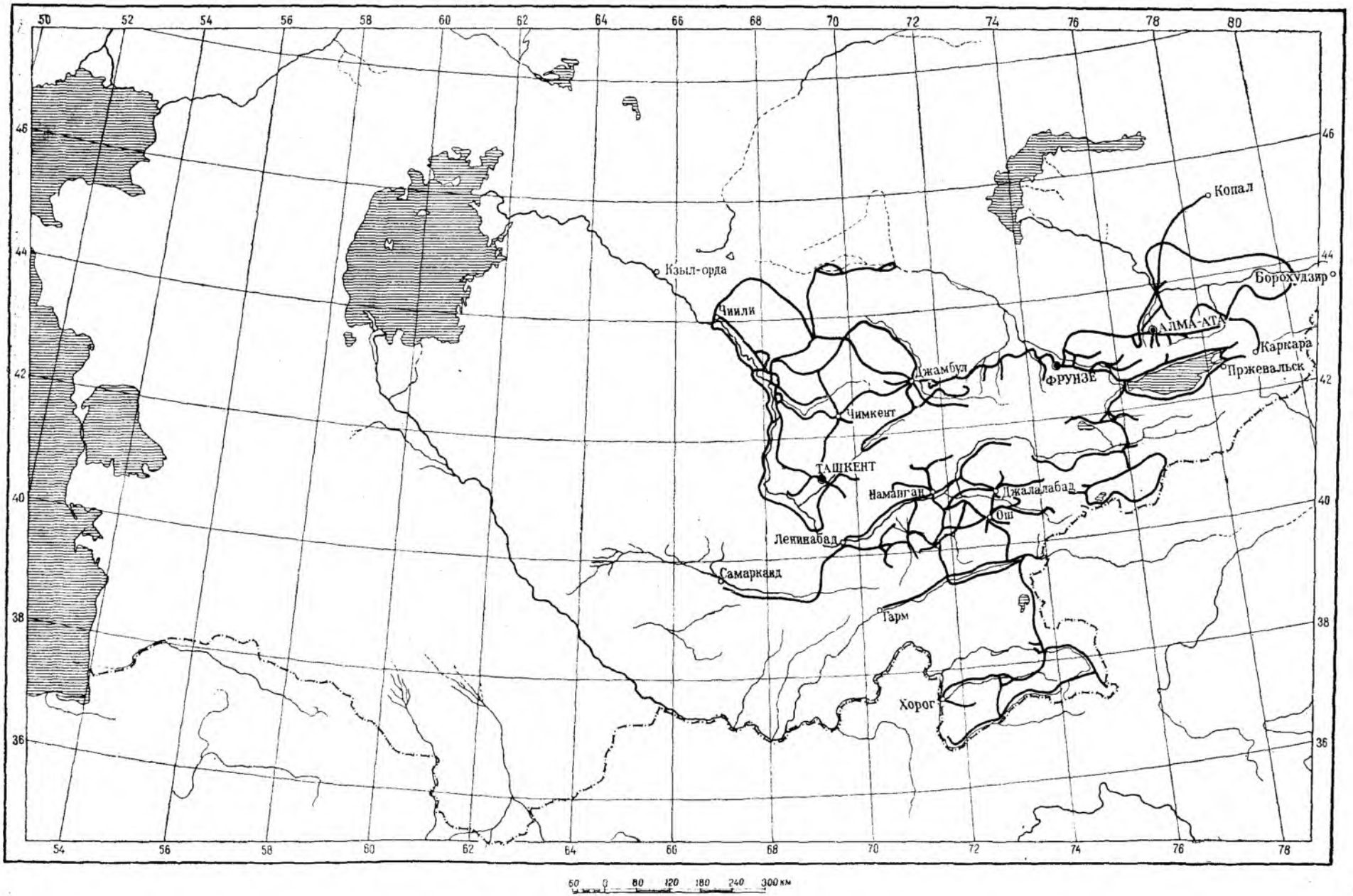
1946—1948 гг. были целиком посвящены югу Киргизии (рис. 3 и 4). Последовательными маршрутами были охвачены район Кетмень-тюбе и предгорья Чаткальского хребта, включая Касан. Предварительное описание Касана было сделано еще в 1946 г., а затем в 1948 г. проводились раскопки городища древнего Касана (при участии Наманганского областного музея). Кроме того, в 1946 г. мы посетили предгорья Ферганского хребта (в частности район Арсланбоба), предгорья Туркестанского хребта от Узгена до долины р. Сох, а также межгорные долины Алайского хребта к югу от г. Ош: Гульча — Терек-су и Чон-алай от Иркештама до Дараут-кургана. Дальнейшие исследования при поддержке других учреждений (прежде всего Ленинградского Государственного ордена Ленина университета и Академии Наук КазССР) охватили Каратегин и Памир, с одной стороны, и крайний северо-западный «горный форпост» кочевников — Кара-тау и Сыр-дарью, — с другой, что дало возможность полнее осветить обследованный район и выявить его этнокультурные взаимоотношения.

Особое значение имели для нас экспедиции 1948 г. на Памир и 1949 г. в Центральный Тянь-шань, благодаря которым удалось наметить предварительную историко-археологическую периодизацию этих районов.

Мотивы, побудившие заняться исследованием Памира, отнюдь не случайны. Они не сводились только к стремлению снять «белое пятно» с археологической карты СССР или к простому желанию посетить «крышу мира», с которой столь давно и упорно связывалось все неясное в истории Востока. К Памиру автора привели долголетние, начатые еще

---

[1] Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943.



Копал
Борохудзир
Кзыл-орда
Чиили
АЛМА-АТА
Каркара
Пржевальск
Джамбул
ФРУНЗЕ
Чимкент
ТАШКЕНТ
Наманган
Джалалабад
Ош
Ленинабад
Самарканд
Гарм
Хорог
60 0 80 120 180 240 300 км

с 1933 г. «археологические путешествия» по Средней Азии, когда, будучи аспирантом Государственной Академии истории материальной культуры, он получил возможность выехать в Среднюю Азию для специализации в области археологии тюрок-кочевников. Во время путешествия 1933 г. автор выполнил и задание Отдела Востока Государственного Эрмитажа по сбору коллекций по археологии семиреченских тюрок VI—VIII вв.[1] С тех пор прошло пятнадцать лет. Продолжая и углубляя свои исследования по культуре кочевников Средней Азии, мы должны были, уходя вглубь истории этих народов, заниматься все более и более древними памятниками. В 1938 г. мы открыли, а в 1939 г., по поручению Эрмитажа, раскопали могильник гуннского времени в районе р. Кенкол, в верхнем Таласе.[2] Возникавшие в процессе исследований вопросы повели нас еще глубже: к «скифскому» периоду, к культуре восточных скифов, к геродотовским «сакам заяксартским», «сакам амюргиям» (они же «сака-хаомаварга»). Во всем объеме встала проблема изучения ранних кочевников Семиречья и Тянь-шаня, именуемых в китайских источниках народами «сэ» и «усунь». Их памятники были найдены, изучены и частично изданы.[3] Но китайские источники и археологические данные указывали, что район обитания и продвижения этих народов не был ограничен Тянь-шанем; китайские источники и археологические наблюдения влекли на юго-запад, они заставляли искать следы сэ и усунь к западу от Ферганского хребта. Нужно было войти в Фергану, проникнуть в горные долины Алая (рис. 5). Были пройдены и эти маршруты, но и они не выявили границ продвижения сэ, т. е. саков, на юго-запад, — продвижения, о котором сообщал текст китайской династийной истории.[4] А на юге, куда надо было направить маршрут, стоял грозный Цунлин (Памир), он же Имаус по карте Птолемея. Саки должны были его пересечь, но не по северным горным массивам, где нет путей и дорог, а с южной стороны.

Юг Памира неоднократно посещали исследователи, однако никто следов древних кочевников не отмечал.

В 1946 г., будучи руководителем археологической экспедиции ЛОИИМК и КиргФАН, мы впервые посетили Памир и ознакомились с его суровыми ландшафтами, причем убедились в правоте своего заключения, основан-

Рис. 2. Географический ландшафт Центрального Тянь-шаня. Вид с городища Чалдывар (на р. Манакельды) на Ферганский хребет.

[1] А. Ю. Якубовский. Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для изучения истории культуры и искусства Средней Азии до XVI в. ТОВЭ, II, 1940, стр. 19—20.

[2] А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. 2, Л., 1940.

[3] См., например: А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-шаня. СА, XI.

[4] См. наши статьи: КСИИМК, XXI; ВДИ, 1, 1949.

ного на изучении географической литературы, что на севере Памира ожидать сакских памятников (и не только сакских, но и других эпох) нельзя. Поэтому все внимание нужно было перенести на юг.

В 1947 г., пройдя большой маршрут, охвативший Восточный Памир и часть Западного (Гунт, Шахдара, Вахан и южный Ишкашим), мы ознакомились с основными историко-культурными ландшафтами Памира. И несмотря на то что памятников кочевников было встречено мало, а четыре первых раскопанных кургана дали всего лишь один зуб и одну фалангу пальца человека, уверенность в том, что в южной части Памира должны быть значительные следы движения саков, очень окрепла.[1] Она окрепла еще больше, когда, перейдя в область оседлых земледельцев — в Западный Памир, мы начали открывать одну за другой крепости, комплексы крепостей, когда начала ясно вырисовываться мощная фортификация долин, очевидно ожидавших удара с востока. Страх жителей Западного Памира перед кочевниками особенно наглядно выявляют фортификационные сооружения на проторенной дороге Вахана, упирающейся на востоке в узкий и грозный каньон р. Памир. Древние крепости типа Ратм, вдвинутые в каньон реки, следующие за ними крепости долины Пянджа — Исор, Зунк, Ямчун, Кааxка и другие, комплекс укреплений в верховьях Шахдары у оз. Турумтай, укрепленные поселения у слияния Гунта и Токуз-булака — ясно прочерчивали по карте «оборонительный меридиан», защищавший Западный, земледельческий, Памир от Восточного, кочевого. А топография курганов и мощность крепостных сооружений указывали особо опасные в древности места, — это был юг Памира. И, поднимаясь на руины древних крепостей Памира, мы совершенно ясно ощутили, где надо искать эту грозную силу, которой так боялись древние земледельцы Западного Памира. Для достижения цели в полном объеме мы наметили еще тогда — и провели в 1948 г. — маршрут, направленный целиком на обнаружение памятников древних кочевников.[2] Маршрут был проведен, все южные зоны Восточного Памира пройдены, было открыто множество могильников древних кочевников, а раскопанные могилы по правому берегу р. Памир обрадовали нас, членов экспедиции, нетраблеными захоронениями с разнообразным инвентарем, дающим возможность решать ряд вопросов истории и исторической географии не только теоретически (рис. 6). Была, наконец, найдена юго-западная граница кочевых племен древности, связанных с их основными центрами на Тянь-шане, в Семиречье и западном Алтае; были собраны материалы, давшие возможность снять «белое пятно» с археологической карты СССР, были обнаружены народы, культура которых, дошедшая до нас, исключала возможность впредь безнаказанно изобретать спекулятивные теории о «крыше мира». Только на третий год работы мы достигли решения нашей научной проблемы на территории Памира и присовокупили к богатым данным русской дореволюционной и советской науки о Памире первые в истории его исследования данные о деятельности человека, его заселявшего. Долины Восточного Памира, находящиеся на высоте от 3800 до 4200 м над ур. м., были местами его поселений. Могильник скифского типа времени V—IV вв. до н. э., вскрытый на высоте свыше 4000 м над ур. м. и исследованный экспедицией ЛОИИМК и ЛГУ, руководителем которой был автор, оказался самым высоким по местоположению археологическим памятником мира.

Описанию древностей Памира и изложению основных вех истории этого замечательного края, а равно и публикации первой в мире археологической коллекции памятников Памира, хранящейся ныне в Государственном Эрмитаже, и посвящена третья часть этой книги.

Было бы несправедливо умолчать о тех, кто раскапывал эти замечательные памятники, производил их обмеры и исследование в тяжелых условиях высокогорья и разреженного воздуха. Это наши давнишние спутники по экспедициям и студенты. Они были и научными сотрудниками и рабочими-землекопами. Это научные сотрудники Л. Розина, А. Кибиров, Л. Маловицкая, П. Кожемяко, К. Видик, бывшие студенты университета С. Сорокин, Г. Бабанская, Н. Куликова, О. Дворкина, Ю. Заднепровский, С. Кляшторный, М. Шеина, Н. Горбунова, Т. Вагнер, В. Котович, Ю. Баруздин, Б. Гамбург, М. Макеичева. Им и директору Биологической станции АН СССР на Памире О. В. Заленскому, крупнейшему знатоку этого края, консультации которого были для нас особенно ценны, а также шоферу К. С. Здоровенко, безропотно вывозившему экспедицию к любому кургану и крепости, мы обязаны успехом экспедиции на Памир, ее научными результатами.

Если экспедиция на Памир вообще впервые открыла науке его археологические памятники, то массовые раскопки курганов в Центральном Тянь-шане в 1949 г. позволили систематизировать накопления предшествующих лет и дать первую историко-археологическую классификацию памятников. В этой связи, учитывая также, что экспедиция 1949 г., как и памят-

[1] Краткие отчеты: Вестн. ЛГУ, 1948, 11—12; КСИИМК, XXVII, XXVIII; ВДИ, 3, 1949; Эпиграфика Востока, вып. III. См. нашу статью «Памир и Алай в свете археологических работ 1947 г.» (Уч. зап. ЛГУ, сер. ист., вып. 19; Изв. КиргФАН, вып. 7, 1947). Большое количество статей было напечатано в газете «Ленинский Путь» (г. Ош; номера от 9 VII, 13 VII, 10 IX 1947).

[2] Краткие информации мы напечатали: газета «Ленинский Путь» от 21 IX 1948; Вестн. ЛГУ, 1948, 11—12, и 1949, 11; КСИИМК, XXVI, XXVIII.

Рис. 3. Фергана. Вид с городища Эрши на Араванские скалы.

Рис. 4. Фергана. Исфаринская долина. Вид с замка Кала-и-боло.

ники Памира, открытые в 1948 г., не получила еще своего отражения в печати, позволим себе несколько полнее осветить объем работ и маршрут экспедиции 1949 г. на Центральный Тянь-шань.[1]

Маршрут 1949 г. был построен так, чтобы пройти с раскопками берега оз. Иссык-куль и обследовать важные и еще не известные археологической науке районы этого озера — долины Тюпа и Джаргелана, а также долины Джумгала и Токуз-тарау в Центральном Тянь-шане.

В связи с этим маршрут 1949 г. был следующим. Из г. Фрунзе экспедиция пошла на западный берег Иссык-куля и сделала первую остановку не доезжая километров 12 до Рыбачьего. Здесь, на левом берегу р. Чу, против совхоза Кок-мойнак, в урочище Кок-булак начинаются могильники с каменными курганами, пять из которых были раскопаны. Затем маршрут был продолжен по северному берегу оз. Иссык-куль до с. Семеновского с остановкой по дороге в Турайгыре для фиксации мазаров XIX в. От с. Семеновского экспедиция повернула в ущелье Кырчин, находившееся в 8 км к северу от с. Семеновского.

В ущелье Кырчин были произведены раскопки пяти погребений и заложен один шурф в месте случайных находок в 1937 г. сакских жертвенников.

Из ущелья Кырчин экспедиция отправилась до урочища Карой (в 1 км к западу от Чолпоната), обследовала могильник тюркского времени и вскрыла 4 погребения. Далее раскопки проводились в местности Ой-булак (4 погребения). В районе Ой-тала, Ой-булака, Кутурги и Курменты были обследованы каменные изваяния. От Курменты экспедиция последовала по долине р. Тюп до Кень-су, затем вышла к Джаргеланскому заливу Иссык-куля (восточный берег), где было обследовано городище Торт-куль. Через г. Пржевальск наша экспедиция проследовала до Джаргелана, где был вскрыт один жертвенный холм, а на обратном пути в г. Пржевальске было раскопано три земляных кургана у с. Соколовки и два в Джергесе. Обследованием района Койсара—Покровка (Чон-кызыл-су) — Джууке были фактически закончены работы на Иссык-куле, так как следующий участок южного берега озера до Рыбачьего был осмотрен в 1940 г., когда и были сняты планы городища и обследованы наиболее значительные памятники.[2]

После обследования берегов Иссык-куля экспедиция отправилась в Джумгал с остановкой в Кочкорской долине, на могильнике Аракуль, где были вскрыты 4 погребения. Через перевал Кызарт экспедиция вышла в долину Джумгала. Здесь один пешеходный отряд отправился на сухопутное обследование берегов оз. Сон-куль, второй отряд был поставлен на раскопки пяти курганов в районе Алтын-арыка, а третий обследовал долину Джумгала до Чаека, где зафиксировал, кроме многочисленных курганов, два новых городища. При возвращении из долины Джумгала на перевале Кызарт были открыты пять катакомб гуннского времени. Закончив на этом работы в Джумгале, экспедиция перешла к работам в долине Нарына, где были проведены раскопки в могильниках Аламышик (30 курганов) Джергетал (12 курганов), Алабакан (2 кургана), Ача-тюбе (2 кургана) и заложены три шурфа в городище Ширдакбек.

Разведочный отряд экспедиции обследовал верховья Алабуки, где открыл весьма любопытное здание (Чалдывар),[1] а в долине Токуз-тарау обнаружил три городища (Казарманское, Каратавалгаты и Чалдывар). На обратном пути в г. Фрунзе были вскрыты три кургана в долине Карагуджир.

Таков маршрут и краткое содержание работ экспедиции 1949 г.

Как видно из описания маршрута, экспедиция основное свое внимание уделила изучению культуры кочевого населения Тянь-шаня, стремилась собрать материал по различным эпохам — с тем, чтобы дать, во-первых, историко-топографический очерк Тянь-шаня, во-вторых (и это главное), предложить археологическую классификацию памятников и, в значительной степени на ее основе, историческую периодизацию.

В соответствии с этими задачами мы и построили наш отчет по следующим разделам:

1) описание вскрытых погребений и археологическая классификация;

2) историческая периодизация Тянь-шаня и проблема его экономических и этнокультурных связей.

Древнейшие памятники сако-усуньского и гуннского времени были открыты и раскопаны в 1949 г. в нескольких районах; это следующие основные памятники:

1) сакские скорченные погребения VI—V вв. до н. э. в Аламышике I (К 44, 58, 66, 68), могилы в Джергетале (К 25 и 10) и Кырчине (К 3);

2) сакские — исседонские (предусуньские) погребения V—III вв. до н. э. в Аламышике II (К 9, 12, 39, 105, 110, 113, 114), Джергетале (К 18, 39, 55), Карагуджире (Джакимбаевский могильник — К 24);

3) усуне-юечжийские погребения II в. до н. э. — II в. н. э. в Соколовке (К 5), Аламышике III (К 83, 104, 106), Джергетале (К 13), Алабакане, Ача-тюбе и Джергетале (К 1, 2);

[1] Древний Тянь-шань. КСИИМК, XXXVIII. М.—Л., 1951 г.

[2] См.: МИА, № 14.

[1] Постройка Чалдывар на реке Манакель в Центральном Тянь-шане. Сб. «Архитектура республик Средней Азии», М., 1951.

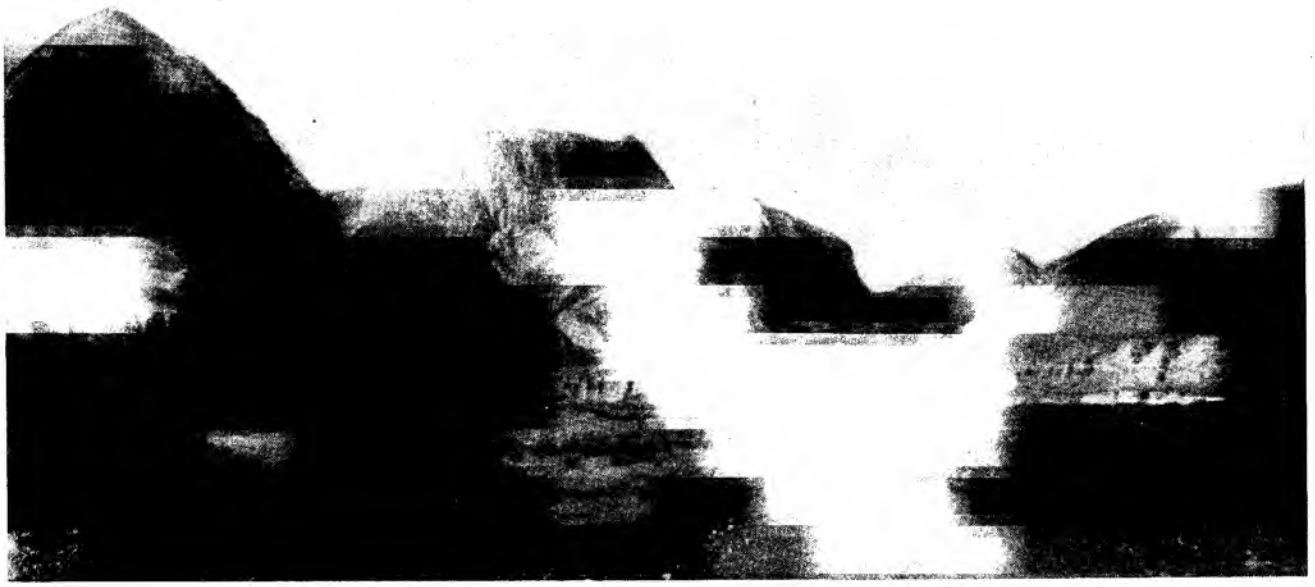


Рис. 5. Долина Алая.

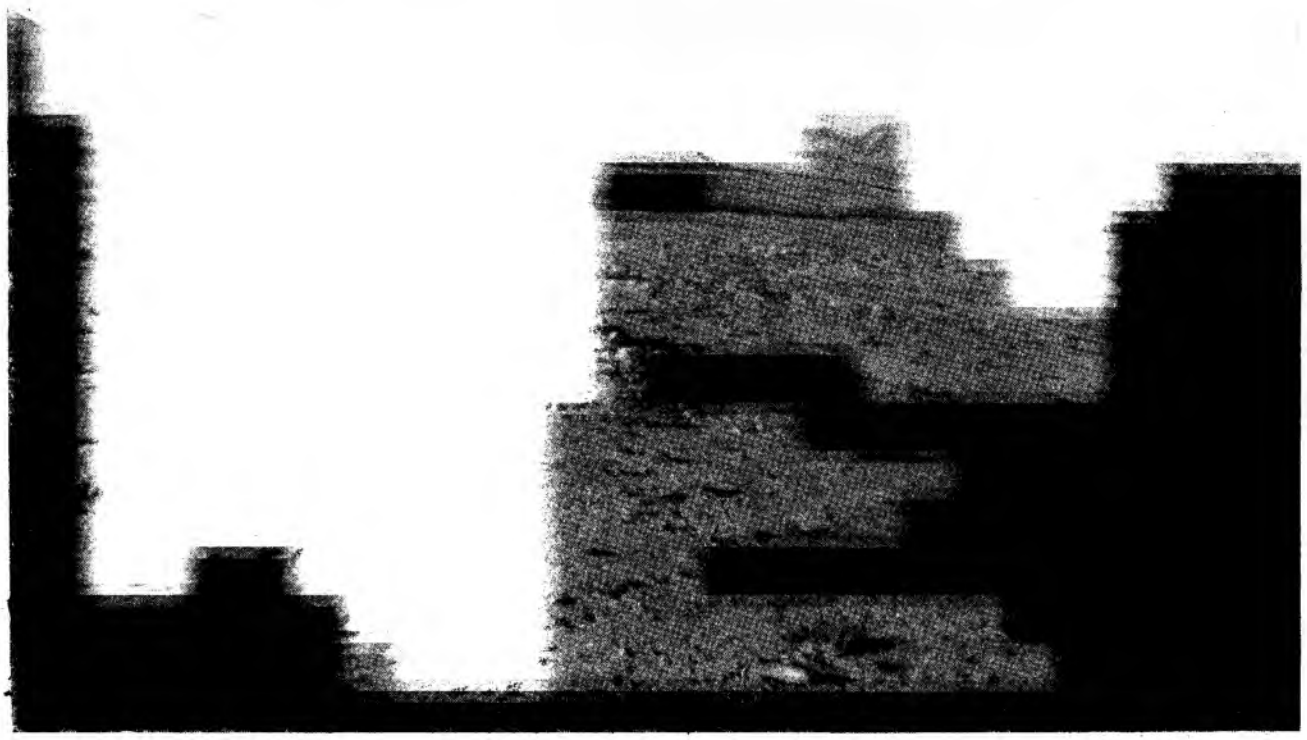


Рис. 6. Памир. На переднем плане могилы саков V—IV вв. до н. э.

4) катакомбы гуннского времени I в. до н. э. — IV в. н. э. в Кызарте (К 5, 6, 7, 9, 10), Кырчине (К 65 и 68), Аламышике IV (К 1, 5, 40, 41, 43, 46, 47).

Большой интерес представляют раскопанные нами в 1949 г. памятники времени тюркских каганатов и государств, а именно:

1) тюргешские могилы VI—VIII вв. в урочищах Кырчин и Карой (Иссык-куль), поминальные выкладки (кенотафы) Ой-булака и каменные статуи Иссык-куля;

2) «чубаньские» подбойные могилы тюркского периода VI—VIII в. в Аламышике V (К 102);

3) чигильские курганы Кок-булака, Аракуля VIII—X вв.;

4) карлукские могилы IX—X вв. в Алтынарыке (Джумгал) и Аламышике VI (Нарын — К 59 и др.).

Особый раздел составляют обследования оседлых поселений Центрального Тянь-шаня и обмеры архитектурной постройки — здания Чалдывар на р. Манакельды, а также историко-топографические наблюдения по пройденному маршруту.

Таковы были наши основные маршруты за истекшие годы (1941, 1944—1949 гг.), когда нам удалось охватить основные зоны расселения древних кочевых народов Средней Азии. В настоящем томе лишь частично отражены работы по изучению кочевников, живших по Сыр-дарье и склонам гор Кара-тау. Описание сделанных здесь наблюдений частично нашло свое отражение в двух томах трудов Семиреченской экспедиции, а материалы экспедиций 1947—1950 гг. по Сыр-дарье и Кара-тау подготовляются к печати в особом издании Академии Наук Казахской ССР.

Археологические памятники юга Киргизии и Центрального Тянь-шаня послужили темой для докладов на узко специальных заседаниях и различных научных сессиях во Фрунзе, Алма-ате, Ленинграде и Москве. Главнейшие результаты работ отражены в различных статьях и отчетах, часть которых в переработанном и дополненном виде нашла отражение в настоящей книге.[1]

Добытый экспедицией материал заставил поднять и данные письменных источников, также отразившиеся в печати и докладах.[1]

---

[1] Краткие извлечения из отчетов были опубликованы в следующих изданиях (библиографические данные располагаю в хронологическом порядке работ экспедиции):

1944 г.

Археологические контуры Тянь-шаня и Алая. Изв. КиргФАН, вып. 2—3, Фрунзе, 1945.

О древностях Тянь-шаня. Газ. «Тяньшаньская Правда» от 30 IX 1944.

Историко-археологическое изучение Южной Киргизии. Газ. «Ленинский Путь» от 31 X 1945.

1945 г.

Из истории культурных связей Ферганы и Тянь-шаня. Сб. «Академику К. И. Скрябину», Фрунзе, 1945.

К истории фергано-тяньшаньских культурных отношений. (Из итогов археологических работ 1945 г.). Изв. КиргФАН, вып. 4—5, 1946.

Археологические работы в Тянь-шане. Газ. «Тяньшаньская Правда» от 14 IX 1945. См. то же на киргизском языке в газ. «Тянь-шань Правдасы» от 18 IX 1945.

Из итогов археологической экспедиции на Тянь-шане. Газ. «Тяньшаньская Правда» от 30 IX 1945.

К археологической работе в Узгене. (Итоги и перспективы археологических работ). Там же, от 15 XII 1945.

Из прошлого Тянь-шаня. Газ. «Советская Киргизия» от 6 I 1946.

Фергана и Тянь-шань. (Из итогов археологических работ 1945 г.). Там же, от 29 XII 1945.

Новые открытия археологов. Там же, от 30 X 1945.

1946 г.

Из истории Восточной Ферганы и Алая. (Краткий отчет археологической экспедиции 1946 г.). Изв. КиргФАН, вып. 6, 1947.

Древняя Фергана. (Тезисы доклада). КСИИМК, XXI.

Историко-археологическое изучение Ошской области. Газ. «Ленинский Путь» от 25 VIII 1946.

Археологическая экспедиция в Алайской долине. Там же, от 8 IX 1946.

К археологическим работам в Джалалабадской области. Газ. «Большевистский Путь» от 1 X 1946.

Итоги археологических работ в Джалалабадской области. Там же, от X 1946.

1947 г.

Из итогов изучения древней истории Киргизстана. Изв. КиргФАН, вып. 7, 1947.

Археологическая экспедиция на Памир. Вестн. ЛГУ, 1947, 12.

Историко-археологическое изучение Памиро-Алая. Газ. «Советская Киргизия» от 9 VI 1947.

Памиро-Алайские археологические перспективы. Газ. «Ленинский Путь» от 23 VII 1947.

Араванская скала и поиски древней столицы Ферганы. Там же, от 2 VIII 1947.

Страна скифского тысячелетия. Там же, от 10 IX 1947.

Проблемы древней истории и этногенеза южного Казахстана. Изв. АН КазССР, сер. археолог., вып. 2.

1948 г.

Древняя Фергана. Газ. «За Коммунизм» (Наманган) от 21 и 23 VII 1948.

Итоги работ археологической экспедиции в Наманганской области. Там же, от 10 VIII 1948.

См. также тезисы докладов и хроникальные заметки: КСИИМК, XXVI, XXVIII; Вестн. ЛГУ, 1948, 11.

1949

Древний Тянь-шань. КСИИМК, XXXVIII. См.: Вестн. ЛГУ, 1949, 11

[1] См.: Из истории международных и военных отношений киргизского народа. Изв. КиргФАН, вып. 1, 1945; Некоторые итоги археологических работ в Семиречье. КСИИМК, XIII, 1946; Источники по истории киргизов XVIII в. ВИ, 1946, 11—12; К вопросу об усунь || кушан и тохарах. (Из истории Центральной Азии). СЭ, 1947, 3; Проблемы истории Восточного Туркестана. ВДИ, 2, 1947; Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет. Там же, 1947, № 3. Ср. также научно-популярные очерки в газетах: Тяньшаньская Правда №№ 73, 74, 75, 78 за 5, 15, 18 и 30 октября 1944 г.; Тянь-шань Правдасы (на киргизском языке) №№ 105, 106, 110, 115 за 12, 18 октября и 1, 19 ноября 1944 г.; Ленинский Путь от 28 IX, 9 X, 27 X 1946 г. Древняя Фергана, Ташкент, 1951.

В этой работе мы ставим себе целью дать, в основном, отчет о полевых исследованиях для узкого круга археологов и историков Средней Азии. Однако в ряде глав мы систематизировали полученные нами данные в историческом разрезе, пытаясь предложить широкому кругу историков, прежде всего историкам Средней Азии, некоторые общие соображения, которые подсказаны добытым материалом.

Скудость письменных свидетельств об обследованном районе может быть в какой-то степени восполнена данными археологии, которые автор предлагает читателю.

Где же развертывались наши работы, в какой географической зоне и в каких хронологических рамках? Хронологические рамки обнаруженных памятников восходят к эпохе бронзы и, с другой стороны, достигают почти XIX в., хотя памятникам моложе XVI в. специального внимания не уделялось. Географические зоны наших исследований были весьма многообразны. Закончив в основном еще в 1941 г. первый этап археологического изучения равнин северного Притяньшанья (Талас и Чу), мы в дальнейших своих работах направили маршруты, во-первых, в горные районы Тянь-шаня, а во-вторых, развивая и углубляя эти исследования, на Алай и на Памир (археологические исследования в южной Киргизии, в Фергане начаты были нами еще в 1941 г.).

Работами 1944—1948 гг. мы закончили первый «тур» углубленной разведки в горных районах Тянь-шаня и Памиро-Алая, включая район подгорных наклонных равнин северной и южной Ферганы. Нам удалось пройти по основным древним трассам, картировать древние памятники всех основных межгорных районов и обследовать много отдельных ущелий, каньонов и тому подобных урочищ горного ландшафта Средней Азии.

Исследования охватили различные естественно-географические зоны: окраины песчаных низменностей у Кара-тау и Сыр-дарьи, подгорные долины культурных оазисов, полосу адыров, межгорные долины, высотные сырты и перевалы с отметкой от 4000 до 5000 м над ур. м. Приходилось раскапывать древние могилы и курганы на высоте свыше 4000 м над ур. м.

Таким образом, если учесть, что Хорезмской и Южнотуркменской археологическими экспедициями открыты древности на нулевой отметке на берегах Каспия и Арала, а нами найдены памятники на высоте свыше 4000 м, то мы можем теперь утверждать, что Средняя Азия обладает самой большой высотной археологической амплитудой в СССР и, пожалуй, второй (после Тибета) в мире.

Особенность работ этих лет выразилась в преобладании разведки над раскопками, хотя и последние все время сопутствовали нашим «археологическим путешествиям». Выбор объекта для раскопок имел всегда относительно узкую задачу: мы вскрывали только те типы памятников, которые являлись новыми в нашей среднеазиатской археологической номенклатуре. Мы настойчиво продолжали избранный нами метод работ, в котором разведка преобладала над раскопками. Надо было понять локальное своеобразие памятников в этих особых районах, куда, по существу, не заходили археологи. Наши разведочные наблюдения снимали домыслы тех исследователей, которые свободно передвигали по карте племена и государства, не считаясь с археологической документацией: Маркварт выносил за пределы Центрального Тянь-шаня города, например Каджингар-баши; Херцфельд, наоборот, отождествлял Давань с Памиром; другие исследователи помещали народы у безжизненного Кара-куля, а через пустыни, где современная техника с трудом пробивает себе дорогу, предполагали немыслимые по условиям местности оживленные пути.

Методическое знакомство с краем в течение многих лет дает нам возможность положить конец фантазиям и отдельным ошибкам в решении историко-географических и археологических вопросов, касающихся этих районов. А этот результат оправдывает все наши усилия в течение шести археологических сезонов.

Предшествующее детальное и массовое изучение памятников северного Притяньшанья облегчило нам понимание памятников Центрального Тянь-шаня. Типы могил и курганов, как правило, повторялись в Центральном Тянь-шане; те, которые представляли исключения или отклонения от нормы, вскрывались раскопками. Подъемный материал городищ Тянь-шаня находил аналогии в поселениях Чуйской долины и Таласа.

В значительной степени аналогична картина для Южной Киргизии и Памиро-Алая, где, однако, отклонений и исключений даже для памятников кочевников несколько больше.

Трудность раскопок в горных районах (отсутствие рабочей силы, разреженность воздуха и т. п.), своеобразие захоронений с малым инвентарем и к тому же преобладание разграбленных курганов, огромные пространства и пересеченность местности, ее пустынный характер в ряде областей (Памир), своеобразные условия окраинных центров древних оседлых поселений — все эти обстоятельства затрудняли не только добычу археологического вещественного материала, но и его интерпретацию.

Наряду со сбором археологического материала, значительное место в наших работах занимали вопросы исторической географии и составление археологических карт районов, а на их основе — исторических карт. В подавляющем большинстве случаев мы датировали памятники в результате вскрытий и затем зафикси-

ровали их размещение на обширной территории. Для составления археологических карт нам потребовалось пройти в разных направлениях десятки тысяч километров, около 16 000 км только в описываемом районе Памиро-Алая, 500 км по меридиану и столько же примерно в широтном направлении. Всего наши маршруты по горной Средней Азии составили 40 000 км. В результате мы получили некоторые возможности для более объективного суждения об основных чертах исторического процесса на этих территориях, чем те исследователи, которые не видели этих мест. Этой теме в основном и посвящен наш труд.

Следует, наконец, отметить, что в своих маршрутах мы подошли к «границам» Хорезмской и Согдийско-Таджикской экспедиции, не говоря уже о других, более мелких. Мы обогащали свои наблюдения их выводами и надеемся, в свою очередь, что даем и своим соседям некоторую историко-археологическую перспективу. Такова обстановка, условия работы и основные волновавшие нас темы.

В чем же историческая и географическая особенность обследованных районов?

Район этот исключительно интересен уже по своему местоположению. На рубеже двух впадин Азиатского материка (Таримской низменности с отметкой местами ниже уровня моря и Ферганской долины с отметкой 300—400 м над ур. м.) протянулась на 1000 км в длину и до 500 км в ширину гигантская цепь горных хребтов Тянь-шаня и Алая, вершины которых — пик Победы и Хантенгри на Тянь-шане (7449 и 6992 м над ур. м.) и пик Сталина и пик Ленина в Заалайском хребте (7456 и 7127 м) — являются высочайшими точками нашей страны.

На этом пространстве, административно входящем ныне в основной своей массе в состав Киргизской ССР (пик Сталина входит в состав Таджикской ССР), на площади которой (196 700 кв. км) могут с успехом разместиться Дания, Венгрия, Голландия и Бельгия, лишь $^1/_{10}$ площади — долины, остальное — горы упомянутых выше систем Тянь-шаня и Алая. 11 млн га прекрасных пастбищ, ныне составляющих базу социалистического животноводства, издревле служили местом обитания кочевников, а в долинах, особенно тех, которые имеют отметку не свыше 1500 м над ур. м., давно уже развивалась земледельческая культура переселенцев и местных жителей двух крупнейших среднеазиатских цивилизаций — Согда и Давани.

Памятники этой земледельческой культуры, изученные нами за предшествующие годы, особенно в долинах Чу и Таласа,[1] сигнализировали, вкупе с данными письменных источников, не только о связях ее с кочевой степью, что принято во внимание востоковедческой наукой со времени В. В. Бартольда, но и об активных связях, быть может более органических, с обитателями ущелий, горных долин, сыртов, адыров и предледниковых альпийских лугов.

В свете письменных источников становилась ясной огромная международная и военно-политическая роль горного массива Тянь-шаня и Алая, в котором древние государства азиатского материка, преимущественно государства, обязанные своим происхождением кочевникам, видели прекрасную крепость и удобный «караван-сарай». Трудно проходимые горные перевалы привлекали как естественно защищенная стена крепости; пересеченность местности соблазняла легкостью укрытия от врага и обеспечивала устройство засад, а обилие воды и пастбищ гарантировало караванам, главным образом вьючных лошадей и ишаков, изобилие кормов и частый, сытный отдых. Вот почему и поныне, тем более прежде, при живой тяге груза трудный перевал Бедель к Иссык-кулю более гостеприимен для кочевника и караванбаши, чем более легкий, но менее травянистый весной и осенью сухой перевал Тургарт к Кашгару.

Вот почему перевал Тургарт — синоним «конца мира», ибо еще Сымацянь (китайский историк I в. до н. э.) говорил, что кочевники «переходят с места на место там, где вода и трава».

Тянь-шань был колыбелью саков и усуней, продолжавших традицию пастухов эпохи бронзы; здесь обосновались гунны с первых веков н. э., здесь крепко держались тюрки с VI по XII в., и вот почему первые удары перед походом на запад обрушил Чингиз-хан именно на Тянь-шань, а его примеру последовали и калмыки. Они здесь находили естественную крепость, которую легко было защищать, стратегически важный пункт, находящийся в центре азиатского материка, место, удобное для отдыха и накопления сил конной армии азиатских властителей.

Тяньшано-Алайский массив нельзя было оставлять в тылу на трассе торгового пути, его нельзя было обойти тому, кто прокладывал путь, связывающий Запад с Востоком. Подступами к нему пытается овладеть Александр Македонский в IV в. до н. э.; его штурмуют китайские войска У-Ди под предводительством Лигуанли в 104—99 гг. до н. э.; часть его покоряют Судинфан и Ванчженсянь в 654 и 748 гг. н. э. — армии Дальнего Востока; его завоевывает Тимур в XIV в. и кокандские ханы, идущие с запада в XIX в. И все же всегда в горных долинах Тянь-шаня и Алая таились неисчерпаемые военные силы, столь же неиссякаемые, как ледники его гор, питающие

[1] См. наши отчеты: Труды Семиреченской археологической экспедиции. Таласская долина. Алма-ата, 1951; Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. Л., 1950; Памятники архитектуры Киргизии. М., 1950.

почти все основные речные системы Средней Азии.[1]

Из этого предельно сжатого, а потому схематичного очерка естественных и исторических особенностей Тянь-шаня и Алая следует, что понимание археологических ценностей этой территории возможно только при максимально широкой постановке исследования, только при условии знания пространства не по книгам и картам, к тому же скудным и не всегда верным, а по личным наблюдениям, которые необходимы, чтобы определить границы распространения культур кочевников и земледельцев. Раскопки курганов давали нам примерную хронологию памятников. Пусть датировка была иногда приближенная, с допуском ошибки в один-два века, все же карты археологических памятников основных эпох расскажут в тысячу раз больше, чем фолианты скрупулезных исследований о черепках одного могильника. Так как этими данными относительной, а часто и абсолютной датировки мы располагали по смежным территориям, накопив их за время работ с 1933 по 1943 г., то мы сочли возможным, скажем даже необходимым, в 1944—1949 гг. провести по Тянь-шаню и Фергано-Алаю археологическую экспедицию того типа, который мы с полным правом, без всякого оттенка снижения его научной значимости, назвали бы археологическими путешествиями.

Маршруты этих лет были и меридиональными и широтными: они шли от равнин в горы, от Фрунзе через Иссык-куль, Кочкорку, Нарын к Кокшаалу и юго-восточным отрогам Ферганского хребта, в долины рек Нарын, Атбаш, Арпа и Ак-сай, от Оша через Туркестанский и Алайский хребты в долину Алая, через долину р. Гульча и восточнее через долину Куршаба и Кара-дарьи в долину р. Каракульджа. Следуя по своему маршруту, экспедиция прошла от высоты 720 м (Чуйская долина) и 1000 м (Ош) до высот свыше 4000 м над ур. м. и обследовала долины с отметками от 2200 до 4000 м над ур. м., перейдя на своем пути десятки горных перевалов разного типа: и легкий Тузбель, и суровый и снежный Талдык, и неизведанные Босого и Кынды, и многие другие.

Таковы условия наших работ на Тянь-шане и в Алае. Нас интересовали, по мере наших сил, все археологические ценности обследованной территории и в первую очередь археологическая карта: размещение памятников, следов человеческой деятельности, по разным географическим зонам, столь разнообразным в этом крае.

Книга, как было указано, состоит из трех частей, содержащих региональные описания — Центрального Тянь-шаня, Фергано-Алая и Памира; внутри каждой части материал располагается в хронологической последовательности; в них публикуется материал из районов, которые никогда не исследовались историками и археологами, и мы можем со всем правом утверждать, что нашим экспедициям выпала честь ликвидировать здесь «белые пятна». Особенно это относится к третьей части, посвященной Памиру.

В книге содержатся главы, где рассматриваются отдельные исторические вопросы, решение которых вытекало из наших археологических работ и которые зачастую вне добытых нами материалов вообще не могли быть решены. Таковы, например, глава V («Саки Яксарта и Тяньшано-Алая по археологическим данным»), § 2 главы VI («Араванские наскальные изображения и даваньская столица Эрши»); глава VII («Тюркские племена и народности в истории Средней Азии») увязывает настоящую публикацию памятников с результатами наших изысканий в Семиречье с 1936—1941 гг.

В настоящей работе мы пытаемся поставить некоторые вопросы происхождения киргизского народа на той территории, которую мы исследовали в течение многих лет.

Как известно, на этой территории, до прихода киргизских племен и до проникновения тюркоязычных племен южной Сибири и Центральной Азии, жили иноязычные племена, скорее всего связанные с северо-восточной ветвью восточноиранских племен. Во всяком случае к ним принадлежали саки, в значительной степени и усуни. Однако уже в сакский период VII—IV вв. до н. э. и усуньский III—I вв. до н. э. местные племена Тянь-шаня, впоследствии Алая, Памира и горной Ферганы постепенно начали ассимилироваться восточными пришельцами. Особенно активно этот процесс тюркизации местного населения произошел в гуннский период I в. до н.э.—IV—V вв. н. э. Все более и более утрачивали на этих территориях свои позиции восточноиранские племена, их место занимали тюркоязычные, и среди них киргизские. Так ныне, в свете труда И. В. Сталина по языкознанию, могут быть истолкованы многочисленные данные письменных источников и археологии.

Необходимо отметить, что до выхода в свет работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» автор стоял на ложных марристских позициях отожествления процессов развития языка и культуры. Прослеживая преемственность в истории культуры и доказывая автохтонность развития местных племен, мы в то же время полагали возможным, наряду с изменением культуры, допустить и трансформацию языков: так, из неизвестных, ложно конструированных языков пресловутой яфетической стадии путем мифического взрыва якобы создавались новые, третьи языки. В условиях Средней Азии, по нашему ошибочному предположению, в результате следования за Н. Я.

[1] См. нашу статью «Из истории военных и международных отношений киргизского народа» (Изв. КиргФАН, вып. 2, 1945).

Марром, из яфетических языков произошли иранские и тюркские. «Взрыв» этот мы искали во время владычества саков, полагая, что оседлая их часть стала ираноязычной, а кочевая пошла по пути тюркского этногенеза. Так, в процессе изучения истории Средней Азии мы пытались применить «яфетическую теорию» Н. Я. Марра.

В свете труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» стала очевидной ошибочность наших прежних высказываний. Сейчас перед нами стоит первоочередная задача на конкретном материале показать действительный исторический процесс, процесс скрещиваний и смешений, дроблений и расхождений многочисленных древних племен Средней Азии, из которых позднее составились современные народы этой части нашей страны.

Эти процессы особенно активно происходили в зоне обитания кочевых племен, а еще более в зоне их столкновения с оседло-земледельческими народами. Изучаемая нами территория в значительной степени и является таковой. Здесь в конечном счете победили в этногенезе тюркские племена, здесь произошла ассимиляция или вытеснение местных восточноиранских племен тюркскими племенами. Особенно отчетливо это прослеживается на Тянь-шане. Среди разнообразных тюркских племен и народов победителем вышли киргизские племена, первоначальное ядро которых сложилось за пределами Тянь-шаня — на Енисее. Постепенный процесс расселения киргизских племен, завершившийся их победой, был долгим и трудным. Пытаясь в своих работах вскрыть этот процесс, мы должны были преодолеть все марристские «методологические» установки и дать новое решение проблем, а также вести борьбу с идеализацией исторического прошлого, чему мы в работах 1942—1946 гг. в известной мере отдали дань. Идеализация всего прошлого питает буржуазный национализм и представляет собой большую политическую опасность. Публикуя в настоящей книге новые факты, мы пытаемся рассмотреть их по-новому, опираясь на труды классиков марксизма-ленинизма, и прежде всего на труды И. В. Сталина по национальному вопросу и языкознанию. Вместе с тем мы сочли необходимым давать теоретические заключения, в которых подводим известные итоги накопленным ранее материалам, и, тем самым, пересматриваем наши прошлые суждения, порожденные некритическим восприятием ряда выводов так называемого «нового учения о языке». Мы надеемся, что в обобщающих главах и отдельных положениях всего текста книги читатель увидит нашу попытку перестройки и ликвидации прошлых ошибок и заблуждений. Критическому и самокритическому пересмотру марристских влияний в истории тюркских народов и истории Средней Азии нами посвящены специальные статьи и доклады.

Стремясь в настоящей книге отразить все главнейшие наблюдения за истекшие годы (1944—1949), мы надеемся, что постепенное развертывание стационаров в наиболее важных пунктах даст возможность окончательно решить те или иные вопросы, которые мы выдвигаем. Организованная с 1950 г. Памиро-Ферганская археолого-этнографическая комплексная экспедиция Института истории материальной культуры и Института этнографии АН СССР при участии местных научно-исследовательских организаций, руководство которой было поручено автору настоящей книги, продолжила в том же направлении наши работы 1944—1949 гг. во время сезонов 1950—1952 гг.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЯНЬ-ШАНЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДРЕВНЕЙШИЕ КУЛЬТУРЫ КОЧЕВНИКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ

1. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В АРПЕ

В районе Тургарт, к югу от юго-западного угла оз. Чатыр-куль, на высоте 3500 м над ур. м., на нижних отделах каменноугольной системы, в четвертичных отложениях (из которых сложены юго-восточные отроги Ферганского хребта), в ущелье, на расстоянии 2.5 км от 526-го километра Большого Киргизского тракта расположена пещера. Пещера имеет вход с юга, ее размеры 2×2.5 м, при высоте до 4 м; она и ныне используется охотниками. В шурфе и на полу пещеры у входа, на глубине до 0.50 м, на стыке древнего и современного слоя появились куски кремня и сколы — отщепы микролитоидного облика. Аналогичного типа пещеры экспедиция зафиксировала и в ущелье Кара-унгур («черная пещера»), в горах Нура-тау, и в южной Киргизии, в районах Суфи-босого, не доезжая перевала Кызыл-белес. По расспросным данным, такие пещеры имеются и в Атбашинском хребте и в горах Нарын-тоо, — в обоих случаях к востоку от меридиана Нарын—Атбаш.

Тургарт был исключительно ценен для стоянки первобытного человека: здесь в изобилии и поныне водятся архары, козлы (илеки), сурки, лисицы, волки, а на оз. Чатыр-куль (в 3 км от пещеры) обильная водоплавающая дичь, главным образом утки; залетает индийский черный гусь.

Район Тургарта представляет интерес только для охоты, — для скотоводства он слишком беден. Бедны травостоем берега оз. Чатыр-куль и его водоем. Не случайно эта местность носит название «Тургарт». Собственно, из киргизского языка это название необъяснимо. Этимологизируют его в народе как «конец пастбищ» — место, где нет кормов, — или как масть лошади. С нашей точки зрения, здесь, быть может, в первой части этноним «тюрк» и тюркское слово «арт» («конец», «зад»), что в переводе в целом должно означать «конец тюрок», «граница тюркского мира», т. е. кочевников, владевших издавна этими местами, в то время как к югу от Тургарта начинаются оазисы Восточного Туркестана с другим населением и культурой.

Для расселения скотоводов более привлекательна ближайшая к Тургарту долина Арпа, что в переводе значит «ячмень». Расположенная на высоте 2800—3000 м над ур. м., она не допускает по климатическим особенностям разведения сельскохозяйственных культур, и никаких следов древнего земледелия здесь не обнаружено. Киргизы приводят легенды, объясняющие это название тем, что травы Арпинской долины по своим качествам равносильны ячменю. Действительно, Арпа богата сочными подножными кормами, особенно по сазам, образованным как самой р. Арпа, так и ее притоками Суек и Каракол. Около таких сазовых лугов, недалеко от начала перевала Джаман-даван через горы Джаман-тоо, на прилавках (вторая терраса р. Арпа) вплоть до урочища Бурмачап (к востоку от перевала Джаман-даван) расположены могильники по правому берегу р. Арпа, и по левому, в местечке Джалгызуй. Могильники оказались двух эпох: эпохи бронзы и гуннские рубежа нашей эры.

В 1944 г. были раскопаны погребения эпохи бронзы двух типов — курган и могила, показавшие следующее.

Могилы представляют собой прямоугольники (6—8×1—2 м), ориентированные углами по странам света. Образованы эти прямоугольники поставленными на ребро камнями (размером 20×25 см), выступающими над поверхностью до 10 см. Могилы обычно слегка присыпаны землей. В западной части раскопанной нами могилы — зольное пятно. Посредине прямоугольника, где проходит обычно пересекающая прямоугольник такая же гряда камней (подобно той, что образует стороны прямоугольника), стоял горшок шаровидной формы, покрытый коричневым лощением, без орнамента. Глубина горизонта с пятном и горшком 25 см (рис. 7).

Курганы почти все одного размера — высотой 0.40—0.60 м, при диаметре 12—18 м. Насыпь состоит из земли и мелкого камня. На дневной поверхности, на глубине 0.25 м от вершины кургана, — выложенный из крупных камней четырехугольник, также ориентированный углами по странам света, с длиной сторон 4 м. Посредине четырехугольника проходит также полоса камней, разделяющая четырехугольник на две равные части — южную и северную. В раскопанном нами кургане, в с.-з. углу южного прямоугольника, на глубине 0.45 см (высота раскопанного кургана), стояли два горшка типичного андроновского типа, покрытые богатым гребенчатым орнаментом (наколкой). Один из них имел орнамент в виде поставленных на основание треугольников между двумя рядами линий по горловине и ниже; по тулову же шел пояс меандра. Второй сосуд имел между такими же параллельными линиями группы треугольников (по три в группе), соединенных между собой углами, а ниже по плечикам тулова сосуда — зигзаги из трех линий. Тесто сосудов хрупкое, с примесью дресвы, коричневато-красного обжига. В с.-в. углу стоял неорнаментированный горшок темножелтого лощения. В центре северного прямоугольника, непосредственно у северной гряды камней, лежали кальцинированные кости трупосожжения.

В исследованном могильнике зарегистрировано 15 насыпей. Как показали дальнейшие обследования, такой могильник — не одиночное явление: они встречаются в урочище Чыргаил, в 1.5 км к западу от г. Нарын, в долине р. Нарын и в районе Богушты долины Атбаша. Однако могильников такого типа несравненно меньше, чем других.

Характер орнаментации, форма и техника изготовления сосудов не оставляют сомнений в том, что перед нами типичные комплексы андроновской культуры, классические памятники которой (для смежной территории) были зарегистрированы в степных районах Казахстана.[1] Памятники андроновского типа были отмечены и для окрестностей г. Алма-ата,[2] в Чуйской долине [3] и Ташкентском оазисе.[4] Однако керамика бурмачапской группы курганов эпохи бронзы ближе к степным районам Казахстана и Алтая (Минусинским степям), чем к керамике Чуйской долины из районов Каинда и Джаильма, и сходна с так называемым западным, более поздним вариантом.[5]

Таким образом, степной вариант андроновской культуры нами зафиксирован примерно на 1000 км южнее известной границы распространения и на высоте 2800 м над ур. м.

В этой же бурмачапской группе в 1945 г. были раскопаны дополнительно еще 4 кургана. Все они содержали следы обряда трупосожжения. Один из раскопанных курганов дал следующую картину. На дневной поверхности выложен прямоугольник размером 5×5.5 м. Внутри него оказалась еще одна оградка со сторонами длиной в 1.9 и 3.4 м. Обе оградки обнаружились на глубине 0.30 м, что составляет высоту насыпи. Камни оградок выступали на поверхности. На площадке внутренней оградки, ближе к южной стенке, располагались зольное пятно и остатки кальцинированных костей, а также бронзовые бусы звездчатой формы (шесть выступов типа зубцов шестеренки на цилиндрическом основании бусины) в количестве 36; два сосуда, сильно расслоившиеся, без орнамента, с коричневатой поверхностью; два бронзовых браслета с незамкнутыми концами (наружная поверхность браслета слегка овальная и украшена двумя параллельными желобками); сдвоенные и строенные пастовые пронизки.

Аналогичную картину дали и остальные раскопанные курганы, с той лишь разницей, что, кроме горшков, около остатков кальцинированных костей и зольных пятен никаких находок не было. Все горшки плохой сохранности, гладкие, со следами лощения, в основном коричневого цвета, шаровидной формы. В кургане № 6 оказались несколько более сложные выкладки: кроме двух концентрических прямоугольных оградок находились еще членения, пересекающие коридор, образованный стенками основных оградок.

Дополнительный материал, полученный в результате раскопок четырех курганов в третьей бурмачапской группе, окончательно подтвердил принадлежность этой группы курганов к эпохе бронзы. Датировка могильника твердо устанавливалась по находкам сосудов в 1944 г., т. е. явилась возможность отнести его к андроновскому этапу, находки же 1945 г. лишний раз подтвердили эту дату.

Таким образом, мы имеем вариант андроновского этапа бронзы на Тянь-шане. Эти памятники представлены невысокими (30—60 см) круглыми, иногда вытянутыми насыпями над каменными квадратными и прямоугольными выкладками, либо концентрического расположения, либо рассеченными пополам грядой камней.

Попутно отметим, что в том же 1945 г. нам удалось раскопать с группой студентов турецкого цикла Филологического факультета МГУ одну могилу эпохи бронзы в ущелье Чонкемин. Могила на поверхности была отмечена двумя концентрическими выкладками, прямоугольными в плане (2.5×3 м), со слегка закругленными углами (больше во внутренней, меньше во внешней выкладке). В могильной яме, вытянутой с З на В, на глубине 1.20 м

[1] Работы ГАИМК на новостройках. Изв. ГАИМК, стр. 110.
[2] М. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки», стр. 11.
[3] А. Бернштам. Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943.
[4] А. Терешожкин, КСИИМК, XXXIII.
[5] О. Гракова, ТГИМ, XVIII.

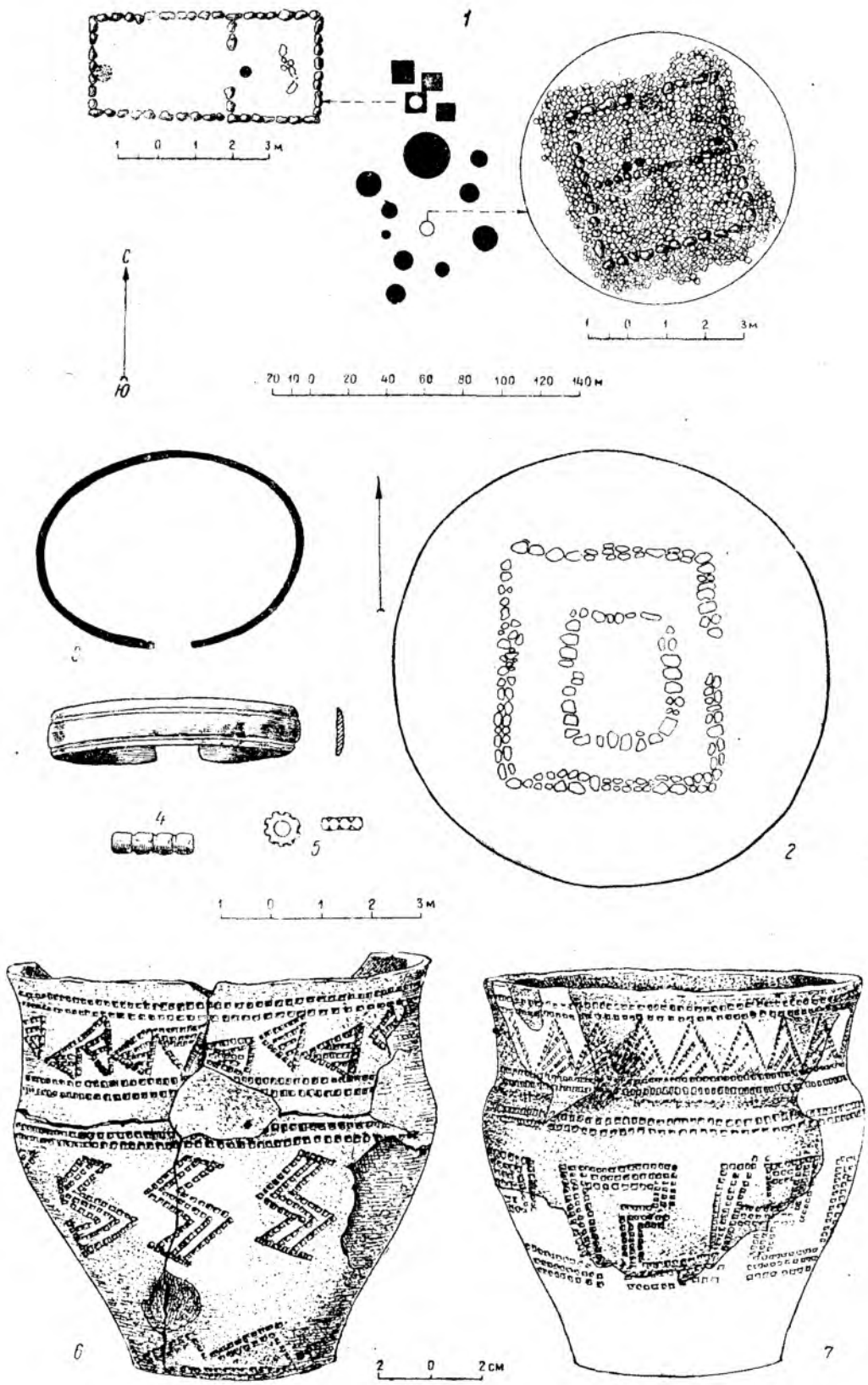


Рис. 7. Центральный Тянь-шань, Арпа. Памятники эпохи бронзы.

1 — план могильника и типы насыпей; *2* — план К 2; *3—5* — браслет и пронизка (бронза) из К 2; *6*, *7* — глиняные сосуды из К 1.

лежал на спине костяк. Могила была разграблена: верхняя часть костяка была сдвинута к Ю, череп отсутствовал; около левого бедра был обнаружен бронзовый нож, длиной в 13.5 см, шириной в 1.5 см, с закругленной верхушкой и несколько суживающимся концом.

Аналогичного типа курганы мы встречали на прилавках над с. Новороссийским, у входа в ущелье, ведущее на перевал Кашка-джол (из долины Большой Кемин в Малый Кемин), а также по течению р. Нарын и р. Алабуки. Поскольку бурмачанские курганы в долине р. Арпа дали памятники андроновского типа эпохи бронзы с трупосожжением, то в дальнейшем мы будем такого типа курганы называть «арпинскими», а курганы с могильной ямой и трупоположением — «кеминским» типом. Всего вероятнее, что «кеминский» тип, по аналогии с некоторыми данными из Семиречья, относится ко времени карасукской культуры, а скорее всего — даже к ранним сакам. Основанием к этому служит его сходство с курганами Айритам в Таласе и некоторые данные раскопок того же года в долине Нарына, о чем будет сказано ниже.

2. ОБЩИЙ ОБЗОР САКО-УСУНЬСКИХ И ГУННСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ТЯНЬ-ШАНЯ
(по работам 1944—1945 гг.)

Весьма обширно представлена на Тянь-шане сако-усуньская культура. Как мы показали в своих предшествующих работах, сако-усуньская культура представляет собой историко-культурное единство; иначе говоря — это единый круг памятников с двумя (быть может и больше) этапами.[1] Памятники этого типа располагаются по всем без исключения горным долинам и Тянь-шаня и Алая, осмотренным в 1944 г. Наиболее крупные группы расположены в долинах рек Оттук (к В и З от шоссе), Он-арча (в с.-з. углу долины), Нарын (к В и З от г. Нарын; здесь их весьма значительное количество), в западной части долины Атбаш и по берегам р. Кара-коюн, Ак-муюн, Ой-тересken, Кара-су, Кара-булунь, Юрме. Одиночные курганы этого типа имеются также и в верховьях р. Арпа и по ее левому берегу, а также по Ак-саю (у хребта Кок-кия), у слияния Теректы и Ак-сая, в урочище Кок-айгыр и около Тургарта. Отмечены курганы этого типа в междуречьях Яссы, Кара-кульджа и Кара-дарья на юге Киргизии, а также по течению реки Гульча (Кызыл-курган, Суфи-курган, Ак-босого и, видимо, Алай у Сары-таша). В алайской группе курганов насыпи имеют меньше камня (обилие камня характерно для Тянь-шаня), меньше варьируют и размеры насыпей. Уже из этого перечня сако-усуньского типа могильников явствует повсеместное распространение сако-усуньской культуры по Тянь-шаню и Алаю, в чем находит свое объяснение и широкое распространение на этих территориях [1] случайных находок сако-усуньского типа.

Сопоставляя по этим комплексам результаты разведок 1944 г. с материалами из северного Семиречья (к С от параллели южного берега Иссык-куля), нельзя не притти к выводу, что «царские» саки и усуни все же жили в равнинном углу, образованном Тяньшаньскими горами, т. е. Киргизским Ала-тоо и Заилийским Ала-тау, в долинах Чу и Или. Горные сако-усуньские племена составляли более рядовую, менее дифференцированную массу, частично входившую (на Алайском участке) в тесные культурные взаимодействия с древней Даванью (Ферганой), подобно тому как при распаде усуньского племенного союза усуни вошли в состав синхронного им населения Ташкентского оазиса (бургулюкская культура).

Несколько неожиданно для нас выступила в долинах рр. Атбаш и Арпа культура завоевателей Тянь-шаня в I в. до н. э. и I—II вв. н. э. — гуннов Центральной Азии. Здесь, в урочище Бурмачап, мы отметили две группы курганов гуннского времени, одну возле другой. Курганы в этих группах различны по величине: так, например, имеются курганы диаметром 30 м при высоте до 8 м и диаметром 12 м при высоте 0.80 м. Уже из этих данных наглядно видна дифференциация племен, оставивших эти насыпи, тем более что первые, т. е. крупные, единичны — в группе от 25 до 50 насыпей их от 2 до 5 (рис. 29).

Насыпи образованы путем изъятия земли у основания могильного холма не по кругу, а по квадрату с закругленными углами, так что вокруг кургана обычно наблюдается «ровик» глубиной до 0.60 м. Выделенная таким образом часть поверхности земли образует как бы площадку, также четырехугольную в плане, на которой расположена уже сама насыпь в виде сегмента шара.

Один из таких курганов высотой в 0.55 м при диаметре 10 м был вскрыт. В центре оказался дромос (айвон) шириной 0.80 м, длиной в 1 м, идущий с В в катакомбу (ляхат) размером 0.90×2×1.15 м, расположенную под прямым углом к дромосу. По оси катакомбы, ближе к западной стене, головой на С лежал на спине скелет женщины лет 60. Руки ее были сложены на поясе, ноги вытянуты, голова повернута на В. У изголовья стоял грубый сосуд баночной формы высотой 15 см без орнамента и обломки сосуда типа пиалы. Кроме того, были найдены: мелкие обломки деревянной тарелки с крестцом барана и костями элика, деревянный продолговатый столик (раз-

[1] Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941. См.: СА, XI.

[1] Случайные находки, хранящиеся в Музее национальной культуры киргизского народа в г. Фрунзе, упомянуты нами в брошюре «Историко-культурное прошлое северной Киргизии» (Фрунзе, 1943).

мером 42×25 см) на четырех невысоких конических ножках (высота их 5 см, сечение 2.5×1.5 см). Углы столика были слегка закруглены, по краю проходил шириной до 2.5 см ободок в виде валика. Кроме этих вещей, были обнаружены обломки деревянных поделок в виде отдельных прутьев и рукоять скребла для снятия мездры со шкуры. На пальцах (среднем и указательном) левой (?) руки были надеты серебряные тонкие кольца, на запястьях — бочковидные бусы, пастовые и стеклянные, темнозеленого, лилового и бирюзового цвета, а также овальный серебряный миниатюрный медальон (1 см в сечении) со вставкой из прозрачной стекловидной массы.

На костях были обнаружены остатки грубой шерстяной ткани (полотняного переплетения) и коричневого (белого?) шелка.

Характер погребального сооружения и обнаруженный инвентарь не оставили сомнений в идентичности этого погребения с культурным комплексом Кенкольского могильника, связываемого нами со вторжением гуннов на Тянь-шань.[1]

Аналогичного типа погребения (раскопанные также в Атбашинской долине, где особенно ясно выступила искусственная деформация черепа) известны нам по неопубликованным исследованиям в долине Исфара и в Ширинсае в Фергане и по материалам раскопок в Ташкентском оазисе (Каунчинская и джунская культуры). С обнаружением этого типа погребений на Тянь-шане у нас как бы замыкается кольцо погребений гуннского времени, причем тяньшаньская группа (включая сюда и Кенкол) дает более развитую форму катакомбы, в то время как Фергана и Ташкент — как бы исчезающую катакомбу, сменяемую подбоем. К тому же, инвентарь фергано-ташкентских погребений моложе кенкольских, являющихся наиболее близким аналогом бурмачапским катакомбам. В свете этих хронологических отличий может быть высказана гипотеза о том, что ферганские и ташкентские катакомбы — результат влияния гуннов и их культуры на своих западных соседей: на южную группу кангюй, а также на племена Ферганы и Осрушаны.

В 1945 г. в Арпе были продолжены раскопки курганов второй Бурмачапской группы. Раскопаны были еще четыре кургана. Два из них оказались начисто разграбленными и исковерканными норками сурков. В одном из них была найдена сильно окисленная железная пряжка «прототюркского типа», видимо от подпруги. Она имела сравнительно большую рамку (около 3 см в диаметре) и подвижной язычок. От костяка сохранились только обломки костей. Глубина колодцеобразного дромоса 2.15 м, высота катакомбы 0.8 м, ширина 0.7 м, длина 1.8 м. Два кургана дали сохранившиеся детские захоронения в погребениях катакомбообразного типа: небольшой дромос в виде овального отверстия как бы очерчивал могильную яму, далее начинался сферический подбой, в котором помещались детские захоронения. В одном случае вход в могилу был перекрыт каменными плитами, обмазанными раствором в виде цемянки. На плитах лежали два черепа лошади, расположенные параллельно друг другу по оси З—В. Внутри катакомбы лежали два детских скелета, примерно годовалого возраста, обломки полусгнившего дерева и горшков с отломанной ручкой в виде опрокинутого конуса, грубой работы, серого цвета (поверхность и излом). Горшок стоял в ногах костяков. Другая катакомба дала одиночное детское погребение. Ребенок лежал головой на С, на костях черепа имелись следы деформации. У левой ноги лежал сумак (мочеотводная трубка в детской колыбели). По своим размерам катакомба имела обычные для этой группы курганов размеры (1.20×0.70 м, высота 0.7 м; рис. 29).

Раскопки в Арпе в третьей Бурмачапской группе показали, что открытая в 1944 г. катакомба — не случайная, а типичная форма захоронения для курганов этого типа, т. е. курганов с мягкими земляными насыпями и с ровиком вдоль полы кургана. Эти курганы, как мы указали, описывая раскопки 1944 г., относятся к гуннскому периоду и синхронны курганам Кенкола. Учитывая, что кенкольские курганы с катакомбами не имеют таких внешних признаков (быть может в силу своего расположения на крутом склоне горы), мы в дальнейшем для обозначения курганов с катакомбами этого типа будем их именовать «бурмачапским типом», в отличие от синхронных им курганов «кенкольского типа». Как мы уже указывали в своем отчете,[1] курганы бурмачапского типа моложе курганов кенкольского типа. Весьма любопытно и то обстоятельство, что краниологический материал (один возмужалый женский и 3 детских черепа), по определению В. В. Гинзбурга, дал метисированные деформированные черепа, близкие к кенкольскому типу.

По ущельям хребта Нарын-тоо на конусах выноса расположены курганы различных типов. Часть из них была отмечена нашей экспедицией еще в 1944 г. как в районе моста через р. Нарын, так и непосредственно у г. Нарына, в урочищах Чыргаил и Аламышик. Аламышикская группа фактически продолжает группу Чыргаилскую. Она отстоит от Чыргаила на некотором расстоянии, сама распадается на несколько участков и содержит в себе несколько типов насыпей (рис. 8).

[1] Кенкольский могильник. Л., 1940; ср.: Из истории гуннов I в. до н. э. Советское востоковедение, I.

[1] Изв. КиргФАН, вып. 2—3.

Типы эти следующие. I — прямоугольные выкладки из относительно крупных камней до 0.50 м в диаметре; размеры выкладок до 3 м; II — кольца из камней такого же размера, иногда с одним камнем в центре; III — концентрические круги с эллипсовидным рисунком края могильной ямы в центре, обозначенным выкладкой из камня; IV — эллипсовидные могильные выкладки из камня малых размеров; V — плотная укладка камнем насыпи и выкладки вокруг насыпи иногда в виде двух концентрических кругов; насыпь состоит из земли и щебня; VI — курганы с насыпью из земли и камня, высотой до 0.60 см.

пинок, которые не дают возможности организовать водопой для большого стада. Местность Чыргаил—Аламышик является исключением: берега Нарына здесь пологи, спуск к реке удобен и имеется обширная площадка, куда можно подгонять большое стадо. Здесь, несомненно, было древнее поселение, свидетельством чего и являются обнаруженные здесь могильники. Это наблюдение в районе Аламышик целиком подтвердилось и дальнейшей разведкой по маршруту Нарын—Алабука, что дало возможность установить определенный закон расселения кочевников по высоким берегам Нарына и понять причину пустынного характера долины Нарына

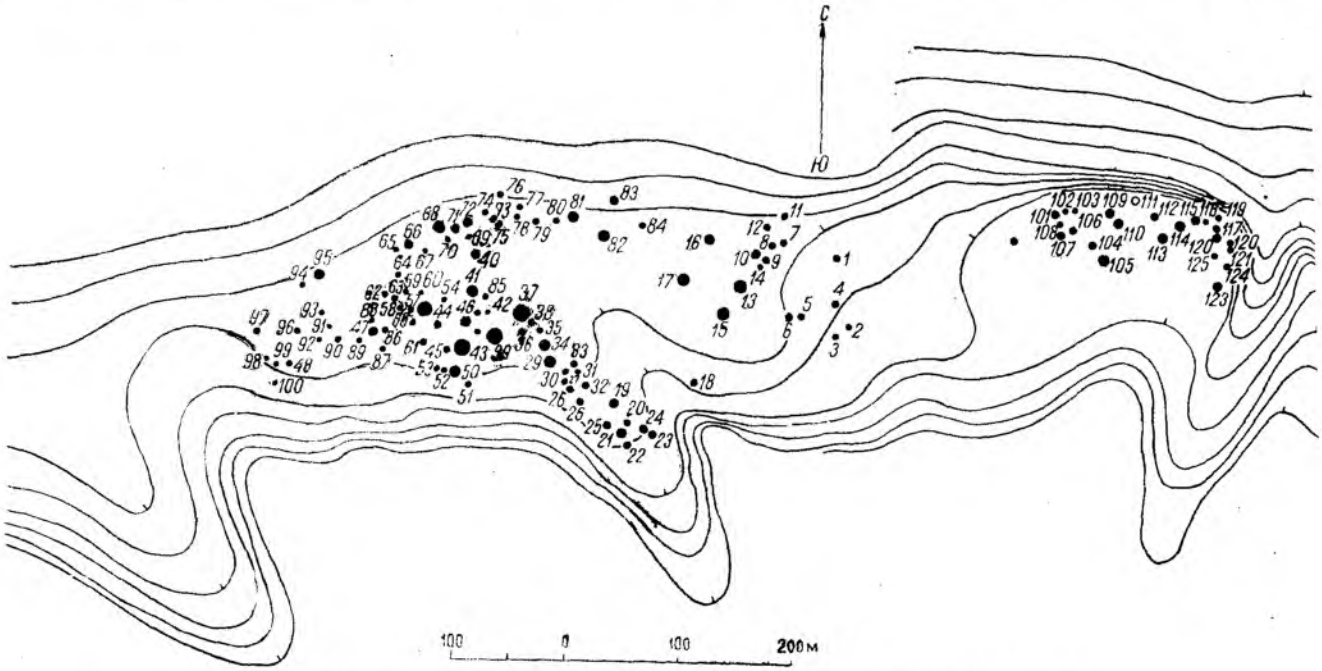


Рис. 8. Центральный Тянь-шань, Нарын, Аламышик. План могильника.

Насыпи всех типов, за исключением V, расположены по гребням водоразделов и конусов выноса из малых отщелков ущелья Аламышик; насыпи V типа обнаружены на пониженной площадке между конусами выноса. Расположение могил в основном меридиональное.

Обследование местности привело к одному весьма любопытному и важному выводу. Комплекс Чыргаилского и Аламышикского некрополей тяготеет к тому месту течения Нарына, где он, выходя из глубокого каньона, расширяет свои берега и создает удобный пологий подход к воде. Несомненно, что могильники складывались в непосредственной близости от населенного пункта, стоянок (зимовок) кочевников. Последние могли создаваться только там, где был обеспечен удобный водопой значительному стаду. Нарын, как правило, имеет очень неудобные для этих целей берега — высокие и отвесные, лишающие возможности подгонять к водопою скот; а если в отдельных случаях и существуют подходы к воде, то в виде тро-

в древности на ряде участков по его течению.

Раскопки 1945 г. в группе Аламышик дали следующие результаты. Здесь было раскопано только 4 кургана (из-за недостатка рабочей силы), по внешним признакам принадлежащих ко II, III и V типам.

В одном случае (К 1, Аламышик V), в кургане размером 3×5 м, обведенном кольцом из камней, под каменной насыпью на глубине 0.8 м оказалась разрушенная могильная яма с остатками костей ребенка, черепками сероглиняной керамики и остатками дерева. Судя по профилям керамики и ее технологическим данным, она может быть отнесена к группе сако-усуньской. Во второй аналогичной насыпи-выкладке в виде кольца с камнем посередине (К 1, Аламышик III, диаметр 2 м, высота 0.30 м) найден лишь небольшой фрагмент керамики. Курган испорчен сурком или начисто разграблен. Возможно, что раскопанный курган является либо жертвенным местом, либо

условным погребением. Оба кургана по сходству насыпи можно датировать одним и тем же временем, т. е. IV—III в. до н. э.

Из двух других курганов один (К 7, Аламышик IV), со сплошной выкладкой из камней по верху (диаметр 3 м, высота до 0.50) и ясно очерченным кольцом, после снятия насыпи дал на глубине 0.80 м кости человека, остатки дерева и фрагменты сосуда в виде цилиндрического котла, серого цвета на поверхности и в изломе, со сплошными ручками в виде выступов по краям. Этот тип котлов известен и по находкам на трассе Большого Чуйского канала, где по комплексам находок он был датирован раннетюркским временем. Очевидно, что курганы со сплошными каменными выкладками должны быть отнесены к этому времени. Второй курган (К 41, Аламышик IV, диаметр 5×6 м, высота 0.50 м) дал на глубине около 1 м могильную яму размером 0.90×1.80 м. В ней оказался ориентированный головой на З костяк, слегка потревоженный грабителями. Около костяка мужчины были найдены две сферические чашечки, лепные, по типу напоминающие усуньскую посуду, но более архаичного облика (лепка без шаблона), относимые нами к сакскому периоду, и одна бронзовая подвеска в виде колечка. Череп, обнаруженный в могиле, по определению антрополога В. В. Гинзбурга, — европеоидный, приближается к андроновскому типу. Подвеска и сосуды несомненно позволяют датировать курган, насыпь которого состоит из двух концентрических кругов со сплошной забутовкой центра мелкими камнями, сакским периодом V—IV в. до н. э.

Таким образом, раскопки в Аламышике показали, что все разновидности каменных курганов с вариантами кольцевидного рисунка в насыпи относятся к сако-усуньскому периоду, а курганы со сплошным каменным покрытием — к тюркскому. Учитывая, что прямоугольные выкладки с земляной присыпкой, связанные с захоронениями эпохи бронзы (арпинский тип), в Аламышике отсутствуют, можно было предположить, что в нем представлены в основном только сако-усуньские и тюркские типы. Кольцевые выкладки, как показал Кеминский курган, — *сакского времени*, что подтверждается раскопками в Аламышике. Круглая в основании насыпь с каменным сплошным покрытием с землей, — тюркского периода. В остальных случаях под такого типа насыпями встречаются и относящиеся к более раннему времени погребения (усуньские).

Резюмируя наблюдения 1945 г. на Аламышике, в свете данных по раскопкам курганов в Семиречье, можно утверждать, что концентрические круги из камней в курганных насыпях — первый и довольно твердый признак для отнесения погребения к сако-усуньскому периоду, сплошное же каменное покрытие — к усуне-тюркскому, чаще всего к тюркскому периоду, особенно если в насыпях много земляной присыпки; каменные выкладки без повышения над дневной поверхностью — жертвенные места сакского времени; прямоугольные выкладки с земляной присыпкой — могилы и жертвенные места эпохи бронзы; земляные насыпи без камней — курганы с катакомбами эпохи гуннов.

Оказавшиеся разграбленными могилы по правому берегу р. Атбаш (непосредственно у поселка), по типу захоронения близкие к рубежу н. э., дали в одном случае (К 2) конусовидно деформированный монголоидный череп женщины с андроидно-европеоидной примесью, во втором случае (К 1 и разрушенный курган) — европеоидные мужские черепа, близкие к типу Среднеазиатского междуречья (определения В. В. Гинзбурга).

Таковы данные по классификации курганных насыпей Центрального Тянь-шаня, на основании работ на Тянь-шане в 1944—1945 гг. Этими внешними признаками мы и руководствовались для предварительной датировки курганных групп по Нарыну и его притоку Алабуке в разведке 1945 г.

Разведка, совершенная экспедицией по р. Нарыну и Алабуке, прошла по следующему маршруту: от города Нарына на З через перевал Ак-кия на слиянии р. Атбаш с Нарыном, через Куланак, Учкюн, Ак-тала и Угут. От Угута экспедиция повернула на Ю по течению р. Терек-су в Дюрбельджин и снова на З, через Ак-чий и Саз, по долине Ак-сай в Узгуруш и в ущелье Каратала к р. Алабуке; по Алабуке мимо Чолок-кургана, в местность Конорчек к крепости Ширдакбек и дальше до Джергетала. Здесь, на берегу р. Алабуки, у моста через реку, где проходит дорога в Токуз-тарауский район, экспедиция завершила свой маршрут и повернула обратно. Таким образом, в основном экспедиция прошла среднее течение Нарына и большую часть течения р. Алабуки между горами Ак-шийряк и Джаман-тоо.

Наблюдения экспедиции в этом районе распадались на две части: во-первых, исследование топографии расселения кочевников по могильникам; во-вторых, изучение памятников *оседлой*, земледельческой культуры (район крепости Ширдакбек).

Касаясь первой группы наблюдений, следует отметить прежде всего общие вопросы топографии памятников кочевых народов, выявленных по вышеупомянутому маршруту.

Как и во всем Семиречье, курганные группы расположены по устьям горных ущелий, в которых протекают горные речки. Могильники локализуются только по горным, относительно мелким речкам Тянь-шаня. С такой крупной водной магистралью, как Нарын или Алабука, они связаны только в том случае, когда берега последних дают доступ к воде большому стаду. Вышеотмеченный пример Аламышик-

ской группы оказался типичным для всей осмотренной части долины Нарына и Алабуки.

Характерно, что в районах расположения древних курганов в основном сосредоточены и современные поселения. Так, например, первая большая группа за Аламышиком была зафиксирована к З от горного выступа Ак-кия (курганы с каменными и земляными насыпями типа усуньских и тюркских), а затем в районе Джаны-булака.

Аналогичные курганы в количестве нескольких десятков насыпей расположены на водораздельной возвышенности поблизости с. Куланак, а также возле селения Учкюн, в районе колхоза «Пионер». Курганы в районе колхоза «Пионер» уже связаны не с горными — весьма маловодными — речками, а скорее с относительно низкими берегами Нарына. Этот район был очень пустынен и в древности. Могильники, кроме Куланакской и Учкюнской групп, в этом районе весьма малочисленны и, судя по внешнему виду и основному плану расположения, принадлежат, вероятнее всего, к кругу усуньских памятников. С берегами Нарына на этом участке связаны, видимо, и курганы, тяготеющие к современному селению Акталчат (или Ак-тала).

Таким образом, на участке р. Нарын, от г. Нарын (точнее от Аламышика) до Угута (отсюда дорога сворачивает на Ю в Дюрбельджин по течению р. Терек-су, притоку Нарына, и уходит от Нарына на Ю), т. е. на расстоянии примерно в 100 км, были отмечены 5 могильников, а именно: Аккийская, Джаныбулакская, Куланакская, Учкюнская и Акталчатская группы. В среднем, каждую группу курганов разделяло расстояние в 20 км по течению реки. Учитывая малочисленность могильников, их принадлежность, в основном, к одной эпохе — сако-усуньской, — можно говорить о редком здесь населении в древности. Характерно, например, что на 55 км предгорий Заилийского Ала-тау (Алма-ата — Узунагач) мы в свое время зафиксировали 11 больших могильников, а именно: Узунагачскую, Каргалинскую I и II, Чемолганскую, Каскеленскую I и II, Тастекскую, Большую Алмаатинскую I и II, Малую Алмаатинскую I и II, не говоря о ряде малых групп. Все эти могильники, как правило, имели сотни курганов, а не десятки, как на вышеописанном участке. Таким образом, в Заилийском Ала-тау по р. Или на могильник приходилось примерно 5 км, т. е. почти в четыре раза меньше, чем по Нарыну, а если учесть и соотношение количества курганов в каждом могильнике, то цифра возрастает раз в десять. Несравненно плотнее насыщены курганами также восточные берега оз. Иссык-куль и Чуйская долина.

Эти археологические факты, говорящие о незначительной плотности населения на данном участке побережья р. Нарын в древности, и топография могильников, совпадающая с современным расселением, свидетельствуют, что природные и климатические особенности Нарына, очевидно, стабильны по крайней мере уже две с половиной тысячи лет (с эпохи сако-усуней), что и определяло для кочевников одни и те же формы расселения и плотность населения.

Несколько большую плотность следов древнего населения мы наблюдали, выйдя из ущелья Терек-су на Дюрбельджинском плато к С от гор Джаман-тоо. Здесь мощные курганные группы, расположенные цепочками, пересекали почти все плато. Курганные группы сако-усуньского типа были отмечены на Дюрбельджинском плато, по ущельям Ак-чий, в районе урочища Саз, не доезжая до него 2 км, мы отметили каменные выкладки эпохи бронзы. Здесь дорога идет по небольшой терраске. Курганы сако-усуньского времени расположены ниже этой террасы. Таким образом, на участке в 15 км были отмечены «головы» не менее четырех больших групп курганов сако-усуньского типа. Если к этому добавить большую группу прекрасно сохранившихся курганов по левому высокому берегу ущелья Ак-сай (с рекой, пересыхающей летом), то картина становится ясной — здесь плотность населения в древности была выше, чем по Нарыну. Несмотря на то что Ак-сай пересыхает, все лето действуют карасуки и сазы в устье Ак-сая, над которыми находятся могильники и выше которых по течению р. Ак-сай и ныне расположены селения. Курганы здесь несколько особого типа. Они очень хорошо сохранились и достигали полуметра высоты при диаметре в 5—6 м.

Отсюда (через перевал Каратала) экспедиция спустилась в долину р. Алабуки, левого притока р. Нарын, текущего у южной подошвы горы Ак-шийряк. Картина расположения могильников здесь несколько изменяется. В связи с рельефом местности, здесь, особенно на участке Конорчек—Джергетал, почти нет длинных мощных цепочек. Район Каратал—Конорчек, занятый большой поймой и хорошими пастбищами, почти не имеет курганных групп. Однако за с. Конорчек, особенно в районе оазиса Ширдакбек (о нем см. ниже), количество курганов резко возрастает. Так, курганы отмечены непосредственно к В от Ширдакбека, а главным образом к З от него, по верхнему течению р. Алабуки до Ферганского хребта. Особенностью отмеченных здесь шести основных курганных групп является их разновременность — от эпохи бронзы до тюрок включительно. Особо интересны каменные насыпи сако-усуньского типа с ярко выраженными концентрическими кругами (аламышикский тип) в районе ущелья Джергетал. Земляные с камнем насыпи отмечены по берегам Кызылсая у крепости Ширдакбек (постройки в оазисе VII—XII вв., крепость X—XII вв.) и несколько к З от нее, — вероятно, тюркского времени. Несколько позднее это был район обитания воинственных племен ягма.

Курганы мы отмечали и на левом берегу р. Алабуки, на территории колхоза «Май», Коштюбинского сельсовета, Токуз-тарауского района.

Таким образом, на пройденном маршруте в трех зонах — по течению р. Нарын, на Дюрбельджинском плато и в долине Алабуки — мы встретились с тремя типами древнего расселения кочевников.

По Нарыну концентрации курганов отмечались у разливов р. Нарын и по водным горным потокам. Ограниченное количество тех и других говорит о редком и концентрированном расселении. По Дюрбельджинскому плато, пересеченному большим количеством саев и многочисленными сазами и карасуками, наблюдается резкое увеличение плотности расселения, сказавшееся в часто встречающихся могильниках с большим количеством насыпей в каждом. Размеры насыпей резко варьируют.

По течению р. Алабуки курганы расположены, главным образом, в среднем и верхнем течениях ее, ближе к перевалам Ферганского хребта, и почти отсутствуют в нижнем течении, где и без того узкая долина в основном занята поймой. Очевидно, здесь наряду с географическими условиями немалую роль сыграли и чисто исторические условия, о которых подробнее скажем ниже. Теперь же только отметим «силу притяжения» Ферганы, трассы торговых путей для тюркского периода, что явилось причиной возникновения оазиса Ширдакбек.

Другими важными фактами являются, во-первых, повсеместность распространения курганов сако-усуньского типа на обследованной территории и наличие наиболее знатных погребений по территории Дюрбельджинского плато; здесь курганы сако-усуньского типа более мощны, чем во всех других окружающих районах (Арпа, Атбаш, Нарын, Алабука); во-вторых, редкое распространение курганов эпохи бронзы, в основном на прилавках в голове карасуков, — очевидно, стоянки (по аналогии с Чуйской долиной) надо искать ниже по сазам; в-третьих, то, что курганы тюркского типа концентрируются относительно большими группами в местах, тяготеющих к городским центрам и оседлого типа поселениям. Вообще по сравнению с сако-усунями тюрки выступают в относительно малом количестве. Очевидно, развитие городской жизни втянуло значительную часть кочевников в орбиту городских центров и способствовало их концентрации, что резко противоположно децентрализации сако-усуньских племен и их расселению по пастбищам. Нужно полагать, что наличие последнего типа расселения, свидетельствующего об активном использовании всех доступных пастбищ, связано с экстенсивными формами скотоводства, в то время как ограниченность распространения требовала интенсификации скотоводства, а для летних пастбищ сохранения «необитаемых пространств».

Таковы результаты наблюдения над древним расселением кочевников Центрального Тянь-шаня. Учитывая наблюдения предшествующих лет, мы можем полагать, что ныне мы располагаем данными по всем типам расселения кочевников Тянь-шаня в разные эпохи.

Нельзя не признать, что характер расселения в первую очередь определяется географическими и естественно-историческими условиями. Лишь позднее в качестве решающего фактора выступают чисто исторические условия.

3. САКСКИЕ ПАМЯТНИКИ
VI—V вв. до н. э.

Наиболее ранними памятниками, открытыми пока на Тянь-шане в сезон 1949 г., когда мы произвели массовое вскрытие курганов, были погребения раннего «сакского» времени.

Эти погребения резко делятся на два типа, хотя, с нашей точки зрения, они и синхронны. Это, во-первых, «скорченники» в Аламышикском могильнике и, во-вторых, грунтовые погребения Джергетальского могильника. К этой же группе следует отнести погребение в Кырчине на Иссык-куле (рис. 9 и 10).

Что это за могильники?

Аламышикский могильник, как мы выше указали, впервые затронутый нашими исследованиями в 1945 г., тянется по северным склонам хребта Аламышик к З от города Нарын, на левом берегу р. Нарын. Могильник весьма обширный. На восьмистах метрах его центральной части (при ширине площади максимум в 250 м) зарегистрировано 125 погребений, — сооружений разнообразных типов и различного времени. В этом могильнике было вскрыто 30 погребений, из которых четыре (44, 58, 66, 68) и дали интересующие нас сейчас типы.

Курган № 44. Насыпь кургана высотой 0.48 м, земляная, круглая в плане (диаметр 10 м), с выложенными по ней двумя концентрическими кругами из камня. Диаметр внешнего круга 6 м, внутреннего — 3 м. Все пространство внутри малого кольца заполнено средней величины камнем. Грунтовая могильная яма размером 1.20×2 м засыпана землей и камнем и перекрыта поперек сначала деревянными жердями (диаметр сечения 4—5 см), а затем каменными плитами толщиной 10—15 см. Восточный край могильной ямы ограничен вертикально стоящей каменной плитой (размером 1.36×0.65×0.10 м), пространство за которой длиной 0.60 м на всю глубину могильной ямы заполнено камнем. Костяк мужчины лежит на глубине 0.84 м (от дневной поверхности), головой на З, на левом боку (лицом на С), в позе спящего: голова на каменной «подушке» (сколотая с двух сторон каменная пластина овальной формы размером 19×11×4 см), рука под подбородком, колени согнуты (бедренные кости с позвоночником составляют прямой угол, а с костями голени — острый). У пояса захороненного лежал брон-

Рис. 9. Тянь-шань, северный берег Иссык-куля, Кырчин. План могильника.

зовый нож длиной 15.5, шириной 1.5 см, слегка изогнутый, с тупой спинкой, с кольцом вместо рукояти (диаметр 2 см). Рядом с ножом лежал каменный оселок (длина 14 см, ширина 4.5 см, толщина 1.8 см) с дырочкой для подвешивания. Верхний и нижний концы оселка несколько сужены и закруглены (рис. 11 и 12).

Курган № 58. По основанию слабо выраженной земляной насыпи (высота 0.17 м) выложено из камня кольцо диаметром 5 м. В центре насыпи овальная каменная выкладка, вытянутая с З на В (диаметры 2.7 и 2 м).

Курган № 68. Насыпь кургана высотой 0.54 м, из камня, засыпанного землей. Поверхность задернована, однако выделяется выкладка из камня в виде двух колец неправильной формы. Внешнее кольцо (по основанию) диаметром 6 м; внутреннее кольцо, диаметром 4.5 м, несколько смещено к ЮВ от центра кургана.

Курган грабленый: на всей глубине вытянутой с СЗ на ЮВ могильной ямы, размером 1.70×0.70 м, встречаются фрагменты керамики, кости мужчины и угли. Керамика ручной лепки (чаша?) из грубого, с примесью дресвы,

Рис. 10. Центральный Тянь-шань, долина Алабуки, Джергетал. План могильника.

Могильная яма размером 2×1.2 м расположена под овалом и ориентирована по оси ЗВ. В ней, на глубине 0.70 м (от дневной поверхности), в беспорядке обнаружены кости погребенного мужчины (результат ограбления). Судя по костям рук и ног, скелет лежал в скорченном положении, на боку, головой на З. Инвентарь отсутствует.

Курган № 66. Представляет собой овальную, вытянутую с З на В, выкладку (диаметры 4 и 5 м) из одного ряда камней. Внутренняя сторона выкладки задернована. Могильная яма (размером 1.40×1 м), вытянутая с З на В, нарушена в западной половине грабительской дудкой. Кости, встреченные на этом участке на глубине 0.70 м, оказались перемешанными. Лишь на глубине 1 м в восточной части могильной ямы обнаружены нетронутыми кости ног, по которым можно судить, что костяк мужчины лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на З (аналогично скорченному погребению из кургана 44). Черепа не оказалось. Инвентарь отсутствует.

теста, шероховатая в изломе, с закопченной внешней поверхностью; обжиг слабый. Неповрежденная часть костяка обнаружена на глубине 1.30 м (от дневной поверхности), на каменной плите (размером 1.40×0.60 м). Судя по сохранившейся части скелета (кости ног), погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на СЗ. В изголовье костяка стоит вертикально плита из красного песчаника, размером 0.40×0.60 м. Инвентарь отсутствует.

Условно к этому же времени мы относим еще две каменные выкладки (К 48 и К 77), рисунок которых напоминает тип насыпей с вышеописанными погребениями.

Курган № 48. Насыпь кургана, круглого в плане (диаметр 2.60 м), земляная, покрытая средней величины камнем. Высота насыпи 0.35 м. В мягком песчаном грунте, одинаковом по всей площади раскопа, не обнаружено никаких следов могильной ямы.

Курган № 77. Представляет собой овальную, вытянутую с З на В выкладку с диаметрами 1.5 и 2 м. Под выкладкой идет

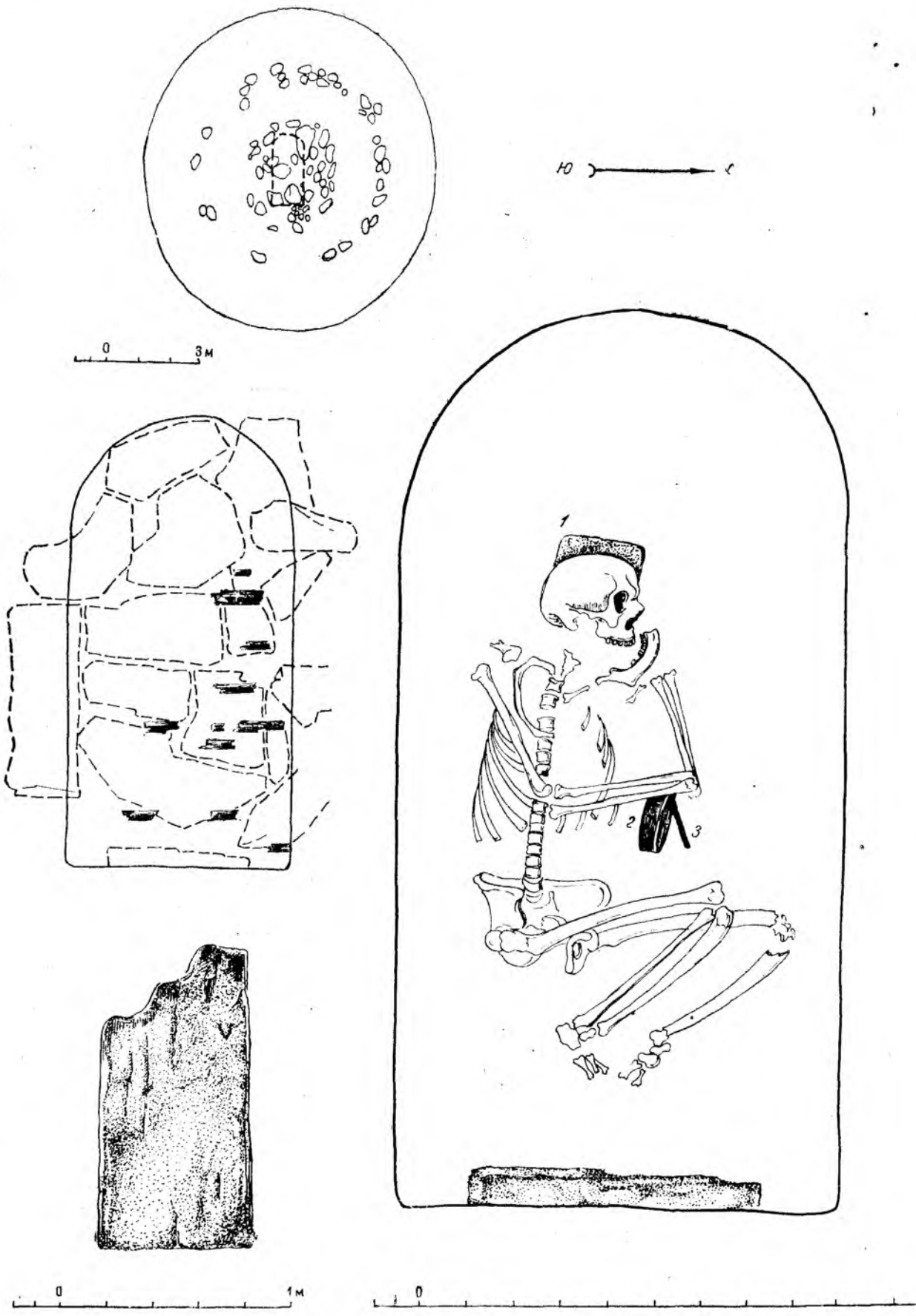


Рис. 11. Центральный Тянь-шань, Нарын, Аламышик. К 44.
1 — камень; *2* — точильный брусок; *3* — бронзовый нож.

однородная лессовая почва без признаков могильной ямы или жертвенного места.

Итак, во вскрытых погребениях ясно выступает единство насыпей и выкладок и способ захоронения в грунтовых ямах, частично обложенных плоскими каменными плитами. Покойники лежат на боку (К 44).

Синхронные, как мы полагаем, погребения оказались и в другом, Джергетальском могильнике. Джергетальский могильник расположен на правом берегу р. Джергетал, стекающей с с.-з. отрогов Джаман-тоо и являющейся правым притоком р. Алабуки. Курганы разных типов и, как показали раскопки, разного времени расположены на площади длиной в 600 м, при ширине до 150 м. В процессе съемки плана могильника было выявлено 78 курганов. Наиболее древними оказались могилы 10 и 25.

К у р г а н № 10. Курган представляет собой невысокую (высота 0.25 м) насыпь из земли и средней величины камня с выкладкой (из более крупного камня) в виде круга по основанию насыпи (диаметр 3 м), в который вписан квадрат со стороной 2 м, ориентированный сторонами по странам света. В могильной яме (размером 2×0.8 м), засыпанной в нижней половине землей, а затем камнем, на глубине 0.75 м (от дневной поверхности) лежит костяк женщины в вытянутом положении на спине, с чуть подогнутыми ногами, головой на СЗ, лицом к Ю. На лбу костяка четыре бронзовые нашивки в виде полусферы (диаметр 5 мм) с дырочками для прикрепления к ткани. На шее ожерелье из сердоликовых и стеклянных бус и пронизок. Стеклянные бусы (65 экз.) черного цвета в виде тонких плоских колечек диаметром 2—4 мм; одна пронизка из позолоченного стекла. Сердоликовых бусин две: одна шаровидная со слегка уплощенной верхней и нижней частью, другая граненая. Две бусины из черного камня (?) (длиной 0.6 и 1 см), удлиненные, в виде прямоугольного бруска со срезанными углами. Две бусины из пасты синего цвета, цилиндрические, длиной 0.5 см. На всех бусах продольные сверлины диаметром 0.5—1 мм.

К у р г а н № 25. Представляет собой выкладку из крупного камня (размером 60×40 см, 70×30 см и др.) в виде двух концентрических овалов, вытянутых с С на Ю. Диаметры внешнего овала 3 и 1.60 м, диаметры внутреннего — 1.30 и 0.80 м. Промежуточное пространство между выкладками забутовано более мелким камнем.

Могильная яма, южный обрез которой совпадает с южным краем малого овала, засыпана камнем. Размеры ее: 2×0.80 м. На глубине 0.10 м (сразу под камнем) над головой костяка мужчины стояла круглодонная (диаметр 12 см) чаша со слегка отогнутой наружу закраиной (диаметр 23 см). Тесто грубое, с дресвой, черное в изломе. На глубине 0.50 м среди засыпи встречено несколько фаланг пальцев руки и фрагмент сосуда черного теста с отпечатками крупной ткани на внутренней стороне и сильно закопченный снаружи. Костяк находился на глубине 0.70 м в вытянутом положении на спине, головой на Ю (с отклонением на 15° к З). Под головой костяка лежал плоский камень в виде «подушки», отчего голова как бы склонилась на грудь.

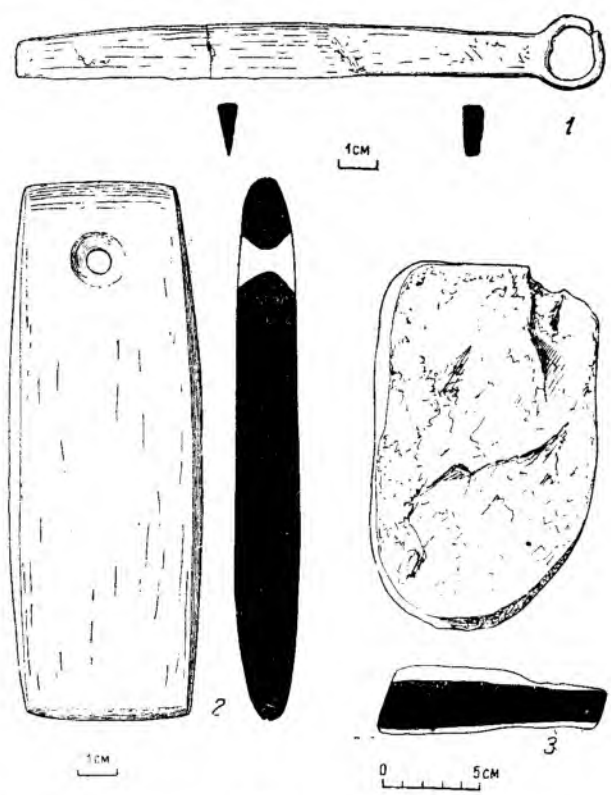


Рис. 12. Центральный Тянь-шань, Нарын, Ала-мышик. Вещи из К 44.

1 — бронзовый нож; *2* — точильный брусок; *3* — кусок гранита.

Около таза костяка лежал бронзовый нож в форме ивового листа, разрезанного пополам. Спинка ножа тупая, лезвие и черенок не расчленяются. Длина лезвия 8 см, черенка 3 см, ширина лезвия 1.3 см. Рядом лежала бронзовая проколка, верхний конец которой в сечении прямоугольный (3×1 мм). Длина проколки 5 см (рис. 13 и 14, *3*).

Хорошей сохранности сакское погребение оказалось в могильнике Кырчин.

Могильник Кырчин (рис. 9) расположен в небольшой долине по течению р. Ак-су, которая впадает в Иссык-куль у с. Семеновского. После 8 км пути по ущелью от с. Семеновского вверх по Ак-су открывается богатая долина длиной в 8 км, при ширине до 5 км. Долина окаймлена горами и густым лесом из тянь-шаньской ели. Обилие воды и богатая растительность привлекали сюда кочевников, где они располагали богатейшими пастбищами.

Жизнь здесь, видимо, никогда не прерывалась. Только в центральной части долины нами было нанесено на план 86 курганов, расположенных несколькими группами на протя-

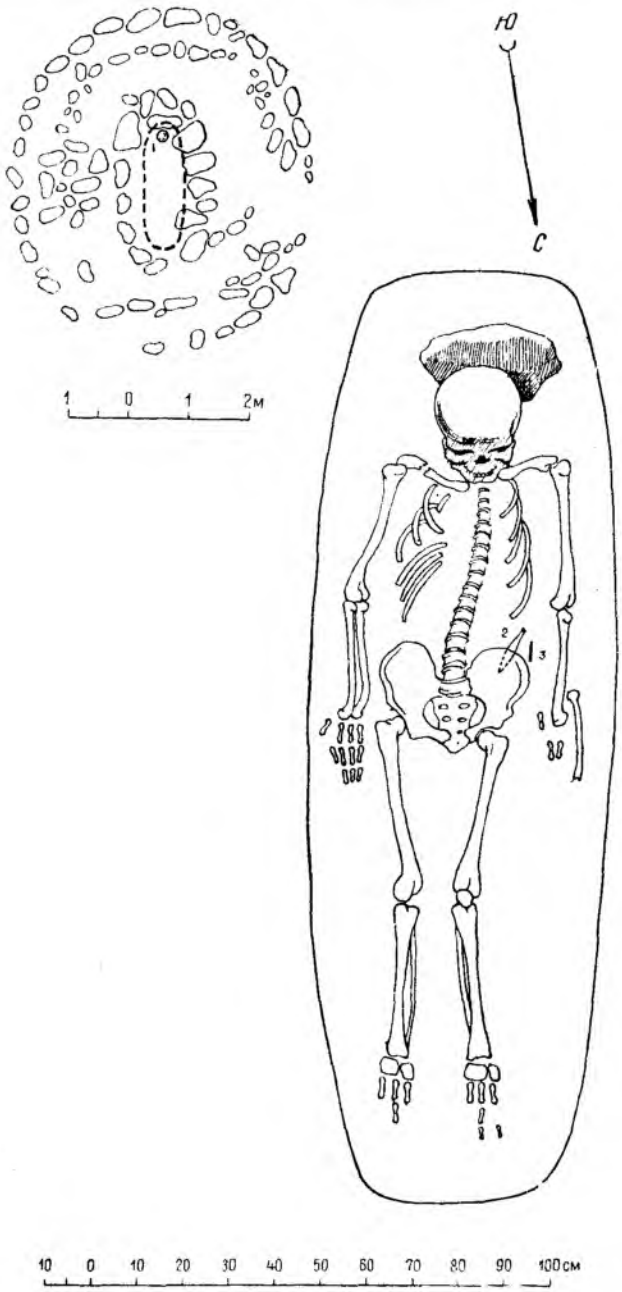


Рис. 13. Центральный Тянь-шань, долина Алабуки, Джергетал. К 25.

1 — глиняная чаша; *2* — бронзовый нож; *3* — бронзовая проколка.

жении около 1.5 км. Курганы оказались самого разнообразного времени — от сакских до раннекиргизских — и самых разнообразных типов. Древние могильники обрастали более поздними погребениями, в старые курганы впускались более поздние могилы. Здесь, в долине Кырчин, был в 1947 г. открыт комплекс жертвенников сакского времени,[1] в боковых отщелках найдены тюркские каменные изваяния. Издавна эта долина была явно заповедным, культовым местом. Один из раскопанных здесь курганов (К 3) дал хорошо сохранившееся сакское погребение.

К у р г а н № 3. Насыпь кургана земляная, покрытая сверху камнем (диаметр 11 м, высота 0.70 м). Вершина несколько смещена к СВ и засыпана крупным камнем; вокруг нее выложено кольцо, диаметром 3.5 м; к нему примыкает несколько малых колец неправильной формы. В насыпи, сразу под дерном, встречены две кости коровы. Глубже (0.10 м и 0.80 м) найдены три фрагмента от плоскодонного сосуда баночной формы, сделанного из грубого теста с большим количеством дресвы; в изломе и снаружи тесто темносерого цвета. На глубине 0.40 м лежал фрагмент сосуда из теста оранжевого цвета, с примесью мелкой дресвы.

Под насыпью открыто три погребения: одно основное ($П_1$) и два впускных ($П_2$ и $П_3$).

Основное погребение несколько смещено к С от центра насыпи и расположено на глубине 0.80 м (от дневной поверхности). В грунтовой могильной яме лежал хорошо сохранившийся, не потревоженный костяк мужчины: в вытянутом положении на спине, головой на З, лицом вверх. На шее костяка было надето ожерелье из 14 бусин — пастовых (8 экз.) и стеклянных (6 экз.), — чередующихся через одну. Стеклянные бусины все голубоватого цвета в форме почти правильной шестигранной призмы, несколько утолщенные в центре; все они имеют цилиндрические сверлины диаметром 2—2.5 мм; высота бусин 11—19 мм, ширина 7—13 мм. Пастовые синие бусины круглые, сплюснутые по вертикальной оси, инкрустированы (пастовыми же) черными «глазками» на белом фоне с орнаментом в виде «змейки» между ними. Число «глазков» на бусах различно: 4 или 6. Высота бусин 5—9 мм, диаметр 8—13 мм; диаметр сверлины 2—3 мм.

Одна стеклянная бусина такого же типа, как вышеописанные (длина 15 мм), лежала у плечевой кости правой руки (возможно, скатилась с ожерелья). У колена левой ноги лежала половина крупной (диаметр 22 мм) шаровидной костяной бусины. Во рту костяка лежала кость барана. Справа от головы стояли два сосуда. Один — круглодонный кувшин грушевидной формы (высота 18.4 см), лепной без шаблона, тесто красное с дресвой, закраина (диаметр 9.4 см) слегка отогнута наружу; диаметр наиболее широкой части тулова 12 см. Второй сосуд — чаша (диаметр 23 см, высота 10.5 см), круглодонная, толстостенная; закраина без венчика. Тесто слоистое, в изломе двуцветное — красное и черное, с при-

[1] Б. З и м м а. Иссык-кульские жертвенники. Фрунзе, 1940. См.: Б е р н ш т а м, СА, XI.

месью дресвы; снаружи серого цвета. В чаше лежала стеклянная бусина (длиной 20 мм) и круглая бирюзовая (?) (диаметр 7 мм, высота 4 мм). На груди костяка, у левой ключицы — угольки.

Впускное погребение $П_2$, расположенное над $П_1$, подверглось ограблению. Кости женщины лежали на глубине 0.30 м (от дневной поверхности) в беспорядочном положении, заваленные камнем. Сохранился череп и кости верхнего пояса. Костяк, очевидно, лежал головой на СЗ. Здесь же находилась челюсть барана. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Третье погребение мужчины ($П_3$) находилось на глубине 0.40 м (от дневной поверхности), в полутора метрах к Ю от $П_2$. Оно представляло собой груду беспорядочно расположенных костей: кости рук и ног, таза, ключицы. Черепа не оказалось. Рядом лежал скелет какого-то мелкого животного. Под костями ног замечены мелкие кусочки бронзы.

Описанные выше могилы обладают рядом общих черт и близки по времени возникновения. Вскрытое нами погребение в Кырчине (К 3, $П_1$) по ориентировке (головой на З), конструкции насыпи и типу посуды сходно с указанными погребениями в Аламышике и Джергетале.

Вся серия погребений сближается по следующим данным: 1) характер кромлехной насыпи; 2) некоторое сходство ориентации покойника, в основном головой на З; 3) положение головы на каменной подушке; 4) отсутствие железных изделий и наличие изделий из бронзы.

Однако эти же курганы и отличаются друг от друга — прежде всего положением костяка (на спине или скорченно на боку) и различной ориентировкой погребенных (Джергетал).

Из всех этих погребений собран следующий датирующий инвентарь (рис. 14): бусы (Кырчин 3), бронзовые ножи (Аламышик 44, Джергетал 25), круглодонная грубая посуда (Джергетал 25, Кырчин 3).

Сближая эти три группы погребений, мы допускаем некоторое хронологическое, а главное этническое различие между ними.

Наиболее ясными для датировки являются курганы Джергетал 25 и 10, Аламышик 44, Кырчин 3. Они различны по ориентировке погребений (Ю и З). Все костяки лежат с приподнятой головой.

Положение костяков различно: вытянутый (Джергетал 25), слегка скорченный (Джергетал 10) и типичный скорченный (Аламышик 44). Наиболее поздний вариант скорченности встречен нами на Памире — имею в виду I Памирский сакский могильник. Однако у скорченного костяка в Аламышикском могильнике (К 44) лежало точило и бронзовый нож с кольцом. Нож этого типа может быть сопоставлен с енисейскими и алтайскими формами, генезис которых восходит к карасукскому времени. Архаичность трупоположения — результат консервативности обычая у периферийных групп племен; это, скорее всего, этнографическое, племенное явление. По типу ножа и способу погребения нам представляется возможным видеть в этом погребении сохранение традиции алтайского племени майэмирского этапа и относить погребение 44 к VI—V вв. до н. э.

Характерны андроидные черты в расовом типе погребенного. В Джергетальском погребении важно отметить бронзовый нож и шило, обычные для погребений VI—IV вв. до н. э. Укажу, что в Каргалинском погребении в каменном ящике нами были обнаружены аналогичные вещи, которые мы относили к VIII—VI вв. до н. э. Для периода VI—V вв. характерны и полусферические бляшки как украшения, очевидно, от головного убора, известные на Алтае и Енисее, найденные нами в К 10 в Джергетале. В позднемайэмирских курганах Алтая были найдены бусы, идентичные нашим раскрашенным бусам из Кырчина.

Тип наземной выкладки и положение приподнятой головы прослеживаются нами в Джаркимбаевском могильнике, а традиция каменных кладок в могиле — в серии погребений Аламышикского могильника. Однако ряд данных позволяет относить эти могилы к более позднему времени, и мы их выделяем в особый тип. Чем же может быть объяснено различие в пределах одного времени обряда захоронения и отчасти инвентаря в могилах Аламышика и Джергетала, расположенных на достаточно близком расстоянии, во всяком случае в Центральном Тянь-шане, всего в каких-нибудь 200 км друг от друга?

Аламышикский тип скорченников явно сближает эти погребения с погребениями обитателей Алтая. Об этом говорит и андроидный тип погребенных, уже второй раз отмеченный в краниологическом материале этого могильника и, как известно, прослеженный вплоть до Алая (Чакмак). Это дает нам серьезные основания заявлять о том, что начавшееся с андроновского времени (ср. в Центральном Тянь-шане Арпинский могильник эпохи бронзы) проникновение северных «сакских» элементов из Казахстана и Алтая было одним из важнейших влияний на Тянь-шане. Аламышикские погребения скорченного типа свидетельствуют о северном, «сакском» влиянии на Тянь-шане в VI—V вв. до н. э.

Погребения в Джергетале и Кырчине очевидно относятся к местным племенам, утратившим (или не знавшим) обычай скорченного положения погребаемого. Здесь мы видим семиреченский обряд захоронения (положение костяка на спине в грунтовой яме под кромлехной выкладкой) и типично семиреченский инвентарь (керамика, нож).

В отличие от «сакских» аламышикских погребений джергетальский тип (хотя мы относим его к тому же времени) следует связы-

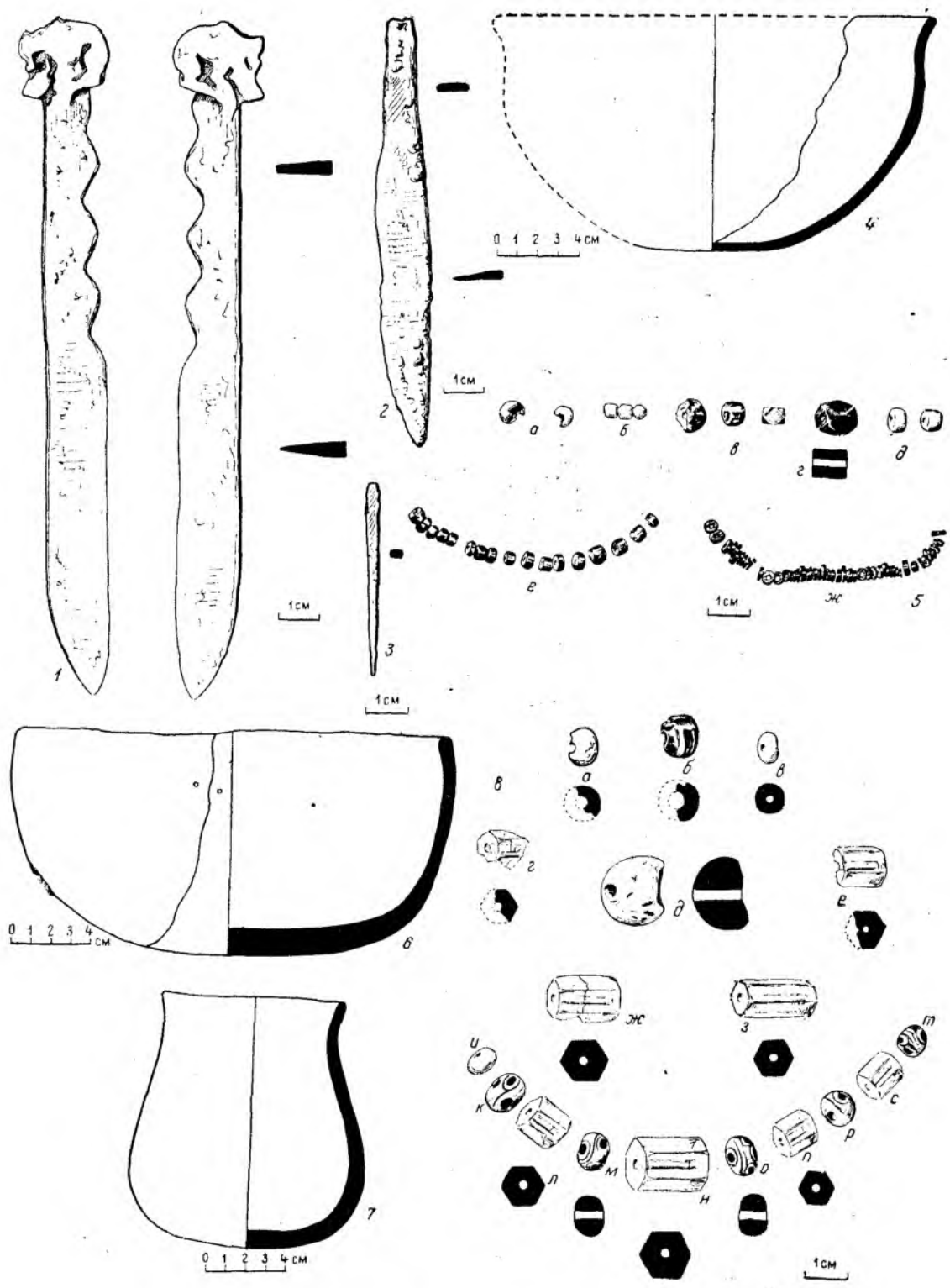


Рис. 14. Тянь-шань. Находки из сакских погребений.

1 — бронзовый нож (северный берег оз. Иссык-куль, случайная находка); *2*, *3* — нож и проколка, бронза (долина р. Алабуки, Джергетал, К 25); *4* — глиняная чаша (Джергетал, К 25); *5* — бусы (*а* — бронза, *б* — стекло с позолотой, *в* — сердолик, *г* — черный камень, *д* — лазурит, *е* и *ж* — черная паста (Джергетал, К 10); *6*, *7* — глиняные сосуды (северный берег оз. Иссык-куль, Кырчин, К 3): *8* — бусы (*а*—*в*, *и*, *к*, *м*, *о*, *р*, *т* — паста; *г*, *е*—*з*, *д*, *л*, *н*, *п*, *с* — стекло; *д* — кость; Кырчин, К 3).

вать с местными сакскими племенами Семиречья и Тянь-шаня.

Среди памятников сакского времени отмечу одну случайную находку — нож из бронзы, полученный нами от жителя с. Каменка, который вытащил этот нож неводом с шестиметровой глубины Иссык-куля (рис. 14, *1*).

Нож представляет собой пластину из желтой бронзы длиной в 18.5 см при ширине 1.8 см. Рукоять длиной в 9.3 см имеет три зубца, навершие украшено фигурой зверька — медведя с подобранными под живот лапами. Голова медведя вытянутая, тупая. Фигура медведя обращена мордой к тупой стороне. Рукоять и рабочая часть с одной стороны составляют одну линию. Тип рукояти с выступами, предназначенными для того, чтобы рука плотнее держала нож, совпадает с типом рукоятей мечей и кинжалов, изображенных на каменных изваяниях, о которых речь будет ниже.

Любопытна стилистическая трактовка навершия. Она близка к навершиям ножа из Майэмира, и сходна с вотивными бляшками из сакских могильников Памира и тем самым отмечает пути распространения (на различных территориях) общего излюбленного мотива.

Указанные аналогии позволяют датировать эту находку VI—V вв. до н. э.

Наряду с европеоидным, памиро-ферганским типом, здесь оказался и андроидный расовый тип.

4. ИССЕДОНСКИЕ (ПРЕДУСУНЬСКИЕ) ПАМЯТНИКИ V—III вв. до н. э.

Весьма сложна датировка и этническая атрибутация серии грунтовых ям под сооружением в виде ясного круга-кромлеха (иногда концентрических кромлехов) или в виде обкладки полы кургана плотно установленными плитами. В том и другом случае эти могилы объединяются принадлежностью к первому или второму типу наземных сооружений. Второй общей чертой является наличие в составе погребального сооружения — внутри наземного сооружения, а главным образом в его «архитектуре» — каменных плит: ими либо укреплены стенки ямы, либо сделано перекрытие.

По этому признаку объединяются в Аламышикском могильнике курганы 9, 10, 12, 13, 34, 39, 62, 105, 110, 113, 114. Из других мест сюда может быть причислен курган № 18 из Джергетальского могильника с ямой, перекрытой каменными плитами, и быть может остальные погребения этого могильника, типа могил 55, 39 и т. д., и погребение в Джаркимбаевском могильнике (К 24) (рис. 15).

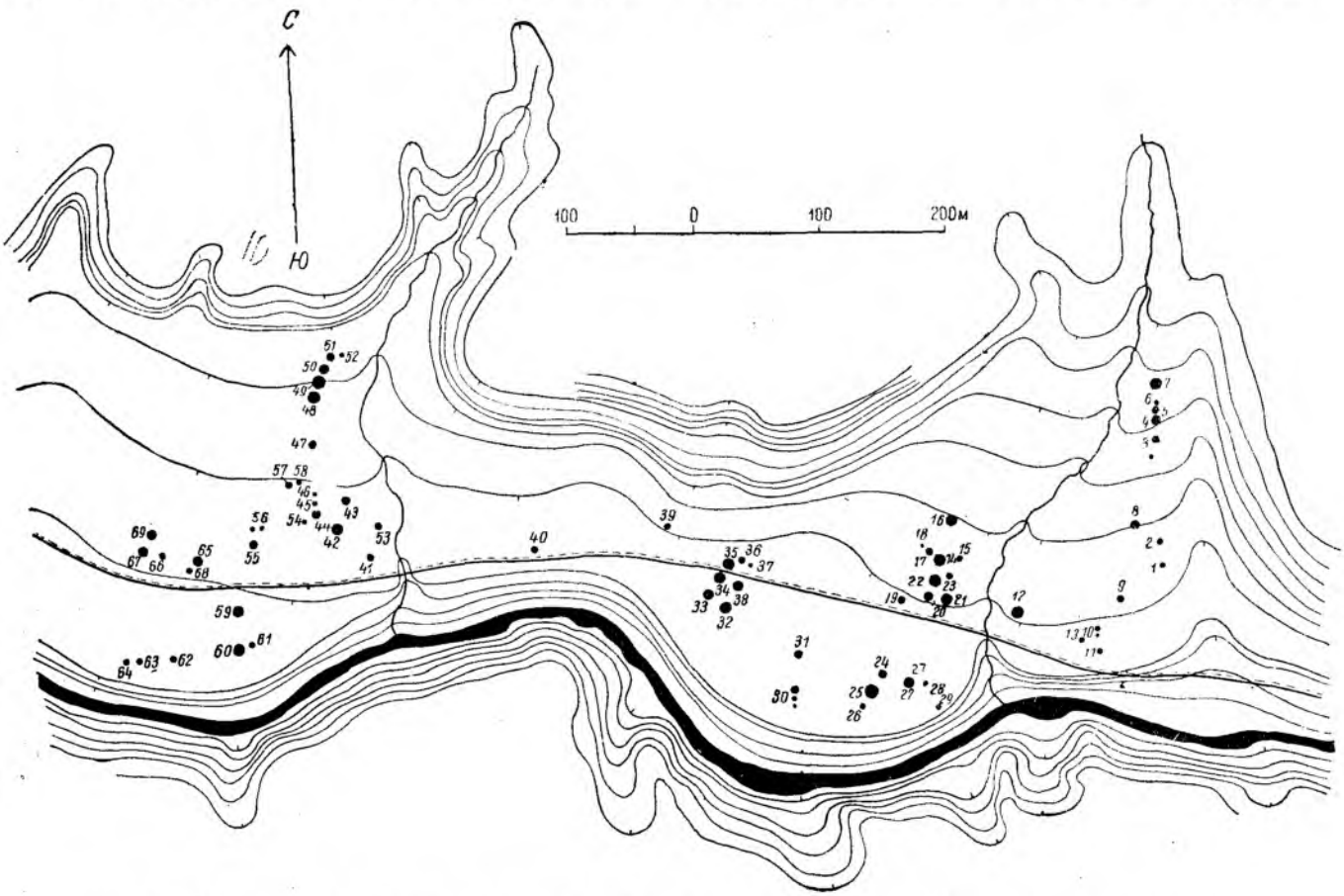


Рис. 15. Центральный Тянь-шань, долина р. Карагуджир, Джаркимбай-булак. План могильника.

В результате раскопок этих курганов оказалось, что часть из них были жертвенными местами или кенотафами (например в Аламышике К 34, 62).

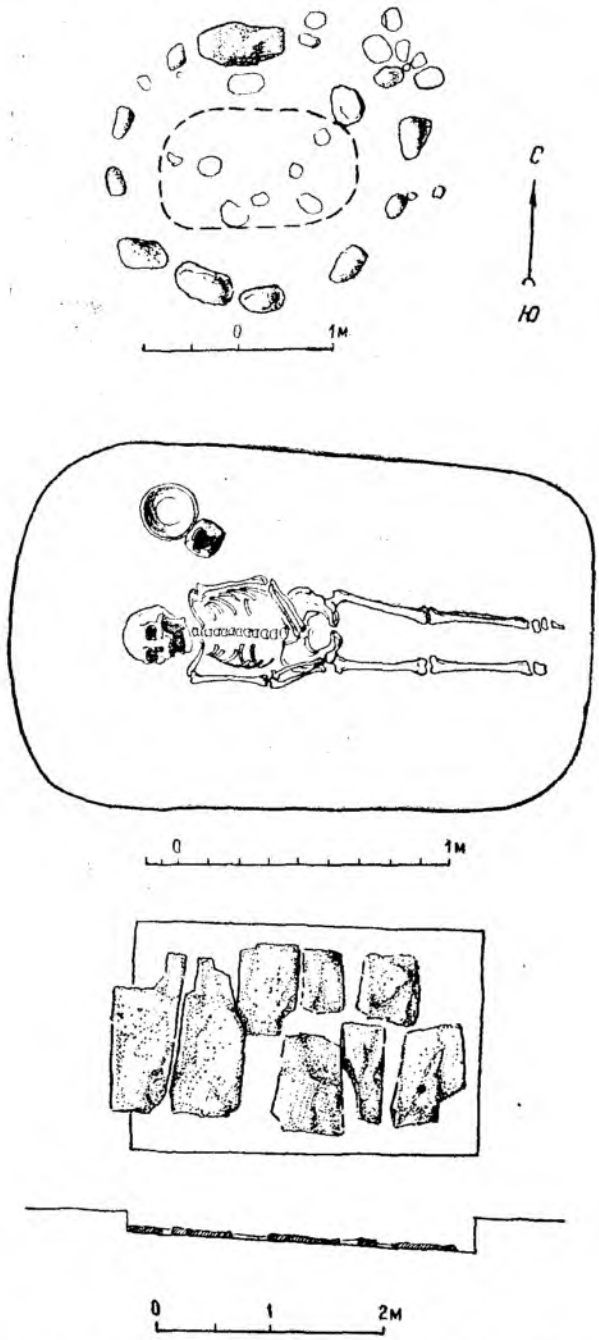


Рис. 16. Центральный Тянь-шань, Нарын, Аламышик. К 9, план и разрез.

Аламышик, курган № 9. Представляет собой плоскую кольцевую выкладку (диаметр 3 м) из крупных камней (0.50××0.50 м). Пространство внутри кольца забутовано более мелким камнем и сильно задернованно. Могильная яма, вытянутая с З на В, размером 2×1.30 м, перекрыта в поперечном направлении каменными плитами, достигающими величины 1×0.60×0.10 м. Костяк женщины лежит на глубине 1.15 м, в вытянутом положении на спине, головой на З, лицо слегка повернуто к Ю, руки скрещены на поясе. Слева от головы стоят сосуды — круглодонная чаша и уникальной формы горшок. Чаша высотой 8.5 см, диаметром (по венчику) 22 см. Стенки, почти прямые, едва расширяются к устью. Закраина слегка отогнута наружу и срезана внутрь под тупым углом к стенке сосуда. Тесто с дресвой, черное в изломе. У второго сосуда круглое дно переходит в четырехгранное тулово, стенки которого постепенно расширяются кверху, затем резко сужаются к обычному круглому устью. Закраина без венчика, в значительной части отбита. Высота сосуда 11 см, наибольшая ширина грани тулова 11.5 см, диаметр горловины 7 см. Тесто рыхлое, с дресвой, черное в изломе (толщина 0.5—0.6 см). Наружная поверхность покрыта черным ангобом и залощена. Рядом с сосудами несколько кусочков древесного угля (рис. 16).

Курган № 10. Почти плоская (высота 0.16 м) овальная выкладка из крупных камней, вытянутая с З на В. В ю.-в. части овала прослеживается выкладка, острым углом обращенная к центру овала (забросанная камнем грабительская дудка). Могильная яма (размером 2.40×1.50 м), ориентированная на ЗВ, перекрыта выкладкой из каменных плит, лежащих плашмя. Часть плит, в результате нарушения порядка грабителями, стоит на ребре. Под плитами, в засыпи могильной ямы, на глубине 1—1.20 м разбросаны кости скелета мужчины. Судя по расположению их (кости верхнего пояса в западной части, нижнего — в восточной части ямы), можно предполагать, что костяк лежал головой на З. Инвентарь отсутствует.

Курган № 12. Полусферическая каменная насыпь, высотой 0.23 м, густо задернованная. По основанию прослеживается кольцо из крупных камней, диаметром 4 м. Под насыпью идет пространство, ориентированное на ЗВ, площадью 2×0.8 м, забутованное каменными плитами до глубины 1.45 м (от дневной поверхности). Часть плит лежит горизонтально, но основное их количество, особенно внизу, стоит на ребре с наклоном в северную сторону. Костяк женщины лежал на той же (1.45 м) глубине, смещенный на 0.45 м к С от нижнего края каменных плит. По всей вероятности, пространство, заполненное плитами, — не что иное как дромос, нижние плиты которого закрывали вход в катакомбу. Свод катакомбы обрушился, но размеры ее (по основанию) удалось установить: длина (с З на В) 2.20 м, ширина 1 м. Костяк лежит слегка повернутый на левый бок, в вытянутом положении, головой на З; лицо несколько повернуто к С; правая нога немного согнута в колене. Справа от головы, ближе к заградительным плитам, на глубине 1.35 м была прослежена выемка от истлевшей круглодонной

деревянной чаши (диаметр 0.22 м), в которой лежал крестец барана.

Курган № 13. Насыпь кургана земляная, сильно задернованная, диаметром 12 м, высотой 0.28 м. Под дерновым слоем, в центре насыпи, выявилась кольцевая выкладка из мелкого камня, диаметром 4 м. Под нею еще одна кольцевая выкладка из более крупного камня, диаметром 3.5 м, — на уровне дневной поверхности. Дальнейшими раскопками, доведенными до глубины 3.20 м (от дневной поверхности), удалось установить, весьма ориентировочно, направление (ЗВ) и размеры могильной ямы (2.20×0.40 м). Вдоль южной и западной стены сохранились остатки плит, стоящих на ребре наподобие каменного ящика. Погребение в значительной степени разрушено грабителями. При вскрытии кургана на различных глубинах (от 1.70 м до дна) встречались кости животных, крестец и кости таза человека (на глубине 2.60 м) в беспорядочном положении. Лишь на глубине 3 м (в восточной части могилы) в нетронутом положении остались лежать бедренная кость и малая берцовая. Контрольный подбой и углубление не дали дополнительных находок.

Курган № 34. Насыпь каменная, высотой 0.35 м, диаметром 7 м. По основанию прослеживается кольцо, выложенное из камня. На глубине 0.55 м (от дневной поверхности) обнаружена выкладка из каменных плит, ориентированная на СЮ, размером 1.90×0.90 м. Под выкладкой галечный грунт со средней величины камнем, примерно 25×30×20 см, а затем, с глубины 1.87 м, — твердый суглинок без камня и гальки. Могильная яма не обнаружена.

Курган № 39. Насыпь кургана из камня и земли (диаметр 11 м, высота 1.12 м), круглая в плане, задернованная. Вершина кургана, диаметром 4 м, без камней. В самом центре ее выложено кольцо, диаметром 2 м. На уровне дневной поверхности, под насыпью из камня, обнаружена часть овальной выкладки, вытянутой с С на Ю. Ширина каменного пояса выкладки 0.30—0.40 м. Под нею на глубине 0.90 м (от дневной поверхности) вытянутая с С на Ю овальная выкладка (размером 2.00×1.75 м), заполненная крупным камнем (один из камней размером 1.05× ×0.50×0.65 м). Далее, на глубине 1.30 м, под камнем обнаружен позвонок барана.

Курган № 62. Снаружи представляет собой плоскую выкладку в виде кольца, диаметром 2 м. Сразу же под этой выкладкой и слоем земли обнаружено пространство (диаметр тоже 2 м), огражденное плитами, поставленными на ребро (часть упала и лежит плашмя). Под плитами на глубине 0.70 м лежали кости барана (лопатка и кости ног) и угольки. Глубже идет однородный грунт без признаков могильной ямы.

Курган № 105. Насыпь кургана земляная, в форме усеченного конуса (диаметр 8 м, высота 0.42 м); склоны насыпи на расстоянии 2 м от основания покрыты каменной обкладкой в виде пояса шириной в 1 м. На плоской вершине кургана выложен из камня спиральный завиток.

Могильная яма (размером 1.80×0.55 м) вытянута с З на В; стенки ее облицованы стоящими на ребре каменными плитами (размером 0.60×0.40 м). От верхнего перекрытия сохранилась только одна плита, перекрывающая яму поперек, и рядом с ней груда беспорядочно набросанного камня — завал грабительской дудки. Курган подвергся ограблению, о чем достаточно ясно свидетельствуют встречающиеся в беспорядке на разных глубинах (0.20 и 0.50 м от дневной поверхности) кости человека (мужчины). Расположение костей ног, таза и костей предплечья показывает, что костяк лежал на спине, головой на З. У западной стенки ямы встречены угольки. Инвентарь отсутствует.

Курган № 110. Курган с земляной насыпью в виде усеченного конуса (диаметр 6 м, высота 0.37 м). Склоны насыпи на расстоянии 1 м от основания покрыты каменным поясом шириной 1.25 м. На вершине выложен из красного камня завиток диаметром 1.5 м.

Могильная яма (размером 1.90×0.60 м) вытянута с З на В и перекрыта беспорядочно набросанными поверх мягкой засыпи плитами. Стенки ее облицованы поставленными на ребро плитами. На восточном краю ямы плиты сходятся под углом. Костяк мужчины лежит на глубине 0.90 м (от дневной поверхности) в вытянутом положении на спине, головой на З, лицом на С. Над головой в засыпи угольки. Инвентарь отсутствует.

Курган № 113. Насыпь кургана земляная (диаметр 6 м, высота 0.35 м), со склонами, покрытыми на расстоянии 1 м от основания каменным поясом шириной в 1 м. Плоская вершина (диаметр в 2 м) без камня. Грунтовая могильная яма (размером 1.70×0.60 м) ориентирована с СВ на ЮЗ и перекрыта каменными плитами. На глубине 0.90 м (от дневной поверхности) лежит костяк мужчины в вытянутом положении на спине, головой на СЗ, лицом на В. Голова приподнята так, что подбородок касается груди. Череп деформирован (?). Инвентарь отсутствует.

Курган № 114. Насыпь кургана земляная, в форме усеченного конуса (диаметр 6 м, высота 0.43 м); склоны кургана покрыты выложенным из камня поясом. Вершина почти без камня.

Могильная яма в виде каменного ящика (стены облицованы стоящими на ребре плитами) вытянута с СЗ на ЮВ, засыпана землей и покрыта сверху одной каменной плитой, лежащей в продольном направлении (размером 1.50×0.40 м). Стенки ямы сужаются книзу (размер по верху 1.90×0.70 м, по дну 1.70× ×0.40 м). На глубине 0.70 м (от дневной поверх-

ности) лежит костяк мужчины в вытянутом положении на спине, головой на СЗ, лицом вверх. Инвентарь отсутствует. Над костяком, в засыпи ямы (на глубине 0.30 м), встречены кости барана.

Джергетал, курган № 18. Курган круглый, диаметр 4 м, со сплошной каменной насыпью, высотой 0.30 м. Могильная яма размером 1.80×0.55 м, засыпана землей и перекрыта плитами длиною от 0.5 до 1 м при ширине 0.20—0.30 м. Перекрывающие яму поперечные плиты ограничены по бокам плитами, положенными в продольном направлении. Костяк женщины лежит на глубине 0.60 м (от дневной поверхности), в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗ, с лицом, обращенным к В. Правая нога костяка слегка подогнута. На груди костяка найдена часть бронзовой фибулы — дужка с загнутым в виде кольца концом. Длина дужки около 2 см, сечение проволоки, из которой сделана фибула, — 1.5 мм. Несколько выше головы костяка, справа, — небольшая (высота 6 см) круглодонная чашечка со слегка расширяющимися кверху стенками. Стенки становятся тоньше к закраине; закраина без венчика (диаметр 10 см). Тесто с дресвой, красное в изломе, серое на поверхности.

Курган № 39. Представляет собой выкладку в виде прямоугольника со сторонами 2.5 м и 3 м, вытянутого с СВ на ЮЗ, заключенного в кольцо, диаметром 5 м. В могильной яме на глубине 0.5 м находился костяк женщины без головы, в вытянутом положении на спине, ногами на СВ. На ЮЗ, там, где должна была находиться голова, лежит плоский камень в виде «подушки». Инвентарь отсутствует.

Курган № 50. Курган с невысокой (0.50 м) насыпью из камня и земли с выкладкой типа кромлеха в виде двух концентрических колец (одно по основанию), диаметром 6 и 2 м, пространство между которыми забутовано камнем. В центре под насыпью расположена могильная яма (размером 1.20×0.80× ×0.40 м), вытянутая с СВ на ЮЗ и ограниченная с длинных сторон вертикально стоящими плитообразными камнями, размером 0.50× ×0.20×0.10 м. На дне ямы лежали кости нижних конечностей и таза мужчины, вытянутых в направлении с СВ на ЮЗ. В районе головы, на ЮЗ, стояла прямоугольная обтесанная плита размером 0.60×0.30×0.10 м. Инвентарь отсутствует.

Курган № 55. Насыпь кургана, высотой 0.25 м, овальной формы, вытянута в направлении с СВ на ЮЗ. Диаметр 6 и 4 м. В насыпи можно проследить прямоугольную выкладку, средина которой засыпана большим количеством камней также в форме овала. Могильная яма, размером 1.80×0.70 м, засыпана в нижней половине землей, а затем камнем.

На глубине 0.75 м (от дневной поверхности) находился костяк мужчины без черепа, лежащий ногами на СВ. Слева около головы стояла круглодонная чаша (высота 8.4 см) черного цвета. Тесто слоится, черное в изломе, с дресвой. Закраина без венчика, срезанная внутрь (диаметр 16 см).

Как видно из описания вскрытия, все курганы объединены конструктивно. Формально это погребения, пережиточно сохраняющие каменные ящики и кромлехи. К сожалению, они дали очень мало инвентаря. Однако некоторые выводы по собранным материалам можно сделать.

Во-первых, кроме указанных черт единства, они отличаются весьма разнообразной ориентировкой, сближаясь, однако, в том, что голова всегда расположена в СЗ четверти в Аламышике и в ЮЗ — в Джергетале.

Во-вторых, они содержали грубую лепную посуду с полусферическим дном.

Особенности погребального наземного сооружения (кромлех) увязывают эти могилы с кругом сако-усуньских памятников типа Берккара и других. Наличие особого типа кромлеха из подобранных уплощенных плит напоминает андроновские курганы Абаевского района Семипалатинской области КазССР. С иртышскими памятниками сближают также каменные конструкции погребальной камеры, типа Кала-джурга и Баты.[1] Каменные ящики раннесакского времени по нашим раскопкам известны в Каргалы I, в Илийской долине. Сходства в конструкции погребальных камер указывают на возможность выделения из общей группы сако-усуньских памятников первой группы памятников этого периода — сакской — и отдельной датировки указанного типа.

Не противоречит этому даже керамика погребения П9 из Аламышика. Уникальным и вне аналогий остается сосуд с ограненным туловом. Из возможных аналогий укажу на черные сосуды сходной формы из Южной Кореи.

Совокупность данных позволяет из всех возможных считать наиболее вероятной датировку IV—III вв. и предполагать, что эти могилы, как и предшествующие им скорченники Аламышика, отмечают «андроидное» влияние на Тянь-шане.

Если каменные конструкции в могилах свидетельствуют о преемственной связи с предшествующим «скифским» типом, с погребениями скорченников, то грунтовые могилы типа К 18, 55 и т. д. доказывают связи с сакскими могилами Джергетала.

Любопытно, что здесь имеется чаша особого типа — с резко отогнутой и утончающейся закраиной (Аламышик К 9); этот тип мы видели в предшествующем по времени К 25 Джергетала и встретились с ним в К 2 Джергеса. Уже один этот факт даст возможность говорить

---

[1] С. С. Черников. Отчет о работах восточноказахской экспедиции 1948 г. Изв. АН КазССР, сер. археолог., вып. 3, Алма-ата, 1951.

о культурном общении населенных пунктов Тянь-шаня, удаленных друг от друга на расстояние минимум в 500 км (Джергес — Джергетал).

Хронологически в связь с этими комплексами должен быть поставлен Джаркимбаевский могильник в долине Карагуджир. Ущелье Карагуджир, по которому течет река того

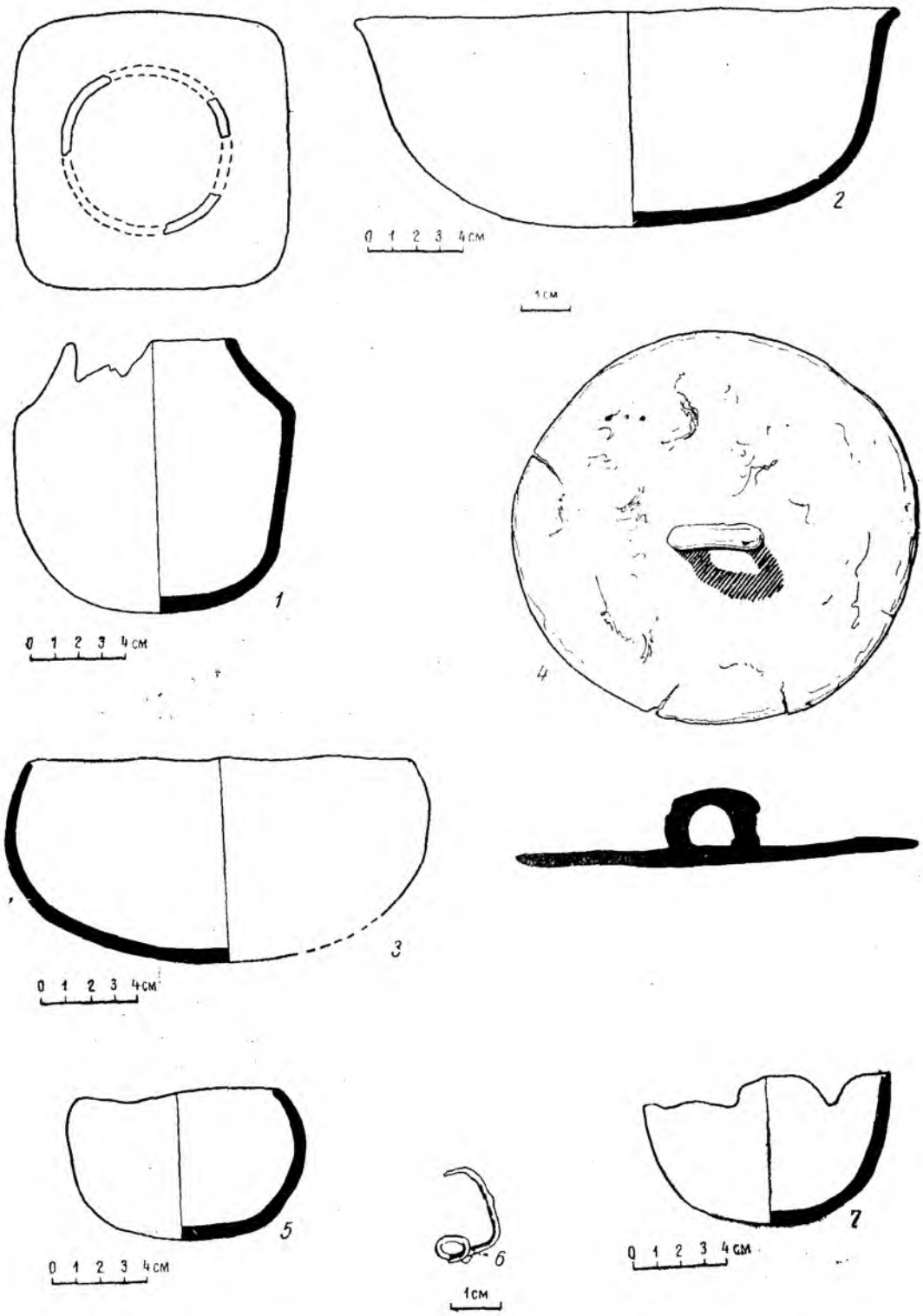


Рис. 17. Тянь-шань. Находки из курганов исседонского (предусуньского) времени.

1, 2 — глиняные сосуды (Нарын, Аламышик, К 9); *3* — глиняная чаша (долина р. Алабуки, Джергетал, К 55); *4* — бронзовое зеркало (долина р. Карагуджир, Джаркимбай-булак, К 24); *5* — глиняная чаша (Джергетал, К 33); *6* — бронзовая фибула (Джергетал, К 18); *7* — глиняная чаша (Джергетал, К 18).

же названия, составляет фактически начало р. Чу. Ущелье тесное, узкое. По временам оно расширяется, образуя малые замкнутые котловины, поросшие богатой травяной растительностью. Все ущелье обильно родниками и малыми речками типа болотец, впадающими в р. Карагуджир, шумную, бурливую и многоводную. В 3 км от входа в ущелье начинается серия малых и больших курганных групп с каменными насыпями. Только в расширяющихся местах ущелья были встречены цепочки каменных курганов, расположенных по линии ЗВ.

Основная часть курганов расположена на осыпях и конусах выноса притоков Карагуджира. Один из таких могильников был встречен нами в 14—15 км от входа в ущелье, в местности Джаркимбай-булак. Здесь на участке протяженностью в 1 км было зарегистрировано 69 насыпей, причем наш подсчет далеко не исчерпывает действительного их количества: часть насыпей, вероятно, снята постройкой дороги, часть перекрыта камнепадом и оплывами разрушенной породы. Курганы однотипны — это каменные насыпи-выкладки, в которых прослеживается внешний круг из камней, центральная выкладка также из камней и затем один-два крупных камня выступают в центре. Вся конструкция присыпана камнями.

В среднем диаметр курганов варьирует от 6 до 10 м при высоте в 15—30 см. Камни уложены плотно, явно подобраны по размеру и форме, — преобладают подкубические формы. Из раскопанных выкладок одна оказалась могилой (К 24), одна явно жертвенным местом (К 59), две другие точно определить не удалось, так как они были сильно разграблены.

Отмечу сразу, что жертвенное место отличается от кургана уплощенным рельефом насыпи и четкой конструкцией центральной кладки и внешнего кромлеха.

К у р г а н № 24. Курган круглый в плане (диаметр 6 м) с насыпью из крупного камня, покрытого «пустынным загаром», и земли; он задернован и, из-за осыпей с вышерасположенных гор, почти сравнялся с поверхностью (высота 0.13 м). Могильная яма, обнаруженная на глубине 0.50 м, перекрыта в поперечном направлении каменными плитами (90×20×20 см; 90×65×20 см; 60×15×10 см) и засыпана землей и камнем. Размеры ямы: 2×0.70×0.50 м. Костяк женщины лежит на спине, вытянут, головой на СЗ, левая нога слегка согнута в колене так, что почти касается колена вытянутой правой ноги; под головой костяка лежит плоский камень («подушка»). Под костяком, у правой плечевой кости, найдено бронзовое зеркало диаметром 8 см с петельной ручкой в виде стилизованного зверя. На зеркале видны отпечатки ткани, очевидно, от чехла, в котором оно хранилось.

К у р г а н № 25. Представляет собой плоскую каменную выкладку: круг, заполненный камнем (диаметр 5 м), вокруг которого выложено кольцо (диаметр 9 м). На ЮВ, вплотную к круглой площадке, примыкает груда беспорядочно набросанных камней — очевидно, завал грабительской дудки.

Очертания могильной ямы не удалось установить: по всей площади раскопа мягкая засыпь с редкими камнями. В ю.-з. углу раскопа на глубине 1.10 и 1.70 м найдены две берцовые кости.

К у р г а н № 59. Насыпь кургана (высота 0.89 м) из камня с земляной засыпью, овальная в плане. По основанию и вокруг уплощенной вершины выложены овалы из очень крупного камня (размером 0.50—0.60×0.30×0.25 м), вытянутые с С на Ю. Размеры овалов: 8×7 м и 6×5 м. Раскоп, заложенный в центре насыпи, могильной ямы не обнаружил. Аналогичны результаты раскопа на сооружении 47. Очевидно это культовая выкладка.

Датирующим элементом в Джаркимбаевском могильнике является зеркало из 24 погребения. Нам представляется возможным сопоставить его ручку с изображением барана на ручках сосудов из Каунчи. Однако такие зеркала известны и для раннескифского времени, когда, наряду со скифскими образцами с боковой ручкой, появляются зеркала с ручкой сзади в виде петельки. Такого типа зеркала известны на Енисее на втором этапе тагарской культуры, ко времени которой и следует отнести это погребение, т. е. IV—III в. до н. э.

В этом отношении вотивное изображение барана следует сопоставить скорее не с «сарматскими» ручками Каунчи (хотя причина возникновения культа здесь одна и та же), а с вотивными изображениями зверей, в частности оленя, во втором этапе тагарской культуры (рис. 17).

Таким образом, по времени к этому типу мы относим и Джаркимбаевское погребение, возможно, как наиболее позднее в этих хронологических рамках, но все же наиболее близко стоящее к Джергетальской группе.

Черепа, собранные в погребениях, принадлежат к местному памиро-ферганскому типу.

5. ИССЫККУЛЬСКИЕ ЖЕРТВЕННИКИ

На фоне новых фактов по истории культуры саков Тянь-шаня необходимо снова возвратиться к таким уникальным памятникам эпохи, как иссыккульские жертвенники.

В Отделе истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа хранится найденный в 1937 г. на северном берегу оз. Иссык-куль (Киргизская ССР) комплекс изделий из бронзы: два жертвенных столика, скульптурное изображение лежащего яка, два

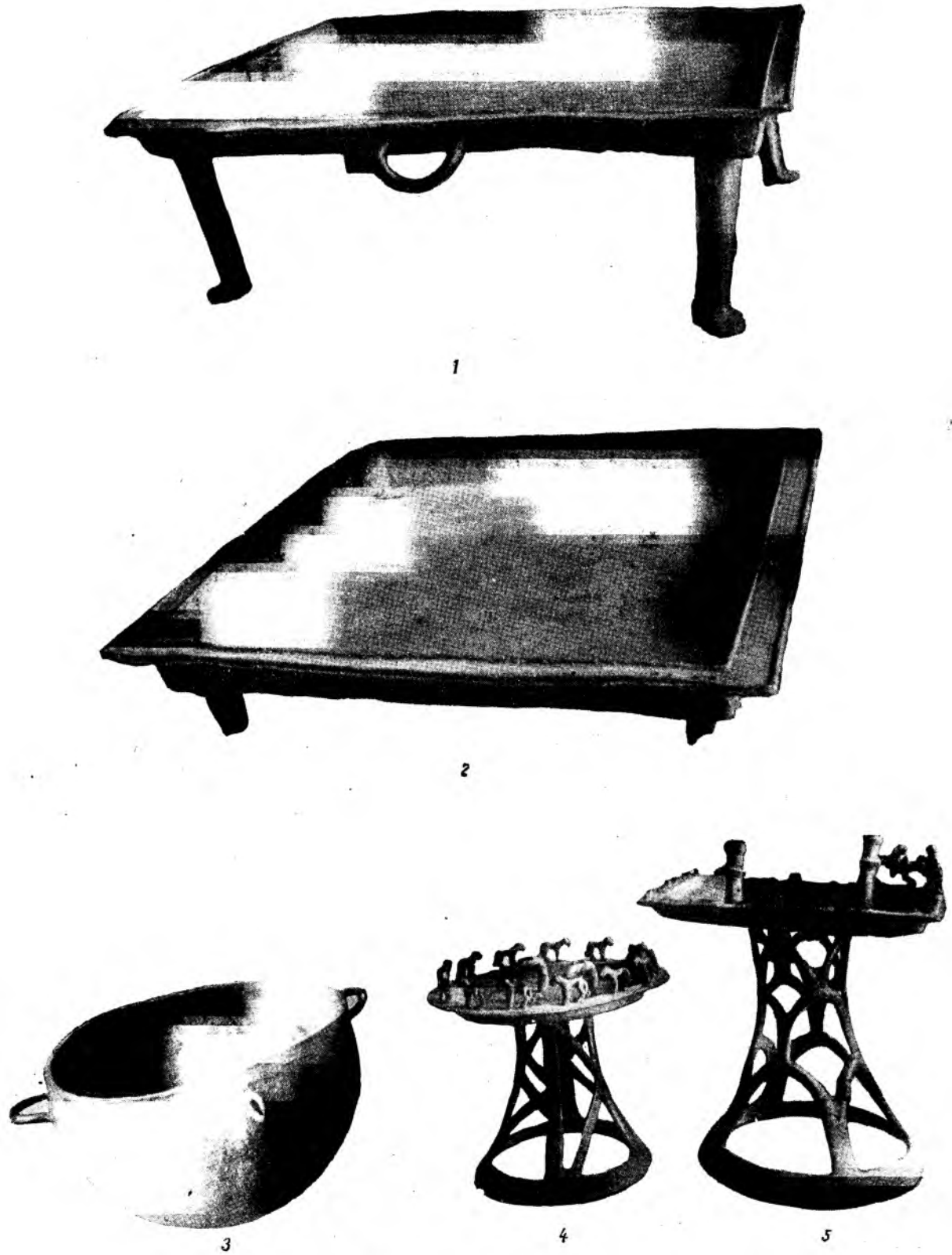


Рис. 18. Тянь-шань, северный берег оз. Иссык-куль, Кырчин.
1, 2 — жертвенные столы; *3* — котел; *4, 5* — светильники (бронза).

светильника и сферической формы котел[1] (рис. 18—19). Находки поступили сначала в Киргизский педагогический институт г. Фрунзе, где они были предварительно обследованы преподавателем Института

[1] При случайном обнаружении этих вещей было найдено два котла; один из них был разломан и утрачен.

Б. М. Зимма. Его описание находок было опубликовано отдельной брошюрой.[1]

Общие данные об этих памятниках по описанию Б. М. Зимма следующие.

В июле 1937 г. в Иссыккульской котловине Киргизской ССР колхозниками с. Семеновского был найден интересный археологический памятник, состоящий из двух подносов, двух курильниц и двух котлов, изготовленных из светлой бронзы и имеющих относительно хорошую сохранность. Находка была сделана во время земляных работ на строительстве фермы конесовхоза «Чолпон-ата» на берегу оз. Иссык-куль, в 4 км на С от с. Семеновского, около впадения реки Кок-добе в реку Малая Ак-су. Колхозники с. Семеновского, производившие земляные работы, сообщили, что предметы были найдены на глубине 1.5—2 м; в верхнем слое (до 0.5—0.6 м) почва чистая, без примеси галечника, ниже — вперемежку с галькой.

Первыми (на глубине 1.5 м) были обнаружены два рядом лежащие котла. Один из них был опрокинут вверх дном; под ним находились два светильника (рис. 18, *4*, *5*). Другой котел, наполненный землей, стоял рядом. Под котлами, на глубине 70—80 см, крышкой на крышке лежали два стола (рис. 18, *1*, *2*). Один из них, больший, был украшен фигуркой яка, которую рабочие случайно отбили при раскопке (рис. 19). Стол имеет форму подноса с бортом высотой в 6.5 см, опирающегося на четыре ножки,[1] орнаментированные неглубокими линиями. Сохранившаяся ножка стола напоминает ногу яка. Внешний размер

Рис. 19. Тянь-шань, северный берег оз. Иссык-куль, Кырчин. Бронзовая скульптура яка.

[1] Б. Зимма. Иссык-кульские жертвенники. Фрунзе, 1941. Описание находок см. стр. 11—19.

[1] Одна ножка сохранилась полностью, две — наполовину и одна только у основания.

стола — 83×79 см; внутренний — вверху между бортами — 74×68 см, внизу по дну — 70×66 см; общая высота стола — 26 см, высота сохранившейся ножки — 18 см. Под бортом видны свежие следы двух горизонтальных ручек.[1] По углам на бортах — по четыре отверстия диаметром 0.7 см.

Следуя указаниям рабочих, обнаруживших памятники, мы поместили фигурку яка на одном из углов подноса, вставив небольшими остатками заклепов на нижней стороне фигурки в два отверстия на борту стола. Як лежал, подогнув ноги под туловище, повернув голову анфас. Фигурка яка орнаментирована рельефными узорами. Общая длина фигуры — 9 см, высота — 5 см, ширина — 3 см. На остальных трех углах, повидимому, помещались подобные украшения, но, по неизвестным причинам, их не оказалось при нахождении памятника.

Меньший стол по форме подобен большему; правда, ножки его не имеют такого орнамента, но тоже стилизованы в виде ног копытного животного. Размер стола —69×62 см, внутренний размер по верху бортов — 63×56.5 см, по дну — 62.5×55.5 см, глубина — 4 см. Общая высота — 22 см, высота ножки — 17.5 см. Так же, как и на большем столе, с обеих сторон под бортом — две полукруглые в плане, круглые в сечении ручки. Диаметр их — 0.95 см, длина — 7.5 см. По углам борта — по два отверстия диаметром по 0.7 см, очевидно служивших для прикрепления несохранившихся фигурок.

Как уже указывалось, среди находок было обнаружено два светильника. Больший светильник комплектуется с большим жертвенным столом. Этот светильник имеет вид небольшого четырехугольного подноса (размером 25×24 см) на ажурной подставке с расширяющимся основанием. Общая высота курильницы — 28.5 см, высота подставки — 22 см. На площадке подноса по диагонали расположены две вертикальные трубочки, посредине которых — по два сквозных горизонтальных отверстия. На борту светильника сохранились две одинаковые группы (высота каждой — 4.5 см), изображающие борьбу козла со львом. Десять подобных украшений были отломаны при нахождении светильника и кем-то унесены.

Второй светильник комплектуется с меньшим столом и имеет вид круглого блюдца на ажурной подставке. Диаметр блюдца — 21.5 см, общая высота светильника — 19 см, высота подставки с расширяющимся основанием — 16 см. По борту — 13 фигурок лежащих барсов. На площадке блюдца — две изогнутые в прямоугольник трубочки с отверстиями вверху в середине.

[1] Ручки были отломаны рабочими и утеряны.

Из двух котлов сохранился только один; второй, меньший по размеру, был разрублен рабочими; оба котла шарообразной формы. Сохранившийся (диаметр 57 см, высота 41 см) имеет слабо выраженную закраину, под которой находятся две вертикальные и две горизонтальные ручки (одна вертикальная ручка отломана), расположенные по двум перпендикулярным диаметрам. От второго, разрубленного котла сохранились только две его части, которые в настоящее время хранятся в Киргизском педагогическом институте (г. Фрунзе).

В 1949 г. около места находки были заложены дополнительные шурфы, которые показали, что жертвенное место, от которого остался толстый слой пепла, было устроено около обломков скал на площадке, выделяющейся над остальной частью долины. Как мы уже указали в § 4 настоящей главы, в долине были открыты погребения сакского времени, к которому относятся и разбираемые комплексы.

Такие жертвенные комплексы не одиноки, и, прежде всего, напрашивается аналогия с многочисленными находками котлов, которые, по нашему мнению, принадлежали всегда к жертвенным, культовым комплексам.[1]

Большая коллекция котлов (27 экземпляров) хранится в Алмаатинском музее; [2] одиночные экземпляры хранятся во многих музеях — в Эрмитаже,[3] Томском музее [4] и др. Котлы представляют собой полусферический сосуд, который опирается на конусовидную подставку (рис. 20 и 21). В некоторых случаях вместо конусовидной подставки имеются три отдельные ножки и четыре ручки у закраины, расположенные попарно крест-накрест. Одна пара ручек поставлена горизонтально, другая вертикально. Этот тип котлов свойствен только Семиречью.[5] Тулово сосуда, как правило, гладкое. Изредка немного ниже закраины тянется выступающий валик, иногда — три линии орнамента в виде шнурка. Сравнительно редки украшения ручек в виде выступов с шишечками (рис. 20—21). Котлы эти явно сакрального типа и датируются скифским временем благодаря выразительным скульптурным украшениям, а также судя по тому, в каких комплексах они обычно обна-

[1] См. нашу брошюру «Прошлое района Алма-ата» (Алма-ата, 1948).

[2] Здесь мы пользуемся материалами, собранными участником нашей экспедиции 1940 г. Л. Г. Розиной. Справками архивного порядка мы обязаны Е. И. Агеевой.

[3] Отдел истории культуры и искусства доклассового общества и Отдел истории культуры и искусства Востока.

[4] Воспроизведены Флоринским (Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Томск, 1894—1896, тт. I и II).

[5] Минусинский тип котлов см.: С. Теплоухов. Опыт классификации древнеметаллических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, Л., 1928.

руживались.[1] Любопытно, что такой тип котлов продолжал существовать и гораздо позднее, причем служил для узко бытовых целей. Так, изображение аналогичных котлов нам известно в произведениях китайской живописи танского времени, принадлежащих кисти Hou Kouei и хранящихся в Бостонском музее. Картины воспроизводят выезд китайской принцессы Wenki в Монголию.[2] Характерно, что и нижеописанное изображение быка-яка на одном из иссыккульских жертвенников (Кырчин), помимо древнейших аналогий, идущих из Переднего Востока и Индии, имеет также аналогии в позднеиндийском искусстве XIV в.[3]

Большой интерес представляют два котла, найденные на Иссык-куле, ныне также хранящиеся в Алмаатинском музее. Один котел (найден в урочище Каргалы у г. Алма-ата) аналогичной формы стоит на трех изящных ножках, изогнутых под тупым углом наружу. На сгибе ножки — погрудные изображения архаров (Ovis Poli). Ножки вместе с изображениями архаров литые. Эти изображения даны исключительно реалистично. Архар запечатлен в момент, когда он как бы спокойно стоит на недосягаемой для охотника высоте. Откинутая назад голова гордо несет величественные рога. Выпуклые глаза устремлены вдаль. Мощная грудь архара лишь начата в скульптуре и уходит в массу металла ножки котла. В этом изображении «портрет» владыки скал, каковым является в Тяньшаньских горах архар, дан с исключительным мастерством, как всегда в скифском искусстве, простыми штрихами, предельно скупо.

Такую трактовку ножек котла можно наблюдать на вещах передневосточного происхождения. Напомню жертвенник, хранящийся в Лувре, происходящий из Суз, изданный Ростовцевым.[4] Аналогично изображение леопарда на одном китайском жертвеннике из бронзы в коллекции Стоклэ (Брюссельская коллекция).[5] Но вообще этот мотив уводит к еще более древним временам. Так, например, Контено[6] опубликовал плоский столик на трех ножках, заканчивающихся головами козлов, который происходит из Суз и, по мнению Контено, относится ко II тысячелетию до н. э. Контено отмечает, что в этот период Сузы находились под влиянием Сумера, времени третьей династии Ура, являющейся периодом наибольшего расцвета искусства. В дальнейшем, под влиянием Вавилона, наблюдается падение искусства Суз. Носителями и продолжателями традиций передневосточного искусства остаются более северные племена, вступившие в период своего расцвета.[1]

На другом котле, на таких же ножках, внизу, как бы втиснут невысокий рельеф тигра. Мастер пытался дать изображение так, чтобы сечение туловища тигра не выходило за пределы сечения ножки котла. В силу этого, стесненный малым объемом пространства, тигр вытянут и как бы прижат к земле. Слегка открыта пасть, теряются в металле подогнутые ноги и хвост. По-кошачьи эластичное тело тигра, насторожившегося в момент подготовки к прыжку, — вот та натура, которая была схвачена мастером. И следует признать, что при этой позе подобранные ноги и опущенный хвост — лишь второстепенные штрихи, рисующие напряженность тела тигра. Вся динамика изображения — в оскале пасти и в сжатом до предела туловище. Прекрасно найденная поза необычайно удачно вошла в малое пространство, завершая, несколько неожиданно, грациозно изогнутые ножки котла.

В этот ряд образцов реалистической скульптуры можно поставить также изображения на третьем котле, нижняя часть ножки которого оканчивается просто трактованной лапой хищника, покрытой немногочисленными черточками. Укажем попутно, что во многих случаях, когда предмет опирался на ножки (котлы и жертвенники), последние трактовались как лапы хищника, причем моделировка бывает большая или меньшая, но всегда достаточная для того, чтобы понять, что это лапа хищника, а не копытного животного.[2]

---

[1] О северокитайских котлах см.: Namik Egami и Seiichi Mizuno. Inner Mongolia and the region of the Great Wall. Tokyo and Kyoto, стр. 10—11 (английское резюме), табл. XXIII—XXXIV. Северокитайские котлы авторы приписывают гуннам и датируют V—I вв. до н. э.

[2] Osvald Sirén. Histoire de la peinture chinoise, t. I. Des origines à l'époque Song. Paris, 1934. Ср. табл. 85—86.

[3] L. Binyon. L'art asiatique au British Museum, Sculpture et peinture. Ars Asiatica, VI. Paris — Bruxelles, табл. I.

[4] M. Rostovzeff. The animal style in South Russia and China. Princeton, 1929, табл. I.

[5] L. Aschton. An introduction to the study of Chinese sculpture. London, 1924, табл. VIII, рис. 1.

[6] G. Contenau. L'archéologie de la Perse des origines à l'époque d'Alexandre. Société des Etudes Iraniennes et de l'Art Persan, 1930.

[1] Аналогичная мысль была высказана при обсуждении одного из моих докладов в Ленинграде (май 1944 г.) прекрасным знатоком передневосточного искусства — Н. Д. Флиттнер. Реалистические мотивы в изображении козлов мы наблюдаем и на печатях III тысячелетия до н. э. См.: G. Contenau, ук. соч., табл. I, стр. 1 и 2. Наряду с древним Ираном и Ираком, нужно учесть возможные влияния малоазиатского, в частности хеттского искусства, например в скифских моделях, изображениях оленя и т. п. Ср. изображения оленя, приведенные в статье: E. Herzfeld. Hettitica. Archäologische Mitteilungen aus Iran, т. II, вып. 3, стр. 2. О влиянии переднего Востока не только на Семиречье, но и на Китай говорят многие авторы. См. любопытную концепцию о развитии и влияниях на китайское искусство, в том числе и месопотамского на древнекитайское, в труде: Ernest F. Fenollosa. Ursprung und Entwicklung der chinesischen und japanischen Kunst, гл. II. Leipzig, 1913. — Однако все эти авторы не знали и не считались с самобытностью скифосакского искусства Средней Азии и Южной Сибири.

[2] См. китайский чашеобразный столик с ножками в виде лап хищника типа P'an эпохи Цзинь (III в. до н. э.), издан: G. Salles. Les bronzes de Li-yu. Revue des Arts Asiatiques, т. VIII, № 3.

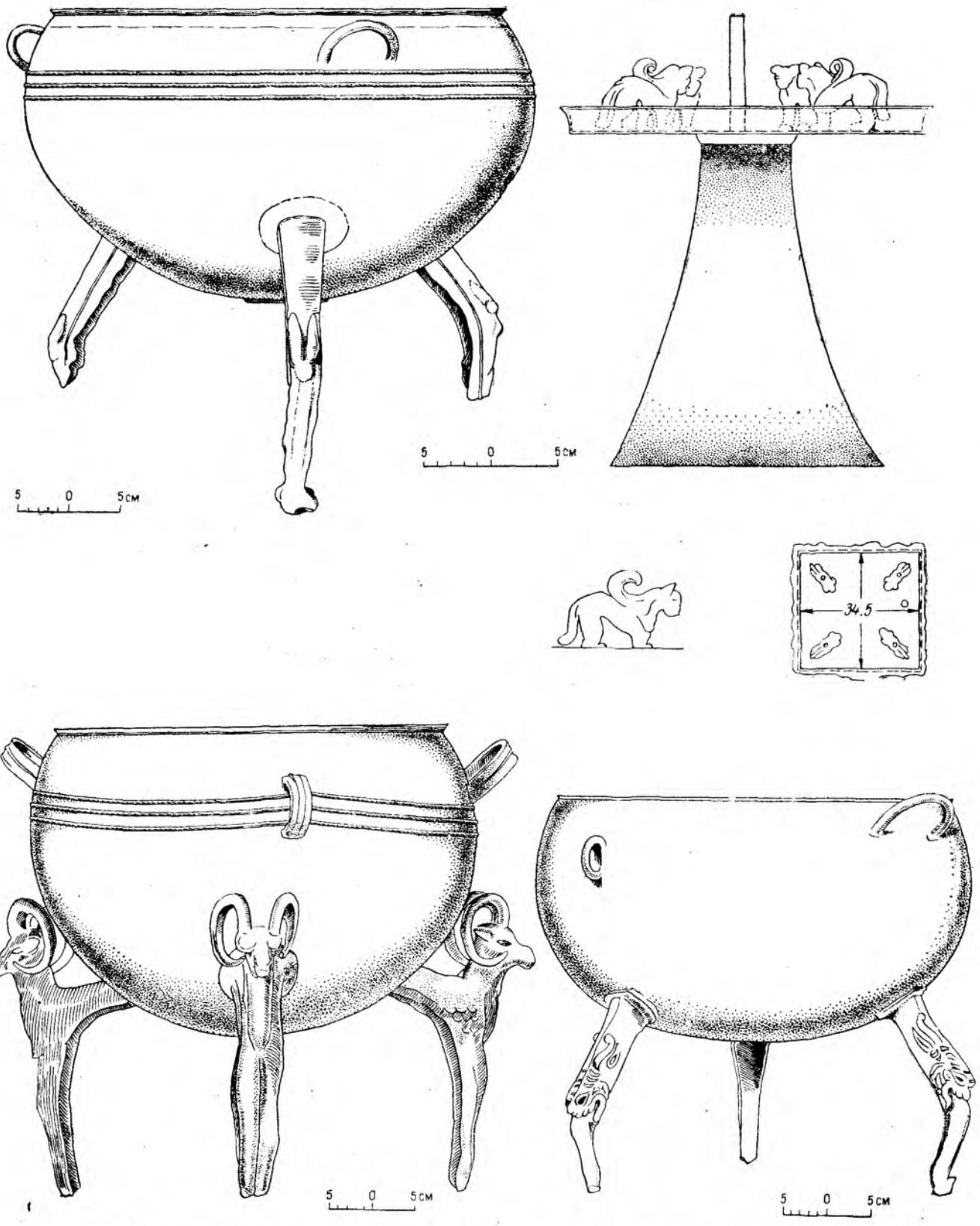


Рис. 20. Тянь-шань. Бронзовые котлы и светильник из собрания Алмаатинского музея.

Аналогичного типа украшения встречаются и на жертвенниках и светильниках, которые обычно связывают (и не без основания) с зороастрийским культом.[1] Следует указать, что шаманизм здесь сыграл свою роль, и фактически мы имеем дело с синкретизмом шаманистского культа огня с зороастризмом.

Шаманистско-зороастрийские жертвенники сакского времени представляют собой низкие четырехугольные столики (размером 0.60×1 м) на четырех ножках. В Семиречье их найдено несколько, причем некоторые из них гладкие и не представляют для нас в данном случае особого интереса, другие же украшенные. Среди последних заслуживает внимания так называемый Алмаатинский алтарь, найденный под г. Алма-ата в 1912 г. (хранится в Эрмитаже),[2] и упомянутые жертвенники из ущелья Кырчин на Иссык-куле.

Эти жертвенники, как мы уже указывали, весьма напоминают собой культовые предметы Древнего Китая, так называемые «фу», подобно тому как вышеописанные котлы аналогичны китайским жертвенным котлам, именуемым «дин».[3]

В первом жертвеннике (Алмаатинском) обращает на себя внимание украшение бордюра стола в виде процессии плавно ступающих фантастических крылатых существ вроде барсов. Каждая фигурка литая, причем все они изготовлены в одной литейной форме. Голова животного массивна, подкубической формы, несколько вздернута вверх и повернута вбок. Отчетливо и крупно переданы выпуклые, широко расставленные глаза. Ноги и туловище короткие и тяжелые. Из середины спины поднимается обращенный к голове такой же массивный рог — завиток, имитирующий крыло. Двадцать две такие фигурки украшали закраины стола. Ножки стола трактованы как лапы хищника.[1] От других объемных изображений они отличаются своей массивностью, отсутствием грации у животного, характерной для сакской манеры. Фигурка несколько тяжела и лишена реалистичности. В Семиречье, в Чуйской долине (Сукулук), мы сами обнаружили множество подобных статуэток из глины, являющихся предметами зороастрийского культа в шаманистско-семиреченском оформлении.[2]

Мы не имели возможности указать на полные аналогии этим объектам в других памятниках. Отметим только, что в манере передачи этого животного мы чувствуем ту своеобразную трактовку, которую скорее можно видеть в глине и в камне и которой как будто лишена типично скифская традиция изображений в металле.[3]

Иного характера скульптура на кырчинском (Иссыккульском) жертвеннике. Здесь сохранилось одно из восьми, видимо одинаковых, украшений, расположенных попарно у каждого угла жертвенника. Украшения представляют собой литые отдельно (а затем прикрепленные) изображения лежащего быка-яка. У него большие, широко расставленные рога, голова повернута вбок, ноги подогнуты. Бедра яка украшены весьма характерным орнаментом в виде спирали, один конец которой вытянут.[4] Этот орнамент встречается и на других памятниках сакского времени, которые ниже будут отмечены. Поза яка спокойная, изображение более реалистичное, чем вышеописанных фантастических существ, передающее очень точно позу отдыхающего животного. В этом отношении, быть может, наиболее близкой аналогией является изображение яка на серебряных фаларах из 6-го иссыкульского кургана,

---

[1] А. Стрелков. Большой семиреченский алтарь. Сб. «С. Ф. Ольденбургу», стр. 492. Тип аналогичного светильника см.: Osvald Sirén. Histoire des arts anciens de la Chine, т. II. Paris et Bruxelles, 1929, табл. 31. Воспроизведенный у него светильник хранится в Берлинском Государственном музее.

[2] Издан А. Стрелковым (ук. соч.).

[3] B. Karlgrenn. Jin and Chou in Chinese bronzes. MEA, вып. 8, стр. 8, табл. XXX. См. его же: New studies on Chinese bronzes. MEA, вып. 9. Об этом сопоставлении см.: А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 27. — Как близкую аналогию жертвенным столам, также из Китая, мы можем указать на четырехугольный терракотовый стол в известной коллекции Георга Эвморфопулуса. См.: R. L. Hobson. The George Eumorfopoulus collection, Catalogue of Chinese, Corean and Persian pottery and porcelain, т. I, табл. VIII, стр. 50. Укажу на бронзовый стол из провинции Anhwei III в. до н. э., изданный в «Illustrated catalogue of Chinese governement exhibits for the International exhibition of Chinese art in London» (см. табл. I, стр. 101, № 108). Из Маньчжурии (Наншаньли, по раскопкам Шадахико Шимада и Козаку Хамада) происходят такие столики с изображением рыб. См.: Archaeologia Orientalis, т. III, Tokyo-Kyoto, 1933, рис. 6.

[1] На одном глиняном глазурованном столике-жертвеннике (из личной коллекции Фергюсона) низ ножек стола стилизован под копыта животного. Столик китайского происхождения эпохи Хань. См.: J. G. Ferguson. Survey of Chinese art. Shanghai, China. Еще более близкая аналогия — столик из бронзы эпохи Хань, изданный в статье: V. Golubev. La province de Than-Hoa et sa céramique, табл. XXXIII, стр. 2.

[2] А. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала: Фрунзе, 1943, стр. 13, ср. табл. V, стр. 13—15. Ср.: МИА, № 14, табл. LIII—LV. На приводимом в настоящей книге в III главе рисунке (65 слева) эти глиняные статуэтки даны для сравнения.

[3] Близкие, но не идентичные аналогии многочисленны в китайском искусстве, — прежде всего изображения химеры. См. наиболее близкую аналогию: Otto Burchardt. Chinesische Kleinplastik. Orbis Pictus, т. XII, Berlin, табл. II.

[4] Такого же типа волюта и на столике из камня сакского времени, найденном на Большом Чуйском канале. См.: Бернштам, ук. соч., табл. III, стр. 17. Аналогии таким столикам см.: ESA, III, 1928 (в статье Б. Гракова, стр. 54). Ср. также: B. Grakov. Deux tombeaux de l'époque Scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. ESA, IV, стр. 169 и след. Известны такие волюты и в украшениях из листового золота, найденных в усуньских курганах долины Чу. См.: ВДИ, 3 (9), 1938, стр. 167, рис. 17—18.

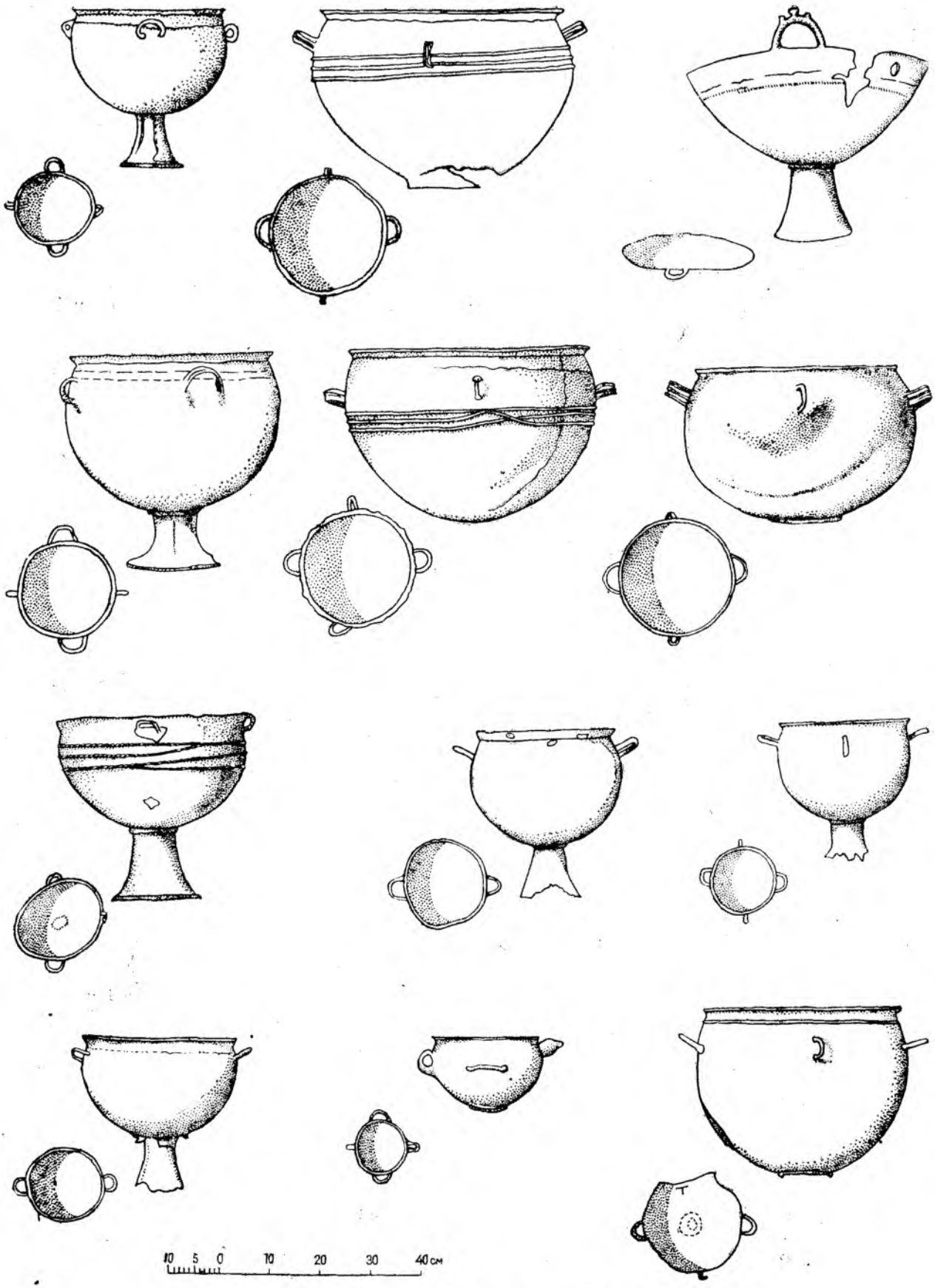


Рис. 21. Тянь-шань. Бронзовые котлы из собрания Алмаатинского музея.

хотя в последнем яснее ощущается условная передача животного.[1] Близко изображение яка на печати из Соха (Фергана).[2] Попутно отметим еще одно изображение яка в ином стиле, но этого же времени. Мы имеем в виду одну золотую накладку, случайно найденную в Нарыне.[3] Золотая пластинка, оттиснутая изнутри штампом, несет на себе изображение яка, неестественно изогнувшегося, как бы пытающегося самого себя укусить. В маленькой бляшке (размером 2.5×1.5 см), заполненной этим изображением, с небольшим количеством деталей эффектно и выразительно дан рисунок животного. Так, показан хвост с пушистым концом, грива на шее.[4] Как всегда на скифских вещах, четко и выразительно переданы мышцы сильного тела этого животного.

Сама поза яка весьма характерна стилистически; она полностью соответствует китайской манере трактовки дракона, столь излюбленной мастерами ханьского Китая, представляющей его именно в этой неестественно изогнутой позе.[1] Сравнивая эту миниатюру с изображениями из коллекции Лоо, изданными А. Сальмони [2] и М. Ростовцевым,[3] или с изображениями драконов на каменных барельефах из Шандуна в изданиях Э. Шаванна и Б. Лауфера,[4] убеждаешься в том, что перед нами местное воспроизведение оригинала, происходящего из Китая, далекого от Тянь-шаня, и получившего распространение в Средней Азии не только на востоке, но и на западе.[5]

В этом же плане, быть может, трактован звериный гон (оленей и кабанов) на круглой литой из бронзы бляхе, происходящей из Тюпа (ныне хранится в Историческом музее в Москве) и находящей себе близкие аналогии в одном инкрустированном блюде из той же знаменитой коллекции Лоо, послужившей для Ростовцева темой для специальной монографии.[6]

Как мы указывали вслед за Альфёльди,[7] изображения на ноинулинских фаларах являются отображением тотемистических воззрений. Собственно на эту же функцию звери-

---

[1] См.: K. Trever. Excavations in Northern Mongolia. Л., 1932. Ср.: А. Бернштам. Изображение быка на ноинулинских бляхах. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, 5—6. — Далекая территориально, но близкая стилистически аналогия может быть указана в критском материале. Ср.: H. Th. Bossert. Altkreta. Berlin, 1923, рис. 82.

[2] По определению Бурчак-Абрамовича, это индийский як. Изображение яка и стиль изображения восходят к критским печатям (ср. H. Th. Bossert, ук. соч., табл. 315—326). Из восточных аналогий укажу на печати из Амударьинского клада (случайные находки 1877 г. возле Таш-кургана, севернее Кобадиана, в двух днях пути от Кундуза), наиболее полная публикация которого: O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus, with other examples of early oriental metalwork. London, 1926; ср. табл. XVI. Из месопотамских аналогий см. фигурку быка времени Урской династии (3100 л. до н. э.), изданную: G. Contenau. Monuments Mesopotamiens nouvellement acquis ou peu connus. Revue des Arts Asiatiques, № 4 (1931—1932), табл. XXIX. Голову быка см. в Луристанской бронзе (I тысячелетие до н. э.) из частной коллекции в Тегеране. Воспроизведение см.: A Survey of Persian Art, т. IV, табл. II, рис. C; F. Sarre. Die Kunst des Alten Persien. Berlin, 1925, см. табл. 44; Syria, т. XVIII, 1937, см. табл. XXIII, Ras Shamra Ugarit. Изображение быка известно в бронзе с XIV—XIII вв. до н. э. В китайском материале укажу на аналогию в танских статуэтках, в частности: R. L. Hobson. The George Eumorfopoulus collection. Catalogue of Chinese, Corean and Persian pottery and porcelain, табл. XXII, рис. 256. Позы быков из нефрита известны даже в Юаньское время. См.: Otto Burchardt. Chinesische Kleinplastik. Orbis Pictus (Weltkunst Bücherei, т. XII). Berlin, табл. 38. Но, быть может, наиболее близка стилистически и по времени статуэтка также китайского происхождения времени «Весны и Осени», которая была опубликована в путеводителе по выставке китайского искусства в Лондоне в 1935—1936 гг. См.: International exhibition of Chinese art 1935—1936. Royal Academy of arts. London, стр. 186. Бык широко представлен и в древнекитайских ритонах эпохи Чжоу и Хань (см.: B. Laufer. Chinese clay figure. Field Museum of Natural History, Art Series, т. III, № 2, Chicago, 1914, стр. 168—169. — Все это заставляет серьезно поставить вопрос об очень раннем влиянии Средиземноморья на Восток. Ср. в этой связи и погребальные маски на Енисее, маски этрусков, роль фаюмского портрета и т. п. явления.

[3] Хранится в Музее национальной культуры киргизского народа в г. Фрунзе. Случайная находка, доставленная в Музей геологом Стыркас.

[4] В стилистических элементах трактовки головы, так же как в анализированных выше скульптурах, есть следы передневосточных влияний: например изображения львов на милетских монетах. См.: G. Perrot et Ch. Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, т. V. Paris, 1890, стр. 290.

[1] См., например: P. Pelliot. Bronzes antiques de la Chine appartenant à C. T. Loo. Paris—Bruxelles, 1924. Ср. табл. XXXVIII. Мотив этот, широко распространенный в Китае, прочно вошел в искусство Средней Азии, — очевидно через металл, главным образом зеркала. О зеркалах китайского происхождения см., например, в статье: Otto Kümmel. Neun Chinesische Spiegel. OZ, 1930, II, 3—4. Ср. стр. 172, см. табл. 20, стр. 3, табл. 21. Аналогии этим позам можно видеть в многочисленных находках, происходящих из Семиречья, особенно в зеркалах, где чаще изображались фантастические птицы, в частности фениксы, и в ряде других предметов.

[2] Sino-Siberian Art. Paris, 1933.

[3] M. Rostovzeff. The animal style in South Russia and China. Princeton, табл. XVII, стр. 4.

[4] E. Chavannes. Mission archéologique dans la Chine Septentrionale. Paris, 1909; B. Laufer. Chinese grave sculptures of the Han period. Paris, 1911.

[5] Мотив этот прочно вошел в среднеазиатскую архитектуру (ср., например, фантастических львов из Термеза, украшения в тимпанах пештака мечети из Анау). Помимо аналогий, отмеченных в ханьской архитектуре, такие изображения известны и в памятниках вэйского и суйского Китая.

[6] M. Rostovzeff. Inlaid bronzes of the Han dynasty in the collection of C. T. Loo. Paris—Bruxelles, 1927.

[7] Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, 5—6; A. Alföldi. Die geistigen Grundlagen des hochasiatischen Tierstiles. Forschungen und Fortschritte, 10 VII 1931, № 20; см.: Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, т. 46, 1931.

ных изображений указывала и В. Гольмстен по памятникам Сибири,[1] отвергавшая чисто охотничье-магическую функцию изображений ордосской бронзы, предложенную Андерсоном.[2]

Точка зрения В. Гольмстен, начисто отрицающей магическую роль тотема, неверна. Изображая свой тотем на оружии, человек естественно искал в нем поддержку, надеялся обогатить силой тотема свое оружие. Очевидно, что и упомянутые изображения на жертвенниках носили тотемный характер. Саки вокруг жертвенника, где происходило поклонение огню, помещали свои тотемы, изображения которых и представлены вышеупомянутыми скульптурами.

Подобную же, видимо, функцию несут и изображения зверей на светильниках, аналогии которым мы знаем в Китае.[3] Светильники представляют собой круглую или квадратную жаровню, стоящую на ажурной конусовидной ножке. В центре жаровни имеется приспособление для поддержки фитиля; вокруг, по бордюру, располагаются изображения зверей. На одном светильнике из Кырчина расположена процессия спокойно идущих львиц. Фигурки размером по 10 см даны весьма обобщенно, без единого лишнего штриха, трактованы предельно мягко и округло. Мягкая поступь, опущенный и лишь на конце загнутый хвост прекрасно согласуются с умело переданным кошачьим телом львицы, ее мощной головой и как будто прищуренными глазами. Повторением однотипных фигурок создается изображение процессии животных, передающее величественную поступь и спокойствие хищников.

Как бы полной противоположностью этому величественному шествию является сцена на другом светильнике из того же комплекса находок на Иссык-куле (Кырчин), где уцелели две скульптуры, — поединок зверей, козла и тигра. Изображения даны с максимальной насыщенностью, бросается в глаза напряженность тел животных, сцепившихся в смертельной схватке. Оба животных, поднялись на задние ноги, упершись друг в друга; клыкам тигра противостоят рога бодающегося козла. Скупая на детали рука мастера сильно и выразительно изобразила сцену борьбы. Этот чрезвычайно умелый скульптурный рисунок сделан по всем традициям скифского стиля и сюжета борьбы зверей: хищник борется с травоядным, причем борьба дана в «равновесии», — исход борьбы еще не предрешен, отмечен момент, когда силы еще не иссякают ни у козла, ни у тигра.

Нам осталось подвести некоторые итоги.

Иссыккульский комплекс стоит в ряду широко распространенных памятников так называемого «скифского» круга. Он дает в своих звериных композициях типичные для скифского искусства сцены как борьбы зверей, так и их спокойных шествий.

И если первая композиция связывается главным образом с сибиро-китайским искусством, то вторая композиция через находки в Фергане, Причерноморье (Чертомлык), Северном Кавказе (Майкоп) и Иране родственна передневосточному, в частности месопотамскому искусству.

Аналогии и данные семиреченских комплексов, тесная стилистическая связь с южносибирскими памятниками звериного стиля позволяют датировать их «скифским» временем (для Семиречья следует сказать точнее — сакским), т. е. V—III вв. до н. э. Это было время распространения и владычества в Семиречье заяксартских саков античных авторов, сака-хаомаварга ахеменидской клинописи.

Сюжет изображений — тотемы-обереги, апотропеи шаманистско-зороастрийского культа огня.

В этой функции, в которой на крайнем севере Евразии, в тайге и тундре, выступает лось и олень, у массагетов в степях фигурирует конь, у саков в горах — архар и козел, в высоких плоскогорьях — як, на Тянь-шане, в том числе и Иссык-куле, встретились мотивы козла и яка, причем первый долго живет в местном изобразительном творчестве и широко представлен еще в творчестве тюрко-согдийского периода, V—VIII вв. н. э. И культовые аксессуары шаманистско-зороастрийских воззрений, известные по иссыккульским находкам, также продолжают свое существование еще в V—VIII вв. н. э. Это подчеркивает живучесть традиции в патриархально-родовой и рабовладельческой среде Семиречья.

Широкие аналогии этим памятникам показывают высокую культурную восприимчивость народов Семиречья и их роль в распространении этих влияний — факт, характерный для кочевников и достаточно широко освещенный в работах современных исследователей по материалам от Ордоса до Дуная.

Семиреченские сюжеты самобытны. Если мы отмечали влияние Китая, то имели в виду только взаимосвязь. Наоборот, как это уже неоднократно показано исследователями, китайское искусство в известной степени ортазило влияние искусства кочевников и в свою очередь оказало на них сильное воздействие. Но искусство Китая эпохи Хань (это можно утверждать

---

[1] Изв. ГАИМК, вып. 100.

[2] MEA, IV.

[3] Укажу, например, на предмет, воспроизведенный в книге: R. L. Hobson. The George Eumorfopoulus collection. Catalogue of Chinese, Corean and Persian pottery and porcelain, т. X, стр. 18, — предмет, названный Р. Л. Гобсоном «Picket candlestick», датируемый им эпохой Хань. См. трехногие подставки (светильники?) из раскопок в Манчжурии: Archaeologia Orientalis, т. I, Tokyo—Kyoto, 1929, стр. 24; т. III, 1933, табл. XXXI. Подобно статуэткам светильники из глины известны в более позднее время и из Чуйской долины.

с полным правом) критически переработало влияние кочевых племен.[1]

Не случайно ноинулинские памятники — самые поздние носители «скифского» искусства — блестяще иллюстрируют взаимное влияние искусства Китая и кочевников.[2]

Следует только отметить, что при всех этих аналогиях остается в силе самобытность этих сюжетов, их стилистическая индивидуальность, оживляющая спокойный стиль передневосточных скульптурных изображений и отличная от геометричности и геральдичности китайского искусства эпохи Хань, тем более Чжоу, и даже стиля Хуай.

Иссыккульский комплекс и семиреченские находки этого круга показывают возможность сочетания экспрессии и покоя, реализма и стилизации, бытующих одновременно, что еще раз заставит исследователей быть осторожными в датировке комплексов по данным только формального анализа. Аналогии этим сюжетам в керамике V—VIII вв. еще более подчеркивают стабильность излюбленного сюжета и его сохранение в течение длительного времени, когда общественная среда (его создатель и хранитель) в своих идеологических представлениях не изжила еще архаичность мышления.

6. УСУНЬ-ЮЕЧЖИЙСКИЕ ПАМЯТНИКИ II в. до н. э. — II в. н. э.

В особую хронологическую группу мы выделяем погребения, перекрытые деревянным накатом.

Эти погребения наиболее ясно представлены в курганах Соколовки и Джергеса, а также в Аламышике (К 104, 106, 83) и Джергетале. Скорее всего, именно к этой серии примыкают курганы в Алабакане и Ача-тюбе. Надо сразу указать, что Соколовский курган, как и весь могильник, резко отличается от Аламышикских курганов.

Соколовский могильник расположен на ровной площади правого берега р. Джаргелан, к З от с. Соколовки. Сильно раскатанные земляные насыпи большого диаметра включают некоторое количество камня. Курганы вытянуты в цепочку с С на Ю. Всего в могильнике 8 курганов, причем в южной части могильника сгруппировались курганы малых размеров, оказавшиеся кенотафами.

Раскопки дали следующие результаты.

Соколовка. Курган № 5. Насыпь кургана земляная, круглая в плане, распахана сверху. Диаметр 18 м, высота 0.54 м.

Погребальное сооружение представляет собой деревянный сруб, врытый в землю на глубине 2.30 м (уровень дна от дневной поверхности). Сруб ориентирован с З на В с отклонением на 15° к Ю. Высота сруба 0.90 м, площадь основания 1×2.70 м. Стенки его, высотой 0.70 м, обшиты двумя рядами деревянных плах.

Наружная обшивка, касающаяся непосредственно земли, состоит из четырех венцов плах, стоящих на ребре (размеры торца 7—10×15—20 см). Внутренняя обшивка — из вертикально поставленных плах. Потолок сруба также двуслойный: нижний ряд из круглых в сечении бревен, перекрывающих сруб в поперечном (с С на Ю) направлении; верхний ряд из таких же бревен (толщина 14—15 см), положенных вдоль (с З на В). Концы бревен длиннее сруба и лежат непосредственно на земле.

Над срубом расположен котлован, заполненный землей и камнем; высота его 1 м, площадь 2.80×2.70 м.

Котлован в свою очередь перекрыт двойным накатом из бревен так, что поверхность наката находится на одном уровне с дневной поверхностью. Бревна лежат в направлении СЗ—ЮВ; концы нижнего ряда опираются на камни. Площадь этого верхнего перекрытия: 4.30×3.30 м. Толщина бревен 20—30 см.

Грабительской «дудкой» верхний накат и сруб прорублены в центре, отчего положение костяка мужчины, лежащего на дне сруба, значительно изменено. Однако можно утверждать, что покойник лежал на спине, головой на З. Вдоль левого бока костяка стояли 15 небольших сосудов — кувшинообразных горшков и чаш. Кувшины располагались группой (5 экз.) у головы, а вдоль тела, до колен, стояли чашки (10 экз.).

Кувшины двух типов: с прямой закраиной и с отогнутой наружу. Первые с уплощенным (подрезанным) дном; тулово их, тяжелое в нижней части, сужается кверху и переходит в более или менее высокую горловину. Высота их 10.5—14 см, диаметр тулова 10.5—13 см, высота горловины 1.5—3 см, диаметр ее 6—9 см; диаметр дна 7—7.5 см. Кувшинообразные гор-

[1] И это положение уже издавна дискуссируется в специальной литературе. О. Мюнстерберг (Chinesische Kunstgeschichte. Esslingen, 1910), однако, слишком прямолинейно указывал, что, например, шандунские барельефы являются блестящим образцом влияния на китайское искусство «тюркских» народов, несущих в себе влияние микенской, персидской, скифской, эллинистической и других культур (ук. соч., стр. 68), умаляя самобытность китайского искусства и преувеличивая культурное влияние кочевников. Прекрасные образцы результатов подобных взаимовлияний кочевников и земледельцев в доханьскую эпоху, также представлены обильными находками. Укажу на любопытный китайских сосуд типа tsun (из коллекции Г. Эворфопулуса), изданный Йетсом, украшенный двумя головами архаров типа скульптур на семиреченских котлах (Perceval Jettes. Bronzes. Chinese Art. Burlington Magazine Monographs, London, 1925, табл. 2). Мнение автора, что этот стиль абсолютно автохтонен в Китае, с нашей точки зрения весьма дискуссионно.

[2] Гунны, видимо, влияли и на Тибет. См.: Ю. Рерих. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. Прага, 1930, табл. IV. — Пряжка с изображением льва чрезвычайно схожа с ноинулинскими находками. О взаимоотношении культуры и искусства Семиречья и Китая см.: А. Бернштам. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке. Краткие сообщения ИИМК, вып. V, 1940.

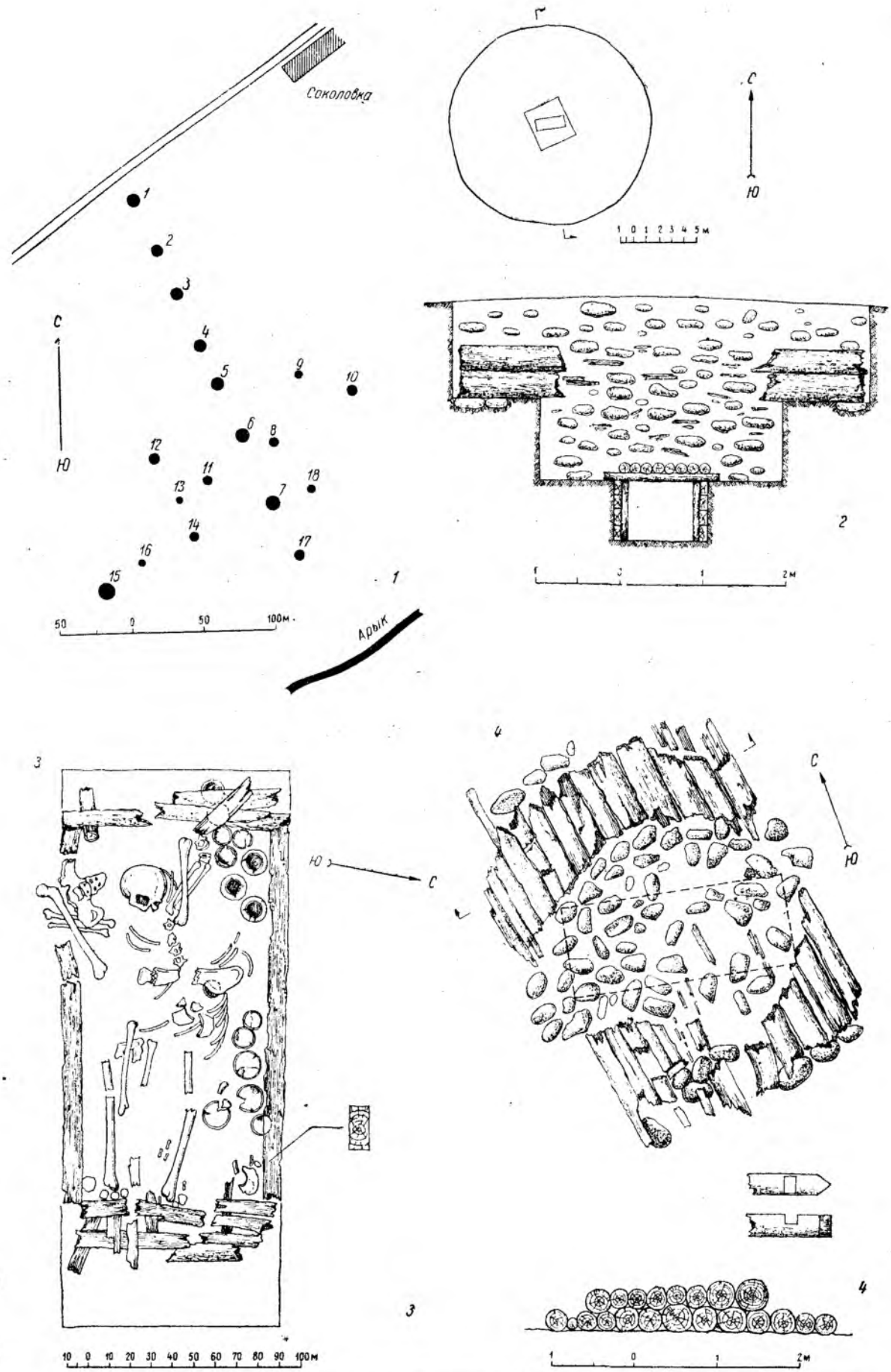


Рис. 22. Тянь-шань, долина р. Джаргелан, Соколовка. План могильника, план и разрезы К 5.
1 — план могильника; *2* — план и разрез К 5; *3* — план погребальной камеры; *4* — бревенчатый накат.

шки второго типа имеют круглое дно, узкую горловину, резко отогнутую наружу. Высота их 11—12.5 см, диаметр тулова 11.5—12 см, диаметр горловины 6—7 см, диаметр устья 7.5—6.5 см. Для всех сосудов (и кувшинов и чашек) характерен общий прием изготовления путем лепки из двух частей: отдельно лепится донце и нижняя часть тулова, расширяющаяся кверху, а затем к ней прикрепляется верхняя половина сосуда (горшка или чашки). Именно поэтому самая широкая часть сосудов внизу, в месте стыка верхнего и нижнего пояса. Особенно четко это показывает профиль, который в месте стыка значительно утолщается: наружная сторона стенки сосуда образует тупой угол между донцем и верхним поясом, внутренняя же сторона образует плавную кривую.

Все сосуды тонкостенные (толщина 3—5 мм), из плотного, розового в изломе, хорошо обожженного теста. Снаружи часто видны следы лощения, а иногда и красного ангоба.

Все чаши круглодонные (за исключением двух с подрезанным донцем). К плавно расширяющемуся донцу прикреплен верхний пояс с почти прямыми стенками. Закраина округлая, без венчика, иногда слегка отогнута наружу. Характерной особенностью всех чашек является легкий прогиб стенок внутрь. Размеры чаш: общая высота 5—6.5 см, высота стенок 2.5—3.5 см; диаметр в месте стыка частей и диаметр закраин почти всегда одинаков (12—13 см), за исключением двух случаев, когда стенки расширяются к устью от 11.5—12 до 13 см.

Кроме этой керамики обнаружен ряд фрагментов в каменном завале: три фрагмента стенки крупного сосуда из грубого, с примесью дресвы, теста, красного в изломе, со следами черного лощения снаружи; один фрагмент стенки (другого сосуда) с отпечатками ткани на внутренней поверхности (рис. 22—23).

К у р г а н № 6. Насыпь кургана земляная, распахана. Диаметр 18 м, высота 0.56 м.

Под насыпью (на уровне дневной поверхности) встречаются мелкие фрагменты дерева. Погребение грабленое; могильная яма не обнаружена. В южной стороне раскопа на глубине 0.50 м (от дневной поверхности) открыта деталь перекрытия из плах в виде плетенки. Четыре плахи лежат в направлении с С на Ю, южные концы их перекрыты поверх поперечной плахой; другая поперечина лежит под северными концами (плахи длиной около 1 м, шириной 0.20 м). Под плахами лежала большая берцовая кость человека в направлении с З на В.

С самой поверхности и до нижнего уровня раскопа по всей площади встречалась керамика: фрагменты сосудов рыхлого теста с дресвой, двуцветные в изломе (красный и серый цвет), снаружи следы копоти, толщина излома 0.6 см; фрагмент толстостенного сосуда (толщина 1.1 см), тесто с небольшим содержанием дресвы, снаружи поверхность желто-красная (пятнами), излом внутри черный.

К у р г а н № 7. Насыпь кургана распахана. Начатые раскопки обнаружили по всей поверхности остатки деревянного жердевого перекрытия, идущего в направлении с С на Ю. Раскоп не доведен до конца.

Таким образом в результате раскопок получается весьма характерная картина. Перед нами двукамерное помещение «пазырыко-ноинулинского» типа. Эта конструкция типична для погребений, близких к рубежу н. э.[1] Характерно, что среди керамики мы здесь встречаем своеобразные типы сосудов: во-первых, преобладают кувшинообразные формы с несколько отогнутой закраиной горловины; во-вторых, сосуды с уплощенными донъями и один кувшин с плоским дном; в-третьих, особый тип чаш со слегка вогнутой закраиной, стоящей под прямым углом к полусферическому тулову чаши. Последняя форма несколько подражает металлическим образцам.

Если в целом местная техника изготовления посуды близка к типичным сако-усуньским формам, то наличие плоского дна говорит о более позднем времени; об этом свидетельствуют и пиалы с прямой закраиной, как бы перекликающиеся с кушанскими.

Мы не можем поэтому не признать, что Соколовский курган должен быть отнесен ко времени, близкому к рубежу н. э. Его типичной чертой является воспроизведение центральноазиатских и южносибирских приемов строительства могильного сооружения. Так как на рубеже н. э. появляется катакомба, то, быть может, это ближайший по времени ее предшественник. Но возможно эти курганы синхронны катакомбной культуре гуннов и являются погребениями местного населения.

Мы сближаем с этим типом погребений и погребения, вскрытые в Аламышикском могильнике, отмеченные номерами 83, 104, 106. Характерно, что в них варьируют наземные сооружения (сплошная насыпь, кольцо) и ориентировка (СЗ, З, С) в пределах с.-з. четверти, но в общем устройство могильной ямы сходно с конструкцией погребальной камеры. Здесь открытая яма перекрыта деревянным настилом.

Среди сосудов в Аламышикском кургане № 104, кроме круглодонных, имеется и плоскодонный, как в Соколовском кургане. Характерны уже не бронзовые ножи, как в курганах предшествующего типа, а железные, обнаруженные на правом бедре погребенного (К 106, 104); мелкие пастовые бусы типа кенкольских (К 106). Особенно примечательны коралловые бусы из кургана 106; это, пожалуй, наиболее ранний коралл, известный нам для восточных территорий. Приведем описания вскрытых погребений.

[1] Мы склоняемся к датировке Пазырыкских курганов по С. Киселеву, о чем писали в КСИИМК, XXIX, стр. 22—23.

Аламышик. Курган № 83. Почти плоская (высота 0.31 м) овальная выкладка из крупного камня, вытянутая с З на В (диаметры 7 и 5 м). Внутренняя поверхность выкладки задернована. В западной части заметна впадина, заполненная камнем (грабительская дудка). Могильная яма (размером 2.30×1.30 м), ориентированная с З на В, была покрыта поперек на глубине 0.70 м (от дневной поверхности) деревянными жердями, торцы которых сохранились в северном и южном обрезах ямы. Над нижним настилом шел второй продольный настил из жердей. Пространство над настилом до уровня дневной поверхности засыпано землей и сверху выложено (по площади могильной ямы) сплошным каменным покровом. Костяк мужчины лежит на глубине 1 м (от дневной поверхности). Грабительская «дудка» нарушила правильное расположение костей в западной части могилы. Нетронутыми оказались лишь кости ног, по местонахождению которых можно полагать, что скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на З. Инвентарь при погребении отсутствует.

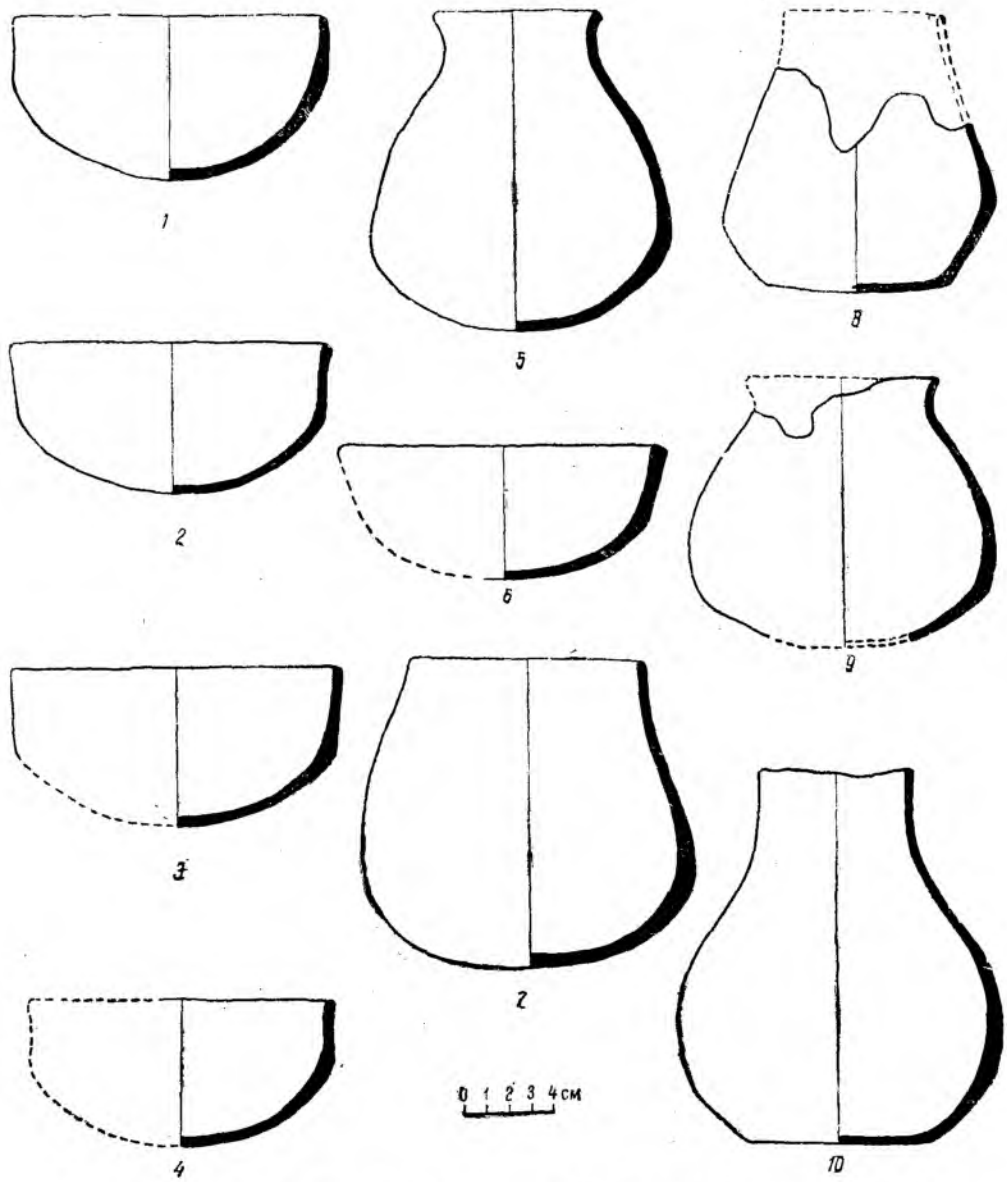


Рис. 23. Тянь-шань, долина р. Джаргелан, Соколовка, Керамика из К 5

Курган № 104 (см. рис. 26). Насыпь кургана каменная (диаметр 6 м, высота 0.23 м); вершина (диаметр 2 м) уплощенная, без камня. Под насыпью (на глубине 0.5 м от дневной поверхности) настил из 7 деревянных плах (размером 2.00×0.25×0.15 м) перекрывает в поперечном направлении яму (размером 2.00×1.35 м), вытянутую с СЗ на ЮВ. Настил посредине прорублен грабителями, вынуты две плахи; в вырубке встречаются отдельные кости. Могильная яма засыпана землей. В ней

на глубине 0.90 м, почти вплотную к с.-в. стенке, вырыто углубление (размером 1.50×0.45 м), в котором и лежит костяк мужчины на глубине 1.10 м. Он лежит в вытянутом положении на спине, головой на СЗ. Голова приподнята так, что подбородок опущен на грудь. В области правой тазовой кости найдены фрагменты железного ножа. На восточном краю ямы (на глубине 0.90 м), в области плеча, стоят три почти одинаковые глубокие чашечки (две из них сохранились неполностью). Чашки с прямыми, несколько суживающимися к устью стенками; закраины у двух прямые, без венчика, у третьей закраина слегка отогнута наружу. Тесто сосудов грубое, с дресвой, светло-коричневого с вишневым оттенком цвета; обжиг неравномерный (снаружи серые пятна). Размеры чашек: диаметр 7.2 см, высота 6.5 см; диаметр 6.8 см, высота 6.2 см; диаметр 6 см, высота 7 см.

К у р г а н № 106 (см. рис. 26). Насыпь кургана из камня и земли (диаметр 8 м, высота 0.44 м). На несколько уплощенной вершине выложена камнем круглая площадка (диаметр 4 м). В самом центре кургана — западина.

Могильную яму не удалось проследить в однородном галечном грунте, начавшемся под насыпью. Обнаружен лишь кусок деревянной плахи (длина 0.7 м, ширина 0.14 м, сечение 0.08 м), лежащей в направлении СЮ (на глубине 0.15 м). Костяк женщины лежал на глубине 1.15 м (от дневной поверхности) в вытянутом положении, на спине, головой на С, лицом вверх. В области поясницы найдено каменное пряслице (диаметр 3.3 см, толщина 0.8 см); у правой тазовой кости — железный нож (3 фрагмента). На шее ожерелье из коралловых, сердоликовых и пастовых бус. За головой лежала баранья лопатка.

Бусы представлены весьма разнообразными формами. Пастовые бусы, в основном, двух типов: серые, в виде крупного бисера (11 экз.), диаметром 0.3—0.5 см, и белые, в виде коротких трубочек (39 экз.), длиной 0.5—1 см, диаметром 0.3—0.5 см, с продольной сверлиной. Лишь одна пастовая серого цвета бусина биконической формы, восьмигранная, с продольной сверлиной; длина ее 1.2 см. Коралловые бусы (12) белого цвета; четыре из них неправильной, угловатой формы, остальные продолговатые. У всех продольные сверлины. Часть бус (6) использована вторично, после того как они раскололись вдоль, для чего в верхнем конце были проделаны уже поперечные отверстия.

Кроме перечисленных, были найдены: одна сердоликовая бусина (12-гранная, длиной 0.8 см) и одна бусина из лазурита (8-гранная, биконическая, длиной в 1 см).

К у р г а н № 125. Представляет собой выкладку квадратной формы (длина стороны 1.50 м), у которой западная сторона продолжается за квадрат до длины 2.20 м. Камни выкладки поставлены на ребро. Под нею по всей поверхности идет однородный плотный лёсс без каких-либо признаков могильной ямы или жертвенного места. Раскоп прекращен на глубине 0.80 м.

Близким по времени к только что описанным погребениям является погребение № 13 из Джергетальского могильника. Об этой близости свидетельствует сако-усуньский сосуд с уплощенным дном и наличие железного ножа при пище, положенной в могилу с покойником с правой стороны. Резко выделяется ориентировка (голова на Ю); отсутствуют даже следы наката.

К у р г а н № 13 (Д ж е р г е т а л). Курган круглый (диаметр 6 м) со сплошной каменной насыпью, высотой 0.80 м. Под насыпью в центре ничем не перекрытая, засыпанная землей (твердый суглинок) могильная яма, размером 1.80×0.90 м. На глубине 0.45 м (от дневной поверхности) лежит костяк мужчины на спине, вытянутый, головой на Ю (с отклонением к В на 15°), с лицом, повернутым на З.

У локтевого сгиба правой руки обнаружены фрагменты железного ножа с тупой спинкой и здесь же крестец барана. Около плечевой кости той же руки сделан небольшой подбой в стенке могильной ямы, где стоит горшок (высота 9.3 см) — плоскодонный (диаметр 8 см), с прямыми стенками, со срезанной внутрь закраиной (диаметр 10 см). Тесто слоистое, с дресвой, в изломе черного и красного, снаружи черного цвета.

К у р г а н № 11. Насыпь кургана сплошная каменная (диаметр 4 м, высота 0.48 м). Под насыпью выкладка из плоских каменных плит (0.50×0.30×0.06 м), перекрывающая в поперечном направлении могильную яму, вытянутую с СВ на ЮЗ. В яме, размеры которой 1.90×0.60 м, на глубине 0.45 м (от дневной поверхности) лежит костяк мужчины в вытянутом положении, на спине, головой на ЮЗ. Инвентаря при костяке нет.

К у р г а н № 23. Представляет собой каменную выкладку в виде четырехугольника, вписанного в овал, вытянутый с С на Ю (с незначительным отклонением к З). Диаметры его: 3 и 2.5 м. Под камнем выкладки, по всей площади раскопа идет твердый грунт с галькой. Могильная яма не обнаружена.

К у р г а н № 33. Представляет собой выкладку из камня в виде кольца (диаметр 5 м), в которое вписан овал, вытянутый с СВ на ЮЗ (диаметр 2 и 1 м). На глубине 0.20 м, сразу же под верхним слоем каменной забутовки, обнаружены кости голеней и бедренные кости женщины, лежащие в направлении с СВ на ЮЗ. У верхней части бедра левой ноги стояла маленькая круглодонная чашка (диаметр 6 см) из грубого с дресвой теста, красного в изломе, серого на поверхности; закраина, обмятая пальцами, без венчика (диаметр 8.5 см).

Продолжение раскопа никаких следов могильной ямы, так же как и других костей, не обнаружило.

Курган № 38. Представляет собой выкладку в виде квадрата, ориентированного сторонами (2 м) по странам света, вписанного в кольцо, диаметром 3 м.

По всей площади раскопа шла мелкая щебенка. Могильная яма не обнаружена.

Кроме того, отметим раскопки курганов в районе долины Алабакан: у колхоза Узгуруш на левом берегу реки Алабакан и на правом (Ача-тюбе).

Алабакан (Узгуруш). Курган № 1. Насыпь кургана (высота 0.60 м) каменная с мягкой земляной засыпью, сползла к З, отчего $Д_{сю}$ 8 м, а $Д_{зв}$ 12 м. Могильная яма, размером 1.80×1.00 м, сразу под насыпью перекрыта крупными каменными плитами (1.00×0.50×0.10 м; 0.50×0.80×0.08 м), вытянутыми в направлении с СВ на ЮЗ. Яма засыпана землей и камнем. Раскопки, доведенные до глубины 2 м, дали: в ю.-з. части ямы на глубине 1.35 м крестец барана, позвонок человека (атлант) и кусочки охры (?), а в с.-в. части — два фрагмента железа в виде заостренного стержня, длиной 5 см. Костяк отсутствует.

Курган № 2. Конструкция кургана 2, меньшего по размерам (высота 0.22 м, $Д_{сю}$ 4 м, $Д_{зв}$ 6 м), совершенно аналогична описанному выше кургану № 1. В могильной яме (1.50× ×0.7 м), кроме крестца барана на глубине 1.10 м в ю.-з. части и кусков охры (?) на глубине 0.30 м, ничего не обнаружено.

Ача-тюбе. Курган № 1. Представляет собой плоскую, без насыпи, выкладку, в виде квадрата со сторонами 2.5 м, ориентированного углами по странам света. К южному и восточному углам квадрата примыкают выложенные из камня кольца, диаметром 1.5 м. Оба кольца соединены между собой дугой. Все пространство между камнями выкладки забутовано более мелким камнем. Выемка грунта внутри всей выкладки показала, что под камнем идет мягкий грунт, одинаковый по всей поверхности, без каких-либо следов могильной ямы или кострища. Работа прекращена на глубине 0.75 м.

Курган № 2. Насыпь кургана земляная, высотой 0.34 м, несколько сползшая к СЗ. Диаметр кургана 8 м. В насыпи намечаются три концентрических круга, первый из которых расположен на 1.5 м выше основания насыпи. Могильная яма (размером 1.80×0.90 м) засыпана крупным камнем; сохранилась часть плит, стоящих на длинном ребре вдоль боковых стенок могилы. Часть расколотых плит в центре могильной ямы стоит вертикально. Толщина плит 0.15 м. Костяк мужчины лежал на глубине 1 м (от дневной поверхности), в вытянутом положении, на спине, головой на З; руки несколько раздвинуты в локтях. В западном обрезе ямы, на полметра выше черепа, лежит плита, длиной (с С на Ю) 0.56 м. У головы слева, под плитой, в обрезе ямы стояла глубокая (высота 10.2 см) чаша (диаметр 15 см) с закраиной, срезанной внутрь. Тесто серо-розовое в изломе, с дресвой; наружная поверхность покрыта (от неравномерного обжига) серыми и розовыми пятнами. На дне чаши сохранились отпечатки ткани. Рядом с чашей следы деревянного сосуда, форму которого не удалось установить.

Несомненно, что с этими комплексами, особенно с Соколовкой, связан по происхождению Джергесский могильник.

Джергесский могильник расположен по правому берегу реки Джергес, являющейся левым притоком р. Джаргелан, в 3—4 км к З от районного центра (рис. 24).

В основной части могильника, расположенного к Ю от дороги Пржевальск—Джаргелан, начиная от подошвы прилавков, тянутся в меридиональном направлении две ясно выраженные цепочки курганов. Цепочки состоят в основном из больших и сильно грабленых земляно-каменных насыпей. Положение курганов в цепочке не совсем правильное. Диаметры курганов варьируют от 10—15 до 25—30 м при высоте от 0.50 до 1.5 м. Характерно, что около больших курганов иногда наблюдаются такие же по характеру насыпи — маленькие курганы.

Нами были вскрыты два кургана: №№ 1 и 2. Вскрытые курганы дали весьма интересный материал, несмотря на сильную разграбленность погребального сооружения.

Курган № 1. Насыпь кургана земляная (диаметр 18 м, высота 1.25 м), оплывшая к Ю. На поверхности насыпи, на расстоянии 2.5 м от основания, выложен из камня пояс шириной 3 м. Вершина плоская, без камня, с неглубокой западиной.

Могильная яма расположена под центральной частью насыпи и ориентирована с З на В. Она представляет собой обширную камеру (размером 2.70×2 м), перекрытую на уровне дневной поверхности настилом из лежащих поперек бревен (сечением 0.20 м). Торцы настила и даже часть бревен сохранились по всей длине в северной части ямы, что дало возможность установить его площадь: 3.20×2.60 м. Южная же половина настила в значительной степени разрушена грабителями. Книзу могильная яма сужается до размера 2.20×0.80 м. Мощный слой золы, угля, обгоревшего дерева поверх настила и найденные тут же позвонки барана свидетельствуют о зажигавшемся здесь костре.

Несомненно, что курган был ограблен: отдельные кости и большое количество фрагментов керамики встречаются на разных глубинах как в насыпи, так и в засыпи ямы. На глубине 1.30 м (от дневной поверхности) в сильно измененном положении лежал костяк мужчины: на спине, ногами на В. Вдоль всей правой стороны костяка шел ряд фрагментов керамики. Вблизи левого плеча найдены остатки желез-

ного ножа. На высоте 0.30—0.70 м над костяком в восточной части могильной ямы отмечен слой золы и угля.

(диаметр 25 см) и невысокая (высота 5 см) горловина с прямыми стенками и простой, без венчика, закраиной (диаметр 14 см). По гор

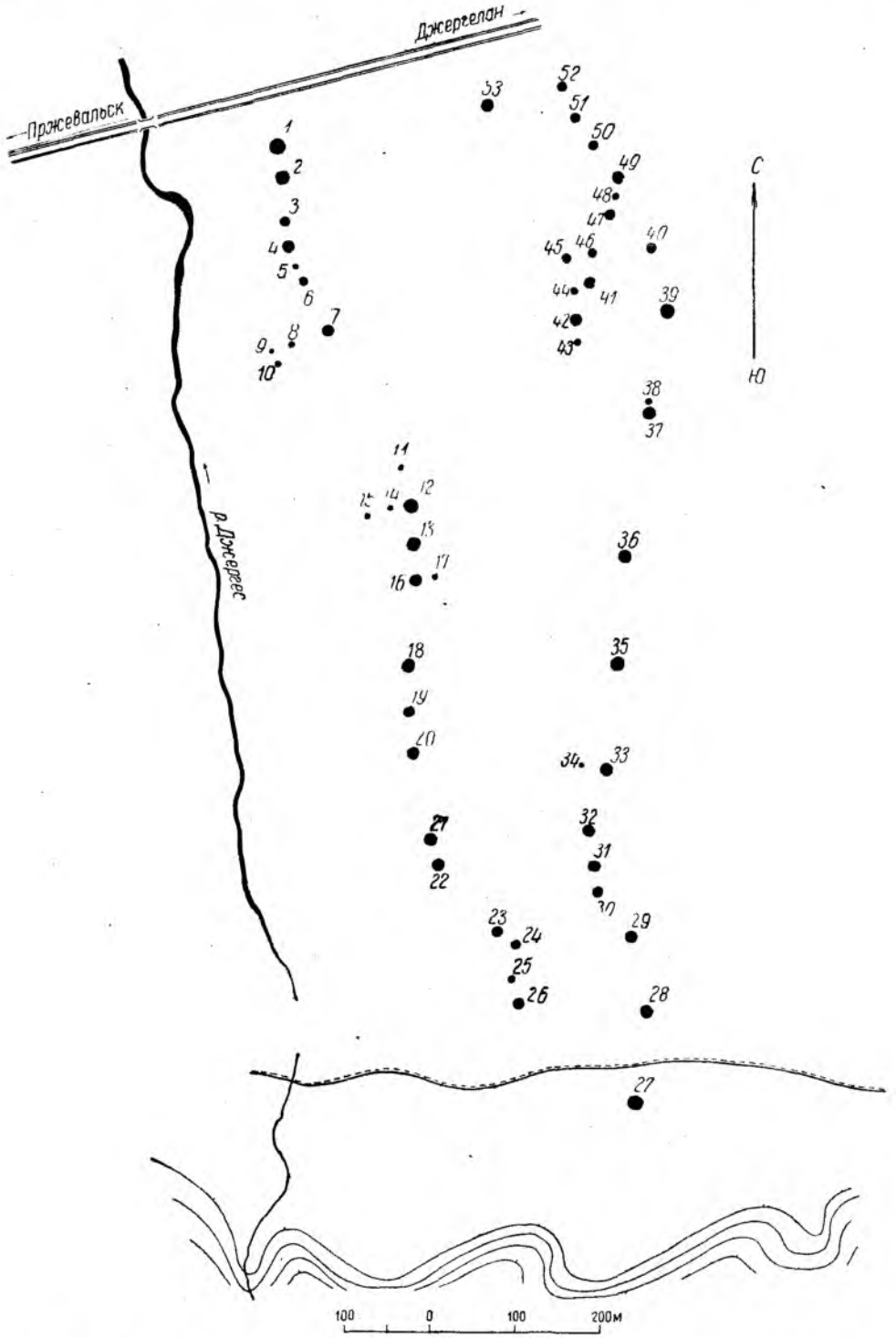


Рис. 24. Тянь-шань, окрестности Пржевальска, Джергес. План могильника.

Фрагменты керамики, с различных глубин, относятся к четырем сосудам.

Один — толстостенный (10—12 мм) асимметричный кувшинообразный сосуд (высота 24 см); у него круглое дно, шаровидное тулово

ловине, заходя на плечики сосуда, нанесен прорезной орнамент в виде ряда параллельных вертикальных линий, заключенных между двумя горизонтальными линиями. Ширина этой полосы 5—6 см. В месте перегиба (горловины

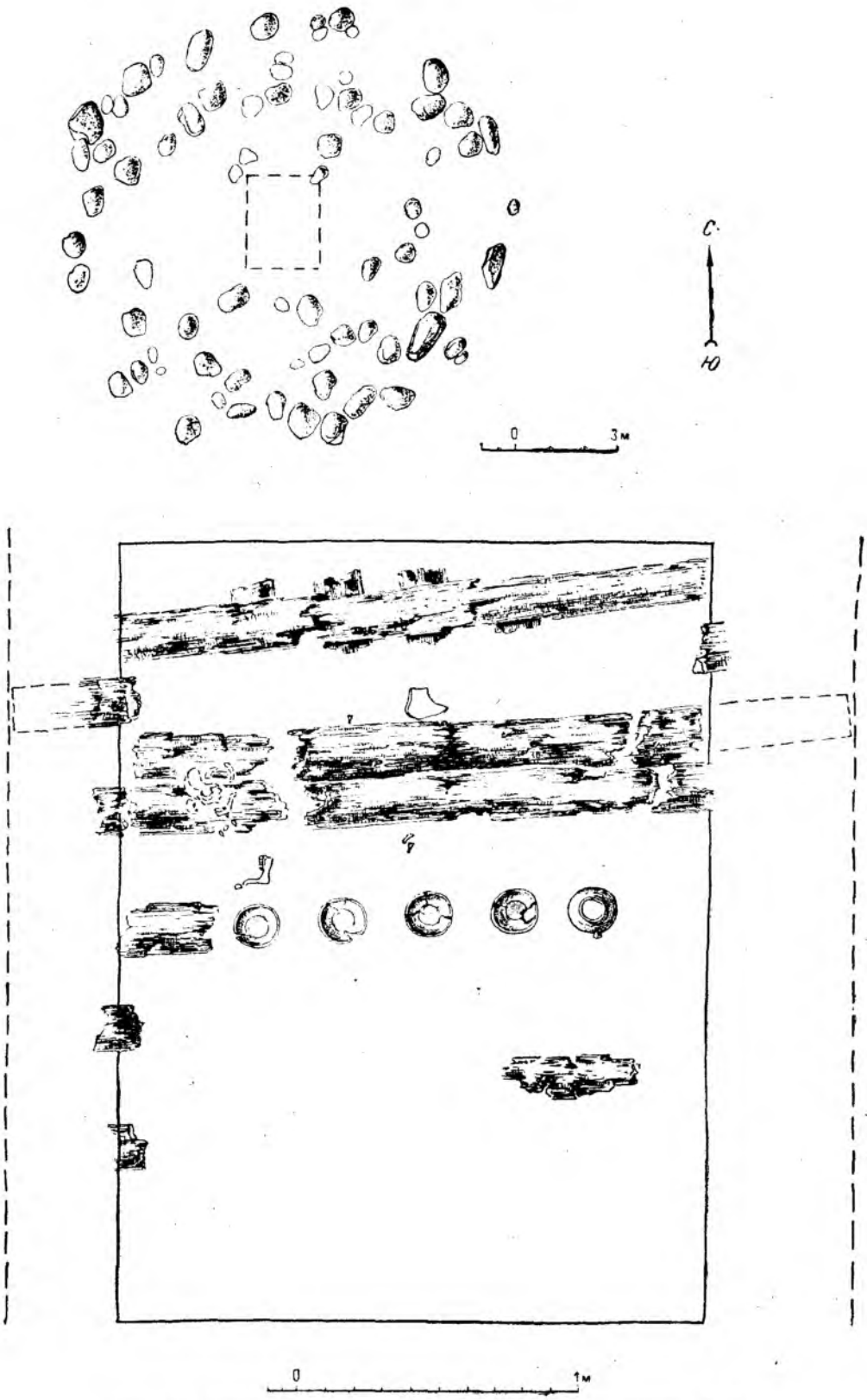


Рис. 25. Тянь-шань, окрестности Пржевальска, Джергес. К 2.

к тулову) на сосуде прикреплена путем налепа круглая шишечка, высотой 2 см. Сосуд изготовлен из грубого с древесной теста, красного в изломе; наружная поверхность красного цвета с оранжевыми пятнами. Второй сосуд — асимметричная круглодонная чаша (диаметр 25.6 см, высота 10.6 см). Как и на правом сосуде, сразу под закраиной налеплены две шишечки (диаметр 1 см, высота 1 см) на расстоянии 12 см друг от друга. Тесто сосуда ана-

логично первому, но более светлого, почти оранжевого цвета. На дне отпечатки ткани.

Из остальных фрагментов не удалось собрать полную форму. Часть их относится, очевидно, к чаше с прямой закраиной. Тесто ее плотное, светлорозовое в изломе; наружная поверхность покрыта светлым ангобом. Другая часть фрагментов из рыхлого теста, шероховатого в изломе, серо-желтого цвета. По поверхности, покрытой светлой обмазкой, нанесен прорезной орнамент геометрического характера — в виде концентрических полукружий (арочек), пересеченных по радиусу прямыми линиями.

К у р г а н № 2 (рис. 25). Насыпь кургана из земли и гальки (диаметр 13 м, высота 0.75 м) с плоской вершиной (диаметр 3 м), густо задернована, вершина камнями не закрыта. Могильная яма расположена под центральной частью насыпи и ориентирована с С на Ю. Она представляет собой обширную камеру (размером 2.90×2 м), перекрытую сверху бревенчатым (в три ряда) настилом (судя по торцам бревен, сохранившимся в обрезах раскопа). Нижний ряд бревен, перекрывавший яму в продольном направлении, находился на глубине 0.85 м (от дневной поверхности), средний ряд перекрывал камеру в поперечном направлении и лежал на глубине 0.55 м. Верхний (снова продольный) ряд лежал на глубине 0.40 м. Поверх настила, до уровня дневной поверхности, были насыпаны средней величины камни (30×20×15 см). Так как яма не была засыпана землей, то настил провалился, о чем свидетельствуют бревна, лежащие на дне (глубина 1.55 м). Дно и стены ямы как бы покрыты глиняной обмазкой. Курган был ограблен, — об этом говорит почти полное отсутствие костяка и встречающиеся на разных глубинах фрагменты керамики. Вся яма была завалена крупным булыжником, который продавил накат. Грабители проникли с южной стороны ямы, где вырезали отверстие в плахах, из-за чего впоследствии, не выдержав большую нагрузку, обвалилось перекрытие и в северной части могилы. Покойник, от которого остались лишь мелкие обломки костей, лежал, очевидно, в северной части ямы по оси З—В. На дне, у центральной части западной стены, под обвалившимися бревнами был найден раздавленный череп. Несколько южнее на приступке в 10 см высотой стояли в ряд (с З на В) 5 разбитых сосудов. Рядом лежали кости барана.

Крайний с В сосуд (№ 1) представляет собой высокий (высота 32 см) кувшин. У него плоское (подрезанное) дно (диаметр 13 см), тяжелая шаровидная нижняя часть тулова (диаметр 19.5 см); к середине высоты он значительно сужается (диаметр 13 см), а затем раструбом расширяется кверху (диаметр устья 19.5 см); закраина без венчика. На середине высоты у него непропорционально маленькая петлеобразная ручка (размером 6×4 см). Прочерченный орнамент в виде прямой линии и идущего параллельно ей ряда точек охватывает весь сосуд по наиболее широкой части внизу, затем поднимается по двум противоположным сторонам к устью, захватывая и ручку.

У второго (№ 2) круглодонного сосуда (высота 22.8 см) шаровидное тулово (диаметр 21 см) и невысокая (4 см) горловина, слегка расширяющаяся к устью (диаметр 13.8 см); закраина без венчика. Сосуд асимметричный, покосившийся на бок; на дне его сохранились отпечатки ткани.

Третий сосуд — асимметричная глубокая чаша (высота 12 см, диаметр 27 см) со слегка уплощенным дном. Закраина слегка отогнута наружу и срезана под углом внутрь.

Четвертый сходен по форме со вторым, кувшинообразным сосудом. У него шаровидное тулово (диаметр 12 см), переходящее в более узкую горловину (закраина не сохранилась), на дне также отпечатки ткани; толщина стенки 4—6 мм.

Последний сосуд, форму которого не удалось восстановить, судя по сохранившимся фрагментам, представлял собой также кувшинообразную чашу (но меньшего размера и более тонкую) со слегка отогнутой наружу закраиной. Все сосуды сделаны из довольно рыхлого, с дресвой, красного теста. Первые три сосуда толстостенные (6—10 мм).

Характерной чертой чаш является, как уже было указано, уплощенность дна и отогнутая кнаружи, слегка утончающаяся закраина. Два кувшина из этой могилы, одинаковые по своим технологическим данным, резко отличаются по форме. Первый кувшин (рис. 28, *2*) имеет уплощенное дно, несколько сжатое по меридиональному сечению тулово и двояко симметрично расширяющуюся горловину (к тулову и устью). Бросается в глаза асимметричность всего кувшина. Характерно, что, поставленный на плоскость, он имеет высоту одного борта 22.8 см, а другого 20.7 см. На втором кувшине (рис. 28, *1*) особенно ясно прослеживаются следы затирки — лощения. В целом сосуд явно подражает изделию из кожи. Форма его весьма своеобразна (рис. 28).

В первом Джергесском кургане также обращает на себя внимание керамика высокого качества с красной затиркой, особенно интересен кувшин с выступами-ручками и прочерченным орнаментом в виде вертикальных канелюров на горловине. Как было сказано, здесь же были найдены фрагменты с арочным орнаментом.

Джергесская керамика весьма своеобразна и резко отличается от известной нам тяньшаньской, особенно по технологии, а отчасти по форме и орнаменту.

Новым, по сравнению с сако-усуньской керамикой, является, во-первых, свойственная со-

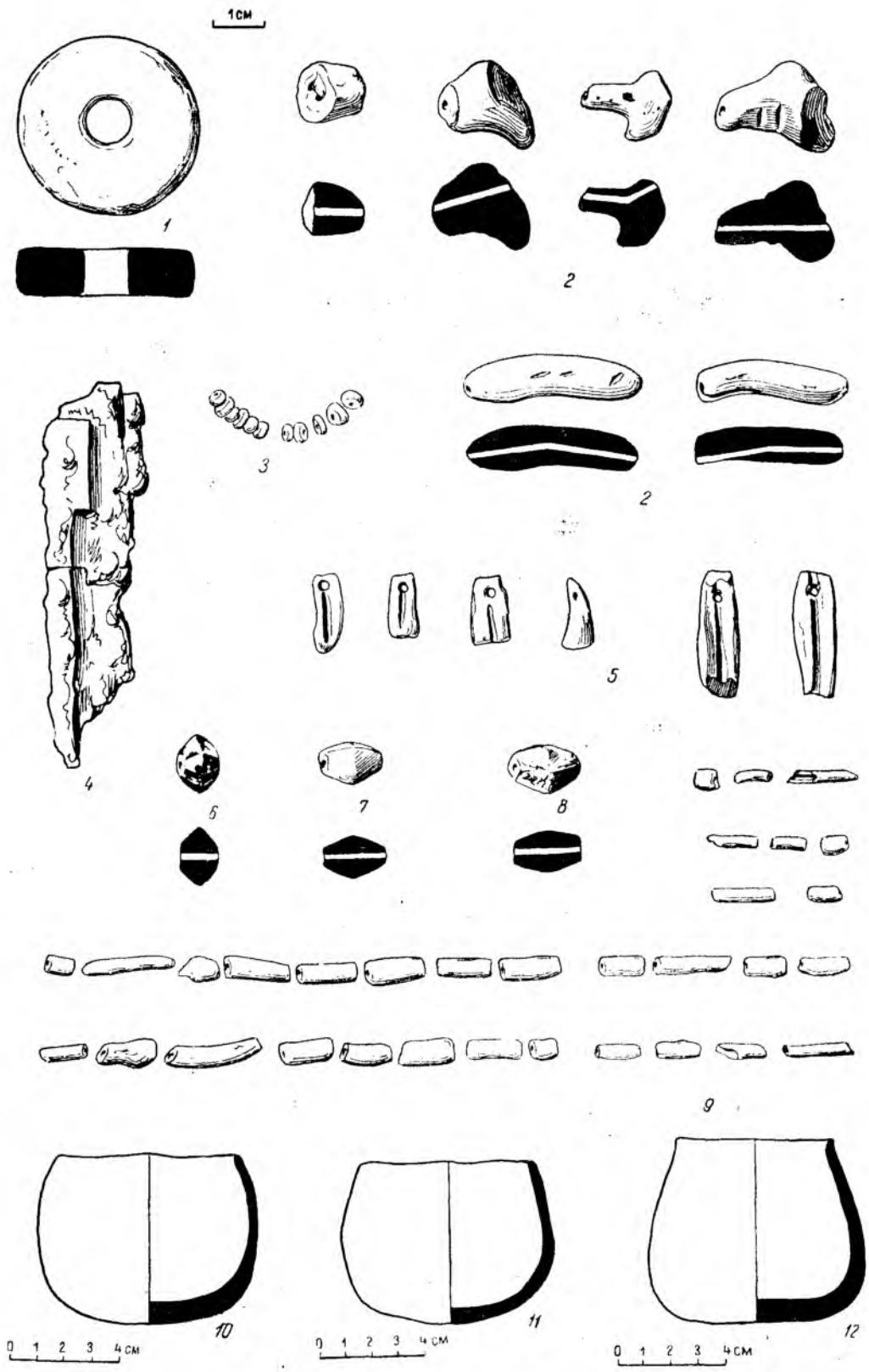


Рис. 26. Центральный Тянь-шань, Нарын, Аламышик. Вещи из усуне-юечжийских погребений.

1 — прясло, известняк (К 106); *2, 5, 9* — бусы, коралл (К 106); *3, 8* — бусы, серая паста (К 106); *4* — железный нож (К 106); *6* — сердоликовая буса (К 106); *7* — буса из лазурита (К 106); *10—12* — керамика (К 104).

коловской, аламышикской и джергетальской керамике этого времени уплощенность доньев, кстати сказать, наблюдающаяся прежде всего в кувшинообразных формах; во-вторых, обращает на себя внимание появление ручек-выступов, получивших свое развитие преимущественно в посуде тюркского времени; в-третьих, наличие орнамента, тип которого, особенно арочный и в виде прочерченных вертикальных полос, можно встретить в даваньской и кушанской керамике Ферганы; в-четвертых, уникальным выглядит кувшин из второго кургана, с орнаментом, имитирующим перевязь сосуда или швы, подобно согдийской орнаментике кувшинов, но в данном случае подражающий изделию из кожи (рис. 27—28).

Все эти соображения дают основания для двух выводов.

Во-первых, здесь преобладают виды посуды, орнамент и технология которых сближают Джергесский комплекс с культурой западного происхождения, скорее всего с ферганской, подобно тому как с ней увязываются некоторые типы чаш Соколовского кургана.

Во-вторых, учитывая относительно поздний характер некоторых элементов керамики (орнамент, выступы-ручки), следует помещать Джергесские курганы в конце курганов этой серии и датировать первыми веками н. э.

Группа погребений Соколовка—Джергес, II в. до н. э. — II в. н. э., по своему составу хронологически общая, но этнически различная. Эти погребения оставлены населением Тянь-шаня в гуннское время: с одной стороны, остатками восточно-юечжийских племен (Соколовка—Джергес), с другой — усуньских (Аламышик и Джергетал).

Более ранними в этой группе являются Аламышикские курганы, Алабакан и, быть может, Ача-тюбе, продолжающие традиции сакских племен; более поздними — Соколовка и Джергес, к тому же отражающие южносибирские культурные воздействия (двукамерные погребения).

Естественно возникает вопрос, с каким конкретным племенем можно связать эту группу захоронений?

Так как для рубежа н. э. нам известны усуньские погребения, явно исключаются гуннские и, кроме того, выделены сакские, то из племен, известных для этого времени на Тянь-шане, остается только восточная ветвь юечжей.

Во всяком случае керамика, поскольку она сходна с западными (ферганскими) формами, дает нам основание для этого этнического сближения.

Отмечу, однако, что тип захоронений сохраняется южносибирский. Западные элементы в культуре Джергесских курганов говорят об юечжийских племенах в составе гуннского племенного союза, который покорил восточных юечжей еще во II в. до н. э.

7. КАТАКОМБЫ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ
I—IV вв. н. э.

Ясно выделяются в раскопанных курганах по типу погребения, расовому облику погребенных и обычаю деформации черепа катакомбные и подбойные погребения.

Катакомбный тип погребений и подбои были обнаружены (перечисляются в порядке хронологическом) на перевале Кызарт, в долине Кырчин и могильнике Аламышик. Могильники эти (кроме Кызарта) уже известны по сделанным выше описаниям. Катакомбные погребения, кроме кызартских (наиболее ранних), находились и в других могильниках, синхронных или более ранних, что весьма показательно. Это свидетельствует, с нашей точки зрения, о смешении пришлого населения с местным и об утрате первым политического превосходства и отличия, которое оно сохранило в первые века своего появления на Тянь-шане. Наиболее древними из известных до работ 1949 г. на Тянь-шане были катакомбы в урочище Бурмачап (рис. 29. Описание см. на стр. 22 и сл.). Раскопки катакомбных и подбойных могил 1949 г. дали интересные результаты.

Приведем описания Кызартского могильника и вскрытых погребений на перевале Кызарт из Кочкорской долины в Джумгал (рис. 30).

Перевал Кызарт представляет собой мягкие земляные увалы, поднимающиеся на высоту до 3000 м над ур. м. Окрестности перевала изобилуют водой и хорошими пастбищами. Группа состоит из 12 курганов с мягкими земляными насыпями, окаймленными оплывшим ровиком. Вершины насыпей уплощенные, бока слегка ограненные. Курганы варьируют в размерах; один резко выделяется — его диаметр около 20 м, высота около 1 м. Наименьший курган — диаметр 6 м, высота 0.15 м.

В Кызартском могильнике было вскрыто пять насыпей. Все курганы были насыпаны над катакомбами, сильно различающимися по своей конструкции — от узкого дромоса с обширной камерой разных очертаний до могил с небольшим подбоем, перекрывающим только часть погребения. Четыре катакомбы из пяти были ограблены и частично разрушены (рис. 31). В нетронутой катакомбе был костяк без вещей. Инвентарь сопровождал два погребения, зарегистрированные нами под №№ 7 и 10.

Курган № 5. Курган с круглой земляной насыпью (диаметр 8 м, высота 0.21 м). Конструкция могильной ямы не установлена. Судя по разбросанным костям, встречающимся на различной глубине (0.10—0.50 м от дневной поверхности), курган подвергся ограблению. Основная часть костяка юноши обнаружена на глубине 0.70 м. По расположению костей можно полагать, что костяк лежал на спине, головой на СЗ. Инвентарь отсутствует.

Курган № 6. Насыпь кургана земляная, уплощенная (диаметр 9 м, высота 0.20 м). Погребальное сооружение представляет собой

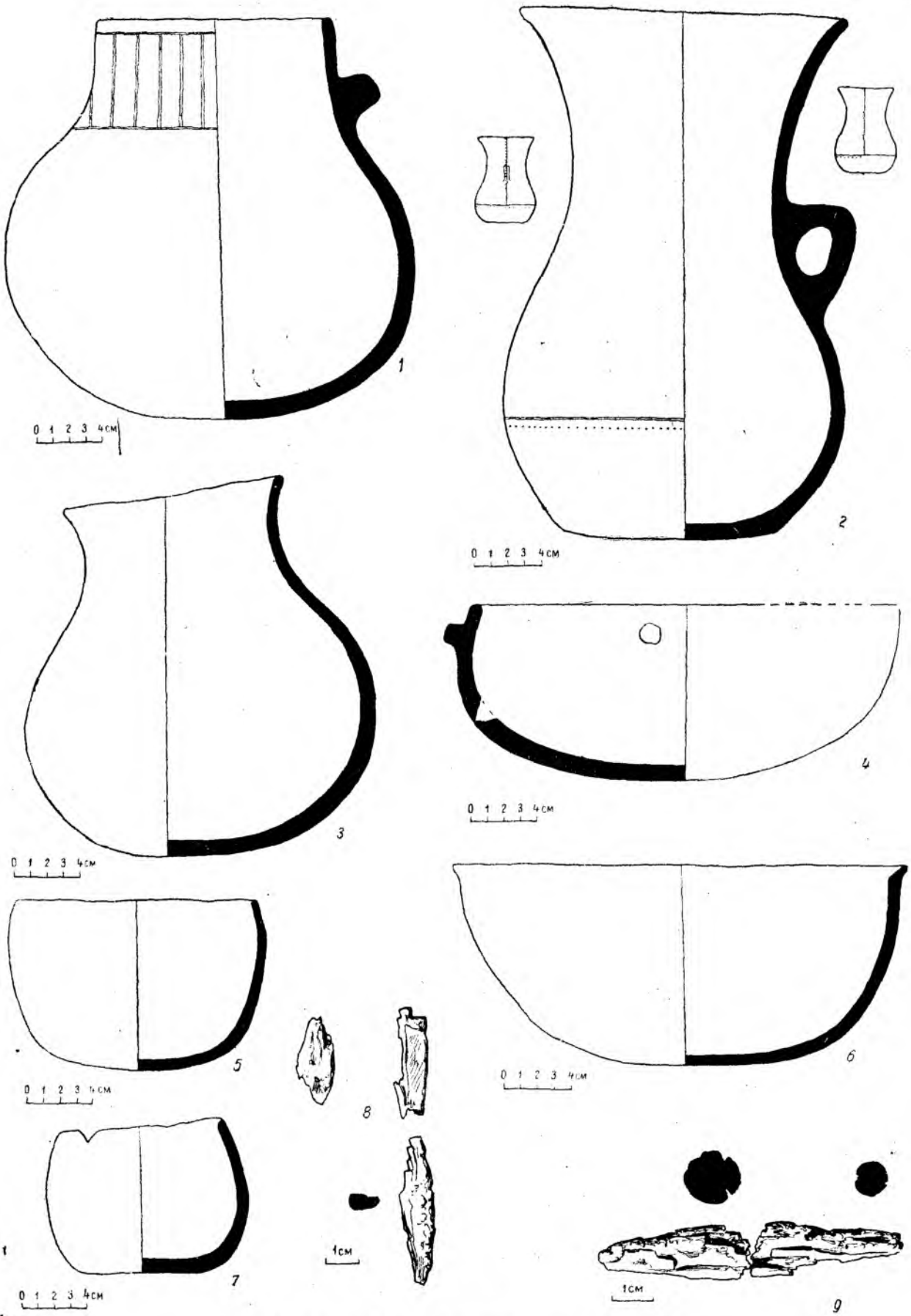


Рис. 27. Тянь-шань. Вещи из усуне-юечжийских погребений:

1, *4* — глиняные сосуды (окрестности Пржевальска, Джергес, К 1); *2*, *3*, *6* — глиняные сосуды (Джергес, К 2); *5* — глиняная чаша (долина Нарына, Ача-тюбе, К 2); *7* — глиняный горшок (долина Алабуки, Джергетал, К 13); *8* — железный нож (Джергетал, К 13); *9* — железный нож (долина Нарына, Алабакан, К 1).

дромос и катакомбу. Дромос в плане почти квадратный (размер 2×1.75 м), глубиной 2 м, дно покатое (высота южной стенки от дневной поверхности всего 1.40 м). Катакомба, расположенная к С от дромоса, имеет при входе вид узкого перешейка (ширина 0.80 м, длина 0.50 м), а затем расширяется к З и В, приобретая в плане форму неправильного овала (размер 2×1.50 м). Вход в нее закрыт каменными плитами. Свод катакомбы в виде полусферы достигает наибольшей высоты при входе (1 м), а затем постепенно понижается до уровня (в центре) 0.70 м. Размеры по основанию (овальному) 2.00×1.30 м. Погребение грабленое: отдельные кости (фаланги, ребра, ключица, позвонки) встречаются уже на глубине 1.50 м. При входе в катакомбу, в дромосе, лежали кости барана. В самой катакомбе оказалось два костяка. Один мужской костяк на глубине 1.35 м, лежал на спине, ногами на В (череп отсутствует). Правая нога согнута в колене так, что пятка ее заходит под колено левой ноги. Кисть вытянутой левой руки находилась под бедром. Второй скелет (мужской) —

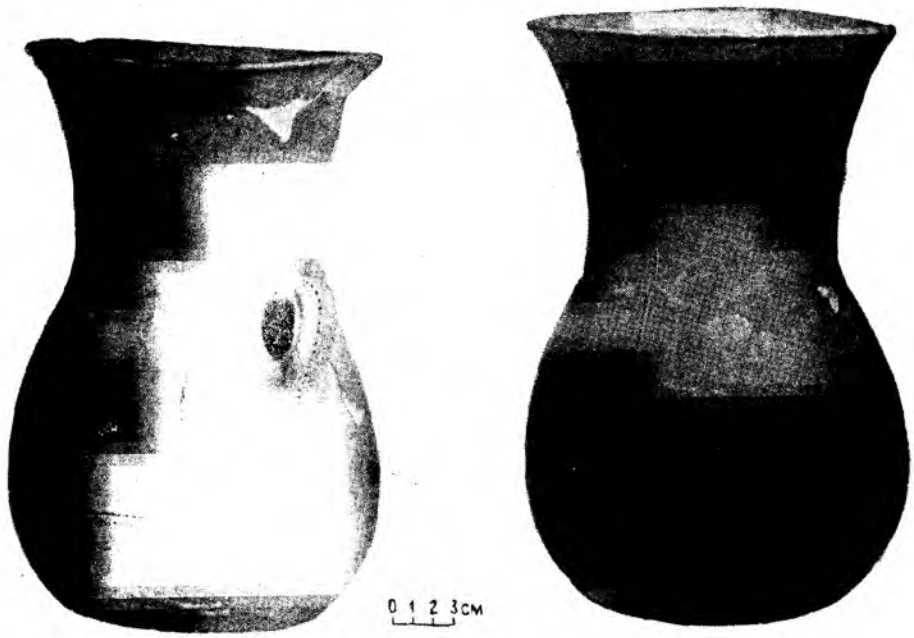


Рис. 28. Тянь-шань, окрестности Пржевальска, Джергес. Сосуд из К 2.

пола у стен. В катакомбе в беспорядке лежали кости конечностей и черепа мужчины. Инвентарь представлен фрагментом железного ножа (острие) со следами деревянных ножен и несколькими мелкими фрагментами дерева.

К у р г а н № 7 (рис. 32) (все глубины даются от края раскопа). Курган земляной, несколько оплывший на Ю и З. Диаметр кургана 14 м, высота 0.87 м. Погребальное сооружение — дромос и катакомба. Дромос вытянут с С на Ю. Южная стенка дромоса высотой 1 м. Дно его (длиной 2 м) представляет собой наклонную плоскость, плавно опускающуюся с глубины 1 м до 1.70 м, и сливается внизу непосредственно с дном катакомбы. Ширина южной стенки дромоса 0.80 м. Затем он расширяется к С до 1.20 м. Катакомба примыкает к северному краю дромоса, но перпендикулярно, т. е. вытянута с З на В. Вход в нее завален четырьмя крупными камнями со следами обтески. Свод подбоя в значительной степени разрушен, но по северному обрезу камней завала можно восстановить его как почти полное полукружие (дуга в 135°). Высота свода при входе 0.45 м; наибольшая его высота на глубине 1.70 м, под первым. Кости разбросаны в беспорядке. От погребального инвентаря остались лишь обломки. Так, на дне дромоса и в западной части катакомбы на глубине 1.75 м найдены обломки костяных накладок от лука. На внутренней их стороне нанесены косые насечки; наружная поверхность слегка залощена и имеет следы красной краски. У входа в катакомбу найден железный нож с отломанным концом и рукоятью, с тупой спинкой. Здесь же лежали черенки железных наконечников стрел, вставленных в деревянные втулки (все это превратилось в бесформенную массу). Под костяком № 2 также лежали четыре черенка от железных наконечников стрел со следами деревянных втулок на них.

К у р г а н № 9. Насыпь кургана земляная, круглая в плане, с западиной в центре (диаметр 12 м, высота 0.53 м). Вокруг неглубокий ровик. Под насыпью открыты дромос и неглубокий подбой, свод которого частично разрушен. Дромос (длиной 2 м), вытянутый с СЗ на ЮВ, постепенно понижается и расширяется книзу. Ширина дромоса в верхней (ю.-в.) части

на глубине 0.50 м (от дневной поверхности) равна 0.60 м, в то время как в ю.-з. стороне на глубине 1 м он расширяется до 0.90 м. Катакомба (подбой) является непосредственным продолжением дромоса и лишь немного отклоняется к С. Площадь ее по основанию: 0.50 (СЗ—ЮВ)×1.10 м (СВ—ЮЗ). Уровень дна на глубине 1 м. Свод в виде дуги (четверть окружности), частично разрушен. Высота его (при входе) 0.60 м. У входа в подбой (но не закрывая его), у с.-в. стенки дромоса стоит крупная плита, размером 0.80×0.90 м. Костяк мужчины — точнее, часть его (кости верхних и нижних конечностей, лопатки, сломанный череп) — лежит на спине в направлении СЗ—ЮВ так, что череп (на СЗ) и кости верхнего пояса находятся в подбое, а кости нижнего пояса лежат уже в дромосе. У головы, на приступочке высотой 0.30 м, отмечены остатки круглой деревянной чаши с разбросанными вокруг бараньими позвонками. Инвентарь отсутствует.

Курган № 10 (рис. 33). Насыпь земляная с неглубоким ровиком вокруг (диаметр 12 м, высота 0.48 м). Погребальное сооружение представляет собой узкий, в виде колодца (0.70××1.00 м), дромос, глубиной по восточной стенке 1 м (от дневной поверхности). Дно его, длиной 1.40 м, постепенно понижается до уровня 1.50 м. Этот узкий колодец ведет в обширную погребальную камеру — катакомбу, расположенную к З от дромоса. Катакомба имеет полусферический потолок, высотой (в центре) до 1.20 м, понижающийся у стенок камеры до 0.40 м. Размеры ее по основанию: 2.40 (СЮ)×2.05 м (ЗВ). В центре катакомбы была пробита грабительская дудка, заваленная впоследствии камнем. В северной части катакомбы были в беспорядке разбросаны на разных глубинах (1.10—1.40 м от дневной поверхности) кости скелетов мужчины, женщины, двух младенцев и барана.

На плечевой кости скелета сохранились фрагменты китайской ткани (тюль и шерсть) и

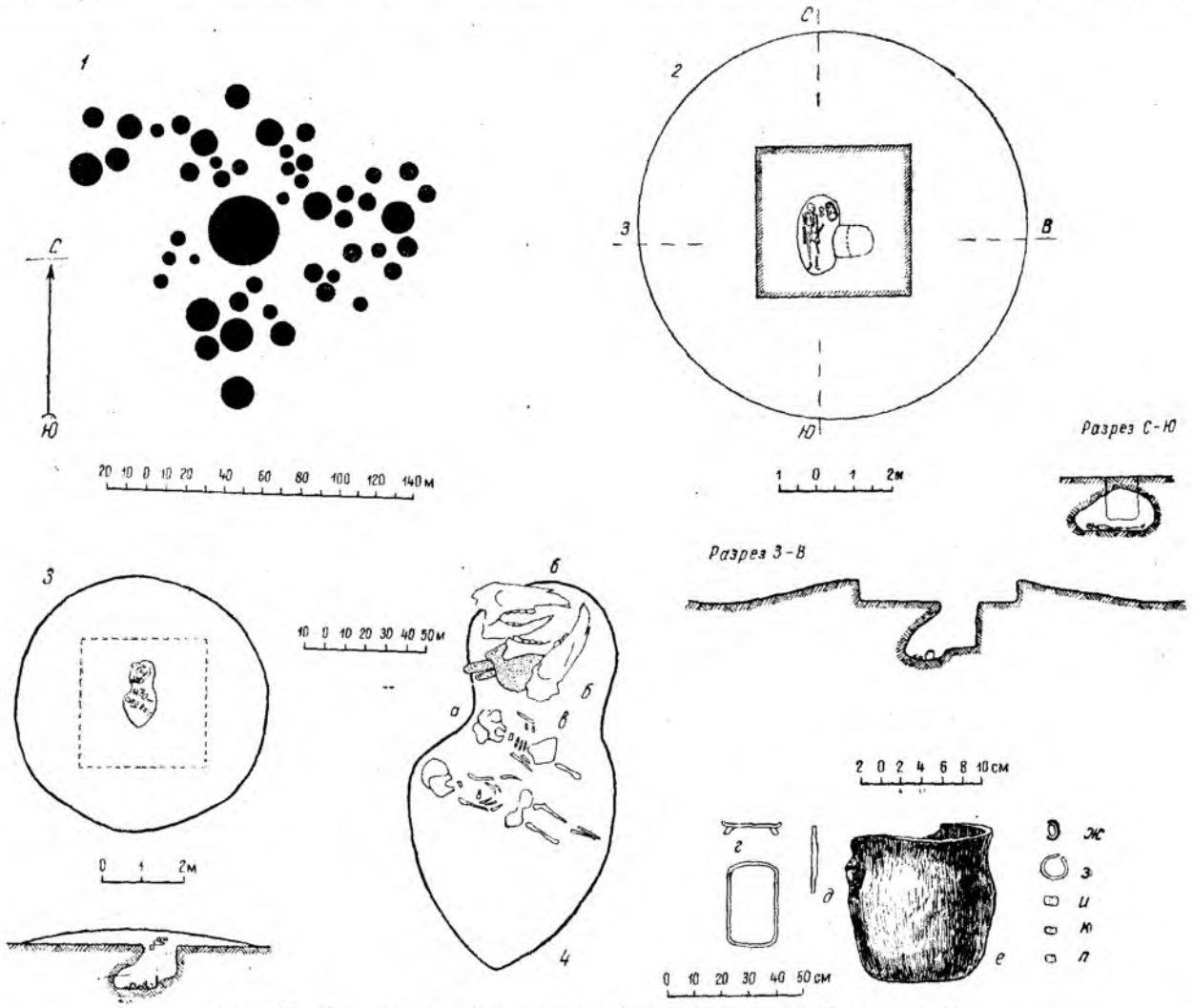


Рис. 29. Центральный Тянь-шань, Арпа. Могильник Бурмачан II.

1 — план могильника; *2* — взрослое захоронение; *3, 4* — детское захоронение (*а* — камни; *б* — черепа лошадей; *в* — детские скелеты; *г* — деревянный столик; *д* — железный нож; *е* — глиняный сосуд; *ж* — серебряный медальон с инкрустацией; *з* — серебряное кольцо; *и—л* — пастовые бусы; *г — л* — предметы из взрослого захоронения).

ниже — кожаный «кисет» (?) — куски кожи с остатками шерстяной ткани снаружи и отпечатками бронзы внутри. «Кисет» затягивался кожаным шнурком. Здесь же был маленький

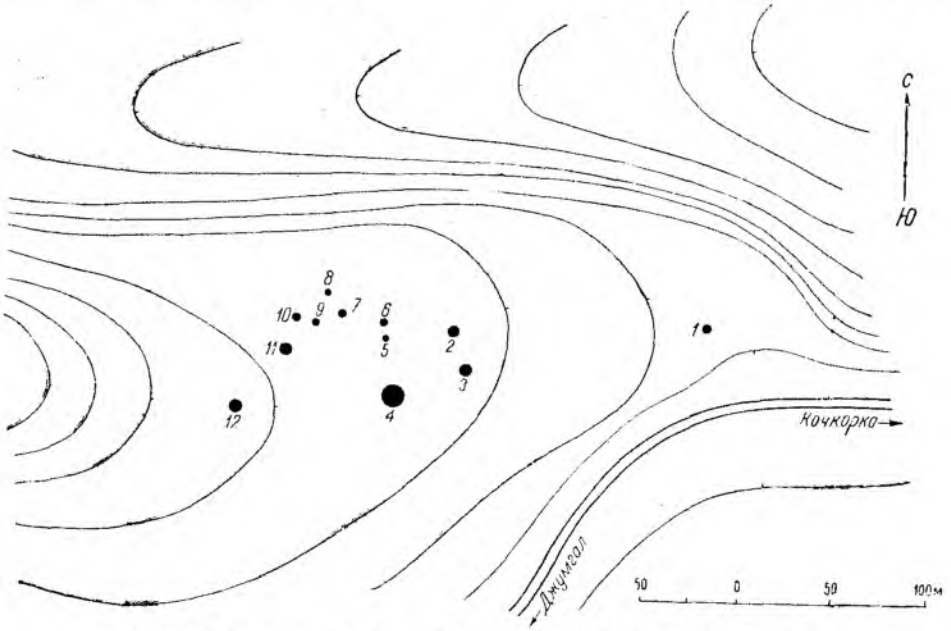


Рис. 30. Тянь-шань, Джумгал, Кызарт. План могильника.

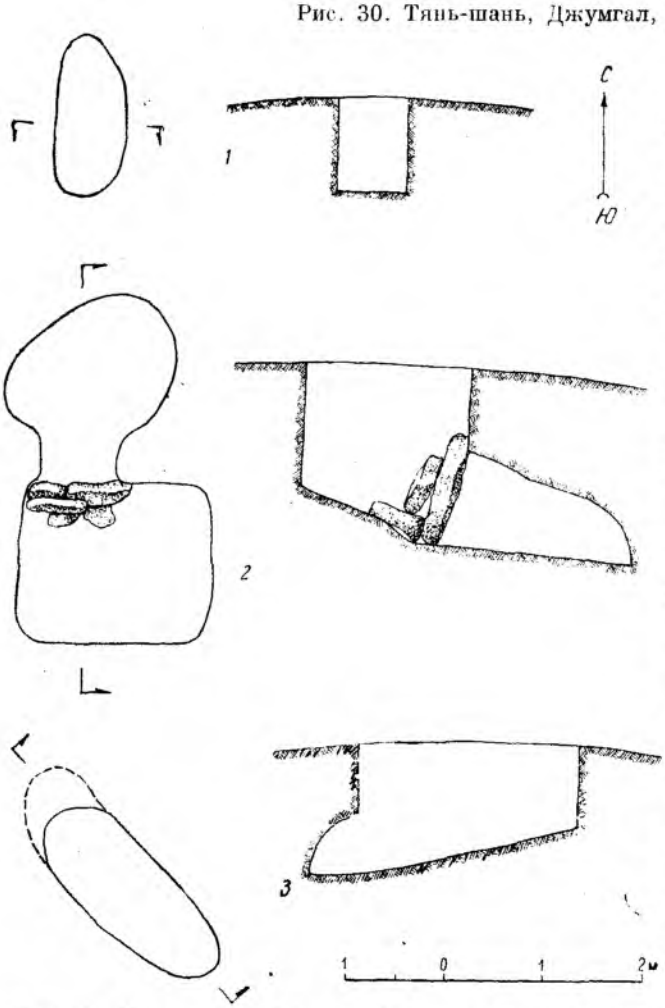


Рис. 31. Тянь-шань, Джумгал, Кызарт. Типы катакомб и могил

1 — К 5; *2* — К 6; *3* — К 9.

кусочек железа и половина костяного кольца.

У восточного края катакомбы лежал череп барана (на глубине 1.10 м). Несколько южнее и глубже (1.45 м) обнаружены два человеческих черепа (один из них расколот) и рядом фрагменты железного ножа, острие которого имеет в разрезе форму равнобедренного треугольника; на лезвии сохранились остатки деревянных пластинок чехла, скрепленных железной обоймочкой. Еще южнее на той же глубине лежали кости голеней (стопами на Ю), сохранившие анатомически правильное расположение. Между коленями находилось глиняное круглое пряслице розового цвета (диаметр 3 см, толщина 1.8 см). У стопы левой ноги сохранились истлевшие остатки днища деревянной чаши (диаметр 30 см) и два фрагмента ее закраины (толщина 0.6 см) без венчика, слегка отогнутой наружу. Закраину охватывает бронзовая обоймочка из пластинки толщиной 0.5 мм. Обоймочка к дереву прикреплена бронзовым же гвоздем, причем шляпка находится с наружной стороны, а с внутренней кончик гвоздя загнут.

В ногах, у самой южной стенки катакомбы, стояли в ряд три сосуда. Один — асимметричный плоскодонный кувшин с небольшой петлеобразной ручкой, идущей от закраины. Закраина кувшина без венчика, слегка срезана внутрь. Сосуд толстостенный (0.8—1 см) из грубого рыхлого теста с дресвой, черного цвета. Стенки от дна слегка расширяются, а затем, на высоте $^2/_3$ от дна, так же легко сужаются к устью. Размеры: высота 18 см, диаметр закраины 12 см, диаметр дна 10 см, диаметр в широкой части тулова 14.5 см, высота ручки 4 см.

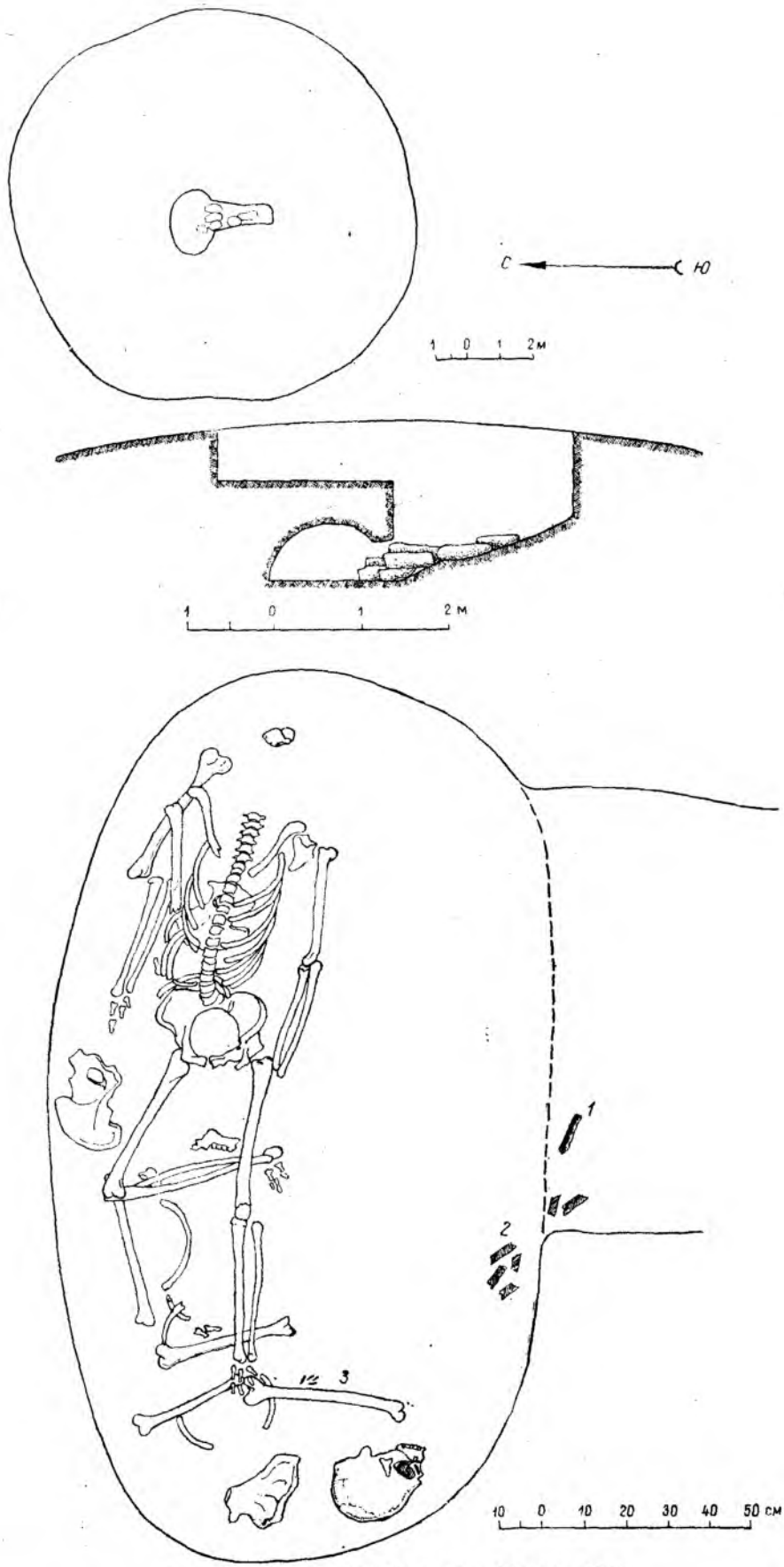


Рис. 32. Тянь-шань, Джумгал, Кызарт. К 7.

1 — железный нож; *2* — костяные накладки от лука; *3* — черенки железных наконечников стрел.

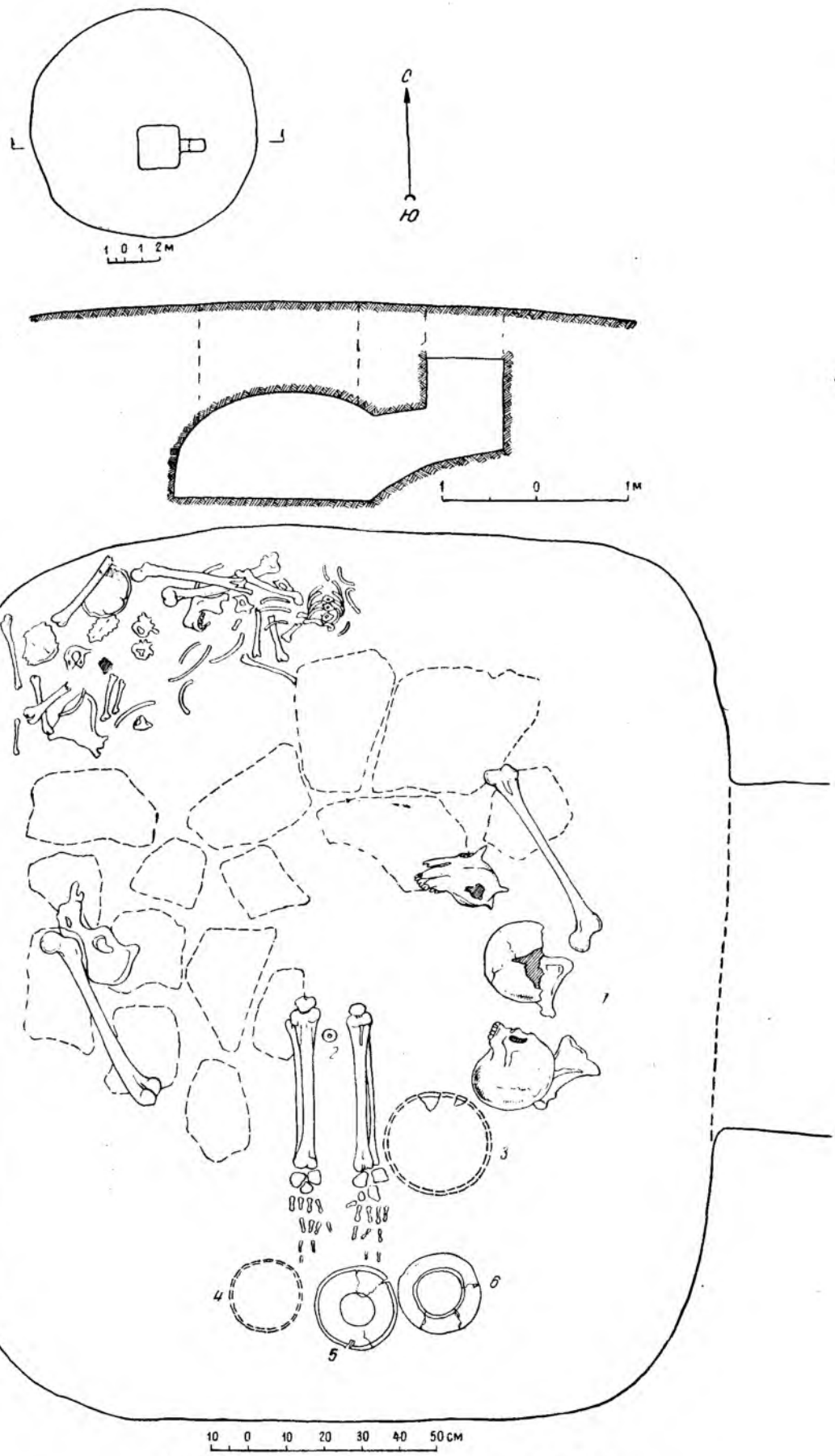


Рис. 33. Тянь-шань, Джумгал, Кызарт. К 10.
1 — кости барана; *2* — прясло; *3*, *4* — деревянные чаши; *5*, *6* — сосуды из глины.

Второй горшок (сохранилась только половина) из такого же теста, как и первый, тоже плоскодонный, сходный с ним по форме, но выше и с более резким профилем. У горшка низкая (высота 2 см), но четко выраженная горловина; закраина без венчика. Размеры: высота 19.8 см, диаметр горловины 13 см, диаметр дна 9.5 см, диаметр тулова (на высоте 12 см) 17.4 см. В горшке лежали кости барана. От третьего сосуда — деревянной чаши диаметром 20 см — сохранился только тлен и один фрагмент закраины, аналогичной вышеописанной, но более тонкой и без обоймочки.

Погребения Кызартского могильника, особенно катакомбы № 7 и № 10, представляют собой типичные захоронения кенкольского типа. Об этом прежде всего говорит «архитектура» погребальных сооружений — ясно выраженный узкий дромос со своеобразным пандусом, спускающимся к катакомбе. Дромос расположен перпендикулярно к длинной оси погребальной камеры, как в Кенколе, и завален камнями; вход в катакомбу прикрыт плитами, либо крупными камнями.

Ориентация входов и костяков в катакомбах варьирует подобно тому, как это мы наблюдали и в Кенкольском могильнике. Там мы объясняли это топографией площадки, где находился могильник. В Кызартском могильнике это объяснение исключено, так как площадка кладбища в основном ровная. Очевидно, что различие ориентации вызвано другими соображениями и стоит в связи либо с временем года, к которому относились похороны, либо с половозрастными отличиями, но вряд ли с социальными, так как насыпи в общем однородны. Однако мы склоняемся к первому предположению, так как увязка ориентации с половозрастными отличиями по другим могильникам не дает строгой закономерности.

Подобно Кенколу, мы в Кызарте встретили не только одиночные, но и парные захоронения, причем одиночные не только женские, как в Кенколе, но и мужские (К 6).

При частичном сохранении «патриархальных» (парных) погребений мы, следовательно, наблюдаем здесь и нарушение этой обрядности. Характерно, что в катакомбах Арпы и на юге Киргизии, в Чон-алае, мы также не встречаем уже парных захоронений. Однако в равнинной части (Фергана, Ташкент) парные захоронения продолжают бытовать. Очевидно, этот обряд исчезает среди горных гуннских племен. Напомним, что алайские катакомбы, явно более поздние, чем кенкольские, не знают этих обрядов. Уже эти наблюдения — «архитектура» катакомб и обряд — сближают кызартские катакомбы с кенкольскими, наиболее ранними.

Большое сходство наблюдается и в инвентаре. В седьмой катакомбе, как следует из описания раскопок, было парное захоронение мужчины и женщины с деформированными черепами. Инвентарь принадлежал мужчине. Это прежде всего кенкольского типа лук с костяными обкладками, обломки железного ножа с утончающимся черенком, тонким в сечении (до 1 см), деревянные стрелы и сильно окисленные наконечники стрел черенкового типа. Наконечники стрел — уплощенные железные — могут быть по форме сближены с плоскими костяными стрелами Кенкола.

Из инвентаря десятой катакомбы обращу внимание на фрагменты китайского шелка, окрашенного в красный и синий цвет, и деревянную чашу с бронзовыми пластинчатыми обоймицами для закрепления трещин. Этот же прием крепления был отмечен и на деревянной посуде Кенкола. Укажем на особый тип глиняного прясла: в противоположность коническим пряслам Кенкола, оно уплощенное, но весьма массивное, высокое, почти цилиндрическое.

Любопытна керамика десятой катакомбы: высокие сосуды очень низкого обжига и грубой ручной выделки. По характеру теста, отчасти и по форме, они сближаются прежде всего с сосудом из Арпы, хотя бóльших размеров. Характерно, что посуда плоскодонная, что типично для гуннской посуды, в отличие от сако-усуньской. Такого типа сосуды известны и для Кенкола, где, однако, преобладает керамика среднеазиатских мастеров, хотя и ручной лепки, но высокого обжига и хорошего теста.

Кызартские сосуды типичны именно для «домашнего» ремесла гуннов Тянь-шаня.

Приведенные аналогии подтверждают, таким образом, близость кызартских катакомб к кенкольским и арпинским (бурмачапским). Все они выделяются нами в серии аналогичных погребений Центрального Тянь-шаня как наиболее ранний тип катакомб, характерный прежде всего для Тянь-шаня.

Они стоят в начале хронологической серии погребений этого типа.

Другой тип подбоев из Центрального Тянь-шаня был обнаружен в ущелье Кырчин (Иссык-куль) и в Аламышике. Приведем описание вскрытых могил.

К ы р ч и н. К у р г а н № 65. Курган с невысокой (высота 0.56 м) каменной сильно задернованной насыпью, диаметром 6 м. В центре из камня выложена площадка в форме неправильного круга, диаметром 1.50 м. Погребальное сооружение представляет собой заполненный камнем дромос (размером 2.70×0.80 м, глубиной 1.90 м), вытянутый с З на В, и примыкающий к северной его стороне подбой. Вход в подбой загорожен плотно пригнанными друг к другу плитами, достигающими размера 1.00×0.60 м. Плиты поставлены на ребро. Возможно, что перед плитами стояла загородка из жердей, — сохранилось два отпечатка от них. Дно подбоя ниже дна дромоса на 10 см; площадь по основанию 0.50×2.70 м; свод дугообразный, высотой (у входа) 0.40 м.

Костяк женщины лежит на глубине 2.00 м (от дневной поверхности) в вытянутом положении на спине, головой на З, лицом на Ю. Инвентарь отсутствует.

К у р г а н № 68 (рис. 34). Насыпь кургана земляная, высотой 0.48 м, диаметром 9 м. Погребальное сооружение представляет собой дромос (размером 2.20×0.40 м, глубиной 1.80 м от дневной поверхности), заполненный камнем, ориентированный З—В, и примыкающий к нему с северной стороны подбой. Вход в подбой загорожен камнями, поставленными на ребро. Дно дромоса и подбоя на одном уровне; площадь подбоя по основанию 2.20×0.50 м; высота свода у входа 0.50 м. Костяк мужчины лежит в вытянутом положении на спине, головой на З, лицо несколько повернуто к С. Поверх всего костяка идет слой земли с золой. Инвентарь отсутствует.

А л а м ы ш и к. К у р г а н № 15. Насыпь кургана из крупного камня с землей, сильно задернованная. Диаметр 11 м, высота 0.57 м. В насыпи прослеживаются два каменных кольца диаметром 7 и 4 м. Погребальное сооружение представляет собой вытянутый с З на В дромос, засыпанный камнем с землей, и примыкающий к его северному краю подбой, точно в грунте не прослеживаемый. Уровни дна дромоса и подбоя на одинаковой глубине — 2.80 м. Костяк мужчины лежит в вытянутом положении на спине, головой на З, лицом вверх. Слева от костяка, на уровне ключицы, найдены мелкие фрагменты железа и позвонки барана; с той же стороны, у костей предплечья, на пятне с тленом дерева лежали также позвонки барана. Инвентарь отсутствует.

К у р г а н № 40. Насыпь кургана круглая, каменная, высотой 0.75 м, с кольцом, выложенным по основанию (диаметр 9 м), и с выкладкой в виде круга, заполненного камнем (диаметр 4.5 м), на вершине кургана. Погребальное сооружение представляет собой дромос (размером 2.30×0.70 м), ориентированный СЗ—ЮВ, заваленный крупным камнем (в нижней части камни поставлены на ребро вплотную друг к другу). В ю.-з. стене дромоса на глубине 1.15 м (от дневной поверхности) сделана ступенька шириной 0.40 м, от которой на дно дромоса ведет покатый спуск (до глубины 1.80 м). К с.-в. стене дромоса примыкает катакомба; вход в нее был загорожен деревянными жердями, стоявшими на расстоянии 10—40 см друг от друга. Свод катакомбы обрушился, но высоту его, судя по отпечаткам верхних концов деревянных жердей, можно все же определить 0.65 м. Площадь катакомбы по основанию (от с.-в. стенки до жердей) 2.30×0.80 м. Костяк мужчины лежал на глубине 1.85 м (ниже уровня дна дромоса), в вытянутом положении на спине, головой на СЗ. За головой лежал позвонок барана на отпечатке от деревянной чаши.

К у р г а н № 41 (рис. 35). Насыпь кургана из камня, засыпанного землей, высотой 0.55 м, диаметром 9 м. Курган задернован, но выделяется выложенное по поверхности насыпи кольцо из камня, диаметр 4 м.

Погребальное сооружение представляет собой дромос, вытянутый с З на В (размером 2.70××1.10 м) и заполненный камнем на глубину 1 м (от дневной поверхности). Ниже под камнем располагались в 3 ряда наклонно стоящие каменные плиты различной толщины, высотой до 0.80 м. На глубине 1.30 м отмечены следы дерева. Общая глубина колодца (дромоса) равна 1.80 м. Отмеченные выше плиты закрывают вход в катакомбу, расположенную к С от дромоса и ориентированную также с З на В (размер ее 2.30×0.70 м). Уровень дна катакомбы отделяется от дромоса невысокой (0.20 м) ступенькой. Потолок представляет собой в разрезе четверть круга с наибольшей высотой (при входе) 0.60 м. Скелет женщины находился на глубине 2 м в вытянутом положении на спине, ногами на В, с руками, вытянутыми вдоль туловища; череп отсутствует. У колена правой ноги найден конец сломанной каменной проколки (четырехгранной в сечении) длиной около 5 см и небольшой фрагмент сильно окисленного железного предмета (1.5 см). В западной части катакомбы найден позвонок барана.

К у р г а н № 43. Насыпь кургана каменная с земляной засыпью; в плане — неправильной формы круг с двумя отростками (на З и ЮВ). Четкая каменная выкладка не прослеживается, лишь на северном и западном склонах вырисовываются сложенные из камня фигуры подквадратной формы (1×1 м). Высота кургана 0.96 м, диаметр 14 м. Раскопками под одной курганной насыпью обнаружены два погребения в отдельных могильных ямах.

Одно погребение расположено в центре насыпи. Плохо прослеживаемая конструкция погребального сооружения может быть представлена как дромос (колодец), засыпанный землей с небольшим количеством камня и сужающийся книзу. В засыпи по всей глубине колодца встречаются фрагменты дерева и кости животных. Дромос вытянут с З на В, размеры его 2.50×1.00 м по верху и 1.90×0.30 м по низу на глубине 2 м (от дневной поверхности). Вплотную к северной стене дромоса примыкает слабо выраженный подбой, где на глубине 2.50 м обнаружено несколько костей (детских?). Вход в подбой был закрыт, очевидно, загородкой из вертикально стоящих жердей (один из сломанных столбиков сохранился). Над этим погребением на уровне дневной поверхности сложена прямоугольная выкладка из крупного камня, ориентированная СЮ (размером 1.50×1.70 м). В центре выкладки — зольное пятно с бараньими костями в нем. Глубже, уже в засыпи дромоса, на глубине 0.50 м (от дневной поверхности) — еще одно зольное пятно с костями барана.

Второе погребение расположено несколько севернее первого и отделено от него каменной

кладкой. Над погребением, на уровне дневной поверхности, сложена кольцевая выкладка из одного ряда крупных камней, поставленных на ребро. В центре выкладки — зольное пятно

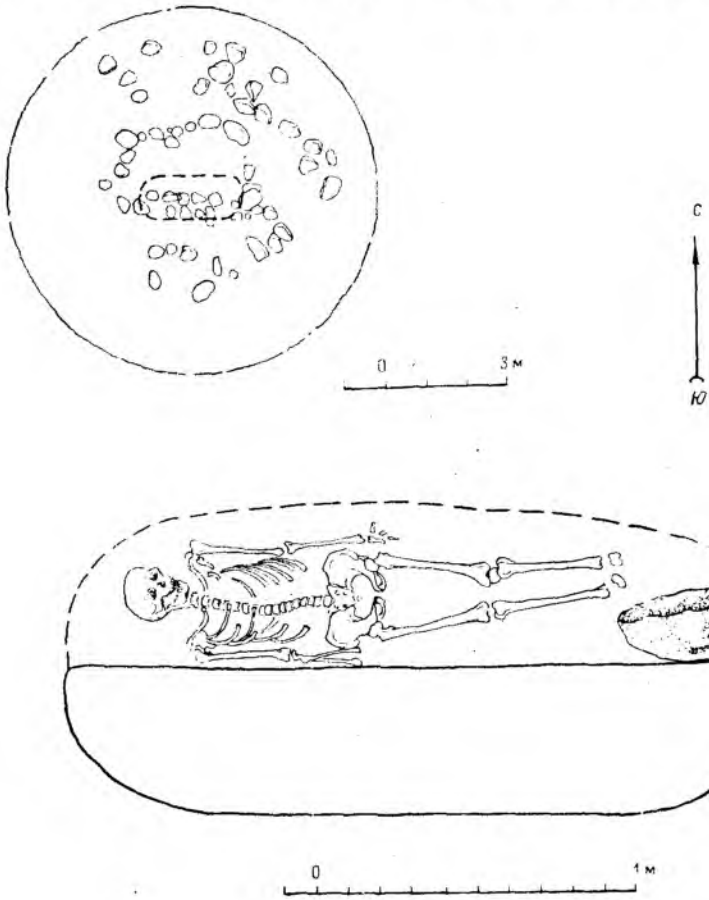


Рис. 34. Тянь-шань, северный берег Иссык-куля, Кырчин. К 68.

примесью дресвы, закопченная снаружи; фрагмент закраины широкогорлого сосуда из грубого с дресвой теста, плохо обожженного, также закопченного; один фрагмент с отпечат-

и бараньи кости (аналогично вышеописанному погребению). Здесь же встречены фрагменты керамики: боковина сосуда из хорошо обожженного красного теста с незначительной

ками ткани. Могильная яма, ориентированная с З на В, засыпана землей с незначительным количеством камня. Размеры ее 2.00×0.70 м. В засыпи встречаются фрагменты дерева, кости,

угольки. На глубине 2.5 м (от дневной поверхности) обнаружены кости женщины (кости рук, ног, таза, ребра), лежащей, по всей вероятности, ногами на З. Череп отсутствует.

Раскопки под прямоугольной выкладкой на северном склоне кургана — погребения не обнаружили.

Курган № 46. Насыпь кургана из крупного камня, засыпанного землей. Диаметр 9 м, высота 0.50 м. На задернованной поверхности кургана выделяется выкладка из камня в виде двух концентрических кругов, диаметром 4 и 2 м. Погребальное сооружение представляет собой дромос и катакомбу. Дромос, размером 2.30×1.00 мм, глубиной 1.75 м (от дневной поверхности), вытянут с З на В. На дне дромоса стояли в 3 ряда наклонные каменные плиты (высотой до 0.75 м), закрывающие вход в катакомбу. Поверх плит дромос засыпан камнем. По линии обреза потолка подбоя (катакомбы) на глубине 1.60—1.70 м обнаружены следы (тлен) от вертикально стоящих деревянных жердей. Катакомба, вытянутая с З на В, расположена к С от дромоса; уровень ее дна ниже уровня дна дромоса на 0.45 м, т. е. находится на глубине 2.20 м, ширина 0.70 м. В результате обвала потолка катакомбы, происшедшего еще в древности, невозможно говорить о точной его конструкции. Однако по сохранившейся части можно полагать, что в разрезе он представлял собой дугу высотой (в месте входа) около 1 м. Костяк женщины лежал в вытянутом положении на спине, головой на З (череп раздавлен при обвале), лицом вверх. За головой, в западной части катакомбы, стоял круглодонный глиняный кувшин ручной лепки, асимметричный. Высота его 13.5 см, горловина узкая, слегка расширяющаяся к устью (диаметр 8 см), закраина без венчика, слегка срезанная внутрь, тулово шарообразное (диаметр 12 см). Тесто грубое с примесью дресвы, в изломе (толщина 4—6 мм) черно-красного цвета; снаружи кувшин закопчен и покрыт желто-красными пятнами (результат неравномерного обжига). На дне — отпечатки ткани. Рядом с кувшином лежал деформированный и сильно окисленный железный стержень, длиной 10 см, круглый в сечении (1 см), заостренный на одном конце. Перед кувшином несколько фрагментов дерева и тлен (площадь 18×18 см); на нем 5 позвонков барана.

Курган № 47. Насыпь кургана земляная (диаметр 8 м, высота 0.36 м) с каменным поясом (кромлех) по основанию, шириной в 1 м. Вершина кургана плоская, без камня.

Дромос, вытянутый с С на Ю (размером 2.20×0.70 м), завален до дна (глубина 1.30 м от дневной поверхности) поставленными на ребро каменными плитами, иногда обтесанными (размером 40—90×30—40×30—15 см), и крупными валунами. Восточная часть дромоса понижается до глубины 1.50 м; каменный завал в этой части отсутствует. Судя по этому, можно полагать, что здесь мы имеем подбой с обвалившимся сводом (мягкий грунт). В подбое (размером 2.20×0.50 м) лежит костяк мужчины в вытянутом положении на спине, головой на С; правее его обнаружены тлен и куски дерева (от чаши или столика?), кости барана и отпечатки железного предмета (ножа?). Рядом стоял глиняный асимметричный, ручной лепки, круглодонный кувшин, высотой 13 см. Горловина кувшина узкая, слегка расширяющаяся к устью (диаметр 7 см); закраина без венчика; тулово шарообразное (диаметр 10.5 см). Тесто рыхлое, в изломе и снаружи серого цвета (толщина черепка 5—6 мм). На дне сохранились отпечатки ткани.

Анализируя тип подбоев Кырчина и Аламышика, мы видим абсолютно одинаковую конструкцию погребального сооружения: узкий вертикальный дромос, широкий подбой в могилу с полусферическим потолком и плоским полом. Потолок с полом в разрезе представляет четверть круга. Вход по всей длине могилы закрыт каменными плитами. Перед входом в могилу высокая ступенька, иногда отвесная, иногда под уклоном.

Существенное отличие катакомб Кырчина от Аламышика в том, что у первых дромос завален крупными камнями, а у вторых мягкой землей. В обряде погребения тоже замечаются существенные отличия: в Кырчине костяки лежат абсолютно без всякого инвентаря, а в Аламышике — с сосудами и костями барана. Ориентировка совершенно различная — З, В, С. Во всех случаях лицо повернуто в сторону.

Насыпи курганов сходны — слабо выраженное кольцо, фигурные выкладки в Аламышике, более аморфные фигуры в Кырчине.

Таким образом, при абсолютном сходстве в конструкции погребений, совершенно различны ориентировка и отчасти ритуал. Идентичность конструкции погребений позволяет говорить о более или менее едином времени этих подбоев.

Такая конструкция подбоев известна нам на Алае, где они на поверхности были перекрыты столь же примитивной, аморфной каменной насыпью. Одинаков ритуал погребений в алайских и аламышикских катакомбах. В алайских катакомбах инвентарь четко датируется первыми веками н. э. Подбои в Аламышике содержали усуньеподобную керамику в виде грубых лепных кувшинчиков, весьма сходных по форме, со следами раскраски. Считать этот тип локально-этническим трудно, так как севернее и южнее Нарына нам известны катакомбы кенкольского типа. Остается допустить их хронологическое от Кенкола отличие и датировать, по аналогии с алайскими катакомбами, первыми веками н. э., но не позднее IV в. н. э.

Как следует из собранных коллекций, наибольшим богатством инвентаря — и, мы бы сказали, самобытностью, и в то же время боль-

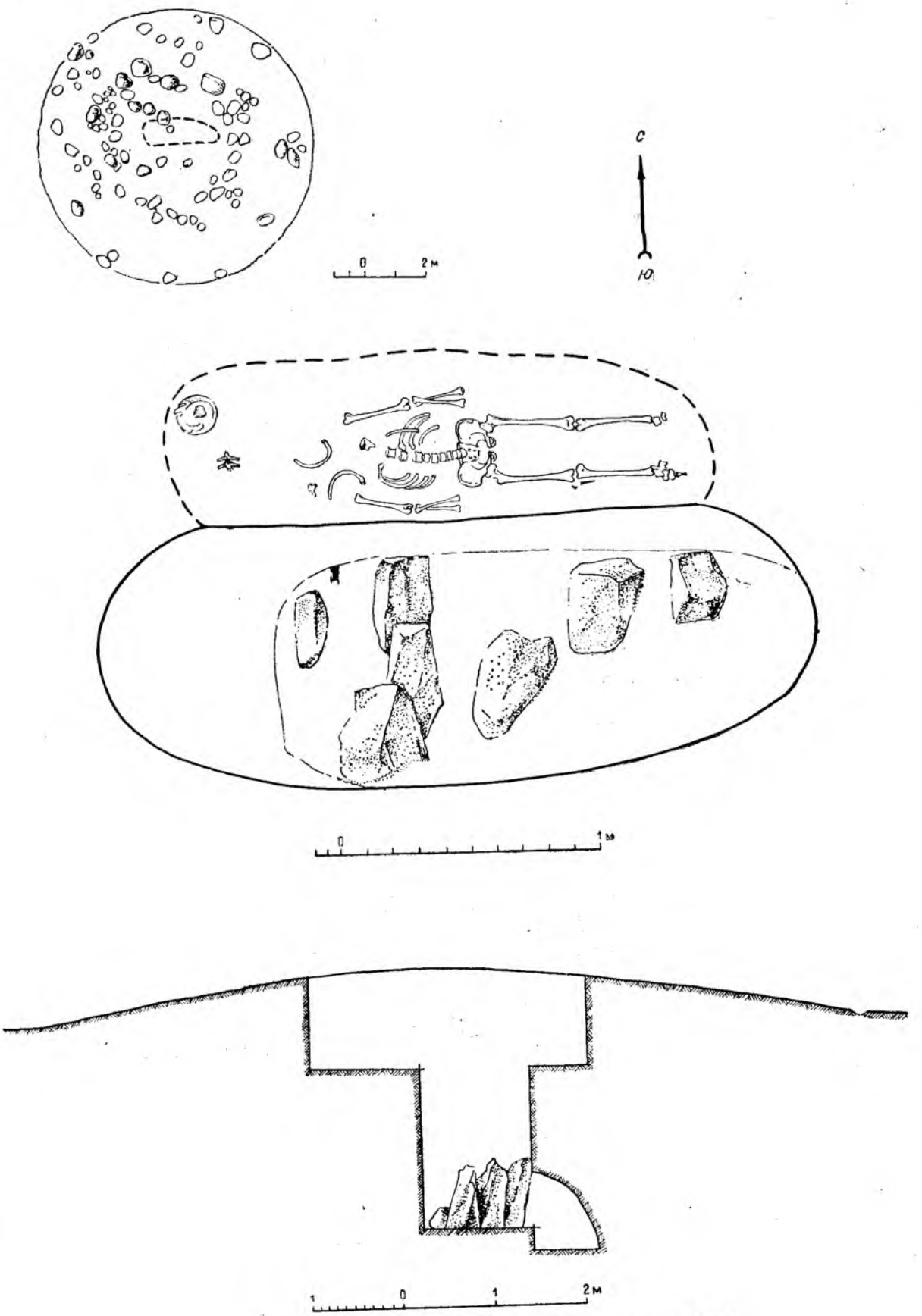


Рис. 35. Центральный Тянь-шань, Нарын, Аламышик. К 41.

шими связями с Центральной Азией — отличаются ранние катакомбы: Кенкол, Кызарт, Бурмачап (рис. 36—37).

Следует отметить, что погребенные в подобных подбоях дают, наряду с европеоидным памиро-ферганским расовым типом, — метизированные монголоидные типы и следы деформации черепа.

8. ПАМЯТНИКИ ВРЕМЕНИ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ И ГОСУДАРСТВ VI — X вв. н. э.

Большую трудность для датировки и для анализа этнографических особенностей представляют погребения позднетюркского времени, вскрытые в могильниках Кок-булак на Иссык-куле (рис. 38), Ара-куль в Кочкорской долине (рис. 39) и Алтын-арык в Джумгале.

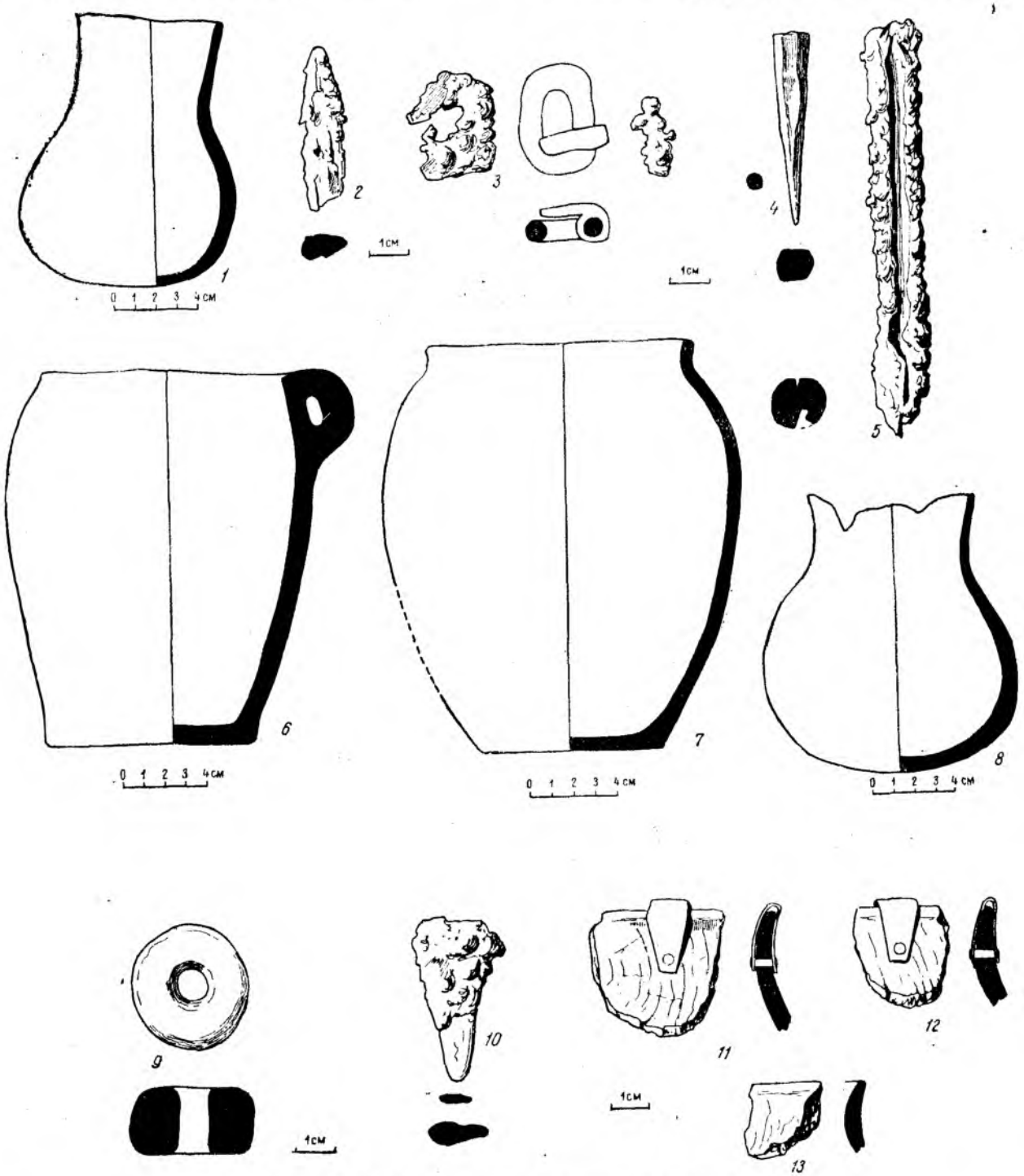


Рис. 36. Тянь-шань. Вещи из гуннских катакомб.

1 — глиняный горшок (Нарын, Аламышик, К 47); *2, 3, 5* — фрагмент ножа, пряжка и стержень, железо (Джумгал, Алтын-арык, К 46); *4* — костяная проколка (Аламышик, К 41); *6, 7* — керамика (Джумгал, Кызарт, К 10); *8* — глиняный горшок (Аламышик, К 46); *9* — глиняное прясло (Кызарт, К 10); *10* — фрагменты железного ножа (Кызарт, К 10); *11—13* — фрагменты деревянной чаши (Кызарт, К 10).

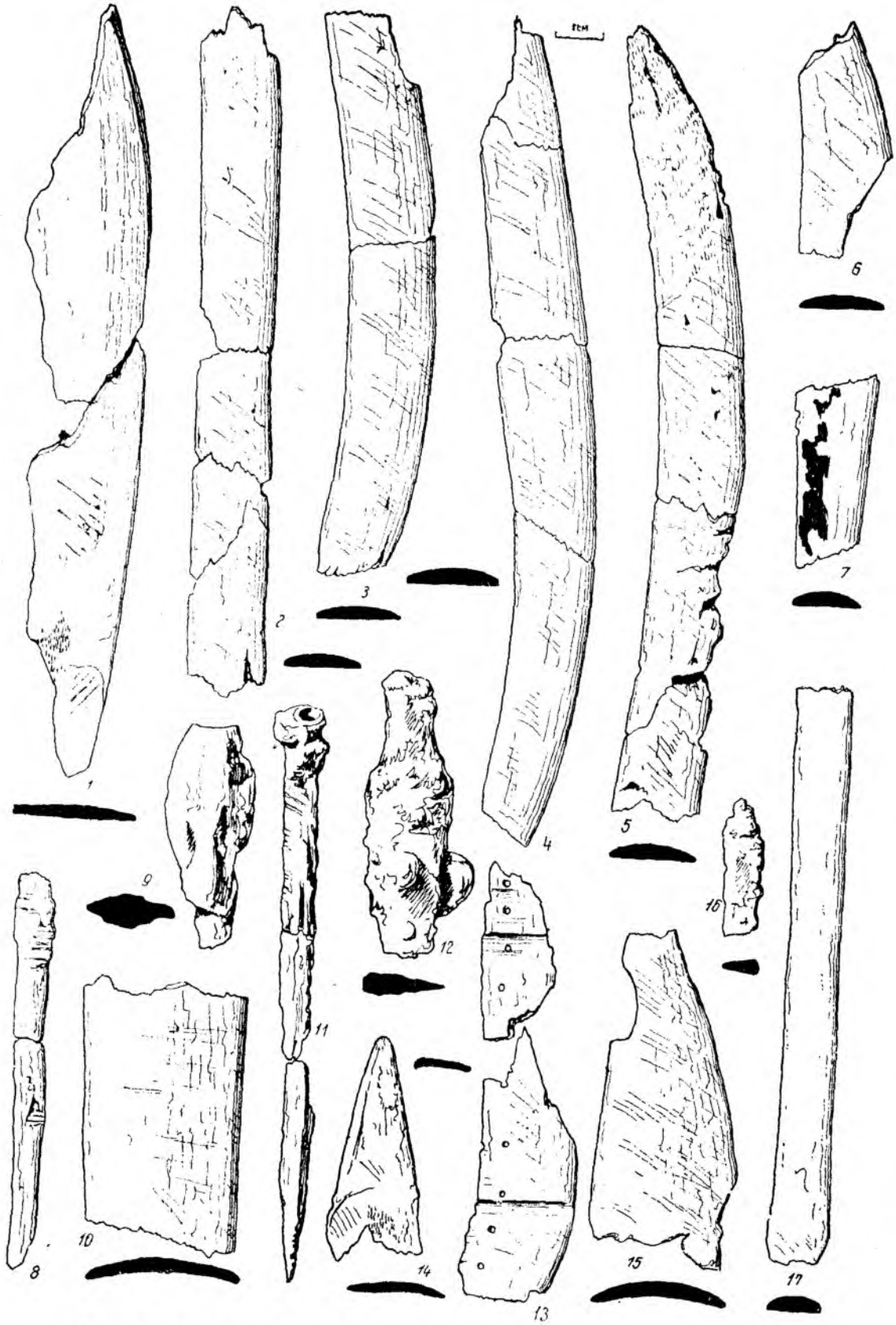


Рис. 37. Тянь-шань, Джумгал, Кызарт. Вещи из гуннской катакомбы (К 7).

1—7, 10, 13—15, 17 — накладки от лука, кость; 8, 11 — черенки от железных наконечников стрел, дерево; 9, 12, 16 — наконечник копья и нож, железо.

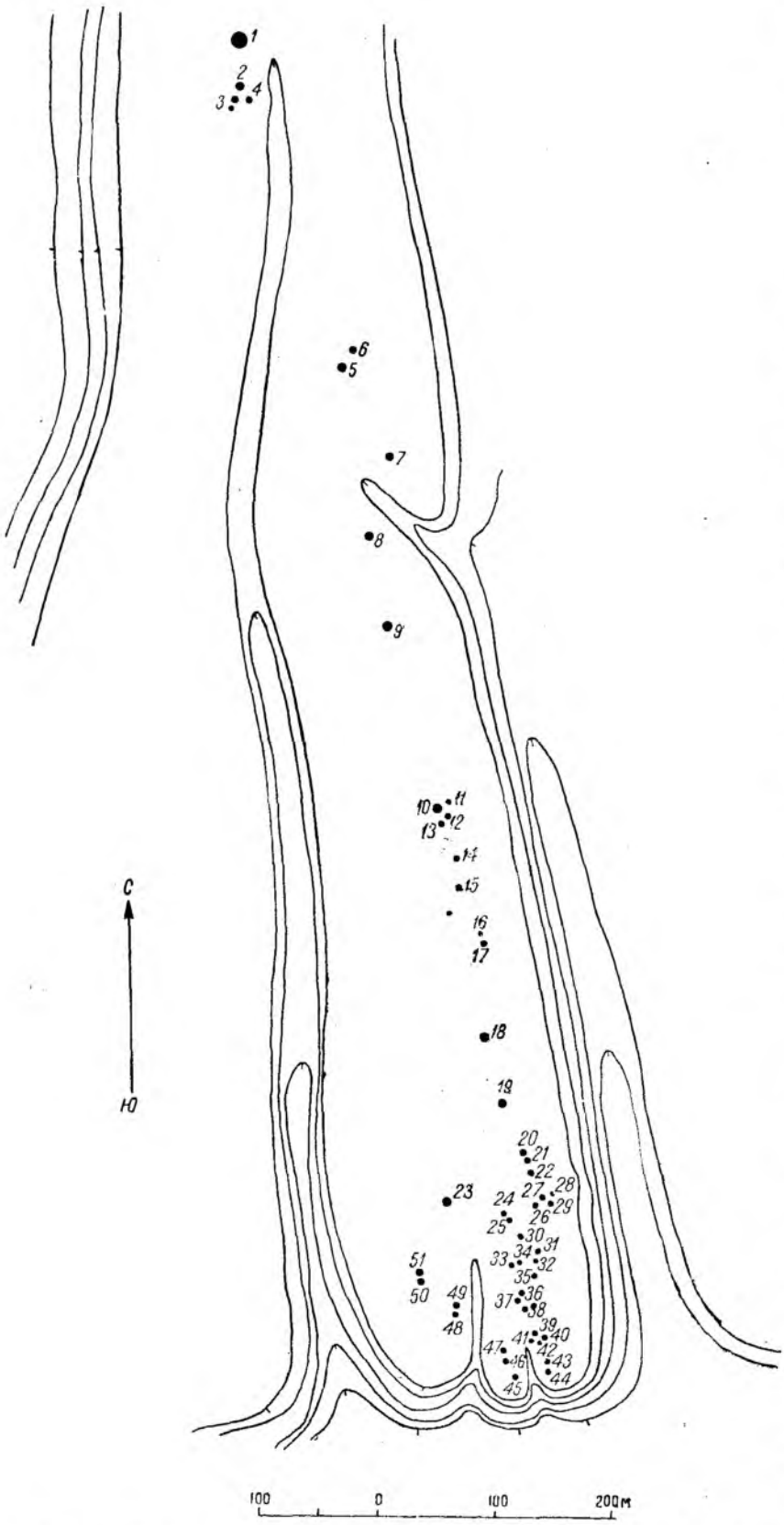


Рис. 38. Тянь-шань, западный берег Иссык-куля, Кок-булак. План могильника.

Несколько проще обстоит дело с погребениями тюркского времени из Аламышика и Иссык-куля.

Могильник Кок-булак расположен на щебенчатых осыпях южного склона Кунгей Алатоо, в 12—14 км от районного центра Рыбачье, на правом берегу р. Чу. Склоны Кунгея здесь сильно размыты весенними потоками, образовавшими разной глубины протоки и саи-овраги. На площадках-останцах в этом жестком щебенчатом грунте и расположены обширные могильные поля, которые тянутся по склонам Кунгея на несколько десятков километров, почти до половины дороги Рыбачье—Турайгыр.

Для исследования был выбран самый западный участок могильника, четко ограниченный с двух сторон относительно глубокими для этих мест саями. На выбранном участке была зафиксирована 51 каменная насыпь; все они вытянуты с С на Ю на протяжении 1200 м. Курганы слабо варьируют в размерах. Наиболее типичны мелкие насыпи, 4—6 м в диаметре при высоте до 0.30 м. Более крупные курганы имеют до 12 м в диаметре, при высоте до 1 м в верхней части могильника, где насыпи сложены из более крупных камней.

Верхушки курганов уплощенные, кладка камня плотная, иногда рядом с курганами встречаются выложенные из камня кольца, слегка выступающие на поверхности. Общая протяженность могильника меридиональная (в силу рельефа местности), однако четко выраженных «цепочек» нет. Скорее, пожалуй, можно наблюдать групповое расположение насыпей, по 3—5 в каждой группе.

Аналогичные курганы (среди которых наблюдаются и более древние, явно выраженные цепочки усуньского типа) прослеживаются на левом берегу р. Чу к В от совхоза Кок-мойнак. В левобережных группах крупные курганы стоят отдельно от мелких.

В Кокбулакском могильнике было вскрыто 5 насыпей. Как

мы уже указали, могильник этот большой протяженности. К востоку от него было зарегистрировано 18 групп, занимавших площадь не более 6 км². Если считать в среднем в группе до 50 курганов, то это уже составит до 1000 насыпей, а могильник тянется километров на 20.

Вскрытие курганов показало следующие результаты.

Кок-булак. Курган № 4. Насыпь кургана из земли со щебенкой (высота 0.75 м), сверху засыпана средней величины камнем, темным от пустынного загара. В насыпи выложены два концентрических круга из более крупного камня (диаметры 7 и 4 м). К западной стороне наружного кольца примыкает выложенный из камня треугольник со стороной 4.5 м. Могильная яма расположена под южной частью малого круга. Стенки ее сужаются книзу (размер по верху 2.60×1 м, по низу 2×0.5 м). В яме на глубине 0.88 м (от дневной поверхности) лежит разрушенный костяк, на спине, ногами на В (с отклонением на 30° к С), на дерновой подстилке. Черепа нет. В том месте, где он должен был находиться, к яме ведет грабительская дудка (размером 1.30×1.60 м). Инвентарь отсутствует. В засыпи ямы встречен лишь один астрагал.

Курган № 12. Насыпь кургана каменная, без четкой выкладки (диаметр 3.60 м, высота 0.50 м). В грунтовой могильной яме (размером 1.70×0.70 м) лежал на глубине 0.35 м (от дневной поверхности) плохой сохранности костяк женщины — на спине, головой на С, левая рука откинута в сторону и согнута в локте. Под костями остатки подстилки из чия (буйра); вдоль правой руки выложен ряд крупной гальки, доходящий до колен. Над левым плечом остатки плоскодонной деревянной чаши (высота 3.5 см, диаметр 11 см, диаметр по верху 13.5 см). У правой руки астрагал.

Курган № 13. Каменная насыпь (диаметр 4.00, высота 0.80 м) с четко выраженным кромлехом по основанию. Могильная яма (размером 2×1.2 м) вытянута с З на В. В ней на глубине 0.65 м (от дневной поверхности) лежит неполный (нижняя половина) костяк мужчины — на спине, ногами на В. Отдельные кости встречались в засыпи могильной ямы — погребение ограблено. Инвентарь отсутствует.

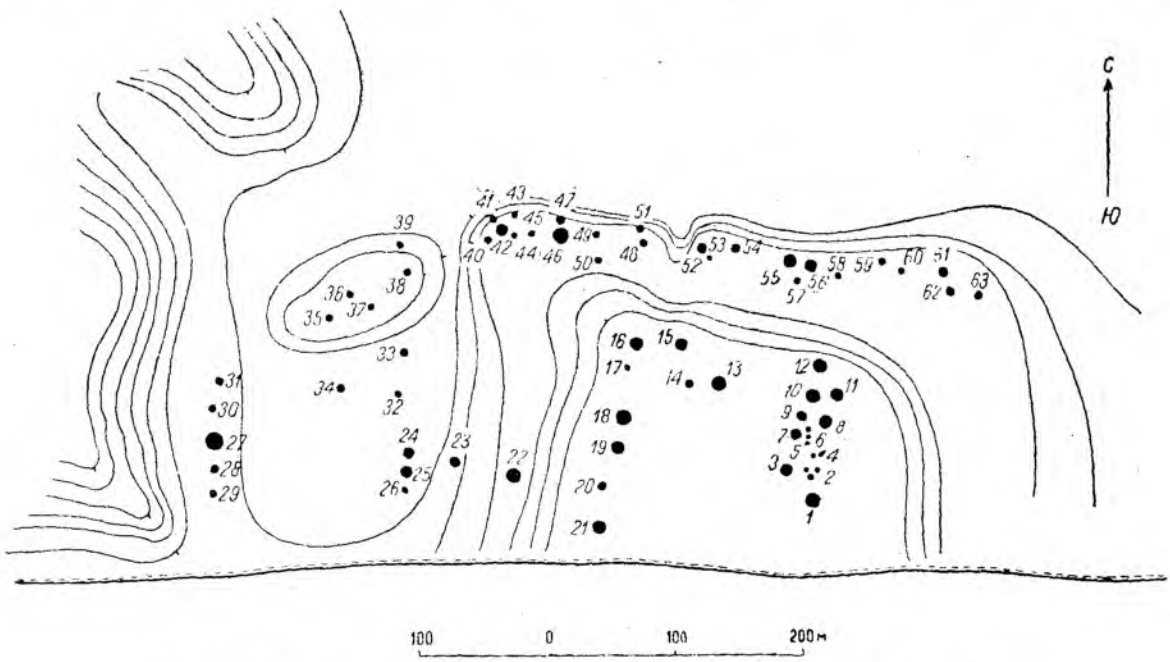


Рис. 39. Тянь-шань, Кочкорская долина, Ара-куль. План могильника.

Курган № 22. Курган представляет собой почти плоскую каменную выкладку в виде овала (диаметр 1.5—2 м; высота 0.20 м). В могильной яме, ориентированной по линии С—Ю (размером 2.30×1 м), на глубине 1.20 м (от дневной поверхности) лежит костяк женщины, вытянутый на спине, головой на С, лицом вверх. На груди, справа, лежало дискообразное пряслице из обожженной глины (диаметр 4 см). Другого инвентаря нет. Могильная яма расположена южнее курганной насыпи, так что северный ее обрез находится под центром насыпи.

Несмотря на бедность инвентаря, вскрытые курганы дают основание для некоторых обобщений и выводов. Явно различна ориентировка мужских и женских захоронений. Первые лежат головой на З, вторые на С. Характерно отсутствие черепов у мужских костяков.

Более выразительны женские погребения. Они имеют небольшой инвентарь, уложенный у плеч, преимущественно с правой стороны. Для датировки весьма выразительны обломки деревянной чаши из К 51. Чаша с кольцевым поддоном и явно изготовлена из двух пород

дерева — тяньшаньской ели и арчи. Дно было вставлено в специально сделанный паз. Такого типа посуда не изготовлялась из дерева и явно имитирует типичную для средневековья посуду типа пиалы или касы, что дает нам возможность датировать могильник X—XI вв., с возможным отклонением в ту или иную сторону. Не противоречит этой датировке и прясло из кургана № 22, а также погребение на подстилках, от которых остались только следы. Этот обычай погребения на буйре, или хворостяной подстилке, также характерен для поздневюркских погребений.

Важно отметить, что и для этого периода остается в силе обычай возведения кенотафа, что показал раскоп К 23. Отличие кенотафа от погребений в этом типе могильника заключается в том, что кенотаф более уплощен и сопровождается ярко выраженной кромлехной выкладкой. К характерным чертам следует отнести почти полное отсутствие инвентаря, что, видимо, было известно более поздним грабителям, очень редко грабившим курганы этого типа. Кроме Кокмойнакской группы, большие поля таких курганов были нами отмечены и на южном берегу Иссык-куля, у западной окраины озера. Могилы этого же типа тянутся и в Кочкорскую долину, где они известны в небольшой долине Шамси (по разведке 1940 г.); там копал тюркские могилы Фетисов. Оттуда же происходит и знаменитый Кочкорский клад вещей, ныне хранящийся в Государственном Эрмитаже.

В 1949 г. нами были вскрыты в Кочкорской долине в урочище Ара-куль 4 кургана.

Аракульский могильник весьма обширен. Он расположен на холмистых возвышенностях долины у дороги в Джумгал, где на исследованном участке размером 800×300 м было отмечено 63 могилы группового, внецепочного расположения; при этом наблюдается тенденция занимать скаты холма. Внутри могильника прослеживается группировка в «семейные» кладбища, которая отражает пережиток древних сако-гуннских обычаев.

А р а-к у л ь. К у р г а н № 6. Представляет собой квадратную каменную выкладку в виде оградки, ориентированную сторонами по странам света. Длина стороны 4 м, ширина оградки 1.20 м, высота 0.25—0.30 м. В грунтовой могильной яме, вытянутой с С на Ю (размером 2.00×0.70 м), на глубине 0.75—0.86 м находились два костяка — взрослого (очевидно, женщины) и ребенка. Костяк взрослого, сравнительно хорошо сохранившийся, лежал в вытянутом положении на спине, ногами на Ю; череп, разбитый, оказался под ногами. Скелет ребенка, очень плохо сохранившийся, лежал, очевидно, на взрослом так, что голова находилась на груди его, а ступни достигали колен. Инвентарь отсутствует.

К у р г а н № 14. В грунтовой могильной яме (размером 1.80×0.55 м) лежал в значительной степени нарушенный костяк мужчины: в вытянутом положении на спине, головой на З, ногами на В. Под костяком сохранились остатки дерновой (?) подстилки. Инвентарь отсутствует.

К у р г а н № 15. Насыпь кургана земляная, покрытая сверху мелкой щебенкой и слегка задернованная (диаметр 12 м, высота 0.67 м). В центре неглубокая западина (диаметр 5 м) — грабительская дудка. В результате раскопок установлено, что могильная яма была вытянута с З на В; ширина ее 1 м; длина не установлена, так как восточная ее часть разрушена грабительской дудкой; глубина ямы 1 м (от дневной поверхности). В западной части ямы, поперек, на дне лежали остатки двух деревянных жердей, очевидно, от перекрытия. Под жердями сохранилась часть дерновой подстилки, на которой, вероятно, и лежал скелет. Несколько обломков трубчатых костей и ребер, встреченных на глубине 0.65 м, сохранили на себе следы этой подстилки.

Как следует из описания, обряд захоронения, несмотря на некоторые новые детали в насыпях (подквадратные формы), в общем сходен с кокбулакским. То же различие в ориентировке мужских и женских погребений, — характерно совпадение ориентировки женских захоронений; то же наличие тлена подстилки, бедность инвентарем, близость размеров насыпей, глубины захоронения и т. п.

Быть может, к кокбулакским и аракульским типам захоронений должны быть по времени отнесены и отдельные курганы в явно разновременном могильнике Алтын-арык в Джумгальской долине.

Основу Алтынарыкского могильника, одного из многих, расположенных в Джумгальской долине на южных верхних террасах, составляют древние сако-усуньские цепочки. Так, на одном участке в местности Багышчан, ограниченной с С Алтын-арыком, с З Чолок-арыком, а с В поздними мавзолеями Чинабий, т. е. на участке протяженностью до 1.5 км, было зафиксировано три крупных сако-усуньских цепочки. В хвосте цепочек были «пристроены» более поздние курганы тюркского времени. Они-то и были исследованы. Любопытно, что на полях одного из сако-усуньских курганов (№ 22) были также расположены мелкие тюркские курганы, два из которых были раскопаны. Всего в Алтын-арыке было раскопано 5 курганов.

А л т ы н-а р ы к. К у р г а н № 1. Курган несомненно подвергся ограблению, так как череп от костяка, лежавшего на глубине 1.80 м, найден на глубине 0.65—0.70 м; остальной костяк мужчины лежит в грунтовой могильной яме (размером 2.20×0.70 м) на спине, ногами на Ю. Позвоночник отклонен к СВ, правая рука слегка согнута в локте; левая нога откинута в сторону и согнута в колене. Инвентарь отсутствует.

К у р г а н № 4. Насыпь кургана каменная с земляной засыпью, задернована (диаметр

8 м, высота 0.57 м). В центре прослеживается овал, выложенный из средней величины камня (диаметры 5 и 3 м). Овал вытянут с З на В, в восточной его части завал из камня.

Грунтовая могильная яма, вытянутая с СЗ на ЮВ (размером 2.20×0.75 м), засыпана камнем. В с.-в. стенке ямы на глубине 0.75 м (от дневной поверхности) зафиксированы мелкие фрагменты дерева, лежащие в продольном направлении. Костяк мужчины лежал на глубине 1.15 м, на войлочной подстилке, в вытянутом положении, на спине, ногами на ЮВ. Положение костей верхнего пояса нарушено, череп совершенно отсутствует. На его месте найдена костяная поделка в форме сплющенного по поперечной оси усеченного конуса с вогнутыми стенками, с полой серединой (диаметры 12×16 мм и 16×19 мм, высота 11 мм).

В засыпи ямы встречались кости птицы (или грызуна?).

Курган № 46. Представляет собой плоскую квадратную выкладку, заполненную крупной галькой (сторона квадрата 2.60 м). Выкладка ориентирована сторонами по странам света. К ю.-в. углу этого квадрата примыкает меньший квадрат со стороной 0.80 м. В грунтовой могильной яме (размеры 2.10×0.90 м), вытянутой с З на В, на глубине 1.50 м лежал плохо сохранившийся костяк женщины на спине, головой на З, лицом вверх. Слева от головы сохранился тлен и сгнившее дерево на площади 0.50×0.25 м — от деревянного столика. Поверх тлена лежал позвонок барана и фрагмент железного ножа. У ступни левой ноги найдена железная пряжка овальной формы с подвижным язычком (размером 2.8×2.3 см).

В мягкой засыпи могильной ямы на глубине 1.25—1.30 м обнаружено кострище (слой золы и угля).

Курган № 47. Представляет собой плоскую, круглую, заполненную крупной галькой выкладку (диаметр 1.7 м), расположенную на восточном склоне большого пирамидального кургана. Могильная яма раскопками не обнаружена: по всей поверхности с глубины 1 м идет равномерно плотный беловатый лёсс.

Несомненно, что это была жертвенная выкладка или кенотаф.

В общем, и алтынарыкские курганы близки по времени к кокбулакским. Однако в них мы видим некоторые отличия. Во-первых, здесь более аморфная каменная выкладка, отчего края насыпи прослеживаются с большим трудом. Варьирует и ориентация покойника. Но главное различие — в конструкции насыпи, основу которой составляет кольцо при отсутствии плотной кладки кокбулакских и аракульских погребений.

Всего вероятнее, что впускное погребение на К 22, зарегистрированное нами как К 47, было катакомбным погребением (о них речь будет ниже). Скудные находки — железная пряжка с подвижным язычком, железные ножи, цилиндрическая костяная поделка, напоминающая костяные изделия карлукского периода в Чуйской долине, — сближают с алтынарыкскими курганами отдельные погребения, раскопанные нами в Аламышике. Тюркские погребения Центрального Тянь-шаня в открытых грунтовых могилах представляют собой особый местный тип погребений, отличающийся от кокбулакских. Об этнической принадлежности этих погребений мы скажем ниже.

Особую группу тюркских погребений составляют вскрытые нами могилы Иссык-куля: одно

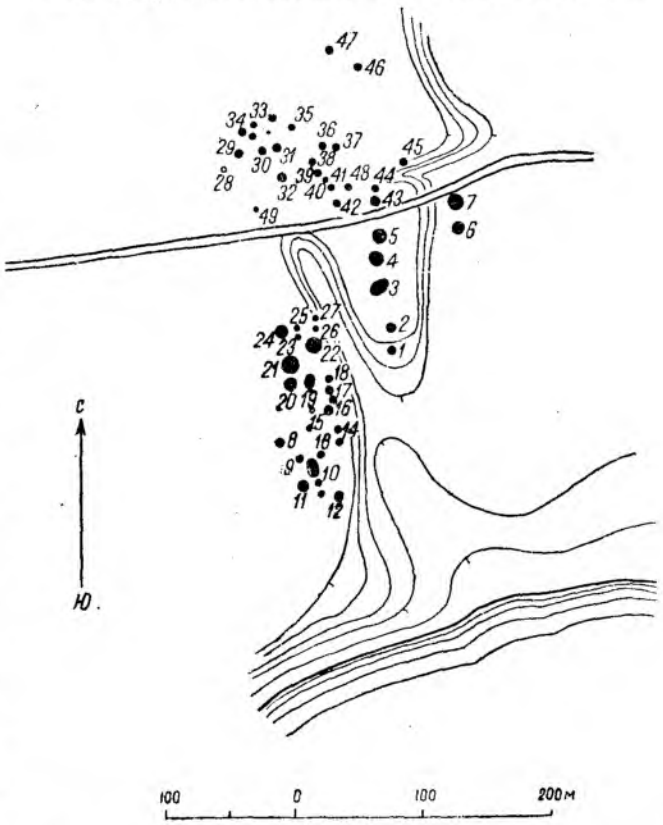


Рис. 40. Тянь-шань, западный берег Иссык-куля, Карой. План могильника.

впускное погребение в Кырчине (К 3), в Каройском могильнике, поминальные выкладки в Ой-булаке и жертвенное место в верховьях Джаргелана.

Наиболее компактно тюркские могильники выступали в местности Карой и Ой-булак.

Общей чертой этих могильников является:

1) многочисленность поминальных, малых по размерам (2.3 м в диаметре), плоских выкладок [Карой (рис. 40), Ой-булак], столь характерных и для Алтайских комплексов;[1]

2) рельефность надмогильных насыпей, сложенных из крупных камней и имеющих овальное очертание (Карой);

3) плоскодонность посуды и сходство их форм с деревянными и металлическими изделиями;

[1] С. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 545.

4) связанность с этими кладбищами балбалов (Карой) и каменных баб (Ой-булак).

Погребения тюркского времени дали следующую картину.

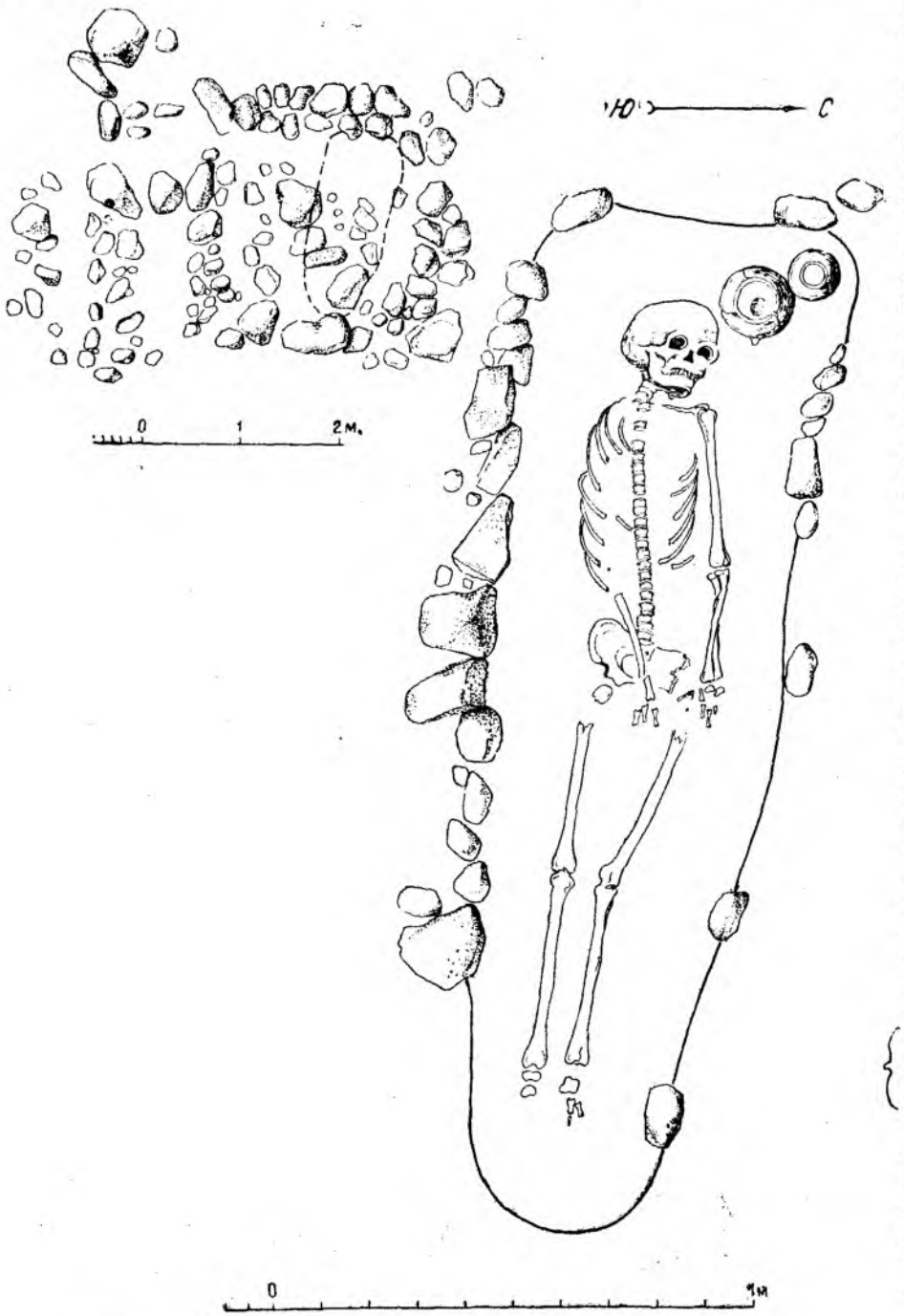


Рис. 41. Тянь-шань, западный берег Иссык-куля, Карой. К 2.

Карой. Курган № 2 (рис. 41). Курган представляет собой каменную насыпь, диаметром 5 м, высотой 0.42 м. В центре насыпи — заполненный крупным камнем квадрат (сторона 2.5 м), ориентированный сторонами по странам света. Могильная яма длиной 1.95 м, вытянута с З на В, сужается к В (на З ширина 0.80 м, на В 0.50 м). Стенки ее обложены камнем. Костяк мужчины лежит на глубине 0.30 м (от дневной поверхности), головой на З, в вытянутом положении на левом боку, лицом на С. У головы, в с.-з. углу ямы, стояли два горшка ручной лепки из грубого теста.

Один (высота 12.7 см) — круглодонный, асимметричный, шаровидной формы (наибольший диаметр 14.6 см), закраина без венчика (диаметр 11.5 см). Тесто черного цвета с примесью дресвы; толщина стенки 4—6 мм. На расстоянии 3 см от закраины на горшке имеется вертикальная плоская «ручка» — налепная прямоугольная пластина (длина 3 см, ширина 2 см, толщина 0.8 см). В горшке лежали кости барана.

Второй горшок (высота 12 см) с уплощенным дном (диаметр 6 см), стенки от дна слегка расширяются кверху (до диаметра 13 см). Затем (на высоте 8 см) резко под углом сужаются (так, что в месте перегиба чувствуется ребро), образуя горловину (диаметр 8 см), закраина которой чуть развернута наружу, без венчика. Сосуд сделан из теста с примесью песка, оранжево-красного цвета; стенки сосуда, толщиной 4 мм у закраины, утолщаются книзу до 7 мм на дне.

В засыпи могильной ямы найден зуб лошади и несколько трубчатых костей.

Курган № 47. Курган с невысокой (0.28 м) каменной насыпью, овальной в плане (диаметры 2.30 и 2 м), вытянутой с С на Ю, задернованный. Могильной ямы нет.

Кырчин. Курган № 69. Курган представляет собой почти плоскую выкладку (высота 0.30 м) из крупного камня, в виде широкого кольца (диаметр 4 м, ширина 1 м). Центр камнем не заполнен. Могильная яма (размером 2.10×0.70 м), вытянутая с С на Ю, забутована крупным камнем. Погребение было ограблено, а потому часть костяка была вытащена со дна ямы и валялась беспорядочной грудой среди камня, в забутовке. Первона-

чальное положение сохранили только берцовые кости, лежащие в южной стороне могильной ямы, на глубине 0.70 м (от дневной поверхности). В могильной яме инвентарь отсутствует, но в засыпи встречено два фрагмента сосуда толщиной 0.6—0.8 см из теста с примесью дресвы, неравномерного обжига, и, кроме того, маленький (0.7 см) кусочек железа.

К у р г а н № 91. Насыпь кургана каменная, диаметром 6 м, высотой 0.10 м, сильно задернованная.

Начиная с глубины 0.45 до 0.90 м встречаются фрагменты керамики. На глубине 1 м (от дневной поверхности) лежат человеческие кости в беспорядочном положении. Судя по двум трубчатым костям (ног), костяк лежал головой на Ю.

О й - б у л а к. К у р г а н № 3. Представляет собой плоскую прямоугольную выкладку из крупного камня, вытянутую с З на В (размером 3.50×2.50 м); внутри выкладки лежали отдельные крупные камни. По всей поверхности заложенного раскопа шел крупный камень, затем галька и, наконец, плотный лёсс. Ни могильной ямы, ни следов кострища не обнаружено.

К у р г а н № 6. Представляет собой плоскую выкладку из крупного камня (размером 40×30×20 см, 25×28×8 см) в виде кольца, заполненного внутри средней величины камнем. Диаметр кольца 4 м. Могильная яма не обнаружена. Лишь под первым слоем камня найдены два фрагмента керамики — от толстостенного сосуда; тесто в изломе красного цвета, с примесью дресвы, снаружи — бурое, со следами лощения.

Д ж а р г е л а н. К у р г а н № 1. Представляет собой насыпь из камня (высота 0.50 м), задернованную. По основанию насыпи выложено кольцо из крупного камня (диаметр 8 м). Сразу же под дерном, в центре, найден зуб лошади. От поверхности и до глубины 0.75 м (от края раскопа) встречаются фрагменты керамики, все прокопченные; тесто грубое с дресвой, излом и поверхность черного или коричневого цвета. Камни, на этих глубинах, также закопчены. Могильная яма отсутствует.

Как видно из описания результатов раскопок, в могилах опять две ориентировки: северная (Кырчин) и западная (Карой). Посуда плоскодонная. Любопытна каройская керамика. Черный сосуд со сплошной ручкой может быть сопоставлен с черной домашней керамикой VI—VIII вв., известной из Чуйской долины. Второй сосуд имеет десятки аналогий в металлической посуде Алтая, Енисея и других мест. Укажу на обследованные нами каменные статуи в колхозе им. Фрунзе и в Курментинской крепости: воины держат в руках совершенно аналогичного типа сосуды.

Как мы уже говорили, особенностью разбираемых могильников тюркского времени Иссык-куля является связанность их с каменными сооружениями — цепочками балбалов и каменными изваяниями.

Каройские балбалы представляют собой сложную систему вытянутых в одну линию поставленных на торец камней. В основном цепочки тянутся с С на Ю. Они как бы окаймляют обширное и густое кладбище, где никаких древних планов типа «цепочек» в расположении курганов не наблюдается.

Характерно, что 49 насыпей в каройском могильнике помещаются на площадке в 300××200 м, а в Ойбулакском могильнике 39 курганов расположены двумя группами на площадках еще меньших размеров. Могильники сооружены на гравийно-галечной почве берега Иссык-куля и имеют тенденцию (особенно это ясно в Каройском могильнике) выйти на водораздел.

Однако Каройский могильник имеет еще одну характерную черту. Отчетливые линии балбалов одновременно выполняют функцию своеобразной межи, как бы отделяя одну территорию от другой. Эти ряды камней идут по гребню увала, за глубоким логом, и за ними начинается совершенно другая природа восточного участка северного берега Иссык-куля, с более богатой растительностью, что хорошо знакомо каждому, кто бывал на Иссык-куле. К востоку от Чолпон-ата (а здесь находится могильник Карой) природа берега Иссык-куля гораздо богаче, чем та местность, где расположен Кокбулакский могильник. Учитывая, что «балбалы» не приурочены ни к одному из курганов и конструктивно весьма самостоятельны, мы склонны думать, что скорее всего это «межевые» знаки, отмечающие границу какого-то древнего племени. Этот обычай известен по письменным источникам для саков Ферганы. Указание на установление межей известно и для усуней.

Как мы уже отметили, характерной чертой могильников этого участка Иссык-куля является насыщенность их каменными изваяниями. В 1949 г. нам удалось выявить несколько незаурядных образцов.

Из обнаруженных в 1949 г. балбалов следует отметить несколько изваяний, встреченных нами на с.-в. участке берега оз. Иссык-куль.

На территории колхоза им. Фрунзе к В от сел. Ой-булак были обнаружены два изваяния (рис. 42, *1*, *2*). Одно — обломок торса, высотой 1.10 м при ширине в 0.45 м, высеченного на уплощенной плите песчаника (толщиной в 32 см). Правая рука держит на груди коническую чашу (диаметр дна 5 см, высота 9 см, диаметр устья 9 см), левая опущена на рукоять меча, конец которого рельефно выступает и на задней стороне плиты. На правом боку — полусферический футляр для пиалы диаметром в 8 см. Слегка намечены шея, плечи и талия.

Второе изваяние сохранилось полностью, Оно достигает 1.70 м при ширине 0.40 м и высечено из того же материала — песчаника.

толщиною в 30 см. Несколько заостренное возвышение на темени явно изображает головной убор в виде башлыка (высота 0.40 м). Оси головы: вертикальная — 53 см, горизонтальная — 28 см. Нижняя часть лица также заострена (очевидно, передается клиновидная бородка) и высечена в одной плоскости с туловищем. Голова отделяется от туловища

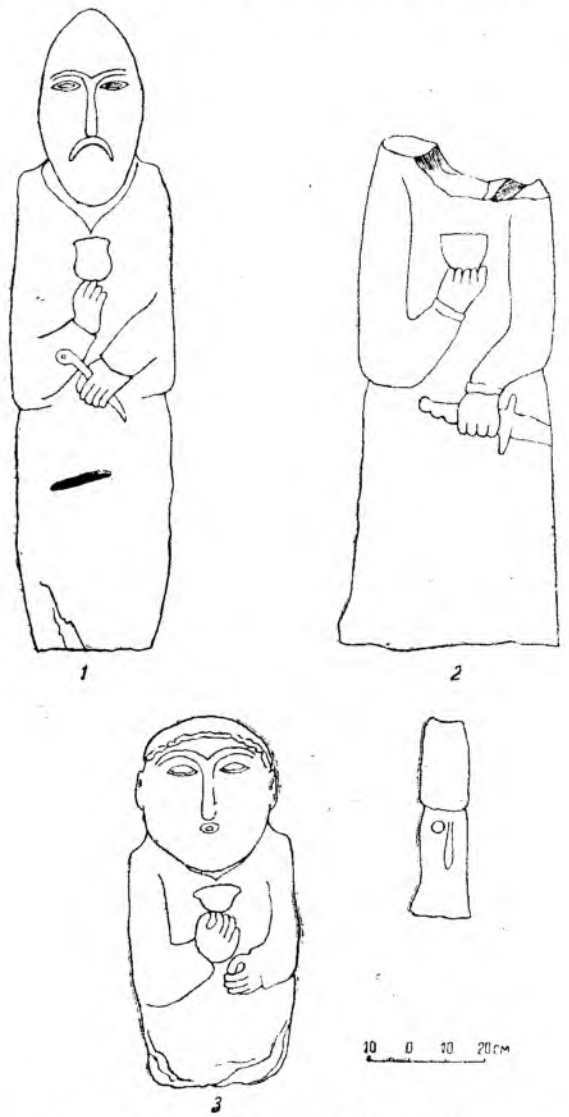


Рис. 42. Тянь-шань, северный берег Иссык-куля:
1—2 — балбалы из колхоза им. Фрунзе; *3* — балбалы из села Курменты.

только полосой, проходящей по нижней части лица; ясно выделены плечи.

Правая рука держит высоко на груди сосуд с уплощенным дном, округлым туловом, слегка расширяющимся устьем, типа сосуда, найденного в каройском могильнике. Размеры его: высота 10 см, диаметр дна 4, тулова 10, тулова под устьем 8, устья 10 см. Левая рука на рукояти кинжала длиной в 22 см. Длина торса до пояса 1 м. Руки сделаны условно, прочерчены слабо.

В селении Кутурга была найдена тех же пропорций голова.

В Курменты на пашне, не доезжая до крепости, было найдено еще одно каменное изваяние, вкопанное в землю (рис. 42, *3*).

Два крупных изваяния лежали в Курментинской крепости (рис. 43). Оба сделаны на песчаниковых плитах. Первое изваяние (высота 1.60, ширина 0.48, толщина 0.28) без головы, со слабо намеченной талией, с руками, прижатыми к бокам. Правая рука держит на груди сосуд такого же типа и размера, как на втором изваянии из колхоза им. Фрунзе, левая лежит на рукояти меча. Ниже меча «подвешен» кинжал; оба имеют рукояти с открытым верхом длиной в 12 см; на мече ромбовидное перекрестие (оси ромба 9.5×3.5 см), перекрестие кинжала обычное, прямое (10 см). Ниже рукояти на мече две выпуклости с промежутком между ними в 5 см; диаметр полукружия выпуклостей 6—5 см. На кинжале одна такая выпуклость диаметром в 75 см. Эти выпуклости изображают пряжки, с помощью которых ножны прикреплялись к поясу или портупее.

Все детали даны рельефом.

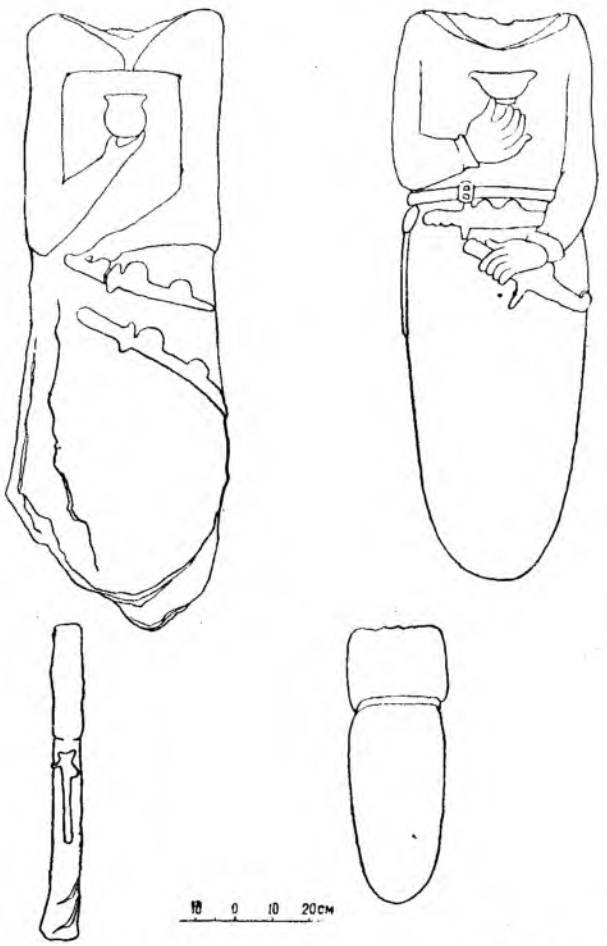


Рис. 43. Тянь-шань, северный берег Иссык-куля. Балбалы из села Курменты.

Весьма интересно другое изваяние на Курментинской крепости. Оно имеет высоту 1.60, при ширине 0.60 м и толщине в 20 см. Изваяние также без головы. Ясно прочерчен открытый ворот кафтана с вырезом в виде тупого угла, заходящего на верхнюю часть груди. Хорошо прочерчены руки, особенно правая. На ней ясно прослеживается контур узкого рукава и, очевидно, браслет. Четко прочерченные пальцы изящно, несколько манерно изогнуты, большим и указательным пальцем рука держит пиалу (дно 7 см, высота 12, устье 20 см) типа кушанского кубка.

Левая кисть руки, намеченная более схематично, без рисунка одежды, опирается на рукоять меча в той же манерной трактовке, причем рукоять меча выступает выше руки на 10 см. Выше меча в горизонтальном положении намечен кинжал с зазубренной рукоятью (9 см), как на вышеупомянутом сакском ноже, с прямым перекрестием и петлей для ножен диаметром в 3 см. Ширина ножен 5 см.

На талии — пояс с характерной тюркской пряжкой с подвижным язычком, с осью в 4 см. В нижней части статуи намечаются полы халата, причем левая пола лежит на правой.

Великолепная техника обработки и художественный вкус, проявленный скульптором, свидетельствует о том, что перед нами изваяние незаурядное, работа явно большого мастера.

Следует отметить, что здесь же были обнаружены плиты — заготовки, свидетельствующие о местном производстве статуй.

Описанные нами изваяния находят себе аналогии прежде всего среди алтайских статуй.

Характерно, что они передают типично кочевническую одежду тюрок по форме (башлык, халат, пояс), покрою (отделка рукава) и способу ношения (левая пола на правой). Вооружение (кинжал и меч; сабля отсутствует) раннего типа с характерной системой прикрепления к портупее.

Не менее выразительны и типы сосудов, изображенных на изваяниях, находящие себе аналогии в местной керамике как этого времени, так и более раннего.

Отмеченные заготовки камня, тип сосудов и другие детали указывают на местное происхождение статуй, а также на то, что скульптор в своих изображениях считался с местными условиями. Аналогии свидетельствуют только о канонических приемах, очевидно культового порядка, выработанных в более широких этнических группах. Манерность в изображении рук второго изваяния из Курментинской крепости дает основание полагать, что в данном случае скульптор находился несомненно под влиянием как согдийской, так и восточнотуркестанской манеры трактовки рук и особенно положения пальцев.

Тюркского времени погребения были встречены в Центральном Тянь-шане в бассейне р. Нарын. Это прежде всего погребения № 1, 69, 102 в Аламышикском комплексном могильнике, общее описание которого было дано выше.

Тюркские погребения в этом могильнике были обнаружены под аморфными, слабо выраженными насыпями.

Общая картина этих погребений по раскопкам следующая.

Аламышик. Курган № 1. Плоская кольцевая выкладка из крупных камней диаметром 3 м. Могильная яма, вырытая в плотном галечном грунте, ориентированная с З на В, на глубине 1.35 м делится на две части каменными плитами, поставленными на ребро. Высота плит достигает 0.60 м. В южной части, размеры которой 2.20×1.30 м, на глубине 1.35 м обнаружен костяк лошади, кости лежали в беспорядке. При костяке находились фрагменты железного стремени (диаметр сечения 1.5 см), значительно деформированного, и костяная проколка (длина 10.5 см) с обломанными концами. Северная часть (вероятнее всего разрушенный подбой) глубже южной на 0.20 м. Ее размеры 1.80×0.60 м. Здесь, на глубине 1.50 м, лежал скелет мужчины в вытянутом положении, слегка повернутый на правый бок, головой на В, лицом к С; ноги чуть согнуты в бедренном и коленном суставах.

Инвентарь отсутствует.

Курган № 69 (рис. 44 и 45). Внешняя конструкция кургана — кольцевая выкладка из крупного камня, диаметром 3 м. Насыпь отсутствует. По конструкции погребальное сооружение представляет собой дромос, вытянутый с З на В, размером 1.70×1.00 м. На глубине 0.40 м, в засыпи дромоса, в центре, — небольшая кучка крупных камней. Дромос засыпан землей, в засыпи встречаются отдельные кости барана. На дне (глубина 1.35 м) лежит костяк барана на левом боку, головой на З. В восточной части дромоса найдены: железные стремена (одно целое, от второго только верхняя часть); стремя с уплощенной нижней частью и с перехватом в виде кольца наверху; удила (обломок в виде дуги, перехваченный посредине кольцом); часть бронзового плоского кольца, шириной в 1 см; железная пряжка овальной формы с подвижным язычком (длина 5.5 см, ширина 4.5 см); костяная обкладка лука с сеткой из косых насечек на внутренней стороне (для наклейки). К северной стенке дромоса примыкает катакомба, вход в которую закрыт вертикально стоящими каменными плитами. Дно катакомбы на глубине 1.45 м (ниже уровня дна дромоса); высота дугообразного свода (при входе) 0.60 м; площадь основания 1.90×0.50 м. В подбое, в вытянутом положении, на спине, головой на В, лицом вверх, лежал костяк юноши (женщины?) лет 15—16. При костяке обнаружены: фрагмент железного ножа (в области поясницы, справа), на котором видны следы деревянных ножен, и бронзовая серьга в виде незамкнутого кольца (диаметр 2 см) со стерженьком сбоку (длина

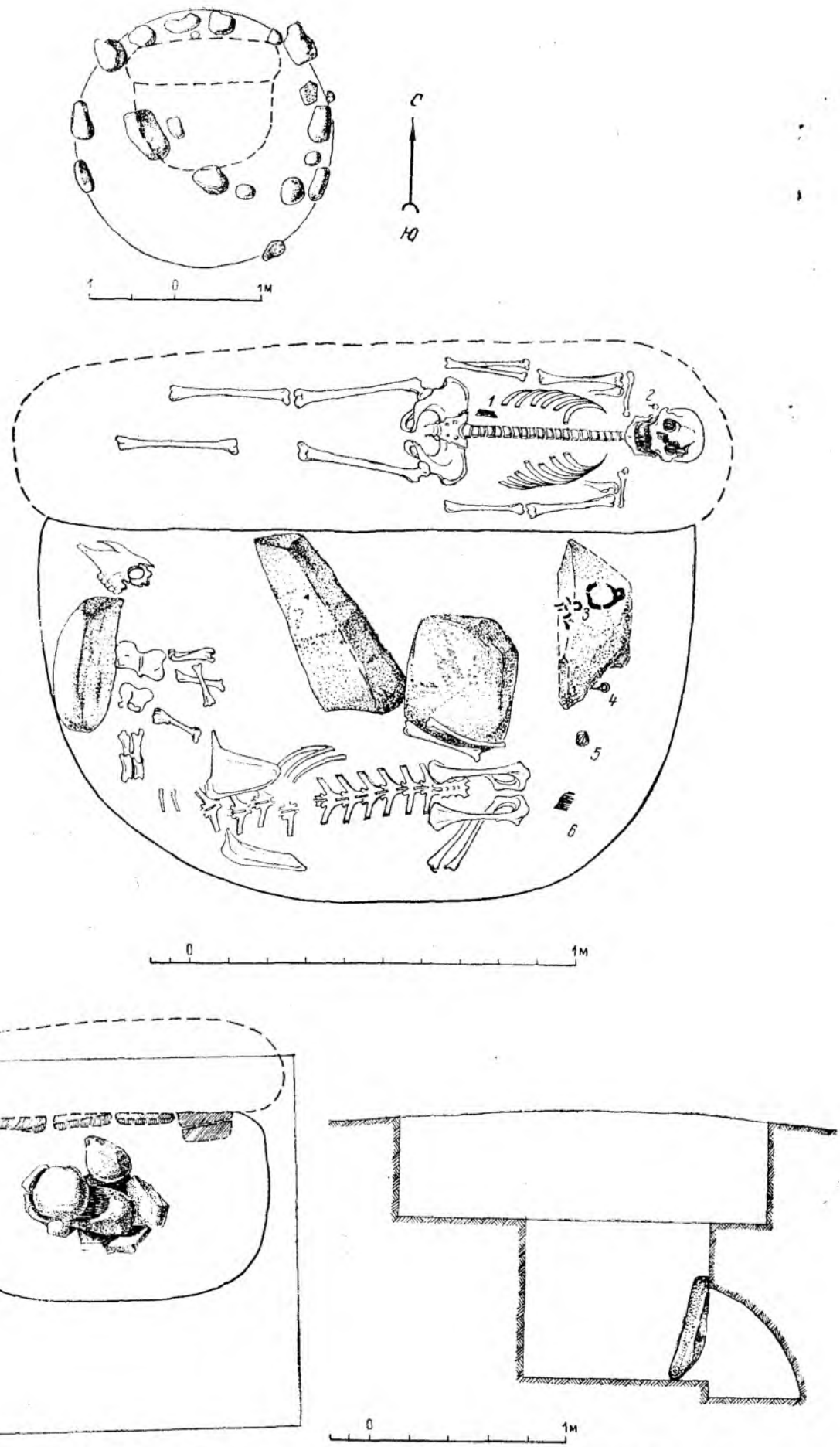


Рис. 44. Центральный Тянь-шань, Нарын, Аламышик. К 69. Планы и разрез.

1—3, 4, 5 — фрагменты ножей, удил, стремян и пряжек, железо; *2* — бронзовая серьга; *6* — костяная обкладка лука.

1 см). Под костяком следы подстилки (из дерна?).

Время этих погребений совершенно ясно благодаря погребению № 69 и отчасти № 1 в Аламышике.

Тип стремян, подпружных пряжек, железных псалий, серьга «салтовского» типа и, наконец, типичные тонкие костяные накладки на лук — все это говорит о времени не ранее VIII в. Напомним, что такого типа погребение было нами встречено в качестве впускного на Памире. В это время и в этих районах, все более и более распространяя свою власть на смежные территории, господствовали карлуки.

Особенно важно отметить абсолютное сходство этого погребения с погребениями VIII—X вв. на Енисее, опубликованными Л. А. Евтюховой («четвертый тип» по Евтюховой).

Таким образом мы имеем едва ли не первое погребение енисейско-кыргызского типа на

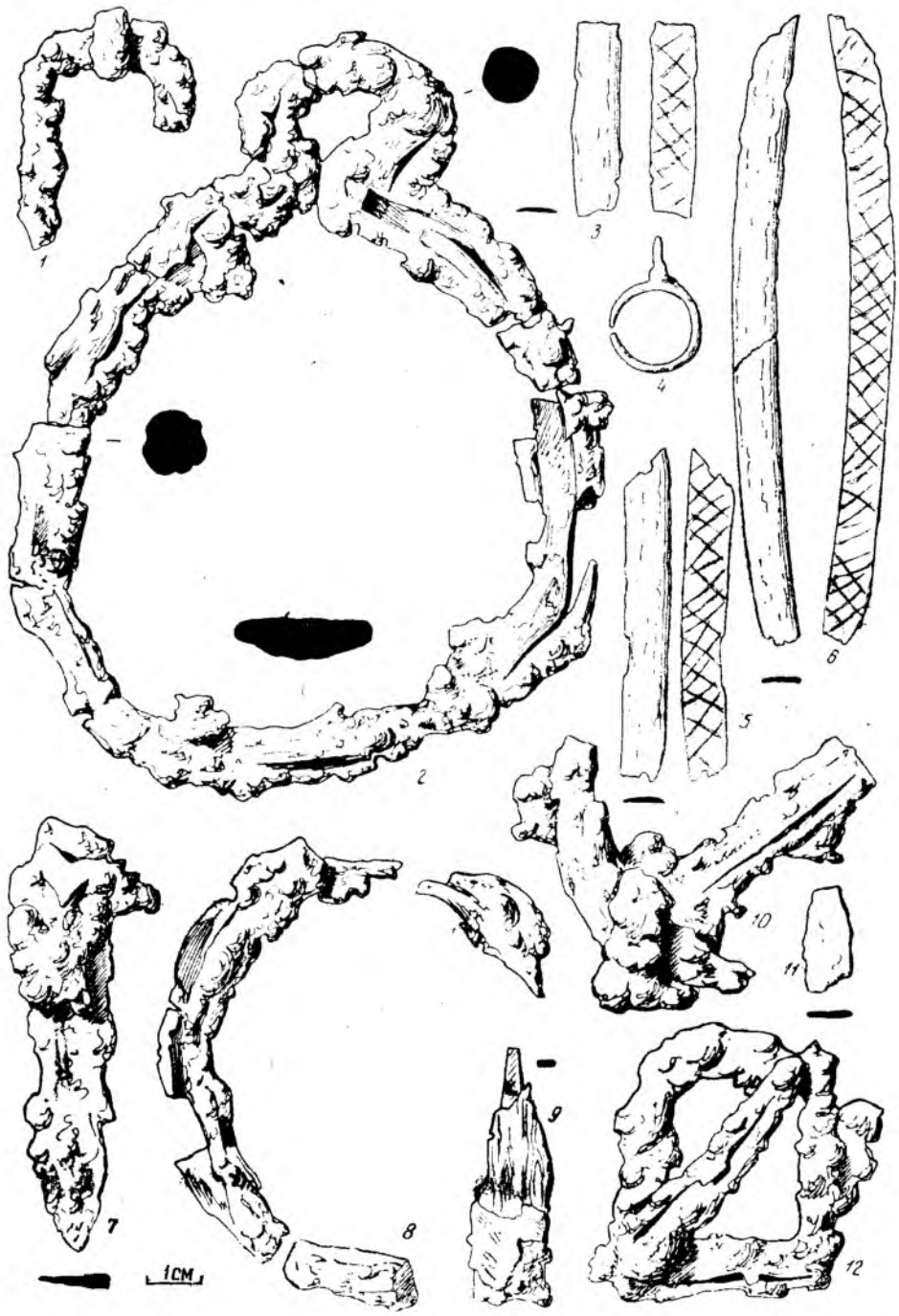


Рис. 45. Центральный Тянь-шань, Нарын, Аламышик. Вещи из К 69.

1, 2, 7—12 — фрагменты ножей, удил, стремян и пряжек, железо; *3, 5, 6* — костяные обкладки лука; *4* — бронзовая серьга.

Тянь-шане, свидетельствующее о проникновении енисейских кыргыз в IX в. на Тянь-шань.

Совершенно особую группу тюркских погребений составляют другие подбойные могилы в том же Аламышикском могильнике. Здесь было раскопано одно погребение особого типа — курган № 102.

Аламышик. Курган № 102 (рис. 46 и 47). Курган представляет собой невысокую (0.22 м), круглую в плане каменную насыпь (диаметр 3 м) со слабо прослеживаемой выкладкой по основанию (кольцо), которая, возможно, частично является результатом наноса камня с гор. Могила представляет собой дромос с катакомбой. Дромос, засыпанный крупным камнем, вытянут с З на В (размером 1.50×0.80 м). На дне его (глубина 1.35 м) лежали кости барана: кости ног, позвонки, лопатки. Под лопаткой был найден обломок ножа со следами деревянных ножен на нем. К северному краю дромоса примыкает подбой, размером 1.80×1.00 м [в наиболее широкой части он имеет форму неправильного овала, значительно (до 0.60 м) суженного в восточной части]. Уровень дна подбоя на 10 см ниже уровня дна дромоса (глубина 1.45 м). Высота дугообразного свода у входа 0.60 м. Вход в катакомбу закрыт вертикально стоящими каменными плитами. На дне ее, в вытянутом положении, на спине, головой на З, лежат три костяка: в центре костяк женщины (№ 2), у южной стенки костяк подростка (№ 1), у северной — ребенка (№ 3). Между женщиной и ребенком лежал скелет барана. Около таза женщины, между ног, стоял глиняный закопченный кувшин с петлеобразной ручкой. Кувшин ручной лепки из грубого с дресвой теста, неравномерного обжига, отчего поверхность кувшина покрыта красными и желтыми пятнами. Над правой тазовой костью женского костяка лежала круглая (диаметр 5.5 см) бронзовая коробочка, закрытая плотно надевающейся сверху крышкой. В бортике крышки отверстие диаметром 0.5 см. На шее было ожерелье из сердоликовых (9 экз.), пастовых (4 экз.) и стеклянных (1 экз.) бус. По всей вероятности, сердоликовые бусы ожерелья чередовались с пастовыми. Несколько бусин лежало у локтя правой руки и у правого колена. Сердоликовые (длина от 0.7 до 2 см) и стеклянные (1 см) бусы биконической формы, 8- и 12-гранные. Пастовые бусы почти круглые (диаметр 6—7 мм), слегка уплощенные, белого цвета. Одна пастовая бусина голубого цвета (диаметр 1.7 см), уплощенная, с «гофрированной» поверхностью. На предплечье правой руки — бронзовый браслет, гладкий, без орнамента, с разомкнутыми концами (диаметр 7 см). Рядом — бронзовое колечко (диаметр 1.3 см). Два таких же кольца у запястья левой руки. На поясе слева — бронзовая пряжка в виде кольца с язычком (диаметр 2 см). Язычок на одном конце охватывает кольцом пряжку, на другом загнут книзу. В месте охвата пряжка тоньше, чем в остальной части.

У костяка ребенка, на шее, находилось ожерелье из 9 раковин каури. Шейные позвонки и лопатка проткнуты железным ножом, сохранившимся во фрагментах. На шее, кроме ожерелья из каури, сохранились остатки ткани и бронзовая китайская монета (диаметр 2.3 см) с квадратным отверстием. Около этого же костяка находился фрагмент железной пряжки (диаметр 1.5 см) в виде кольца с «клювом» (длина 1 см).

Кроме того, в подбое найдено глиняное пряслице (диаметр 3 см, толщина 0.3—0.4 см).

Подбойное погребение № 102 в Аламышикском могильнике представляет собой наибольший интерес в отношении датировки. Мы встречаем здесь такой предмет, как бронзовая пиксида — коробочка для специй или косметики,— совершенно идентичная по форме и размерам аналогичной находке в Кургакском могильнике Алая, что дает возможность увязать этот комплекс с позднегуннскими могильниками. Характерно и положение пиксиды на правом боку, как в Кургаке. Совпадает и ритуал — положение костей барана с ножом. Отличается ориентация (ЗВ вместо СЮ), но следует напомнить неустойчивость ориентации в гуннских погребениях. Керамика также чрезвычайно близка гуннской: по форме и технологии сосуд с ручкой весьма напоминает такой же сосуд, но более удлиненных пропорций, из Кызарта.

Бронзовая пряжка с подвижным язычком на овальной рамке — относительно ранняя (по сравнению с тюркскими). Отмечу состав бус — прозрачное стекло, паста (с позолотой?), голубая паста, сердолик с двусторонним сверлением, — где соседят ранние (паста с позолотой) и более поздние (голубая пастовая буса, полусферическая в разрезе, ребристая).

В известной степени архаичен и бронзовый браслет с незамкнутыми концами, однако из этой серии он наиболее поздний (тонкий и круглый в сечении).

Все привлеченные аналогии говорят о времени не раньше VII—VIII вв., тем не менее сильно сказываются переживания традиций III—IV вв. Учитывая, что женские погребения обычно более традиционны и архаичны, мы можем объяснить появление в данном случае этих противоречивых в хронологическом отношении черт. Остальной инвентарь в общем «нейтральный» — в отношении датировки (рис. 48). К явлениям, позволяющим датировать погребение тюркским временем, мы относим раковины «каури», известные нам и этом районе в более поздних захоронениях даже караханидского времени (детское погребение в Сарыге), хотя на Востоке они встречаются намного ранее. Важна для датировки китайская монета, всего вероятнее — тип «сачжацянь», танского времени.

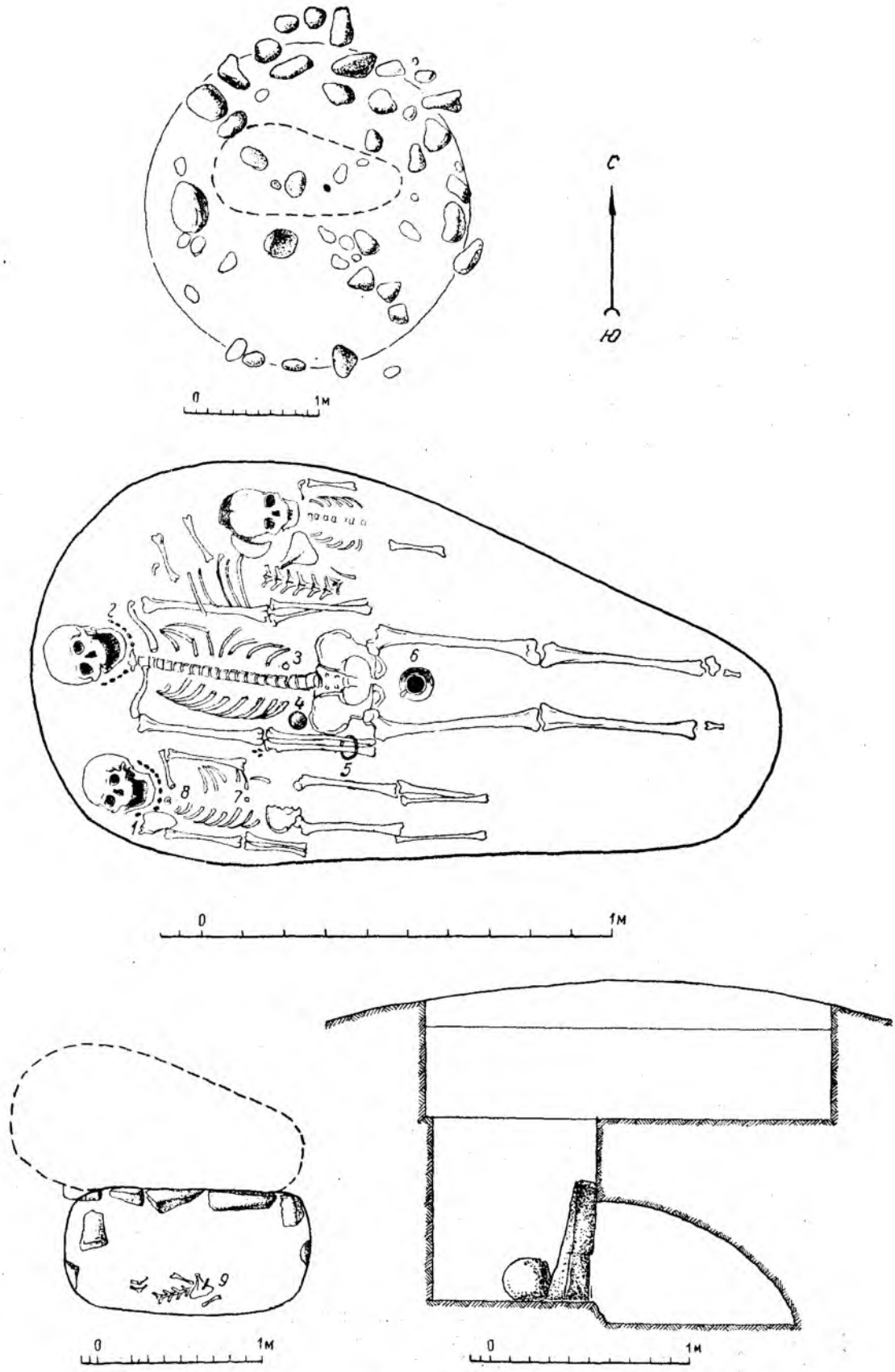


Рис. 46. Центральный Тянь-шань, Нарын, Аламышик. К 102. План и разрезы.

1 — ожерелье из пастовых, стеклянных и сердоликовых бус; *2* — ожерелье из раковин каури; *3—5* — пряжка, коробочка и браслет, бронза; *6* — глиняный сосуд; *7* — фрагмент железной пряжки; *8* — бронзовая китайская монета; *9* — фрагменты железного ножа.

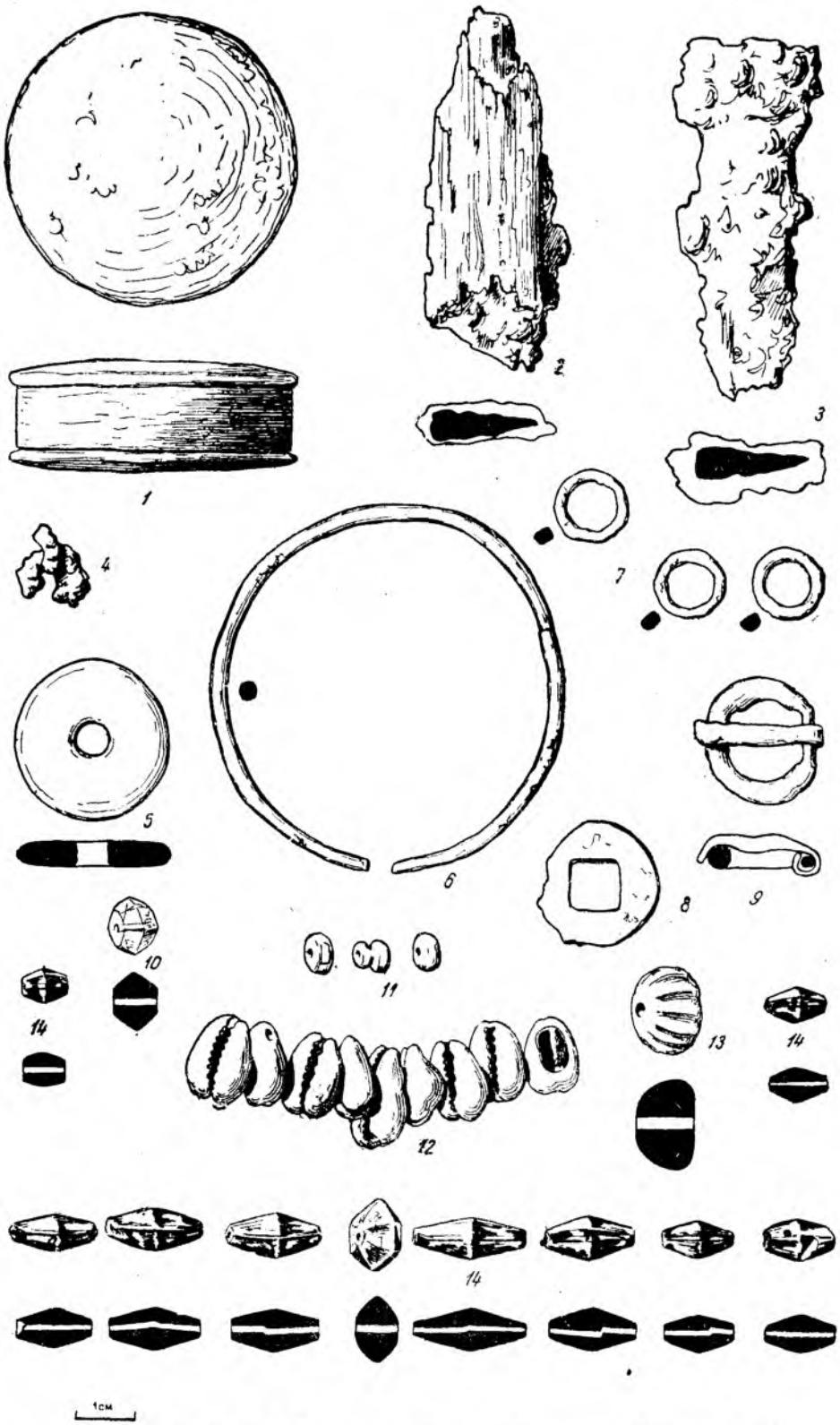


Рис. 47. Центральный Тянь-шань, Нарын, Аламышик. Вещи из К 102.

1 — бронзовая коробочка; *2*, *3* — обломки железного ножа со следами деревянных ножен; *4* — фрагмент железной пряжки; *5* — мраморное прясло; *6*, *7*, *9* — браслет, кольца, пряжка; *8* — бронзовая китайская монета; *10* — бусина, прозрачное стекло; *11* — бусы, паста с позолотой; *12* — раковины каури; *13* — бусина, голубая паста; *14* — сердоликовые бусы.

Ближайшей аналогией этому погребению являются могилы, раскопанные Фетисовым в Кочкорской долине.[1]

Таким образом, в Центральном Тянь-шане выделяется серия различных типов погребений, близких по времени, т. е. относящихся к VI—XI вв. Это следующие группы:

1) Кок-булак, ю.-з. берег Иссык-куля, Кок-мойнак, Ара-куль;

2) Алтын-арык, грунтовые могилы Аламышика, Джаргелан, Кырчин;

3) грунтовые могилы с каменными изваяниями с.-в. берега Иссык-куля (Карой, Ой-булак, Кырчин, Джаргелан);

4) подбойные могилы в Аламышике.

Прежде всего нам представляется возможным наметить этническую группировку этих комплексов.

В основу классификации положены существенные различия между этими четырьмя группами в обряде захоронения и отчасти в инвентаре. Наиболее близки между собой первые две группы, восходящие к древнейшим типам погребений сако-усуньского времени на этой же территории. Об этом свидетельствуют их связанность с фамильными цепочками сако-усуньского времени, остатки жердевого наката, родственность ориентировки, во всяком случае для мужских погребений. Вместе с тем имеются между ними хотя и небольшие, но существенные различия, главным образом в характере площадок, плане могильника, а особенно в конструкции насыпи. Известно, что на западном берегу Иссык-куля, где расположены могильники первой группы и к которому географически и экономически тяготеет Кочкарская долина, жили, по словам автора XI в. Гардизи, воинственные племена кочевников чигилей («все окрестности Иссык-куля заняты джикилями»). У Гардизи мы читаем, что от центра чигилей в местности Яр (?), где живет чигильский тексин, «по левую сторону от дороги находится озеро, которое называется Иссык-куль»; далее: «до Тона 5 фарсахов». Следовательно, речь идет как раз о западном береге Иссык-куля, который, как совершенно верно отмечает Гардизи, находится слева от доро-

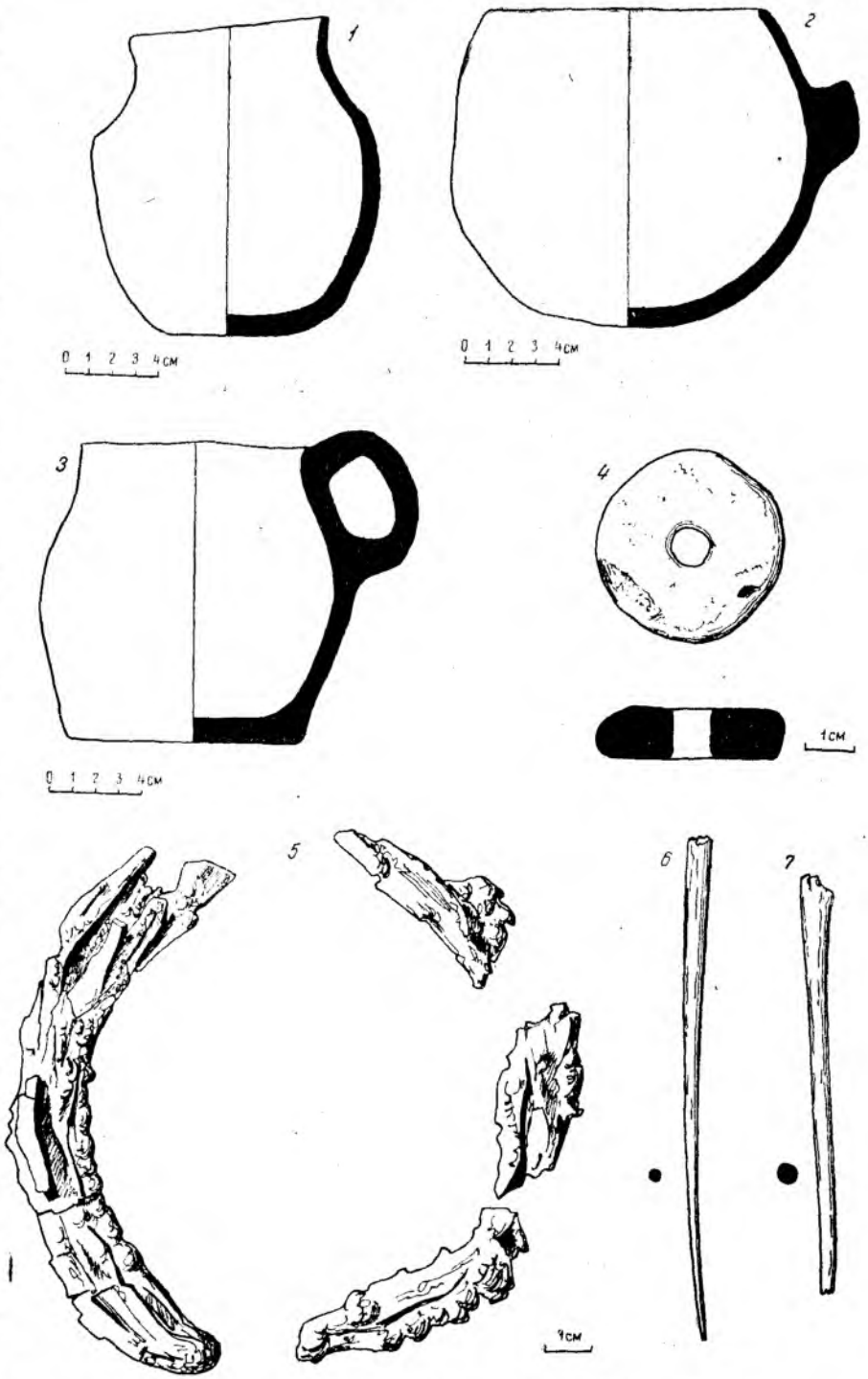


Рис. 48. Тянь-шань. Инвентарь погребений тюркского времени.

1, 2 — керамика (западный берег Иссык-куля, Карой, К 2); *3* — глиняный кувшин (Нарын, Аламышик, К 102); *4* — глиняное прясло (западный берег Иссык-куля, Кок-булак, К 22); *5* — железный браслет (Алтын-арык); *6—7* — костяные проколки (Алтын-арык).

[1] ОАК, 1891, стр. 109 и сл

ги. От района Кок-мойнак до Тона племен чигилей значительно больше, но, как мы указывали, чигильские курганы тянутся и по южному берегу, так что ставка чигильского тексина могла находиться где-либо в районе Ак-терека. Характерно указание, что от местности Джиль (у входа в Боомское ущелье) до ставки тексина «нет никаких населенных мест», «по дороге встречаются только шатры чигилей» и, наконец, что «все окрестности Иссык-куля заняты чигилями».[1]

Учитывая близость датировок могильника ко времени создания цитированного источника, можно смело именовать эти могильники чигильскими. Они сосредоточены на западном берегу Иссык-куля, а не в области Барскан, т. е. именно там, где их локализует наш автор.

Сложнее обстоит дело с этническим наименованием второй группы — во-первых, потому, что она еще очень слабо выражена в этнографическом отношении, а во-вторых, потому, что она размещается на Тянь-шане, детальных сведений об этническом составе населения которого в письменных источниках почти нет. Учитывая, что в районе Алтынарыкского могильника среди раскопанных курганов были встречены черепки посуды, изготовленной на гончарном круге, типа посуды IX—XII вв., а в Аламышикском погребении № 69 найдены позднего типа стремена и железные полулунные псалии, мы имеем основание датировать этот комплекс в пределах домонгольского периода, но не раньше IX в., а в это время северная половина Центрального Тянь-шаня, как следует из письменных источников, — например Худуд ал Алам (X в.), — была занята карлуками. Относительно ранняя форма бронзовой серьги позволяет датировать эту группу могил преимущественно IX—X вв. Погребения этого типа следует именовать карлукскими. Одно из этих погребений в Аламышике (№ 102) — енисейско-кыргызское.

Большой интерес представляет третий тип погребений (иссыккульские). Приведенные выше сопоставления каройских находок с керамикой Чуйской долины и датировка каменных балбалов, находящих себе полные аналогии прежде всего среди алтайских изваяний, свидетельствуют о принадлежности этих комплексов к VI—VIII вв.

Не могу не отметить, что карта распространения этого типа изваяний в основном совпадает с картой распространения рунического письма, во всяком случае с основными территориями бытования этого шрифта, за исключением Якутии и Восточного Туркестана. Другими словами, распространение балбалов совпадает с коренными территориями кочевых племен восточного и западнотюркского каганатов и, прежде всего, Алтая, Монголии и Семиречья. Учитывая алтайское происхождение тюркского каганата и вхождение в его состав «онокских» («десятистрельных») племен Семиречья, среди которых особую роль играли тюргеши, я именую эту группу тюргешской. К этому меня склоняет указание письменных источников о пребывании тюргешей на Иссык-куле. Я имею в виду указание Гардизи о маршруте в страну чигилей и тюргешей. По маршруту, указанному Гардизи, из города Невакета в Иссык-куль, тюргеши были непосредственными соседями чигилей. Центр местожительства тюргешей находился в Суябе, в долине Чон-кемина, которая теснейшим образом связана с Иссык-кулем через перевалы типа Калма-кашу и другие, особенно на прибрежном участке за Чолпоната к В. Разделяет тюргешей и чигилей река, очевидно Чу, уходящая по Боомскому ущелью.

Характерно, что вблизи Иссык-куля в области Барскан имеется перевал Пейгу, что означает также титул, который носили тюркские правители. Погребения, которые мы связываем с тюргешами на Иссык-куле, как раз находятся именно на территории области Верхний Барскан.[1]

О связи же тюргешей с Алтаем говорил Н. Аристов на основании этнонимических параллелей. Связь тюргешей с Енисеем отмечают и китайские источники. Во всяком случае южносибирские связи в этой группе памятников представлены достаточно ясно.

Наконец, остается последняя, четвертая группа подбойных могил.

Благодаря раскопкам 1949 г. мы получаем непрерывную линию развития этого типа погребений, начиная с катакомб кенкольского типа гуннского времени. Появление гуннов на Тянь-шане и в Семиречье — факт хорошо уже известный и не требующий дополнительной аргументации. С гуннами связаны по происхождению племена этой территории юебань, которые мы связываем с племенами чубань Танского времени. Племена чубань — гуннского происхождения. Эта генеалогическая линия прослеживается по прямой преемственности в развитии культа. Племена чубань входили в обе конфедерации «десятистрельных» тюрок: дулу, обитавших в междуречье Или — Чу, т. е. преимущественно в равнинной части, и нушиби, обитавших в междуречье Чу — Талас и главным образом в горной части Тянь-шаня. Среди конфедерации нушиби племена чубань известны в форме «гэшу-чубань». Этноним «гэшу» Н. Аристов сопоставил с киргизским этнонимом «кушу». Мы, в свою очередь, отмечали проникновение древних киргиз с гуннскими племенами на Тянь-шань. Все это вместе взятое позволяет в гунно-тюркском комплексе катакомб Центрального Тянь-шаня

[1] См. текст у В. В. Бартольда (Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—94 гг., стр. 114).

[1] См.: В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 114; ср. стр. 125—126.

выделить поздний тип, который мы можем наименовать чубаньским типом погребений.

Историческая связь древнекиргизских племен Тянь-шаня с гуннскими племенами заставляет нас особо обратить внимание на этот тип погребений, ибо в этой этнокультурной среде развивались древнекиргизские племена Тянь-шаня. Связь между культурой древнекиргизских племен и гунно-чубаньских несомненна. Это вытекает не только из письменных свидетельств об общности политической истории гуннов и киргизов, не только из нушибийского, киргизо-гуннского этнонима «гэшу-чубань», но и из того факта, что культура кенкольского типа во всех своих основных частях была воспринята киргизскими племенами (тип колыбели, покрой одежды, некоторые формы утвари, устройство погребального сооружения).

В этой связи раскопки 1949 г. и выявление гунно-тюркских погребений, выделение хронологически различных этапов имеет особо важное значение для истории киргизов Тянь-шаня. Киргизы Тянь-шаня складывались внутри гунно-тюркской среды, впитав в процессе своего развития значительную часть этого этнического массива и в основном заняв их древние территории.

9. ТЯНЬ-ШАНЬ И ЕНИСЕЙ

Наши раскопки ясно выделили основные типы тюркских погребений на Тянь-шане и позволяют пересмотреть некоторые погребения и случайные находки из Тянь-шаня, открытые и собранные еще в дореволюционный период, указывающие, в частности, на связи с Енисеем. Мы имеем в виду раскопки Фетисова в Кочкорской долине в 1891 г. и полученные им от местного населения предметы, поступившие затем в Государственный Эрмитаж. Раскопки Фетисова на Тянь-шане в Кочкорской долине, недалеко от перевала Шамси, и в урочище Орто-токой в основном обнаружили могилы тюркского времени, датированные, в частности, не только характерными находками в могилах Ортотокоя, но и монетой типа сачжацянь (707—709 гг.).[1] Кроме тюркских, были вскрыты, судя по описаниям насыпи, и более ранние типы погребений, в частности в урочище Шамси, Дала-кудук и в других местностях,[2] очевидно принадлежащие, по нашей классификации, к V—III вв. до н. э.

В Ак-чате Фетисовым были вскрыты катакомбы «чубаньского» типа. Особое место в его раскопках занимают склепы для хранения сожженного праха, сложенные из сырцовых кирпичей и оштукатуренные алебастром (Кескенташ): судя по архитектурным деталям, они относятся к тюркскому времени.

Случайные находки, происходящие из Тянь-шаня, дополняют наши представления о культуре тюркских племен этого времени. Мы имеем в виду ниже описанные случайные находки из Кочкорской долины, частично отмеченные в печати, но только впервые публикуемые нами в достаточно полном объеме (рис. 49 и 50).

Часть находок была воспроизведена в 1893 г. в Отчете Археологической комиссии за 1891 г.[1] Здесь было лаконично указано — «серебряные позолоченные прорезные бляхи с изображением животных, повидимому, от пояса».

Вторично те же рисунки трех вещей были изданы в 1906 г.[2] с подписью: «находки близ Пшишека, Серебряные позолоченные прорезные бляхи».

В 1917 г. на эти вещи обратил внимание И. Стржиговский, который отметил их своеобразный переплетенный орнамент и сопоставил, с одной стороны, с южносибирскими, енисейскими находками, а с другой — с находками в Албании (из коллекции Моргана в Нью-Йорке) и Венгрии, в частности, с вещами из клада Надь Сент Миклош и стилем «кестеляй», с резьбой по дереву в Египте, плетенкой на капители из Двина, росписями в армянском евангелии из Львова 1198 г., резьбой по дереву из Хочжо (в собрании Лекока) и т. д.[3]

По мнению И. Стржиговского, кочкарские находки представляют собой «вероятно смешение» этих культур, соответствующее их географическому положению, а также отношению к другим явлениям «культуры, языкам и расам».[4]

Далее он уточняет, что эти предметы отражают иранские и тюркские влияния.[5] В другом месте он датирует этот комплекс второй половиной первого тысячелетия н. э. и утверждает, что «многополосный или многолучевый ленточный орнамент» («Mehrstreifigen oder mehrsträbnigen Bandornamentes»), характерный для орнаментации кочкарских вещей, происходит в указанное время из Ирана.[6]

Расовая, панираиская точка зрения И. Стржиговского, сказавшаяся в оценке разбираемых коллекций, соответствует его фашистским концепциям, особенно ярко выраженным в его более поздних работах.

Насколько нам известно, коллекция из Кочкорской долины больше не привлекла к себе внимания исследователей. Вместе с тем, в свете открытий советских археологов, она представляет большой интерес для истории культуры и искусства народов

[1] См. ОАК за 1891 г., стр. 113—115.
[2] Там же, стр. 94—96.

[1] ОАК за 1891 г., СПб., 1893, раздел «Случайные находки, частные приношения и приобретения», стр. 127, рис. 128—130.
[2] Альбом рисунков, помещенных в отчетах императорской Археологической комиссии за 1882—1898 годы. СПб., 1906, стр. 332, рис. 2215—2217.
[3] Y. Strzygowski. Altai—Iran und Völkerwanderungen. Leipzig, 1917, стр. 214 и 217.
[4] Там же, стр. 215.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 216.

Средней Азии и Восточной Сибири. Эти соображения и желание издать в полном объеме эту замечательную коллекцию и послужило основанием к написанию настоящего раздела главы.

Согласно документам, обнаруженным в архиве ИИМК, упомянутая коллекция поступила в Археологическую комиссию через старшего

Рис. 49. Тянь-шань. Кочкорская долина. Серебряные накладки на сбрую (случайные находки).

чиновника особых поручений в г. Верном (Алма-ата) Н. Пантусова, изложившего в своем письме от 8 ноября 1891 г. и в приложенных документах обстоятельства находки вещей.[1] Наиболее подробные данные содержались в письме начальника Токмакского уезда Семиреченской области А. Талызина.

Письмо это следующего содержания:

«Г. Старшему чиновнику особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области.

«До сведения моего дошло, что киргизы вверенного мне уезда волостей Темирбулатовской и Бурукчинской, кочующие на Кочкорской долине, раскапывают там старые могилы, в которых находят разные вещи.

«Вследствие этого я, командируя своего помощника на Кочкорский чрезвычайный съезд, поручил ему проверить, насколько справедливо это сведение, и если таковое подтвердится, то немедленно принять меры к прекращению дальнейших раскопок и взять от киргиз найденные в могилах предметы.

«Ныне г. Терентьев, возвратясь со съезда, доложил мне, что раскопки старых могил на Кочкоре действительно производились, началом которых послужило указание какого-то верхненского киргиза, который приезжал в Темирбулатовскую волость и советовал раскапывать старые могилы, в которых есть золотые вещи.

[1] Архив ИИМК, д. 188, 1891.

«Первоначально раскопки были сделаны в виде опыта; разрыли две-три могилы и действительно, как говорят, нашли золотые вещи; тогда раскопками занялись поголовно мужчины, женщины и даже дети. Обязав волостных управителей и аульных старейших подписками немедленно остановить раскопки, г. Терентьев вместе с тем потребовал доставить ему найденные вещи, что киргизы и стали исполнять, но приносили преимущественно изоржавленные медные и железные предметы, как то: украшения с седел и сбруи, наконечники стрел, обломки ножей и другие никуда не годные предметы и не имеющие никакого значения в археологическом отношении, ибо ни письмен, ни рисунков на них не имелось, между тем, по слухам, были найдены киргизами золотые украшения и монеты. Чтобы привлечь киргиз приносить найденные вещи, г. Терентьев объявил им, что казна уплатит за каждую золотую вещь вдвое больше, чем дадут сарты и татары, и что если киргизы нуждаются в деньгах, то он теперь же будет давать им задаток, и только с помощью этой меры ему удалось собрать несколько вещей, означенных в прилагаемом при сем списке, каковые вещи при сем вашему высокородию препровождаю. При этом уведомляю, что, по заявлению киргиз, вещи эти они находили в могилах, находящихся на горах, окружающих Кочкорскую долину; в самой же долине хотя и делали раскопки, но в них никаких вещей не находили...».

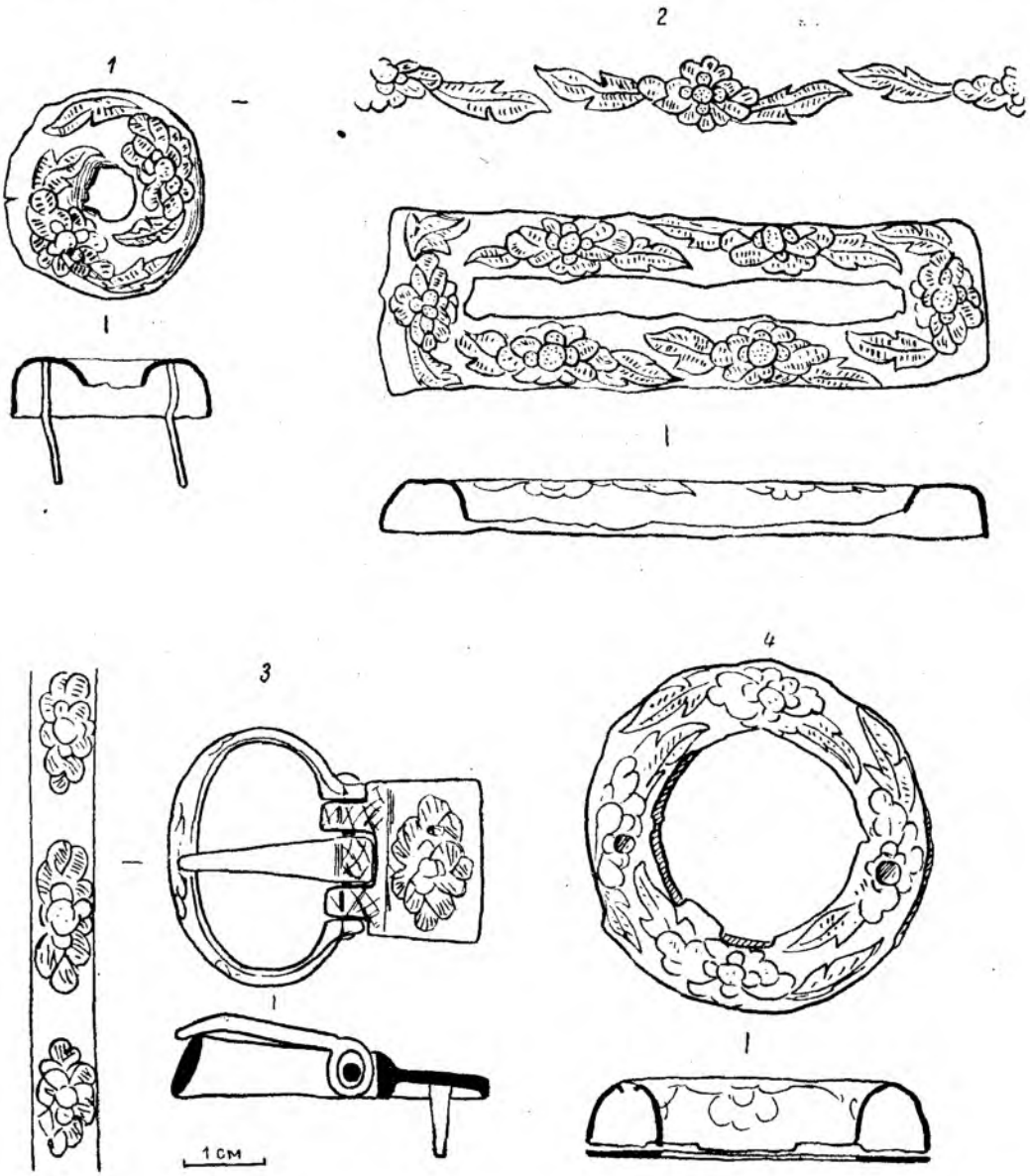


Рис. 50. Тянь-шань, Кочкарская долина. Серебряные украшения.
1, 2, 4 — сбруйные накладки; *3* — пряжка.

В прилагаемой описи значилось:

1. Серебряное украшение для пояса, состоя-

щее из шести блях продолговатых и шести круглых с различными изображениями, представленное киргизом Темирбулатовской волости Тауке Мамурзиным.
2. Две золотых серьги, представленные киргизом Бурукчинской волости Казы Тюкиным.
3. Золотая брошь и две больших жемчужины, представленные киргизом Бурукчинской волости Кадыком Уметовым.
4. Красный камень с дырочкою вверху, представленный киргизом Иралы Шаильдиным.
5. Золотая серьга, представленная киргизом Бурукчинской волости Байтюле Дмамановым.
6. Золотая серьга и маленькая монета, представленные киргизом Темирбулатовской волости Алтыбаем Айкымовым.
7. Две золотые серьги, представленные киргизом Темирбулатовской волости Токтасуном Бехтеневым.
8. Серебряная чашка, представленная киргизом Темирбулатовской волости Суранчи Карасаевым.
9. Серебряное украшение на портупею, состоящее из семнадцати пуговиц и одной пряжки, а также старый клинок с признаками позолоты.
10. Четыре медных бляхи с различными изображениями.
11. Серебряный кувшин, представленный нарынским волостным управителем Койгельды Мусакиновым, найденный киргизами его волости на Сонкуле.

Согласно письму и описи следует, что вещи происходят в основном из Центрального Тянь-шаня, а осмотр вещей по фотографиям и изучение подлинников, хранящихся в Эрмитаже, дает право считать, что в основной своей массе вещи принадлежат и к одному времени — к VIII—IX вв. н. э.

Интересующие нас вещи состоят из двух основных групп: 1) прорезных серебряных вызолоченных блях на поясе и явно связанных с ними серебряных круглых блях и пряжек с прочерченным орнаментом в виде маньчжурских астр; 2) отдельных разновременных вещей, главным образом золотых серег, а также китайского типа зеркал; среди них есть предметы, относящиеся к VIII—XI вв., и более ранние.

Осмотр этих вещей показал следующее.

Прорезные большие вызолоченные бляхи представляют собой две группы. Первую составляют бляхи (3) в виде вытянутых пластин прямоугольной формы (8.5×3.7 см) с загнутыми краями, образующими бортик высотой 0.6 см. Вторая представлена бляхой с одним закругленным концом, несколько большей по размеру (9.3×3.5 см), слегка расширяющейся кверху (3.8 см). Эта бляха имеет и несколько иной узор.

На первых трех бляхах имеется рамка, внутри которой расположены сверху вниз следующие изображения: барс с повернутой анфас головой, туловищем в профиль и поджатым хвостом, ниже — повернутые в разные стороны головы козлов, между ними голова-маска; в следующем ряду, посредине, такого же типа голова-маска и обращенные друг к другу головы уток; далее продолжается переплетенная вязь. Таким образом вся композиция состоит из трех рядов — один над другим.

Пряжка с закругленным концом имеет несколько особый рисунок. В верхней части в полукруг вписан изогнутый барс, ниже, как и в первых пряжках, маска с головами козлов, далее следует крестообразная плетенка, затем идет повторение вязи и оканчивается все это внизу головой-маской чудовища.

Малые бляхи также делятся на две группы. К одной принадлежит бляха с ровным верхним краем и овальным нижним (3.6×3.3 см), другие бляхи круглые, слегка заостряющиеся книзу (3.8×3.8 см). На первой бляхе дано изображение двух фениксов, поставленных геральдически, мордами друг к другу, расположенных среди вязи.

На остальных пяти в верхней части, среди симметричных завитков побегов, изображены так же геральдически поставленные головы-маски чудовищ.

Все бляхи имеют бортик, украшенный узором в виде составленной из волют бегущей лозы с завитками и точечным заполнением между ними.

Орнамент во всех бляхах прорезан, причем на обороте края рваные. Все бляхи имели на тыльной стороне серебряные шпеньки, часть которых сохранилась. Позолота только по верху. Исполнение рисунков резцом индивидуальное: наблюдается разный масштаб отдельных деталей (например сечение ног барса), в некоторых случаях неравномерно наложен штрих.

По технике изготовления с этим комплексом весьма схожа группа серебряных круглых блях.

Первую группу этих вещей составляет набор из 13 малых круглых блях (шифр Эрмитажа — СА 8270—8282), полых внутри, с отверстием посередине, с чеканным рисунком по внешней поверхности: на фоне малых листьев помещен четырехлепестковый цветок с отходящими в обе стороны длинными листьями, с жилкой посредине, как бы разрезающей их надвое. Такие «букеты» из маньчжурской астры (по два на малых бляхах) расположены на поверхности симметрично: лист одного края подходит под низ второго, и наоборот.

Диаметр малых округлых блях до 2.5 см; высота 0.8 см, диаметр отверстия 0.7 см.

На обороте припаивались железные шпеньки, головки которых изнутри приходятся на центр

цветка. Сохранились они только в одном случае. В других бляхах отмечены пробоины — следы отломанных шпеньков.

Две бляхи (СА 8284 и СА 8285) более крупного размера — диаметр 4.6 см, диаметр внутреннего отверстия 2.7 см, высота 1 см. На тыльной стороне припаяна пластинка в виде кружка, закрывающая полую часть. В кружке две пары отверстий для шпеньков. На поверхности тот же рисунок, как и в малых бляхах, но не по два букета, а по четыре.

Особого типа — длинная прямоугольная бляха-пряжка (СА 7286) длиной 8.1 см при максимальной ширине 2.5 см и высотой до 0.6 см. Одна сторона несколько уже — 2.1 см. На этой узкой стороне сохранился один серебряный шпенек, а на широкой — следы припая двух шпеньков с тыльной поверхности, в углах. Посредине, вдоль всей пряжки, отверстие размером 6×0.5 см.

По внешней поверхности расположен тот же рисунок букетов, по одному на «торцах», где листья загибаются на длинную сторону. Кроме того, по длинным сторонам помещено еще по два букета.

Наконец, отметим пряжку с подвижным язычком и рамкой (СА 8283), покрытую тем же орнаментом как на поверхности площадки, так и по внешнему ободу рамки. На «пальцах» площадки, которая держит ось рамки и язычка, нанесен ромбический орнамент насечкой. Площадка с тыльной стороны углублена и имеет два серебряных стерженька. Общая длина пряжки 4.4 см. Размеры площадки 2.1×2.1 см.

Техника нанесения рисунка и изготовления блях одна и та же. На металле сначала отжималась форма бляхи, пробивались (и довольно грубо) отверстия, обжимались края, о чем свидетельствуют «морщины» металла, а затем наносился рисунок. Несмотря на то, что рисунки одинаковы, все они индивидуальны по выполнению, судя по разному количеству штрихов на листьях и по различной интенсивности врезки. О том, что рисунок накладывался после изготовления основы, говорит наплыв рисунка на «морщины» металла.

Ко второй основной группе, как я уже указал, относятся отдельные вещи, например золотые серьги с накладным массивным изображением цветка. Они весьма сходны с алтайскими и енисейскими типами серег с ячейками для инкрустации (типа тех, которые нашел Фетисов в тюркских могилах). Следует выделить из этой серии серьги из золотой проволоки, явно восходящие по форме к более ранним — сарматского типа серьгам.

Отмечу также в этой коллекции группу китайских бронзовых зеркал, среди которых обращает на себя внимание зеркало с ручкой (диаметр 9.5 см, общая длина 17 см, толщина до 0.6 см), на обороте которого изображена китайская сцена.[1] Такого типа зеркало, но несколько меньших размеров (диаметр 8.7 см, общая длина 16.7 см, толщина 0.3 см), было найдено на Сыр-дарье.[2]

Два зеркала круглые (диаметром около 10 см), тоже, повидимому, танского времени, с петелькой на обороте. Одно из них с чисто орнаментальным узором, на втором изображен гон мифических существ. Наконец, отмечу бронзовое зеркало (около 15 см в диаметре) с изображением двух фениксов. По краю зеркала расположено восемь лепестков, исполненных низким рельефом.

Все эти находки говорят об интенсивных связях с Китаем, — факт, достаточно широко зарегистрированный и письменными источниками.

Вещи, рассмотренные выше, хотя и объединяются общей принадлежностью к тюркским изделиям VIII—IX в., однако распадаются на две группы. К первой относятся вызолоченные накладки на сбрую, круглые бляхи, прямоугольная бляха, пряжка и серьги; ко второй — ажурные накладки. Серьги имеют полные аналогии в находках Фетисова в Ортотокое, в курганах тюркского времени. Бляхи относятся к тому же циклу вещей, о чем свидетельствует прежде всего общность ее орнаментации с орнаментацией пряжек. Как видно из описания, в основе орнамента лежат маньчжурские астры, изображения которых мы знаем как по фрескам из Сарыга,[3] так и по ткани халата уйгурского князя из Хочжо.[4]

Обе аналогии дают основание для датировки этих предметов карлукским временем — VIII—X вв.

Несколько иной облик у ажурных накладок, где сплетение растительного орнамента со зверями мы сопоставляем с ажурным орнаментом на золотых кувшинчиках из Копенского Чаатаса, раскопанных С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой.[5]

Думаю, что эта аналогия ближе и полнее, чем те, которые предлагал Стржиговский, ведя происхождение кочкорских вещей из Ирана и более западных стран на основании, главным образом, плетенки. Крестообразную плетенку мы знаем на росписях посуды караханидского времени из Чуйской долины. Учитывая схематизацию и меньшую динамичность, чем в енисейских аналогиях, мы склонны датировать эти находки не временем Копен-

---

[1] Хранится в Отделе Востока Гос. Эрмитажа, № 7216.

[2] Хранится в Отделе Востока Гос. Эрмитажа, № 7163.

[3] См.: А. Бернштам, СА, XI, цветная таблица.

[4] Фреска опубликована Лекоком в его атласе фресок из Хочжо.

[5] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, стр. 338 и сл.; см. табл. VI, особенно рис. 2. Более подробное описание: Труды ГИМ, т. XI, 1940.

ского Чаатаса (VI—VIII вв.), а более поздним временем — VIII—X вв.

С Копенским Чаатасом кочкарские находки (имею в виду первую группу) сближаются стилистически.

Орнамент накладок представляет собой сочетание растительного сюжета, геометрических линий и изображений животных. Фантастические грифоны и птицы держат в клюве конец ленты, образующей сложную вязь орнамента, расположенного симметрично и как бы расчленяющегося по вертикальной оси. На коротких накладках основа заполнена прорезным изображением птицы, также окруженной растительной вязью. Основной рисунок орнамента прорезался, видимо, на твердой форме, так что он слегка рельефный, а линии рисунка по оси еще дополнительно прорисованы. В рассматриваемых накладках поражают два явления. Первое — это исключительная изобретательность в плетениях линий, говорящая о большой искусности мастера. Второе — это изощренная моделировка зверей: среди изображений можно наблюдать животных, фигура которых дана в трех поворотах (ноги, туловище, голова). Это искусство рисунка, знание тела изображаемого животного говорят об исключительно высокой технике мастера-профессионала. Гармоничная композиция разнохарактерных элементов рисунка — дополнительное свидетельство высокого мастерства художника.

Среди других вещей из Кочкорки обращают на себя внимание, как мы уже отметили, пряжки и бляхи, на которых тонкой резьбой даны рисунки цветов, в частности североманьчжурской астры.

Кочкорские находки возбуждают целый ряд вопросов относительно их происхождения. Решает все сомнения наше сопоставление вещей из Кочкорки с памятниками Копенского Чаатаса. Это сопоставление несомненно приводит к выводу, что рассматриваемые вещи — одного характера, как сюжетно и композиционно, так в значительной степени и технически. Памятники Копенского Чаатаса, как это показали С. Киселев и Л. Евтюхова, созданы киргизскими мастерами на основе традиций степного искусства, под сильным влиянием Китая. Быть может, эти традиции определили в значительной степени и сюжетные композиции сасанидской торевтики. На Тянь-шань носители этого мастерства могли попасть и в результате прямых взаимоотношений с киргизами Енисея, и в результате очередного переселения киргиз с Енисея в конце IX—начале X в. Киргизы пришли сюда через Восточный Туркестан и обогатили енисейское изобразительное искусство восточнотуркестанскими сюжетами, в частности, рисунками из росписей на буддийских фресках (астры), которые, как мы уже выше отмечали, мы найдем и на шелковом платье уйгура с фресок из Хочжо [1] в публикациях Лекока, и в росписях, обнаруженных нами в древнем Сарыге.[2]

В кочкарских вещах мы имеем отголоски скифского искусства, особенно в фигурках барса и в верхнем ярусе орнамента накладки. Изображения животных в кочкарских вещах напоминают фигуры на бляхе из тюпских находок сакского времени, а также в киргизском мастерстве Енисея VII—IX вв., где больше всего сохранились эти традиции. Наконец, кроме «по-енисейски» интерпретированного влияния Китая, в кочкарских вещах отразились также местные влияния — перекрещивающиеся линии и геометрическая плетенка, которая потом из металла перейдет в караханидский изразец и в роспись в качестве одного из излюбленных элементов рисунка.[3] Эти геометрические формы орнамента ведут свое происхождение еще от геометрического расчленения поверхности изделий из драгоценного металла у поздних кочевников, перенесены на глину согдийцами в технике выемчатого орнамента, у тюрок снова повторены в металле, где выемки уже заполнены эмалью (находки в Чуйской долине, на Сукулуке); они нашли свое отражение и в вещах из Кочкорского клада.[4]

Вещи из Кочкорского клада — прекрасные образцы мастерства енисейских киргиз в период проникновения последних на Тянь-шань, еще в домонгольскую эпоху, и хотя они хронологически выходят за рамки тюркского каганата, они всеми своими корнями связаны с его культурой.

10. ТЯНЬ-ШАНЬ И ФЕРГАНА

В свете новых данных, главным образом о гуннах Тянь-шаня, становится ясным и расхождение китайских источников в вопросе о местоположении даваньцев и кангюй в эпоху старших и младших Хань.

Дело в том, что оба владения имели своим соседом с востока гуннов, причем кангюй непосредственно подчинялись гуннам, «признавали их власть».[5] Если бы усуни были действительным барьером между гуннами и кангюй, то это указание летописей было бы абсолютно невозможным; однако очевидно, что

---

[1] A. Le Coq. Die Buddhistische Spätantiken in Mittelasien. Берлин, 1923, стр. 41—43.

[2] А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, табл. XII.

[3] См., например, изразцы мазаров Айша Биби (с. Головачевка Джамбульской области), южный и северный мавзолеи Узгена. О них: Б. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939.

[4] Преобладание тюркских элементов в орнаментике кочкорских вещей признавал даже И. Стржиговский, который посвятил им несколько страниц в своем труде: Altai—Iran und Völkerwanderung. Leipzig, 1917 (см. стр. 214; ср. рецензию: ESA, VI, 1931).

[5] Цяньханьшу, гл. 96а.

часть Тянь-шаня издавна, еще с Чжан Цяня, а особенно после раскола гуннов на северных и южных при Чжичжи шаньюе, принадлежала северным гуннам. По сведениям Цяньханьшу, область кангюй лежала в 2000 ли от Давани, а последняя в 2000 ли от гуннов. Следовательно, Фергана до н. э. не была под властью гуннов, и гунны расположились с ЮВ на СЗ, по Тянь-шаню, отделяя усунь от кангюй и не задевая Ферганы.[1] Однако уже в первые века нашей эры, особенно в начале II в., гунны распространяют свою власть на запад от Пулэя (Синьцзян, оз. Бар-куль) до Дацинь (по всей вероятности Каспийское море), захватывая, тем самым, Тянь-шань и Фергану, далее они, видимо, кочевали по Сыр-дарье, благодаря чему и разъясняются «подозрительные» сведения о племенах гуннов в Причерноморье в сообщениях Дионисия Периегета и Птолемея для II в. н. э.[2] Массовое распространение гуннских могильников по Тянь-шаню, отмеченное нами в Арпе и в Чон-алае, появление их в Исфаре, Ширин-сае и в Ташкентском оазисе (Каунчи) обязано этому распространению гуннов, так же как выявляющаяся в оседлых поселениях Ферганы и Ташкента посуда усуньского типа обязана тем же, но более ранним культурно-политическим связям усуньского Тянь-шаня и Ферганы в предгуннскую эпоху.[3]

Гуннские могильники на Тянь-шане имеются во многих местах и занимают значительную площадь. Они нам известны, кроме Арпы и Кенкола, еще на Иссык-куле, а также в долинах Атбаш, Нарын и на перевале в Джумгал на Кызарте. За пределами Киргизии и СССР их надо искать в южной (китайской) части Тянь-шаня, возможно в долине Большой Юлдуз, ибо, как следует из сообщений Вэйшу, часть гуннов после их разгрома племенами сяньби осталась по северную сторону Кучи, другая ушла в места, лежащие северо-западнее земель племен усунь.[4] К С от Тянь-шаня отдельные могилы гуннского типа известны в Центральном Казахстане.

Движение гуннов разделило усуней с их западными соседями. Мы считаем возможным усуньское влияние в Фергане и Ташкентском оазисе частично относить ко времени, предшествующему гуннскому завоеванию Тянь-шаня. Исключением является проникновение усуней в Ташкентский оазис в результате междоусобиц усуней в 71 г. до н. э. при гуньмо Уцзюту и позднейших перекочевок при гуньмо Жини и Бихуаньчжи, ушедших в страну племен кангюй.

Гуннское вторжение отбросило на Ю часть сако-усуней, известных китайской династийной истории Хоуханьшоу под именем хюсюнь[1] (несомненно, очень близкая форма к этнониму усунь) и находившихся в 920 ли на ЮЗ от Ферганы, т. е. в районе гор к З от меридиана Яркенд — Хотан. Также гунны рассекли и кочевников Тянь-шаня и Алая на две части. Поэтому не случайно (согласно той же Хоуханьшу), что племена юйту или уш, сходные в своих обычаях с усунь,[2] жили, вероятно, в долине Алая и к С от нее, или, как сообщает китайская история, «в горной долине Юйту, к северу от Кашгара».[3]

Эти гуннские вторжения, расчленившие сако-усуньский культурный комплекс на восточную и западную часть, и создали то различие археологических памятников и многочисленные варианты могильников Тянь-шаня и Алая, которые, несмотря на известное единство времени и культуры, имеют много локальных черт, что и было нами выше отмечено, когда мы сопоставляли культуру Тянь-шаня, Алая и северного Семиречья.

Владычество тюркского каганата не вносит существенных изменений в топографию памятников кочевников. Надо только отметить, что курганов этого времени значительно меньше и они находятся в прямом контакте с синхронными им оседлыми поселениями, что особенно ярко проявляется в Фергане.[4]

К началу и особенно к середине первого тысячелетия н. э. окончательно определяются границы земледельческой культуры и мест обитания кочевников. Это обстоятельство мы неоднократно фиксировали для Северной Киргизии в ряде своих работ.[5]

Аналогичное положение в это время складывается и для Ферганы. К началу первого тысячелетия н. э. мы отмечаем интенсивное продвижение земледельческих поселений в горные ущелья. Таковы тепе Шалтак, затем тепе на 42-м и 59-м км Памирского тракта, доходящие до перевала Чигирчик, и, наконец, тепе непосредственно в долине Гульча, т. е. к Ю от перевала Чигирчик. Как показывает керамический материал из Гульчи, поселение окончательно оформляется в позднекушанский период. Через Гульчу проходит граница распространения оседлой культуры земледельцев в горах. Почти на той же широте, к В от гор Алдыяр, за перевалом Тахта-даван, в долине р. Кара-кульджа, у селения того же имени (ныне Советское) проходит граница скотово-

[1] Цяньханьшу, гл. 96а, 15б.
[2] Об этом см.: А. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940.
[3] А. Терепожкин. Изв. УзФАН, 9, 1940,
[4] Вэйшу, гл. 102.

[1] Хоуханьшу, гл. 96а, л. 19 (хюсюнь бэньгу са чжунье). См. нашу статью: СЭ, 3, 1947 (см. здесь же, гл. V, § 3).
[2] Цяньханьшу, гл. 96а, л. 20б (Чу суй шу и пао и фу лэй усунь).
[3] Там же.
[4] Мы уже отмечали это в брошюре «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии» (Фрунзе, 1943).
[5] Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, VI; Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941; Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941.

дов и земледельцев древности. Выше, по речным ущельям и долинам, земледельческие поселения в древности исчезали и начиналась область безраздельного господства кочевников, которые в свою очередь спускались (в значительно меньшем количестве, чем они обитали в высокогорьях) в зону земледельческой культуры, причем особенно активно — в этот тюркский период. Курганы кочевников тюркского времени прослеживаются и по перевалу Чигирчик, но не уходят дальше 10 км от гор по долине р. Чинг-сай. В 1941 г. аналогичную картину мы наблюдали в долинах рек Яссы, Кугарт, Он-уйгур и т. д. Это проникновение тюркской кочевой культуры — вернее, ее активизация в тюркский период — целиком и полностью обязано кочевникам Тянь-шаня. Не случайно и китайские источники отмечают движение семиреченских племен шуниши (из конфедерации племен дулу) в область Нинюань. Результатом этого тюркского завоевания Ферганы было падение кушанской династии в 659 г.; его последний представитель Алицы был вынужден покориться тюркским завоевателям, а наследник Сеюй отдан был на воспитание в Китай.[1]

[1] Синьтаншу, гл. 258б, л. 35б.

Не случайно Арслан Таркан, бывший правителем Ферганы в середине VIII в., который, по свидетельству китайских источников, выступал в 739 г. против владетелей Таласа — Живэй Кагана и Тухосянь Гучжо, — как следует из колофона манихейской рукописи, для него написанной, был родом из чигилей, т. е. также из племен тяньшаньского происхождения.[1] Наконец, не случайно и то обстоятельство, что напротив Узгена был замок тюркского князя.

Тюркский князь сидел в Касане, а путь через Яссы и ферганский хребет в Кашгар находился также в руках тюрок.[2] Этот торговый путь приводит нас в Центральный Тянь-шань, который в тюркский период имеет свое, отличное от Ферганы и Алая, лицо.

Здесь проникновение земледельческой культуры начинается под тюркским протекторатом в VII—VIII вв., но значительно расширяется в XI—XII вв. (см. гл. II, особенно §§ 3 и 4).

[1] См.: А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941.

[2] В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1898.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОСЕДЛЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ТЯНЬ-ШАНЕ В V—XV вв.

1. ОСЕДЛЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ

В связи с проблемой происхождения оседлых поселений Тянь-шаня следует остановиться на одном вопросе, уже весьма давно волнующем исследователей Иссык-куля. Речь идет о местонахождении древнеусуньской столицы, — ставки усуньского гуньмо, — именовавшейся Чигу. Обычно эту ставку помещают на южном берегу Иссык-куля и отождествляют с подводными развалинами у курорта Койсара, в 18 км от г. Пржевальска.

То, что ставка Чигу находилась на южном берегу Иссык-куля, явствует из указания Сюань-Цзана (VII в.), который, отправясь из области древней Чигу, затем пересек озеро Иссык-куль и далее проследовал в Суяб — столицу тюркского кагана, отождествляемую нами с развалинами городища у с. Новороссийское в долине Чон-кемин.

Однако это не значит, что Чигу находилась в том месте, где теперь отмечают подводные развалины у Койсары.

Чигу была ставкой кочевников усуней. Наиболее неблагоприятное место для скотоводства — это песчаный берег у Койсары, без травостоя и достаточного запаса пресной воды. Развалины у Койсары составляли, видимо, единый комплекс с остатками древних поселений и кладбищ в этом районе, довольно хорошо сохранившихся около с. Богатыревки и, по всей вероятности, относящихся к средневековью (XI—XII вв.). Несомненно, что в этом районе было одно из поселений области Верхний Барсхан, о котором упоминают древние авторы, писавшие на арабском и персидском языках. Это подтверждают находки из подводных развалин не старше VIII и не моложе XVI в., этому соответствуют и развалины у Богатыревки, датирующиеся в основном, судя по подъемному керамическому материалу, XI—XII вв.

Где же все-таки следует искать возможные остатки Чигу? Мне кажется, что ответ — в этимологии этого названия и в топографии памятников южного берега Иссык-куля.

Чигу — буквально «Красная долина». Горные породы, из которых сложены массивы между ущельями Джеты Огуз и Джууке, имеют ясно выраженный красный цвет. Между упомянутыми ущельями с гор стекают речки с характерными названиями Кызыл-су и Чон-кызыл-су (т. е. «Красная вода», «Большая Красная вода»). Красный цвет имеет и небольшой хребет, отгораживающий этот участок от берега Иссык-куля и обрамляющий с одной стороны долину, лежащую между ним и отрогами Терской Ала-тоо. Характерно, что в этом районе расположены некоторые из наиболее крупных могильников сако-усуньского типа. Именно сюда, быть может на территорию совхоза Орочор, где, по указанию местного населения, есть следы каких-то развалин, и следует направить в будущем поиски древнего города Чигу.

В период раннего средневековья на Тянь-шане возникают оседлые поселения. Часть из них — города-ставки древних владык страны, часть возникала под влиянием военно-торговых интересов, главным образом, пришельцев.

Такими военно-торговыми факториями согдийского происхождения являлись поселения Верхнего Барсхана, большинство которых было обследовано еще в 1940 г., причем результаты обследований уже получили свое отражение в печати.

В предшествующие годы нам не удавалось посетить Джаргеланский мыс на восточном берегу Иссык-куля, где должен был находиться один из городов древней области Верхний Барсхан. На картах на этом мысу обозначено селение под названием «Торт-куль», указывающим, как правило, на остатки древних поселений. С большим трудом удалось отыскать это поселение в 1949 г. Характерно, что многие жители современного селения Торт-куль ничего даже не знают о развалинах, имеющихся в их районе. Однако остатки очень

сильно расплывшегося четырехугольного вала со следами планировки внутри него находятся у западной околицы поселка.

Джаргеланское городище (рис. 51, *1*) почти квадратное в плане, с длиной сторон 275 м (северная и южная) и 330 м (восточная и западная), ориентировано сторонами по странам света. Руины городища слегка поднимаются над современной поверхностью (не более чем на 1.5 м). Вокруг вала имеются следы рва. Внутри городища намечается правильная планировка на четыре сектора благодаря перекрещивающимся двум улицам, идущим в меридиональном и широтном направлениях.

Остатки жилых помещений отмечены впадинами. Сохранились следы ворот в центре всех четырех стен.

Постройки, руины которых порой поднимаются выше вала, сохранили большое количество фрагментов керамики (в виде подъемного материала), которая ясно членится на следующие группы:

1) малочисленная группа фрагментов керамики первых веков н. э.;

2) в изобилии встреченная тюрко-согдийская керамика всех типов, в том числе с красным сплошным и полосатым лощением; встречается и черное лощение, но редко; лощение на плотном толстом черепке ручной лепки;

3) фрагменты карлукско-караханидских типов сосудов, исполненных на гончарном круге, но без орнамента и глазури;

4) тимуридская керамика, покрытая белым ангобом.

В целом, керамика бледная, мало выразительная. Наиболее ярко выступает тюрко-согдийская керамика, свидетельствующая о расцвете поселения в VI—VIII вв. Очевидно, одно из поселений Верхнего Барсхана возникло на месте древнего усуньского стойбища и не прекращало своей жизни вплоть до Тимуридского времени. В долине Джумгала, в районе Каирма, недалеко от районного центра Чаек (не доезжая 10 км), были зарегистрированы два городища (рис. 51, *3*).

Одно из этих городищ, находящееся в пойме р. Джумгал, в заболоченной местности, — что усиливает недоступность городища, — представляет собой укрепление, образующее квадрат с длиной стен 200 м, ориентированный сторонами по странам света. Широкий вал (10—15 м) по углам был укреплен, очевидно, прямоугольными башнями; возможно, что башни были и по фасу стен. Вход в укрепление был, очевидно, в южной стене, где его охраняло сооружение, врезанное внутрь городища.

Подъемный материал незначительный, мало выразительный; преобладает станковая посуда X—XII вв., гладкая, не поливная и без орнамента. По характеру черепка она может быть сопоставлена скорее с ферганскими формами, чем с чуйскими, где шире развита орнаментика.

Оседлые поселения были также обнаружены в долине Токуз-тарау. Как ранее сообщил мне С. М. Абрамзон (которому я также обязан сведениями и о городищах Джумгала), здесь были известны три городища, которые мне и удалось обследовать в 1949 г.

Наиболее позднее городище находится внутри поселка Казарман. От него частично сохранились остатки северной, западной и восточной стен длиной до 100 м. На поверхности городища встречаются остатки жженого прямоугольного кирпича, возможно, тимуридского времени. В основном это, видимо, постройка кокандцев, судя по гуваляку, из которого частично сложены стены.

Более интересна крепость на высоком правом берегу Нарына, против с. Казарман (нам пришлось переправиться на пароме), носящая название Чалдывар (рис. 51, *4*). Постройка ориентирована углами по странам света, длина стен 100 м. По углам ее круглые башни, в центре стен — прямоугольные. Вход в западной стене защищен также прямоугольными башнями. В общем, план постройки копирует план крепости Ширдакбек, но она несравненно меньших размеров. Подъемный материал не выразителен, но полная аналогия плана крепости с крепостью Ширдакбек позволяет ее датировать X—XII вв. Размеры крепости и ее местоположение подчеркивают ее локальный характер, ее назначение — защищать отдельный район.

Третье городище в урочище Токуз-тарау, Каратавалгаты (рис. 51, *2*), стоит на мысу у впадения р. Кылды-су в Нарын и у поворота Нарына в горы, в район Кетмень-тюбе.

Укрепления городища Каратавалгаты образуют квадрат, с длиной сторон 200 м, точно ориентированный сторонами по странам света. В подъемном материале много фрагментов керамики тюркского типа, рыхлой и с дресвой. Кроме керамики ручной лепки есть и тонкостенные фрагменты сосудов, сделанных на станке.

В западной и восточной стенах имеются следы калиток, в северной и южной — ворот. Стены укреплены выступающими башнями, очевидно, прямоугольных очертаний. В северной и южной стенах по 7 башен, в восточной и западной по 8, кроме угловых. По углам, особенно южной стены, во время обследования ясно прослеживались башни в виде «ласточкиного хвоста».

Архаический облик фортификации и основной массы подъемного материала дает возможность отнести строительство крепости к VI—VIII вв.; жизнь, быть может, продолжалась в этом городище и несколько позднее.

Характерной особенностью городищ Центрального Тянь-шаня является их явная связь по плану, конструкциям и инвентарю с городищами западных ферганских областей. Если поселения Верхнего Барсхана несут достаточно ясный отпечаток тюрко-согдийских тра-

диций городов Чуйской долины, — отчасти это видно и в древнем городе Атбаш, — то обследованные городища Джумгала, Токуз-тарау, равно как и выделенные в нашей работе постройки Ширдакбек и Чалдывар на р. Мана-

кельды, несомненно, ферганского происхождения. Характерно, что центральнотяньшаньские города не носят у местного населения наименования «турткуль», широко распространенного в равнинном Семиречье, а называются

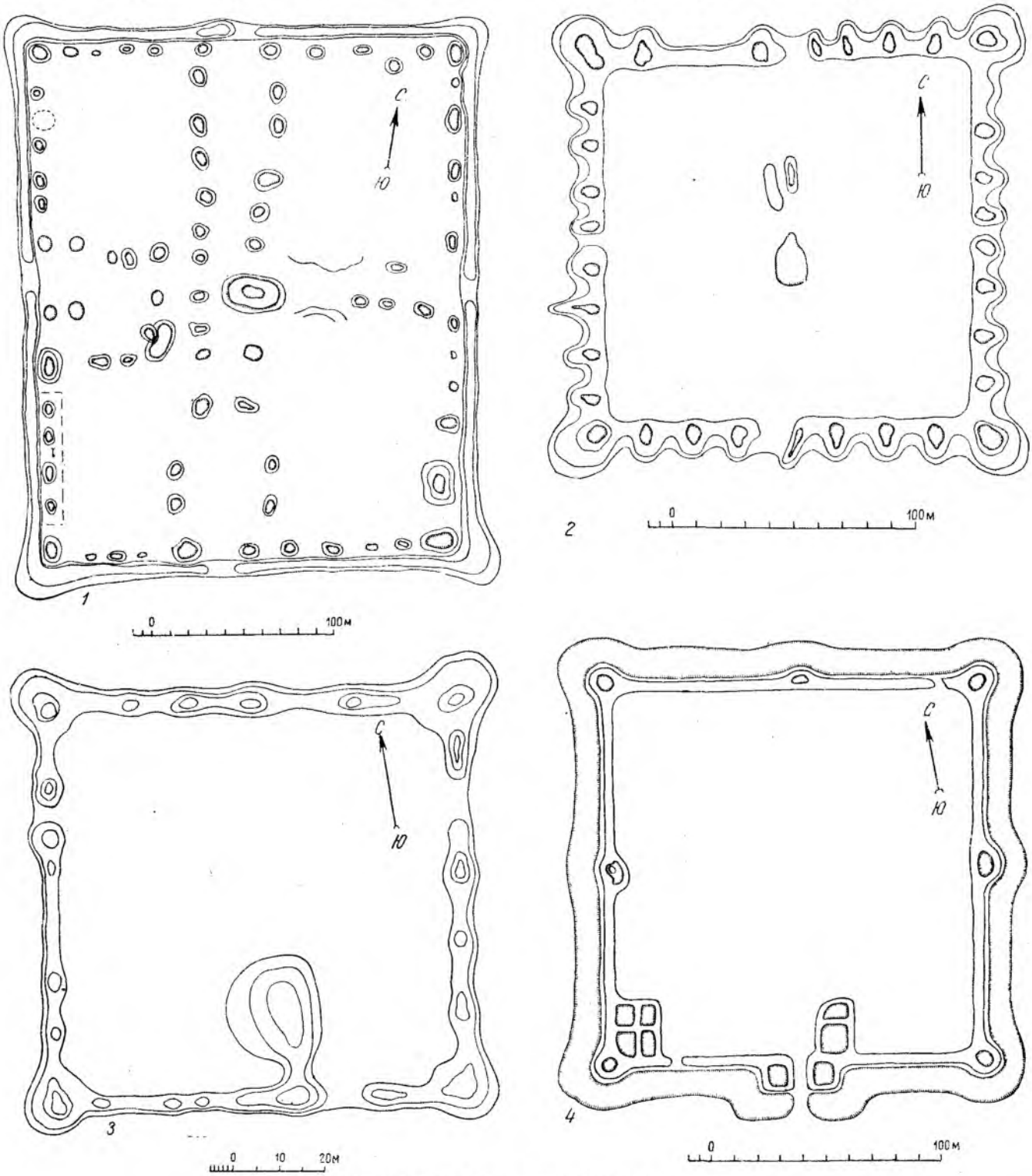


Рис. 51. Центральный Тянь-шань. Оседлые поселения.

1 — городище Джаргелан; *2* — городище Каратавалгаты в урочище Токуз-тарау; *3* — городище Каирма в Джумгале; *4* — городище Чалдывар.

термином «чалдывар», служащим для обозначения укреплений четырехугольного плана.

Другой характерной чертой является разнообразие типов поселений и систем фортификаций на очень небольшом отрезке времени строительства этих укреплений — с VI по XII в. Во всех этих городищах очень слабый культурный слой, однотипна керамика, почти нет, во всяком случае в подъемном материале, парадных форм. Все это дает основание предполагать, что мы здесь имеем дело с военно-

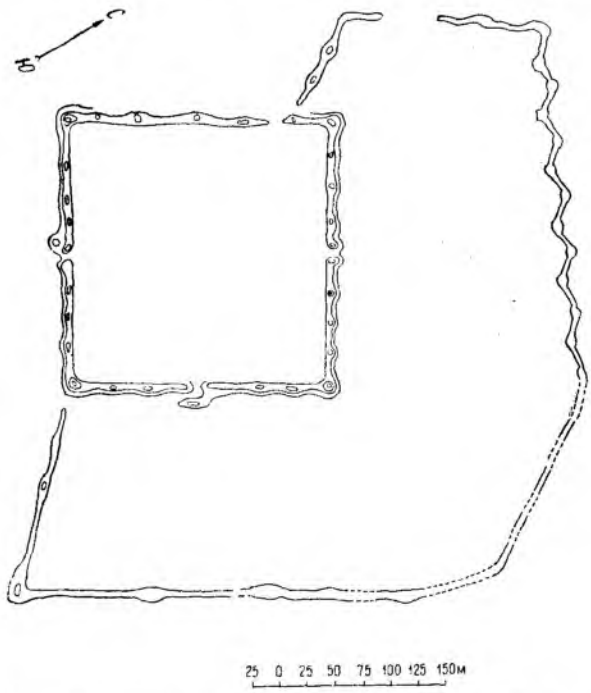


Рис. 52. Тянь-шань. План крепости Кошой-коргон.

политическими или, точнее, военно-торговыми факториями, указывающими пути проникновения колонизационной струи ферганцев через два основных горных перевала — в бассейн рр. Алабуки и Нарына через Яссы и в котловину Токуз-тарау через Кугарт.

Особенно активно и монументально было строительство в южной части Центрального Тянь-шаня, тяготеющей к Восточному Туркестану. Мы имеем в виду город Атбаш (Кошой-коргон), Каджингар-баши (Ширдакбек) и Чалдывар на р. Манакельды.

2. КОШОЙ-КОРГОН — ДРЕВНИЙ ГОРОД-СТАВКА АТБАШ

Если городище в Кочкорской долине мы относим к XI—XII вв., то на Тянь-шане, как следует из вышеизложенного, нет массовых земледельческих поселений ни в VI—VIII, ни в XI—XII вв.

Наиболее старым памятником оседлого типа являются развалины Кошой-коргон; местное киргизское население считает, что там укрыты сокровища Кошоя — легендарного сподвижника Манаса.[1] Прекрасно сохранившееся городище (рис. 52 и 53) в виде прямоугольника, ориентированное сторонами по странам света, с длиной стен по 250 и 280 м (восточная и западная) и высотой до 8 м, в сечении по основанию до 12 м, сильно укреплено выступающими башнями (до 12 м) по всем фасам стен. Стены сложены из пахсы с прорезью до 1 м. Городище расположено на краю заболоченной надпойменной террасы р. Каракоюн, в 12 км к З от районного центра Атбаш. Судя по технике кладки стен и находкам внутри городища (в частности нефритовой печати с орлом), город обязан своим возникновением согдийским мастерам VIII—IX вв. Это был город-крепость, ставка тюркских ханов, где стояли шатры, куда сгонялся скот во время войны, укрывались женщины и дети. Это город типа Суяба в Чон-кемине, Чиликского городища на Или и ряда других. Это город-крепость, но не центр ремесленного производства и торговли, как города Чуйской долины. В XIV в. этот город, известный под именем Атбаш, был дополнительно укреплен, быть может, самим Тимуром. Он обвел город с Ю, В и СВ еще одним рядом стен из набивного дувала с большой примесью гальки и песка; без дополнительного укрепления оставалась лишь часть северной и западная сторона, ибо здесь сильно заболоченная местность преграждала путь к городу. Тимуром, вероятно, проводилось и укрепление стен, их ремонт в основной части городища и переделка ворот. Старые ворота в южной стене, в виде буквы Г, характерные для Семиречья VIII—X вв., были заменены воротами, вырубленными в восточной и западной стенах. К этому времени относится возведение внутри городища монументальных построек, которые показаны как буграми (результат их разрушения), так и характерным для этого времени материалом — тимуридской керамикой, относительно бедной, неглазурованной, говорящей скорее о военной функции городища, чем о гражданской.

Ясно вычерчивается и торговый путь этого времени из Ферганы (Узгена) в Кашгар через Тянь-шань. Он шел по р. Яссы, через перевал Горумды или Кылдау Бель, затем он выходил в долины рек Макмал, Манакельды и Алабука (ныне Тогузтарауский и Акталинский р-ны), далее по направлению к горам Байбиче-тоо, опираясь на крепости-поселения, развалины которых находятся ныне в р-не Манакельды сельсовета Куланак, в урочище Конорчек, известные под названием «крепость Ширдакбека»; затем через перевал Байбиче в Кумбель (горы Калкабар) дорога выходила в Атбашинскую долину и направлялась к ущелью

[1] Это отмечал еще В. В. Бартольд (Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. СПб., 1897).

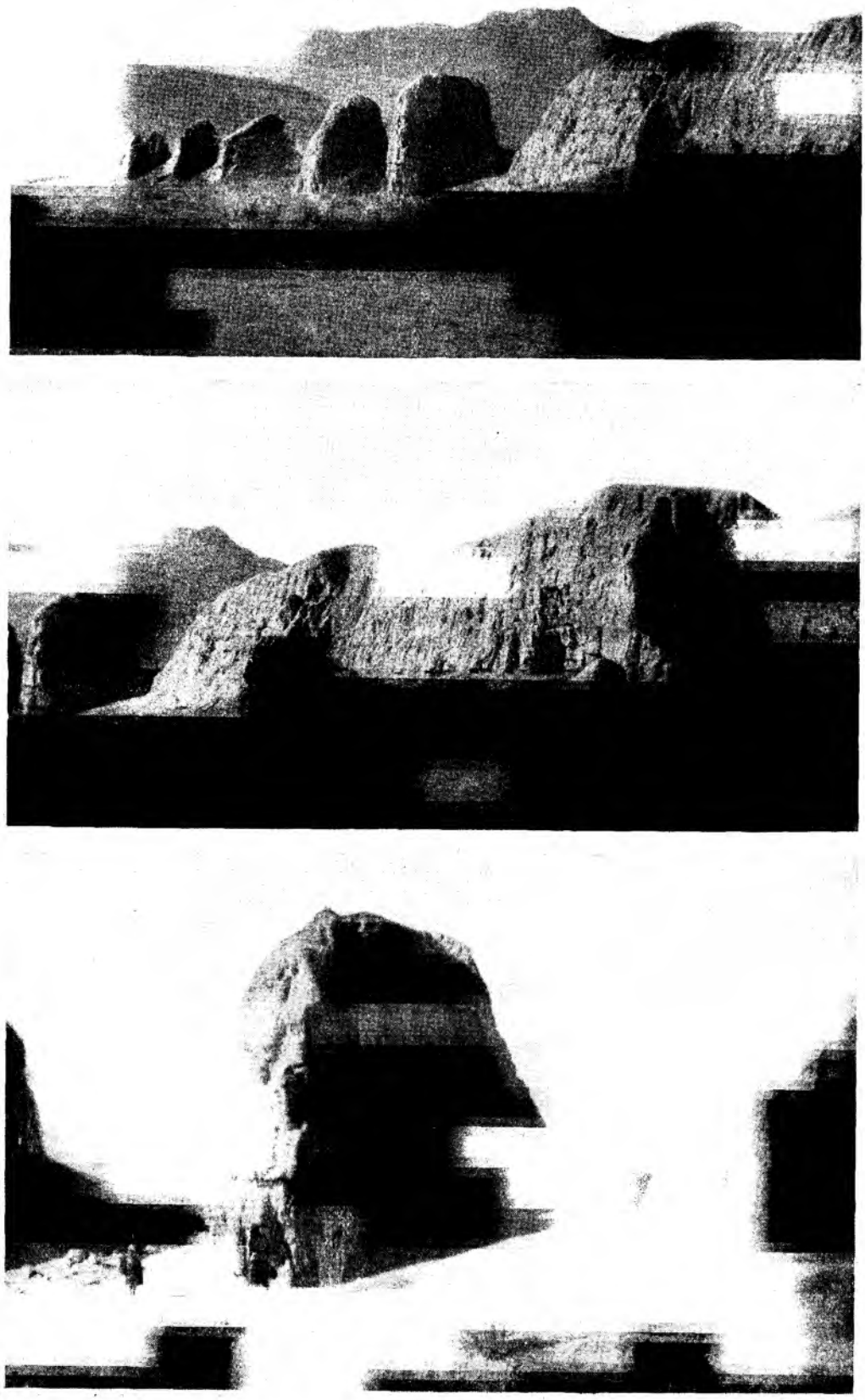


Рис. 53. Тянь-шань, Кошой-коргон. Восточная стена и башня восточной стены.

Таш-рабат в горах Атбаш.[1] В этом ущелье в начале XV в. султан Мухаммед построил великолепный караван-сарай из камня [2] (одна из редких построек в Средней Азии). Далее путь выходил к озеру Чатыр-куль и через перевал Тургарт шел в Кашгар. Почему именно Таш-рабат стал местом транзита, а не перевалы Ак-беит и Тузбель, казалось бы, более легкие,— нам стало ясно при посещении этих мест экспедицией 1944 г.[3]

План здания караван-сарая Таш-рабат, стоящего на узле древних дорог, очень четок, отдельные небольшие комнаты в первой части предшествуют более обширным помещениям второй части здания. Стройность внутреннего плана соответствует простым линиям силуэта здания в целом. Портального типа вход, расположенный в центре одной стены четырехугольного здания, повторяет идею среднеазиатского портала. Здесь круглая арка, «пештака», открывает взору наблюдателя стрельчатую арку входа, перекрытого коробовым сводом, в коридор в щипцовой стене. Коридор подводит к такой же, но еще меньшей по размерам, стрельчатой арке входа в большое помещение, перекрытое конусовидным, срезанным по верху куполом, именуемое Н. Пантусовым «храмом». Таким образом, арка портала, вход в щипцовой стене и вход в «храм» — это равномерно уменьшающиеся по высоте входы. Коридор, соединяющий входы, перекрыт коробовым сводом, образованным сначала вдвинутыми внутрь плитами, начинающимися на расстоянии примерно 1 м от современного уровня пола, а затем, на высоте около 3 м, самим сводом. Купол кольцевидной кладки над «храмом» покоится на ярусе тромпов.

Пропорция сохранена и в объеме комнат, где каждая последующая комната, или отсеки, по площади в четыре раза больше предшествующей. Это соотношение, как и у входных арок, повторено трижды, т. е. площадь храма в шесть раз больше кельи; в таком же соотношении находятся пропорции объема келий и храма. Все кельи имеют окна в центре куполов, так же как и в куполе «храма». В этом можно видеть подражания кибитке с ее осветительным тюндюком (отверстием для света и дыма) в центре купола. Центральный купол Таш-рабата повторяет конструкцию перекрытий малых комнат. Это как бы окаменелый кишлак с богатой кибиткой в центре.

Все эти данные говорят о сильном воздействии на архитектуру здания вкусов кочевников, что вполне объясняется местоположением и временем его постройки. XV в. — это век абсолютного господства на Тянь-шане, в царстве Могулистан, киргизов, — по выражению автора начала XVI в. Мухаммеда Хайдера: «диких львов Могулистана» — государства, организованного потомками джагатаидов.

В это время Тянь-шань и его торговые пути, связывающие Кашгар с Ферганой и Семиречьем, находились целиком и полностью в руках кочевников. Власть в этом районе Тимура, укрепившего старый город-ставку Атбаш, не была долговременной.

Древний город Атбаш известен уже у авторов X в. (Ибн-Хордадбех).

При Тимуре это основное древнее сооружение было еще обведено стенами, в основном с В и С, так как с З и СЗ крепость окаймляла полоса сазов.

Атбаш был «столицей» Тянь-шаня. Здесь находилась ставка царицы-правительницы — Эргэне Хатун, вдовы Хара Хулагу. Таш-рабат стоит на путях, непосредственно связанных с этим районом и районом долин Арпы и Алабуки, являвшимися издавна излюбленными местами кочевников.

С первого взгляда кажется странным, что караван-сарай построен не на перевале Ак-беит, казалось бы, более удобном для связи долин Атбаш и Арпа. И это не случайно. Если присмотреться к топографии поселений, то выясняется следующее: на пути из Ферганы долина Алабуки, в силу более теплого климата и возможности земледелия, больше привлекала к себе внимание оседлого населения (да и кочевников), чем Арпа, чему свидетельством служат, например, развалины крепости Ширдак-бека. Арпа с ее более суровым климатом и воинственными кочевниками была менее привлекательна для караванбаши, чем Алабука. Пройдя из Алабуки через горы Калкабар, караваны выходили в западную оконечность долины Атбаш и должны были пересечь горы Атбаш на пути в Кашгар. Через какой перевал итти? Выбор пал на перевал Таш-рабат, более трудный, чем низкие перевалы Ак-беит и Тузбель. Чем же это было вызвано? Объяснение мы получили, проводя наблюдения в этом районе осенью 1944 г. Двигаясь из долины Ак-сай мимо оз. Чатыр-куль к перевалу Тузбель, мы попали в сильный снегопад. Весь Атбашинский хребет был занесен снегом. Буря свирепствовала и на относительно низком перевале Тузбель. На фоне всего хребта Атбаш только перевал Таш-рабат оставался черным, незаснеженным пятном. Очевидно, что в силу каких-то местных микроклиматических особенностей этот перевал дольше всего свободен от снежного покрова, тормозящего движение караванов. Этим и была вызвана постройка каменного рабата именно здесь, а не на более низком, но зато и более заснеженном Тузбеле. Итак, путь из Ферганы, в частности из Узгена, шел не на Арпу, а на Алабуку, долину Атбаш и через ущелье Таш-рабат к оз. Чатыр-куль и Тургарт и далее в Кашгар. На этом пути и стоял караван-сарай Таш-рабат, описа-

[1] Н. Пантусов. Таш-Рабат. ИАК, вып. 4.
[2] В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943.
[3] Описание этой постройки см. у нас (Архитектурные памятники Киргизии. М., 1950).

нию которого был посвящен вышеприведенный текст.

Народные предания связывают постройку то с именем узбекского хана Абдулла, то с эмиром Бухарским или даже с Тимуром. По народным легендам, Таш-рабат построили выходцы из Рима (несториане?). Другие легенды, более лирического характера, приписывают строительство замка богатырю, который, строя собственноручно это здание, демонстрировал свою силу перед возлюбленной. Характерно, что ни одна из этих легенд не связывает постройку этого здания с деятельностью местного населения, а недалеко стоящие развалины г. Атбаш, наоборот, связывают с именем сподвижника киргизского легендарного героя Манаса — богатыря Кошоя, и развалины называются Кошой-коргон.

Очевидно, эти легенды о Таш-рабате могут быть объяснены тем, что мастера, строившие его, западного, среднеазиатского происхождения, хотя постройки из камня нам известны и у киргиз, например на Алае. Среди них отмечу мавзолей на скале Ак-киндык в Чоналае, приписываемый Курманджан Датхе. Трудно найти аналогии зданию Таш-рабат. Постройка из камня, примерно этого же времени, известна недалеко от г. Джамбула, в 6 км к С от ст. Ак-чулак, и носит название Акыр-таш. Здание возведено из массивных блоков свыше метра длиной, но не было достроено.[1] Крестовидное помещение в центре Акыр-таша имеет сходство с крестовидным помещением Таш-рабата. Функционально Таш-рабат — караван-сарай, чем мог быть и Акыр-таш, хотя ряд деталей в нем подсказывает исследователям возможность интерпретировать его и как буддийский храм.

Независимо от того, какое назначение несла эта постройка, несомненно, что Таш-рабат — караван-сарай. Мы не можем также не обратить особенного внимания на эту уникальную для Средней Азии по своим архитектурным формам постройку из камня, возникшую в среде кочевого мира, в период абсолютного господства кочевников на Тянь-шане, накануне политического господства киргиз.

3. ШИРДАКБЕК — ДРЕВНИЙ ГОРОД-СТАВКА КАДЖАНГАР-БАШИ

Другой центр кочевников, город-ставка, был обнаружен в долине р. Алабуки. Это исключительно интересный памятник, известный среди местного населения под именем крепости Ширдакбек; постройка этой крепости приписывается киргизскому богатырю, жизнь которого описана в народной поэме того же названия. Однако, как выяснилось, руины намного старше Ширдакбека (поэма создана не раньше конца XVIII в.), и совершенно очевидно, что постройка лишь приписана Ширдакбеку (рис. 54 и 55).

Помимо исторического значения руин крепости Ширдакбек особый интерес представляет весь тот комплекс, который был открыт около них. Этот комплекс состоял из серии оседлого типа поселений, отмеченных и обследованных экспедицией 1945 г., а именно: 1) «Крепости Ширдакбек», 2) турткуля рядом с крепостью, к Ю от нее, 3) тепе к Ю от турткуля, 4) небольшого поселения типа турткуля, частично разрушенного, в 1 км от крепости.

Приведем данные, характеризующие основной тип поселений этого комплекса.

Крепость Ширдакбек стоит на небольшом водоразделе, пересекающем долину р. Алабуки в меридиональном направлении. Долина здесь резко суживается. Если восточная часть долины от колхоза им. ОСО, где расположена крепость, относительно широкая, то к З от крепости она резко, почти вдвое, суживается. На месте этого перехода от широкой к узкой части долины и стоит крепость, очевидно, по соображениям стратегического порядка. С С проходит высокий берег р. Алабуки, с З глубокий сай, с Ю подходят отроги невысоких гор. Крепость четырехугольная, почти квадратная в плане, ориентирована сторонами по странам света. Длина стен северной и южной по 120 м, восточной и западной по 117 м. Стены крепости сохранились хорошо. Они сложены из блоков набивного дувала, свыше метра в сечении, сохранившаяся высота стен 6 м, но очевидно, что по крайней мере на одну треть они были выше. Основание стен немного больше верхнего сечения, отчего они имеют в разрезе вид трапеции. Сечение стены по основанию 6 м, по верху от 2 до 4 м. Внутренняя сторона стены почти отвесна, внешняя — более полога. По углам крепости расположены на высоту стен мощные угловые башни с диаметром поверху 8—9 м. По фасу западной и северной стены выстроено по три башни: одна, — более мощная, в центре, выступающая на 12—15.5 м вперед, с сечением 5 и 5.5 м. С обеих сторон центральной башни симметрично поставлено еще по башне, выступающей вперед на 5—6.5 м, сечение каждой в среднем 5 м. Таковы размеры и характер расположения малых башен по западной и северной стенам. На южной и восточной стенах выделяются центральные башни, в которых имеются калитка и ворота.

В силу этого башня восточной стены имеет сечение 24 м, из которых 8 занимает проход в среде. Таким образом, башня состоит как бы из двух пилонов, выступающих на 13 м вперед от фаса стен. В центральной башне южной стены, сечение которой также 24 м, сделан проход в 4 м, очевидно рассчитанный, не на ворота, а на калитку. Таким образом,

[1] Г. И. Пацевич. Акыр-таш. Вестн. АН КазССР, 4 (49), 1949. Ср. Т. К. Басенов. О сооружении Тас-акыр. Изв. АН КазССР, № 80, Алма-ата 1950.

вход в крепость осуществлялся через проход в южной и восточной стенах между мощными

Массивные, забитые в настоящее время глиной, башни до разрушения были, видимо,

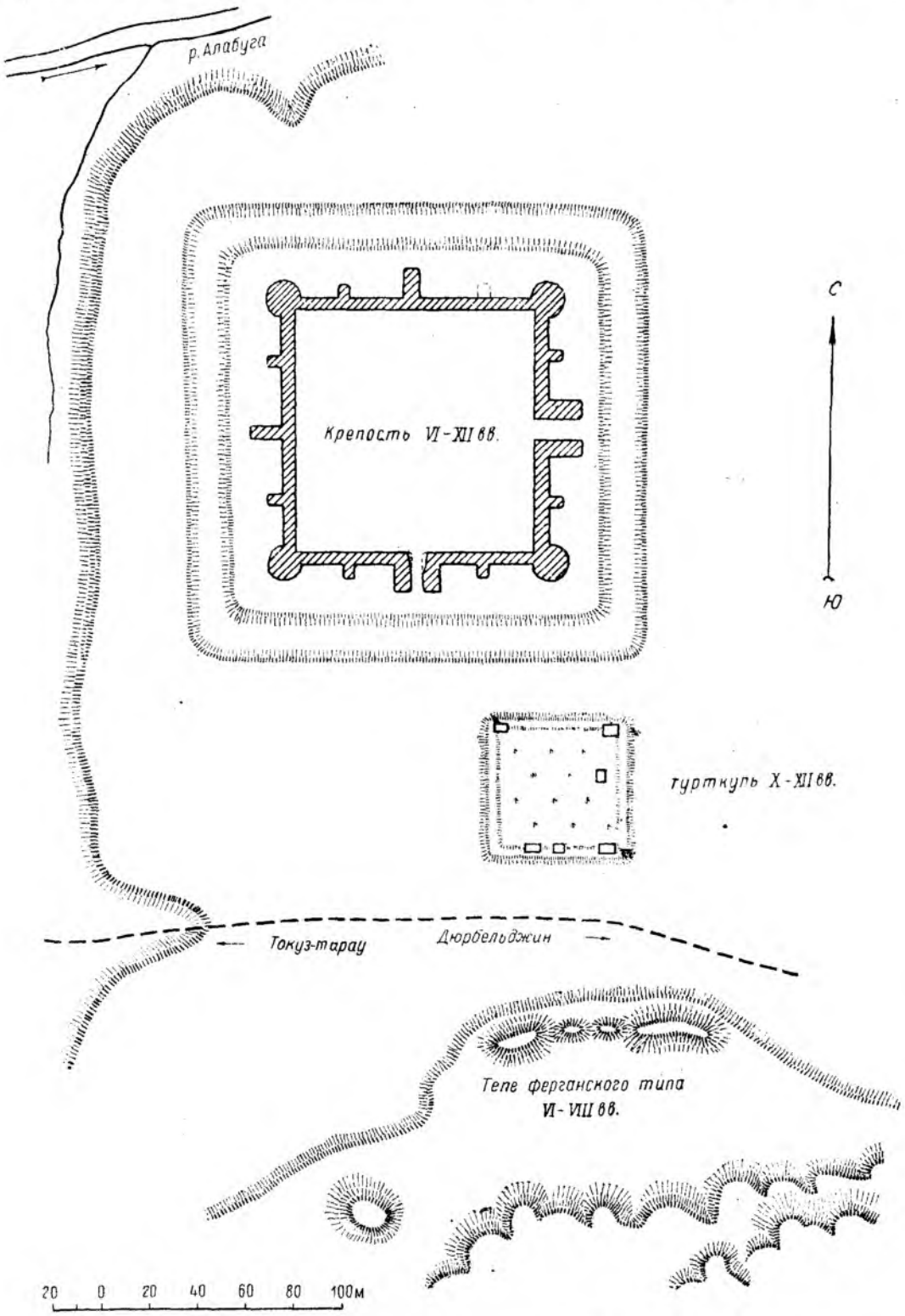
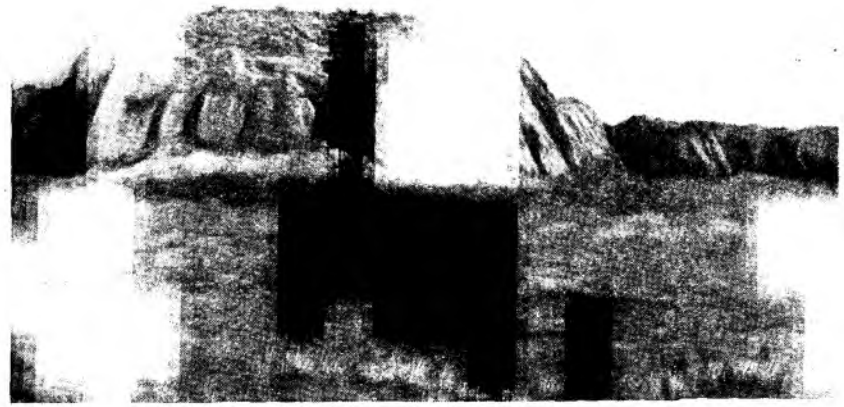


Рис. 54. Центральный Тянь-шань, долина р. Алабуки, Ширдакбек. План городища.

пилонами — башнями. Западная и северная стены глухие,

полыми внутри. Об этом говорят сохранившиеся в ряде случаев бойницы, узкие в верх-

1



2

3

4

Рис. 55. Центральный Тянь-шань, долина р. Алабуки, городище Ширдакбек. Общий вид и детали; типы бойниц.

1 — общий вид городища; *2* — ю.-в. башня; *3* — бойница в ю.-в. башне; *4* — бойница восточной стены.

ней части и широкие книзу (высота 45 см, ширина по основанию 15 см, в узкой части 5 см). Бойницы уцелели в юго-восточной башне, по фасу восточной стены. О том, что башни были раньше полыми внутри, говорит и тот факт, что в проломе с.-з. башни виднеется ее осевший свод. Верх стен имел, видимо, парапет, защищенный зубцами стен, промежутки между зубцами были, фактически, бойницами. Быть может, щелевидные бойницы находились между блоками пахсы, которые четко отделяются друг от друга в тех местах, где слегка сужаются кверху. Поверхность стен тщательно затерта, но благодаря тому, что промежутки между блоками весьма значительны (10—20 см), стены производят впечатление как бы гофрированных.

Стены крепости неоднократно ремонтировались. Об этом говорят пробои, обычно внизу стен, в зоне «мертвого пространства», например у с.-з. башни. Пробой заделан сырцовым кирпичом двух размеров (32×16×8 см и 28×14×4.5 см). Толщина шва постели кирпича до 3 см. Сырец этого типа мы встречали в сооружениях карлукского периода IX—X вв., когда, видимо, и был произведен один из первых ремонтов. У стен, особенно южной и восточной и у с.-з. башни лежит множество обломков жженого красного кирпича, размер которого восстанавливается с наибольшей долей вероятности как 25×25×4.5—5 см. Этот кирпич типичен в Семиречье для караханидских построек. Всего вероятнее, что в XI—XII вв. цоколь крепости был укреплен обкладкой из жженого кирпича, впоследствии унесенного населением на свои нужды. Попутно следует отметить, что местное население указывает на находки гончарных водопроводных труб в районе крепости.

Строительный материал, использованный для ремонта крепости, свидетельствует о времени IX—XII вв., однако строительство крепости можно отнести к еще более раннему времени. Построение стен крепости из пахсы, сильное выдвижение оборонительных башен, общий план постройки позволяют датировать это сооружение VI—VIII вв. Данных о существовании крепости в XIII вв. нет. Об этих же пределах жизни крепости говорят и окружающие постройки.

Вокруг крепости, отступя на 20 м от стен, проходит ров шириной до 20 м, за границами которого расположен, в 60 м от южной стены, турткуль квадратной формы, также ориентированный сторонами по странам света, с длиной сторон до 50 м. Еще на 60 м к Ю находятся тепе, расположенные в одну линию, протяженностью примерно до 100 м. Тепе являются результатом разрушения одиночных домов замкового типа. На поверхности этих тепе была обнаружена керамика, характерная для Ферганы V—VII вв., так называемого позднекушанского типа. Это грубая, ручной лепки, серая снаружи, розовая внутри керамика, с дресвой и следами обмазки. Найдены были также черепки сосудов, покрытых красной краской по белому ангобу и с красным лощением. Очевидно, что тепе являются старейшими домами этого оазиса, в котором жили и те строители, которые создали крепость. Турткуль ныне занят современным киргизским кладбищем. Вал турткуля не высок — до 2 м. Внутри турткуль до краев наполнен строительным мусором и культурными остатками. Здесь превалирует керамика, сделанная на гончарном круге. Черепок плотный, розоватый и красный в изломе, покрыт белым ангобом. Орнамент редок, в основном резной, штампа почти нет. Такая керамика характерна для провинциальных сельских районов Семиречья в X—XII вв.

В отличие от тепе и турткуля внутри крепости нет следов мощных культурных слоев. Несмотря на то что гладкая, ровная поверхность крепости, почти лишенная древних построек, распахана, подъемного материала почти нет. Здесь явно не было монументального строительства, и люди жили внутри крепости в шатрах и кибитках. Это была крепость, выстроенная для знатных кочевников, быть может тюркских каганов Тянь-шаня. Та немногочисленная подъемная керамика, которая была здесь обнаружена, ясно указывает на связь по времени с тепе и турткулем, о чем собственно свидетельствовали и конструктивные приемы постройки. Выше мы упоминали о небольшом полуразрушенном поселении в 1 км к В от крепости Ширдакбек. Здесь была найдена кушанского типа керамика, а также большое количество керамического полуфабриката и шлака (шлаки были найдены и в районе тепе — турткуля).

Несколько слов об одной работе экспедиции — шурфах на городище Ширдакбек.

В 1949 г. внутренняя площадь городища была свободна от густого травостоя и позволила проследить планировку, что было невозможно в 1945 г. Площадь внутри стен оказалась расчлененной на возвышенные площадки. На поверхности был собран относительно большой археологический материал (крупные железные стрелы, накладки на сбрую), подтверждающий наши ранее высказанные предположения об основном периоде жизни в этом городище: X—XII вв. Однако характер площадок не давал основания видеть в них жилища, так как на них отсутствовали характерные западины, обведенные валами, указывающими на разрушенные стены жилых построек. Для проверки нашего предположения, сделанного в 1945 г., что здесь не было фундаментальных построек, а стояли шатры кочевников — войлочные юрты, — мы заложили три шурфа на разных горизонтах и на разных площадках городища. Шурфы полностью подтвердили наше первоначальное предположение. В «двориках» около площадок на глубине 0.40—0.60 м встречались

тонкие очажные прослойки, кроме этого, следы обработки железа, а далее шел стерильный лёссовый суглинок. Наиболее глубокая западина, квадратная по очертанию, вероятно, была хаузом; вода в него подводилась по гончарным трубам, находки которых, по свидетельству местных жителей, здесь неоднократны. Возвышенные площадки оказались нетронутой почвой. Часть двориков представляла собой, очевидно, котлованы для изготовления кирпича и пахсы для стен.

В свете обнаруженных памятников материальной культуры становятся ясными основные этапы возникновения и развития этого оазиса. Скорее всего, в VII в. через Ферганский хребет со стороны Узгена по трассе Узген—Яссы—Алабука, составлявшей отрезок древнего караванного пути из Ферганы в Китай, проникла какая-то часть оседлого земледельческого и ремесленного населения Ферганы. Памятниками, подтверждающими это, являются остатки домов-тепе и поселение на В от оазиса. Наряду с ремеслом и торговлей эти поселенцы могли заниматься здесь и земледелием. В этом районе, как и в ряде мест по Нарыну (Куланак, Угут), и поныне произрастают бахчевые культуры — арбузы, дыни и т. д. Поселение, бывшее сначала только торговой факторией, превращается в ремесленно-земледельческую колонию. Руками строителей-ферганцев для каганов-тюрок — владетелей Тянь-шаня — создается, примерно в то же время (VII—VIII вв.), крепость-ставка, своеобразный город-столица, сохранившийся в виде руин крепости под именем Ширдакбек.

Под протекторатом хозяев основного поселения — крепости — разрастается колония ферганцев, создающих своеобразный квартал в виде турткуля, квартал, обнесенный невысоким валом, который не может (и не должен) быть равным стенам крепости-ставки. Очевидно, что этот квартал, судя по керамическим находкам, создается в X—XII вв. Оазис дважды подвергался особенно крупным разрушительным нападениям, быть может осадам, после чего производился ремонт крепости (в последний раз — в XII в.). Можно считать, что жизнь в оазисе прекратилась с монгольского завоевания, так как ничто не указывает на ее продолжение в XIII и последующих веках.

Оазис Ширдакбек возник на узле караванных дорог. Отсюда идет путь на перевал Джаман-даван через г. Джаман-тоо в долину Арпа, а также на горы Байбиче-тоо и Калкабар в Атбашинскую долину, откуда он мог выходить через Кочкорскую долину в Иссык-куль или в долину р. Чу.

Ферганская колонизация Тянь-шаня распространялась не только по течению р. Алабуки. Данные археологической разведки, которыми мы располагаем, дают возможность утверждать, что она проникала и в урочище Токуз-тарау и в Кетмень-тюбе (ныне Тогузтарауский и Токтогульский районы). Однако Ферганская колония на Алабуке имела более «международный» характер, ибо она стояла на путях Ферганы—Синьцзян, в то время как более северные оазисы, даже типа Токуз-тарау, уже были более локальными — только центральнотяньшаньского масштаба.

Те факты, которые мы собрали во время экспедиций 1944, 1945 и 1949 гг., показали также, что Тянь-шань в древности находился в тесном взаимодействии с Ферганой, которая, видимо, выполняла для Центрального Тянь-шаня ту же роль, что Согд для Чуйской долины и Иссык-куля. Но к вопросу о культурных взаимодействиях мы еще возвратимся ниже.

4. ЗДАНИЕ ЧАЛДЫВАР НА р. МАНАКЕЛЬДЫ [1]

Выдающийся интерес представляет собой здание, известное у местного населения под именем Чалдывар, в верховьях р. Алабуки, у впадения в нее левого притока р. Манакельды (рис. 56—59).

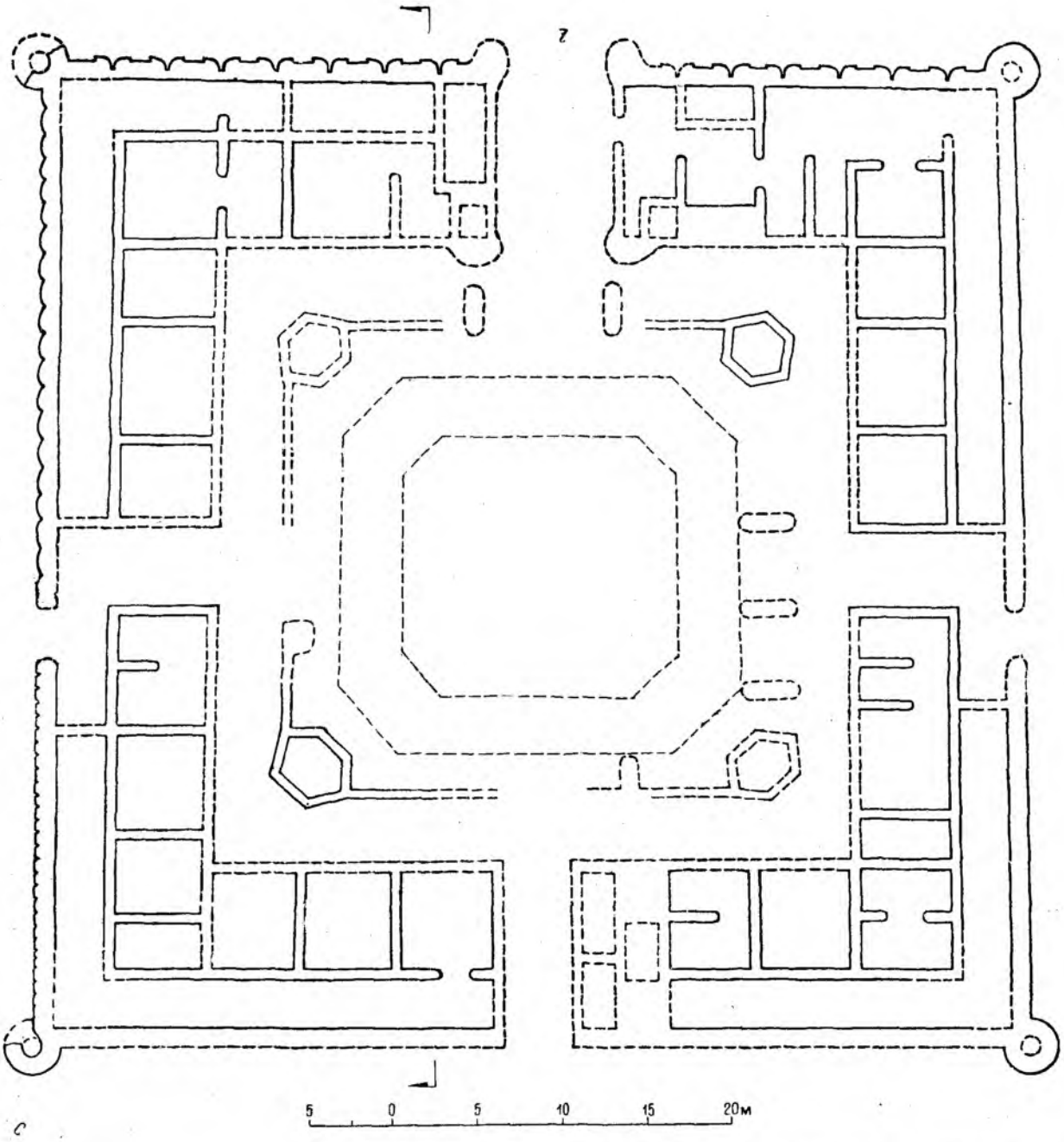
Здание стоит на восточных склонах Ферганского хребта, где проходит дорога через перевал Яссы в Фергану — в Узген. К Ю от здания, вдоль р. Манакельды, проходила древняя дорога через перевалы Ак-мойнак и Ойгаин в Токуз-тарау. Ниже по Алабуке дорога упиралась в крепость Ширдакбек, в свою очередь стоящую на узле дорог — в Центральный Тянь-шань и в Атбаш — по долине р. Нарын на юг, через перевал Джаман-даван в долину Арпа, далее в Ак-сай и на перевал Тургарт в Восточный Туркестан.

Таким образом, Чалдывар на р. Манакельды и Ширдакбек запирали все главнейшие пути западной части Центрального Тянь-шаня и, в частности, пути из Ферганы в Восточный Туркестан.

Чалдывар стоит на ровной площадке, ныне сухой и безводной. Около него разместилось современное киргизское кладбище с несколькими небезынтересными мавзолеями. Вокруг Чалдывара — спланированная местность, остатки построек и культурных земледельческих участков, перерезанных арыками, берущими свое начало на р. Манакельды. Постройка сохранилась относительно хорошо. Особенно бросается в глаза почти целая северная стена с гофрами.

В плане это четырехугольник (длина стен северной и южной 57.85 м, восточной и западной 59.80 м), ориентированный углами по странам света. Постройка сложена из сырцовых кирпичей нескольких размеров; наиболее часто встречается продолговатый кирпич (36×18×6 см), из которого сложены постройки внутри стен и, главным образом, своды обход

[1] Первую публикацию см. в нашей статье в сб. «Архитектура республик Средней Азии», М., 1951.



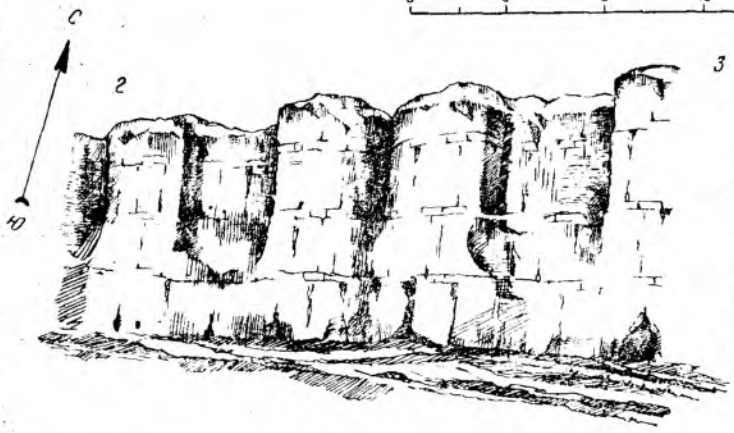


Рис. 56. Центральный Тянь-шань, долина р. Манакельды, городище Чалдывар. Общий вид.

1 — план; *2* — северная стена; *3* — схема расположения городища.

ного коридора, выложенные наклонными отрезками.

Кладка внешних стен состоит из набивной глины в фундаменте, затем следует кладка продолговатого кирпича, выступающего торцами наружу, еще выше идет ряд блоков, поставленных на длинную ось. Размеры блоков варьируются в пределах 37—40×60 и

соту еще до 1.76 см. Там, где есть гофры, стена плавно утончается кверху. Наибольшая сохранившаяся высота стен 4.70 м. Фас стен, как указано, был украшен гофрами. Лучше всего они сохранились по северной стене. Они также сложены из кирпича и блоков. Гофры расположены попарно и разделены между собой гладкой поверхностью шири-

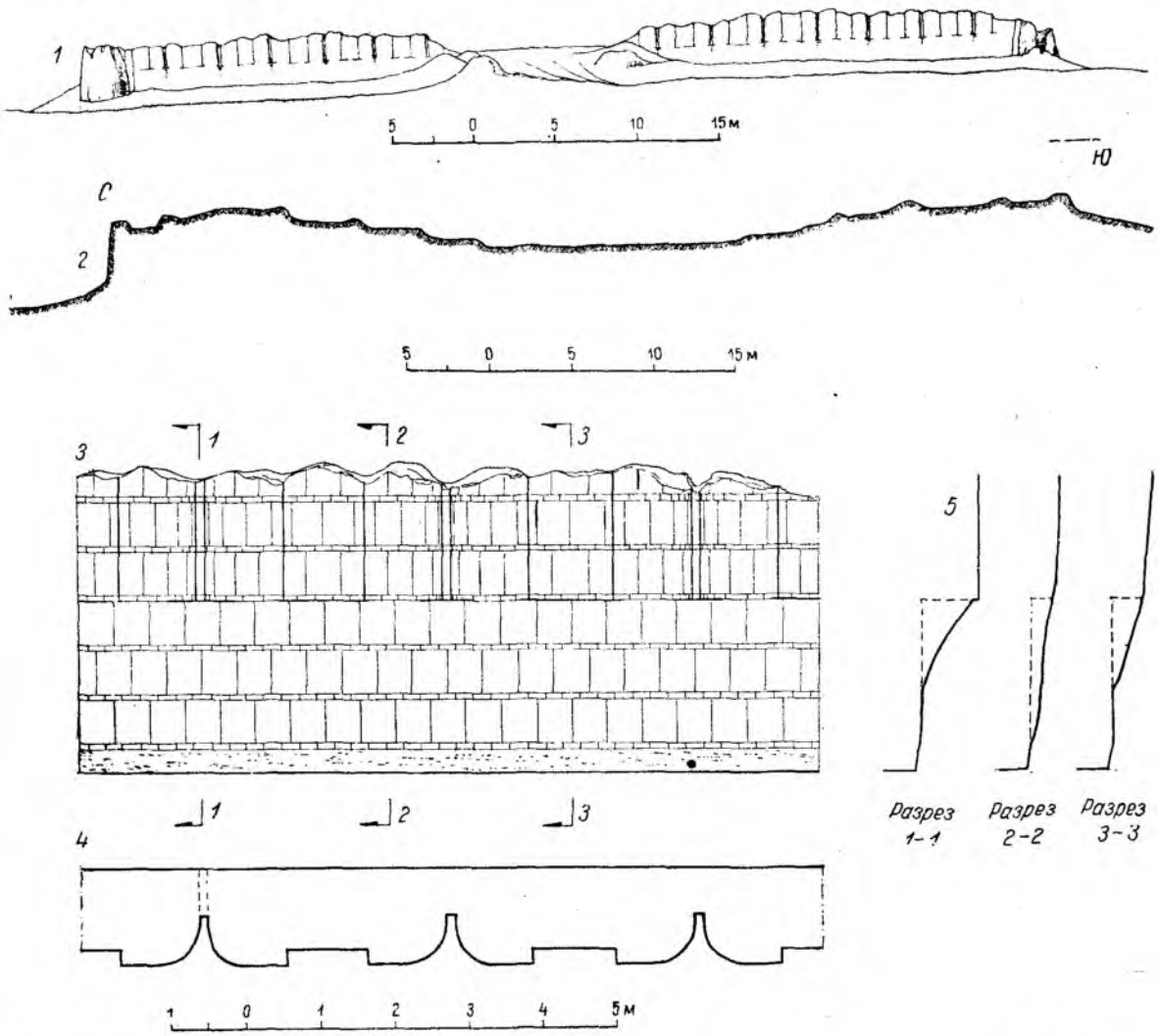
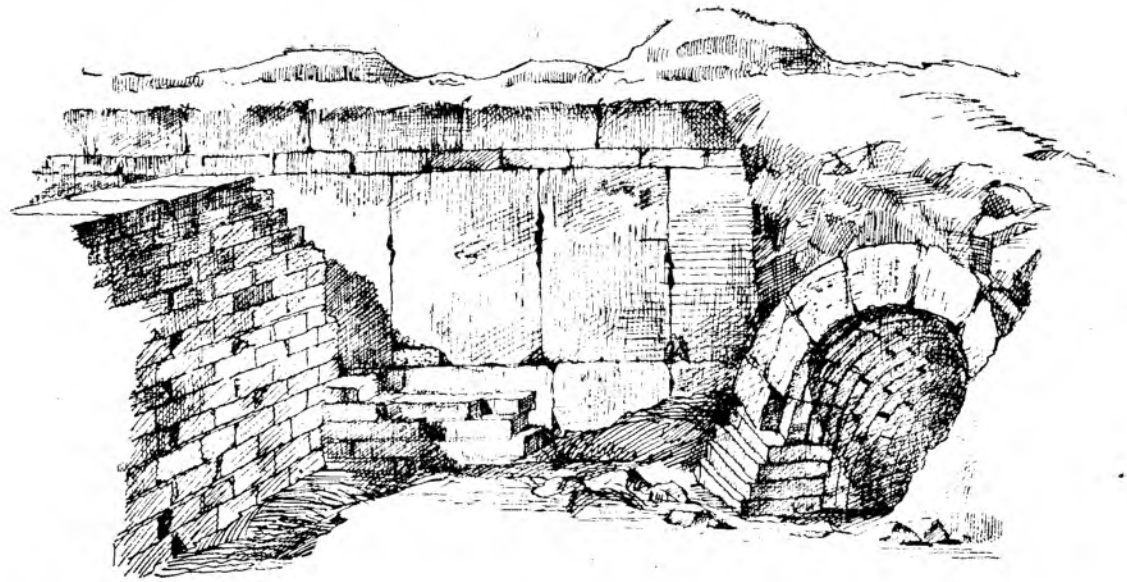


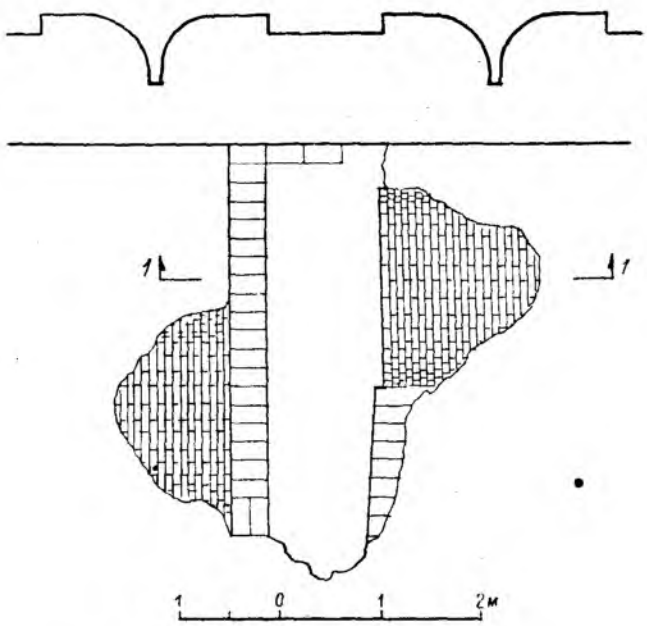
Рис. 57. Центральный Тянь-шань, долина р. Манакельды, городище Чалдывар. Разрезы и детали.

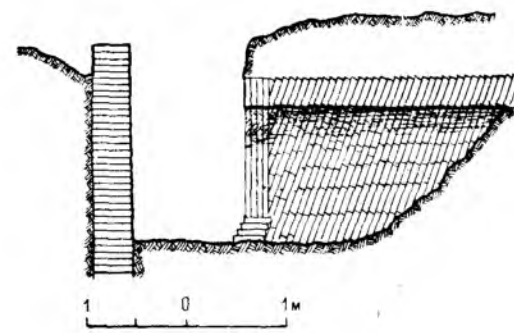
1 — развертка северной стены; *2* — разрез городища по линии СЮ; *3* — прорисовка северной стены, *4* — горизонтальный разрез северной стены; *5* — вертикальный разрез северной стены.

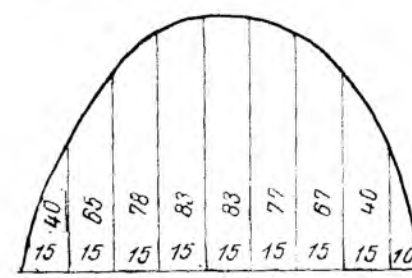
44×67 см. В северной стене ясно прослеживается чередование слоя блока с кирпичной прослойкой. Кладка осуществлена на глине с большой примесью соломы. Из блоков сложены ю.-в. и с.-в. башни, круглые в плане, с диаметром до 3.50 м, выступающие наружу на 1.55 м. Блоки в башнях мельче (58×58 см). В ю.-в. башне имеются следы бойницы (15×15 см). Стена членится в профиле на две части: утолщенная часть внизу до 2 м (до этой высоты она идет с легким уклоном), затем, — там, где нет гофр, — она образует ступеньку и ровно поднимается вверх на высоту 1.25 м. Они выступают над ровной поверхностью стены на 18—19 см, ширина их 0.90 м, расстояние между ними 15 см. Примыкающие друг к другу стороны гофр округлые; «внешние» стороны, обращенные к гладкой поверхности стены, срезаны под прямым углом. Гофры, очевидно, поднимались выше общего уровня стен (сейчас высота их до 50 см), образуя как бы парапет толщиной в 0.85 м, причем щели между ними могли служить своеобразными бойницами. Ширина стены по верху составляла 1.10 см. Всего на северной стене сохранилось 25 гофр. Иной

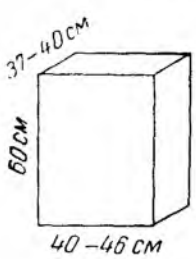


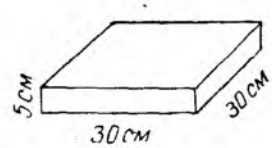
Разрез 1–1

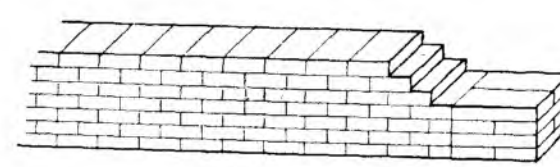


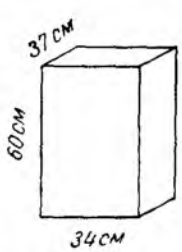


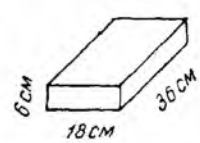












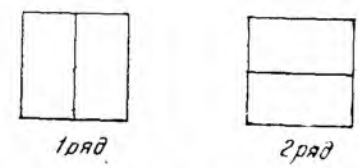
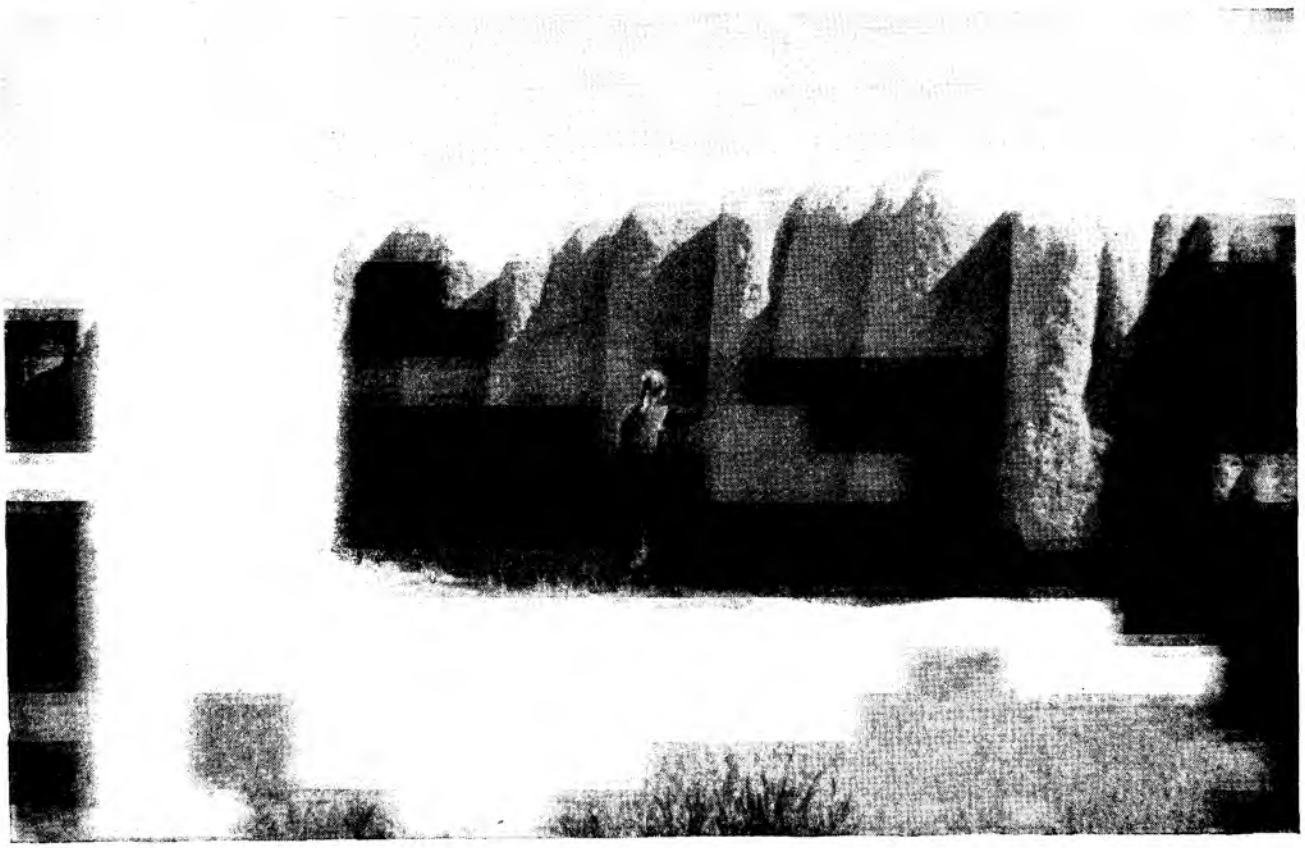


Рис. 58. Центральный Тянь-шань, долина р. Манакельды, городище Чалдывар. Детали, строительный материал.

1



2

Рис. 59. Центральный Тянь-шань, долина р. Манакельды, городище Чалдывар.

1 — общий вид; *2* — деталь северной стены с гофрами.

характер имели гофры по западной стене, где они, во-первых, были округлы с обеих сторон, во-вторых, непосредственно примыкали друг к другу, не разделяясь гладкой поверхностью стены.

Внутри руин прослеживаются следы планировки этой постройки в следующем виде.

В северной и южной стенах были прорезаны ворота по прямой, открывающие доступ во внутреннюю часть помещения. В западной и восточной, очевидно, были калитки, которые с изгибом в одно «колено» также приводили во внутреннюю часть. Вдоль всей стены проходил для защитников постройки обходный коридор шириной до 1.50 м. Он был сложен — как, видимо, и остальные постройки — из продолговатого кирпича. Коридор был перекрыт полуциркульным коробовым сводом, сложенным наклонными отрезами из квадратного кирпича. Около входов в постройку коридоры прерывались небольшими помещениями — «сторожками».

За коридором шли жилые помещения продолговатых очертаний размером, в среднем до 5×3 м.

Следующий ряд остатков строений составляли площадки разной ширины со сторонами до 3.60 м.

Наконец, в центре находится углубление в виде правильного четырехугольника. По углам этого углубления имеются следы построек, ось которых в среднем 4.50 м.

Спуск в углубление осуществлялся с помощью двух широких ступенек. Углы углубления срезаны. Нам кажется, что это углубление является остатками бассейна-хауза.

Нивелировка развалин и окружающей местности показала подъем площадки к Ю, откуда и мог проходить арык, обеспечивающий наполнение хауза водой.

Вокруг хауза заметны следы стен, перпендикулярных к стенам жилых помещений. Быть может, это остатки стен айванов.

Находки керамики чрезвычайно редки на постройке и мало выразительны. В основном, это фрагменты тонкостенной станковой посуды, но ранней, ибо встречается красное лощение. По своему типу керамика может быть датирована VI—VIII вв. н. э. и явно ферганского происхождения. Среди керамики не наблюдаются сосуды парадных форм.

Характерен план постройки: в нем нет особо выделенных помещений «дворцового типа», все помещения однотипны по объему и планировке, причем они ритмически повторяются.

Постройка эта — жилье, исполняющее и оборонные функции, о чем говорят укрепленные стены, башни, коридоры. В целом это укрепленный рабат, укрепленный караван-сарай, а не дворец или ханская ставка. По всей вероятности, мы имеем здесь дело с военно-политической и торговой факторией, существовавшей под протекторатом местных тяньшаньских владык, но созданной руками зодчих западного происхождения, скорее всего ферганских выходцев.

В самом деле, все возможные аналогии влекут нас на З, в Среднюю Азию. Отмечу, например, здание Кырк-кыз в Термезе, которое во многом сходно с постройкой Чалдывар. Совпадают такие особенности, как четырехугольный план, круглые угловые башни, насыщенность внутренними помещениями, расположенными по сторонам центрального помещения. Совпадает и один из стандартов кирпича — здание Кырк-кыз сложено из кирпича 30×30×5.4 см. Близка в планах Кырк-кыза и Чалдывара и коридорная система, правда, в первом здании имеющая целью лишь соединение единообразных по размеру комнат. Б. Н. Засыпкин пишет, что «отсутствие военно-крепостных атрибутов дает основание считать, что Кырк-кыз был местом мирного временного отдыха для проезжающих и проходящих паломников и странников».[1]

Таким образом, несмотря на установление многих черт сходства (вплоть до совпадения стандартов квадратного кирпича[2]) Чалдывара с Кырк-кызом, зданием VIII—IX вв., так же как и с другими постройками из сырца в Термезе, полной аналогии провести мы не можем. Вне аналогии остается прежде всего соединение в Чалдываре элементов крепости с жильем, конструкция кладки стен (пахса и два стандарта кирпича — квадратный и продолговатый) и наличие гофра.

Разнообразные типы гофрированных стен известны в Согде (Рабат-и-Малик), в Мерве и Хорезме. Ближе всего к нашему объекту гофрированные стены мервских построек в комплексе Кыз-кала, совпадающие по своим размерам (сечению) с гофрами западной стены Чалдывара.[3]

Из столь же крупного кирпича (35×35×8 см) сложены стены гофрированной постройки в Хорезме — жилого замка в Тешик-кала. Здесь конструкцию Чалдывара слегка напоминает разрез здания с его массивным основанием и более тонким верхом с гофрами. Разрез северной стены постройки Чалдывар в этом отношении схож с разрезом здания Тешик-кала. Однако тип гофр Чалдывара резко отличается и от мервских и от хорезмских, имеющих вид полуколонок. В Мерве (Кыз-кала, здание 5, Шахриарк) полуколонки слегка срезаны по внешней, наиболее выпуклой поверхности.

---

[1] Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 33.

[2] Н. М. Бачинский. Сырцовые здания древнего Термеза. Труды ТАКЭ, т. II, стр. 201.

[3] В. Пилявский. Сырцовые сооружения древнего Мерва, новые исследования по истории архитектуры народов СССР. Сообщ. Инст. истории и теории архитект. АН СССР, № 8, 1947, стр. 60, рис. 12. Ср. стр. 64, рис. 18. См.: его же «Гофрированные постройки Средней Азии» (Архитектура СССР, № 5, 1941).

Из других возможных аналогий укажем на весьма напоминающее Чалдывар по плану карэ построек в Тали Барзу,[1] — и, главным образом, вскрытые раскопками А. Терешкина остатки построек и строительного материала в Ак-тепе.[2]

Прежде всего обращу внимание на наличие вокруг всех внутренних помещений коридора, несущего военно-крепостную функцию. Углы здания дополнительно укреплены круглыми башнями. От коридора отходят прямоугольные помещения. Совпадают, в основном, и общие и частные размеры (мы даем их в некотором обобщении).

	Ак-тепе	Чалдывар
Длина сторон	45—50 м	58—60 м
Ширина коридора . . .	2 м	1.90 м
Размеры комнат	2×5 м	3×5 м

Совпадает система кладки кирпича «тычком», а главное — сочетание в кладке пахсы с кирпичом. Размеры пахсы и прямоугольного кирпича в Ак-тепе крупнее, чем в Чалдываре. Одинаковы с Ак-тепе и система кладки сводов наклонными отрезками. В отношении строительных материалов ближе всего к прямоугольному стандарту кирпич из постройки VIII—X вв. в Мунчак-тепе.[3]

В Фергане мы можем отметить близость стандарта пахсы из Касана в слое VI—VIII вв. (по нашим раскопкам 1948 г.).

Разобранные аналогии показали, что абсолютной параллели постройке Чалдывар в Средней Азии нет. Наибольшее сходство наблюдается с постройкой VI—VIII вв. Ак-тепе в Ташкентском оазисе: некоторые размеры, круглые башни, обходной коридор, отчасти план примыкающих к коридору помещений, кладка коробовых сводов наклонными отрезками, конструкция кладки — сочетание прямоугольного кирпича с пахсой. По стандартным размерам ферганские строительные материалы также близки к материалам Чалдывара. Уже из этого следует, что архитекторы и мастера, строившие Чалдывар, по своему происхождению явно связаны с районами Ферганы—Ташкента.

Вне аналогий остается, по существу, система гофрировки. Как мы уже указали, ни мервские, ни хорезмские аналогии нас удовлетворить не могут. Таким образом, можно говорить о близости постройки Чалдывар к ферганошашскому зодчеству. Гофры же составляют ее своеобразие, оставаясь пока уникальным явлением в доарабском зодчестве Средней Азии. Аналогии, которые мы приводим, датируются главным образом VI—VIII вв., выходя в отдельных случаях за пределы этих дат не больше, чем на два века. Большинство аналогий нашему зданию с архитектурой Ак-тепе VI—VIII вв. (более мелкий стандарт кирпича) позволяют нам указать в качестве более точной даты вторую половину VII—VIII в. Подчеркиваю: именно вторая половина VII в., так как для этого есть прямые исторические основания. Это время активного соединения политических судеб Тянь-шаня с Ферганой; раньше трудно было ожидать на Тянь-шане активного вмешательства ферганского населения в область культуры. Не ранее середины VII в. мы и датируем возникновение этой замечательной, в некоторых отношениях уникальной, постройки Средней Азии. Несколько иначе — без осмотра развалин — пытался датировать либо эту постройку, либо Ширдакбек В. В. Бартольд. Критикуя Петровского, по мнению которого древний Атбаш находился не на теперешнем месте, а к СЗ от него, на реке Алабука, где теперь существуют развалины, носящие название Куналяк, т. е. старое место (по киргизскому произношению слова «كونه لنك»), В. В. Бартольд относил строительство алабукинских крепостей, на основании текста Тарихи Рашиди, к XV в.[1]

Однако В. В. Бартольд не различал крепость Ширдакбек и руины Чалдывар на р. Манакельды. Ничего не говоря о крепости Ширдакбек в нижней Алабуке, он писал, что «те киргизы, с которыми мне пришлось говорить, приписывали основание крепости на Алабуке (в урочище Манакельды) богатырю Ширдакбеку; предание об этой местности, как мы видели, существует и у чуйских киргизов [см. стр. 24 — здесь шла речь о городище Чок-тепе, где, якобы, зарыт белый конь Ширдакбека, — *А. Б.*]. В маршруте Каульбарса, помещенном в книге Костенко, укрепление на Алабуке названо калмыцким».[2]

На Алабуке три крупные развалины крепостей — Чолок-кургон XIX в., Ширдакбек VII—XII вв. и Чалдывар на р. Манакельды VII—VIII вв.

По рассказам киргизов, крепость Ширдакбек — это постройка на средней Алабуке. Чалдывар же на р. Манакельды приписывается самой младшей и любимой дочери Ширдакбека. Построена она была как крепость-дворец на скрещении дорог из Кашгара, Андижана, Нарына и Токуз-тарау, откуда приходили враги, чем и было вызвано название местности — Мана кельды, буквально «Вот пришел!».

В. В. Бартольд не точно, следовательно, локализует крепость Ширдакбек и относит разные указания к одним и тем же развалинам.

[1] Г. В. Григорьев, ТОВЭ, II.

[2] См. статьи А. Терешкина и особенно В. Ворониной в «Трудах Института истории и археологии» (МАУ, т. I, Ташкент, 1948). Ср. статью В. Ворониной в КСИИМК, 28.

[3] В. Л. Воронина. Приемы строительства доарабского периода в Средней Азии. КСИИМК, XXVIII, стр. 104, рис. 28б.

[1] В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. СПб., 1897, стр. 41 и 42.

[2] Там же, стр. 43.

Не точна датировка руин и Ширдакбека и Чалдывара, которые, быть может, были использованы в XV в. могулистанскими эмирами, но отнюдь не ими построены, что следует из наших вышеизложенных соображений.

Постройка Чалдывар на р. Манакельды — военно-торговая фактория ферганского населения, построенная руками фергано-ташкентских мастеров в середине VII—VIII в. благодаря покровительству ферганской колонизации со стороны западнотюркских и карлукских владетелей Тянь-шаня.

5. К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ТЯНЬ-ШАНЯ

Работы 1944, 1945 и 1949 гг. ввиду объективных причин не могли быть завершены большими раскопками, которые дали бы возможность для более фундаментальных выводов. Однако собранные материалы достаточны для постановки некоторых вопросов исторического порядка, на которых мы и хотим сейчас остановиться. Это, прежде всего, вопрос о крепости Ширдакбек и ее историческом имени.

Единственным, пожалуй, исследователем-историком, который обратил внимание на Ширдакбек, был В. В. Бартольд. Отмечая в местности Манакельды на Алабуке городище Ширдакбек, известное ему по рассказам местных жителей и указаниям некоторых путешественников (Каульбарс) и называемое еще киргизами Куналяк («старое место»), В. В. Бартольд приписывал его возникновение строительной деятельности могулистанского эмира Мир-Керимберди.[1] В «Тарихи Рашиди» указано, что один из эмиров «Мир-Мухаммед-шах поселился в Атбаше, а Мир-Керим-берди, со стороны Андижана и Ферганы в пределах Могулистана, в месте Алабуке, на вершине холма построил крепость, следы которой видны до сих пор [середина XVI в., — *А. Б.*], и стал совершать набеги на Андижан, против мусульман».[2]

Приведенную цитату В. В. Бартольд рассматривает как решающую для определения времени постройки крепости Ширдакбек. Однако с этим согласиться весьма трудно.

Во-первых, крепость Ширдакбек стоит не на вершине холма, а в центре долины; во-вторых, если до сих пор прекрасно сохранились стены, то нельзя было еще в XVI в. говорить только об их следах; в-третьих, крепость Ширдакбек и по строительным приемам и по керамическому материалу относится к гораздо более раннему периоду, как мы указали выше, — к VII—VIII вв.

Указанное время, VII—VIII вв., — время активного наступления Тянь-шаня на Фергану. Укажем, например, на такие факты, как события 627—649 гг., когда владетель Ферганы по имени Киби был убит в войне с западными тюрками.[1] В 639 г. в Фергане находит себе пристанище бывший тюркский хан союзов племен дулу и нушиби. Как бы реваншем является поход Арслан Таркана Ферганского на Талас в 739 г., когда он убил владетеля Таласа Тухосянь Гучжо. О походе Арслан Таркана имеется указание в манихейской рукописи, где ему приписывается завоевание городов Яганкент (Якакент?), Ордукент и Кашу, а также борьба против «больших тюрок»[2] в области Аргу и Талас.

Судя по китайским источникам, Арслан Таркан неоднократно и небезуспешно вел войны еще в 745 и 751 гг. Он был чигиль по происхождению, т. е. происходил с Иссык-куля или Таласа (места расселения чигилей).

О городе Якакент (Яганкент, Якалык) нам уже приходилось говорить в другой работе; мы отождествляем его с городищем Кысмычи на правом берегу р. Чу, а город Ордукент — с городом Баласагуном.[3] Местность же Кашу, всего вероятнее, локализуется на Тянь-шане. Кашу, быть может, дало название развалинам Атбаш (Кошой-коргон) и отразилось в одном из эпонимов киргизского эпического цикла «Манас», а имено Кошоя, сподвижника Манаса, — кстати сказать, богатыря фергано-алайского происхождения. Западные тюрки, тянь-шаньского происхождения, овладели еще в середине VII в. городом Касаном (по-китайски Гесай). Местный владетель жил в городе Хумынь (владетель Аляошень), а тюркский в городе Гесай (владетель Ебочжи). Первый город трудно отождествить с известными мусульманскими названиями городов, поскольку область, где он находился, была позднее переименована в область хюсюнь, т. е. по имени племен усунь, ранее населявших районы Тянь-шаня и Алая. Возможно, если Гесай — Касан, то Хумынь — это город-ставка в южной Фергане (развалины Мык-Пошо) или Узген, где сидели и при арабах тюркские наместники, игравшие не последнюю роль в истории Ферганы еще много столетий спустя.[4]

Перечисленные свидетельства письменных источников указывают на активные взаимоотношения Ферганы и Тянь-шаня, но еще ничего не говорят о самих развалинах на Алабуке. Однако тот факт, что устанавливающийся торговый путь на Кашгар из Ферганы

---

[1] В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. СПб., 1897, стр. 42.

[2] В. Бартольд, ук. соч., стр. 42.

[1] И. Бичурин. Собрание сведений..., ч. III, стр. 251.

[2] A. von Le Coq. Türkische Manichaica aus Chotscho I. Berlin, 1912, стр. 26, 27.

[3] См. наши работы: Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941; Историческая топография Чуйской долины. ВДИ, 2, 1940.

[4] Ср. Таншу (И. Бичурин, ук. соч., стр. 251). О тюркском влиянии в Касане и Узгене см.: В. Бартольд. Туркестан, ч. II, стр. 186 и сл.

шел через Алабуку,[1] говорит о том, что возникшее здесь поселение (если оно было в то время) не могло не быть отмечено в письменных источниках как один из главнейших пунктов на пути из Узгена в Кашгар, через перевал Яссы. С этой точки зрения обращает на себя внимание помеченное Махмудом Кашгарским на его карте (рис. 60) поселение «Каджангар-баши» (قجنگار باش). В. Минорский читает «Кочингар-баши» и предлагает коньектуры «Кочкар-баши», помещая его в область токуз-огузов в верховьях Чу, недалеко от озера Ситинк-куль (?).[2] Озеро Ситинк-куль вблизи

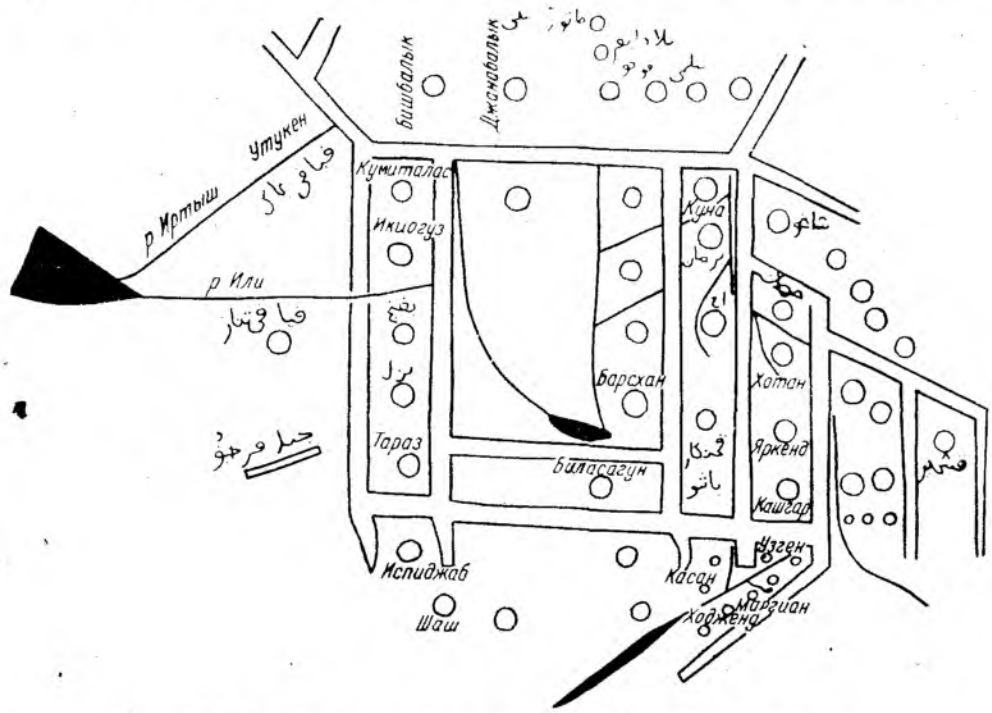


Рис. 60. Тянь-шань. Семиречье по карте Махмуда Кашгарского.

верховий Чу может быть отождествлено только с современным Сон-кулем, по-китайски Сюе-хай, так как Иссык-куль хорошо известен Махмуду Кашгарскому, а Чатыр-куль слишком далеко отстоит от верховий Чу. Кроме того, город Каджангар-баши очень выразительно показан на карте Махмуда Кашгарского. Он, во-первых, стоит на меридиане Барскана и Кашгар—Яркенда, отделенными от Барскана—Кашгара и Узгена горными цепями, что соответствует действительности: от Барскана Каджангар-баши отделен прежде всего мощным хребтом Терскей Ала-тоо, от Кашгара — Атбашинским хребтом, от Узгена — Ферганским; во-вторых, Каджангар-баши трудно принять за разновидность названия Атбаш, так как местность Атбаш уже известна для более раннего периода, времени Ибн Хордадбеха и Кудамы, т. е. в IX в.; имя это не исчезает и в XI в. Последнее явствует хотя бы из того факта, что в 1089—1090 гг., во время борьбы чигилей с Мелик-шахом Сельджукским, они опираются на помощь «Якуб Тегина, владетеля Атбаша», который в 1090 г. сам был ограблен у себя в городе Атбаше кашгарцами. Имя города Атбаш не исчезает и позднее, вплоть до XIV в. Таким образом, Махмуд Кашгарский отметил бы город Атбаш под его названием, а не под именем «Каджангар-баши». Следовательно, Каджангар-баши может быть связан скорее всего с развалинами Ширдакбека как с ближайшим к Узгену городом, лежащим по восточную сторону гор Ферганского хребта, хребта «Маниса» мусульманских источников.

Каджангар-баши возник в области племен ягма. Он расположен южнее Нарына (Кетмень-тюбе), на территории, которая в средневековье называлась Хайлам (Хатлам по Бартольду), на границе с карлуками. Ягма обитали по обеим сторонам хребта Иградж (Центральный и западный Тянь-шань).[1] Когда ягма овладели этой территорией, точно не известно. По Махмуду Кашгарскому, в районе Кашгара жила одна из трех групп чигилей; очевидно, из них и происходит знаменитый Арслан Иль Тиргюг Алп Бургучан Алп Тархан Бег Йилантюк Эрксин-

[1] Об этом говорил еще В. В. Бартольд (см. его «Отчет...», стр. 41—43). Свои соображения, основанные на изучении топографии городищ Тянь-шаня, мы изложили в статье «Археологические контуры Тянь-шаня и Алая» (Изв. КиргФАН, вып. 2).

[2] V. Minorsky. Hudud al Alam, стр. 276.

[1] V. Minorsky, ук. соч., стр. 278. Возможно, что Махмуд Кашгарский одно из селений этого района называет по имени хребта Адж (?) (اج).

тюк манихейской рукописи, Арслан Таркан китайских источников.[1]

Безымянная рукопись «Муджмиль ат-теварих ва л-кысас» (1120 г.) называет владетеля чигилей вслед за царем племен ягма. Возможно, что упомянутый Арслан Таркан и есть представитель этой третьей группы чигилей Махмуда Кашгарского. Тогда становится ясным и относящийся к чигилям манихейский текст. Этот текст говорит, что Арслан Таркан царь «Золотых племен Аргу и Кашу» (altun aryu uluš qašu). Первые, по Махмуду Кашгарскому, жили в области от Тараза до Баласагуна, вторые, как мы выше отмечали, в области северного Прикашгарья. Дальше в указанном источнике говорится, что Арслан Таркан — князь Ордукента и Чигилькента (xani ordu čigil känt). Для этого времени можно полагать, что речь идет не о городе Чигиль на Таласе, так как Махмуд Кашгарский оговаривается, когда речь идет о таласских племенах,[2] и не о чигилях иссыккульских, у которых и позднее не было больших городов, — судя, например, по сообщениям Гардизи, — а о чигильском городе на Тянь-шане, как ближайшем к Кашгару, ибо Кашгар, по Махмуду Кашгарскому, назывался также Ордукент. Город «Чигиль» на Таласе [3] столь небольшой, что вряд ли бы Арслан хвалился тем, что был его владетелем, в то время как на Тянь-шане город Чигилькент (т. е. третий центр чигилей, кроме Иссыккуля и Таласа) имел несравненно большее политическое и экономическое значение.

Логичнее, в свете этой локализации подвластных ему городов, видеть в Арслане Таркане ферганского владетеля, выступавшего вместе с наместником в Кашгаре Фумын Линча против Таласа.

Таким образом, если развалины Ширдакбека на Алабуке назывались в XI в. Каджангар-баши, то их надо рассматривать как крепость племен Тянь-шаня — чигилей,[4] построенную под непосредственным воздействием культурно-политических связей Ферганы и Тянь-шаня. Крепость эта играла не последнюю роль и как северный форпост племен ягма против карлуков, с которыми они имели столкновения при выходе на среднеазиатскую арену, т. е. при возникновении караханидской династии. Остающийся важным стратегическим плацдармом против Ферганы и севернотяньшаньских племен, охраняющий торговые пути из Средней Азии в Синьцзян, Каджангар-баши заботливо ремонтируется, особенно в XI—XII вв., как показали наши обследования руин.

Если же это так, то в сообщениях «Тарих-и Вассаф» под 1307 г., — когда указывается на разгром потомками Чагатая и Угедея земель «Золотой Орды» Шаха, брата Чапара, а также Тараза, Янги, Кенджека и Чигиля, — можно полагать, речь идет о тяньшаньском Чигиле.[1] В свете этих указаний начало XIV в. можно считать последними годами существования города Чигилькента — Каджангар-баши. Если одно из названий — Чигилькент — ясно в своем происхождении, то расшифровка второго, тоже явно тюркского, представляет определенные трудности. Названия со словом «баши» прилагаются обычно к области, расположенной где-либо вверху, например в верхнем течении реки. В данном случае название соответствует географии местности, где стоял город, — верхнее течение р. Алабуки. Первую часть названия мы воздерживаемся этимологизировать так, как предлагает Минорский («кочкор» — горный баран), учитывая, что для этого нужно выбросить аффикс «н», — для тюркского языка это маловероятно. Скорее всего «Каджигар» или «Каджангар» [2] — производное от глагола «каджан» (кирг. «свирепствовать», «буйствовать») и является одним из многих названий описательного типа, столь свойственных тюркской географической номенклатуре. Характерно, что название соседней долины Атбаши построено по тому же этимологическому признаку (последняя часть слова «баши»). Ввиду большой политической роли чигилей название их города с эпитетом «свирепый, буйный» не должно вызывать особого удивления. Так как название города Чигиль на Таласе имело в арабской литературе большее распространение, чем одноименный город на Тянь-шане, то Махмуд Кашгарский на карте привел другое название тяньшаньского Чигилькента — Каджангар-баши.

Если одна из долин племен ягма называлась «Атбаш» («Лошадиная голова»), очевидно, в силу богатства племен ягма лошадьми, — о чем говорят современники,[3] — то другая долина, тоже с крепостью, стоящей на стратегически важном рубеже, напоминала своим названием образ воинственных отрядов чигилей, союзников племен ягма. В свете приведенного и следует рассматривать развалины Кошой-коргон (древний город Атбаш) и Ширдакбек (древний город Каджангар-баши) как базы племен ягма, накануне их политического

[1] Лекок (Türkische Manichaica, стр. 27) «Iläntük Arksin-tük».

[2] См. текст в издании Лекока (стр. 26, строка 25: «türk uluš aryu talas»).

[3] Ср. у Махмуда Кашгарского: «город вблизи Тараза»; у Макдиси: «маленький город, на расстоянии человеческого голоса от Тараза». О городе Чигиль на Таласе см.: А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941.

[4] Обращаю внимание и на тот факт, что когда чигили подняли восстание в Самарканде в 1089 г., они обратились за помощью в Атбаш к Якуб-беку, видимо к своим соотечественникам.

[1] В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 58.

[2] К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, стр. 346.

[3] См.: текст Гардизи в приложении к отчету В. В. Бартольда, стр. 108: «Ягма — богатые люди, владеющие большими стадами лошадей».

возвышения. С возникновением династии караханидов (напомним, что с Каджангар-баши связан один из первых караханидов — Богра-хан) племена ягма вышли в равнины и заняли города Ферганы и Чуйской долины, сохранив в городах Тянь-шаня их старый «кочевой» облик. Удачное положение Каджангар-баши (да и Атбаши) обеспечило ягма быстрое овладение областями карлуков и Ферганы. Таким образом, упомянутые города-крепости и выполнили одну из своих исторических задач.[1]

6. КУЛЬТУРНЫЙ КОМПЛЕКС КЕТМЕНЬТЮБИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ — СРЕДНЕВЕКОВАЯ ХАЙЛАМА

Кетменьтюбинская котловина исключительно интересна с точки зрения своего географического положения. Расположенная на высоте около 800 м над ур. м. на среднем течении Нарына, она орошается большим количеством горных речек, наибольшая из которых — Узун-ахмат (правый приток Нарына), а также рядом более мелких речушек (Ничке, Бала-чичкан и др.). Окруженная горами Узун-ахмата, отрогами Сусамырского и Чаактауского хребтов, она обладает сравнительно мягким климатом, позволяющим с успехом разводить такие культуры, как хлопок, не говоря о зерновых. Ведущим в районе остается животноводство. Кетмень-тюбе значительно изолирована от окружающих районов, и доступ в нее до недавнего прошлого осуществлялся через горные перевалы. Стратегически место исключительно удобное: оно близко к глубинным районам Центрального Тянь-шаня, через горы и долину Сусамыр легко можно проникнуть в долину Таласа и Чу, а через каньон Нарына и горные перевалы — к Арсланбобу в Фергану.

Многочисленность местного населения в древности доказывается большим количеством памятников старины, имеющих здесь особые типические черты, выявляемые даже в процессе разведки.

Как уже указывалось выше, в Кетменьтюбе прежде всего обращают на себя внимание три мощные курганные группы сако-усуньского типа. Их особенностью является «царственный» характер курганных насыпей, достигающих порой нескольких метров высоты. Сложены насыпи из земли; в основании их, как показали раскопки, имеется каменная выкладка, составляющая как бы фундамент насыпи. Рядом с длинными цепочками больших курганов, расположенных по линии С—Ю, разбросаны и мелкие курганы. Если сако-усуньские курганы расположены на ровном плато надпойменной террасы, почти у самой ее кромки, то на прилавках, примыкающих к отрогам гор, были обнаружены маленькие каменные насыпи могил тюркского облика и каменные кольца могил карасукского типа.

Наиболее интересными, однако, в этом районе являются обнаруженные здесь следы городищ, четыре из которых были нами обследованы. Городища четырехугольные и прямоугольные и варьируют в размерах от 50 м по стороне до 150 м. Три из этих городищ вписаны в курганную группу таким образом, что часть больших курганов использована в качестве башен стен такого городища. Особенно ясно это стало при обследовании строительства валов, на которые уходил материал части срытых курганных насыпей, ибо рвов для изготовления валов не было обнаружено.

Внутри городища гладкие, без видимых следов застройки, так называемого кочевнического типа: здесь располагались кибитки кочевников. Только городища III и V имеют

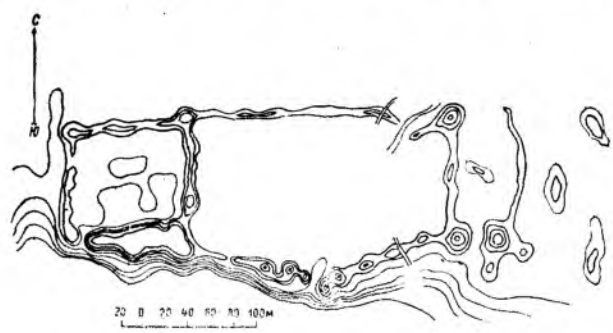


Рис. 61. Кетмень-тюбе, городище Ничке. План.

внутри возвышения. В одном случае в городище оказался вписанным курган. В городище V (Ничке) в южной стороне явно выступают следы отдельных построек. Городище V (Ничке) расположено у кыштака Бердыулы на кромке II террасы (рис. 61). Оно имеет площадь 400×160 м и длинной стороной ориентировано с З на В. До строительства стен поселения здесь проходила гряда курганов. Восточнее ее находилось стойбище, ибо здесь на большом пространстве обнаруживается архаическая керамика. Курганная группа и кромка террасы с обмытыми выступами была использована для возведения южной стены поселения. Эта стена выше остальных и более мощная. По углам поселения расположены башни, в ю.-з. углу цитадель. Въезд в городище осуществлялся через северную стену, со стороны гор, причем стены ворот загнуты «коленом» внутрь городища.

За стенами поселения, к В, большое количество распаханных бугров — остатки жилищ, в которых обнаружено множество керамики разных типов. Восточная часть поселения имеет следы большого количества сырцовых построек. Сейчас эта часть поселения также распахана. В восточной части через южную стену был вход-калитка, которая охра-

[1] Маркварт, а за ним Г. В. Птицын неверно локализуют Каджангар-баши вблизи Таласа. См.: Г. В. Птицын. К вопросу о географии в Шахнамэ. ТОВЭ, IV, стр. 303—304.

нялась довольно мощным привратным сооружением. В районе привратного сооружения найдены фрагменты фигурного алебастра и продолговатый кирпич зеленого цвета.

Все городище ясно делится на три «квартала». Средний — большой (длиной 220 м) и менее всего застроенный «двор», западный с цитаделью и мощными стенами (длиной 100 м) и восточный — густо застроенный и слабо защищенный (длиной 80 м). Подъемный материал на городище весьма разнообразный (рис. 62): найдена архаическая керамика сако-

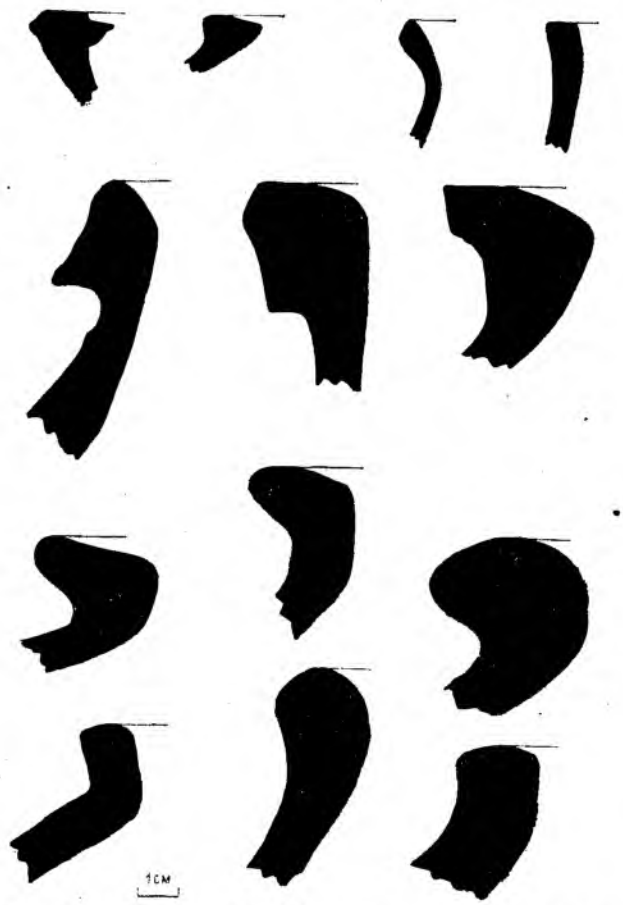


Рис. 62. Кетмень-тюбе. Профили венчиков сосудов.

усуньского типа из шамотного и слоистого теста, серо-черного и розоватого оттенков. Имеются сосуды даваньского типа с затиркой желтоватого цвета, с проступающей дресвой черного цвета. Особо выделяются грубые черепки, часть которых — со следами синей и красной краски и лощения по лепному черепку красного цвета — очень архаического, анаусского облика. Наличествует грубая керамика со следами резного орнамента в виде спиралей и волнистой линии, а также штамп глазками.

Наряду с этой лепной керамикой разного времени, от середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э., обнаружены фрагменты керамики, сделанной на гончарном круге, со следами глазури желтовато-зеленого и белого цвета караханидского типа, а также неполивная посуда с бело-зеленым ангобом тимуридского времени.

Хронологический диапазон этой керамики — от VIII до XIV в. н. э. В качестве исключения найден один черепок кушанского типа, покрытый лаком. По поверхности городища много обломков зернотерок, кирпичей и алебастра.

В других городищах, в частности на городище III, в результате сноса курганов при строительстве валов поселений оказался выброшенным на поверхность большой керамический материал архаического типа. Среди этого материала заслуживает внимания грубый шамотный черепок слабого обжига, двуцветный в изломе (розово-красный и серо-черный). В изломе видно много дресвы. Формы сосудов в основном прямостенные и плоскодонные. На дне одного сосуда имеются отпечатки проса. Техника изготовления сосудов — ленточная лепка. Есть фрагменты сосудов сферических форм с отогнутым венчиком.

Особенности сочетания курганных групп с очень своеобразным характером городищ «кочевнического типа», весьма своеобразная лепная керамика ранних эпох (одновременно плоскодонная и сферическая), напоминающая собой керамику Беркары и нижних слоев тепе Луговая,[1] отсутствие типично ферганской керамики как даваньской, так и кушанской, — все это дает возможность выделить рассмотренные памятники — курганы, городища и керамику — в особую кетменьтюбинскую культуру.

Кетменьтюбинская культура и ее поселения возникают вне связи с Даванью. Поселения ориентированы по странам света сторонами, а не углами, как это типично для средневековых поселений Тянь-шаня, они без питадели и не связаны с предшествующими им тепе, как в Фергане. Это — отличие и от Тянь-шаня и от Ферганы. Поселения возникают как результат перехода на оседлость кочевников, начинающих разводить первую скороспелую зерновую культуру — просо (вызревает в этих условиях в 40 дней). Техника строительства стен поселений примитивна — это насыпные валы без употребления глиняных блоков или кирпича; другими словами, это не строительство согдийских или ферганских зодчих, какое мы наблюдаем в стенах древнего города Атбаш (Кошой-коргон) или Каджангар-баши (Ширдакбек).

Полуоседлость документируется плоскодонной архаической керамикой; да и все производство керамики, во всяком случае до VIII в., развивается без помощи опытных гончаров Ферганы или согдийских гончаров

[1] Ср.: А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941.

из Семиречья. Это собственный путь и творческие поиски.

Таким образом, имеются все основания говорить об особой кетменьтюбинской культуре, выросшей имманентно, присущей какой-то особой этнической группе, генезис которой следует искать в сако-усуньской среде этого района, расцвет — в карлукской среде. Известно, что области, расположенные к Ю от Нарына, принадлежали племенам ягма, к С — карлукам. Кетмень-тюбе попадает в сферу распространения карлуков. Кетменьтюбинская культура прослежена нами и по северной Фергане, в городищах Алабукинского района. Одно из Коштерекских городищ (его размеры 370×240 м, центральная часть 240×240 м) воспроизводит, не только в конструкции поселения, но и в подъемном материале, типические черты городищ Кетменьтюбе. Его особенностью является мощное устройство привратного сооружения.

Не решая сейчас других вопросов о кетменьтюбинской культуре, отметим, что оседлая жизнь здесь развивалась непрерывно, и в городище Ничке (V) мы наблюдаем такое явление, как цитадель, знаменующая сходство, а быть может и заимствование конструкций от поселений более высокоразвитых районов. В средние века Кетмень-тюбе оказывается более связанной с Ферганой, что подтверждается и керамическим материалом. Это, видимо, та часть Ферганы, о которой китайцы сообщают, что здесь «много лошадей и баранов и земля плодородна».[1] Здесь выявляется средневековое лицо особой области, имеющей в мусульманских источниках название Хайлама.

В. В. Бартольд локализовал Хайламу весьма неопределенно, то на С, то на В Ферганы, то к З от Ферганского хребта. В. Минорский на основании источника Худуд ал-Алам убедительно локализует область Хайлама с ее поселениями на среднем течении Нарына в горах Маниса (так по Худуд ал-Алам называется Ферганский хребет). Из Хайлама (вариант Хатлама) происходил Абуль Хасан Наср, брат основателя саманидской династии Исмаила. Хайлама называлась область, город (поселение?) и само среднее течение Нарына, именно в его горной части.[2] Как нам известно, другой части Нарына с «городами» по Тянь-шаню нет, и единственным претендентом на это название остается обследованная нами котловина Кетмень-тюбе.

7. КИРГИЗСКИЕ МАВЗОЛЕИ И КРЕПОСТЬ ЧОЛОК-КОРГОН XVIII—XX вв.

В районах, пройденных нашими экспедициями как в 1945 г., так и в другие годы, было отмечено большое количество киргизских мазаров-гумбазов. Они все сложены из сырцового кирпича и сильно варьируют как по технике исполнения, так и по общим конструктивным формам и отделке.

Киргизские мавзолеи обследованных районов Тянь-шаня и Иссык-куля делятся на две основные группы. Это, во-первых, разновидности гумбазов, в которых можно наблюдать серию различных конструкций выкладки здания и купола, и, во-вторых, мавзолеи в виде оградки, четырехугольной или, чаще, квадратной в плане.

Мы наблюдали гумбазы различных типов (рис. 63). Наиболее старыми по техническим приемам являются гумбазы, которые, начиная с основания, выкладываются кольцом, постепенно сужаются кверху и напоминают собой «термитный» улей. К одной стороне такого мавзолея пристраивается стенка-портал с дверным проемом, иногда килевидной аркой. Такого типа мавзолеи без выделенного портала мы наблюдали в Казахстане на участке Койбын—Басчий по правому берегу р. Или. По Нарыну мы отметили такого же типа мавзолеи, но с порталом, на западной окраине с. Куланак.

Ко второму типу киргизских гумбазов относятся те, у которых выкладка куполов осуществлена при помощи тромпов, причем купол без барабана лежит сразу на кубическом основании мавзолея. Купола выложены кольцевой кладкой и имеют параболическое сечение; порой они значительно вытянуты (мавзолеи у Джергетала, Акталинского района) и достигают той же высоты, что и высота корпуса здания. Примеры таких сооружений могут быть указаны: в комплексе мавзолеев по левому берегу долины Ак-сай, около селения Узгуруш, к С около с. Дюрбельджин; к ним же относятся гумбазы манапа Аманджола около с. Конорчек, около крепости Ширдакбек, и т. д.

Как правило, помимо портала, в ряде случаев представленного легким повышением фасадной стены (например мавзолеи Нарына у крепости Ширдакбек), мавзолеи декорируются угловыми трехчетвертными колонками, массивными и почти всегда без орнамента. В мавзолеях Куланакского района и у Нарына колонки имеют вверху имитацию фонаря.

Повышение фасада как замена портала обычно представлено в гумбазах решетчатым антаблементом, где кирпичом выложены геометрические фигуры, восходящие к типично киргизскому орнаменту. Среди них отметим ромбы, кресты, треугольники — как простейшие формы, легко выкладываемые сырцовым кирпичом.

Обычного в средневековых мавзолеях портала, в виде мощных, сильно выступающих пилонов, здесь мы не наблюдаем. Обработка плоскостей портала, иногда и других фасадов, как правило, ограничена нишеобразными впадинами (Нарын).

[1] Ed. Chavannes, Documents..., стр. 144.
[2] Об этом см.: V. Minorsky. Hudud al Alam, ср. стр. 22, 73, 116, 194, 211, 289.

Относительно редкое явление — постановка сферического низкого купола на высоком барабане (мазары у с. Кара-су Атбашинского района).

Более значительными по количеству построек являются мавзолеи в виде оградок, отмеченные нами по всему маршруту, а особенно на участке Дюрбельджин—Джергетал. Около селения Узгуруш — целый некрополь из таких оградок.

В отличие от гумбазов оградки, как правило, сделаны узбекским способом набивного дувала. Они сильно варьируют в размерах. Если сторона основания гумбазов имеет в среднем от 5 до 8 м, то стороны оградок — от 4 до 15 м при высоте до 2—2.5 м. Как исключение имеются оградки в виде усеченных пирамид (Ак-чий Акталинского района). Оградки, так же как и мавзолей, имеют следующие декоративные элементы:

1) зубчатые выступы по всей стене или ажурные решетки с простейшим геометрическим орнаментом (повсеместный тип — Узгуруш, Ак-чий);

2) угловые трехчетвертные колонки, иногда с имитацией фонаря, чаще всего колонки начинаются с верхнего угла стены, а не с основания (Алабука);

3) ажурные решетки с орнаментом, в несколько рядов, окаймленные небольшими заостренными колонками, создающими видимость портала (Ак-чий Акталинского района);

4) в одном случае оградка имела явное подобие портала в виде выступающих пилонов, украшенных по верху решеткой с зигзагообразным рисунком, выложенным из кирпичей; в щипцовой стене ложноклассической кладки сделан дверной проем со стрельчатым верхом (мазар у с. Джаны-булак).

Для Нарыно-Алабукинского бассейна является характерным скопление большого количества мавзолеев (до двух десятков) в одном месте (Узгуруш — правый и левый берег Ак-сая, перевалы Дюрбельджин—Ак-чий) и количественное преобладание оградок над гумбазами. Гумбазы большей частью стоят в одиночку возле всех современных поселков (Куланак, Учкюн и др.), и только в районе Дюрбельджина имеется около десятка этих гумбазов, поставленных родом манапа Касым-хана.

В заключение перечислим основные группы гумбазов по Нарынскому, Куланакскому и Акталинскому районам: 1) г. Нарын, в 1 км к З от него на старом кладбище (портальный тип); 2) Джаныбулакская группа (оградки); 3) Куланак, две восточных группы (оградки); 4) Куланак, западная группа (гумбазы); 5) Учкюн, в западной части поселка (портальный тип, портал украшен нишами в два ряда, по три ниши в каждом); 6) Куртка (с. Первомайское) — свыше десятка гумбазов с порталами; 7) Терексуйские гумбазы и оградки (на полпути от Угута до Дюрбельджина); 8) пятнадцать гумбазов Касым Хана у Дюрбельджина (большинство из них портальные), у одного портал окрашен красной краской; 9) Ак-чий, восточная группа, — преобладают оградки с решетчатым антаблементом и нишами по фасаду; 10) группа из 8 мазаров по ущелью, где проходит дорога от Ак-чий в Саз, мазары в виде оградок; 11) группа мазаров в виде оградок, часть гумбазов (свыше 10) на правом берегу Ак-сай; 12) в левобережной группе аксайских мазаров (с. Узгуруш) преобладают оградки, есть гумбазы; 13) группа гумбазов (три) манапа Аманджола и его родственников у с. Конорчек; 14) пять гумбазов и оградки у крепости Ширдакбек; 15) Джергетальская группа из трех гумбазов.

Как видно из этого перечня, преобладающим типом являются оградки. Характерной чертой и оградок и гумбазов является их групповое размещение. Одинокие мазары (любого типа) — редкое исключение.

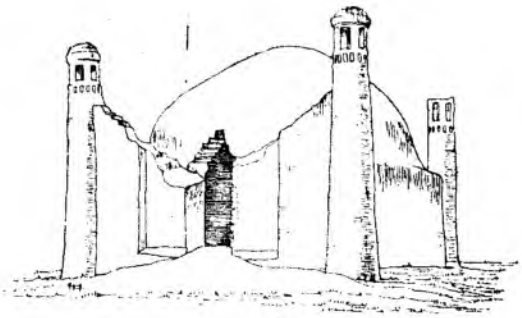
Большой историко-архитектурный и этнографический интерес представляют мавзолеи Иссык-куля и Северного Тянь-шаня. Позволим себе бегло отметить отдельные сооружения. Около западной окраины с. Турайгыр на Иссык-куле любопытен мавзолей в виде оградки с тяжелыми трехчетвертными колонками по углам. На фасадной стене — дверной проем со стрельчатой, слегка выступающей и украшенной маленькими нишами аркой, углового очертания, исполненной путем «напуска» кирпича. Весь фас расчленен двумя поясами фигурной кладки кирпича: верхний пояс — из двух слоев кирпича, нижний — из одного. Кирпичи выступают углами, как бы подражая кладке мавзолеев Исмаила Самани в Бухаре и Бабаджи Хатун на Таласе. Над верхним рядом орнаментальной кладки — круглые сплошные медальоны.

Находящийся на этом же кладбище мавзолей с купольным перекрытием менее интересен, более трафаретен; некоторый интерес представляет лишь решетчатая кладка по верху стен, несколько прикрывающая основание купола.

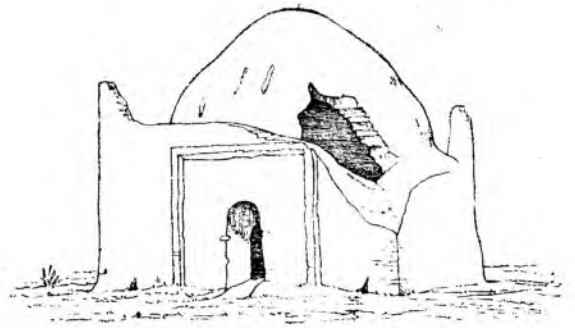
Группа мавзолеев у с. Чонс-арай примечательна тем, что мазары здесь воспроизводят жилую постройку со стенами, расчлененными как бы панно. Верх стен украшен густо поставленными зубцами, как бы имитирующими «сасанидские городки». В центре стен возвышаются арочных очертаний выступы, украшенные по оси полуколонками. Эти массивные по объему мавзолеи воспроизводят скорее образ древнего жилища, к тому же доислам-

Рис. 63. Тянь-шань. Киргизские мавзолеи Иссык-куля и Центрального Тянь-шаня.

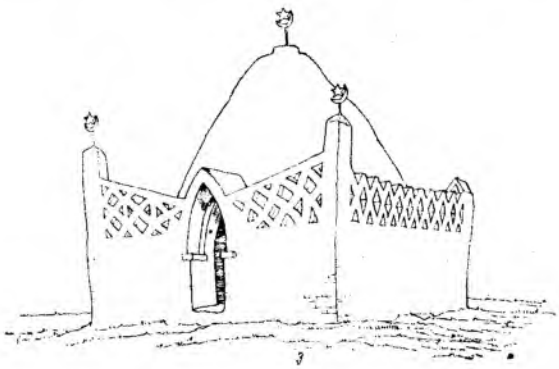
1, 2, 5, 7 — мавзолеи Дюрбельджин (Центральный Тянь-шань); *3, 10, 12* — мавзолеи Турайгыр (северный берег Иссык-куля); *4* — мавзолеи Манакельды (Центральный Тянь-шань, долина Токуз-тарау); *6, 8, 9* — мавзолеи Чон-урюкты (северный берег Иссык-куля).



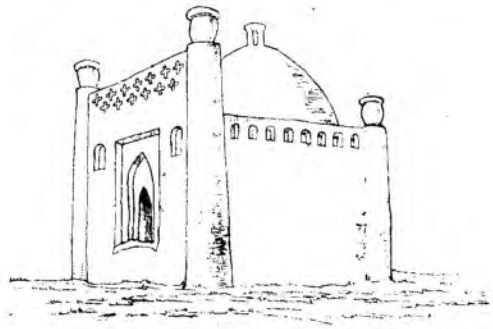
1



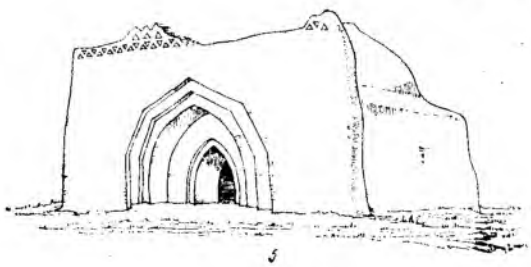
2



3

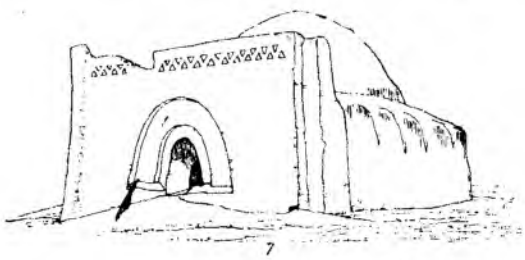


4

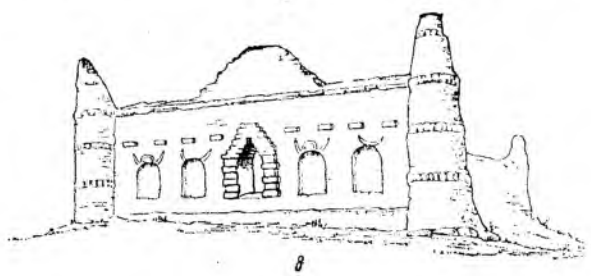


5

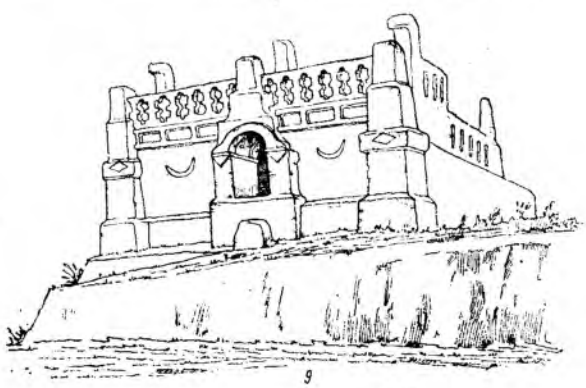
6



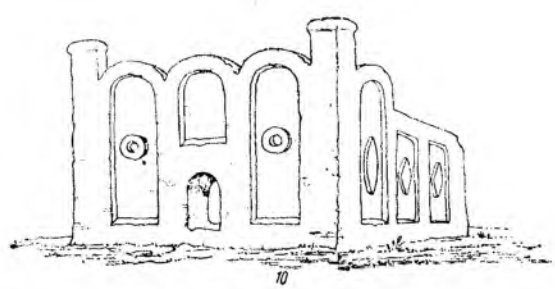
7



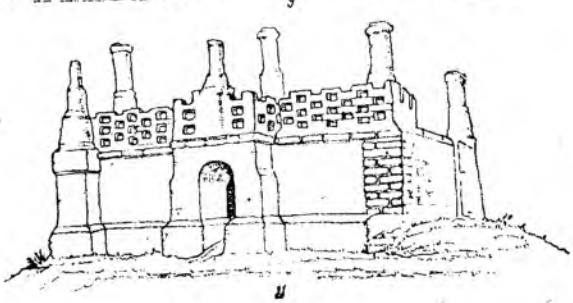
8



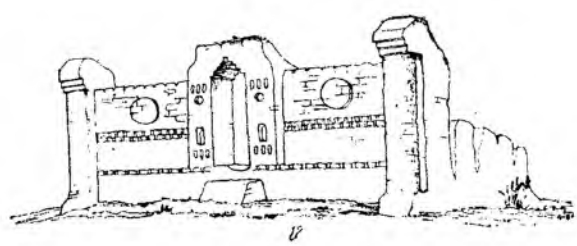
9



10



11



12

ского периода, чем храмового сооружения.

Большой интерес представляет группа мавзолеев около с. Чон-урюкты на кладбище, расположенном на северном берегу Иссык-куля. Большинство их составляют оградки позднего происхождения (XX в.).

Прямоугольная оградка увенчана ажурным парапетом. По углам часть оградок имеет квадратные в сечении, трехчетвертные колонки с утолщенным основанием, с поясами-выступами в середине, утончающиеся кверху путем уступов.

Входом в оградку служит низкий дверной проем, в виде плоской арки на тяжелых полуколонках. Над аркой ступообразное сооружение. На углах парапета сделаны имитации минаретиков.

Следует отметить, что такой дверной проем, оформленный в виде коротких полуколонн и уплощенных арок, не имеет прецедента в среднеазиатской архитектуре и скорее напоминает североиндийские и восточнотуркестанские архитектурные элементы, свидетельствуя о знакомстве мастеров (узбеков и киргизов) с этими памятниками зодчества.

В горной части Центрального Тянь-шаня, например в Джумгале, отмечено значительное количество купольных мавзолеев, особенно на кладбище, где стоит широко известный в Джумгале мавзолей Чинабий. Это обычный тип купольного мавзолея из сырца с деревянными перевязями, с пештаком, плоскость которого рассечена на отдельные площадки, а в центре вписан вход, перекрытый стрельчатой аркой.

Около мавзолея Чинабий имеются намогильные стелы с надписями конца XIX—начала XX в.

Более интересна на этом кладбище находящаяся к В от мавзолея Чинабий группа других мавзолеев, выстроенных совершенно без дерева. Они имеют массивное, трапециевидное в сечении основание, подвышенную фасадную часть, украшенную врезным парапетом, почти прикрывающим низкий купол мавзолея.

На кладбище Узгуруш в долине Алабакан большинство мавзолеев также купольные. Здесь в мавзолее Гепотая был обнаружен архив книг и рукописей, в составе которых оказались сочинения Физули, и т. д.

Относительно большое кладбище из купольных мавзолеев отмечу еще выше колхоза Май по правому берегу р. Манакельды Токузтарауского района, не доезжая перевала Ак-мойнак.

Таким образом, если на Иссык-куле наблюдается явное преобладание прямоугольных оградок, то в Центральном Тянь-шане, по мере приближения к Ферганскому хребту, увеличивается количество купольных мавзолеев.

В прямоугольных оградках сказывается прямая преемственность от древних, доисламских, во всяком случае домонгольских, архитектурных форм. Любопытно, что большинство аналогий указывает в сторону Восточного Туркестана. Аналогии говорят о том, что киргизы, знакомые с этими архитектурными формами издавна, включили их в арсенал своих культурных приобретений.

По течению р. Алабуки были обнаружены руины интересной крепости, вероятно построенной в середине XIX в., известной среди местного населения под именем Чолок-коргон (рис. 64).

Чолок-коргон расположен километрах в трех от устья ущелья Каратала, на надпойменной террасе около дороги, ведущей в с. Конорчек. Крепость ориентирована сторонами по странам света. Южная стена идет вдоль обрыва глубокого сая, по которому протекает ручей. В плане крепость имеет вид прямоугольника. Северный и южный фасады имеют по 26.5 м, восточный и западный, включая диаметры угловых башен, — 53 м. По углам крепости располагаются башни, выступающие до 3 м вперед. Башни овальные в плане, в виде усеченного конуса. Западная и восточная стены имеют еще по одной башне, расположенной ближе к южной стене (на расстоянии 27 м от северной стены). От этих башен внутрь крепости проходит стена, которая делит крепость на две части. Внутренняя стена очень плохо сохранилась. Совершенно не сохранилась также ю.-в. башня. Ряд проломов имеется в западной, восточной и северной стенах. Южная стена сохранилась полностью.

Судя по южной стене, стены состояли из 8 рядов набивного дувала, при высоте ряда в 0.50 м и толщине 0.60 м. Башни (судя по наиболее уцелевшей, с.-в.) имели 11 рядов, т. е. были на 1.5 м выше окружающих стен. В стенах имеются щелевидные бойницы, расположенные между 4-м и 5-м рядами дувала; в башнях бойницы более широкие, в виде окошек, высотой в 0.60 м при ширине (по основанию) также в 0.60 м.

Вдоль южной стены сохранились следы стен помещений, непосредственно примыкавших к ней. Северная часть крепости лишена следов застройки и, видимо, предназначалась для загона скота. По западной стене обнаруживаются два проема, один ближе к с.-з. башне для калитки, другой между ю.-з. и западной башнями для ворот. Все остальные стены были, видимо, глухие.

Крепость Чолок-коргон представляет собой типичный образец строительства XIX в. (эпохи Коканда) и является одной из тех немногих крепостей баев и манапов, которые в очень незначительном количестве дошли до современности.

Если учесть, что из строительных объектов киргизского народа до нас дошли лишь отмеченные выше мавзолеи, т. е. архитектура культовая, представляющая собой зачастую подражание (иногда это весьма неумелые копии

классических образцов архитектуры Самарканда и Бухары), постройка типа Чолок-коргон имеет особый интерес как здание крепостного характера.

шая мастерство глубокой архаики, что наглядно доказывается отмеченными выше гумбазами «ульевидного» типа.

Киргизские мавзолеи-гумбазы интересны тем,

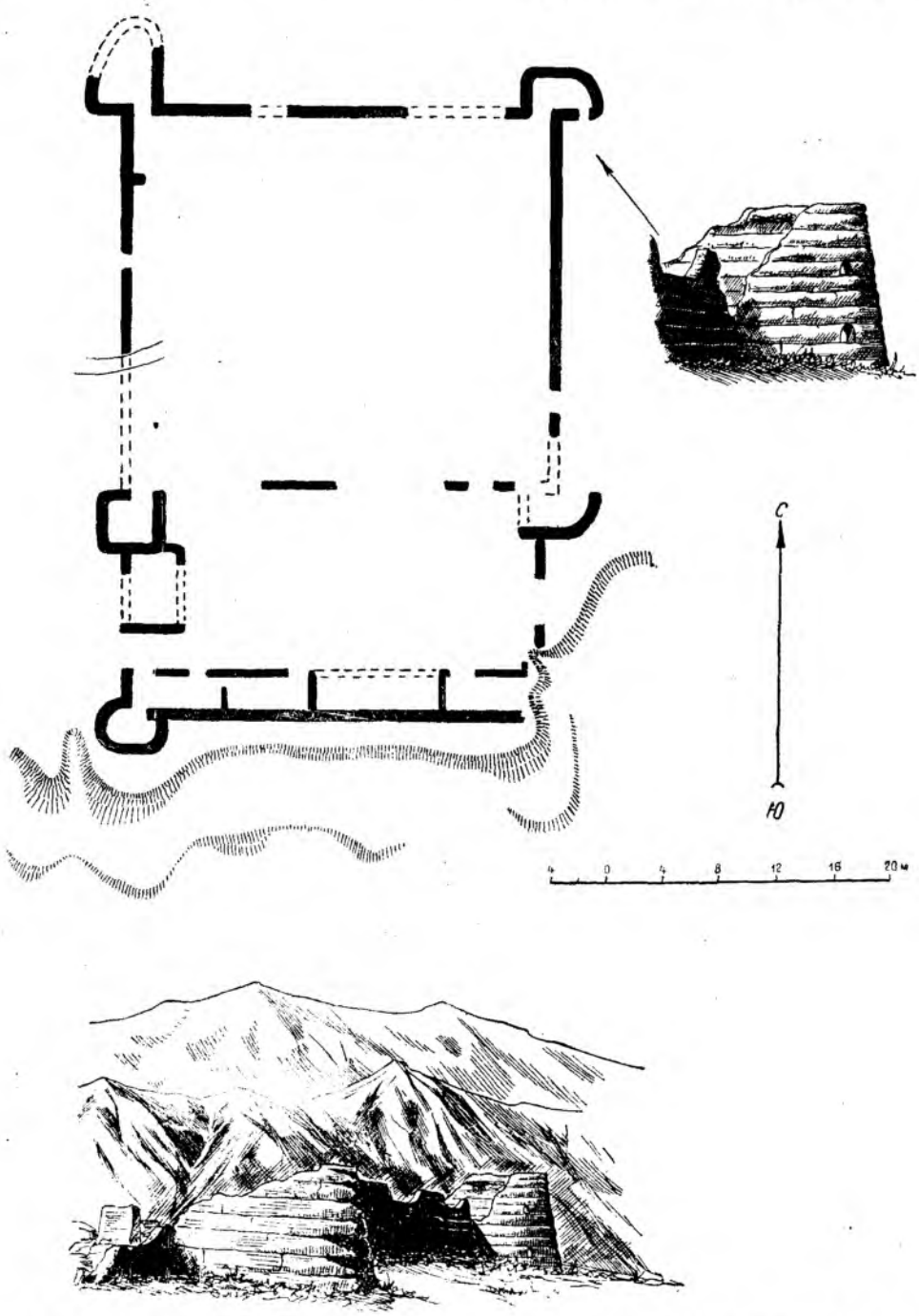


Рис. 64. Центральный Тянь-шань. Крепость Чолок-коргон. План и вид с ЮВ.

Техника строительства гумбазов, оградок и крепости воспринята, видимо, у узбекских мастеров. Как уже было указано, эти сооружения сделаны из кирпича и набивного дувала, в обоих случаях — из сырца, необожженной глины. Технические, конструктивные приемы этих построек несут в себе отголоски различных строительных приемов, зачастую воскре-

что в них ярче всего выступает тенденция строителя восстановить, воспроизвести в постройке идею круглого плана кибитки и ее сферического покрытия. Высота купола и его соотношение с корпусом здания повторяют основные пропорции высот остова кибитки и ее покрытия. Портал здесь несет как бы второстепенную функцию и очень редко превра-

щается в самостоятельную деталь здания, что отличает гумбазы Тянь-шаня от гумбазов Таласской долины, где обработка порталов, например гумбазов у с. Орловки (гумбазы Кочкор, Егемберды и Шиханбай), явно увлекала строителя. В гумбазах Тянь-шаня преобладает центрический тип мавзолея, который в качестве прототипа характерен для строительных вкусов киргизских народных архитекторов. Очевидно, что подобный тип здания наиболее напоминает войлочную кибитку кочевников. Второй особенностью киргизских мавзолеев является их декоративное оформление. В большинстве своем решетчатая кладка сырца в виде бордюра стен оградок или антаблемента примитивных порталов создает прежде всего впечатление решетчатой деревянной основы кибитки — «кереге». Особенно ярко выражена эта иллюзия в ромбическом узоре. Все вышеперечисленные элементы тесно связаны и с попытками воспроизвести геометрические формы киргизского орнамента. В этих трех элементах мы и видим основную народную киргизскую «переработку» культурных заимствований от узбеков в области монументальных построек, вошедших в быт киргизского народа.[1]

[1] О киргизских мавзолеях см. у нас в книге «Архитектурные памятники Киргизстана» (М., 1950). Ср. также нашу статью в «Кратких сообщениях Института этнографии» (вып. 10).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИСКУССТВО И КУЛЬТУРА ТЯНЬ-ШАНЯ И СЕМИРЕЧЬЯ В ДРЕВНИЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОДЫ

Анализ памятников Центрального Тянь-шаня показывает, что кочевники Тянь-шаня в своей политической, культурной и экономической жизни были тесно связаны прежде всего с Чуйской долиной, шире — с Семиречьем и Ферганой.

Систематические исследования Семиречья, долин рек Таласа и Чу, обобщенные нами в двух специальных публикациях,[1] позволяют сейчас поставить вопрос о роли кочевых племен Семиречья и Тянь-шаня в развитии культуры этих районов. Наиболее полно эти влияния отражены в памятниках искусства.

В нижеследующей главе мы попытаемся, опираясь на наиболее яркие памятники и не повторяя уже сказанного в ранее вышедших работах, выявить роль кочевых племен в формировании культуры Семиречья, исторической особенностью которого был чрезвычайно пестрый этнический и культурный состав. Из пришлых народов здесь особую роль играли согдийцы.

Центром развития культуры с VI в., что нам теперь особенно ясно после достаточно обширных работ на Тянь-шане, был не Центральный Тянь-шань, а в первую очередь долины Таласа и Чу. Не в городах-ставках типа Атбаш или Каджангар-баши, а в поселениях Таласа и Чу, от г. Тараза до Баласагуна, были расположены основные центры ремесленного производства.

Центральный Тянь-шань (как в значительной степени и Илийская долина) был своеобразной сельской округой городов Чу и Таласа. Однако от Суяба в Чон-кемине до Атбаши в Центральном Тянь-шане обитали не только рядовые скотоводы, но и владыки, усуньские гуньмо и тюркские ханы и вся связанная с ними аристократия. Они имели политическую власть и пользовались экономическим превосходством. С ними, с их идеологией, их требованиями и вкусами, — как, в значительной степени, со вкусами и воззрениями всей массы кочевников, — должны были считаться ремесленники оседлых поселений, своими руками создававшие ценности, отражавшие идеологию этих племен и народов.

Вот почему, касаясь в этой главе в основном коллекций, добытых в Семиречье, мы, тем самым, в какой-то мере характеризуем культуру тех тяньшаньских племен, которые были связаны с этими районами.

Памятники Семиречья наглядно отражают военно-политический, а вместе с тем и этнокультурный размах того кочевого мира, «цитаделью» которого был Тянь-шань. Достаточно широко известен тот исторический факт, что, например, тюрки Тянь-шаня доходили на юго-востоке до китайской стены и на западе до Дербендского прохода на Кавказе. Это не могло не послужить поводом для своеобразного пути формирования культуры; однако археологические памятники этого района свидетельствуют не о простом соединении различных культурных влияний, а о своеобразной новой категории явлений, которая в целом не была похожа ни на китайскую культуру, ни на согдийскую, ни на какую-либо другую. Это была своя, самобытная культура кочевников Семиречья и Тянь-шаня, оригинальная и многогранная культура, в проявлениях которой никогда не прерывалась лежащая в ее основе сакская традиция. Такое положение могло сложиться только в условиях сохранения прежде всего племенами Тянь-шаня их политической и культурной независимости, сохранения ими своих обычаев и идеологии. Переходя к анализу археологических памятников равнинного Семиречья, выявляя тем самым на различных этапах проявление этой самобытности, мы косвенным путем характеризуем культуру Центрального Тянь-шаня, чему посвящена вся первая часть книги.

[1] Труды Семиреченской археологической экспедиции. Таласская долина. Материалы по археологии КазССР, т. 1, Алма-ата, 1950; Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. МИА, № 14, Л., 1950.

1. РАСЦВЕТ И УПАДОК ИСКУССТВА КОЧЕВНИКОВ VII в. до н. э. — I в. н. э.

Богато представлены памятники искусства в вещах скифо-сакского периода. Характерной чертой дошедших до нас памятников этой эпохи является наличие скульптуры из бронзы и отчасти камня. Роль, место и значение скифского искусства в искусстве древнего мира достаточно велико, и один голый перечень статей и монографий, посвященных этому вопросу, составил бы солидный том. Этот вопрос подвергался подробному рассмотрению неоднократно, особенно с 90-х годов XIX в., когда содержательная статья Рейнеке[1] показала огромную протяженность культурных связей скифского искусства — от Венгрии до Китая. Последующими работами выяснены многие как общие, так и частные вопросы развития этого искусства. Материал рассмотрен не только в отношении причерноморских скифов и их взаимосвязей (меньше с передневосточным и больше с античным миром),[2] но и в отношении Дальнего Востока.[3] Пышный расцвет предханьского искусства в Китае (эпоха династии Хань в Китае, II в. до н. э.—II в. н. э.), освещенный в работах В. Карлгрена, Арнэ, Андерсона и других авторов,[4] дает блестящую картину оригинального искусства эпохи Хань. Стилистически своеобразно выраженный реализм этого искусства, по мнению еще Хирта,[5] обязан был влиянию кочевников. Поддержанное Ростовцевым,[6] это мнение было широко аргументировано в работах Шаванна, Лауфера, Сальмони и многих других.[7] Существенной опорой для этих суждений оказались такие шедевры изобразительного искусства, как бронза скифского времени на Енисее, обобщенно исследованная С. Н. Теплоуховым и С. В. Киселевым;[8] Пазырыкские курганы Алтая и Шибе, открытые и опубликованные С. И. Руденко и М. П. Грязновым;[1] наконец, памятники гуннского времени Ноинула, открытые П. Козловым[2] в Монголии и получившие прекрасное подробное описание в работах К. Тревер.[3]

При решении проблем культурно-творческого процесса скифской эпохи вне поля зрения оставался материал, происходящий из Семиречья, а в нем многое своеобразно и представляет самостоятельный интерес. Прежде всего должны быть выделены особые черты, не повторяющиеся в других комплексах скифских памятников, — монументальное и совершенное литье из бронзы. Ни в Паннонской долине, ни в причерноморских равнинах, ни в южносибирских степях и дальневосточных просторах нет полных аналогий этому искусству. Можно только указать на широкое распространение бронзовых котлов, начиная от Кореи и Манчжурии и кончая Венгрией,[4] более ограниченное — светильников, главным образом на Дальнем Востоке.[5] Аналогии вышеописанным памятникам имеются прежде всего в Северном Китае, на Енисее и на Алтае.

Семиреченские памятники сакского времени, входящие в круг памятников скифского искусства, имеют свое индивидуальное лицо. Остановимся на характеристике наиболее ярких образцов, кроме иссыккульских жертвенников, которым выше был посвящен особый раздел.

Целый ряд вещей, относящихся к этому времени, столь же выразительных и самобытных, как и иссыккульские жертвенники, представляет собой резьбу по дереву, техника которой также имеет давние традиции.

Резьба по дереву — один из древнейших

---

[1] R. Reinecke. Über einige Beziehungen der Altenthümer China zu denen des skythisch-sibirischen Völkerkreises. Zeitschrift für Ethnologie, 1897.

[2] М. Ростовцев. Скифия и Босфор. Л., 1918; E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. Ср. его же: The Art of the Northern Nomads. Proceedings of the British Academy, XXVIII, London, 1944.

[3] Особенно многочисленны работы М. Ростовцева, которые являются в части публикации материала чрезвычайно важными, но идейная сторона которых порочна, поскольку в общем она восходит к расистским концепциям. Из буржуазных авторов, занимающих несколько иную позицию (их немного), укажу на высказывания Персеваль Йеттса (о нем см. ниже).

[4] Надо отдать должное стокгольмским изданиям, которые в этой области, наряду с трудами П. Пеллио, могут быть поставлены на первое место; они неоднократно нами цитируются в дальнейшем тексте. Вышеназванные авторы публикуют свои работы в «Bulletin Museum of Far Eastern antiquites».

[5] F. Hirth. Ueber fremde Einflüsse in der Chinesischen Kunst. München—Leipzig, 1896.

[6] M. Rostovtzeff. L'art gréco-sarmate et l'art chinois de l'époque des Han. Arethuse, Avril, 1924.

[7] Работы их мы цитировали выше (см. гл. I, § 5).

[8] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, М., 1949. Второе издание — М., 1951.

---

[1] С. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1949; С. И. и Н. М. Руденко. Искусство скифов Алтая. ГМИИ, М., 1949; М. Грязнов. Раскопки княжеской могилы на Алтае. «Человек», № 1—2, 1929; он же. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930; он же. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае. Природа, № 11, 1929; он же. Пазырыкский курган. М.—Л., 1937; Сообщения ГАИМК, № 2, 1931; он же. Первый Пазырыкский курган. Изд. Гос. Эрмитажа, 1950.

[2] См.: сб.: «Северная Монголия», вып. 2. Библиография в нашей статье: Гуннский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение. Изв. Отд. ОН АН СССР, № 4, 1937.

[3] C. Trever. Excavations in Northern Mongolia. Leningrad, 1932. См. нашу рецензию: ПИДО, 5—6, 1935.

[4] См., например: Joshito Harada u. Kazuchika Komai, Mu-Jang Ch'êng. Han and pre-Han sites at the foot of Mount Lao T'ieh in South Manchuria. Arheologia Orientalis, т. II, Tokyo, 1931; Andrews Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Archaeologia Hungarica, IX, Budapest, 1932.

[5] Треногие подставки (светильники) из раскопок в Южной Манчжурии см.: Archeologia Orientalis, т. I, Tokyo—Kioto, 1929, стр. 24; т. III, 1933, табл. XXXI.

видов творчества кочевников в области изобразительного искусства. На этом мягком материале легче всего было переходить к детализации, прорисовкам, находить плавные линии для обобщенного рисунка. Дерево, как и глина, — это та первоначальная фактура, на которой могли моделироваться детали, рождаться орнаментальные дополнения к реалистическому сюжету, который впоследствии мог раствориться в них.

Напомним классические образцы резьбы по дереву, обнаруженные на Алтае в памятниках Пазырыка, Шибе и Катанды.[1] Манера резьбы отлична от литья прежде всего своим плоским рельефом. Здесь рождался рисунок, развивающийся параллельно с аппликацией. Он был широко распространен, был достаточно стабильным и привычным настолько, что влиял на литье из металла. В этом отношении характерна пряжка, найденная нами в одном из курганов на северном склоне Кара-тау, около ущелья Берккара.[2]

Прекрасный рисунок берккаринской пряжки, близкий к находкам на Алтае,[3] перекликается с другими находками — скифскими изделиями из дерева и металла, рассмотренными М. Ростовцевым,[4] не знавшим нашей пряжки. Преемственность техники берккаринской пряжки от резьбы по дереву несомненна. И этот прием, как мы указали, дающий развитие ажурному рисунку, находит свое завершение уже в стилизации на металле, что может быть подтверждено находкой нашивной бляхи из бронзы, обнаруженной у с. Ивановки (Северная Киргизия).[5]

Это бляха овальной формы с ажурным рисунком (размером 6.0×6.5 см), литая, кое-где подправленная резцом. Композиция геральдическая — она состоит из наружного незамкнутого бордюра, оканчивающегося изображением двух стилизованных лошадиных морд, в которых различимы — помимо общей конфигурации головы лошади — уши и подрезанные челки. Середина бляхи заполнена вертикально поставленным отрезком древа жизни (?) с тремя рядами расходящихся в стороны отростков, причудливо переплетающихся с линиями, идущими от закраины и, быть может, представляющими собой стилизованные изображения ног лошадей. Описываемая бляха — не что иное, как металлическая аппликация на ремень или одежду. Она идет не от скульптуры, а от резьбы. Это рисунок на дереве, перенесенный на металл.[1]

Среди древностей Киргизии искусствовед найдет и первые сохранившиеся рисунки в виде красочных росписей и наскальных изображений.[2] Правда, красочные росписи в памятниках Киргизии немногочисленны. Фактически, в красочной росписи ангобом древней посуды, в виде вертикальных полос, можно видеть начало красочных композиций.[3] Эти приемы, широко представленные в Фергане, проникают к сакам и затем усуням Тянь-шаня и Чуйской долины. На юге широко распространены росписи на керамике, часто содержащие реалистические сюжеты.

Другим видом творчества кочевников являются наскальные изображения. Среди массы их явно выделяются две группы, различные по техническим приемам исполнения. Техника поздних изображений резная, ранних — точечная. Острым, видимо металлическим инструментом выбивались на камне изображения, преимущественно животных. В поздних изображениях преобладают домашние животные, в ранних — дикие.

Рисунки на скалах встречаются в Киргизии повсеместно, но специальному рассмотрению они не подвергались. Быть может, часть наскальных изображений относится и к более раннему периоду — периоду бронзы. К этой группе некоторые исследователи[4] относили часть изображений в урочище Акулен, к З от оз. Иссык-куль. Однако эта датировка не совсем ясна и определенна, хотя для нее и есть некоторые основания. Более вероятно отнесение архаической части изображений на скалах к сакскому периоду. Так, например, в урочище Чиим-таш (Таласская долина)[5] группа изображений на скалах дана точечной техникой. Композиции состоят из одинаково расставленных рисунков животных, среди которых имеются орнаментальные включения в виде спиральных завитков такого же типа, как на бедрах яка кырчинского жертвенника.

Характерной чертой рисунка является то, что силуэт животного дан несколькими линиями, ограничивающими контуры тела, середина заполняется точечной техникой. Это — так называемый «теневой» рисунок, он представляет собой как бы силуэт животного. Единственным отступлением от манеры

---

[1] См.: Л. Захаров. Материалы по археологии Сибири. Труды ГИМ, т. I, 1926; ср. его статью в AAI, III, 1928 (Катанда). О памятниках Пазырыка и Шибе см. выше указанные работы С. Руденко и М. Грязнова.

[2] См. нашу заметку: Берккаринская пряжка. КСИИМК, XVII.

[3] М. Грязнов. Древние культуры Алтая. Материалы по изучению Сибири, вып. 2, Новосибирск, 1930.

[4] М. Ростовцев. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль, табл. IX, стр. 20, 21.

[5] МИА, № 14, табл. XXXIX, рис. 2.

[1] Манера эта широко была распространена на Востоке, в частности в Китае, на что указывал ряд исследователей. Ср., например: Nils Palmgren. Ein Schatz von drei Bronzen aus der Sammlung Nedžu. OZ, 1936, вып. 3—4.

[2] К сожалению, этот интересный материал по Киргизии еще не собран, и тем более не описан и не систематизирован, что должно составить предмет особых занятий.

[3] Фрагмент такой керамики и два целых сосуда хранятся в музее в г. Фрунзе.

[4] См.: А. Бернштам. Археологический очерк Сев. Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 21.

[5] Осмотрены мною в 1938 г.

теневого рисунка является то, что художник дает прорисовку всех четырех ног животного, вместо двух. Этот теневой рисунок, отличающийся уже преобладанием мертвых, застывших контуров, характерен, видимо, для того периода, когда и происходит переход от реализма сакской поры к схематизму усуньского времени.

Уникальными образцами «предсакского» и сако-усуньского искусства являются наскальные изображения Саймалы-таш на перевале Ферганского хребта. Тысячи изображений Саймалы-таш, подробно изученные нами летом 1950 г., заслуживают отдельной публикации. Достаточно указать, что по количеству изображений и по хронологическому размаху — от эпохи бронзы до средневековья — эта область является едва ли не самым крупным в мире местонахождением подобного типа изображений. Серия изображений Саймалы-таш дает великолепные образцы динамического рисунка отдельных животных и целых композиций.

Вообще вся группа наскальных изображений Саймалы-таш делится на четыре «слоя»:

1) предсакский, II—I тысячелетия до н. э.
2) сакский, VIII—III вв. до н. э.
3) гунно-усуньский, III в. до н. э.—II в. н. э.
4) гунно-тюркский, III—VIII вв. н. э.

Таковы в общих чертах еще некоторые памятники сакского времени в Семиречье, кроме рассматриваемых выше. Как видно из этого краткого обзора, в сакское время в Семиречье были широко представлены объемная скульптура и барельеф, материалом для которых служила прежде всего бронза.

Главенствующим сюжетом изображений являлся животный мир. Наблюдаются два течения в области стиля, видимо хронологически следующие один за другим: во-первых, реалистически выполненные сцены процессий и борьбы животных, во-вторых, фантастические мифические существа. Орнаментальные мотивы редки и рождаются из стилизации реалистических образов.

Наряду со скульптурой, для сакского времени характерны рисунки и резьба по камню, дереву и глине.

Сакское искусство самобытно. Оно родилось в условиях кочевого быта, в тесной связи с такими же кочевыми обществами Южной Сибири. Будучи оригинальным местным проявлением творчества, оно не исключало (правда, в небольших размерах) частичного влияния культуры Китая и земледельческих восточноиранских племен Средней Азии. Сильная самобытная струя в культуре семиреченских саков позволила ей влиять на культуру окружающих племен.[1] Эта роль сакской культуры увеличивает ее познавательную ценность, поскольку изучение сакского искусства Семиречья объясняет ряд явлений, рассматриваемых исследователями на объектах, найденных далеко за его пределами, но явно происходящих из Семиречья.

Сакская культура Семиречья является частным проявлением кочевнической культуры Азиатского материка первого тысячелетия до н. э. В ней заложены основы многих особенностей, отразившихся в более поздних памятниках. Но сама сакская культура являет собой не только расцвет искусства, но и зародыш упадка, обусловленного расслоением кочевой общины, выделением кочевой аристократии, стабилизующейся в эпоху усуней. Монолитная социальная основа «скифского реализма» утрачивается. Социальное расслоение ведет к двойственному характеру изобразительного искусства, в котором, с одной стороны, живут традиции «реализма» саков, хотя в обособленном виде, с другой — проявляется новая струя — беспредметный орнамент.

Связь кочевой аристократии с иноземными правителями, задаривание последними владетелей кочевых племен, борьба за сокровища и богатства, определяющие в эту новую пору знатность и родовитость, ведут к исчезновению индивидуальности в искусстве и к созданию штампа. Вместе с тем снижается ценность произведений искусства, первобытно реалистическая трактовка заслоняется напыщенностью, декоративной мишурой.

И этот регресс особенно заметен с ростом новых социальных сил. В Семиречье эти силы формируются в усуньское время. Усуньская культура хранит воспоминания о наивном реализме саков и рождает новое орнаментальное искусство кочевников, в котором геометрические элементы преобладают над «реалистическим» орнаментом древности. И только в традициях тотемизма и шаманистских культов заметны слабые отзвуки так называемого «скифского реализма» при воспроизведении облика самого тотема.

Эти две характерные черты усуньского изобразительного искусства мы и постараемся показать на известных нам материалах археологических коллекций.

Прежде всего следует указать, что в усуньских могильниках археолог собственно памятников искусства почти не добывает. Как мы указали, усуни главным образом отделывали драгоценный металл, а последний если и зарывали с похороненным, то затем он расхищался при ограблении могил. Дошедшие до нас памятники искусства усуней весьма немногочисленны.

Обращают на себя внимание прежде всего изделия из бронзы, изображающие птиц, и росписи на сосудах. Так, среди усуньских памятников распространены бронзовые шпильки, один конец которых украшен скульптурным изображением птицы, — оно обычно уплощенное, реалистически передана шарообразная головка с коротким и тупым носиком. Фигурка

[1] А. Окладников говорит о влиянии скифо-саков на культуру древней Якутии. См. его: История Якутии, т. I. Якутск, 1950.

птицы обозначена суммарно — общим контуром. На двух известных нам экземплярах (из музея в г. Фрунзе) крылья отделены от хвоста неглубокой врезкой.

Судя даже по этим скупым изображениям, можно полагать, что художник пытался передать в этих скульптурках два вида птиц, в обоих случаях не хищных. В одном изображении мы видим птицу вроде ласточки, в другом — голубя.[1]

Большой интерес представляет один сосуд из усуньских погребений Чуйской долины (около башни «Бурана»), — типичный усуньский круглодонный сосуд, поверхность которого была расписана синей краской. Краской здесь было нанесено изображение стаи птиц, напоминающих лебедей или журавлей (?) в полете [2] с широким размахом крыльев.

Нагромождение этих изображений и сплетение их между собой превращало рисунок в своеобразный орнамент-композицию, создавало замысловатый узор из пересекающихся плавных линий.

В усуньском искусстве широко применялось золото. Из тонкого листового золота и проволоки выделывались украшения — кольца и серьги. Перстни имели большого размера щитки, на которых гравировались изображения. Для изготовления колец применялась и бронза. При гравировке наносились — главным образом техникой теневого рисунка — несколько стилизованные изображения зверей, порой мифических. Так, на одном щитке нам известно изображение мифического животного с круглой мордой, рогами и бородой, тело его по-кошачьи изогнуто, загнутый кверху хвост прижат к спине.[3] На спине этого фантастического животного помещено также поднятое кверху и направленное к голове крыло, — подобно тому как трактованы крылья мифических животных, образующих процессию, изображенную на бордюре алмаатинского жертвенника. На щитке другого перстня имеется изображение лани.[4] Очевидно, для мастера моделью послужила лань в момент стремительного бега, что выразительно передается в рисунке постановкой шеи и головы, характерно выгнутой передней ногой. Однако нижняя половина туловища, задняя нога и круп уже сильно стилизованы и заменены прочерченной волютой с отходящими от нее линиями.

Помимо гравированных, из усуньских погребений происходят и штампованные вещи. Среди них обращают на себя внимание нашивные бляшки с античными изображениями Силена или Сатира и перстень со щитком, на котором изображена Медуза.[1] В обоих случаях эти рисунки возникли из подражания античным сюжетам, широко распространенным в Средней Азии в период Греко-Бактрийского царства. Миниатюрные бляшки, только что нами упомянутые, представляют собой примитивное подражание классическим образцам, в силу чего не могут быть высоко оценены как художественные произведения. Бляшки эти изготовлены на металлическом штампе: на него накладывалась золотая пластинка, которая затем покрывалась какой-нибудь мягкой прокладкой, например тонкой свинцовой; наконец, равномерным постукиванием деревянным молотком выдавливалось соответствующее изображение. Такие массивные бронзовые штампы сако-усуньского времени с изображением животных (олени и косули), помещенных среди мелких бугорков (горы?), высота которых несколько ниже высоты изображения, известны по находкам в Семиречье и хранятся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.[2]

Штампованные бляшки из золота с менее понятным сюжетом также известны в усуньских погребениях. Они либо вытянутой формы, либо в виде кружка, от которого идут вниз две полосы, отогнутые на концах в разные стороны. Внизу, в месте расхождения, изображено сильно стилизованное лицо человека.

В период усуней развиваются в ювелирном производстве чисто орнаментальные мотивы, причем наиболее характерная черта — появление зерни и инкрустации цветными камнями.[3]

Впервые мы встречаем зернь среди находок Беркаринского могильника, на серьге. Серьга состояла как бы из трех частей:[4] спирали вверху, ажурной ромбической средней части и листообразной нижней. На средней части по углам октаэдрической фигуры были напайки из мелкой зерни. Каждая композиция зерни состояла из четырех бугорков — три в основании пирамидки и один наверху. Листовая нижняя часть была с двух сторон украшена полусферическими напайками.

Дополнительными украшениями к платью являлись золотые лепестки — иногда листовидной формы, иногда в виде поставленного

[1] Навершие в виде хищных птиц мы знаем и в западном и восточноскифском искусстве. На Западе укажу аналогии в вещах из Малой Лепетихи, хранящихся в Эрмитаже. Воспроизведения см.: M. Rostowzeff. The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929, табл. XII, рис. 4. На Востоке, в Китае, этот мотив широко распространен в древнекитайском искусстве. См.: Osvald Siren. Histoire des Arts Anciens de la Chine. I. La période préhistorique. l'époque T'cheau, l'époque Tch'ou et Tsin. Paris et Bruxelles, 1929. Близкие аналогии см. среди находок в Восточном Туркестане — в оазисах Дандан-ойлык, Карадонг, Керия: A. Stein. Ancient Khotan. Oxford, 1907, т. II, табл. 11.

[2] ВДИ, 3 (4), 1938; повторено: А. Ромм. История изобразительного искусства Киргизской ССР. М., 1941.

[3] ВДИ, 3 (4), 1938.

[4] Там же.

[1] Там же.

[2] См. ОАК.

[3] Техника, достаточно широко обследованная в археологической литературе. См.: А. Спицын, ИАК, вып. 17, 1905; ЗРАО, т. V.

[4] А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941.

вершиной вниз треугольника, основание которого было вырезано в виде волюты.[1]

Среди памятников Семиречья нами обнаружены и образцы украшения путем инкрустации цветными камнями. Но появление этого нового ювелирного приема связано с проникновением в Семиречье каких-то культурно-исторических влияний, быть может связанных с сарматами.

Среди инвентаря усуньских могильников, как ранних, так и поздних, археологи находят вещи чисто китайского происхождения. Китайские царевны, выходившие замуж за усуньских гуньмо, приезжали с многочисленными подарками, с пышной свитой и слугами; не исключена возможность, что среди них находились и китайские мастера. Да и постоянные торговые связи усуней с Китаем являлись причиной проникновения к усуням вещей китайского происхождения. Вот почему среди могильного инвентаря встречаются обломки китайского лака, которым покрывались изделия из дерева (столики, посуда), обрывки китайского шелка. Однако эти предметы, сделанные в Китае, не могут быть рассматриваемы как искусство усуней. Это чисто механически перенесенные явления другой культуры. Все же их следует учитывать постольку, поскольку они влияли на эстетические воззрения, способствовали возникновению новых форм и подражаний. Существеннее было то, что квалифицированные китайские мастера начинали изготовлять вещи, удовлетворяющие культовым (шаманистским) и эстетическим потребностям кочевой знати, придавая, по мере возможности, вновь создаваемым предметам, наряду с местными особенностями, черты китайского искусства. Этот процесс обогащения форм и стилей усилился в результате завоевания Тянь-шаня гуннами, которые принесли сюда различные культурные ценности, полученные ими в Центральной Азии и Восточном Туркестане.

В этих условиях мы и отмечаем появление в Средней Азии инкрустации цветными камнями, вставленными в драгоценный металл и окруженными бордюром зерни.

Во время наших раскопок катакомб Кенкольского могильника[2] в Арпе и раскопок Гейкеля[3] на левом берегу Таласа удалось обнаружить инкрустацию типа медальона на золотых и серебряных пластинках. Техника изготовления обычная. На гладкую пластинку напаивалась ячейка — гнездо из ленточки металла. В гнездо вставлялся камень (карнеоль), обычно овальной формы, верхний край ленточки прижимался к камню, чтобы он не выпадал из гнезда. У основания бортика гнезда проходил бордюр из зерни. Эта форма, где камень занимает центральное положение, не образуя сложных композиций, принадлежит к наиболее ранним образцам инкрустации. Такого типа инкрустация представлена Ноинулинскими находками, которые мы относим к самому началу I в. н. э.[1]

Впоследствии этот прием обработки драгоценного металла получает свое развитие, и пышный расцвет его падает на время движения гуннов на Запад. Однако это не значит, что гунны изобрели этот ювелирный прием. Скорей всего, он принесен в Среднюю Азию с Запада. Именно с этим движением сарматских племен мы связываем появление вещей, сделанных в такой технике, и их обнаружение в погребениях Караагач[2] Акмолинской области, исключительно богатые находки в районе Боровое,[3] находки в Поволжье[4] и, наконец, в Причерноморье.[5] Характерно, что широко распространенный и единственный мотив живого существа в этих изображениях — птица — на Западе превращается в птице-рыбу (находка из Концешт).[6] Мы не можем не связать этого с распространением у усуней культа птицы, о чем мы выше писали. Инкрустации цветными камнями, а быть может эмаль, видимо, рождены и в среде кочевников Азии, ими же доставлены в Европу и от них, как признаются сами китайцы, цветная эмаль перенесена и в императорские залы китайских владык.[7] Параллельно с этим появилось изготовление стеклянных и пастовых бус. Пастовые бусы характерны тем, что они украшены цветными «глазками», как бы имитирующими инкрустацию по металлу.

Блестящую иллюстрацию этого сложного развития изобразительного искусства во время усуней представляет набор золотых украшений, найденный в 1939 г. в ущелье Каргалы Узунагачского района Казахской ССР (рис. 65).[8] Здесь было обнаружено захоронение женщины-шаманки, богато убранной много-

---

[1] ВДИ, 3 (4), 1938.

[2] А. Бернштам. *Кенкольский могильник*. Л., 1940.

[3] H. Heikel. Alterthümer aus dem Tale Talas in Turkistan. Travaux Ethnographiques, т. VII, Helsinki, 1918. Катакомбы, открытые Гейкелем, некоторые археологи датируют I в. н. э. См.: T. M. Minajeva. Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Sipovo, IV. 1929, стр. 208 и сл.

[1] А. Бернштам. Гуннский могильник Ноинула и его историко-археологическое значение. Известия ОИН АН СССР, № 4, 1938.

[2] ИАК, вып. 16.

[3] Сборник Музея антропологии и этнографии, XIII, М.—Л., 1951. Коллекции хранятся в Этнографическом музее в Ленинграде.

[4] И. Синицын, Изв. Нижневолжск. научно-исслед. инст. краевед., 1937.

[5] А. Спицын. Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб. ИАК, 17, 1905. См.: И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 3. СПб., 1890.

[6] См.: И. Толстой и Н. Кондаков, вып. 3. Ср.: Л. Мапулевич. Погребение варварского князя. Л., 1932.

[7] Вэйшу, гл. 102, л. 11; И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., 1851, ч. III, стр. 165.

[8] А. Бернштам. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. КСИИМК, V, 1940.

численными золотыми украшениями. Как показало дополнительное обследование 1940 г. и окончательный учет всех находок (свыше 400), вещи принадлежали туалету одного человека. По своим художественным достоинствам они относятся к выдающимся образцам мировой культуры. Подробный анализ основных находок, опубликованный нами в специальной статье, освобождает нас от необходимости здесь повторяться.[1]

Как мы показали в указанной статье, каргалинские находки являются результатом местного творчества и относятся к I в. до н.э.—II в. н. э., но созданы, однако, под сильным влиянием китайского мастерства. В отдельных случаях мы наблюдаем и стилистические приемы восточноиранского мастерства. Весь комплекс находок укладывается в цикл шаманских представлений, и почти каждое изображение, наблюденное в находках, связано с символикой шаманистского культа. В каргалинских находках, особенно в диадеме, нашло свое блестящее выражение, если можно так

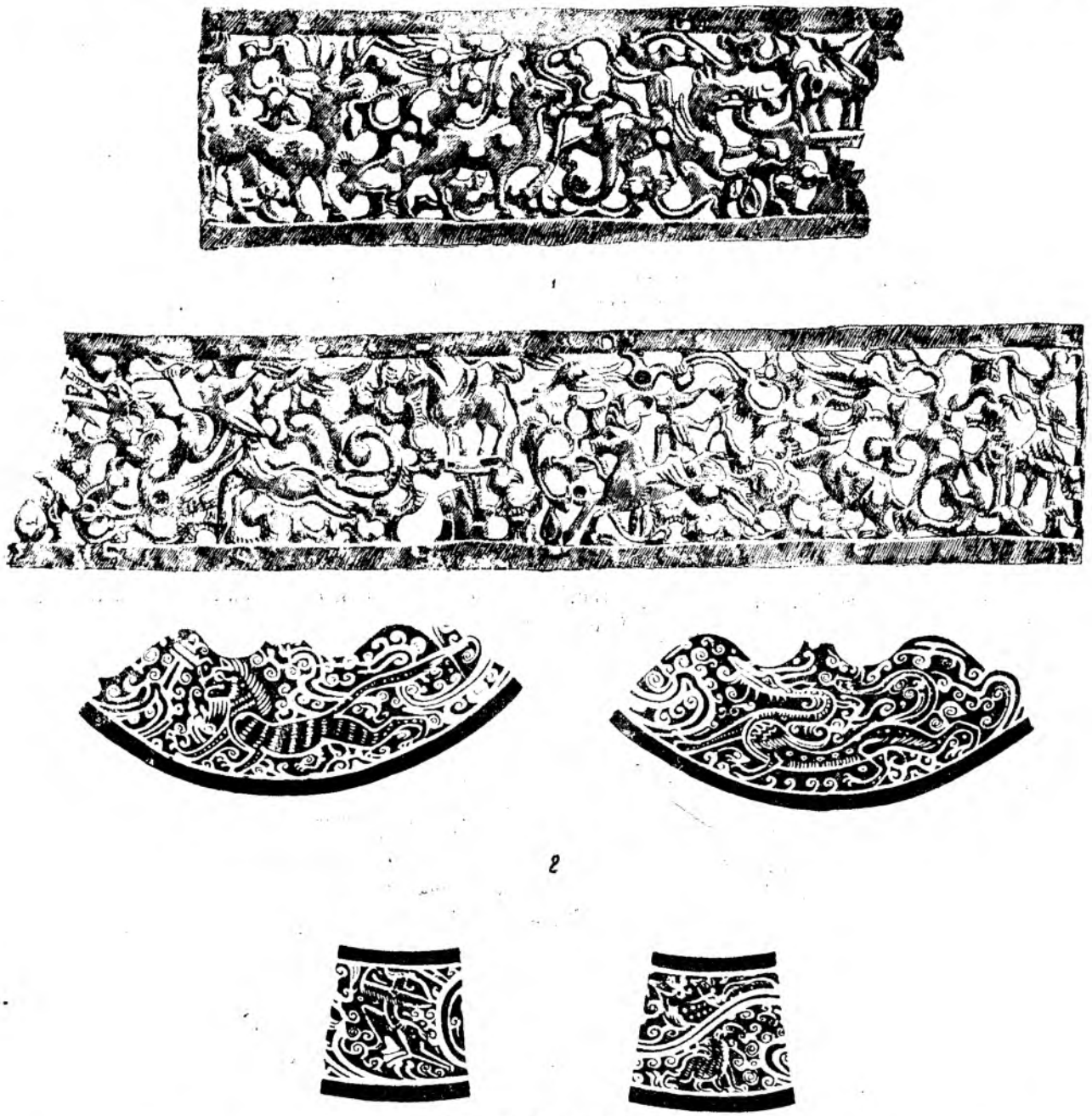


Рис. 65. Тянь-шань.

1 — каргалинская диадема; *2* — инкрустированное бронзовое блюдо эпохи Старших Хань из коллекции Лоо.]

[1] А. Бернштам. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. КСИИМК, V, 1940.

выразиться, воскрешение скифского искусства. Законен вопрос: почему в диадеме из Каргалинского ущелья воскресла тематика саков, когда уже в усуньских комплексах исчезает тератологическая композиция и сюжет? Очевидно, что идейной основой этого воскрешения была консервативность шаманских культов, сохраняющих в своем «пантеоне» целый ряд духов и тотемов, что и нашло свое выражение в богатом, разнообразном сюжете диадемы.

Богатство украшений шамана и архаичность изображений на них засвидетельствованы захоронениями шаманов, открытыми в Корее японскими археологами.[1] Обнаруженные там короны шаманов и диадемы Хентце [2] удачно сопоставил с оленьими масками на лошадях, найденными в знаменитом кургане Пазырык.[3] В Пазырыке украшение лошадей масками, имитирующими голову оленя, было быть может подсказано представлениями об олене как о тотеме. Здесь тотемная терратология подсказана той же консервативностью мышления.

Каргалинские находки представляют собой наивысший для времени усуней расцвет изобразительного искусства. Эти вещи уникальны и для того времени, ибо тогда уже развивался и побеждал новый тип изобразительных сюжетов и композиций. Геометрические линии монотонных оформлений драгоценного металла вытесняли реалистические сюжеты саков. Возникло так называемое варварское искусство, материалом для которого был, главным образом, драгоценный металл с редкими камнями. Искусство этой поры представляет собой две струи: старую, связанную с тотемистическими представлениями, и новую, связанную с началом чисто эстетическим, возникшую благодаря награбленным сокровищам и ценностям. Любование рисунком тогда неразрывно было связано с богатой фактурой, и это надолго определило, во всяком случае у кочевников, то положение, что часто бытовой инвентарь, прежде всего керамика, делался без украшений, без орнаментальных заполнений.

Украшения остались в вещах личного пользования, в одежде всадника, в сбруе лошади. Орнамент здесь расчленял массу металла. Орнамент был средством для придания ценностям хоть минимального разнообразия для усиления производимого ими впечатления.

Цветной камень или эмаль, зернь и выпуклости создавали игру красок, света; занятые ими маленькие пространства, казалось, увеличивали объемность, создавали характер пышности и богатства. Для этого надо было лишь увеличить количество граней, что лучше всего достигалось использованием различных геометрических фигур. Это породило отвлеченный, несюжетный орнамент. Именно в это время появилась геометрическая, орнаментальная линия в искусстве, зачастую лишенная содержания. Техника обработки драгоценного металла, сосредоточенного в руках кочевой аристократии, породила отвлеченный орнаментализм. Древние тотемистические традиции, распространенные среди рядовых кочевников, содействовали сохранению смыслового орнамента. И когда впоследствии орнаментальные формы, созданные кочевой аристократией, начали вытеснять традиции реалистических композиций, то и тогда кочевники, приняв орнаментальную форму, — сохранили в ней переживания реалистического рисунка.

В этих условиях создавались, видимо, зародыши тех сюжетов, которые нашли свое частное выражение в киргизском орнаменте.

Мы назвали настоящий параграф «Расцвет и упадок исскуства кочевников VII в. до н. э.— I в. н. э.». Изобразительное искусство усуней мы рассматриваем как упадок, предшествующее сакское — как расцвет. В самом деле, за исключением каргалинских находок, изобразительное искусство времени усуней в значительной степени питалось за счет механических заимствований (Греко-Бактрия, Китай эпохи Хань). Эти заимствования ускоряли распад самобытного сакского искусства, особенно малой скульптуры. Но самым сильным ударом было появление отвлеченного орнаментального искусства, созданного новыми явлениями общественного развития — формированием классов. Истинным и единственным хранителем подлинного, реалистического в своей основе искусства оставался народ.

Появление отвлеченных форм изобразительного искусства, созданного паразитирующими слоями кочевой аристократии, несомненно являет собой упадок по сравнению с тем многогранным и живым искусством, которое именуется сакским.

2. СИНКРЕТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ТЮРКСКОГО КАГАНАТА В VI—VIII вв. н. э.

В искусстве тюркского каганата отразился бурный поток новых явлений, порожденных прежде всего сложностью культурного окружения Семиречья и Тянь-шаня — причудливым сплетением культур, нашедших себе место непосредственно на их территории. Эпоха была знаменательна тем, что она явилась ступенью к совершенно новому этапу развития культуры и искусства; огромное значение при этом имели новые творческие силы, которые принесли свои традиции для строительства новой, своеобразной культуры и искусства. Что это за силы?

---

[1] Kosaku Hamada u Sujeje Umehara. A royal tomb «Kinkan Tsuka» or the Gold Crown tomb of Keishu and its Treasures. Chosen, 1924—1927. Ср.: Ogawa Keikichi. Das Grab eines Mannes und seiner Frau Royōsan und die darin enthaltenden Gegenstände. Special report of the Service of Antiquities. Chosen, 1927—1928.

[2] C. Hentze. Schamanenkronen zur Hanzeit In Korea. OZ, 1935, 5.

[3] М. Грязнов. Пазырыкский курган. Л., 1937. Ср.: Сообщ. ГАИМК, 1930, № 2.

Из чего рождалось синкретическое искусство тюркского каганата? Каковы были плоды синкретизма?

Сложность политической истории тюркского каганата, его связи с Востоком и Западом, проникновение в среду кочевников Семиречья разных ремесленников и торговцев со своими вкусами и навыками определили богатство и разнообразие сюжетов, форм и техники. И прежде всего среди носителей новых элементов искусства должны быть названы согдийские мастера.[1]

Сами согдийцы, появившиеся здесь, прежде всего изобразили себя в терракотовых статуэтках, сделанных весьма просто, но достаточно выразительно. В этом отношении особенно интересны находки на городище, расположенном на левом берегу р. Сукулук (Чуйская долина).

Наиболее реалистично изображение старца на сосуде так называемого лицевого типа.[2] На сосуде помещено изображение человека: на горловине — налепное изображение человеческого лица, тулово сосуда имитирует форму тела, что подтверждается налепным изображением рук, сложенных на поясе и держащих сосуд.[3] Предельно скупо трактовано лицо. Выступающий нос дан в «греческой» манере, т. е. линия носа и лба едина. Глаза и рот изображены накладными полосками. Миндалевидный разрез глаз подчеркивает их величину, и рядом с резко выступающим носом они производят впечатление впалых, рот полуоткрыт; непосредственно под нижней губой начинается длинная клиновидная борода, поверхность которой исчерчена волнистыми линиями, как бы стремящимися передать курчавость.

Лоб старца украшен диадемой, орнаментированной зигзагообразной линией с точками внутри каждого угла.[1] От диадемы спускаются подвески, слегка прикрывающие уши.

Портрет весьма выразителен. Уместно сопоставить это изображение с описанием населения Средней Азии, которое мы находим у древнего китайского путешественника Чжан Цяня. Чжан Цянь писал: «От Давани [Фергана] до Аньси [Парфия] хотя говорят на различных языках, но обычаи одинаковы и понимают друг друга. Все жители имеют впалые глаза и густые бороды. . .».[2]

Из этого описания видно, что основные внешние черты восточноиранского населения Средней Азии нашли свое изображение в вышеразобранном портрете. И это положение как бы подтверждают аналогичные находки, несколько более грубо и схематично выполненные.[3] Так, в том же Сукулукском городище была найдена статуэтка (высота 18 см) с изображением такого же расового типа. Особенно тщательно изображена голова, более схематично туловище со сложенными на животе руками, держащими, видимо, чашу. Совсем условно переданы непропорционально короткие и массивные ноги. Брови сильно изогнуты дугой. Щеки и глаза несколько вдавлены, благодаря чему нос, и без того сильно опускающийся, кажется еще больше. Края щек покрыты косыми насечками, имитирующими баки, переходящие в усы и клиновидную бороду. Трактовка миндалевидных глаз такая же, как и на первом экземпляре. Крылья носа орнаментированы точками. Сделанный налепом рот наложен на пластинку, изображающую бороду.[4] Отличает эту ста-

[1] А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, VI, Л., 1940.

[2] А. Н. Бернштам. Изображение согдийца в коропластике Чуйской долины. КСИИМК, XIX. Ср. бронзовый кувшин парфянского (или раннесасанидского) времени в книге: F. Sarre. Die Kunst des Alten Persien. Berlin, 1925, табл. 125—127.

[3] В одной статуэтке человек, видимо, поддерживает фаллос. Особенно ярко это в изображении из металла (бронза, размер до 4 см), найденном в Сукулуке и являющемся подвеской, возможно амулетом. Аналогии таким статуэткам с изображением человека, держащего фаллос, см.: Gero v. Merhart. Bronzezeit am Yenissei. Wien, 1920, табл. IX; но больше всего аналогий мы можем указать в приуральском материале (см.: A. M. Tallgren. Permian Studies. ESA, т. III, 1923, стр. 65). Кстати скажу, что этим областям не чужды и трехрогие короны. Подвесные фигурки людей в виде амулетов известны в кавказском материале [см.: A. M. Talgren. Caucasian Monuments (The Kazbek Treasure). ESA, V, Helsinki, 1930, стр. 129—130]. Амулет в виде руки человека, найденный нами в Сукулуке, имеет также аналогии на Северном Кавказе (см.: T. Hančar. Kaukasus, Luristan. ESA, IX, Helsinki, 1934, стр. 93, рис. 34). На одном олене из раскопок В. Радлова в Берельской степи мы знаем также тип таких корон. Быть может, они имитируют рога (?) (см.: A. Zakharov. Materials on the Archeology of Siberia. ESA, III, 1928, стр. 132 и сл.).

[1] В том же Амударьинском кладе этот орнамент широко распространен в украшении колесницы (O. M. Dalton, ук. соч., стр. 3).

[2] Шицзы, гл. 123, л. 14б. Ср.: И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., 1851, ч. III, стр. 21. Такого типа лицо имеет голова, сделанная из золота в Амударьинском кладе. Рисунок бровей переходит в очертания носа; большие глаза, маленький рот, но лицо без бороды. Издатель этой вещи О. М. Дальтон считает, что она сделана в Персии, но воспроизводит какой-нибудь этнический тип с Памира, и датирует ее IV в. до н. э. (см.: O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work. London, 1926, II изд., стр. 3, табл. III, рис. 5). Ср. также этнический тип людей, стоящих в колеснице (табл. IV, рис. 7), — ср. табл. II, рис. 1. К. Иностранцев указывал, что у зороастрийцев человек с голубыми глазами и редкой бородкой, угреватый и с родимыми пятнами считался плохим предзнаменованием; статуэтки, очевидно, представляют другой, положительный, тип (см. его статью: Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии. Приметы и поверья. ЗВО, т. XVIII).

[3] Впервые изданы нами в книге: Историко-культурное прошлое Северной Киргизии (см. табл. V; ср.: КСИИМК, XIX).

[4] Несомненно, что эти статуэтки связаны с зороастрийским пантеоном, быть может, они представляют собой «ангелов» — Амеша Спент. Блестящий разбор части иконографических образов в среднеазиатской коропластике см.: А. Борисов. К истолкованию изображений на Биянайманских оссуариях. ТОВЭ, II, стр. 25 и сл.

туэтку от рассмотренных выше украшение головы в виде трехрогой короны. Объяснение короны с зубцами, видимо, надо искать не в аналогиях, ибо аналогии им мы найдем буквально на всем Востоке и прежде всего иранском.[1] Характерно, что на сасанидском блюде, хранящемся в Парижской национальной библиотеке, процарапаны изображения воинов также в трехрогих коронах.[2] На поздних сасанидских блюдах изображены (в основном рисунке блюда) сражающиеся воины в таких же коронах. Функция рогов на головных уборах, разобранная К. Иностранцевым, восходит, видимо, к родовым обычаям среднеазиатских кочевников, например эфталитов.[3] В трехрогой короне изображен уйгурский князь на фресках Хочжо, в Восточном Туркестане;[4] наряду с этим трехрогие короны нам известны у Шапура II, отчасти у Хосрова II.[5] По мнению Д. Шинора, в таком же одеянии и в трехрогих коронах ходили и монголы. На фресках Безеклика и Турфана в трехрогих головных уборах надо видеть не корону, а войлочную шляпу кочевников.[6]

К этим статуэткам примыкает и серия стилизаций в виде массивных статуэток, где путем простой лепки мастер пытался передать те же типические черты. В отдельных случаях они выполнены исключительно примитивно. Часть глиняной болванки, которую отделывали под голову, зажималась пальцами, благодаря чему получался выступающий нос и вдавленные щеки, которые сразу создавали впечатление впалых глаз. Выступающая часть перечеркивалась двумя горизонтальными черточками снизу и сверху, — отделяющими нос от лба и рта. Этим и ограничивался мастер, предельно схематично изображая человека, но сохраняя в нем характерные черты восточноиранского типа. Группа примитивных изображений, как правило, не имеет украшений на голове.

Описанная группа малой скульптуры несомненно имеет культовое значение. Статуэтки должны были нести функции погребального апотропея,[1] а может быть являлись изображением слуги, шедшего в потусторонний мир с хозяином. Характерно, что те же функции, несли и каменные бабы — изваяния на могилах древних тюрок, о которых мы будем говорить дальше.[2]

Вторую группу малой скульптуры составляют изображения, тематика которых также почерпнута из иранской мифологии. Так, отметим грубо вылепленные массивные изображения существ, где тело животного увенчивается человеческим лицом, повернутым вбок. Лицо дано скупой резьбой основных элементов (брови, глаза, рот) по плоскости, и только один нос сделан рельефно. Чувствуется желание мастера дать бороду, как на вышеописанных статуэтках. Такие статуэтки без труда могут быть сопоставлены с авестийским Гопатшахом, хранителем земных благ, главным образом — скота, получившим подробное описание в работе К. В. Тревер.[3] К этой же группе относится обломок глиняного предмета в виде ритона, изображающего какое-то рогатое животное с тупой мордой, на которой сделаны отверстия для слива. Глаза обозначены накладными кружками, покрытыми темнозеленой глазурью. Вещь уникальная. Близкие к ней аналогии имеются в Критском материале,[4] возможная аналогия (по времени более близкая) — из Самарры.[5] Иранская мифология нашла свое отражение и в изображении Захака, — представленном в находках терракот того же Сукулукского городища.[6] Загадочное трехногое существо, найденное в Сукулуке, мы отождествляем с символом смерча, тучи и бурь — «химар»;[7] сосуд в виде ритона (из глины), изображающий животное с тупой мордой и одним рогом на лбу, — с мифическим

[1] Ср. короны с рогами в барельефах около Персеполя Курангсун (открыты в 1924 г.), где был обнаружен шуммерский рисунок акадского периода (E. Herzfeld. Archaeological History of Iran, см. табл. II—III). См.: Хоу Ханьшу, гл. 119, л. 6а.

[2] Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. XVII, ср. табл. XXIII.

[3] К. А. Иностранцев. Венец индоскифского царя, тюрбан индийцев в античном искусстве и женский головной убор Кафирнистана. ИАН, 1909, стр. 135—138. Головные уборы с рогами носили гунны. Ср.: Хоу Ханьшу, гл. 119, л. 6а.

[4] A. Le Coq. Chotscho. См.: E. Waldschmitt. Gandhara, Kutscha, Turfan (Eine Einführung in die frühmittelalterliche Kunst Zentralasiens). Leipzig, 1925. Фреска хранится в Берлинском музее народного искусства. Ср. табл. 19а; A. Grünwedel. Bericht über archäologische Arbeiten in Indiqutschari. München, 1905, табл. XIV.

[5] Furdoonjie D. J. Paruck. Sasanian Coins. Bombay, 1924, ср. табл. XI, XXI.

[6] Dénes Sinor. Zur Datierung einiger Bildwerke aus Ostturkestan. OZ, 1938, вып. 2—3.

[1] Такую же функцию несут многочисленные эмблемы в китайском искусстве, являющиеся предметом исследования ряда авторов. См., например: A. Salmony. Le mascaron et l'anneau dans l'art chinois sur les pendentifs et les appliques. Revue des Arts Asiatiques, т. VIII, № 3. Ср. попытку разобрать семантику китайских драконов в статье: S. Elisséef. Quelques oeuvres à l'exposition des Bronzes Chinoises. Там же, т. VIII, № 4. Укажем, что изображения головы в иранских представлениях символизуют добро («вагдана»), т. е. идущее от Ормузда, в отличие от черепа, символа зла («камереда»), восходящего к Ариману. См. по этому поводу: К. Иностранцев. К истории домусульманской культуры Средней Азии. ЗВО, т. XXIV, 1916, стр. 138 и сл.

[2] К. Иностранцев сопоставляет фигурки погребального ритуала в Кафирнистане с каменными бабами. См. его статью: К истории домусульманской культуры в Средней Азии. ЗВО, т. XXIV, 1916, стр. 134 и сл.

[3] К. В. Тревер. Гопатшах — пастух-царь. ТОВЭ, II.

[4] Syria, 1936, т. XVIII, рис. 1.

[5] F. Sarre. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925, ср. рис. 61.

[6] Ср.: Н. В. Дьяконова. Терракотовая фигурка Захака. ТОВЭ, II.

[7] Аналогичная статуэтка найдена в Беграме Акэном.

животным «хербуз». И «химар» и «хербуз», описанные в Бундахишне, были рассмотрены К. Иностранцевым.[1]

В связи с эмиграцией из Согда согдийцев-зороастрийцев явления, характерные для иранцев и запечатленные в Авесте, Бундахишне и других книгах зороастрийцев, могут быть (и должны быть) распространены и на Семиречье, и их нужно учитывать при анализе памятников, относящихся к населению согдийского происхождения, роль которого не принималась обычно во внимание, но среди которого было не меньше сторонников ортодоксального зороастризма, чем у гебров в Иране и парсов в Индии. Не случайно и здесь возникает дидактическая литература, истоки которой ведут к литературе парсов типа Дадистан-и-Диник.[2]

Отмеченные памятники имеют общие характерные черты изготовления. В их основе лежит лепка с частым употреблением, во-первых, штампа, во-вторых, резьбы, нанесенной острым стэком. При этом наблюдается ярко выраженная тенденция к упрощению лепки и увеличению резьбы. Эту тенденцию, прослеженную на только что описанной группе вещей, можно показать и на других объектах, а забегая несколько вперед — укажем, что в последующий период упрощение лепки и преобладание приемов резьбы в орнаменте вообще будут играть доминирующую роль. Особенно ярко этот процесс прослеживается на предметах, связанных с зороастрийским культом.

Как известно, в зороастрийском культе огромное значение имеет поддержание неугасимого огня. Для этого служили специальные жертвенники-светильники — аташданы, изображения которых хорошо знакомы по сасанидским монетам.[3]

Несколько своеобразно выглядели аташданы в Семиречье. Аташданы представляли собой светильники в виде чаши на подставке. Светильник перекрывался сверху крышкой, которую снизу лизало пламя, горевшее в чаше. Крышки поддерживались специальными подставками. Если в Сасанидском Иране аташданам сопутствовали деревья и растения как символы жизни (древо жизни),[1] то в Семиречье на изготовлении этих предметов сказалось сильное влияние тотемических (и шаманистских) культов кочевников.[2] В результате — эта серия предметов получает прежде всего изображение зверей в более или менее стилизованной трактовке, сочетающихся с изображениями растений в виде орнаментальных рисунков.

Светильники весьма разнообразны по форме, но очень бедно украшены, и только на отдельных вещах орнамент заслуживает внимания. Отметим прежде всего изощренность и разнообразие форм самих светильников, как правило — вытянутых, с расширяющимся основанием, иногда с тремя отдельными ножками. Среди последних заслуживают внимания светильники с площадкой в виде котелка; выгнутые наружу ножки имеют на сгибах изображения голов собакоподобных существ. Головы собак сделаны лепкой, в одном случае лепка дополнена глубокой резьбой. Сами ножки светильника оканчиваются лапами хищника.[3] Эти светильники и указанные элементы украшения находят себе полные аналогии в сакских котлах, где, как мы указывали выше, на одном из котлов даны погрудные изображения архаров, а концы ножек котла также трактованы как лапы хищников.

Аналогичная трактовка прослежена и на ножках иссыккульских жертвенников. Совершенно очевидно, что стилистически зороастрийский жертвенник подвергся обработке в среде кочевников, определивших его форму и украшения исходя из древнекочевого сакского искусства.

Наряду с этим типом должны быть отмечены светильники в виде массивной усеченной четырехгранной пирамиды, грани которой украшены, во-первых, глубокой резьбой, как мы называем, «изразцовым» орнаментом в виде меандра и резными изображениями двух фазанов, стоящих в геральдической позе у свя-

---

[1] К. А. Иностранцев. Переселение парсов в Индию и мусульманский мир в половине VIII в. ЗВО, т. XXIII, стр. 147, 152. См. точную копию семиреченского хербуза в статье: Claude F. A. Schaefer. Les fouilles de Ras-Shamra-Ugarit, Septième campagne. Syria, 1936, т. XVII, рис. II. Совершенно аналогичная нашей статуэтка была найдена в синхронных слоях Беграма Акэном и названа им дельфином.

[2] E. W. West. Pahlavi Text, II, The Dadistan-i-Dinik and the Epistles of Manuskichar. The Sacred Books of the East, т. XVIII, Oxford, 1882.

[3] К. Тревер. Художественное значение сасанидских монет. ТОВЭ, I. Большое количество воспроизведений см.: Furdoonjce D. J. Paruck. Sasanian Coins. Bombay, 1924. Видимо, под влиянием Ирана изображения этих светильников встречаются и в индийском искусстве: A. Foucher. The Beginnings of Buddhist Art. London, 1917, табл. II, см. панель из Амара вати. Любопытно, что аналогии мы знаем и в китайском материале. См. статью: Chou Chao Hsiang Pottery of the Chou Dynasty. MEA, I, 1929, табл. XVII, рис. 22.

[1] Clement Huart. La Perse Antique et la Civilisation Iranienne. Bibliothèque de synthèse historique, Paris, 1925, стр. 238 и сл.

[2] Еще Гейгер отмечал, что «Авеста была составлена главным образом для оседлого населения, в жизни которого крупный скот был важнее, чем более близкие кочевому быту овцы и козы» (W. Geiger. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882). Естественно полагать, что в среде кочевников зороастризм, являющийся по существу синкретичным с шаманизмом, имел измененные атрибуты культа.

[3] Очень интересный, близкий к описанному, светильник издан: Phylis Ackermann. Guide of the Exibition of Persian Art. New York, 1940. Издатель называет предмет алтарем, происходящим из Азербайджана, и датирует 1000 лет до н. э. со знаком вопроса.

щенного растения гаомы.[1] Этот геральдический мотив широко известен в сасанидском искусстве, прежде всего — на шелковых тканях.[2]

Отметим также особый вид светильников в виде ладьи, полузакрытого типа, напоминающих собой переносный пирей, так называемый «атешгах», широко распространенный у парсов, и простые светильники в виде чаш на коническом основании. Светильники последнего типа были обнаружены в большом количестве в Южной Манчжурии в урочище Муянчен археологами Иошито Харада и Казуишка Комай.[3]

Не менее любопытны и подставки под крышки. Они были довольно массивными и оформлялись чаще всего в виде фантастического животного.[4] В наиболее реалистически трактованных образцах нетрудно видеть копию известных нам животных, образующих процессию на большом алмаатинском алтаре (рис. 66).

Мы здесь наблюдаем те же подкубические формы тела и головы, выступающие выпуклые глаза, большой зев и крыло на спине. Здесь в глине мы видим то, что в сакском жертвеннике мы наблюдали в бронзе.[5] Вся остальная коллекция подставок представляет собой последовательную линию схематизации этого образа. Задние и передние ноги сливаются и образуют массивный постамент. Передняя часть животного, с выступающей головой, образует фасадную, высокую часть подставки. В некоторых объектах сохраняется сравнительно реалистично выполненное тулово животного.[6] Вскоре исчезает и это. Некоторые подставки, индивидуальные по своему исполнению, явно имитируют фигуры животных. Так, одна из загадочных фигурок, найденных на Сукулукском городище, имеет аналогии в китайском искусстве, и издатель считает ее изображением свиньи.[1] Характерно, что в большинстве случаев орнаментальные украшения также идентичны орнаментам на древнекитайской бронзе, если они имитируют изображения животных.[2]

Некоторые аналогии мы знаем и в Восточном Туркестане.[3] Туловище и площадки подставки украшаются резным орнаментом двух типов — изразцовым и тонким прочерченным. В одном случае это лишь орнаментальное заполнение, не связанное с первоначальным образом, в другом — это штрихи, воспроизводящие первоначальное членение скульптуры.

Наконец, третьей группой атрибутов зороастрийского культа в Семиречье являются крышки на светильники. Они представляют собой уплощенную полусферу, в центре которой находится ручка, вписанная в окружность, а от нее иногда радиально расходятся орнаментальные композиции.

В центре крышки — ручка, представляющая собой скульптурное изображение птицы, волка или барана. Следует попутно указать, что птицы как навершие, в частности на крышках сосудов, встречаются в сасанидском искусстве и позже. Мотив этот берет начало, видимо, от кочевников со времени усуней. В каждом из этих трех изображений мы видим тотемы отдельных тюркских племен.[4] В них, так же как и в предшествующих объектах, мы наблюдаем переход от реальных образов к крайней схематизации. Следует подчеркнуть, что и в реалистических образах нет тонкой моделировки, фигуры даны исключительно просто, обобщенно, но выразительно. Конечная схематизация птички приводит к простой развилке. Высокие шишечки на крышках восходят к высоко поднятой голове волка, плоские нашлепки представляют собой крайнюю стилизацию лежачего барана. Тотем, сидящий в центре, был исходным пунктом для кругового орнамента, сделанного зачастую пальцем, массивным накладным жгутом и глубокой резьбой стэком. Превалирует зигзагообразная линия, воспроизводящая, вероятно,

---

[1] Фазаны и петух — эмблема огня, т. е. доброго начала, у зороастрийцев. См.: К. Иностранцев, ЗВО, т. XVIII, стр. 146, 203. Ср.: E. Blochet. Etudes sur l'histoire religieuse de l'Iran. Revue de l'histoire des religions, XXXVIII.

[2] См., например, ткани из Астаны, найденные и изданные в «Innermost Asia» Стайном.

[3] Archeologia Orientals, т. II. Tokyo, 1931.

[4] Эти скульптуры весьма близки к древнекитайским химерам, изображенным на могиле Сун-Вэньди возле Нанкина (453 г.); ср. также китайскую скульптуру Ханьского времени фантастических животных, названных Р. Л. Гобсоном «Water dog» (R. L. Hobson. The Georg Eumorfopolus Collection, т. I, табл. IX, рис. 65).

[5] См.: O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus, табл. XXV, p. 194. Там воспроизведен лев-грифон, найденный вблизи р. Гельменд, — бактрийская вещь, датируемая IV в. до н. э. Хранится в коллекционных фондах Музея национального искусства (Лондон). Однако более близки аналогии в китайском искусстве эпохи Хань. Ср., например, статуэтку из Сычуани (Leich Aschton, An Introduction to the Study of Chinese Sculpture. London, 1929, табл. XI). Наиболее близкая аналогия находится в коллекции Освальда Сирена (Osvald Sirén. Histoire des Arts Anciens de la Chine, t. III. Les Sculptures de l'époque Han à l'epoque Ming. Paris et Bruxelles, 1930, табл. XXV, рис. A).

[6] См. прекрасную аналогию этим вещам, особенно подставкам, в находках из Ташкентского оазиса, раскопанного Г. Григорьевым (Каунчи-тепа. Ташкент, 1935); подобные вещи известны нам и по случайным находкам в Казахстане (по фотографиям, любезно присланным В. Шахматовым); в китайской пластике — из коллекции Эвморфопулуса, изданные: Osvald Sirén. Histoire des Arts Anciens de la Chine, т. I, табл. 46 (О. Сирен называет объект «Vase rituel figurant deux béliers»); Otto Burchardt. Chinesische Kleinplastik. Orbis Pictus (Weltkunst-Bücherei), Bd. 12. Berlin, табл. 17.

[1] Otto Burchardt, ук. соч., табл. 31.

[2] P. Pelliot. Bronzes Antiques de la Chine. Paris, 1924.

[3] См. описание коллекций Петровского С. Ф. Ольденбургом: ЗВО, т. XIX, стр. XXVI.

[4] Изображение птицы широко распространено на крышках сосудов, связанных с восточноиранским культурным кругом. Ср. изображения птичек на сосудах из Ракки XIII в. (R. L. Hobson. The George Eumorphopoulus Collection, табл. 4, XXIII, рис. 424).

землю и молнию. Обилие кружков, сделанных налепом или пунсоном, воспроизводит культ солнца. В семиреченских культовых атрибутах зороастризма и в оссуариях нет изображений человеческих голов, известных в Ташкентском оазисе (так называемые «фраваши» — души умерших, ангелы-хранители),[1] но зато, как мы

Особый интерес представляет одна крышка. Она разделена на четыре арочных сектора, внутри которых изображены повторяющиеся сцены борьбы фазана с горным козлом — теке. Известно, что павлин—фазан— петух являются священными птицами зороастрийцев, символизирующими огонь.[1] Здесь фазан вступает

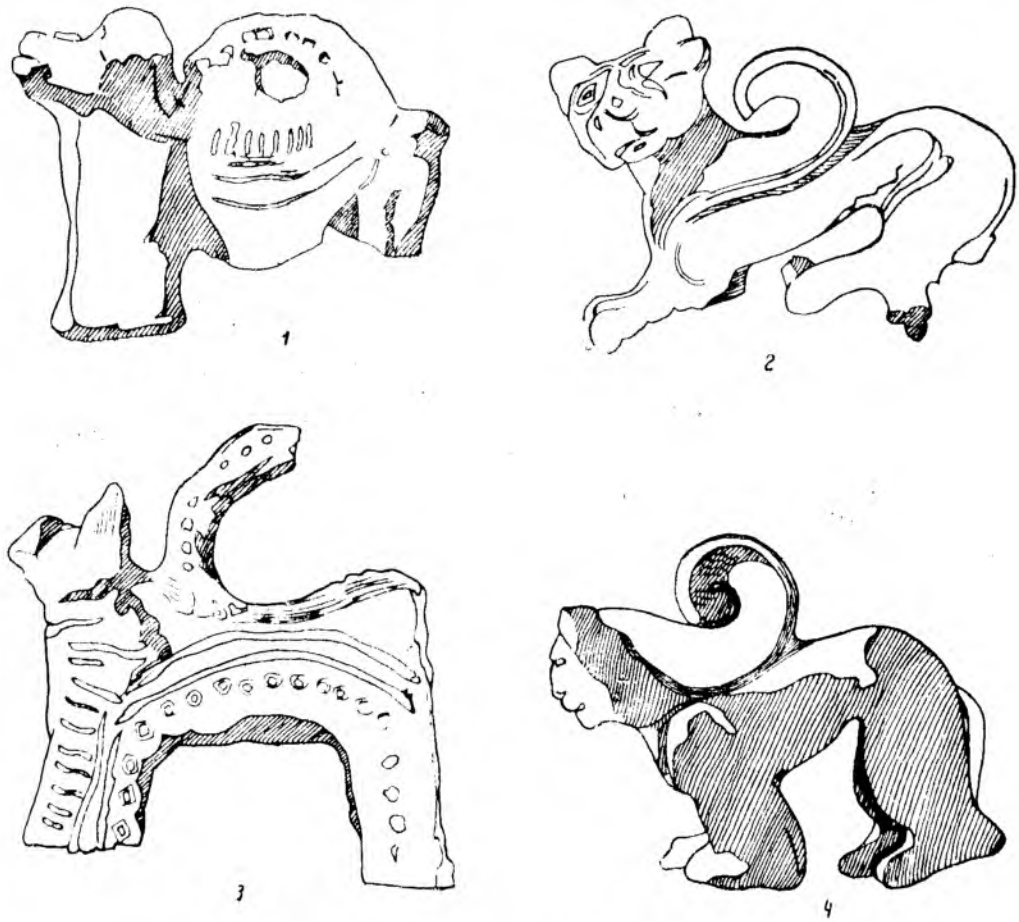


Рис. 66. Тянь-шань. Шаманистско-зороастрийские изображения животных.

указали, в изобилии встречаются изображения птиц — «ангелов», исполняющих эту же функцию, так называемые «фиришта».[2]

Очевидно, все эти орнаментальные линии имеют свое смысловое значение, отражая прежде всего те три сферы (земля, вода и небо), которым, по представлениям зороастрийцев, обязан человек своим благополучным существованием. И над этими сферами изображен тотем, ближайший защитник и хранитель благоденствия рода, видящего в нем своего предка, от которого члены рода ведут свое происхождение.

в борьбу с тотемом тюркского племени — горным козлом.[2] Изображения сделаны невысоким барельефом. Композиция исключительно интересна как наглядное доказательство синкретизма тюркской и восточноиранской культуры. Явления синкретизма наличествуют и в самих божествах зороастрийского пантеона— например гений-покровитель скота Пушан и ряд других. Образы многих божеств, и враж-

[1] ЖМНП, 1909, стр. 110. Недавно нам довелось узнать о находках в Таразе (совр. г. Джамбул) оссуариев чачского типа.

[2] К. Иностранцев. К истории домусульманской культуры Средней Азии. ЗВО, т. XXIV, 1916. стр. 138.

[1] Бундахишн, XIX, 33. Петух, пособник Сраоша — добрый дух, защищающий мир от демонов ночи. См.: К. Иностранцев. Материалы из арабских источников для культурной истории Сасанидской Персии. Приметы и поверья. ЗВО, т. XVIII. Издание текста и перевода Бундахишна см.: E. W. West. The Pahlavi Texts, ч. I, SBE, т. V, Oxford, 1880.

[2] Любопытно, что до сих пор голова архара украшает многие дома и кибитки киргизов на Тянь-шане. Род Йсенкул, по преданиям киргизов, вскормлен молоком архара.

дебных и доброжелательных, также персонифицированы в образе лошади. Типтрия — белый конь с золотым чепраком, Апаоша (демон засухи) — черная лошадь, лысая. Несомненно, что в семиреченской среде образы животных несут иную функцию: что в Согде или Хорезме положительно, то здесь отрицательно, и наоборот. О таких взаимосвязях кочевых и оседлых народов говорил, помимо вышеупомянутого Гейгера, и К. Иностранцев. Так, он писал: «Этот обряд [выставление трупов на съедение диким животным, — *А. Б.*] может служить, повидимому, примером древнейших кочевых влияний на парсийский ритуал, влияний, которые заслуживали бы столь внимательного сравнительного изучения, как и обратные влияния маздеизма на религии кочевых народов Средней Азии».[1]

Из этого беглого обзора согдийских памятников в Семиречье явствует положение об органическом сплетении культуры тюрок-кочевников и земледельцев-согдийцев,[2] порождающих новое, синкретическое по своему характеру, искусство тюркского каганата. И это положение может быть дополнительно аргументировано еще целым рядом наблюдений.

Прежде всего должны быть упомянуты хранилища для костей умершего зороастрийца — глиняные гробики, носящие название «астодан», а в археологии чаще всего — «оссуарий».[3] Эти гробики должны были по своей форме воспроизводить земное жилище, и поэтому оссуарии Согда имели прямоугольную, а оссуарии Семиречья — овальную, кибиткообразную форму.[4] Фасад такого оссуария обычно богато украшался сценами из среднеазиатско-иранской мифоологии.[5] Здесь же, в Семиречье, художник ограничивался штриховым рисунком в виде елочного орнамента, главным образом пересекающихся линий, иногда более явственно, иногда более отдаленно напоминающих собой решетчатую основу кибитки — «кереге», «уки», «чангарак». Обычно налепной жгут по фасаду изображал «баг» (или киргизское боо) — тесьму, которой закреплялась кошма на стенках юрты. Съемная крышка одного оссуария имела ручку, увенчанную изображением птицы — беркута.

Любопытны оссуарии, где мастер по инерции вносил в изображение кибитки элементы, явно не свойственные легкому, разборному и переносному жилищу кочевников. Так, например, верхний край оссуария представлял собой последовательный ряд объемного орнамента в виде ступенчатых зубцов, так называемых «сасанидских городков».[1] Этот устойчивый мотив орнамента проник, как известно, в орнамент росписей буддийских храмов Восточного Туркестана и неоднократно отмечался исследователями.[2] Мотив сасанидских городков известен даже в архитектуре XII—XIII вв., например в постройках эпохи эюбидов (в Дамаске и Иерусалиме).[3] Характерно и еще одно явление, отмеченное нами на одном из оссуариев, обнаруженном во время раскопок Краснореченского городища (древний город Сарыг). На фасаде оссуария мастер вырезал две колонки с капителями. Такие колонки с развитой капителью и гладкой базой широко представлены в мавераннахрских оссуариях,[4] сохранились в резных деревянных колоннах Таджикистана (например из Матчи, Обурданская колонна) [5] и целиком связаны с кирпичным домом оседлого землевладельца. Здесь же, на оссуарии в виде кибитки, колонки не соответствуют «архитектуре»; они порождены той же традицией, «инерцией истории». В Семиречье были известны и мавераннахрского типа оссуарии. Они, видимо, относятся к более раннему периоду. Так, один оссуарий со сложной орнаментальной отделкой был найден во время земляных работ (при прокладке Краснореченского канала) еще в 1914 г.[6] Обломки этих оссуариев встречали и мы, причем в одном интересном фрагменте наблюдались те же «сасанидские городки» и часть энергично распростертого птичьего крыла, выполненного высококвалифицированным масте-

---

[1] К. Иностранцев. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. ЖМНП, март, 1909, стр. 103—104; ср. также: E. Blochet. Etudes sur l'histoire religieuse de l'Iran. I. De l'influence de la religion mazdéenne sur les croyances des peuples tatares. Revue de l'histoire des religions, XXXV III, стр. 26—64.

[2] Мы уже это отмечали в статье: Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, VI.

[3] Быть может, оссуарии восходят к средиземноморским погребальным урнам. Ср.: H. Th. Bossert. Alt-Kreta. Berlin, 1923, рис. 32—33. См. историю вопроса: В. Бартольд. К вопросу об оссуариях Туркестанского края. РКИСВА, № 8, 1908.

[4] В. Бартольд, ук. соч.; К. Иностранцев, ЗВО, т. XVII, XVIII; ср.: ЗВО, т. XXIV; ЖМНП, 1909.

[5] А. Я. Борисов. К истолкованию изображений на Биянайманских оссуариях. ТОВЭ, II.

[1] Кстати сказать, они известны и в китайской архитектуре Танской эпохи. Ср.: R. L. Hobson. The George Eumorfopoulus collection, т. I, XLIII, рис. 320. Этот мотив известен еще в парфянской архитектуре (см.: Henrich Glück und Ernst Diez. Die Kunst des Islam, Propyläen Kunstgeschichte. V. Berlin, 1925, стр. 127). «Сасанидские» городки прорезаны в указанной аналогии стрелами. Мотив прорезной стрелы мы встретили и в одном семиреченском оссуарии, найденном у древнего города Баласагуна. По мнению Н. Веселовского, стрела имеет апотропаический, «отвращающий» характер (Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение. ЗВО, т. XXV, 1921, стр. 273—292).

[2] A. Le Coq. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens. Berlin, 1925.

[3] H. Glück u. E. Diez. Die Kunst des Islam, стр. 167.

[4] А. Потапов. Рельефы древней Согдианы как исторический источник. ВДИ, 2 (3), 1938.

[5] См. статью М. Андреева в сб. «По Таджикистану» (вып. 1, Ташкент, 1927, рис. 5 и 6).

[6] В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. ИРАИМК, 1922, т. II.

ром.[1] Быть может, это часть изображения божества Сэнмурва.[2]

Среди согдийских оссуариев было широко распространено изображение человеческих фигур, которые при ближайшем рассмотрении оказались персонажами иранского мифологического пантеона.[3]

В них А. Борисов[4] увидел Армаити — богиню земли, Вогуфрьяна — символ огня, Вайу — бога воздуха и Адвисура Анахиту — бога плодородия, отражающих и космогонические представления.

Видимо, как подражание этим образцам делались налепы на кибиткообразных оссуариях и в Семиречье. Так, весьма характерна одна фигурка — налеп от оссуария, — найденная около древнего города Баласагуна. Она представляет собой воспроизведение в глине типичного балбала — каменной бабы, с той лишь разницей, что у нее, в отличие от каменных баб, прочерчены ноги с деталировкой ступни, обутой в мягкую обувь, в которую запрятаны широкие шаровары. В руках статуэтка держит вытянутой формы сосуд (быть может свиток).[5]

Отметим, что синкретические формы отмечаются и на бытовом инвентаре — сосудах, пряслицах и т. д., где широко был представлен резной, а главным образом накладной массивный орнамент. Согдийцы не только принесли в Семиречье свою технику и сюжеты. Скорей всего Семиречье обязано им и появлением так называемых «сасанидских» элементов искусства и, наконец, перенесением сюда традиций даже североиндийского искусства.[6] Немногочисленные, но яркие образцы этих явлений, обнаруженные в поселениях Семиречья, заслуживают того, чтобы им посвятить несколько строк.

С согдийцами появляется широко распространенный в сасанидском Иране — но не менее и в Средней Азии — орнаментальный круг, составленный из отдельных бугорков-«горошин», быть может восходящий к культу солнцу в курганах кочевников. Внутри круга изображение либо одного животного, либо пары в геральдической позе. Так, например, медальоны в росписях Кучарского оазиса[7] или на тканях, найденных в местности Астана в Восточном Туркестане.[1] В других случаях такой круг имеет внутри растительное заполнение, отличающееся в ранних памятниках монолитным изображением, без особо мелких членений. Такие орнаментальные круги были широко распространены как в архитектурных украшениях,[2] так и на шелковых тканях.[3] На их основе вырастают и те архитектурные круглые налепы, в которых исчезает уже круг из горошин, остаются лотос или гроздья винограда, как, например, на плитках, обнаруженных нами при раскопках г. Тараза.[4] На Востоке эти композиции имеют особый интерес, ибо здесь орнаментальный круг сочетается обычно с китайским растительным мотивом,[5] иногда и с местными сюжетами. В Баласагуне нами найден обломок так называемого достархана(?), где в орнаментальном круге из перлов изображены реалистически трактованные козлы.[6]

Здесь, в Семиречье, были все условия для такого симбиоза культурных явлений Китая и Средней Азии. На одной плитке, найденной в Сукулукском городище, мы видим орнаментальный круг из перлов, заполненный внутри чудесным по выразительности изображения китайским лотосом. Очевидно из Семиречья происходят шелковые ткани, по затканному рисунку совершенно идентичные тем, которые найдены В. Радловым на Алтае[7] и Г. Боровка в Монголии в погребениях времени тюркского каганата.[8] Аналогичны им и ткани из Астаны.[9] В них мы видим опять же сочетание сасанидского орнаментального круга с китайским лотосом. Впрочем, эти композиции, особенно лотос, продолжают бытовать и на других предметах.[10]

[1] F. Sarre. Die Kunst des Alten Persien. Berlin, 1925, табл. XVI.

[2] К. Тревер. Сэнмурв Паскудж, собака-птица. Л., 1937.

[3] Частично планетарного порядка.

[4] А. Я. Борисов. К истолкованию изображений на Биянайманских оссуариях. ТОВЭ, II.

[5] См. ему аналогию: R. L. Hobson. The George Eumorfopoulus collection, т. I, стр. 208.

[6] См. нашу статью: Буддийская терракота из Сукулука. КСИИМК, XIV. Для налепа с Баласагунского оссуария см. аналогию в статуэтке танского времени полутангстского типа из личной коллекции Ли Аштона (Лондон). Ср.: Leigh Ashton. Introduction to the Study of Chinese Sculpture. London, 1924, табл. XXXIII, рис. 1.

[7] С. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. СПб., 1914.

[1] A. Stein. Innermost Asia. Оксфорд, 1928, т. III, табл. LXXXI.

[2] A Survey of Pershian Art, т. IV.

[3] F. Andrews. Ancient Chinese figured silks. BM, Juli—Sept., 1920.

[4] А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины Алма-ата, 1941. М. Е. Массон в качестве подъемного материала на руинах Тараза собрал прекрасную коллекцию таких налепов, которая ныне хранится в Кабинете археологии в САГУ. Аналогии см.: A Survey of Persian Art, т. IV, табл. 173, рис. А.

[5] Мы уже это отмечали в нашей статье: Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, VI, стр. 40.

[6] Прекрасную аналогию см. в плитках из Ктесифона V—VI вв., хранящихся в Берлинском Государственном музее. Воспроизведено: H. Glück u. E. Diez. Die Kunst des Islam, стр. 503.

[7] Труды ГИМ, т. IV, вып. 1, М., 1926.

[8] Сб. «Северная Монголия», вып. 2, стр. 78.

[9] Издание тканей из Астаны см.: A. Stein. Innermost Asia. Анализ и датировку см.: D. Klein. Die frühen Seidengewerbe aus China. Ausstellung in London. OZ, 1936. Клейн датирует ткани из Астаны различным временем — с конца VI до начала VIII в. н. э.

[10] Распространение этого мотива, широко представленного в тканях, связано с проникновением их в далекие от Согда и Ирана области. По этому поводу см. верное замечание И. Орбели: «Ткани везде и всегда являлись наиболее подвижными и деятельными распространителями орнамента, форм и композиций». И далее: «Ткань, иногда украшенная рисунком затканным, а иногда вышитым, влияла на художника,

Как мы уже указали, через Согд и Семиречье, при непосредственном участии согдийских мастеров, проникали и вещи, ведущие происхождение от гандарского искусства. Из этих предметов особенно хотелось бы указать на одно изображение буддийского характера у основания ручки сосуда. Фрагмент сосуда, на котором имеется это изображение, является обломком кувшина, весьма точно датируемого VI—VII вв. и воспроизводящего в глине металлическую форму сосуда.[1] Плавно изогнутая ручка на верхнем сгибе имеет украшение из трех налепных кружков, внизу горловины идет незамкнутая линия выемчатого орнамента в виде зигзага. У основания ручки налеплено оттиснутое штампом изображение головы. Лицо дано в типичных канонах гандарского искусства: спокойные и правильные черты, длинный и узкий разрез глаз со слегка опущенными внутренними углами, — это создает впечатление, что они полуоткрыты.

Прекрасна моделировка лица (исключительно мелкая), черты его представлены плавно и выразительно. Голову венчает богатая корона с высокой тульей, как бы вздымающейся над ушнишей, в центре короны — выпуклое накладное изображение шара — солнца. Нижняя часть короны, или царская налобная повязка, изображена мелкими точками, как бы имитирующими жемчуг. Сухим, казалось бы, штампом великолепно передано богатство и пышность короны. Нам известна находка еще одного штампа для оттиска аналогичного изображения головы сасанидского царя, судя по деталям короны, вероятно Ковада.[2]

Штампы исключительно тонкой художественной выделки по детальности проработки и чистоте исполнения приближаются к высоким образцам ювелирного мастерства, представляя собой выдающиеся произведения искусства. Совершенно очевидно, что эти штампы не местной работы, да и постановка изображения у основания ручки не имела прецедентов в культурном прошлом Семиречья. С другой стороны, блестящие аналогии этому приему, технике и сюжету мы найдем в памятниках Тали Барзу (древний Ривдад), в серии находок, сделанных археологом Г. В. Григорьевым.[1] Как показали его исследования городищ Тали Барзу и Кафыр-калы, этот прием украшения наблюдается на керамике на протяжении длительной эпохи — от эллинистической до тюркской включительно.[2] Несомненно, что такого типа налепы бытуют позднее как в самом Согде (например налепы на оссуариях), так и далеко за его пределами, например в Синьцзяне, главным образом в Хотане и поблизости от него в Иотокане, о чем мы уже знаем из работ А. Стейна.[3] Описанный нами налеп на кувшине может быть сопоставлен со строгими портретными изображениями гандарского типа, восходящими к эпохе эллинизма и развившимися еще в эпоху Греко-Бактрийского царства. Строгость линий, скромность украшений, не мешающие впечатлению богатства и роскоши, — эти характерные черты изображения будды в гандарском искусстве, достаточно широко показанные исследователями,[4] нашли свое блестящее повторение и на нашем объекте.

Буддийские элементы именно гандарского типа весьма немногочисленны в находках Семиречья. Укажем штамп для оттиска барельефа лица мужчины, найденный нами во время раскопок древнего города Тараза на Таласе.[5] Барельеф, о котором мы говорим, может быть сопоставлен с крайним правым изображением музыканта на Айртамском фризе, найденном у Термеза.[6] Не вдаваясь сейчас в рассмотрение вопроса о датировке этого фриза, укажем, что таразский штамп лишь повторяет древнюю традицию, а отнюдь не синхронен термезскому фризу, если даже согласиться с М. Е. Массоном,[7] датирующим эту находку началом н. э.[8] Наш штамп, всего вероятней, относится к VI—VII вв. н. э. Следует указать, что античные сюжеты могли попасть в Семиречье и во время

ограничивая его в композиции непременным условием сохранения внешней связи между отдельными частями картины, для предохранения ткани от разрыва, особенно в тех случаях, когда вышивка, сложная и тяжелая (материально, не в смысле рисунка), выполнялась на тонкой ткани или даже на кисее» (И. Орбели. Сасанидское искусство. Восток, вып. 4, 1924, стр. 154).

[1] Об этой находке см. нашу специальную заметку: Буддийская терракота из Сукулука. КСИИМК, XIV. Весьма близкая аналогия: R. Grousset. Les civilisations de l'Orient, т. III, стр. 169, рис. 153. Голова Бодисатвы Вэйского времени из Университетского музея в Филадельфии, по мнению Груссэ, создана под сильным влиянием гандарского искусства Кушан из Матуры.

[2] См. типы корон: Hermann Goetz. The History of Persian Costume. A Survey of Persian Art, т. III, стр. 2234—2235. Об этом см. нашу статью: Образ сасанидского царя в Сукулукской терракоте. КСИИМК, XXII.

[1] Г. Григорьев. Городище Тали Барзу. ТОВЭ, II; ср.: КСИИМК, VI; СОНАТ, 1938, 2—3.

[2] Г. Григорьев, ук. соч.

[3] A. Stein. Ancient Khotan, т. II. Oxford, 1907, табл. XXIII и сл. А. Стейн называет их «appliqué pottery ornaments» (т. I, стр. 207). См.: он же. Sand-Buried Ruins of Khotan. London, 1903, стр. 260, — о терракоте из Иоткана; он же: On Ancient Central Asian Tracks. London, 1933, рис. 26. Аналогичная аппликация из терракоты иотоканского происхождения см. из коллекции Гренара, изданной: J. Hackin. Fragments des potteries provenant de Iotkân Asie Centrale et Tibet. Mission Pelliot et Bacot, Bulletin Archéologique du Musée Guimet, вып. 2, 1921.

[4] A. Foucher. L'Art Gréco-Bouddhique du Gandhara. Paris, 1905 (т. I) и 1916 (т. II).

[5] А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941.

[6] М. Массон. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Материалы Узкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1933.

[7] М. Массон, ук. соч.

[8] К. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940.

тюркского каганата VI—VIII вв.,[1] причем византийским вещам, попадающим в Среднюю Азию в это время после согдийской обработки, подражали с большой охотой. Укажу на варварское подражание восточноримскому солиду V в., найденное нами при раскопках Тараза,[2] подражание византийским клеймам на серебряной посуде местного изготовления, найденной в виде клада у с. Покровки под г. Фрунзе.[3]

Влияние Византии мы встречали и в других вещах — брактеатах, о которых мы скажем несколько ниже.

Буддийский сюжет шел не только с Запада. Постоянное влияние буддизма, идущее из Восточного Туркестана, возможно и из самой Средней Азии VII в., также определило появление буддийских сюжетов в Семиречье. Укажем на некоторые известные нам памятники.

Так, на городище Красная Речка нами была обнаружена массивная ручка сосуда, типичная для VI—VIII вв. Подобные ручки на местах прилепа к горловине сосуда имели обычно украшение в виде вытянутых овалов с косыми насечками, имитирующими лист. На упомянутой же ручке имеется медальон — вытянутый овал с изображением, оттиснутым штампом. Изображение нечеткое, читается плохо, но все же различима фигура женщины в пышном головном уборе, левая рука которой поднята, правая опущена. Эта поза, как показал Фуше,[4] копирующая позу Ганимеда,[5] отражена в многочисленных изображениях танцовщиц,[6] иногда буддийского пантеона: богинь Якшини, Нагини и других.[7]

Сделанные штампом фигуры имеются в виде налепов на одном сосуде красного лощения, найденном на Александровском городище Чуйской долины. Сосуд украшен последовательными рядами орнаментальных поясов. Между орнаментальными поясами симметрично поставлены четыре отштампованные фигурки, сделанные весьма тонко и тщательно. На голове пышный убор с высокой тульей, украшенной изображением солнца в виде двух концентрических кружков и расходящихся в обе стороны двух пар бантов, похожих на полукрылья. Основание головного убора дано в виде жгута.[1] От головного убора спускаются либо подвески(?), либо оттянутые вниз мочки уха, как это делается на типичных буддийских портретах. На плечах — круглые медальоны (фибулы?), от которых идут жгуты — украшения. На груди имеется также украшение — амулет, висящий на шейной цепи.[2] Украшение касается пальцев рук, сложенных ладонями вместе и воздетых вверх в момент моленья — анжала.[3] На бедрах прочерчена повязка, перевязанная узлом на животе и спускающаяся своими концами вниз между ног.[4] Ноги показаны ниже колен. Прекрасно моделировано лицо с большими, прямо поставленными глазами, большими дугообразными бровями, ювелирно тонко сделанным маленьким ртом. Приятный овал лица и плавные очертания частей лица подчеркивают классический канонический буддийский тип гандарского происхождения. И все эти детали — на отштампованном на глине изображении, едва достигающем в высоту 4,5 см!

Не лишен интереса и орнамент, расположенный между фигурками. Он представляет собой чередование трех кружков, помещенных треугольником, и изображение трехлепесткового лотоса. Орнамент делался металлическим резцом и пунсоном, фигурки — разными, хотя и схожими штампами. Сосуд из Александровского городища представляет собой высокохудожественное явление изобразительного искусства древнего Киргизстана с буддийской тематикой. Кстати, на нем мы видим геометрически правильные острые формы резьбы и употребление штампа, сыгравшего большую роль в последующий период.[5]

Разобранные нами разные сюжеты представляли в основном продукцию согдийских мастеров. Последние, в угоду политически господствующим здесь тюркам-кочевникам, оформляли предметы, связанные с культом шаманизма, зороастризма и буддизма. Исполнение этих культовых атрибутов, подчиненное идеологии

---

[1] L. Mazulevič. Byzantische Antique. Берлин, 1929.

[2] А. Бернштам. Археологические работы в Казахстане и Киргизии. ВДИ, 4, 1939.

[3] В. Городецкий. Серебряные сосуды из курганов с. Покровского, Пишпекского у. Изв. Средазкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1936.

[4] A. Foucher, ук. соч., т. I (1905), стр. 227.

[5] A. Foucher, ук. соч.; об этом говорит и А. Лекок (Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens. Berlin, 1925). Много сходства в этой позе с позой Венеры (отчасти Анахит) по статуэткам из Александрии. См.: O. Wulff. Altchristliche und Mittelalterliche Byzantinische und Italienische Bildwerke, т. I. Berlin, 1909, табл. XVI—XV.

[6] A. Foucher, ук. соч., т. I (1905), стр. 227, рис. 106 (индийская кариатида из Нату).

[7] A. Foucher, ук. соч., т. II, ч. 1 (1916), стр. 64 и сл.

[1] Головной убор имеет аналогию в фигурке из Амиды танского времени, хранящейся в Музее пяти искусств в Бостоне. Воспроизведение см.: L. Ashton. An Introduction to the Study of Chinese Sculpture. London, 1924.

[2] Ожерелье такого типа мы наблюдали на статуэтке, хранящейся в Филадельфийском университетском музее. См.: O. Siren. Les Sculptures de l'époque Han à l'époque Ming. Paris et Bruxelles, 1930, табл. 79.

[3] См. шествие молящихся на фреске в Дунь-хуане: P. Pelliot. Les Grottes de Touen-Houng. Paris, 1920, т. IV, табл. CCIV, Пещера 117.

[4] A. Stein. Sand-Buried Ruins of Khotan. London, 1903; на ступе в Раваке тот же туалет на статуях, см. стр. 458; A. Grünwedel. Buddhist Art in India. London, стр. 36, рис. 12; см. также: A. Grünwedel. Bericht über archäologische Arbeiten in Idiqutschari und Umgebung im Winter 1902—1903 гг. München, 1905, см. табл. XIV, XIX, XX; табл. XVI, рис. 2, табл. XXI, рис. 1.

[5] МИА, № 14, табл. LX.

кочевников-шаманистов, удачно и порой остроумно разрешалось согдийским мастером. Согдийский мастер был большим художником в изделиях из глины. Он, земледелец, оседлый житель Согдианы, испокон веков пользующийся глиной для выделывания разнообразной домашней утвари, приобрел навыки, которые и нашли широкое применение в искусстве Семиречья. Согдийцы всегда украшали свою домашнюю утварь, предметы своего производства. Ведь для них орудия труда и подсобная утварь как бытовая, так и производственная составляли столь же важное звено в трудовой жизни, как оружие и сбруя у воина-кочевника. И если у последних орнамент и украшения культового и эстетического содержания были связаны главным образом с упомянутыми объектами, а посуда оставлялась без внимания, то у согдийцев — наоборот, именно утварь в первую очередь была произведением искусства. И, перейдя в страну кочевий, они немало способствовали распространению искусства, нашли ему новую область применения.

Мы указали выше, что идеологически согдийцы попали под сильное влияние кочевников. И характерно, что при рассмотрении сюжетов орнаментальных композиций мы приходим к выводу, что в значительной своей части этот орнамент несет в себе черты, чуждые согдийской культуре. Наряду с повторением зороастрийской тематики появляются формы, которые в согдийской орнаментике отсутствуют; они повторяют линеарные мотивы орнамента на металле и дереве, подсказанные вещами, выполненными первоначально мастерами из кочевой среды и находящими себе аналогии не в междуречье Сыр-дарьи и Амударьи, а скорее в пространстве между Иртышом на западе и Енисеем на востоке.

Согдийский мастер перенес этот сюжет с металла и дерева на глину, дополнил его привычными ему элементами, подготовил почву для его дальнейшего, иногда формального развития, а частично и сами согдийцы участвовали в этом развитии. Таким образом, согдийцы создали новые формы и усвоили новые технические приемы.

Перечислим основные технические приемы согдийских мастеров в изготовлении орнамента. Здесь мы видим простую лепку (мастер лепил или вдавливал орнамент пальцем), тупой и острый стэк (деревянный или металлический), пунсон, набор штампов. Следствием употребления этих технических средств явился технически разнообразный орнамент: желобчатый (палец и тупой стэк); накладной, в виде полос или жгутов (пальцы, иногда насечки тупым стэком); выемочный, когда орнаментальная полоса прорисовывается благодаря выемке ненужного теста, дающей контур желаемой линии (как правило, острый металлический стэк); изразцовый, путем глубокой резьбы острым стэком. Последние два типа орнамента — выемочный и изразцовый — несомненно восходят к резьбе по дереву. Особое развитие имеет тонкий резной орнамент острым или тупым стэком, весьма напоминающий тонкую гравировку по металлу.

С согдийским мастером пришло в Семиречье и лощение поверхности сосудов красным и желтым ангобом, генетически восходящим к античным лакам, возможно римским, а быть может еще к росписям неолитической керамики и ранней бронзы, оставившей в Средней Азии свои следы в культуре типа Анау в Туркмении и в тепе Эйлатан в Киргизии.[1] Этот прием украшения сосудов мы уже отмечали для сакского периода. Широкое распространение лощения в Средней Азии может быть отмечено для времени кушан, когда среднеазиатские племена юечжи-кушаны входили в тесные взаимоотношения с далеким Римом. От них (кушан?) согдийцы непосредственно унаследовали этот прием и способствовали его распространению в Семиречье.

Сюжеты орнамента, как мы неоднократно отмечали, весьма разнообразны. Согдийцы достаточно последовательно развивали симметрию узора, характерную для кочевников, — ту симметрию, которая наиболее свойственна эпохе упадка искусства кочевников Семиречья, когда и здесь произошло становление так называемого «сарматского» искусства, пришедшего на смену сакскому. Характерен один глиняный кувшин из Сукулука, в котором, наряду с резным орнаментом в виде обращенных вершинами вниз треугольников, в углах этих треугольников сделана инкрустация бирюзой. Это ли не стремление перенести украшения на золоте, хранящемся, как правило, в сокровищницах кочевника-варвара, на глиняную утварь, столь широко распространенную среди земледельцев-согдийцев!

Характерной чертой орнамента этой эпохи является его символичность, причем на первый план выступают эмблематические изображения природных стихий. Здесь идеи зороастризма тесно сплелись с шаманистскими воззрениями. Этим изображениям, несомненно, приписывались функции культово-магического порядка.

Другая сюжетная линия — изображения животных. Здесь намечается процесс стилизации, ведущий к обобщению формы, к замене целого частью и к вырождению части в условное изображение, которое само по себе, без генетически и исторически переходящих форм, казалось бы, лишено всякого смысла.

Наконец, третий путь развития орнамента — развитие линейных форм. Это является продолжением и развитием тех орнаментальных тенденций, которые мы наблюдали еще на украшениях из драгоценного металла у кочевой знати, где орнамент представлял со-

[1] Работы ГАИМК на новостройках, т. II.

бой геометрические расчленения поверхности изделия. И эти приемы не утрачивают своего значения, развиваются, порождают новые формы, увеличивают то орнаментальное богатство, которое столь ярко всегда было представлено на Востоке, особенно в средневековье.[1]

До сих пор мы рассматривали искусство согдийского мастера и касались кочевников тюркского каганата постольку, поскольку они оказывали идеологическое влияние на земледельцев. Это влияние, как мы пытались показать, было весьма сильным и во многом направляло зависимую руку художника. Сейчас нам надлежит рассмотреть искусство собственно тюркских мастеров, где больше всего сохранялась самобытность: если сами тюрки и попадали под культурное влияние, то это влияние ограничивалось главным образом техникой и усваивалось критически. Здесь мы рассмотрим два наиболее ярких комплекса вещей — каменные статуи и украшения из кости и металла.

Широко распространена среди тюркских степей монументальная курганная скульптура. Каменным бабам, или балбалам, посвящена большая литература; идут споры и дискуссии о функции этих застывших фигур, держащих в сложенных на поясе руках чашу.[2] Открытия В. Радлова в Кошо Цайдаме (Монголия) балбалов с руническими надписями на могилах тюркских каганов с несомненностью определили функцию многих изваяний: это изображения знатных врагов похороненного, долженствующих сопровождать покойного и служить ему в потустороннем мире.[3]

Не случайно на могиле Кюль Тегина стоит балбал с надписью «bu balbal töläs šadyn», т. е. «это балбал шада толес», предводителя тех племен, с которым Кюль Тегин вел ожесточенную и успешную борьбу.[4] Не случайно в надписях Кюль Тегина и Могилян-хана одинаково указывается, что на могиле их дяди Мочжо-кагана было поставлено во главе балбалов изображение киргизского Барс-бега, который являлся самым могущественным врагом тюркского владыки Мочжо.[5] И, вместе с тем, все это находит подтверждение в свидетельствах Суйшу, в описании обычаев тюрок, где сказано, что после смерти знатного лица на его могиле устанавливается ряд камней по количеству убитых им врагов.[6] Первоначально символическую роль таких «скальпов» выполняют каменные изваяния наиболее могущественных врагов — балбалы. И, как бы дословно повторяя наблюдения Суйшу, тюркские могильники в ущелье Большого Кемина, обследованные нами, указывают на эту традицию.[1] В большом Кемине мы наблюдали тюркские курганы, от насыпи которых на юг, по прямой, стояли врытые в землю продолговатые камни — балбалы, причем начинался этот ряд изваянием человека. И, вместе с тем, в том же тексте Суйшу сообщается, что при могиле ставят нарисованный облик покойного.[2] Очевидно, часть монументальной скульптуры увековечивала не только врагов, но и образ покойного. В связи с этим столь оживленные дебаты о назначении «каменных баб» и различные точки зрения, поднятые в востоковедной литературе от Н. Веселовского[3] до Котвича,[4] должны примириться в выводе о двоякой функции балбалов. Они могли быть как изваяниями портретного характера, воспроизводящими похороненного, так и изображением обобщенным, воспроизводящим его слугу в потустороннем мире.[5]

В обоих случаях в основе этих изваяний лежат древние анимистические представления. Если раньше каменные стелы, изображающие тотем, являлись эмблемой культа, который обеспечивал благоденствие рода, то с появлением и укреплением роли личности, человека, опирающегося прежде всего на подвластную ему силу покоренных людей, вызываются к жизни изображения человека, связанные с функцией то властителя, то побежденного. Здесь мы видим в примитивной форме и в своеобразных проявлениях ту роль портретной скульптуры, которая имела место в античном мире: например в Средней Азии Александр Македонский ставил в покоренных им областях свои скульптурные портреты как средство широкого ознакомления покоренных с их новым господином.

Характерная форма балбалов — сложенные руки с чашей на поясе — не совсем ясна по своему значению. Можно лишь указать, что и среди сакральных статуй Китая[6] на могилах китайских императоров мы найдем

[1] S. Flury. Le décor épigraphique des monuments de Chazna. 1925.

[2] В заупокойном таоистском культе Тибета встречается такая поза в погребальных статуэтках; см.: F. W. Coburn. Chinese Sculpture at Boston. BM, окт. 1911 г.

[3] Атлас древностей Монголии (четыре выпуска).

[4] Атлас древностей Монголии, вып. 1, 1893, табл. XIV.

[5] В. Радлов и П. Мелиоранский. Древнетюркские памятники в Кошо Цайдаме. Сб. ТОЭ, вып. 4, СПб., 1897, стр. 34.

[6] Суйшу, гл. 81; И. Бичурин. Собрание сведений..., ч. I, стр. 230.

[1] См. нашу статью: К исторической топографии Чуйской долины. ВДИ, 4, 1939.

[2] Суйшу, гл. 81; И. Бичурин. Собрание сведений. . . , ч. 1, стр. 230.

[3] Современное состояние вопроса о «каменных бабах», или «балбалах». Записки ООИД, т. XXXII.

[4] Rocznik Orjentalistyczny, Spaworden Polskiej Akademje Uniejetnozi, Kwicaien.

[5] См. сводку мнений в статье: В. Бартольд. К вопросу о погребальных обрядах турок и монгол. ЗВО, т. XXV, 1921. Исследователи Т. Пассек и Б. Латынин (T. Passek et B. Latynin), сопоставляя каменные бабы с чувашскими «уоива», считают их принадлежностью шаманского культа (см. их статью: Sur la question des Kamennye baby. ESA, IV, 1929).

[6] Ср., напр., статуи с могилы Тэн-Фэн'а (эпоха Хань, пров. Хэнань): L. Ashton. An Introduction to the Study of Chinese Sculpture. London, 1924, табл. IV, рис. 1.

такие же статуи, описанные в работах Лартика и Вуазэна.[1] Об этом сходстве вскользь говорил и В. Бартольд еще в 90-х годах XIX в.[2] Нельзя не указать и на полное соответствие позы этих статуй и канонических буддийских слушателей и учеников Будды, изображаемых в позе смирения и безропотного послушания, известных во фресках и скульптуре и нашедших свое место и в буддийской терракоте Семиречья, уже выше нами описанной. Напомним, что на терракоте с изображением согдийца также наблюдалась эта каноническая поза. Быть может, правильно будет предположить, что она была заимствована из буддийской иконографии как наиболее яркое выражение смирения и подчиненности. В таком случае сосуд в руке представляет собой дар приношения, вполне согласующийся со смысловой функцией статуи в целом.

Выше, при описании балбалов Иссык-куля (гл. I, § 8), мы отмечали, что имеются статуи, явно подражающие манерной трактовке восточнотуркестанского или индийского искусства. Эти экземпляры характеризуют обширную область, где формировалась техника изготовления статуй тюркских владык, достаточно широко знакомых с этими странами.

Статуи на могилах китайских императоров, изображения «учеников» в буддийской живописи, балбалы на могилах тюркских воинов — это один и тот же круг изобразительного искусства, единый по композиции и различный порой по содержанию.

Каменные бабы встречаются в весьма разнообразных районах, но всегда совпадают с территорией расселения древних тюркских кочевников. Характерно, что мы не знаем балбалов в Туркмении и Узбекистане, но зато они в изобилии встречаются в Казахстане, Киргизии, Алтае, Минусинском крае, Туве, Монголии. В этих районах распространения они хотя и имеют некоторые отличия, но в основном едины. Весьма любопытно, что в Монголии и Туве мы встречаем две группы балбалов, одна часть которых несомненно китайского происхождения, другая — тюркского.[3]

Основная масса балбалов распространена на территории, которую занимали тюркские племена, входящие в состав восточного и западнотюркского каганатов.[1] А отсюда следует, что балбалы — типичные памятники именно этой эпохи, т. е. времени VI—VIII вв. Правда, балбалы продолжают бытовать и позднее, но уже не в таком большом количестве. Законен вопрос о месте, центре происхождения этих изваяний. Отсутствие стилистического анализа этих богатых собраний не позволяет дать ответ достаточно определенный, но есть некоторые основания полагать, что центром происхождения балбалов является страна древних кыргыз — Минусинский край. Именно там мы видим древнейшую форму стел, восходящих к эпохе бронзы, и там эта традиция развивалась непрерывно.

Наблюдения над этими памятниками приводят нас к предположению, что там выработался канон изображения, заимствованный другими племенами. Более того, если наше исходное положение верно, то естественно полагать, что первоначальные изображения были у кыргыз портретны, т. е. была попытка воспроизвести облик покойного. Тюрки Монголии, заимствуя эту скульптуру, воздвигали ее на могилах своих героев как памятник победы над врагом; позднее, сами высекая такие изваяния, они определили им ту узкую функцию (служения в потустороннем мире), с которой изваяния и получили свое массовое распространение среди других тюркских племен. Если так, то это объясняет двоякую функцию балбала. И в этой связи буддийский канон не нарушил цельности облика статуи, а лишь усилил ее, сделал возможными повторения. Известно, что буддизм тюрки впервые восприняли еще в конце VI в., при Тоба хане (678—682),[2] когда и могло произойти скрещение образа, заимствованного из буддизма, с анимистическими статуями тюрок. И подобно тому как в эпоху Хань Китай воспринял, критически переработав, звериный стиль гуннов, так и в эпохи Суй и Тан он воспринял эти влияния скульптурного творчества тюрок. Вот почему в сакральной скульптуре Китая у могил императоров появилась аналогичная скульптура. Так, на могиле танского императора Тайцзуна в Сианьфу (657 г.) стоит барельеф кочевника с конем, где в хорошо различимых деталях рисунка мы без труда обнаружим материальную культуру тех же тюрок.[3] Таковы исход-

---

[1] V. Segalen Gilbert de Voisins et Jean Lartique. Mission Archéologique en Chine (1914—1917), т. I, ч. II. Paris, 1924. Monuments Funéraires (Region Nankin), Monuments Bouddhiques (Province du Sseu tch'ouan); см. табл. CXXII, процессия донаторов (Сычуань, середина I в. н. э.).

[2] В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг.

[3] О китайского типа балбалах в Монголии см. статью: В. Казакевич. Намогильные статуи в Дариганге. Л., 1930 (там же см. литературу вопроса о тюркских и китайских статуях). Ср. также статью: С. Миндлов. Памятники древности в Урянхайском крае. ЗВО, т. XXIII, см. табл. IV, VI. На Алтае и дальше на запад китайского типа статуй мы не знаем. См. интересную статью: Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния северного Алтая. Труды ГИМ, вып. 16. О балбалоподобных фигурах в Туркмении см.: М. Е. Массон. О происхождении некоторых намогильников Южного Туркменистана. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.

[1] Как исключение укажем фигуру, держащую в руках сосуд. Эта фигура сходна с балбалом; в парфянском материале: Neilson C. Debevoise. Parthian Pottery from Selewcia on the Tigris. University of Michigan Press, 1934, стр. 332, табл. XI, рис. 1—2.

[2] А. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. н. э. Л., 1946.

[3] O. Sirén. La Sculpture de l'époque Han á l'époque Ming. Paris et Bruxelles, 1930, табл. 93.

ные мотивы монументальной скульптуры тюрок и скульптуры Киргизстана.

Монументальная скульптура Киргизстана представлена большим количеством объектов, обнаруженных буквально повсеместно, особенно в Семиречье. По технике и силе выражения, степени детальности эта скульптура весьма разнообразна.

Как правило, изображаются фигуры мужчин, главным образом поясные, реже встречаются погрудные изваяния.[1] Наиболее детализирована голова. Среди известных нам объектов мы различаем четыре группы.

Первая группа представляет собой рисунок на плоской плите. Обычно такие рисунки весьма схематичны: контур лица обрисован крайне скупо; несколькими линиями переданы глаза, нос, рот. Так же примитивно очерчены руки и чаша, которую они держат.

Вторую группу составляют изваяния несколько усложненные. Торс фигуры исполнен в той же технике, но голова дана объемно, что достигается скалыванием поверхности камня вокруг нее. Таким же образом выделены и плечи изваяния.

Третья группа изваяний близка к настоящему рельефу. Рельефно переданы и детали лица — глаза и рот оконтурены валиками.

В последней, четвертой группе — целиком и полностью наличествуют обычные приемы создания монументальной скульптуры.

В этих четырех группах наглядно выступают пути развития скульптуры из рисунка, из резьбы.

Художник-скульптор при изготовлении статуи исходил явно из традиционных канонов, дополняя в отдельных случаях свой монумент чертами натуры. Лицо трактуется как бы в плане китайской теории портрета.[2] Господствующий тип — монголоидный. Оси лица равны, и некоторое, на взгляд, удлинение вертикальной оси получается из-за клиновидной бородки, придающей лицу слегка вытянутую форму. Удачно найденная форма бороды прекрасно соответствует редкой бородке кочевника. Всегда подчеркнуты несколько свисающие усы. Эти типичные черты лица описаны в армянской литературе. Так, например, характеризуя гуннохазар, Моисей Каганкатуйский писал, что «защитники города Тбилиси принесли тыкву, нарисовали на ней изображения царя гуннов (хазар), аршин в ширину и аршин в длину, вместо ресниц нарисовали несколько отрезанных ветвей, которых никто не мог видеть, место бороды оставили безобразно голым, место ноздрей носа — шириной в один локоть, редкие волосы на усах. . .».[3] В другом месте аналогичное описание: «. . . лицо в длину локоть и в ширину локоть, в месте глаз и ресниц незаметные черточки, на месте бороды отвратительное голое место, ноздри шириной в четверть с редкими волосами на усах».[1] На голове иногда имеется условное изображение шлема, а чаще голова остается не обработанной. На торсе прочерчиваются детали костюма, и больше всего внимания уделяется поясу с висящим на нем оружием. Так, на прекрасных изображениях около Уйтала (Иссыккуль) видны изображения меча, ножа, пряжек.[2] На одном изображении из Акыр-тобе, хранящемся в Чимкентском музее, прочерчен футляр для пиалы и оселок. Кстати укажу, что акыртобинское изваяние сделано из сланцевой, сравнительно мягкой породы, что дало возможность древнему мастеру внести ряд деталей, из которых должно быть отмечено изображение серег-калачиков, а главное — хорошо прорисованные косы (около 10), спускавшиеся до пояса.

Изображение меча и сабли обычно дается детальней в рукояти, а лезвие обвивается вокруг тела по нисходящей спирали. Иногда высекаются на груди части лат — фалары.

Среди каменных изваяний Киргизии имеются памятники скульптуры, не повторяющиеся среди известных нам обширных коллекций.

Так, из Чуйской долины происходят два изваяния, где у мужского изображения на правой руке сидит птица. Левая рука держит сосуд. Одно изваяние находится в Отделе Востока Эрмитажа, второе в Музее в г. Фрунзе.[3] Следует указать, что птица на руке человека невольно вызывает в памяти образ охотника с беркутом, однако посадка птицы отлична от обычной позы хищника, скорее она похожа на позу голубя. Если здесь не имелось в виду воспроизводить охотника с беркутом, возможно, что птица несет иную функцию — является символом души умершего. Не могу в этой связи не напомнить, что, по представлениям древних тюрок, душа после смерти воплощается в птицу и «улетает».[4] Напомню легенду о древних тюрках, записанную еще в китайской истории Чжоушу, где комплекс тотемов-птиц играет ведущую роль в истории тотемов древних тюркских племен.[5] Следует также отметить, что эти представления достаточно ярко отражены и в ритуальных вещах еще усуньской поры.

---

[1] А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, табл. X.

[2] К. И. Разумовский. Китайская теория портрета. (Тезисы кандидатской диссертации).

[3] К. Патканов. История агван Моисея Каганкатваци. СПб., 1861, стр. 108.

[1] К. Патканов. Ванские надписи. ЖМНП, CCXXX, вып. 2, стр. 263.

[2] А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, табл. X, рис. 10—11.

[3] А. Якубовский. Среднеазиатские собрания Эрмитажа. ТОВЭ, II, стр. 19.

[4] Памятник в честь Кюль Тегина. ЗВО, т. XII, вып. 2—3.

[5] Н. Аристов. Этнический состав тюркских племен и народов и сведения об их численности. ЖС, 1896, вып. 3—4.

Обращу внимание еще на одну деталь. Если в обычных изваяниях обработанная голова и торс уходят в массу необработанного камня, обычно закопанного в землю, то на только что описанном изваянии, законченном также на поясе, внизу имеется шип, которым статуя укреплялась в специально сделанном пьедестале (кстати сказать, манера эта заимствована из скульптурной техники Китая). Эта особая забота об изображении несомненно свидетельствует и об особой его функции, ближе всего отвечающей анимистической функции статуи, и эти образцы, быть может, лучше всего доказывают верность заявления В. Чепелева, который указал на культово-функциональное родство тюркских балбалов с древнеегипетскими статуэтками заупокойного культа — ушебти.[1]

Среди коллекции балбалов, хранящейся в музее г. Фрунзе, обращает на себя внимание одна статуя, выделяющаяся из всех известных нам изваяний сюжетно и технически.[2] Это изображение мужчины почти в полный рост, в той же традиционной позе балбала, но сделанное с исключительным мастерством. Скупой на детали рисунок чрезвычайно выразителен: спокойная поза, монументальность торса, гордая посадка головы; последняя обработана до предела тщательно и несомненно является индивидуальным портретом человека средних лет — весьма типичного кочевника монголоидного облика. На голове у него цилиндрическая, видимо каракулевая шапка, обвитая по низу чалмой. Этот мусульманский головной убор нарушает каноническую трактовку балбалов. Перед нами тюрок-мусульманин, который изображен как мусульманин, но вопреки догматам ислама. Такие изображения могли появиться или — как исключение — в эпоху караханидов (XI—XII вв.), или, быть может (и скорей всего), при монголах (XIII—XIV вв.). Надо указать, что этот головной убор пережиточно входил как составная часть в надгробия европейских тюркоязычных народов.[3] У восточноевропейских тюркоязычных народов, часть которых пришла с монголами и позднее попала под сильное влияние ислама, сохранились надгробия, в которых явно сказывались пережиточные традиции каменных балбалов. И в этой статуе из-под селения Карабалты (Чуйская долина) наглядно представлен еще балбал — т. е. увенчанный атрибутом верующего мусульманина язычник, для которого ислам еще религиозная мода, не вытравившая из него анимистических, шаманистских представлений.

Чтобы закончить раздел об искусстве обработки камня в тюркском каганате, укажем, что к этому времени относятся и скульптурные пьедесталы для статуй и стел с надписями, выполненные в подражание китайским образцам. Так, из поселка Юрьевка (Чуйская долина) происходит изображение черепахи, на спине которой выбит паз для шипа от изваяния, которое, вероятно, покоилось на ней, как на пьедестале. Эта черепаха сделана с той же скупостью в прорисовке деталей. Она дана обобщенно, суммарно, не прорисованы детали. Такие черепахи известны как пьедесталы знаменитых памятников тюркских каганов на Орхоне (Монголия), и, может быть, их следует рассматривать как прямые памятники китайского мастерства.[1] Возможно, что рукам этих же мастеров принадлежит и высеченное в скале в Иссыкатинском ущелье гигантское изображение Будды; оно высечено непосредственно в естественной скале, как это делали безымянные мастера в Хэнани в эпоху Тан и Сун.[2]

Другой значительной группой произведений искусства являются изделия из кости и металла. Собственно из кости до нас дошла лишь одна интересная вещь VI—VIII в. из Сукулукского городища.[3] Она представляет собой конец рога косули, отполированный и ограненный в расширяющейся части. Эта часть обработана в виде конеподобной головы (скорее всего мифического дракона), открытая пасть которой имеет сходство с хищной рыбой, на что указывают мелко проработанные «щучьи» зубы. Тонко прочерченный глаз, маленькие уши, точки ноздрей — вот все детали, в общем дающие весьма выразительный рисунок дракона. Кривизна рога удачно соответствует форме головы дракона, придает ей некоторую реалистичность. Следующая за головой часть рога, как мы уже указали, ограна, и грани украшены выемчатым орнаментом, образующим систему чередующихся углов. Описанный предмет, полый внутри, являлся повидимому сосудом для хранения трута. Стилистически этот предмет восходит к скифо-сарматским изделиям,[4] но благодаря выразительному рисунку выемчатого орнамента, широко распространенного в это

---

[1] В. Чепелев. Об античной стадии в истории изобразительного искусства народов СССР. М., 1941.

[2] А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, табл. X, рис. 13.

[3] В Малой Азии (Скутари) такие чалмы на статуях известны уже для времени Эюбидов (1171—1250), то же известно и для Константинополя. См.: H. Glück и E. Diez. Die Kunst des Islam, стр. 278—279.

[1] Ср. пьедестал в виде черепахи из Нанкина 518 г., изданный в книге: O. Sirén. La Sculpture..., табл. 46. См.: V. Segalen Gilbert de Voisins et Jean Lartiques, ук. соч.

[2] E. Chavannes. Mission Archéologique...

[3] МИА, № 14, табл. XXXIX, рис. 1.

[4] B. Grakov. Monuments de la Culture scythique entre le Volga et les monts Oural. ESA, т. III, Helsinki, 1928, стр. 35, рис. 18. Помимо указанных аналогий укажу на одну вещь ассирийского происхождения, хранящуюся в Британском музее (M. Rostovtzeff. The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929).

время и в керамике и металле, предмет соответствует слою, в котором он был найден.

Украшены орнаментом и костяные накладки на сложном луке. Следует отметить, что здесь в костяных пластинах мы наблюдаем фигурную резьбу и самой пластины, в концевых завитках которой можно видеть трактовку морды животного. Пластина как бы воспроизводит геральдическую постановку животных, повернутых в противоположные стороны. В одном случае стилизованные изображения голов ожили благодаря глазам, обозначенным в виде циркульного орнамента, — кстати сказать, им же покрыто и все остальное поле пластины. Орнаментальное украшение этого предмета более всего найдет аналогий, как это ни парадоксально, в. . . коптском искусстве.[1] Особенно бросается в глаза орнамент в виде кружков, распространенный также на пряслицах и пуговицах и широко представленный в коптском искусстве резьбы по дереву.[2] Находки на Сукулукском городище изображения руки человека из бронзы и шпильки усуньского типа с птичкой имеют аналогии в коптской кости.

Сопоставляя эти факты с другими, например с широким употреблением штампа на неполивной посуде, приходится предположить, что связь с Передним Востоком была более органической, чем мы это думали раньше. Учитывая, что в Таразе и в Чуйской долине мы имеем следы явного пребывания сирийцев и относительно широкое подражание византийским образцам, можно утверждать, что связи Семиречья с Передним Востоком были весьма реальными и активными. На другой пластине, той же формы, — орнамент в виде врезанных линий составляет сложную асимметричную композицию. С одной стороны пластины расположен елочный орнамент, всю остальную, большую часть площади заполняют плавные линии, в которых трудно распознать реалистическую композицию, хотя она, несомненно, лежала в основе этого рисунка.

Значительную группу рисунков и изображений мы найдем в металлических украшениях, относящихся ко времени тюркского каганата.

Одежда и сбруя обильно покрывались литыми бронзовыми украшениями в виде накладок, оковок концов ремней и пряжек. Все поле этих предметов заполнялось рисунком, отлитым в форме или прорисованным резцом. Часто эти украшения либо покрывались позолотой, либо просто обтягивались тонким листовым золотом. Формы этих накладок сравнительно разнообразны: квадратные, круглые, в виде полулуний, «сердцеобразные» и т. п. Как правило, украшения сплошные, реже ажурные. Орнамент геометрический, скорее всего выросший на основе анималистического орнамента. Расположение его симметричное — рисунок, как правило, делится на две равные части. Центральный рисунок неразрывно через плавные линеарные звенья переходит в симметричные волюты, в которые вплетается рисунок растительного содержания.

В этом случае, если орнамент имеет вертикальное расположение, верх и низ повторяют друг друга, иногда с небольшими вариантами. В коллекциях, которые нам известны, рисунок в основном один и скорее всего может быть сопоставлен с различными вариантами стилизаций голов рогатых животных, — стилизаций, дающих широкий простор для орнаментальных построений. Несомненно, что к этим линиям, характерным своим непересекающимся построением, восходят и многочисленные сюжеты киргизского орнамента.[1] С образом головы рогатого животного, и прежде всего быка (широко распространенного тотема древних тюрок), следует сопоставить и полулунные и «сердцеобразные» формы накладок, часть которых достаточно выразительно напоминает зрителю то голову животного с рогами,[2] то одни рога. Преобладают, повторяем, композиции, имеющие в основе образ быка, уже знакомый нам по памятникам Киргизии еще сакского времени (см. гл. I, § 5). Анималистические рисунки орнамента на металле эпохи тюркского каганата, быть может, являются отзвуками сакского звериного стиля.

Металлические украшения для одежды и сбруи — несомненно, принадлежат кочевникам, и распространены эти предметы, так же как и каменные бабы, в зоне их обитания. Как исключение, указывающее на то, что это заимствования, мы наблюдаем аналогичные вещи и на территориях, издавна принадлежащих земледельцам.[3] Подобного типа вещи были найдены и при раскопках в Корее.[4]

Геометризация форм не могла еще уничтожить следы былых наивно реалистических композиций и сюжетов. И как долго и явно этот реализм еще сохраняется в геометриче-

[1] O. Wulff. Altchristliche und Mittelalterliche Byzantinische und Italienische Bildwerke, т. I. Berlin, 1909. Близкую аналогию вышеупомянутому изображению из кости см. на табл. XXIII.

[2] Там же, т. I, табл. XXI, рис. 46, 66, 67.

[1] См. нашу статью в книге: Киргизский национальный узор. Л. — Фрунзе, 1948.

[2] Ср. иранскую «теорию» происхождения этих вещей: A. Salmony. Einige Chinesische Schmuckformen und ihre Verbreitung in Eurasien. ESA, IX, стр. 333 и сл.

[3] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948; см. нашу рецензию: Изв. ОИФ, т. VI, вып. 1, 1949.

[4] См.: Кодзуми и Номори. Отчет об археологических исследованиях в 1923 г., т. I. Корейское генерал-губернаторство. Сеул, 1931. Вся эта серия исследований (Умехара — 1924 г., Номори и Канда — 1927, Номори, Канда и Каямото — 1930, Аримитзу — 1931, Номори и Аримитзу и Каямото — 1932, Саито — 1934), давшая исключительно интересный материал, тесно связанный с занимающими нас вопросами центральноазиатской археологии, издана только на японском языке, даже без резюме на европейских языках. Частично эти материалы (раскопки в Кешу) отмечал Хентце.

ском орнаментальном рисунке, — показано весьма ярко и убедительно на примере готских пряжек Причерноморья, в работах Л. А. Мацулевича.[1] В вещах, утративших реалистический рисунок, сохраняется от изображения птицы лишь клювоподобный язычок застежки. И по аналогии с причерноморскими находками, раскрытыми Л. А. Мацулевичем, мы видим подобные явления в пряжках, найденных в Чуйской долине.[2]

Значительную группу украшений для этой эпохи составляют оттиски с монетного штампа на листовом золоте, так называемые брактеаты. Но оттиски, которые были получены от штампа с привозных монет, не представляют такого интереса, как памятники местного творчества. (Нам известны оттиски с византийских монет, найденных в Сукулуке).[3]

Здесь интересны брактеаты, полученные путем оттиска со штампа явно местного изготовления. Так, в одном брактеате, найденном при раскопках согдийского замка в районе с. Красная Речка, имелось погрудное изображение мужчины в пышной тиаре, с лентами, завязанными бантом со свободно развевающимися концами. Лицо, повернутое в три четверти, очень интересно тем, что передает явно европеоидные черты; оно несомненно портретно, причем весьма напоминает портрет на шерстяной греко-бактрийской ткани, найденной в Ноинулинских курганах.[1] Головной убор напоминает повязку, которую употребляла тюркская кочевая аристократия и которую отмечали китайские источники, в частности Сюань Цзан,[2] описывая владетелей Кучи. Укажем, что Куча неоднократно находилась под властью тюрок; быть может, этот прием владетели Кучи заимствовали от тюрок.[3]

Обращает на себя внимание и европеоидный тип изображенного. Но в этом нет ничего удивительного, так как «тохарский» тип[4] Восточного Туркестана — явление широко распространенное. Среди тюркских каганов были представители этого типа, что отметила, например, и летопись Суйшу, описывая одного из тюркских каганов — Яньду.[5] Изображение обрамлено орнаментальным кругом, опять нашедшим здесь широкое распространение (по обе стороны Тянь-шаня) в глине, металле и тканях.

Второй брактеат найден был в районе Кенбулуня (междуречье Кызыл-су и Чу). В той же композиции и при тех же деталях костюма дано изображение явно монголоидного лица, — видимо, портрет одного из каганов. Рядом с его лицом изображены еще две головы, что напоминает сасанидские монеты.[6] Резкие отличия в изображаемых лицах несомненно говорят о том, что брактеаты воспроизводят исторические портреты; быть может, перед нами проходит галлерея тюркских каганов, имена которых нам известны, но связать эти имена с изображениями мы пока не можем. Величественная поза изображенных, явно ощущаемая иератическая манера трактовки не вызывают сомнений в том, что перед нами массовый оттиск портретов тюркских владык. Кто эти лица, — быть может, мы узнаем в будущем. Сейчас для нас важен вывод, что в изобразительном искусстве Киргизстана в VI—VIII вв. явно имело место искусство портрета.

Создавались ли штампы в Чуйской долине, на Тянь-шане или мастерами Кучи — это особой роли не играет, ибо вся эта территория входила в единую политическую систему западнотюркского каганата, основной частью которого были Тянь-шань и Семиречье.[7]

---

[1] Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя в Восточной Европе. ИГАИМК, 1934.

[2] Выразительные примеры геометризации звериных сюжетов дают многочисленные находки на территории Венгрии, несомненно восточного происхождения, в так называемой культуре «Keszthely», по имени которой и назван художественный стиль. (См.: Zoltan de Takacs. From Northern China to the Danube. OZ, 1930, II, 5). Генезис этой культуры Золтан Такач относит ко времени гуннов, принесших на Дунай культуру Китая. Ср. его статью: L'Art des Grandes Migrations en Hongrie et en Extrême Orient. Revue des Arts Asiatiques, Paris, т. VII, вып. 1—2; он же: Some Irano-Hellenistic and Sinno-Hunnic Aru Ferons. OZ, 1929, вып. 4, стр. 142 и сл.; на эту же тему: C. Hentze. Beiträge zu den Problemen des eurasischen Tierstyles. OZ, 1930, 3—4, стр. 150 и сл. Любопытна статья с большим картографическим материалом: Olov Janse. L'Empire des Steppes et relation entre l'Europe et l'Extrême Orient dans l'Antiquité. Revues des Arts Asiatiques, т. IX, № 1. Однако венгерский материал этой эпохи более вычурный, менее строгий, чем семиреченский. См.: A. Alföldi. Zur historischen Bestimmung der Avarenfunde. ESA, IX, 1934, стр. 297 и сл.; N. Fettich. Das Kunstgewerbe der Avarenzeit in Ungarn. Archaeologica Hungarica, [AH], 1929, т. I; T. Hovorth. Die avarischen Gräberfelder von Üllö und Kiskörös. AH, 1935, XIX. Ср. статьи: N. Fettich. Zum Problem des Ungarländischen Stils. ESA, IX, стр. 311 и сл.; An. Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit und ihre Ethnische Sonderungen. AH, 1932, т. IX. Последняя работа по этому вопросу (Z. Takacs. Iranish-Hellenistisches und Ostasiatisches in der Kunst der Grossen Völkerwanderung. OZ, 1941, вып. 3—4, стр. 120), как и следовало ожидать, является образцом националистических «концепций».

[3] А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии, стр. 17.

[1] К. Trever. Excavations in Northern Mongolia. Л., 1932.

[2] Датан Сиюйцзи, цз. 1. Перевод см.: St. Yulien.

[3] Н. Бичурин. Собрание сведений..., ч. III.

[4] И. Умняков. Тохарская проблема. ВДИ, 3—4, 1940.

[5] И. Бичурин. Собрание сведений..., ч. I.

[6] И. Орбели и К. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935, табл. I—II. Такого типа медальоны встречались и в более поздний период. Любопытный пример см.: H. Glück и E. Diez. Die Kunst des Islam, стр. 504, — круглый налеп, в центре которого изображен царь среди кочевников (!) в остроконечных колпаках. Е. Дик предполагает, что это сельджукский царь, и датирует предмет XIII в.

[7] E. Chavannes. Documents sur les Tou-Kioue Occidentaux, ч. IV, СПб., 1903.

Для того чтобы завершить наш обзор искусства обработки металла, нам следует отметить уникальные вещи, происходящие с Тянь-шаня, из долины р. Кочкор, описанные выше (гл. I, § 8).

Эпоха тюркского каганата — это эпоха тесных связей с Китаем. Археология располагает, в дополнение к сведениям письменных источников, богатыми данными для доказательства этих связей. Мы не будем указывать на вещи, которые были сделаны в Китае и широко использовались кочевниками. Это мастерство Китая документируется, например, сурьмяными зеркалами, в обилии находимыми в Семиречье. Но, наряду с употреблением китайских зеркал, на месте возникали и подражания им. Часть их лишена тех элементов, которые могут обратить на себя внимание искусствоведов, другая, наоборот, весьма выразительна. В Семиречье, и может быть китайскими мастерами, изготовлялся особый тип зеркал с богатой орнаментацией, по форме напоминающий китайские зеркала танской эпохи в виде многолепесткового цветка. Отличительной чертой зеркал местного изготовления является наличие боковой ручки, манера выделки которой восходит еще к усуням. В этих зеркалах изменяется иногда и композиция и сюжет рисунка. Так, известно зеркало, где вместо повторения китайской шаблонной композиции изображены геральдически поставленные фениксы. Это приближает их к сасанидской трактовке фазанов. В более поздних зеркалах X в. наличествуют и другие элементы, которые мы рассмотрим в соответствующем месте. Закономерность в распространении и месте нанесения орнамента на предметах быта, отмеченная нами для ранних кочевников, действительна и для тюрок. Керамика, домашняя утварь не орнаментированы; украшения — там, где они наличествуют, — ограничены в керамике оттисками штампа, иногда лощением. В обоих случаях это относится к посуде, подражающей кушанским образцам из Ферганы. И только на одном сосуде из тюркского погребения нам известно изображение фазанов, разделенных между собой треугольными фестонами. По технике лепки сосуда и по рисунку здесь можно скорее заподозрить согдийского мастера, чем неумелого тюркского гончара.

Мы рассмотрели основные памятники изобразительного искусства Киргизии в эпоху тюркского каганата (VI—VIII вв. н. э.). Из сказанного явствует, что искусство этой эпохи весьма сложно и многогранно. Оно скифо-сакское в первооснове и продолжало традиции искусства кочевого общества. Оно формировалось в условиях зачатков рабовладельческого государства и складывалось под воздействием многочисленных культурных влияний, идущих из различных стран и областей: Византии, Гандары, Ирана, но главным образом Согда, Ферганы, Шаша, быть может Хорезма (для Таласа), а также Алтая, Енисея, отчасти Монголии, Восточного Туркестана и Китая. И все же это искусство находило силы для творческой переработки всего огромного потока влияний, создавало новое качество культуры, определяло свое самобытное лицо.

Место, занимаемое Семиречьем и Тянь-шанем, было весьма своеобразно в эту эпоху: территориально и исторически Семиречье на Востоке было в том же положении, что Византия на Западе.

Вопрос о политическом и культурном синкретизме на Востоке, конечно, не может быть исчерпан одним Семиречьем. Нам представляется возможным в таком же плане рассматривать и гандарско-кушанскую Индию, о синкретизме культуры которой в эпоху «Великих Кушан» уже говорилось.[1] Сплетение культурных влияний в Индии в эту эпоху вызвало даже своеобразные националистические концепции, вроде теорий Кумарасвами,[2] сводящиеся к тому, что искусство Индии этой эпохи не является наследием древней индийской культуры; это положение уже отмечал как неправильное наш советский ученый акад. С. Ф. Ольденбург.[3] Синкретический характер византийской культуры отмечался рядом византиноведов.[4]

Если в отношении Византии нет спора о том, что ее искусство представляет собой новое качество с присущими ему внутренними законами развития, то в отношении индийского отрицают закономерность синкретизма не только ученые типа Кумарасвами, но и некоторые западноевропейские ученые, концепция которых в области методологии выглядит весьма идеалистически[5] и которые трактуют эпохи синкретизма как время господства эклектики.[6]

К этим концепциям присоединялись многие буржуазные ученые Запада, высказывая свои сомнения и по поводу других художественных культур, например скифской.[7] В советской литературе такие сомнения были и по поводу

---

[1] J. Kennedy. The Secret of Kanishka. JRAS, июль, 1912, стр. 1005.

[2] Ananda K. Coomaraswamye. Geschichte der Indischen und Indonesischen Kunst. Leipzig, 1927.

[3] См. рецензию С. Ф. Ольденбурга на работы Кумарасвами (ЗКВ, II), в которой он указывает, что даже в гандарскую эпоху Индия была не только «эллинистической провинцией», но и страной «дарующей».

[4] D. Talbot Rice. Byzantine Art, гл. III. Oxford, 1935, стр. 29 и сл. В главе «Происхождение Византийского искусства» он развивает взгляды, по существу, изложенные в книге: Charles Diehl. Manuel d'Art Byzantin, т. I. Paris, 1925, стр. 112 и сл.

[5] См., например: E. W. Havell. The Ideals of Man in Asian Art. London, 1911; L. Binyon. The Spirit of Man in Asian Art. Cambridge, Harward University Press, 1935.

[6] E. W. Havell, ук. соч., гл. II; L. Binyon, ук. соч., стр. 51.

[7] Sava Popovitch. The Iranian Elements in Persian Art. BM, окт. 1930.

сасанидского искусства.[1] Все эти «сомнения» были направлены к умалению самостоятельной творческой силы восточных народов, объяснялись стремлением выделить «творческие» народы и народы «неспособные».

Семиречье было своеобразным районом. Подобно тому как в Византии в синкретическом искусстве сплелось неразрывно искусство Запада (и не только Рима) и Востока (и не только халифата), и все это было осложнено влияниями кочевников севера — от гуннов до печенегов, так и в Семиречье и Тянь-шане сплелось искусство Запада (особенно Согда и Ферганы) и Востока (прежде всего Северного Синьцзяна), осложненное искусством кочевников Алтая и Енисея. И подобно тому как в византийском искусстве наблюдается традиция античности, породившая «византийский антик», — в Семиречье чувствуется влияние сакского искусства, на основе которого и расцвело синкретическое искусство тюркского каганата VI—VIII вв.[2]

3. ПОБЕДА ОРНАМЕНТАЛИЗМА В КАРЛУКСКИЙ ПЕРИОД VIII—X вв. н. э.

Изучение памятников эпохи тюркского каганата объясняет нам генезис явлений, составляющих характерную черту искусства VIII—X вв. — эпохи, которую мы именуем карлукской.

Памятники карлукского времени тесно связаны с предшествующим периодом, и не только благодаря хронологической близости эпох. В период VIII—X вв. н. э. происходила эмиграция согдийцев в Семиречье, и согдийские влияния, заложенные в пору тюркского каганата, получили теперь свое дальнейшее подкрепление и развитие. С другой стороны, важно и то историческое развитие, которое увеличивало и расширяло классовое расслоение среди кочевников, в силу возникновения феодальных отношений. Это повело к оседанию кочевников и включению их в жизнь оседлых поселений. Тот же процесс порождал развитие городов, усиление земледельческой культуры. В поселениях оказались рядом, бок-о-бок, тюрки и согдийцы, — при политическом господстве первых и при их чисто количественном превосходстве. Все это не могло не создать условий для увеличения взаимного влияния, и победителями из этого культурного состязания вышли: в сюжете — кочевники-тюрки, в технике — земледельцы-согдийцы.

Оседлость, естественно, способствовала и интенсивному архитектурному строительству — постройке зданий, их декору и отделке. В этих условиях Семиречье попадает под влияние монументальной живописи (в технике фрески и альсекко) Согда и Средней Азии в целом — с одной стороны и восточнотуркестанских оазисов — с другой. Кстати сказать, влияние Согда шло через мусульманскую Среднюю Азию, где уже господствовал тот суннитский ислам, который вытравил всю живопись доарабского времени, дав в значительной степени волю воображению мастера только в области орнаментальных ухищрений.[1]

Эти кратко очерченные предпосылки объясняют суть того искусства, которое дошло до нас от карлукского периода.

Живопись нашла себе применение лишь в буддийских храмах да в некоторых жилых домах, также несомненно принадлежавших буддистам.

Буддийские росписи этого периода известны нам в двух местах: во-первых, в постройке в Сарыге, вскрытой нашими раскопками; во-вторых, около древнего города Джуль в остатках буддийской сангарамы (монастырь с кельями).[2]

В районе Джуля роспись техникой альсекко в храме была сильно разрушена, и нам достались лишь фрагменты. Но, судя по этим фрагментам, росписью была покрыта большая часть стен, и сюжеты ее были достаточно разнообразны. К сожалению, сохранившиеся фрагменты малы и не дают должного материала для восстановления композиции в целом. Наряду с росписью сохранилась и лепка по глине, часто применялся штамп. Так, сохранилась большая часть отштампованного лица, явно принадлежащего либо громовержцу Ваджрапани, либо одному из охранителей Будды — докшиту.[3] Рельефный лоб заканчивается массивными, нависшими над глазами, бровями. Нос с горбинкой, раздувающиеся

---

[1] М. В. Алпатов. Искусство портрета. М.—Л., 1937.

[2] Об этом см. в нашей статье «Итоги археологических работ в Семиречье» (КСИИМК, XII). Надо отметить, что из исследователей, занимавшихся тюркским каганатом, Эд. Шаванн стоял на правильной позиции, заявляя: «Итак, эти тюрки, которых мы привыкли считать настоящими варварами, не были так некультурны, как полагают; их искусство, материалом для которого были только драгоценные металлы, создало произведения, сама ценность которых подвергала опасности быть разрушенными и перелитыми на монету; без сомнения, этим объясняется, что они исчезли почти бесследно. Однако очень вероятно, что еще можно найти след этого искусства в некоторых украшениях из золота, найденных в Южной Сибири и находящихся теперь в Эрмитаже» (E. Chavannes. Documents sur les Tou-Kioue Occidentaux. СПб., 1901, стр. 238). Глубоко был неправ В. В. Бартольд, оспаривая это мнение Шаванна (см. его рецензию на труд Шаванна: ЗВО, т. XV, стр. 162—185).

[1] Об общей линии развития искусства Средней Азии см. в кн.: Б. В. Вейнарн. Искусство Средней Азии. М., 1939.

[2] Такой тип четырехугольных в плане монастырей особенно широко распространен в Индии. Ср., например, монастыри Шахр-дери, особенно Шахрибакал, и другие. См. также такие развитые планы, как в Тахтай-и-бакай, Джемаль Гари и др. Об этом см.: A. Foucher. L'Art Greco-Bouddhique du Gandhâra. Paris, 1905, стр. 153 и сл., рис. 60, 64, 65.

[3] A. Grünwedel. Buddhist Art in India. London, 1901, стр. 88, рис. 42 (различные варианты Ваджрапани явно восходят к греческому сатиру).

крылья ноздрей как бы приоткрыты. Усы большие, спускающиеся вниз. Глаза очень выпуклы, рельефны. Лицо раскрашено красной краской, брови и усы подкрашены черной. Техника лепки и цветная композиция приближают наш фрагмент к росписям Восточного Туркестана уйгурского времени, т. е. не раньше середины IX в., но, пожалуй, и не намного позже.[1] Впрочем, об этом скажем несколько позднее. Наряду с этим фрагментом следует указать на весьма характерные, также отштампованные, ремни с рыцарского панцыря. На местах перекрестий ремней поставлены украшения в виде розеток — это латы рыцарей-шакья, поддерживаемые специальными ремнями. Несмотря на отсутствие цельности, по этим фрагментам легко узнаются канонические фигуры рыцарей-шакья из того же буддийского пантеона.[2]

Остальные фрагменты дают образцы росписи по гладкому полю, лишь в отдельных местах прорезанному глубокими линиями. По этому гладкому полю располагаются, в основном, лишь геометрические орнаментальные композиции, и в одном только месте угадываются фрагмент нимба бодисатвы да часть головы с ушнишой.

Краски на остальных фрагментах — красная, желтая, синяя, черная; преобладает красный цвет, который, как мы указали выше, характерен для уйгурского стиля росписей, господствовавших в Восточном Туркестане с середины IX в.[3]

В 846 г., в связи с временной победой конфуцианства в Китае, уйгуры-буддисты вынуждены были бежать из Китая.[4] С другой стороны, с Востока, им угрожали киргизы, владевшие в ту пору Монголией. Восточный Туркестан приютил этих изгоев, значительная часть которых, видимо, проникла в Семиречье. С их приходом появляются новые стили в Восточном Туркестане,[5] их искусство получает отражение в Киргизии, — в буддийском храме у Джуля.

В Киргизии мы видим отражение и более раннего стиля росписей. В Сарыге был раскопан жилой дом, на одной стене которого сохранилась роспись буддийского содержания (быть может здесь был небольшой храм-вихара). Сохранился фрагмент с изображением бодисатвы (будды?) в нимбе. Скупыми штрихами, но сильной и умелой рукой, широкими движениями кисти дан контур головы с ушнишей. Характерны в изображении оттянутые книзу уши. Лицо изображенного типическое, оно принадлежит к так называемому «тохарскому» портрету.[1] Среди других обломков интересны изображения букетов из североманьчжурских астр, переданных скупыми штрихами, но столь выразительно и «ботанически» точно, что не возникает сомнения, что это именно североманьчжурская астра.[2] По стилистическим особенностям, а главное, по цветовой композиции эти образцы, где господствуют синие тона и черный штрих контура, могут быть отнесены к манихейской росписи, синхронной или, быть может, более ранней, чем роспись уйгурская.[3] Манихейская роспись в Восточном Туркестане вообще предшествует уйгурской. Характерной чертой тех сюжетов, которые нам известны из Киргизии, являются росписи «малых форм». Здесь мы не знаем ни больших росписей типа праниди (молитвы Будды в окружении других действующих лиц буддийского культа), ни мандала (буддийский рай). Исключением являются фрагменты одной большой, быть может, сцены — сцены похорон будды, где он изображен усопшим, положенным на постамент, крытый покрывалом, имеющим весьма характерный геометрический рисунок с шахматно чередующейся цветной композицией. Такие фрагменты нам известны из упомянутого жилища города Сарыга и храма в Джуле. Рисунок росписей прост. Контур, как указано было, сделан одной простой, но уверенной линией, а затем следует раскраска фона, также в сравнительно простой цветовой гамме: теплые тона в уйгурской росписи и холодные в манихейской.[4] Если первая, уйгурская (храм в Джуле), найдет себе аналогию в росписях Идикут Шари (Турфан),[5] а сам план храма — в храмах типа Сенгим Агыз в Восточном Турке-

---

[1] Помимо Уйгуристана, как на близкую аналогию мы бы могли указать на голову брахмана первых веков н. э. из Хадда (Афганистан, Джалалабад), найденную в Тапакалан (L. Bachofer. Zur Plastik von Hadda. OZ, 3—4, 1931). Близки аналогии в буддийских статуях, восходящих к статуям Геракла из Музея в Лагоре. (A. Foucher, ук. соч., т. II, стр. 1, 1918).

[2] W. Cohn. Buddha in der Kunst des Ostens. Leipzig, 1925, табл. 13 (воспроизведен барельеф всадника с такими налепами). Такого же типа розетки широко распространены на буддийских статуях и более раннего периода. См.: L. Bachofer. Zur Ära Kanishkas. OZ, 1930, вып. 1, табл. 5, рис. 1 (воспроизведена статуя Канишки из Матуры).

[3] См., например: A. Grünwedel. Alt-Kutscha. Berlin, 1920, табл. IV—V, X; A. Le Coq. Die Buddhistische Spätantike in Mittelasien. Die Plastik. Berlin, 1922. См. особенно табл. 36. Цветные таблицы нами изданы в статье «Основные этапы истории культуры в Семиречье» (СА, XI).

[4] Сообщения об этом в Таншу, гл. 217б, л. 5а.

[5] См.: А. Грюнведель. Краткие заметки о буддийском искусстве Турфана. ЗВО, т. XVIII (ср.: Heimo Rau. Untersuchungen zur Mittelalterlichen Kunstegeschichte Ostturkestans. OZ, 1933, 4—5. Уйгурский период назван III стилем).

[1] Heimo Rau, ук. соч., стр. 155 (индо-иранский I стиль). См.: А. Бернштам, СА, XI.

[2] См. изображение ткани на фреске из Хочжо: A. Le Coq. Die Buddhistische Spätantike in Mittelasien. Berlin, 1924, вып. 3, табл. XVII, стр. 45—46.

[3] A. Le Coq, ук. соч., вып. 4.

[4] A. Le Coq. Die Buddhistische Spätantike in Mittelasien. Die Manichäischen Miniaturen. Berlin, 1923, см. табл. 5, стр. 41—42.

[5] С. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. СПб., 1914, стр. 41—42.

стане [1] или Санчи (Индия),[2] то вторая ближе всего к кучарско-карашарским росписям,[3] где особенно сказался стиль византийской иконографии, как полагают некоторые исследователи.[4]

Совершенно иного происхождения разделка стен (в той же технике) в одной из жилых построек шахристана города Сарыга. Здесь были вскрыты стены дома карлукского периода, которые были украшены тонкой резьбой, дополненной раскраской, и, наоборот, орнаментом, выполненным цветовой комбинацией и дополненным резьбой. В обоих случаях орнамент растительно-геометрический, часто только геометрический. Так, в одном случае изображен многогранник, расчлененный на части, в другом — дана плавная линия с завитками, в виде побега лозы с цветами. Здесь цветовые композиции исполнены черной, желтой, голубой красками.

Манера и сюжеты орнаментации, техника в этой постройке имеют самые близкие себе аналогии в разных изображениях по стуку в дворцах аббасидских халифов у Багдада, в древней Самарре, раскопанной Зарре и Херцфельдом.[5] Жилой дом в шахристане Сарыга с плоской резьбой, почти гравировкой, на стенах — несомненно плод влияния согдийских мастеров нового типа, — тех, которые достаточно ясно усвоили каноны рисунка феодального стиля Средней Азии.

Вместе с тем ислам является родоначальником скорее растительного орнамента, чем геометрического. Геометрические формы находят себе аналогии в древнем искусстве Киргизстана, и с этой точки зрения особый интерес представляют рисунки на достарханах и крышках хумов.

Достарханы — столики для угощения, сделанные из глины, — широко распространены в Средней Азии, но особенно в Семиречье; видимо, они обязаны традициям кочевого быта, хотя такой стол из глины (а не из дерева) связан, конечно, с оседлостью. За пределами Средней Азии наиболее близкие, даже по орнаментации, аналогии достарханам мы знаем только в Афганистане.[1]

Богат и разнообразен орнамент на глиняных изделиях, предоставляющих большую площадь для всевозможных композиций. В этом отношении особое место занимают такие монументальные вещи, как достарханы и крышки хумов, само появление которых несомненно свидетельствует о все возрастающей роли оседлости, о развитии городских земледельческих поселений.

Достарханы и крышки хумов, как мы уже указали, богато украшены орнаментом. В предметах большой коллекции, хранящейся в Музее киргизской национальной культуры в г. Фрунзе, мы наблюдаем восемь основных орнаментальных групп: 1) концентрические полосы; 2) растительная вязь или отдельные, не связанные между собою, стилизации цветка; 3) расходящиеся секторы орнамента в виде вписанных друг в друга углов или елочек, причем имеются случаи сочетания этого орнамента с кружками, сделанными пунсоном; 4) орнамент в виде концентрических поясков зигзагообразных линий; 5) рисунков в виде бессистемно расставленных ямок; 6) растительный орнамент в виде цветочных розеток; 7) чисто геометрические рисунки в технике выемчатого орнамента; 8) штампы, образующие бугорки с орнаментальным геометрическим членением.[2]

Таковы основные типы резьбы на достарханах и крышках хумов. Надо подчеркнуть исключительную простоту главных элементов. Весь эффект декоровки основывался на компазиции, где из этих простых элементов компановались затейливые узоры, создающие впечатление весьма изощренного украшения.

Столь же проста и техника изготовления этого орнамента. Укажу на основные приемы его изготовления. Мы проследили следующие восемь приемов: 1) тупой стэк, 2) пунсон, 3) штамп, 4) гребенчатый штамп, 5) резьба, 6) выемчатый орнамент, 7) орнамент, сделанный пальцем, 8) налепной жгут.

Меньше всего в достарханах карлукского периода имеет место штамп. Развитие последнего лучше прослеживается в последующую, караханидскую эпоху.

Достарханы и крышки хумов орнаментированы значительно богаче другой керамики, причем здесь преобладает техника резьбы.

---

[1] С. Ольденбург, ук. соч., стр. 41—42.

[2] С. И. Тюляев. Архитектура Индии. М., 1939.

[3] A. Grünwedel. Alt-Kutscha. Berlin, 1920.

[4] См. там же. Голубые росписи нам известны и в росписях Афганистана. См., например: J. Hackin и J. Carl. Nouvelles Recherches Archéologiques à Bamiyan. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afganistan. Paris, 1933. К афганским материалам все же ближе буддийские памятники, памятники Согдианы (Бухары) и Тохаристана (Термеза). О «византизме», кроме Грюнведеля, см.: T. W. Arnold. Painting in Islam. Oxford, 1928. В главе «A Study of the place of picturial Art in Muslim Culture» он указывает, что мусульманская миниатюра вырастает на базе искусства от Византии до Синьцзяна (см. стр. 50—54). В связи с открытием фресок Хорезма, Варахши и, особенно, Пянджикента этот вопрос подлежит пересмотру, ибо ближе всего истоки миниатюры восходят к пянджикентским росписям.

[5] E. Herzfeld. Der Wandschmuken der Bauten von Samarra und seine Ornamentik. Berlin, 1923. См. рец. В. Крачковской: ЗКВ, т. II. Издание этой росписи см. у нас (МИА, № 14, табл. XII).

[1] См. находки из раскопок в Хаирхане у Кабула в публикации: J. Hackin. Recherches Archéologiques au Col de Kair Kaneh près de Kabul. Paris, 1936. В этой работе воспроизведен фрагмент одного достархана. По мнению Ж. Акэна, появление этих вещей связано с влиянием сасанидского Ирана (см. ук. соч., стр. 31, табл. XXIII, рис. 33).

[2] Естественно, что многим сюжетам резьбы на достарханах мы найдем аналогии, и прежде всего в искусстве сасанидского времени. См., например, материал из замков и домов города Гира в Ираке: Talbot Rice. The Oxford excavations at Hira, т. I—II. AJ, 1934.

Орнамент этого типа частично характерен и для неполивной керамики. В последней — большое значение имеет также техника накладного орнамента.

Технику богатой резьбы мы связываем с искусством резьбы по дереву, столь широко распространенной у кочевников. И на территориях, находящихся под воздействием кочевников, — например в Синьцзяне,[1] — согдийцы применяли те же приемы на глине[2] и этим способствовали выработке той техники, которая легла в основу архитектурного декора караханидского времени.

Эта точка зрения, считающая, что среднеазиатская резная терракота генетически восходит к резьбе кочевников по дереву, была высказана Гуммелем, поддержана Б. Засыпкиным[3] и отчасти Дицем.[4] Мы дополняем эти соображения тем, что видим в Семиречье истоки этого процесса. Здесь, в Семиречье, исторически сложившиеся обстоятельства (взаимоотношение тюрок и согдийцев) способствовали развитию этих случайных навыков в традиционный прием мастерства, ставший как бы узаконенным и нашедший свое распространение в неполивных изразцах караханидского портала, столь хорошо отраженных в гумбазах Узгена.[5] Эта техника резьбы вытеснила более старый прием фигурной кладки кирпичом (мазар Исмаил Самани в Бухаре,[6] Рабат-и Малик у Катта-кургана,[7] Бурана около Токмака[8]), которая, по мнению Б. П. Денике, восходит к текстильному производству.[9]

В накладном орнаменте карлукской посуды мы видим слияние двух разных явлений. Во-первых, накладной орнамент в посуде является следствием утраты реальных мотивов в сюжетах орнамента, которые прежде передавались часто и самой формой сосуда; во-вторых, накладной орнамент был перенесен на глиняную посуду из подражания накладному орнаменту металлических изделий.

Рассмотрим типичные примеры обоих положений.

Еще в керамике согдийского периода мы наблюдаем постепенную утрату реального образа и замену его обобщением формы, или замену целого изображения его частью. Так, первое мы показали на обобщениях изображений животных на ручках сосудов, превратившихся уже в орнаментальные формы. Второй случай — замена целого изображения его частью — находит яркие иллюстрации во многих вещах карлукского периода. На ряде сосудов, особенно кружек, очень часто встречались ручки в виде реалистически выполненных баранов. Такие вещи нам широко известны из инвентаря погребений, раскопанных в Ташкентском оазисе Н. Остроумовым[1] и Г. Григорьевым.[2] Аналогии им можно наблюдать в посуде сарматского времени с Северного Кавказа.[3] Как показал Г. В. Григорьев по материалам раскопок из Каунчи-тепе, наблюдается постепенная замена изображения всего барана изображением его характерной части, — например только рогов.[4] Да и последние все более и более схематизируются, превращаясь в конце концов лишь в «нашлепку» на верхней плоскости вертикальной ручки (рис. 67).

В Семиречье мы не находим посуды каунчинского типа. Ей соответствует культура усуней, которая не знает такого приема. Не наблюдаем мы этого и в согдийской культуре. И только в карлукский период мы видим эту традицию, обнаруживающуюся на том этапе, когда утрачивается реалистический рисунок барана, когда появляется лишь изображение его частей и предельно обобщенный образ, переходящий в символ.

Перечислим последовательно серию ручек сосудов от более реалистических до более схематических.

На одной вертикальной ручке сосуда явно старого типа, восходящего к кафыркалинским формам, плавно изогнутая часть несомненно имитирует барана. На вершине ручки дана в выразительной трактовке баранья голова с рогами, вся внешняя поверхность украшена

---

[1] См. резьбу по дереву в находках Стейна в оазисах Ния: A. Stein. Ancient Khotan, т. II. Oxford, 1917, табл. VIII, XVIII, XIX.

[2] A. Stein, ук. соч., т. II, табл. XII, — керамика из оазисов Можи и Кокшал. См. его же: Archaeological reconnaissances in Northwestern India and Southeastern Iran. London, 1937, табл. XXVI (воспроизведены достарханы и крышки семиреченского типа из развалин древнего города Гормуза).

[3] Б. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии и их реставрация. Вопросы реставрации, ч. I.

[4] E. Diez. Die Kunst der Islamischen Völker. Berlin, 1915. Разбирая теорию Херцфельда о происхождении стука от резьбы по дереву, автор подтверждает его мнение и считает возможным искать истоки этого приема в искусстве народов Центральной Азии (см. стр. 66), указывая на неоднократные влияния тюркских народов на иранское искусство (см. стр. 5); ср. также стр. 207—209.

[5] См. прекрасные воспроизведения: Cohn Wiener. Turan. Berlin, 1930.

[6] Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М., 1939.

[7] И. Умняков. Рабат-и Малик. Ташкент, 1927.

[8] Прекрасный памятник раннекараханидского времени. — А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии. М., 1950.

[9] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939. — Об этом см. у нас в книге «Памятники архитектуры Киргизии» (М., 1950).

[1] См.: ПТКЛА, 1896; ОАК, 1898.

[2] Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940.

[3] Г. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгиюльский район УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935. Ср. статью К. М. Скалон в «Трудах Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа», т. I (Изображение животных на керамике сарматского периода).

[4] Г. В. Григорьев. Краткий отчет..., рис. 64; см. его: Каунчи-тепе. Изв. УзФАН, 1940.

вытянутыми каплевидными насечками. Такие насечки должны были изображать обильный волосяной покров и в данном случае напоминают шерсть барана. Такие приемы весьма широко распространены в терракоте Восточного Туркестана — например, представлены в терракоте из Хотана.[1]

Стилистически уже условная трактовка барана на интересующем нас предмете отлична в виде бугорков — оказалась очень долговечной.[1] Не только в памятниках карлукского периода, но и позднее этот символ остается жить. Он широко представлен в посуде караханидского периода, но там он начинает постепенно сменяться новыми формами. Дело в том, что в верхней части ручки этот налеп, являясь орнаментальным украшением-символом, в то же время несет чисто утилитарную функцию.

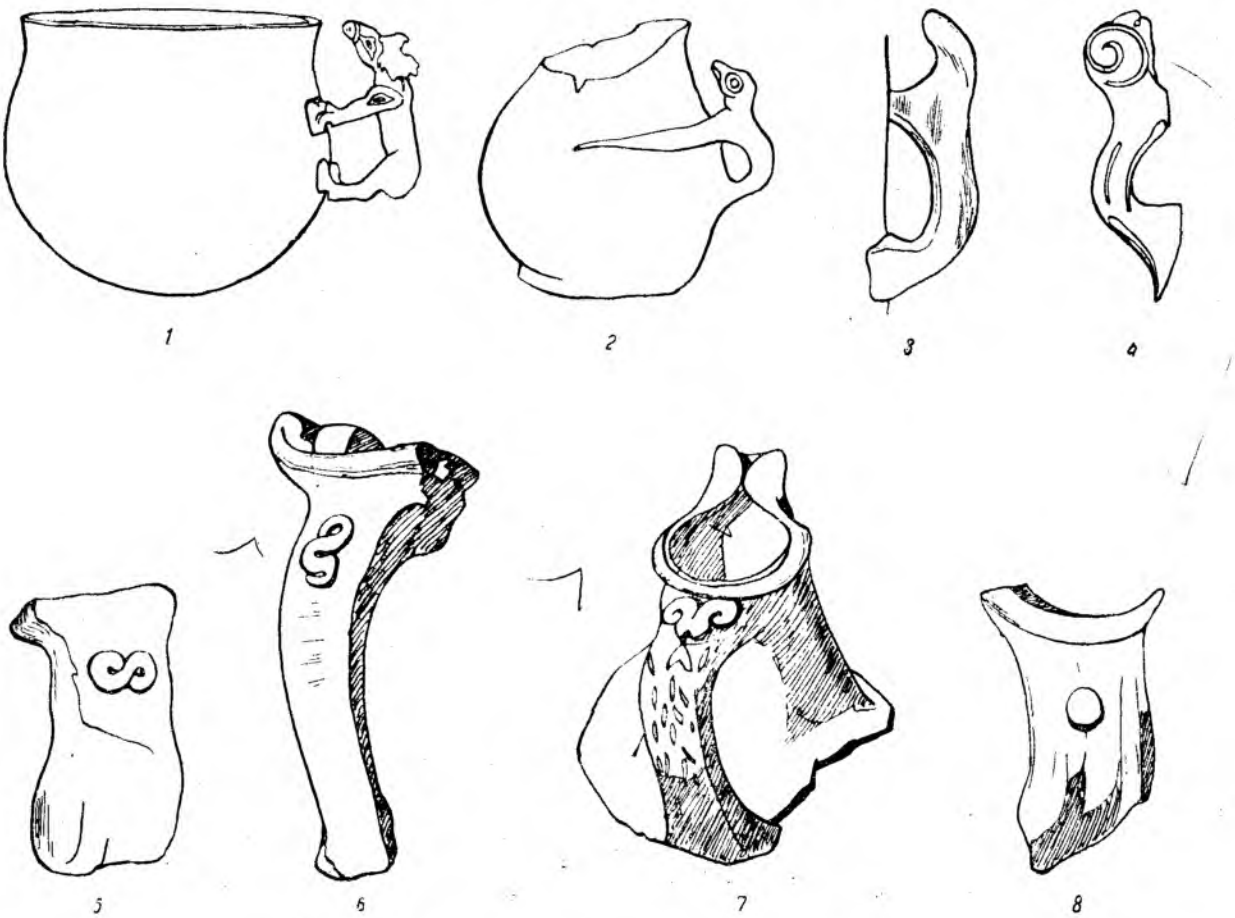


Рис. 67. Эволюция ручек в виде животного.

1 — новочеркасский сосуд; *2—4* — Каунчи-тепе; *5—8* — ручки от сосудов карлукского периода из поселений Чуйской долины.

от каунчинского прототипа. В других предметах, обнаруженных в Чуйской долине, мы видим дальнейшее сокращение деталей в изображении. Туловище передается самой формой изогнутой ручки, от головы остается только изображение рогов. Но со временем происходит упрощение и этой трактовки. Вместо извилистого рисунка рогов, обычно сделанных налепом на верхней плоскости ручки, мастер накладывал лишь налеп в виде кругляшка, долженствующий собой изображать, по существу, символ не только бараньих рогов, но и барана в целом. Последняя ступень обобщений — налеп на вершине ручки

Иногда этот налеп расширен в виде площадки и представляет собой так называемую «пяту» ручки, в которую упирается палец руки человека, держащего сосуд. Эта пята вначале символизировала баранью голову, позднее площадка пяты стала принимать конфигурацию листа.[2] В караханидское время эта форма листа имеет особо широкое распространение, главным образом на чирагах.

[1] C. Montell. Sven Hedin's Archaeological Collection from Khotan. MEA, VII, 1936, табл. XVI.

[1] Добавим, что эта форма — раннего происхождения, что нам известно и в парфянской керамике. См.: Neilson C. Debevoise. Parthian Pottery from Selevcia on the Tigris. University of Michigan Press, 1934, стр. 297.

[2] В Самарре это уже наличествует в IX в. См.: F. Sarre. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925, стр. 19. См. обстоятельную рецензию В. Крачковской (ЗКВ, т. II)

В керамике карлукского периода представлен и прием украшения налепом, который, как мы выше указали, органически связан с техникой накладного орнамента на металле. Впрочем, следует указать, что налепы имеются и в согдийской керамике, но они чаще всего являются остатками тех скульптурных налепов на сосудах, которые придавали ему зоо- или антропоморфный вид. Эта традиция перешла и в карлукскую керамику. Тип классического антропоморфного сосуда представлен в кувшине из Сукулукского городища, который был описан выше, в главе о синкретической культуре тюркского каганата. Стилизацией этой антропоморфной традиции является сосуд из Тараза, добытый нами при раскопках Тараза в 1936 г.[1] Аналогичные формы встречаются и в карлукской керамике. Вместо частей лица по горловине кувшина идет витая линия, вместо рук — с плечиков сосуда на тулово спускаются налепы. Этот налепной орнамент идет от схематизации сосудов лицевого типа. Но не только человеческий образ был представлен в посуде согдийского и карлукского периода. Укажем на широко распространенную и устойчивую форму посуды в виде утки, бытующую и в караханидский период. Более того, этот тип посуды, по заявлению Е. М. Пещеревой, бытует и поныне у ягнобцев Таджикистана и носит название мург-оби.[2]

В коллекциях Фрунзенского музея имеются образцы и этой посуды. На ней также видны налепы, которые, видимо, должны были изображать крылья утки. Вся эта группа налепов связана с приближением формы сосуда к образу, который мыслился мастером как основа данного сосуда.

Другая группа накладного орнамента не имеет органической связи с сосудом и либо имитирует веревочную перевязь, как в китайских сосудах, либо имеет другой смысл:[3] она представляет собой узорчатую одежду, надетую на сосуд, и имеет как бы самостоятельное значение. В этом искусном приеме мастер сочетал торевтику с керамикой и, надо отдать ему справедливость, сделал это неплохо.

Сюжеты накладных орнаментов сравнительно просты. Они представляют собой либо троеточия, либо трехлистья, подвешенные на жгутовой полоске к сливу сосуда или на ожерелье, надетое на его горловину (рис. 68). Несомненно, что эти варианты ожерелья являются не чем иным, как украшением сосуда, в котором зороастрийцы хранили воду во время праздника весны (науруза). К. Иностранцев на основании сообщений Кисрави пишет: «И надевали на шейку кувшина ожерелье из зеленых яхонтов, нанизанных на золотую нитку, в которую были продеты бусы из зеленого хризолита».[1]

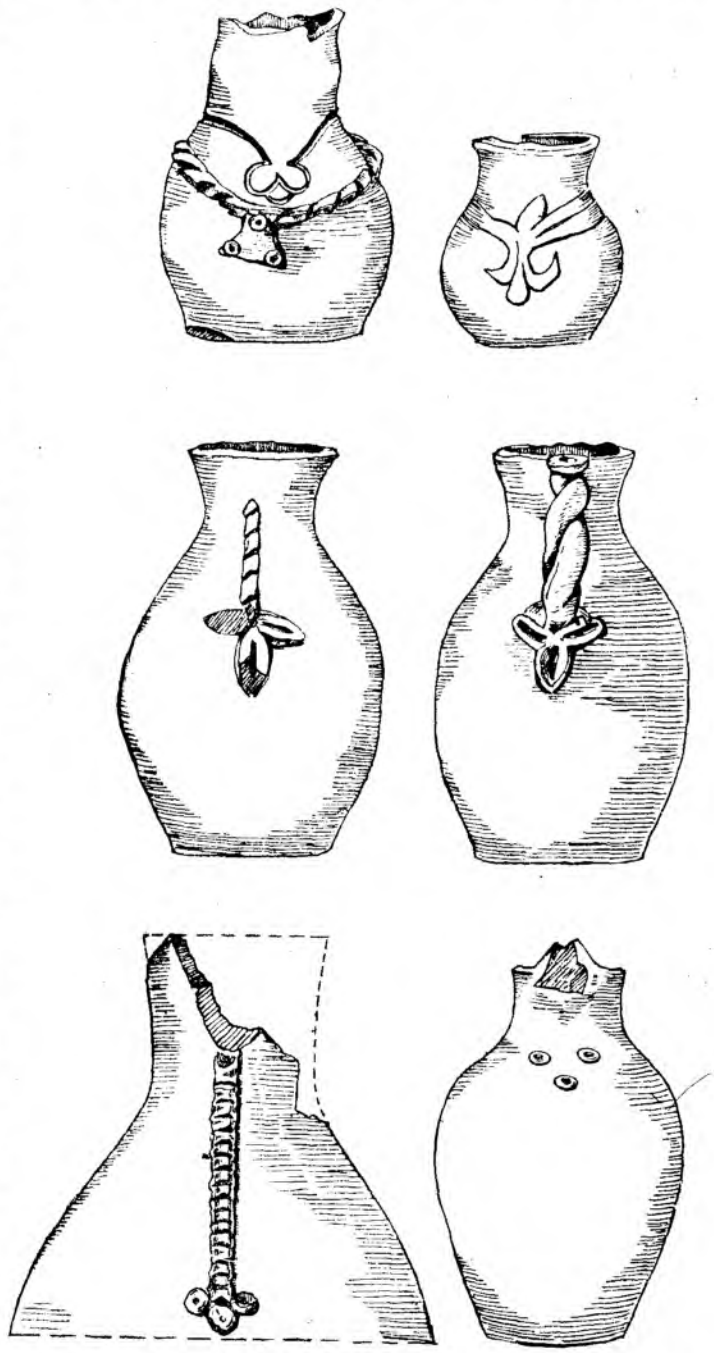


Рис. 68. Эволюция «ожерелья» на сосудах карлукского времени.

Мы уже указывали, что в орнаментике достарханов и крышек хумов в карлукский

[1] См. нашу статью: Археологические работы в Казахстане и Киргизии. ВДИ, 4, 1939.

[2] Е. М. Пещерева. Гончарное производство у горных таджиков. Изв. САГУ, т. XIX, табл. I, рис. 2.

[3] См., например, веревочный орнамент на сосудах для вина типа «Ху». См.: G. Salles. Les Bronzes de Li-yu. Revue des Arts Asiatiques, VIII, № 3.

[1] См.: К. Иностранцев. Сасанидские этюды СПб., 1909, стр. 88.

период стал господствующим растительный узор. В нем, в рисунке бегущей лозы и цветов, рождаются сплетения линий и орнаментальные вязи с буквенным письмом.[1] Следует учесть появление в это время в Семиречье согдийского письма, которое было приспособлено к тюркскому языку (нами называется тюргешским, обычно в литературе — уйгурским).[2]

Курсив тюргешского письма предшествует арабскому и начинает собой тот широко распространенный на Востоке прием орнаментации, который построен на принципе максимального использования линии или ее отрезков, содержащихся в письме. И на хумах этого периода, в которых, как правило, нет украшений, каллиграфическая надпись на венчике уже явно выполняет и функцию письма и функцию орнамента. Правда, здесь надпись еще далека от тех стилизаций, которые выпали на долю арабского куфи.[3] Здесь нет и вязи, в которую вплетается надпись, но все же сочетание букв тюркского письма, с длинными линиями *д*, *ч*, *и* , круглых *о*, *в*, , сложных букв *л*, *м* на фоне однообразных *н*, *а*, *с*, *к* и других, расположенных на «видном» месте хума, по венчику, с несомненностью говорит о том, что мастер искал способ придания тексту надписи роли орнамента. И включенные в надпись орнаменты в виде кружков одновременно выполняют и роль разделителя текста и роль украшения. Эти разделительные орнаментальные кружки — зародыши последующих сплетений надписи с вязью, образование тех сложных явлений, которые займут нас в последующей главе.[4]

Однако следует обратить внимание на тот факт, что уже в карлукское время начали появляться надписи на посуде. В ту же эпоху в Средней Азии арабская надпись на посуде получает широкое применение. Ее текст достаточно доходчив, она выведена каллиграфическим почерком. Содержание надписи, как правило, — благопожелание. Речь идет о тех надписях, которые занимали на изделии видное место и играли роль украшения. Таковы, например, тексты на поливной посуде Афрасиаба.[5] Реже в восточной керамике встречаются тексты ремесленников, — тот или иной мастер оставляет свое клеймо, вырезает или налепом наводит несложный текст: «сделал такой-то». И в том случае, когда мастер «расписывался» на видном месте, он делал это достаточно тщательно, не нарушая строгости формы сосуда, вписывая подпись в орнаментацию.

Таковы подписи мастеров на посуде из столицы аббасидских халифов в Самарре, обнаруженной Зарре и Херцфельдом.[1] Таковы и подписи мастеров на хумах из Тараза, добытых нашими раскопками.[2] Весьма любопытна функция мусульманских надписей с благопожеланиями. По существу она ретроспективно магическая. Для средневековья это был пережиток культово-магического обряда, имеющего целью наделить вещь качествами и свойствами, полезными ее владельцу. Прежде эту роль выполнял орнамент, ныне об этом говорит текст. И как символически-смысловое значение орнамента должно было способствовать благу владельца, так ныне надпись (когда смысловая доходчивость орнаментальной линии стала утрачиваться), в более убедительном и прямом выражении преследует ту же, по существу, цель. Надписи на сосудах играют особую роль в укреплении идеологии ислама в саманидской Средней Азии.

В карлукский период эта новая идея пробивала себе дорогу. Она находила почву прежде всего благодаря формированию новых отношений — отношений феодального типа; она находила пути, поддерживаемая могучим влиянием Средней Азии через свой крайний восточный форпост, город Тараз на Таласе. Последнему много обязаны долины рек Чу и Или. И поэтому следует сказать несколько слов об этом городе; некоторые страницы его истории ныне приоткрыты благодаря успешным работам 1936—1938 и последующих годов.[3]

В своих работах мы охарактеризовали основные исторические и археологические данные, относящиеся к городу Таразу. В саманидскую эпоху Тараз был типично мусульманским городом. Его руины сохранили памятники материальной культуры, в которых можно узнать мастеров Мавераннахра вообще и Самарканда в частности. Весьма вероятно, что в эту пору возникали и здесь местные ремесленные центры под сильным влиянием мавераннахрских городов. Преобладает в Таразе в IX—X вв. типично саманидская керамика, где по белому полю вырисованы бордюры из арабской надписи почерком куфи, еще сохраняющие как бы связь с насхом. Тараз был крайним восточным форпостом мусульманских купцов Средней Азии. Благодаря этому в Таразе

---

[1] Т. е. фактически тот же путь, который прослежен в мусульманском искусстве и главным образом архитектуре. Ср.: A. U. Pope. Architectural Ornament. A Survey of Persian Art, т. II.

[2] Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, VI.

[3] S. Flury. Le décor épigraphique des monuments de Ghazna. 1925. См.: В. А. Крачковская, Эпиграфика Востока, вып. III.

[4] См. наши статьи: Уйгурская эпиграфика Семиречья. Эпиграфика Востока, вып. I и II, Л., 1947, 1948.

[5] В. Л. Вяткин. Афросиаб — городище былого Самарканда. Самарканд, 1926.

[1] F. Sarre. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925.

[2] На обломке хума по чтению М. М. Дьяконова надпись гласит: «сделал Юсуф». См.: А. Бернштам. Новые эпиграфические находки из Семиречья. Эпиграфика Востока, вып. II, Л., 1948.

[3] См. нашу книгу: Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941. Полное издание: Труды Семиреченской археологической экспедиции. Таласская долина. Алма-ата, 1950.

памятники культуры и искусства Средней Азии представлены главным образом импортом. Местные мастера находились под сильным идеологическим воздействием первоклассных образцов Самарканда.

В то время как в Таразе слагалась типично феодальная культура, как и во всей Средней Азии, в Чуйской долине еще сильны были согдийские традиции. Талас от Чу отделен кочевьями карлуков, пастбищами Кульшуб и Касрибас, создавшими разные «ландшафты культуры».[1] О непосредственном наличии в Чуйской долине мусульманских мастеров (в большом количестве) мы говорить не можем. Вещи мавераннахрского облика скорее проникали сюда в результате торговли, чем изготовлялись в Чуйской долине. Поставщиком этих вещей был Тараз, где производство полихромной посуды уже в IX—X вв. явно было налажено.[2] О том, что в Чуйской долине слабо развито производство полихромной посуды, достаточно ясно говорит ограниченное количество находок в идентичных слоях городищ, на что мы указывали в брошюре «Археологический очерк Северной Киргизии» (стр. 91). Только в караханидскую эпоху налаживается в Чуйских городищах (и вряд ли в Илийских) производство полихромной посуды, и, конечно, масштабы производства не идут ни в какое сравнение с производством Тараза. Однако следует указать, что и Тараз не знал самой ранней керамики поташного типа, которая известна из Самарканда.[3] Поскольку расцвет производства полихромной посуды в Чуйской долине падает на XI—XII вв., мы рассмотрим эти явления в соответствующей главе, посвященной искусству караханидского периода.

В какой же связи нас интересует роль Тараза в карлукский период? Дело в том, что в IX—X вв. в этом крупнейшем ремесленном центре, имеющем огромное значение и большое влияние для развития культуры Семиречья, — как его городов, так и кочевого населения, — победила новая феодальная линия в искусстве. Она принесла сюда линейные формы, главным образом растительные мотивы, как господствующее направление в изобразительном искусстве. Она содействовала почти полному исчезновению реалистических образов и замене их в прикладном искусстве, в художественном ремесле, орнаментальными формами, — правда, не без влияния кочевников. Точнее, в искусстве Семиречья не исчезли геометрические формы, как в секторальных членениях красочных площадей, так и в самом орнаментальном сюжете. Особенно ярко это влияние сказалось в караханидский период, но в карлукском этот процесс уже ясно наметился. Образцы новой ремесленной продукции Тараза, появившиеся под влиянием ислама, почти изгнавшего все живое из орнаментального сюжета, шли в Семиречье, в долины рек Чу и Или, в горные ущелья Тянь-шаня. На этих, для Семиречья классических образцах воспитывалось эстетическое чувство потребителя, этим образцам начинали подражать мастера семиреченских городов. Формы орнамента критически воспроизводились, повторялись, и росписи с полихромной посуды переходили на резьбу неполивных сосудов.

Это влияние породило сочетание геометрических форм в резьбе, например выемчатого орнамента, с тонкой резьбой растительного побега, который легче написать кистью, чем вырезать по глине. Тематика орнаментального порядка настойчиво проникала в Семиречье.

В карлукский период в Семиречье не был столь широко распространен ислам, чтобы думать о возможности его абсолютного и непосредственного влияния на идеологию как ремесленников, так и потребителей. Социальная среда была еще далека от такого состояния. Секрет победы орнамента заключался в подражании художественным образцам, шедшим в Чуйскую долину из Мавераннахра через Тараз. Совершенные образцы саманидской глазури с их росписями по ангобу не могли пройти незаметно для ближайших соседей — жителей Семиречья. Если учесть ту способность впитывать влияния, которой отличалось Семиречье, — способность, порожденную еще кочевым состоянием значительного числа его жителей и недостаточным развитием собственного ремесла, — то наше объяснение станет особенно убедительным. История знала много примеров этой способности к подражанию и ассимиляции культурных явлений, — достаточно вспомнить взаимоотношения между причерноморскими колониями и скифами. Подражание — как случай воспроизведения, в котором находит место творческая жилка, которое дает возможность дальнейшего развития сюжета в целом или его частей, — было фак-

---

[1] Эти историко-культурные «ландшафты» Семиречья обязаны были не только географическим факторам, но прежде всего историко-социальным. О роли воздействия географических факторов на искусство см.: V. Minorsky. Georgaphical Factors in Persian Art. BSOS, т. IX, ч. 3.

[2] Надо отметить, что для Тараза не исключено знакомство и с китайской манерой росписи сосудов, о чем уже сообщали по отношению к мусульманской керамике Зарре и Херцфельд (Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925). О характерной подглазурной росписи разводами «Гуань цзюн» (Huan Chün) см. в китайском материале: R. L. Hobson. The George Eumorfopoulus Collection, т. II, табл. XXV; т. VI, табл. XIV, рис. 48. Однако в Семиречье полихромная посуда западного, мавераннахрского происхождения. В Китае глазурь «Liu-lu» появляется с Ханьской эпохи, в Семиречье — значительно позднее. В Китае наибольшее распространение глазури падает на эпоху Тан, раньше глазурь известна на Западе (Вавилон, Ближний Восток); об этом см.: B. Laufer. The Beginnings of Porcelain in China. Field Museum of Natural History, Anthropological Series, т. XV, 2, Chicago, 1917.

[3] И. А. Сухарев. Ранняя поливная керамика Самарканда. Труды Самаркандского пединститута им. А. М. Горького, т. I, вып. 1, Самарканд, 1940.

том и в истории Семиречья, не учитывать которого мы не можем. Победа орнамента в искусстве карлукского периода Киргизстана и есть воспроизведение классических образцов мусульманского искусства, ближайшим центром которого был Тараз. Но и здесь воспроизведение было подчинено навыкам местных мастеров.

Однако следует указать, что эта победа орнамента в карлукский период не была абсолютной и полной. Сквозь растительные вязи и геометрические полосы проглядывала (и неоднократно) тематика былого реализма.

Следы звериных мотивов мы можем отметить на двух достарханах, хранящихся в музее г. Фрунзе. В одном случае это налепное изображение собаки на дне чаши достархана, в другом — резьбой дано изображение горного козла, в которого вонзил когти не то грифон, не то беркут.

Следы зооморфных мотивов мы имеем и на ряде других объектов. Так, например, на одном сосуде дано штрихом, скупо, но достаточно выразительно, изображение тау-теке.

Большой интерес представляет постепенная трансформация целого изображения и замена его частью, подобно тому как Г. Григорьев на материалах Каунчи-тепе проследил исчезновение изображения целого барана и замену его рогами. Ручка сосуда в виде барана, как это нам известно из катакомб Каунчи-тепе на Востоке и в Новочеркасском кладе на Западе,[1] наличествует и на сосудах карлукского времени: то как туловище животного, покрытого шерстью и изогнутого в форме ручки с рогами барана, то в виде только рогов, то в виде нашлепки на верхнем изгибе ручки. Характерны и сосуды в виде утки, на тулове которых имеются дугообразные налепы, имитирующие крылья.

Следы звериных мотивов мы наблюдаем и в металле, например в подставке для подсвечника в виде лап хищника (Сукулук).[2]

К карлукскому времени относятся и другие весьма интересные вещи, — правда, найденные в другом месте, но недалеко от Чуйской долины. Мы имеем в виду зеркало с боковой ручкой; на ней изображен всадник на охоте, вокруг которого расположена круговая надпись на арабском языке.[3] Как уже отметила Г. Балашова, этот сюжет является отзвуком сасанидских сюжетов.[4] Укажу на зеркало, также с боковой ручкой, на которой изображены мифические женские фигуры, обращенные спинами друг к другу,[1] по типу расположения львов на панели из Термезского дворца, неоднократно привлекавшей внимание исследователей[2] (рис. 69). Из наиболее простых мотивов обработки металла укажу на лопастные фигуры тела чирака, перекликающиеся с фигурами киликийской чаши, талантливо истолкованной И. Орбели.[3] На этих чираках отметим пяту в форме листа, которая позже встречается тоже на чираках, но уже глиняных, караханидского периода.

В завершение нашего обзора находок, относящихся к карлукскому периоду, укажем, что нам известна весьма интересная группа каменных колонн, представляющих собою особую группу архитектурных деталей, явно выросших из культовых обелисков. Эти колонны-обелиски нам известны из района Юрьевки (Кантский район Фрунзенской обл.), из городища Ак-тепе на Таласе,[4] а аналогии им — в колоннах из Сайрама,[5] Обурданской колонне[6] и др.[7] Они представляют собой слегка расширяющийся вверху ствол, перетянутый (ниже расширения) жгутом. Колонна опирается на шар, в свою очередь стоящий на полусферической базе. Орнаментирована колонна поясками в нижней части ствола. Низ ствола оканчивается симметрично расположенными четырьмя медальонами, спускающимися на шар. Поверхность медальона украшена растительным орнаментом. В отличие от колонн, ведущих свою «родословную» от дерева, эти колонны-обелиски связываются с фаллическим культом.[8]

---

[1] И. Толстой и Н. Кондаков, ук. соч., вып. 3.

[2] См. аналогию: H. C. Hollis. A Unique Seldjuk bronze. AI, II.

[3] ОАК, 1889, стр. 94. Аналогии см.: Max van Berchem. Matériaux pour l'épigraphique et l'histoire Musulmanes du Diyar Bekr. Amida. Heidelberg, 1910, стр. 126, рис. 56. Китайское зеркало с персидской надписью. Зеркало датируется 729—730 г.

[4] Г. Н. Балашова. Бронзовое зеркало со сценой охоты. ТОВЭ, III, стр. 257 и сл.

[1] Аналогичная композиция сюжетно и стилистически нам известна из Месопотамии или Персии XII в.: M. S. Dimand. A Handbook of Mohammedan Decorative Arts. The Metropolitan Museum of Art, New York, 1930, рис. 49. Надо отметить, что эти мифические существа с головой женщины и туловищем животного впоследствии займут прочное место в рейской керамике. См., например, о появлении этого мотива в мусульманской керамике: R. L. Hobson. A Guide to the Islamic Pottery of the Near Est. British Museum, 1932. Очень близкую аналогию, датируемую XI—XIII вв., см.: Survey of Persian Art, т. VI, табл. 1312.

[2] Е. В. Веймарн. Орнаментация дворца XII века в древнем Термезе. Искусство, 6, 1934.

[3] И. А. Орбели. Киликийская чаша. Сб. «Памятники эпохи Руставели», изд. Гос. Эрмитажа.

[4] П. Иванов. К вопросу о древностях в верховьях Таласа. Сб. в честь С. Ф. Ольденбурга, Л., 1934.

[5] М. Массон. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры, открытых М. С. Андреевым в горах Самаркандской области. Сб. «По Таджикистану», Ташкент, 1927.

[6] М. Андреев, сб. «По Таджикистану», вып. 1, Ташкент, 1927. Обурданскую колонну Б. Денике датирует X в. и сопоставляет резьбу по дереву с резьбой по стуку. См. его: Quelques Monuments de Bois Sculpté du Turkestan Occidental. AJ, т. II, 1935, ч. I—II, стр. 69 и сл.

[7] М. Андреев. Деревянная колонна в Матче. ИГАИМК, т. IV, табл. III.

[8] Последние работы об этих колоннах см.: Г. А. Пугаченкова. О резных деревянных колоннах XIV—XV вв. в г. Туркестане. Изв. КазССР, сер. архитектурная, № 1; она же. О каменных колоннах из Таласской долины. Труды ИЯЛИ КиргФАН, т. II.

Искусство карлукского периода переходное, оно имеет какой-то незаконченный, мы бы сказали неровный характер. В нем еще сильны пережитки согдийской местной традиции, в нем прослеживаются мусульманские влияния феодальной эпохи, столь не свойственные искусству предшествующего периода. В карлукский период искусство порывало с прошлым, оно обретало новые стилистические приемы и сюжеты. Но надо отдать ему должное — оно принимало эти новшества достаточно разумно, не теряя своей самобытности и оригинальности. Вещи карлукского периода из Чуйской долины нельзя смешать с синхронными вещами Мавераннахра: они резко отличаются своими местными чертами.

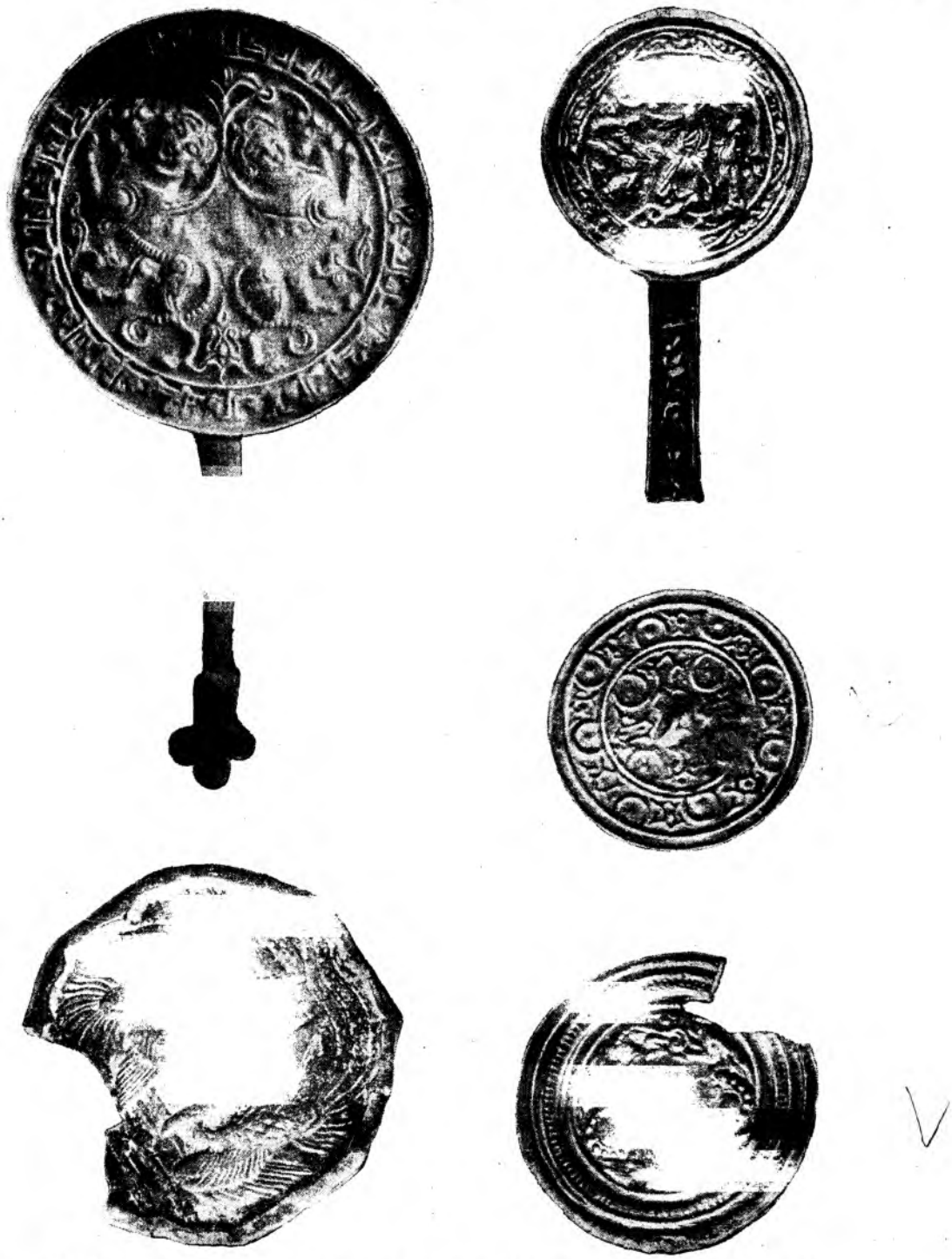


Рис. 69. Тяньшанское подражание китайским зеркалам танско-сунского времени.

Переходный характер искусства карлукского периода целиком и полностью отвечал и пере-

ходному характеру социально-экономических отношений VIII—X вв. Здесь была ярко выражена большая индивидуальность творчества мастеров; производство художественных изделий еще не приобрело ремесленного характера. Произведения искусства создавались художником-специалистом и сельским гончаром. Различие в мастерстве было еще большим, что подчеркивает широкое распространение искусства среди разных слоев населения, разных и по социальному и по этническому происхождению. Искусство карлукского периода, занимавшее рисунком каждое пригодное для этого поле, было более народным, если не по сюжету, то во всяком случае по технике. В этом его достоинство, в этом его познавательный интерес. Коллекции вещей карлукского периода Семиречья ярче всего свидетельствуют о любви народа к искусству, стремление украсить каждый предмет — от стен дворца до горшка бедняка.

4. ИСКУССТВО ФЕОДАЛЬНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ И НАРОДНАЯ ЛИНИЯ В ИСКУССТВЕ

XI—XII вв. для Тянь-шаня весьма важный период. Господство династии Караханидов, тюркской по происхождению, среднеазиатской по масштабам, было временем утверждения на Тянь-шане феодальных отношений. Окончательно оформился феодальный город, социально-экономический центр которого из шахристана перекочевал в рабад — торгово-промышленное предместье.[1] Здесь сосредоточилась его напряженная жизнь среди торговых рядов и махалля мастеров-ремесленников. Тянь-шань повторял то, что уже знал Мавераннахр и раньше, в саманидскую эпоху. Это достаточно ясно показано в литературе, ярче всего А. Ю. Якубовским.[2] Господство при караханидах идеологии ислама определило пути развития искусства, а наличие высоко развитой технической базы в виде широкого распространения общественного разделения труда и стабилизации профессий ремесленников обеспечило развитие мусульманских форм изобразительного искусства. Наряду с продолжением традиций, получило широкое развитие подражание, копийное мастерство в больших масштабах. Техника ремесла и стандарт производства заглушили индивидуальный голос художника. И обильный материал из раскопок наглядно подтверждает это положение.

В самом деле, подавляющее большинство предметов, подлежащих нашему рассмотрению, явно свидетельствует о большом и стандартном ремесленном производстве. Основным объектом рассмотрения остается опять же посуда, которая, резко делится на две группы: 1) неполивная домашняя посуда — массовая, бытовая — и 2) парадная, глазурованная, полихромная посуда.

В изготовлении бытовой посуды уже прочно завоевал себе место гончарный круг, благодаря которому посуда в виде малых кувшинов, чайничков, флакончиков и других предметов получила четкие стандартные формы. Господствует тип кувшина с отчетливо различающимся горлышком и туловом, относящимися друг к другу как 1 : 1, и сферические котлы для варки пищи, обычно без орнамента.[1] Посуда симметрична — как в вертикальном, так и в горизонтальном сечении, и весьма проста по своей форме. В посуде повторяются пространственные законы, свойственные вообще «мусульманской» трактовке объема, — ограниченность линий, монументальность,[2] — и вместе с тем она воспроизводит вторую сторону монументальных сооружений — правда, слабее: пышный декор ее плоскостей. Поверхность такой посуды обычно богато украшена орнаментом. В неполивной посуде господствует штамп, технически ускоряющий ее изготовление, но делающий ее однообразной. Орнамент наносится штампом, содержащим одну комбинацию, и то очень лаконичную. Путем повторения оттиска создается орнамент, располагающийся исключительно в пределах горизонтального сечения плоскости. Искусство собственно сведено к технике. И, как бы стараясь нарушить эту «скоростную» технику удовлетворения эстетических требований, ремесленник, не чуждый художественного вкуса, старается оживить сухость орнаментации путем остроумной комбинации разных штампов при нанесении узора на плоскость. Так, появляется сочетание двух-трех штампов для составления узора (рис. 70).

Штампы по своим техническим качествам — двух типов: штампы, накладывающие (или врезающие) узор, и штампы, отдавливающие барельеф. Другими словами, штампы выполняют два древних технических приема украшений — резьбу и накладной орнамент путем лепки. Одна чаша достархана из Сукулука, где врезная техника сочетается с барельефной, наглядно это подтверждает. Преобладает техника накольчатого и врезного орнамента.

Однообразен орнамент штампа и по сюжету, в основном восходящий к сюжетам солярного орнамента.[3] Прежде всего следует отметить,

---

[1] О структуре среднеазиатского средневекового города см.: В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.

[2] А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV в. Л., 1933. Ср. его же: История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950; (рец. М. М. Дьяконова: Вопросы истории, 4, 1951); см. также статью: КСИИМК, XXVIII.

[1] Тип такого котла воспроизведен в одной миниатюре XII в. аббасидской школы. См.: F. R. Martin. The Miniature Painting and Painters of Persia, India and Turkey from the 8th to the 18th Century, т. II, London, 1912, табл. 6. См. также аналогии в Самаррской керамике: F. Sarre. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925, стр. 21.

[2] Это особенно ярко сказывается в архитектуре.

[3] A. Pope and Ph. Ackermann. A Survey of Persian Ornament. A Survey of Persian Art, III.

Рис. 70. Геометрические штампы на керамике караханидского времени.

что господствует геометрический рисунок, составленный из отрезков прямых, иногда перекрещенных. Большое место занимает в штампе круговая розетка — «солнце», заполненная внутри узором, часто в виде радиально расходящихся линий — «лучей». Широкое распространение имеет S-образная фигура, являющаяся символом змеи, характеризующая культ змеи у древних киргизстанцев.

Очень богато представлен орнамент на «загадочных» сосудах — сфероконусах, в большинстве своем покрытых орнаментом в виде линий, образованных рядом наколотых точек.[1] В нем мы наблюдаем те же мотивы, но встречаем и линейно более протяженные рисунки, приближающиеся к растительным узорам.

Возвращаясь к орнаменту на неполивной посуде, укажем, что, наряду с основными рисунками, могут быть отмечены (но уже в единичных случаях) изображения отдельных элементов, — смысл которых для нас не всегда ясен, — также выполненных штампом. Важно отметить, что одни и те же штампы были широко распространены в городах Чуйской долины, о чем говорят находки в двух разных городищах (Сарыг и Сукулук), отстоящих друг от друга на 75—80 км, черепков от сосудов, украшенных штампом с одним и тем же рисунком. Возможно, что здесь имеет место распространение вещей из одного гончарного центра.

Характерной чертой всех рисунков штампов является их орнаментальность и редкое исполнение реалистических сюжетов, т. е. абсолютное господство идеологии ислама в практике ремесленников.

Помимо штампа изредка наблюдаются украшения, сделанные руками мастеров, — пальцами или стэком: это налепные жгуты и волнистые врезанные линии, преимущественно на венчиках хумов. Штамп в городах Чуйской долины господствует в XI—XII вв., в то время как на Переднем Востоке, где город сложился раньше, где раньше победил ремесленник, эта техника старше, — имеем в виду прежде всего Самаррскую керамику, т. е. IX в.[2]

Значительно больше индивидуальности и художественного разнообразия мы наблюдаем в полихромной посуде. В культурных слоях городищ Тянь-шаня полихромная посуда появляется в относительно большом количестве лишь в караханидскую эпоху, о чем мы уже говорили выше. По технике ее изготовления (качественно более низкой, чем в Мавераннахре) можно полагать, что она местного происхождения. Глазурь та же, т. е. на свинцовых и медных окислах. Подглазурные краски минерального происхождения — земляные. Наряду с росписями по ангобу наблюдается и сочетание росписи с гравировкой; исследователи обычно объясняют это византийским влиянием.[1] Керамика Семиреченского типа, несомненно, имела распространение в Восточном Туркестане;[2] в Мавераннахре же она, видимо, изготовлялась местными мастерами. Схожая с ней керамика северо-западной Индии и юго-восточного Ирана также, очевидно, принадлежит местным мастерам, хотя территориально могла проникнуть и из Восточного Туркестана.[3]

За исключением некоторых видов, Средняя Азия знала все типы передневосточной керамики,[4] а среднеазиатскую керамику знало все Семиречье, во всяком случае западное (Талас).

При явно индивидуальных чертах семиреченской полихромной керамики, мы в ней наблюдаем следы влияния мусульманской керамики в целом; имеются неплохие описания и классификации ее, но без достаточного учета мавераннахрских образцов, тем более семиреченских.[5]

Росписи полихромной посуды содержат два господствующих сюжета: во-первых, широко использованная для орнамента арабская надпись со всеми возможными стилизационными вариантами (рис. 71); во-вторых, растительный орнамент. И в том и в другом случае мы не можем указать особых признаков, которые характеризовали бы самобытное лицо этой керамики, отличающие ее от средиземноморской или во всяком случае от мавераннахрской. Поэтому та характеристика, которую мы ей дали

[1] Так как о сфероконусах было немало исследований, мы сочли возможным не останавливаться на этом подробно, отсылая читателя к основной литературе вопроса, где имеется достаточно выразительных иллюстраций, — например: Э. Ленц. О глиняных сосудах с коническим дном, находимых в пределах Мусульманского Востока. ЗВО, т. XV.

[2] F. Sarre. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925, стр. 11 и сл.

[1] G. Reitlinger. Islamic Glazed Pottery from Kish. Иранское искусство и археология, М.—Л., 1939. Правда, наличие резного орнамента с глазурью, редкого в Семиречье, как мы показали выше, было известно в Семиречье и задолго до возможного византийского влияния. На Переднем Востоке, в частности в месопотамской керамике, такой прием имеет особо широкое распространение. Сграфити по зеленому фону широко представлены в кипрской керамике I (византийского) периода. См.: J. E. Taylor. Medieval graves in Cyprus. AJ, V.

[2] См., например, сборы А. Стайна в оазисе Можи (Ancient Khotan, т. II, XLII).

[3] См. ее воспроизведения: A. Stein. Archaeological reconnaissances. North-Western India and South-eastern Iran. London, 1937, табл. IV.

[4] См. рец. В. Крачковской (ЗКВ, т. II) на работу: F. Sarre. Die Keramik von Samarra.

[5] Наиболее подробную классификацию мусульманской керамики в целом см. в работе: E. Kühnel. Islamische Kleinkunst. Berlin, 1925, стр. 73 и сл. Среднеазиатская керамика отмечена у него в разделе «Персидский фаянс» (II тип, саманидская керамика X в.; Самарканд, Бухара, без упоминаний коллекций Эрмитажа) и в разделе «Турецкая керамика» (VI тип, Туркестанская керамика XVIII—XIX вв.). В русской и советской литературе нет сводных работ, посвященных классификации среднеазиатской керамики. Классификациями отдельных групп занимались С. Дудин (Отчет о работах в мавзолеях Шах-Зинде в Самарканде. ИРКИСВА, 6), В. Крачковская (см. ее содержательную рецензию на аналогичную работу: E. Kühnel. Die Islamische Kunst. Leipzig, 1929), Б. Веймарн, И. Сухарев, Э. Кверфельдт и другие.

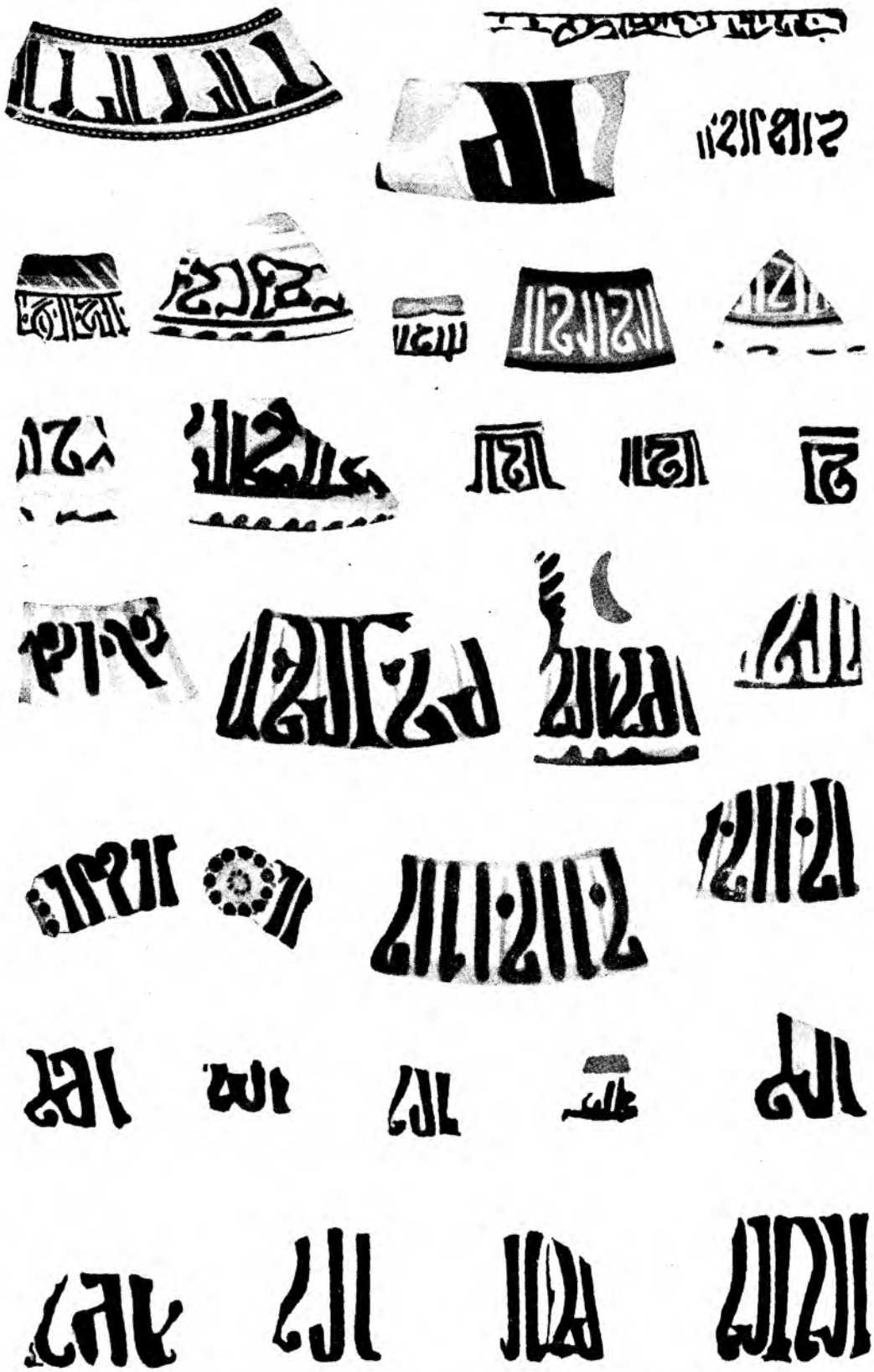


Рис. 71. Буквенная орнаментация посуды караханидского времени.

на основании наших коллекций Тараза, остается в силе и сейчас.[1]

Характерной чертой расписной керамики городищ Чуйской долины является преобладание надписи над рисунком. Надпись — широко распространенное явление. Надпись, как и следовало ожидать, является сильной стилизацией

[1] Классификацию керамики Тараза мы дали в специальной главе нашего полного отчета об экспедициях по Таласской долине.

(почерком куфи) повторяющихся слов «алла» и других благопожеланий, например, «альюмн», повторенных либо путем отдельных буквенных групп, либо путем непрерывной линии орнамента, расположенной по закраине блюда. Ее крайней стилизацией или подражанием является линия точек, расположенных в той же части сосуда. Имеющиеся классификации мусульманской посуды порочны тем, что в них прежде всего была слабо отражена среднеазиатская керамика (за исключением Самарканда) [1] и тем более не выявлена семиреченская. Однако описываемые черты этой полихромной посуды заставляют нас выделить ее в особый тип — семиреченский, точнее караханидский, подобно тому как типические черты самаркандской керамики явно связаны с саманидским периодом. Несомненно, что семиреченская полихромная посуда, — как по технике, так и по форме, — возникла под влиянием форм, созданных в Согде, развившихся в Мавераннахре, в свою очередь связанных с развитием согдийской культуры. «Нецивилизованное» Семиречье, однако, раньше восприняло эти формы, чем культурная Европа. В Италии только в эпоху Возрождения появляются подражания лучшим достижениям восточной керамики — в росписи и технике. Так, например, чаши типа bacino, scodello scodellacia восходят к пиале и касе; цилиндрические сосуды (обычно белой поливы) породили в Италии формы сосудов типа albarello, так же как кувшины и т. д.[2] Известно, что в западноевропейской буржуазной науке сопоставления памятников культуры Запада с Востоком неоднократны; например, указывалось на связь форм архитектуры и скульптуры в религиозных зданиях Индии и Западной Европы.[3] В меньшем масштабе, но все же наблюдаются и обратные явления, связанные с проникновением западноевропейских мастеров на Восток.[4]

Характерной особенностью буквенного орнамента на посуде Чуйских городищ является следующее. Среди общих для Средней Азии мотивов встречаются буквенные композиции, сделанные разными красками (например черной и желтой), причем буквы и межбуквенное пространство закрашены разными цветами, образуя единую красочную полосу, в то время как обычно буквы даются (в общесреднеазиатской технике) однотонной краской и с явственными промежутками, в которых проглядывает фон основного поля сосуда. Эта техника, где буквы и межбуквенный фон выступают в роли украшения, весьма напоминает технику рисунка и расцветки, широко практикуемую в киргизских ширдаках и носящую название «обратного» изображения — киргизское дольбор. Количество таких объектов невелико, но очень типично.

Другой своеобразной чертой является то, что здесь больше распространен прием ленточного расположения буквенного орнамента, который не расплывается в растительной вязи или в общем фоне посуды, а превращается в самостоятельную, специально подчеркнутую орнаментальную линию, отделенную от всей орнаментальной композиции специальными полосами. В ряде случаев в буквенном орнаменте мы наблюдаем особую плавность, упругость линий букв, в отличие от привычных нам либо растительных подражаний, либо геометрических сухих стилизаций куфи, при полном отсутствии почерка насх.

В семиреченской полихромной посуде, как правило, надпись располагается отдельно от другого сюжета росписи. Такими сюжетами росписи являются часто вихревая розетка в центре чаш или цветная стилизация кругаиз перл — кромлеха. Помимо аналогий этим мотивам в мусульманской керамике, мы можем привлечь цветные орнаментальные украшения на фресках Синьцзяна, датируемых более ранним периодом, чем мусульманская керамика, особенно если мы имеем в виду «тысячу пещер» Дунь-Хуана.[1]

Учитывая, что вообще происхождение полихромной посуды Ирана и Средней Азии связывается исследователями с Дальним Востоком, что сформулировано, в частности, Пезардом,[2] то не будет ничего невероятного в том, чтобы и происхождение многих росписей относить к Востоку, о чем мы сказали выше.

Не только в Самарре, но и в Фостате известны находки китайской керамики;[3] в свою очередь Передний Восток оказывал влияние на Запад, чем объясняются мотивы куфи в византийской посуде.[4]

Излюбленным орнаментальным сюжетом являются растительные узоры, причем господ-

---

[1] Ср.: R. L. Hobson. A Guide to the Islamic Pottery of the Near East. British Museum, 1932; Гобсон опускает этот тип и вообще делит керамику на три периода: I — 620—1200, II — 1200—1400, III — 1400. Выделяет керамику Самарканда Г. Мижон (G. Migeon. Manuel d'Art Musulman. Paris, 1927, 2-е изд.).

[2] Об этом см.: H. Wallis. The Oriental Influence on the Ceramic Art of the Italian Renaissance. London, 1900. Автор отмечает влияния, сказавшиеся не только в форме сосуда, но и в росписи и в цвете (см. стр. XXII). Характерны также и сюжеты: из Шахнамэ Фирдоуси, образ Захака и т. д. (см. стр. XXIII).

[3] Al. Salmony. Europa-Ostasien. Religiöse Sculpturen. Potsdam, 1922. Ряд любопытных статей на тему о европейско-азиатских связях см.: сб. «Studien für Kunst des Ostens». Wien, 1923; H. Glück. Die Christliche Kunst des Ostens. Berlin, 1923 (главным образом рассмотрена миниатюра).

[4] M. S. Dimand. A Silver inlaid bronze canteen with christian subjects in the Eumorfopoulus Collection, AJ, I, стр. 17 и сл.

[1] P. Pelliot. Les Grottes de Touen-Houang. Paris, 1920, тт. I—IV.

[2] Pézard. La Céramique archaïque de l'Islam et ses origines, т. I. Paris, 1920.

[3] K. L. Hobson. Chinese Porcelain from Fostat. BM, сентябрь, 1932.

[4] Talbot Rice. Byzantine Polichrome Pottery. BM, декабрь, 1932.

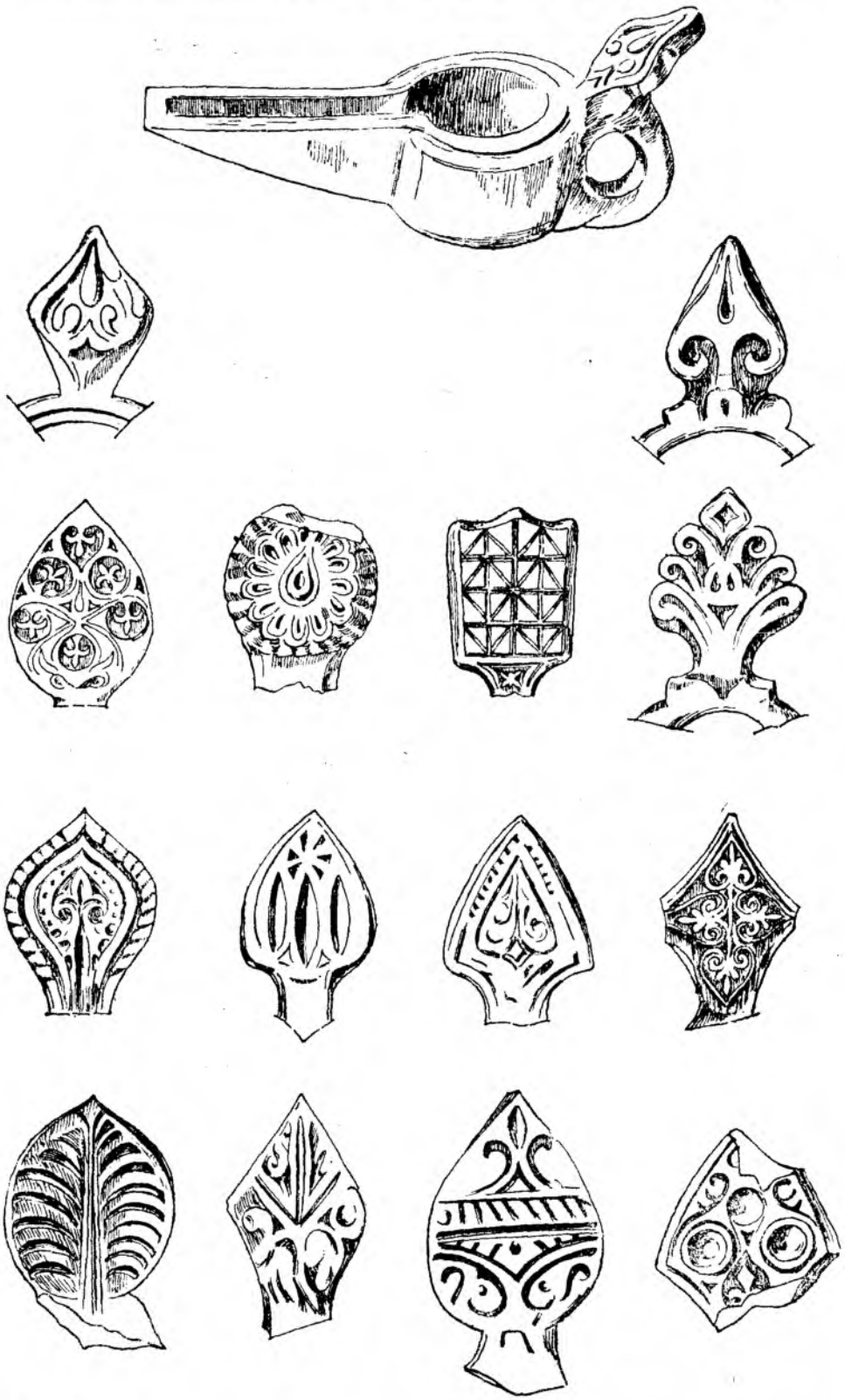


Рис. 72. Растительно-геометрические типы орнаментов на пятах светильников караханидского времени.

ствует орнамент в виде четырехлопастного «пропеллера», концы которого развернуты в рисунок стилизованного цветка. Весьма широко представлена в центре сосуда «вихревая розетка», иногда осложненная дополнительными штрихами и растительными завитками. Во всех этих случаях росписи не выходят за круг стилистических вариаций тех сюжетов, которые мы наблюдали в керамике Тараза. Последнее дает возможность предполагать, что в об-

ласти расписной посуды влияние Тараза было особенно велико.

В связи с вопросами о поливной полихромной посуде Чуйских городищ следует отметить еще два момента. Во-первых, видимо и на роспись Чуйской керамики следует распространить наше высказанное на основании материалов из Тараза предположение об использовании мастерами трафарета при росписи керамики.

Во-вторых, наряду с устойчивой расцветкой в росписи (преобладание красного, коричневого, черного, желтого и зеленого цвета), наблюдаются цветовые сочетания, не свойственные росписи более западного происхождения.[1] Так, например, характерно использование контрастных цветов в пределах одного сюжета. Если, как правило, в росписях этого типа контрастирует цвет орнамента с фоном, то в Чуйской керамике цветовые контрасты заключены в самом рисунке. Мы не можем не видеть в этом того же влияния ширдачно-алакиизного орнамента, идущего от кочевников, о котором мы уже говорили выше.

Особую группу составляет художественное оформление чирагов. Чираги XI—XII вв. весьма строги по форме, в ряде случаев ясно видно стремление мастера придать сосуду именно «металлическую» форму, что достигается энергичными срезами тулова чирага, вертикальными каннелюрами, ограниченным объемом. Центром художественного оформления является «пята» ручки чирага (рис. 72), которая исполняется в виде древесного листа. Площадь пяты заполняется невысоким рельефом резного или штампованного орнамента в виде симметричного древа с побегами. Окраска всегда монохромна, преимущественно плотная коричневая или зеленая полива. Пяты чирагов мы наблюдаем и в более ранних предметах карлукского периода, причем сначала на металлических сосудах, восходящих по своему рисунку к ручкам на кипрской керамике II—III вв. н. э.[2]

Особое значение среди поливной посуды имеет серия предметов с весьма оригинальными росписями. Так, например, на городище Сукулук найден ряд предметов с изображениями: фазана, лягушки, медведя и даже со стилизованным изображением человека. Наибольший интерес представляет изображение фазана. На блюде, сохранившемся почти целиком, по краю расположена выполненная красновато-коричневой краской арабская надпись почерком куфи, но сравнительно хорошо читающаяся, повторяющая слова «алла» и «альюмн». В центре красной краской исполнен в весьма реалистической манере бегущий фазан. Характерна чуть-чуть закинутая назад голова, поднятая нога, четкий рисунок корпуса, весьма живо передающий образ бегущей птицы. Так же реалистично выполнены и лягушки на другом блюде, упирающиеся в надпись «алла». В отличие от этих двух рисунков, упомянутые нами другие изображения трактованы более условно и стилизованно, особенно изображение человека.

Все эти рисунки имеют для нас большой интерес. Интересен уже самый факт сочетания на одном предмете надписи с изображением живого существа, да еще выполненным в двух случаях в такой реалистической манере. С одной стороны, художник, угождая официальной идеологии государства, насыщал художественное оформление предмета элементами мусульманского происхождения (арабскими надписями), с другой, повинуясь спросу веротерпимой и далеко не ревностно исповедующей ислам среды, сельской округи, брал сюжет, более близкий ее идеологии. Изображение дано столь реалистично и живо, что оно никак не ладит с общим характером искусства этого времени, хотя композиционно прекрасно вписано в круговую арабскую надпись.

Наличие изображений живых существ в искусстве Средней Азии домонгольского периода — нередкое явление, и в данном случае находки в Чуйской долине не представляют исключения.[1] Из литературы и музейных собраний известно немалое количество блюд с полихромной росписью, имеющих обычно в центре изображения живых существ.[2] Многие авторы полагают, что изображение живых существ в мусульманской керамике связано больше всего с переднеазиатским культурным кругом (где впрочем и шире был распространен шиизм) и главным образом в послемонгольский период. В самом деле, напомню изображения человека, зверей, птиц — например в портальной нише мечети Шах Сафи (XIV в.) в Ардебиле, где на фаянсовых плитках изображены павлины; в Исфагане, во дворце шаха Аббаса, где в росписях даны изображения людей.[3] Еще более многочисленны примеры в керамике из Рея, Фостата, на металле из Мосула и т. д.[4] Впрочем, связи с Передним Востоком прослеживаются не только по линии изображения живых существ, которые, по мнению И. А. Орбели, обязаны сельджукскому

[1] В этом отношении гамма красок совпадает с образцами западного персидского происхождения, датируемыми XII в., где по светлому фону расположена темная роспись. См.: R. Ettingausen. Important pieces of Persian Pottery in London Collections. AJ, т. II, 1935, табл. I—II, см. рис. 1—2.

[2] A. J. Butler. Islamic Pottery. A Study mainly historical. London, 1926.

[1] В домонгольской керамике их наличие отмечал Э. Кюнель (E. Kühnel. Die altasiatischen Lüsterfayancen. AJ, IV).

[2] См.: K. L. Hobson. The George Eumorfopoulus Collection, VI, табл. VIII и сл. Аналогии взяты из Самарры (IX—X вв.). Ср.: М. М. Дьяконов. Керамика Пайкенда. КСИИМК, XXVIII.

[3] Об этом см.: F. Sarre. Denkmaler Persischen Bauenkunst. Berlin, 1901.

[4] Raymond Kocchlin. L'Art de l'Islam. La Céramique, табл. I. См. многочисленные примеры: A. J. Butler. Islamic Pottery, A Study mainly historical. London, 1926, табл. IX и др.

«ренессансу»,[1] но и в ряде чисто орнаментальных деталей — таких, как плетенка, встреченная в находках из Кочкорского клада, роспись в виде трехлопастных «пропеллеров» и т. д., что широко представлено в византийском искусстве, особенно в глазурованной керамике с процарапанным орнаментом.[2] Укажу на то, что в мусульманском искусстве известны изображения лошадей, птиц, льва, сделанные остроумным расположением надписей почерком куфи и сулю, также благожелательного содержания.[3] Сюжеты, связанные с «ренессансом», известны в камне, тканях.[4] Однако, во-первых, известные нам предметы этого типа (полихромная посуда с изображением живых существ) в основном иранского происхождения, где большое распространение шиизма способствовало появлению этих сюжетов, в противоположность суннизму, категорически эти «вольности» запрещавшему; во-вторых, наличные изображения резко отличаются от наших. Отличие это идет по линии геральдичности в изображениях. Обычная тема изображения — птицы, как правило, данные в геометризованной трактовке, весьма геральдично, порой даже стилизованно. Параллелью этой теме в древности может служить изображение птиц (фазана, павлина) в медальонах сасанидских тканей, в современности — изображение птиц у древа в таджикских вышивках Дарваза.[5]

Разбираемое нами изображение отлично от сюжетных аналогий прежде всего в стилистическом отношении. Фазан выполнен весьма реалистично. Его живая и правдивая трактовка не вяжется с застывшей буквенной формулой. Несомненно, что изображение фазана имеет более древнюю традицию, чем аналогии в среднеазиатских собраниях и их прототипы из сасанидских тканей. Фазан почти «скифский» по манере исполнения, и, видимо, эта манера подачи могла снискать больший успех, чем геральдика в западных образцах. Появление фазана как темы на нашем блюде можно объяснить тем, что в караханидской Киргизии было многочисленное свободолюбивое согдийское население, для которого фазан был священной птицей, символом обоготворяемого негаснущего огня. То же мы можем сказать и в отношении стилистической интерпретации лягушек, позаимствованной, вероятно, из китайских мотивов, также не чуждых Семиречью. В отличие от китайской трактовки, также несколько застывшей в эпоху Сун, по сравнению с Танским «Возрождением»,[1] они рукой мастера, живописца по керамике, несколько оживлены и поданы более реалистично.[2]

В отличие от этих двух изображений, вторые два, имеющиеся в нашем распоряжении, — изображение человека и медведя, — уже более условны: схематичен медведь и полностью стилизована фигура человека, данного несколько в «египтизированной» форме: лицо — в профиль, туловище развернуто фронтально до талии, в профиль повернуты бедра.

Мы могли бы также отметить условную передачу характерными штрихами изображений уточек на донышке блюд (аналогии которым нам известны в иранской керамике),[3] подобно тому как в индийском орнаменте изображение птице-человека — «киннари» — дается в виде опущенных вниз углов.[4] Впрочем последние представлены единичными образцами.

В. Н. Чепелев, разбирая аналогичные сюжеты в среднеазиатской керамике из коллекции Кастальского, ныне хранящейся в Музее восточных культур в Москве, пришел к выводу, что подобная тематика в искусстве Средней Азии порождена народной линией искусства.[5] Веротерпимость, отразившаяся в народном творчестве, простота, в хорошем смысле этого слова, чуждая условностям господствующей идеологии, порождает эти сюжеты. Вполне вероятно действие этих же причин и в отношении генезиса явлений, на которые мы обратили только что внимание.

Изображения живых существ на полихромной глазурованной керамике из Сукулукского городища являются отражением народной линии в искусстве народов Семиречья в XI—XII вв.

Следует отметить большой набор бус, представлявших собой главным образом детские нашейные украшения и браслеты на руки и

---

[1] И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства. ТИК, стр. 151 (доклад, прочитанный на III Международном конгрессе по искусству и археологии в 1935 г.). Блестящие примеры аналогичного «ренессанса» см.: Amida, Heidelberg, 1910, статья М. ван-Бершема и И. Стржиговского. Последний специально выделяет раздел звериных мотивов в исламском орнаменте (стр. 335 и сл.).

[2] Oskar Wulff. Altchristliche und Mittelalterliche Byzantinische und Italienische Bildwerke, II. Mittelalterliche Bildwerke. Berlin, 1911, табл. XVIII—XXIX. Орнамент «пропеллер» см.: A. J. Butler. Islamic Pottery, табл. XXXV, керамика Фостата.

[3] Prisse d'Avennes. L'Art arabe d'après les monuments du Caire, depuis le VII-e siècle jusqu'à la fin du XVIII-e siècle. Paris, 1877, стр. 214 и сл.

[4] J. Schmidt. Persischer Seidenstoff der Seldjukenzeit. AJ, 1935, ч. I—II, стр. 86 и сл. Ткань хранится в Музее Виктории и Альберта в Лондоне.

[5] А. Бобринский. Орнамент горных таджиков Дарваза. М., 1900.

[1] С. Ольденбург. Пещеры тысячи будд. Восток, кн. I, Пгр., 1922.

[2] Относительно реалистичная трактовка в мусульманской керамике весьма редка. Отмечу одну роспись, известную нам в султанабадской керамике (XIII в.), изображающую бегущую газель (см.: A. J. Butler. Islamic Pottery. London, 1926).

[3] A Survey of Persian Art, V.

[4] С. Ольденбург. Гандарские скульптурные памятники Государственного Эрмитажа (отд. отт.). Киннари известны и в росписях Варахши. Ср.: В. Шишкин. К вопросу о древних традициях в народном искусстве Узбекистана. Изв. УзФАН (отд. отт.).

[5] В. И. Чепелев. О народной линии в искусстве феодального Востока. Искусство, 1936, № 1.

ноги. Для изготовления этих украшений использовались коралл, раковины каури, янтарь, яшма, кварц, сердолик (карнеоль), стекло, керамические бусы, горный хрусталь, бирюза, рог, гранит, известняки.[1] При господстве шаровидных форм и цилиндрических пронизок следует отметить биконические, бочкообразные и плоскостные формы как пронизок, так и подвесок. Абсолютно преобладают одноцветные бусы, хотя как редкое исключение можно отметить и бусы с глазками (пастовые), а коралл чаще всего встречается в виде естественных отрезков.

Чтобы закончить характеристику украшений, отметим, что широкое распространение среди детских украшений имели металлические подвески из бронзы, где, наряду с монетами, наличествуют мотивы солярного цикла, аналогии которым имеются в весьма древних памятниках, изученных по материалам Северного Кавказа А. А. Миллером, а также изображения (крайне стилизованные) фазана. Все эти украшения архаичны по своему сюжету.[2] Именно с ребенком человек ассоциировал свои представления культово-магического порядка, и не случайно на киргизском ребенке мы еще недавно могли видеть, в качестве пережитка, аналогичные украшения — то в виде пера филина, пришитого к детской шапочке, то в виде тумара, повешенного на его шею.

Металл для этой эпохи в Семиречье представлен очень бедно. Нам известно буквально не более десятка вещей: крышки и стволы от подсвечников. Здесь мы наблюдаем литье с невысоким рельефом, имитирующим развернутый цветок с лепестками, на месте пестика которого обычно укрепляется петлеобразная ручка с распластанным шпеньком на обороте (в технике так называемый «ласточкин хвост»).

Стволы подсвечников представляют собой цилиндрические или призматические фигуры, на поверхности или гранях которых встречается изречение из корана (?), выполненное классическим высоким куфи, слегка врезанным и, как правило, не инкрустированным. Расцвет орнаментации этих предметов мы будем наблюдать позднее, в монгольскую эпоху.[3]

Как явствует из вышеприведенных материалов, искусство этой поры целиком определялось идеологией мусульманского феодального города. Художник уступил место ремесленнику, выбившему из его рук инициативу и творческую самостоятельность. Производство вещей массового спроса целиком сконцентрировалось в руках ремесленников, сохранилось домашнее производство вещей лишь узко бытового, «кухонного» характера. Кстати укажем, что последние лишены художественного оформления, их поверхность ничем не украшена.

Воздействие народных эстетических требований сказывалось лишь в отдельных элементах, которые мы выше отметили: в реалистическом рисунке, в цвете, в компоновке линий, в буквенном орнаменте. Несомненно, что в этот период победило феодальное искусство, ставшее господствующим, заглушившее все многообразие традиций и сюжетов предшествующих поколений.

Великим «пропагандистом» этого феодального искусства являлась архитектура. Ей оно обязано победой декоративного элемента над изобразительным. Архитектура произвела критический отбор древних элементов искусства и показала степень восприимчивости ислама в отношении местных культурных ценностей. Она оказалась очень ограниченной, односторонней. Архитектура феодального периода восприняла на месте технику декора и частично орнаментальный сюжет; но отвергнута была реалистическая струя. В этом плане роль и значение архитектуры на феодальном Востоке исключительно важны в деле развития искусства, но сохранившиеся до наших дней памятники этой эпохи весьма незначительны количественно, хотя и являются наиболее яркими для своего времени.[1]

5. ИСКУССТВО И КУЛЬТУРА СЕМИРЕЧЬЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ В ПЕРИОД КАРАКИТАЕВ

Культура караханидского периода претерпела резкие изменения во второй половине XII в. В Чуйской долине хозяином стал народ тунгусо-маньчжурского происхождения — каракитаи. Нам уже довелось сообщить предварительные итоги археологических исследований памятников культуры каракитаев, обнаруженных нами в «киданьском» квартале г. Баласагуна, расположенного юго-западнее современного г. Токмака.[2]

Археологическим раскопкам подверглась часть монастыря санагарамы и принадлежащий ему небольшой храм типа чайтьи.[3] И тот и другой были сильно разрушены, видимо, мусульманами, когда последние при поддержке монгол разгромили буддистов-каракитаев. Поэтому собранный здесь экспедициями 1939—1940 гг. материал весьма фрагментарен, но достаточно выразителен.

Наиболее важным материалом из всего собранного здесь являются фрагменты скульптуры глиняной и из камня, во-вторых — архи-

---

[1] Определения сделаны геологом Л. Прасол (г. Фрунзе).

[2] Сообщения ГАИМК, т. II, 1926.

[3] Ср. подсвечники XII в. из Персии: M. S. Dimand. A Handbook of Mohammedan Decorative Arts. The Metropolitan Museum of Art. New York, 1930, рис. 48 на стр. 107.

[1] А. Бернштам. Памятники архитектуры Киргизии. М., 1950.

[2] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 87 и сл. См. полное издание МИА № 14.

[3] A. Foucher. L'Art Gréco-Bouddhique du Gandhara, т. I. Paris, 1905.

тектурные украшения, в-третьих — фрагменты живописи. Чайтья имела два вида скульптур — из камня и глины. Обнаруженные здесь фрагменты каменных изваяний в основном принадлежат к одному культовому комплексу. Как удалось установить путем реставрации, отдельные обломки являются частями одной фигуры стоящего будды, несколько больше нормального человеческого роста, окруженную соответственными аксессуарами. Наиболее близкие аналогии таким статуям (в композиционном отношении) мы видим в китайских стелах, изданных Е. Шаванном, особенно в стеле 543 г.[1] Будда стоял на двуконическом пьедестале, в виде обращенных друг к другу цветков лотоса. Пьедестал сделан тщательно, технике скола сопутствовала тщательная шлифовка породы — гранита. Листья цветка выполнены невысоким рельефом, без излишней детализации, скупыми штрихами, но весьма выразительно. О всей статуе самого будды говорить нельзя, так как сохранились лишь ступни ног и верхушка головы (затылочная часть) с частью ушниши. Этот фрагмент весьма характерен трактовкой волос: они представляют собой ряд плавных волнистых линий, прорезающих поверхность головы, что придает видимость волос, уложенных в прическу.

Такая трактовка волос позволяет гипотетично восстановить фигуру будды, видимо подражающую римским «тогатус», одетым в сангати — типично античную одежду, спадающую характерными «античными складками». Как известно, «античные складки» ведут свое происхождение от греческой драпировки женских фигур. О характере одеяния статуи будды мы можем составить представление на основании известных фрагментов статуи будды такого типа. Это можно подтвердить находками аналогичных складок пеплума, как их называет Винкельман,[2] на фрагментах глиняных статуй, обнаруженных в этом же храме. Фигура стоящего будды имеет много аналогий — как в североиндийских скульптурах (Тахт-и-бохай), так и в северо-западном Китае (Хэнань),[3] где такие статуи являются реминисценциями статуй Аполлона.[4]

Позади статуи будды стояла плита той же высоты. Внизу этой плиты, справа и слева, были изображены высоким рельефом, в той же удивительно простой и скупой на штрихи манере, хищники «фо» — полульвы, полусобаки, напоминающие овчарку с львиными лапами.[1] Фо изображается обычно сидя; одна его лапа (ближе к переднему плану) опущена, вторая поднята вверх. В нашей коллекции сохранилась передняя часть туловища фо, с изумительно сделанными лапами; в небольшом фрагменте туловища чувствуется вся экспрессия хищника, что заставляет видеть в скульпторе, изготовившем его, незаурядного мастера.[2] Надо отметить, что этот кусок барельефа по лаконичности и выразительности воспроизводит лучшие образцы сасанидских барельефов, особенно ту сцену в Так-и-Бостане, где Шапур поражает льва, с той лишь разницей, что изображения на сасанидском барельефе более статичны, чем на нашем обломке. Хронологически более близкие аналогии могут быть указаны в барельефах и скульптурах знаменитого хэнаньского комплекса.[3]

Верх плиты представляет собой нимб будды, над головой которого, вдоль полосы закраины, были высечены малые изображения бодисатв.[4] Нарядное оформление головного убора бодисатвы и пышная прическа с ярко подчеркнутой ушнишой свидетельствует о той ранней индийской манере, которая в совокупности с византийскими влияниями запечатлена в фресках Кучара, изданных Грюнведелем.[5]

Уже эти аналогии говорят о том, что в статуях, обнаруженных в киданьском квартале, мы видим сравнительно ранние буддийские стилистические приемы, возводящие наши объекты к классическим образцам буддийской скульптуры Китая и Индии,[6] прежде всего Китая, ибо в этих статуях уже много созерцательности и покоя. Элементы условности и обобщения дают возможность еще более точно датировать эти фигуры, относя их к Танскому времени, а не к эпохе Сун, когда уже появляется индивидуализация и портретность.[7]

Другие обломки буддийской скульптуры представляют собой части лотоса,[8] распластанную на брюхе черепаху, от которой сохранились

---

[1] Ed. Chavannes. Six Monuments de la Sculpture Chinoise. Ars Asiatica, т. II, 1914.

[2] И. И. Винкельман. Избранные произведения и письма. 1935, стр. 108. Буддийские атрибуции, восходящие частично к античным образцам, см., кроме выше цитированного Фуше: J. Hackin. Guide Catalogue du Musée Guimet. Les Collections Bouddhiques (Exposé historique et iconographique). Paris—Bruxelles, 1923.

[3] Ed. Chavannes. Mission Archéologique dans la Chine Septentrionale, t. I. Paris, 1909.

[4] С. Ольденбург. Пещеры тысячи будд. Восток, Пгр., 1922.

[1] Le Coq. Die Bouddhistische Spätantike Mittelasiens, вып. 1, табл. III; особенно см.: Ed. Chavannes, ук. соч., т. I, ч. 1, табл. CLXXXII и сл.

[2] A. Stein. Serindia. Oxford, 1921, т. IV; табл. CIV — рисунок будды на шелке из Дунь-Хуана.

[3] Ed. Chavannes, ук. соч.

[4] См., напр., изображение бодисатв около будды, хранящееся в Калькуттском музее из Лориен Тангай.— A. Grünwedel. Buddhist Art in India. 1901, стр. 202; A. Stein. Serindia. Oxford, 1921, т. IV, табл. CIV.

[5] A. Grünwedel. Alt-Kutscha. Berlin, 1920.

[6] A. Foucher. The Beginnings of Buddhist Art. 1917.

[7] Прекрасную формулировку индо-китайской миграции буддизма и его черт дал С. Ольденбург. См. его: Пещеры тысячи будд. Восток, кн. I, Пгр., 1922.

[8] Несомненно от двуконических пьедесталов будды. См.: A. Foucher, ук. соч., табл. XXII—XXIII.

задние лапки и хвост, скрещенные лапы трехпалой птицы, возможно филина, и другие невыразительные обломки.

Техника изготовления этих вещей не отличается от только что описанной стелы с буддой — та же лаконичность в скульптурном рисунке при отличном знании натуры. Круг этих скульптур повторяет классические образцы античной скульптуры; мы здесь наблюдаем перенос на местную почву искусства, выросшего на другой территории.

Интересны, хотя и крайне фрагментарны, глиняные статуи. Среди подобранных фрагментов имеются, во-первых, обломки от скульптур и, во-вторых, барельефы. Часть лепных обломков, видимо, происходит от архитектурных украшений фризов и пилястр. Среди обломков отметим фрагменты статуи: видимо, нога будды, задрапированная тканью с теми же «античными складками», сделанными несколько грубо и условно;[1] от этой же статуи найден обломок головы с характерно трактованными волосами в виде отдельных бугорков, на которых видны спиралевидные очертания. Подобная трактовка волос характерна для ряда скульптур из камня и глины, причем на последнем материале они делаются штампом.[2] Ближайшие стилистические аналогии к этим образцам можно показать в скульптурах из Мирана в храме, раскопанном А. Стейном.[3]

Из других обломков обращает на себя внимание выразительно исполненный глаз какого-то чудовища, всего вероятнее — грифона. Горельефом выполнено большое глазное яблоко, четко обрисованы веки. Глина для скульптуры приготовлена с примесью самана. Все скульптуры покрыты тонким слоем белой краски, по которой нанесена роспись. В росписи преобладает синий и красный цвета. Эти два цвета занимают главное место, все другие цвета — например желтый — играют весьма небольшую роль.[4]

Значительную и весьма интересную группу составляют архитектурные украшения из обожженной глины.

Среди них обращают на себя внимание круглые налепы на черепицу в виде диска, наружная сторона которого покрыта выпуклым орнаментом. Сюжет этого орнамента своеобразен: это орнаментальный круг из горошин, внутри которого помещается цветочная розетка, состоящая из центрального круга с расположенными вокруг него имитациями листьев в виде секторов. В орнаменте нет свободного пространства, все заполнено — хотя бы простейшим рисунком в виде бугорка, точки или луча.

Такими налепами украшались нависающие концы черепиц на крышах. Образуя длинный ряд в виде карниза, они, особенно при боковом освещении, давали своеобразную игру света и тени, придавая постройке нарядность и пестроту. Идея такого налепа — китайская. Мы знаем похожие налепы в древней китайской архитектуре, где они заполнены обычно рисунком мифического характера — изображением дракона или таотье.[1] Здесь же дан «сасанидский» орнамент, но также в свою очередь «перефразированный», в среднеазиатской трактовке. Такого типа орнаментальные круги мы знаем в китайском шелке с тканным узором, где китайский лотос сочетается с подобными «сасанидообразными» орнаментальными кругами.[2] Мы считаем возможным отнести происхождение этих тканей к району Семиречья, откуда у нас имеется больше всего доказательств о сплетении китайских мотивов со среднеазиатскими.[3] Напомним описанные нами тюргешские монеты.[4]

Любопытны также украшения кровли домов — специально сделанные «коньки» из глины в форме «кокошника». По фасаду «кокошник» украшен сильно стилизованным рисунком человеческих фигур. В нем мы наблюдали очень схематизированный рисунок буддийского триптиха,[5] где в центре большая фигура изображает, видимо, будду, а по крыльям помещены сопутствующие ему бодисатвы.

Внутреннее украшение здания осуществлялось также обожженными плитами с рисунками. Так, до нас дошло весьма реалистичное изображение ветки дерева, в которой ботаник (проф. И. В. Выходцев) без труда онознал реликтовое, священное в буддийском культе, дерево Hinga Biloba, ныне растущее только в некоторых частях Китая и Японии. За отсутствием этого дерева в Семиречье, в буддийском храме было помещено его изображение в глине, данное плоским рельефом.[6]

Следует отметить ряд рисунков, сделанных мастерами, видимо, при изготовлении черепиц. Резцом, палочкой и пальцем на черепи-

---

[1] Впервые издана нами в «Археологическом очерке Северной Киргизии» (Фрунзе, 1941, табл. XXIII).

[2] Такая манера трактовки волос ближе к индийским образцам. См. будду из Боробудура (Берлин): A. Grünwedel. Buddhist Art in India. London, 1901, стр. 185.

[3] A. Stein. Serindia. Oxford, 1921, т. IV, табл. XLVI; ср. также: Innermost Asia, т. IV, табл. VII (Харахото).

[4] О красках см.: A. Le Coq. Die Buddhistische Spätantiken in Mittelasien. Berlin, 1924, вып. 6; см., напр., табл. X.

[1] Для ханьской эпохи см. такие налепы в моделях домов, найденных в Наньшаньли в Маньчжурии археологами Хамада и Шимада (Archeologia Orientalis, III).

[2] Находки В. В. Радлова на Алтае, Боровка — в Монголии, Стайна — в Синьцзяне.

[3] А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, VI.

[4] А. Н. Бернштам. Тюргешские монеты. ТОВЭ, II.

[5] A. Grünwedel. Bericht über archäologishe Arbeiten in Idikutschari. München, 1905, стр. 132, рис. 83 (рельеф из Лориан и Тангай), Калькуттский музей.

[6] МИА, № 14, табл. XXVI, рис. 5.

цах выводились надписи на уйгурском языке и на санскрите, а также орнаменты в виде симметричных геометрических построений — например круга, разбитого на секторы; одна из черепиц имела изображение фазана в той стилизации, которую вскрыл Г. Григорьев в узбекском рисунке Тус Тупи.[1]

Памятники каракитайской культуры встречены были и в других местах Чуйской долины: на тепе в районе с. Ворошиловское, у с. Александровка, в урочище Мамай и на городище Кысмычи на правом берегу р. Чу. Раскопки в этих местах показали широкое распространение изделий из белого и зеленоватого нефрита в виде колец, браслетов, подвесок, серег и пряжек. Последние три вида украшений имели всегда фигурный контур, несколько удлиненный и конический, с ажурными вырезами по краям и в центре, типа китайской «huan» и «pi» (китайских цикад).[2] На городище Кысмычи были найдены такие явно неоконченные вещи, что говорит о их местном изготовлении. Для каракитайского нефрита характерно уже исчезновение реалистических мотивов, формы принимают округлые очертания, свойственные изделиям средневекового китайского нефрита.[3]

Кроме нефрита, из Чуйской долины известна, в виде единичных находок, и китайская керамика типично сунского времени — фарфор и селадон. Второй представлен одним донцем блюда с иероглифической китайской надписью на поддоне и мягким рисунком цветка в центре дна.[4] Фарфор представлен фрагментами и одним целым сосудом. Интересна подглазурная роспись в виде мягкого, как бы размытого тушью, растительного (цветочного) орнамента, выполненного резцом.[5] Отметим сосуд без орнамента в виде кувшина — из белого фарфора типа «тин-яо»,[1] но покрытый искусственной сеткой трещин глазури первого слоя, типа так называемого «цека» или «кракле».[2] Кстати отметим, что прекрасный образец кракле мы можем видеть на большом кувшине из древнего города Нузкета (найден в районе совхоза Карабалты),[3] где под зеленой глазурью идет сплошная паутинка трещин, красиво окутывающая все тело сосуда своеобразной вуалью.

Наряду с этими вещами отметим еще зеркала китайского происхождения. Среди них особенно интересно одно большое зеркало (15 см в диаметре), на котором крест-накрест расположены изображения сидящих бодисатв на фениксах, отделенных друг от друга летящими гусями.[4]

Таковы предметы искусства времени каракитаев, обнаруженные в Киргизии.

Из этого обзора следует важный вывод о том, что не только каракитаи принесли в Семиречье, в том числе и в Северную Киргизию, мощную струю китайской культуры, и прежде всего культуры, связанной с буддизмом, но и сама китайская культура здесь, в Семиречье, в очень краткие сроки подверглась сильным влияниям. В результате этого родились новые синкретические элементы культуры и искусства.

Этот факт культурного синкретизма говорит о большой творческой силе племен Киргизии, о способности их не только воспринимать культурные влияния, но и критически перерабатывать их.

Весьма важно отметить, что районы распространения каракитайской культуры очень ограничены. Следы ее наблюдаются в Чуйской долине, весьма редко, в междуречье Чу—Талас, но в Таразе их уже нет. В Таразе мы можем отметить лишь влияние китайского гончарного ремесла, сказавшееся на керамике (подобно аналогичным влияниям, отмеченным

---

[1] Г. Григорьев. Тус Тупи. Искусство, 1, 1937; см. нашу статью в «Эпиграфике Востока», вып. II.

[2] См. прекрасные аналогии в сочинении: B. Laufer a. G. Giesler. Early Chinese Jades by Pope-Hennesy. London, 1923. Кольца из нефрита и ажурные пряжки хранятся в Музее киргизской национальной культуры. См. аналогии: Illustrated Catalogue of Chinese Governement Exhibits for the International Exhibition of Chinese Art in London, т. IV, стр. 89, № 9; стр. 44, № 23; см.: O. Sirén. Histoire des Arts anciens de la Chine, т. I, 1929, табл. 69.

[3] P. Pelliot. Jades Archaiques de la Chine appartenant à C. T. Loo. Paris—Bruxelles, 1925.

[4] Аналогию фрагменту селадона из Лебединовки см. в статье: Pr. Fichtner. Chinesische Sung Seladone in Ägypten und ihre Nachbildungen in Fostat. OZ, 1930, H. 2. Ср. также: R. E. Hobson. The George Eumorfopoulus Collection, т. II, табл. XXIX. Селадон типа Zung — Ch'üan, см. нашу заметку «Фрагмент селадонового блюда с китайской надписью» (КСИИМК, XVII).

[5] Эту керамику обычно датируют танско-сунским временем. См., напр.: L. Reidemeister. Das Jueh-yao. OZ, 1939 (1940, табл. II). Автор связывает эту керамику с Самаррской. Ср.: R. L. Hobson' a. A. L. Hetherington. The Art of Chinese Pottery. London, 1923; см.: Издание фарфора эпохи Сун из частной коллекции О. Рафаэля.

[1] В определении китайской керамики мы, как правило, опираемся на труд: R. L. Hobson. Chinese Pottery and Porcelain. London, 1915. Этот тип см.: E. Zimmermann. Chinesisches Porzelain. Leipzig, 1913, табл. VI—VII.

[2] R. L. Hobson a. A. L. Hetherington. The Art of Chinese Pottery. London, 1923, табл. XXIX.

[3] Аналогии таким формам см.: Chinese Art, Burlington Magazine Monography. London. 1935 (переиздание сборника 1925 г.). См. табл. 30 и 34 к статье: Berchor Hackham, Ceramics; там же ср.: S. C. Reitz. Catalogue of an Exhibition of Early Chinese Pottery and Sculpture. The Metropolitan Museum of Art. New York, 1916. Такого типа кракле (гуань-яо) ср. в сосуде, изданном: O. Burchardt. Kuan-yao Porcelain der südlichen Sung Dynastie. OZ, 1923, 5. Впрочем, у Р. Л. Гобсона (R. L. Hobson. The Eumorfopoulus Collection, т. II, табл. XVIII) этот тип кракле отнесен также к Сун, но назван стилем Ко.

[4] В китайской символике феникс с веткой — символ брака молодых, два феникса — «счастливые супруги». См.: В. Алексеев. Китайские монетовидные амулеты и благопожелательные медали из коллекции имп. Эрмитажа. ЗВО, т. XXI.

Зарре и Герцфельдом в керамике Самарры, — роспись разводами под глазурью),[1] но не вещи синкретического порядка. В Семиречье мы наблюдаем чисто буддийские вещи, как, например, резной камень в виде изображения будды в Иссыккатинском ущелье.[2] Изображение это весьма скупо на детали, и можно лишь предположить, что художник прямо на скале хотел изобразить обычный иконографический тип (китайский) алмазно-престольного будды. Его же (будду) стоящим у пьедестала, защищенного двумя «фо», мы видим в бронзовой статуэтке (с серебряной инкрустацией), вероятно индийского происхождения. У пьедестала будды стоит на коленях мужская фигура с косой.[3] С каракитаями пришло буддийское искусство и китайские влияния, но они быстро растворились в искусстве Средней Азии феодального времени. Там, где преобладали каракитаи (Баласагун), родилось синкретическое искусство; там, где была более сильная местная среда (Тараз), — имели место лишь влияния. Под воздействием Китая, в частности в результате широкого распространения китайских зеркал, появляются местные формы зеркал. Несомненно, что какая-то группа зеркал, воспроизводимая нами в таблицах, относится к сунскому времени, т. е. синхронна караханидам, и продолжает бытовать и в монгольское время. Любопытно, что широко распространенные в это время зеркала с боковой ручкой воспроизведены в миниатюрах к рукописи.[4]

Мы кратко охарактеризовали памятники Киргизстана XI—XII вв. Как мы видели, искусство этого времени слагалось под двумя сильными влияниями: во-первых, Мавераннахра — оно шло в Чуйскую долину через посредство Тараза; во-вторых, под влиянием Китая, опосредствованным сложной культурой Восточного Туркестана. В пределах Чуйской долины имели место классические образцы искусства, не тронутые синкретическим процессом, представленные в виде мусульманских мавзолеев и мечетей, медрессе и минаретов, с одной стороны, и буддийских чайтьи, вихара, санагарама, — с другой.

Мастера-художники, ремесленники, живописцы и скульпторы имели одновременно в качестве образцов строгие очертания мусульманской архитектуры с буквенно-растительным и сухим геометрическим узором, «нравоучительные» порталы — и строго созерцательные, но живые в скульптуре и живописи сцены праниди (образы сцен буддийского пантеона).

Учитывая, что здесь уже имел место синтез скифо-сакской ветви искусства в его тюркском проявлении и восточно-иранской ветви в согдийской культуре, мы не можем не признать, что трудно найти более грандиозное смешение культур всех четырех главнейших линий восточного искусства: сако-тюркско-шаманистского, согдийско-зороастрийского, исламо-мавераннахрского и буддийско-китайского.

Древнейшая традиция и навыки, процветавшие в Семиречье, беспрестанно обогащавшие местную культуру заимствованиями и творческими переработками, послужили причиной того, что все эти влияния проявлялись здесь очень свободно и сквозь эту массу влияний местное искусство показывало свое лицо в выразительных и самобытных произведениях; вспомним, например, полихромную посуду с фазанами и лягушками, о которых мы выше говорили. То, что ремесленная традиция не прекращалась здесь со времени первой согдийской колонизации, что художники и мастера, здесь работавшие, сохраняли постепенно накопленные культурные ценности, привело к тому, что каждое мощное культурное влияние обогащало, но не убивало местного самобытного искусства. Вещи из Семиречья нельзя ни с чем спутать — они индивидуальны. Здесь внешние влияния подчиняются законам страны. Здесь «гость хозяину не указчик».

Резко меняется положение, когда страну разоряют монголы: нарушается местная традиция, но хранитель ее — киргизский народ — в своем народном творчестве доносит лучшие образцы прошлого через «кровавое болото монгольского ига» до наших дней.

6. ЭКЛЕКТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО МОНГОЛО-ТИМУРИДСКОГО ПЕРИОДА

Упадок культуры при монголах не мог не отразиться на искусстве Киргизстана этого периода. Известно, что паразитический характер культуры монгольского времени приводил к искусственному стечению в одном центре, у ханской ставки, ремесленников из разных стран и городов.[1] Ремесленники — единственная живая сила, которую щадили завоеватели.[2] Ставка монгольских ханов становилась новым центром придворного искусства; вкусы кровавых владык и их тщеславие определяли тематику, идеологию искусства, долженствующего удовлетворять требованиям завоевателей. И если при монголах искусство отражает гигантские масштабы завоеваний и неисчислимые богатства, по-

[1] F. Sarre. Die Keramik von Samarra. Berlin, 1925.

[2] О нем говорил Ф. Поярков в Памятной книжке Семиреченской области за 1893 г.

[3] Близкая аналогия — в буддийской стеле 670 г., изданной: E. Chavannes. Six Monuments de la Sculpture Chinoise. Ars Asiatica, т. II, 1914, табл. LI.

[4] T. K. Martin. The Miniature Painting and Painters of Persia, India and Turkey from the 8th to the 18th Century, т. II. London, 1912, табл. 28.

[1] Б. Греков и А. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. Л., 1950.

[2] А. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. Изв. ГАИМК, т. VIII, вып. 2—3, 1931.

павшие в руки завоевателей, то и в последующий период, при Тимуре и его потомках, оно не только отражает, но и помогает утверждать

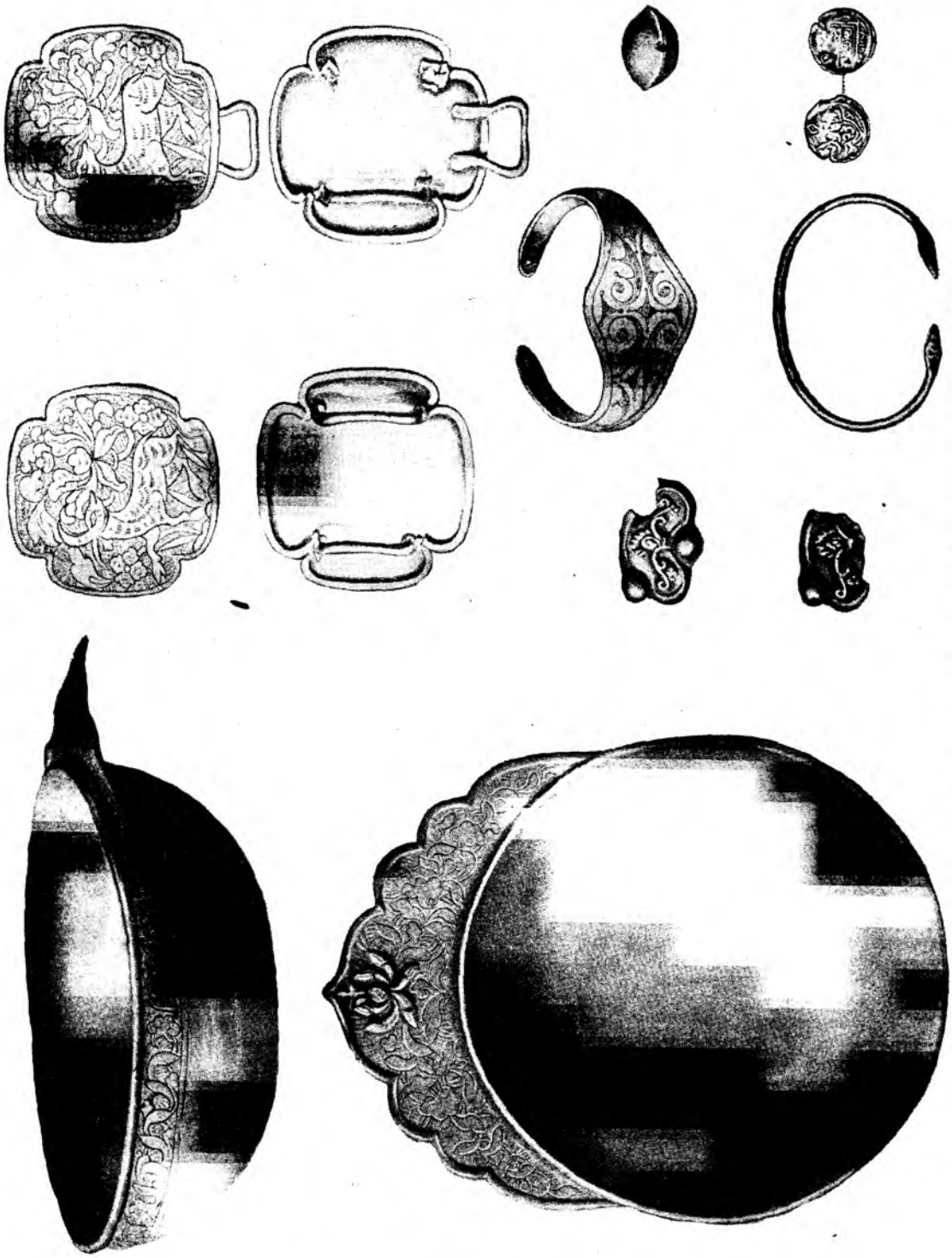


Рис. 73. Находки монгольского времени на территории Тянь-шаня.

«несомненную» власть верховного сюзерена. Эти мотивы и идейная направленность искусства на упомянутых двух этапах сказались и в Семиречье. Памятники Киргизии не представляют собой ничего особо интересного, но для полноты обзора будут отмечены ниже.

Памятники искусства монгол и тимуридов в Киргизии немногочисленны. Они представлены главным образом находками изделий из металла — бронзы и серебра, причем составляют две группы вещей: предметы культа (стволы подсвечников из несторианских храмов и мечетей мусульман) и утварь — блюда и кубки (в большинстве своем случайные находки) (см. рис. 73).

Господствует растительная орнаментация, в основе своей типично исламского происхождения.[1] Посуда состоит из сферических кубков, напоминающих по форме усуньские чаши, с горизонтальной ручкой в виде трефы, припаянной к закраине. В том случае, если сосуд имеет такую ручку, его поверхность лишена украшений — они сконцентрированы на верхней плоскости ручки. Основной узор составляют растительные побеги, симметрично ответвляющиеся от центрального стержня. Такой орнамент имеется на чашах из разграбленных курганов Семиречья, изданных Я. Смирновым в известном атласе «Восточное серебро».[2] Еще большим обилием украшений отличается большое бронзовое блюдо неизвестного происхождения, хранящееся в Киргизском Государственном музее национальной культуры, представляющее собой диск с невысоким бортиком. Бортик составляет почти вертикально поставленные ячейки; закраины прикреплены перпендикулярно к бортику.[3]

Орнамент расположен по всей плоскости. По закраине идут надписи куфи, нанесенные на геометрически орнаментированную основу. Отрезки надписи разделены круглыми медальонами с гладким контуром вокруг центральной виньетки, заключающей в середине стилизованное изображение животного или птицы. В центре дна виньетка в виде восьмилепесткового цветка с лучами, вокруг которого расположены два (в основном повторяющиеся по сюжету) орнаментальных пояса. Рисунок поля (ближе к центральной розетке) несколько мельче внешнего орнаментального круга. Пояса разделены кругом надписи в том же стиле, что и надпись на закраине, с той лишь разницей, что медальоны прямо наложены на надпись.

Орнаментальные пояса состоят из круглых розеток (они имеют легкие заострения кверху), с орнаментированными центрами; розетки расчленены на полукружья, которые обращены концами дуг к внешнему краю. Центральную розетку окаймляет, повторяя контуры лепестков и лучей, орнаментальная линия с надписями и круглыми медальонами. Верхний орнаментальный пояс несет тот же рисунок, но большие медальоны имеют еще навершия в виде удлиненной пальметки. Медальоны по основной площади блюда инкрустированы серебром. Неравномерное распределение узора, его сдвиги в отдельных частях дают основания полагать, что наряду с резьбой здесь действовал и штамп.[1]

Другой предмет — крышка сосуда — также орнаментирован круглыми медальонами, примыкающими к центральному кругу, пустому внутри. Промежутки заполнены надписями сильно стилизованным куфи. Бортик крышки орнаментирован так же, как и вышеописанное блюдо. Особый интерес представляет витая полоса ленты по краю крышки и рисунок в центральной розетке.

В орнаменте вещей мы наблюдаем сильно геометризованные растительные линии при устойчивом влиянии буквенного орнамента, идущего от посуды караханидского времени.

Абсолютное преобладание растительного орнамента и развитая техника инкрустации — вот то новое, что характерно для искусства Киргизии в монгольскую эпоху. Обилие рисунков порой производит впечатление перенасыщенности, излишества, подчеркивает крайнее богатство монгольских владык. В этой традиции сюжета и техники мы видим повторение того процесса, о котором писали выше при анализе «сарматского» искусства. Там мы видели победу геометрического орнамента и инкрустацию цветными камнями, — здесь место геометрического орнамента занял растительный, как бы напоминающий привольные степи, родину не знающих преграды монголов, а цветные камни заменены металлом —серебром, используемым в той же технике —инкрустации.

Таковы ведущие черты искусства этой эпохи. Наряду с ними должны быть отмечены и другие характерные моменты. При монголах ремесленники имеют некоторую свободу в выборе сюжета. Они применяют для одной и той же вещи разные направления стиля, сочетая их механически в единый комплекс.

Случайный состав ремесленников, кочевой характер ханских ставок, привели к тому, что в одних и тех же предметах мы наблюдаем смешение (а не органическое слияние) разных элементов искусства. Быть может, самое яркое проявление такой смешанности стилей и сюжетов мы можем наблюдать на так называемом «кашгарском блюде» (Эрмитаж), которое несомненно отражает социальную и историческую среду монгольского времени, характерную для Семиречья. Вот краткое, но выразительное описание кашгарского блюда, данное А. Якубовским: [2]

---

[1] Мотивы этого орнамента восходят к классическим образцам мусульманского передневосточного искусства, обзор которого см. в статье: M. S. Dimand. Studies in Islamic Ornament. I. Some Aspects of Omaiyad and early Abbasid Ornament. Ars Islamica, т. IV, 1937, стр. 294 и сл.

[2] Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. CVI. О них см.: P. W. Meister. Edelmetallarbeiten der Mongolenzeit. OZ, 1938, вып. 6.

[3] См. аналогию: Sammlung F. Sarre. Erzeugnisse Islamischer Kunst, т. I. Berlin, 1916, табл. VI; датирует XV—XVI вв.

[1] Из аналогий укажем изделия из Мосула XIII в., в частности блюдо, хранящееся в Библиотеке в Мюнхене, изданное: Ernst Cohn Wiener. Das Kunstgewerbe des Ostens. Berlin, рис. 22.

[2] Широко распространенный принцип расположения орнаментации в виде концентрических кругов на круглой плоскости (обычно блюдах), как на «кашгарском блюде», насколько мы знаем, раньше всего стал известен в Индии. Ср. блюдо, изданное: Ananda K. Coomaraswamy. An Indian Bronze. OZ, 1930, H. 5, стр. 247 и сл., табл. 33, относящееся к позднему периоду Гупты и происходящее из западной Индии.

«В композиционном отношении поверхность блюда разбита на несколько концентрических кругов. Почти по краю блюда узкой лентой тянется арабская надпись, выполненная почерком насх, с обычными пожеланиями владельцу блюда богатства, славы, успеха, счастья и долголетия.

«Следующая круговая полоса заполнена изображениями звериного гона, в котором можно увидеть зайца, лисицу, собак и даже слона.

«Широкой полосой по дну блюда расположены несторианские священнослужители с характерными знаками христианской религии — крестом, чашей для причастия, кадилом и другими. Фигуры расположены парами, отделенными друг от друга вязообразно сгруппированными растительными комплексами.

«В центральной части блюда помещено второе изображение „звериного гона", развернутое в круговой полосе. Гон составлен из тех же зверей, что и первый круг.

«Все остальное пространство, все свободные места от зверей, человеческих фигур, круговых полосок заполнены композициями растительного характера. Сложная орнаментация блюда выполнена в технике тончайшей инкрустации серебром».[1]

По мнению А. Якубовского, блюдо сделано где-то на Переднем Востоке. Не касаясь в целом вопроса о происхождении блюда, укажем, что наличие звериного гона в этой трактовке заставляет скорей предполагать, что оно изготовлено там, где эти сакские традиции имели больше места. Обратим внимание на удивительно эклектический состав сюжета: то, что он заключен в плоскости, отделенные друг от друга полосой орнамента, как бы подчеркивает несовместимость тройного сюжета в едином предмете. Здесь нет попытки изобразительного обобщения, — каждый элемент существует сам по себе, не будучи творчески включен в единую стилистическую (не говоря уже о сюжетной) композицию. И если рисунок привлекает внимание, то не тематическим единством, а высокой техникой, роскошью, искусством мастера, немало потрудившегося над его изготовлением.[2]

Укажем также на сосуд в виде полусферической чаши из особого китайского сплава, употреблявшегося для зеркал (сурьма), внутренняя и внешняя поверхность которого богато орнаментирована (рис. 74, 75). По наружной плоскости мы наблюдаем следующие орнаментальные пояса.

По самой закраине идет непрерывный побег лозы с отростками, отделенной от последующего ряда горизонтальными углублениями. Под ними идет полоса арабской надписи выполненная почерком насх, в которых лямы и алифы в верхней части слегка расширены и заполнены стилизованным изображением человеческих лиц. Надпись расположена на овальных медальонах, представляющих собой спирально закручивающуюся ветку, соединенную с другой волнообразной веткой, обегающей вокруг всего сосуда. Ниже этого ряда идут сильно схематизированные изображения человеческих лиц почти квадратной формы, вставленные в грубо очерченную плетенку, спускающуюся книзу, к центру дна. На дне, видимо, был такой же плетеный орнамент, как в центре донышка внутри сосуда (о нем речь будет ниже). На внешней поверхности рисунок сильно стерт и не поддается чтению.

Внутренняя поверхность сосуда орнаментирована следующим образом: верхний ободок украшен крест-накрест восемью отрезками вертикальных витых линий. Ниже опять идет арабская надпись в той же манере, что и на наружной поверхности, но без изображения человеческих лиц. Еще ниже — ряд вертикальных обелисков на коническом основании типа пальметки, переходящей в рисунок, напоминающий французскую лилию. Этот ряд отделен от последующего полосой витого шнура, а затем следует фриз из прыгающих рыб, промежутки между которыми заполнены чешуйчатым орнаментом.[1] Ниже этот фриз опять отделен от последующего рисунка витым шнуром. Центр сосуда заполнен радиально расходящимся плетеным орнаментом.

В этом сосуде мы наблюдаем целый ряд мотивов, которые идут от сравнительно поздних традиций. К ним прежде всего относится плетенка и рисунки во фризах. Оригинально также появление изображений человеческого лица в арабском буквенном орнаменте. Подобные фризы мы знаем уже по кашгарскому блюду, а из более ранних образцов можем напомнить оформление гератского котелка 1163 г.[2]

Изображение человеческих лиц мы знаем по одному калемдану, происходящему из Бухары. В орнаментации этого калемдана имеется надпись мастера Шадхи, сделавшего этот калемдан в 1210 г. для визира «Маджд ал мульк аль Музаффара, правителя Хорасана», за которой следуют благопожелания. В надписи примечательны изображения человеческих лиц и

[1] А. Якубовский. Кашгарское блюдо XII—XIII вв. Сб. «Памятники эпохи Руставели», изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1938, стр. 211—312. Ср. его же: Культура и искусство Востока. Л., 1937, стр. 46.

[2] В китайском искусстве эпохи Юань можно найти аналогию в трактовке мужских фигур. См.: R. L. Hobson. The George Eumorfopoulus Collection, т. II, табл. XXIV, рис. 131 и 132.

[1] Ближайшую аналогию изображению рыб среди растительного орнамента мы можем указать на одном сосуде из Венского музея искусств, изданном Гобсоном и датируемым им 1522—1566 гг. (см.: R. L. Hobson. Four Ming bowls. OZ, 1932, II, 4/5, стр. 210). Изображения рыб редки, но не единичны в мусульманской керамике. См., напр.: R. Koechlin u J. Migeon. Oriental Art. London (персидская керамика XIII—XIV вв.).

[2] Н. Веселовский. Гератский котелок. МАК.

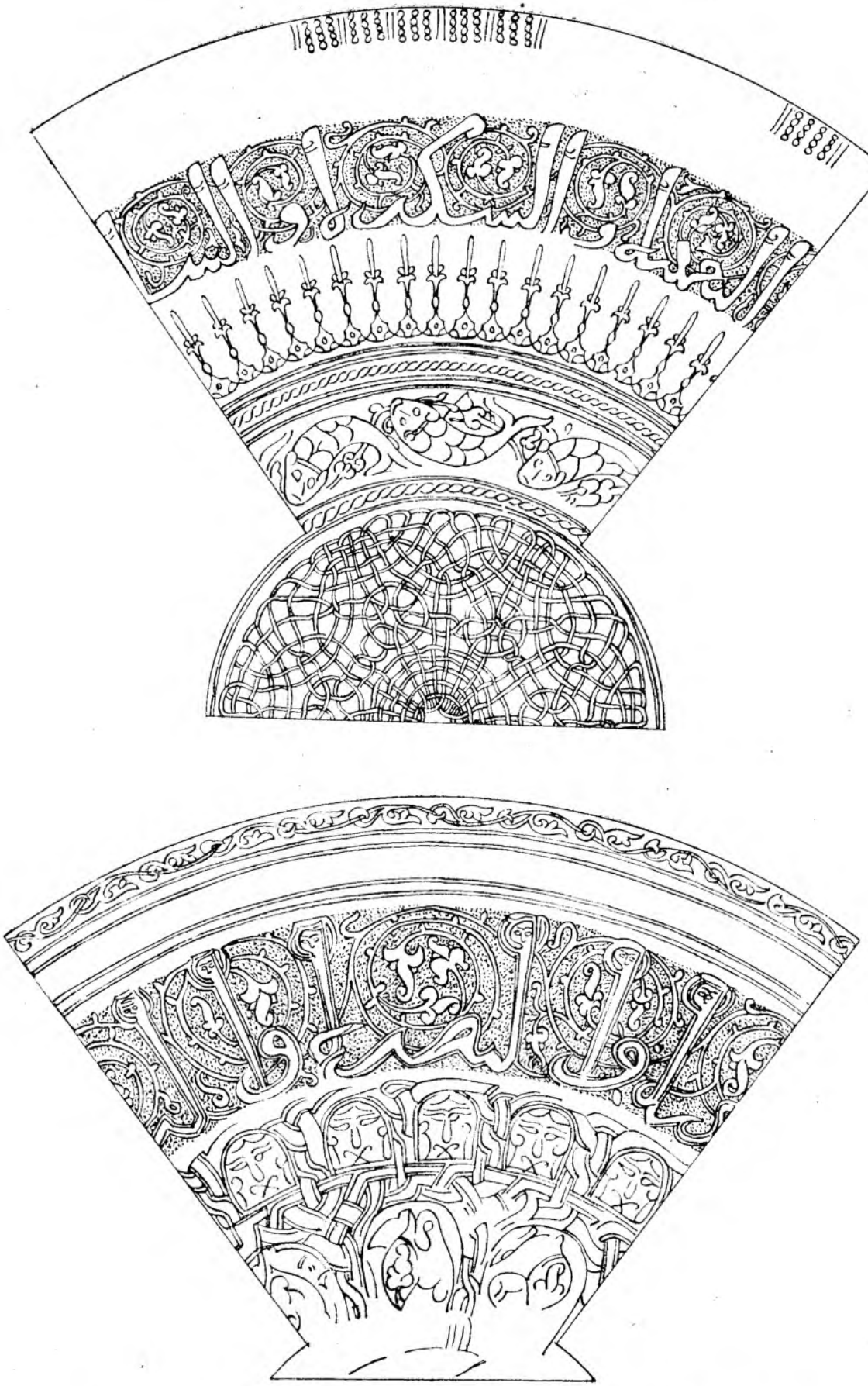


Рис. 74. Орнаментация на сосуде XV—XVI вв. Семиречье, случайная находка.

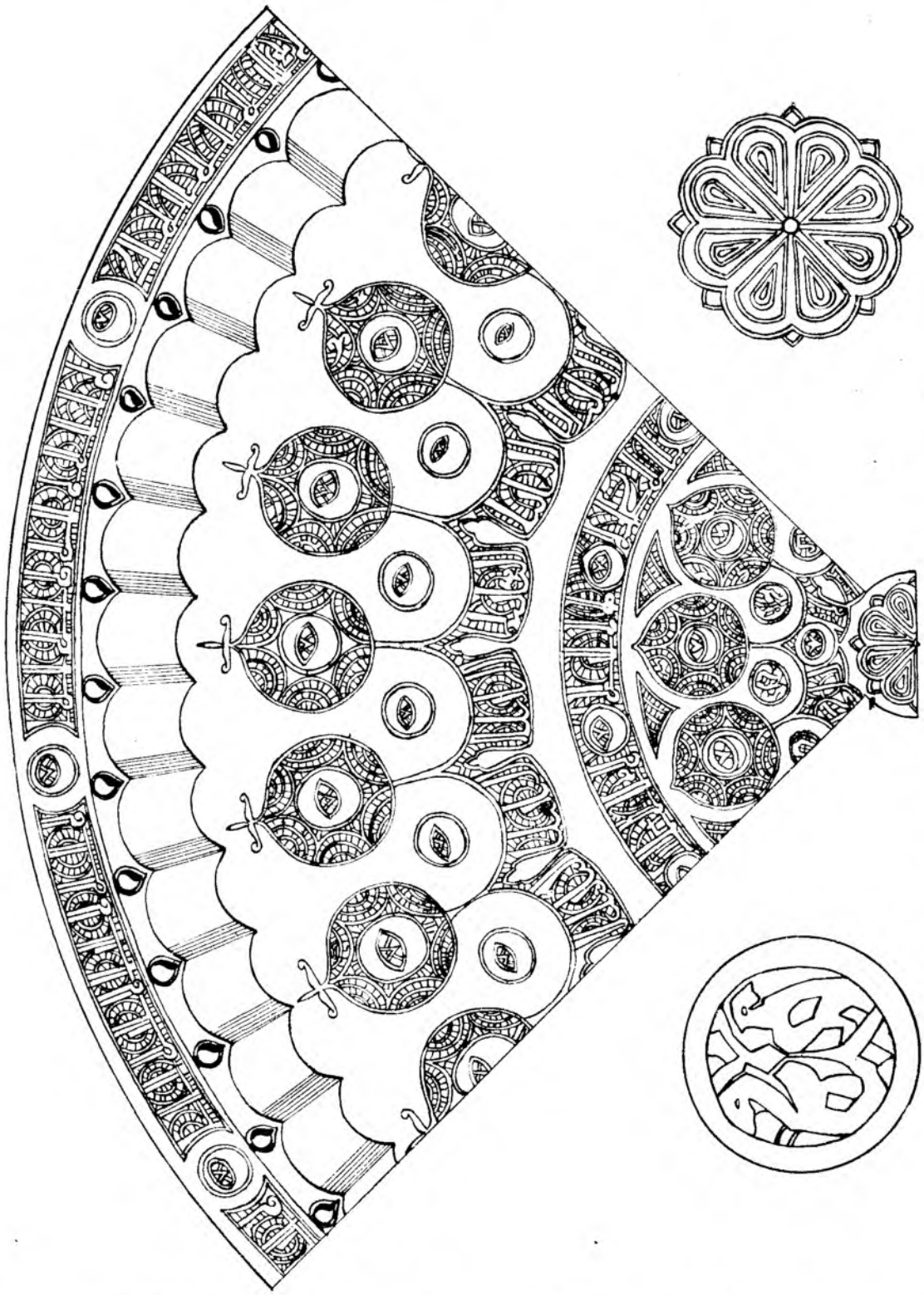


Рис. 75. Орнаментация на сосуде XV—XVI вв. Семиречье, случайная находка.

буквы, оканчивающиеся головами животных.[1]

Плетенка, в изобилии представленная на нашем сосуде, также имеет истоки в местном материале: во-первых, в архитектуре,[1] во-вторых, в некоторых образцах полихромной глазурованной посуды, имеющихся в собра-

[1] E. Herzfeld. A Bronze Pen Case. AJ, т. III, ч. I, 1936, стр. 35 и сл. Аналогий сплетениям арабской надписи с изображением живых существ можно привести бесчисленное множество — например в вещах, происходящих из Месопотамии, в люстре XIII в. (Назибин, Мухсор и т. д.). См.: H. Glück u. E. Diez. Die Kunst des Islam, стр. 247; ср. стр. 406 и др.

[1] См., например: Северный узгенский мавзолей 1152 г. Ср.: Б. Н. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939.

ниях Киргизского музея национальной культуры.

Описанный сосуд является одним из любопытнейших памятников монгольского времени с территории Семиречья; он найден был в Киргизии, хотя, к сожалению, точное место его находки не известно.

Другая большая серия вещей, весьма типичная для монгольского времени, представлена массивными цилиндрическими стволами подсвечников из бронзы. Такой ствол обычно перехвачен в центре выступающим ребристым пояском, разделяющим его на две равные части. Верхняя и нижняя части покрыты орнаментом, иногда орнамент весьма плотно насыщает всю поверхность. Наиболее выразительным является один ствол, найденный в районе с. Александровского. Он также делится на два отрезка, богато орнаментированные.

Каждый пояс состоит из трех частей в виде круглых медальонов, промежутки между которыми заполнены арабским текстом, расположенным в орнаменте с ярко выраженным геометрическим членением. Оставшиеся свободными углы полей заполнены геометризированным орнаментом растительного содержания и отрезками баранього рога. Надпись читается, шрифт ее приближается к насху.

Круглые медальоны содержат в центре небольшой круг с узором, окаймленным широкой гладкой полосой. Орнаментация внутри каждого круга двояка. В одних медальонах это чистый орнамент в виде ясно выраженных завитков баранього рога, осложненных на оставшемся пространстве отрезками прямой. В других медальонах очень стилизованно, но достаточно ясно дан рисунок птицы, вписанной в круг, с высоко поднятой и несколько запрокинутой назад головой, с отчетливо прочерченными крыльями, в которых перья намечены резкими штрихами. Несмотря на схематизацию, изображение птицы очень выразительно, в нем много движения и нет геральдизации, казалось бы неизбежной в таком рисунке. Из трех медальонов верхнего яруса в двух имеется изображение птицы, один ярус заполнен геометрическим орнаментом. В трех нижних медальонах обратное соотношение: один медальон с птицей, а два — с геометрическим орнаментом.

Все изображения сделаны резьбой, без трафарета, что становится вполне ясным при тщательном рассмотрении орнамента: обнаруживаются разные направления, разная толщина линий рисунка и т. п.

На других стволах тот же принцип орнаментации — по три медальона среди арабской надписи, которая наложена на овалы, геометрически орнаментированные. Внутри этих овалов, пересеченных длинными линиями лямов и алифов, имеются сильно стилизованные изображения птиц, переходящие порой в совершенно непонятный геометрический рисунок. Медальоны окаймлены широкой гладкой полосой, в центре их — четырехлепестковая виньетка. На некоторых цветках в центре помещен крестик; иной цветок имеет еще лучи. На ряде образцов вместо указанных типов цветка имеются рисунки в виде пальметки. В этих случаях более четко выступает строгая растительная орнаментация фона, которая контрастирует с надписью почерком сильно геометризированного куфи. Орнамент круглых медальонов тот же; в одном случае гладкое поле вокруг круглого медальона прочерчено концентрическими кругами.

Обращает на себя внимание иногда небрежное выполнение центральной розетки медальона, сильно смещенной в ту или другую сторону круга.

К монгольскому времени относится немало случайных находок из Семиречья. Среди них — бронзовые бляхи на пояс с изображением газелей (туловище в профиль, голова анфас), обычно относимые ко времени Золотой Орды, типично монгольские чаши — круглодонные с горизонтальной ручкой, заполненной растительным орнаментом (опубликованы Я. И. Смирновым).[1]

Анализ предметов монгольского времени показывает, что они резко различны по своему художественному уровню. Порой мы видим мастера, четко гравирующего рисунок, дающего большую орнаментальную насыщенность, но каждый элемент такого рисунка уместен, четок и выразителен. Однако таких объектов — меньшинство; в основном изделия слишком загромождены изображениями, технически и сюжетно несовершенны и поражают обилием линий, а отнюдь не их удачным размещением.

К тимуридскому времени относится еще меньше памятников искусства в Семиречье. Объясняется это тем, что гарнизоны войск Тимура, его сына Шахруха и внука Улугбека, готовящихся осуществить замысел великого завоевателя — поход в Китай, были солдатами, живущими в трудных походах, довольствовавшимися лишь жизненно необходимым и мало заботившимися о красоте. Поэтому предметы искусства тимуридского времени, составляющие для среднеазиатской культурной сокровищницы одно из ярчайших сокровищ,[2] здесь представлены единичными и случайными экземплярами. К ним относится керамика, покрытая сине-голубой глазурью, типичной для времени тимуридов. Типичны сосуды грушевидной формы, точно датируемые аналогиями этой

[1] Попутно укажу на точную китайскую аналогию, датируемую сунским временем (960—1279 гг.), в керамике из Музея Виктории и Альберта в Лондоне. См.: L. Aschton and B. Gray. Chinese Art. London, 1936, рис. 82b.

[2] А. Якубовский. Самарканд при Тимуре и тимуридах. Л., 1931.

эпохи.[1] Из керамических изделий особенный интерес представляет обломок белого фарфорового сосуда из Александровского городища, на котором, в манере миниатюрной изящной росписи, дано почти акварельное изображение туловища ступающего льва с лицом женщины, нарисованного вне орнамента и отделенного, видимо, от другого изображения цветочной розеткой. Окаймляет изображение выполненная синей краской в той же изящной манере пропись арабскими буквами, контрастирующая с красным цветком и полихромным изображением полумифического существа. Роспись на этом сосуде сильно подражает миниатюре [2] и относится к типичным образцам рейской посуды. Кроме этого обломка рейской посуды, мы можем указать на рейский люстр, происходящий также из Александровского городища: нижняя часть кувшина с медальонами, на которых изображены человеческие фигуры в халатах. Медальоны окаймлены растительной вязью, весьма реалистичной по выполнению: по всем данным, это изображение какого-то бобового растения.[3]

Мы можем также указать на группу сосудов из древнего города Шельджи. При наших раскопках здесь были обнаружены блюда и закрытого типа сосуды с росписью кобальтом по белому фону, причем в этой росписи растительно-геометрический рисунок сделан большими мазками, напоминающими по стилю кобальтовые подтеки на раннекитайском фарфоре эпохи Тан и Сун, а по сюжету (крупнолепестковые цветы) — ту же китайскую керамику эпохи Мин. Кстати сказать, весьма характерен небольшой сосуд, найденный в комплексе описываемых вещей из того же города Шельджи. Прекрасная коллекция чаш (14 экз.) светлозеленого китайского фарфора типа «Ю» [1] (хранится в Алмаатинском музее) найдена в 1940 г. на Талгарском городище во время случайных работ. Внутренние стороны чаш украшены штампованным орнаментом с изображением китайских символов: пожелание мужского потомства [2] (четыре мальчика), «полного единения вокруг», «И туань Хоци» (один толстый мальчик).

Находки орнаментированной неполивной посуды еще столь незначительны, что трудно делать какие-либо заключения; мы можем лишь указать на то, что зигзагообразная линия или солярный круг, которые мы встречаем на неполивных сосудах, повторяют традиции штампа сосудов караханидской эпохи. Сосуды тимуридской эпохи отличаются от последних орнаментикой, более монументальной, плотной, порой приземистой формой кувшинов и преобладанием овала или эллипса в украшении блюд. Даже в таком центре, как Тараз, нам не удалось получить удовлетворительных керамических коллекций этого периода. Здесь были найдены сосуды с голубой поливой литой техники с рельефным орнаментом, явно иранского происхождения; [3] они контрастируют с местной керамикой тимуридской поры, подчеркивая ее провинциальный, местный, мы бы сказали — народный характер. Подтверждением этому служит весьма выразительный факт: на одном сосуде из Шельджи мы видим, кроме росписи орнамента, выступы-шишечки, долженствующие отгонять злых духов от пищи, о чем нам говорит этнография среднеазиатских народов. Культово-магическая орнаментация выступает здесь на смену арабской надписи с ее благопожеланиями, казалось бы, прочно занявшей место в керамике.

Известная для времени Тимура идея монументального строительства нашла и в Семиречье свое отражение в виде постройки мавзолея в Таласской долине неким Эмиром Бука для своей дочери Кенизек Хатун; этот мавзолей киргизами обычно связывается с народным героическим образом — батырем Манас.[4]

Таковы те немногочисленные памятники искусства тимуридской эпохи, которые обнаружены на территории Семиречья.

---

[1] Ф. Фихтнер относит появление этих сосудов в Китае к минскому времени и связывает их с персидскими формами (см. OZ, 1930, вып. 2; ср. табл. 10). Укажем, что в китайской живописи такую форму кувшина мы знаем раньше — для таиского времени: имеем в виду резьбу по дереву художника Яньлипэн (VII в.), изображающую чаепитие (см.: Werner Speiser. Studien zu chinesischen Bildern. OZ, 1931, т. VII, вып. 6). В. Шпейзер отмечает, что среди сосудов много форм явно не китайского происхождения (ср. стр. 208).

[2] H. Glück u. E. Diez. Die Kunst des Islam, стр. 416 (приведена аналогия из Рея, близкая к нашему объекту, названная авторами Buntbemalter Hennelnapf in Minai Technik); ср. также табл. XXVI из собрания Кеворкьяна (Париж): Raymond Koechlin. L'Art de l'Islam. La Céramique, табл. 3; Ernst Cohn Wiener. Das Kunstgewerbe des Ostens, табл. I (воспроизведена аналогия нашему объекту из одной частной коллекции в Париже). Совершенно точная аналогия см.: A Survey of Persian Art, V, табл. 666, датируемая XIII в., из коллекции Hamilton Rice.

[3] Ср.: R. L. Hobson. The George Eumorfopoulus Collection, т. VI, табл. XVIII, рис. 407. Прекрасная аналогия из Берлинского музея издана: H. Glück u. E. Diez. Die Kunst des Islam, стр. 412; также: R. Ettinghausen. Evidence for the identification of Kasan pottery. AJ, т. III, ч. I, 1936, стр. 14, особенно рис. 11 — сосуд типа albarello из Британского музея в Лондоне.

[1] R. L. Hobson. The George Eumorfopoulus Collection, II, табл. I. Автор датирует этот тип сунским временем.

[2] В. Алексеев. Китайские монетовидные амулеты и благопожелательные медали из коллекции имп. Эрмитажа. ЗВО, т. XXI, ср. стр. 27, 47.

[3] A. J. Butler. Islamic Pottery. London, 1926, табл. XLVI. Г. Рейтлингер датирует такие сосуды XV в. См. его: The interim period in Persian Pottery. An essay in Chronological Revision. AJ, т. V, рис. 2 (воспроизведен сосуд из личной коллекции автора в Лондоне).

[4] А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 110. См. нашу книгу: Памятники архитектуры Киргизии. М., 1950. Ср.: М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манас. М., 1950, где дана несколько иная трактовка эпохи сооружения памятника.

Еще хуже обстоит дело с памятниками последующего периода, времени джунгар. Наука до сих пор не может на основе археологических данных охарактеризовать культуру ойротской державы в Семиречье. Несомненно, что для этого времени можно отметить сильное влияние китайской культуры и буддизма. Китайская культура эпохи джунгар была явно ориентирована на вкус мусульманской Средней Азии. Из Киргизии происходят вещи типа китайских курильниц на трех ножках, где с клеймами китайских императорских мастерских эпохи Мин на ножках и дне сосуда сочетаются медальоны с целыми сурами из Корана, выполненными невысоким рельефом на чеканном поле медальона. Да и сами медальоны разделяются друг от друга изящно вырезанным рисунком лотоса, сочетающимся, — как прежде с сасанидским орнаментальным кругом, — с арабской надписью в медальоне.[1]

Среди других памятников искусства этого времени следует отметить находки предметов ламаистского культа в виде статуэток будды, в позднетибетском ламаистском исполнении, не представляющих какого-либо интереса, не оригинальных и совершенно случайно попавших сюда с другой территории.[2] Быть может к этому периоду следует отнести и графические изображения на скалах будды, как правило, в позе алмазопрестольного будды, окруженного обычными многократными формулами на санскрите («ом мани падмо хум»), а также надписи, высеченные на берегах или в урочище Ак-улен у Иссык-куля; изображения будды на скалах встречаются там же, на Или, в урочище Тамгалы-тас и в ущелье Иссигаты в Чуйской долине, по дороге на нынешний курорт Арасан.[3]

Как бы ни малы были наши сведения об искусстве джунгар на территории Киргизии, все же можно с большой долей вероятности полагать: 1) что это искусство было китайско-буддийским, 2) что оно не нашло себе отклика в местной среде, не получило ни синкретических, ни даже эклектических форм выражения.

Мы охарактеризовали искусство монгольской эпохи как эклектическое и попытались привести этому посильные доказательства. Мы не собирались давать здесь оценку тимуридскому искусству, — не на памятниках Киргизии решать эту проблему. Несомненно, что оно преодолело характерную для монгол эклектику и породило новый этап в развитии мусульманского искусства Востока. Монументальное и строгое, оно, быть может, дает самые яркие образцы искусства мусульманской деспотии. Но в Киргизии ни искусство Тимуридов, ни искусство джунгар не пустило корней. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что господство монгол в Семиречье вело страну к культурному обнищанию. Если в самом начале монгольского владычества еще существовали, умирая медленной смертью, отдельные города, если во время Хайду еще наблюдался земледельческий труд, то уже в 1269 г. страна представляла собой кочевья монгол и города были превращены в пастбища, о чем говорил Рубрук еще в 1253 г.: «На вышеупомянутой равнине (долина Кок-су и Каратала, — *А. Б.*) прежде находилось много городов, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища».[1] Эта цитата классически подтверждает слова К. Маркса: «. . . монголы при опустошении России действовали соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием».[2]

Но монголы столкнулись с древней культурой Киргизстана, и в первое время здесь была еще возможность для существования местной многовековой традиции, правда, в нарушенных формах. Может быть, через более продолжительное время появились бы и в Семиречье произведения искусства, достойные более высокой оценки. Но страна разрушалась, и разрушение довершили Тимуриды и джунгары. Страна с ее населением, бывшая до XIII в. действующим лицом исторического процесса в Средней Азии, стала лишь объектом действий завоевателей, плацдармом их походов. И в это время отстаивали свою свободу «дикие львы Могулистана» — киргизы. Это они, «не мусульмане, не кафиры», как говорит о них Сейфи,[3] составлявшие «крестьянское» окружение былых центров, оказались единственными носителями самобытного местного искусства. «Крестьяне»-киргизы были чужды искусству ислама, настолько не веря в него, что вызывали гнев отдельных своих владык (например Мухаммеда), готовых вбивать гвозди в головы непокорных, не хотевших носить мусульманскую чалму. И эти неверующие «крестьяне» кочевники, свидетели и соучастники большого процесса созидания культуры в долинах и горах Тянь-шаня, синтезировали развитие искусства в своем орнаменте, лишенном исламской догматики и сухости. Тимуриды и джунгары не оставили следа в киргизском искусстве. Они

---

[1] Об этих мусульмано-китайских взаимоотношениях и курильницах такого типа, но более раннего времени см.: B. Laufer. Chinese Muhammedan Bronzes. AJ, 1934. По указанию Лауфера, особенно активны были эти связи при императорах Сяо Цзуне (1488—1505) и Чжан-дэ (1504—1521 гг.). Наш сосуд имеет дату Чжан-дэ.

[2] Аналогии этим статуэткам см., напр.: Б. А. Куфтин. Краткий обзор пантеона северного буддизма и ламаизма в связи с историей учения. М., 1927.

[3] Н. Пантусов. Тамгалы Тас, отд. отт. из ЗВО.

[1] См. в переводе Малеина (СПб., 1911, стр. 105).

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Введение к «К критике политической экономии». Соч., т. XII, ч. I, стр. 188.

[3] В. Бартольд. Киргизы. (Исторический очерк). Фрунзе, 1942.

эпохи.[1] Из керамических изделий особенный интерес представляет обломок белого фарфорового сосуда из Александровского городища, на котором, в манере миниатюрной изящной росписи, дано почти акварельное изображение туловища ступающего льва с лицом женщины, нарисованного вне орнамента и отделенного, видимо, от другого изображения цветочной розеткой. Окаймляет изображение выполненная синей краской в той же изящной манере пропись арабскими буквами, контрастирующая с красным цветком и полихромным изображением полумифического существа. Роспись на этом сосуде сильно подражает миниатюре [2] и относится к типичным образцам рейской посуды. Кроме этого обломка рейской посуды, мы можем указать на рейский люстр, происходящий также из Александровского городища: нижняя часть кувшина с медальонами, на которых изображены человеческие фигуры в халатах. Медальоны окаймлены растительной вязью, весьма реалистичной по выполнению: по всем данным, это изображение какого-то бобового растения.[3]

Мы можем также указать на группу сосудов из древнего города Шельджи. При наших раскопках здесь были обнаружены блюда и закрытого типа сосуды с росписью кобальтом по белому фону, причем в этой росписи растительно-геометрический рисунок сделан большими мазками, напоминающими по стилю кобальтовые подтеки на раннекитайском фарфоре эпохи Тан и Сун, а по сюжету (крупнолепестковые цветы) — ту же китайскую керамику эпохи Мин. Кстати сказать, весьма характерен небольшой сосуд, найденный в комплексе описываемых вещей из того же города Шельджи. Прекрасная коллекция чаш (14 экз.) светлозеленого китайского фарфора типа «Ю» [1] (хранится в Алмаатинском музее) найдена в 1940 г. на Талгарском городище во время случайных работ. Внутренние стороны чаш украшены штампованным орнаментом с изображением китайских символов: пожелание мужского потомства [2] (четыре мальчика), «полного единения вокруг», «И туань Хоци» (один толстый мальчик).

Находки орнаментированной неполивной посуды еще столь незначительны, что трудно делать какие-либо заключения; мы можем лишь указать на то, что зигзагообразная линия или солярный круг, которые мы встречаем на неполивных сосудах, повторяют традиции штампа сосудов караханидской эпохи. Сосуды тимуридской эпохи отличаются от последних орнаментикой, более монументальной, плотной, порой приземистой формой кувшинов и преобладанием овала или эллипса в украшении блюд. Даже в таком центре, как Тараз, нам не удалось получить удовлетворительных керамических коллекций этого периода. Здесь были найдены сосуды с голубой поливой литой техники с рельефным орнаментом, явно иранского происхождения; [3] они контрастируют с местной керамикой тимуридской поры, подчеркивая ее провинциальный, местный, мы бы сказали — народный характер. Подтверждением этому служит весьма выразительный факт: на одном сосуде из Шельджи мы видим, кроме росписи орнамента, выступы-шишечки, долженствующие отгонять злых духов от пищи, о чем нам говорит этнография среднеазиатских народов. Культово-магическая орнаментация выступает здесь на смену арабской надписи с ее благопожеланиями, казалось бы, прочно занявшей место в керамике.

Известная для времени Тимура идея монументального строительства нашла и в Семиречье свое отражение в виде постройки мавзолея в Таласской долине неким Эмиром Бука для своей дочери Кенизек Хатун; этот мавзолей киргизами обычно связывается с народным героическим образом — батырем Манас.[4]

Таковы те немногочисленные памятники искусства тимуридской эпохи, которые обнаружены на территории Семиречья.

---

[1] Ф. Фихтнер относит появление этих сосудов в Китае к минскому времени и связывает их с персидскими формами (см. OZ, 1930, вып. 2; ср. табл. 10). Укажем, что в китайской живописи такую форму кувшина мы знаем раньше — для танского времени: имеем в виду резьбу по дереву художника Яньлипэн (VII в.), изображающую чаепитие (см.: Werner Speiser. Studien zu chinesischen Bildern. OZ, 1931, т. VII, вып. 6). В. Шпейзер отмечает, что среди сосудов много форм явно не китайского происхождения (ср. стр. 208).

[2] H. Glück u. E. Diez. Die Kunst des Islam, стр. 416 (приведена аналогия из Рея, близкая к нашему объекту, названная авторами Buntbemalter Hennelnapf in Minai Technik); ср. также табл. XXVI из собрания Кеворкьяна (Париж): Raymond Koechlin. L'Art de l'Islam. La Céramique, табл. 3; Ernst Cohn Wiener. Das Kunstgewerbe des Ostens, табл. I (воспроизведена аналогия нашему объекту из одной частной коллекции в Париже). Совершенно точная аналогия см.: A Survey of Persian Art, V, табл. 666, датируемая XIII в., из коллекции Hamilton Rice.

[3] Ср.: R. L. Hobson. The George Eumorfopoulus Collection, т. VI, табл. XVIII, рис. 407. Прекрасная аналогия из Берлинского музея издана: H. Glück u. E. Diez. Die Kunst des Islam, стр. 412; также: R. Ettinghausen. Evidence for the identification of Kasan pottery. AJ, т. III, ч. I, 1936, стр. 14, особенно рис. 11 — сосуд типа albarello из Британского музея в Лондоне.

[1] R. L. Hobson. The George Eumorfopoulus Collection, II, табл. I. Автор датирует этот тип сунским временем.

[2] В. Алексеев. Китайские монетовидные амулеты и благопожелательные медали из коллекции имп. Эрмитажа. ЗВО, т. XXI, ср. стр. 27, 47.

[3] A. J. Butler. Islamic Pottery. London, 1926, табл. XLVI. Г. Рейтлингер датирует такие сосуды XV в. См. его: The interim period in Persian Pottery. An essay in Chronological Revision. AJ, т. V, рис. 2 (воспроизведен сосуд из личной коллекции автора в Лондоне).

[4] А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 110. См. нашу книгу: Памятники архитектуры Киргизии. М., 1950. Ср.: М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манас. М., 1950, где дана несколько иная трактовка эпохи сооружения памятника.

ниях Киргизского музея национальной культуры.

Описанный сосуд является одним из любопытнейших памятников монгольского времени с территории Семиречья; он найден был в Киргизии, хотя, к сожалению, точное место его находки не известно.

Другая большая серия вещей, весьма типичная для монгольского времени, представлена массивными цилиндрическими стволами подсвечников из бронзы. Такой ствол обычно перехвачен в центре выступающим ребристым пояском, разделяющим его на две равные части. Верхняя и нижняя части покрыты орнаментом, иногда орнамент весьма плотно насыщает всю поверхность. Наиболее выразительным является один ствол, найденный в районе с. Александровского. Он также делится на два отрезка, богато орнаментированные.

Каждый пояс состоит из трех частей в виде круглых медальонов, промежутки между которыми заполнены арабским текстом, расположенным в орнаменте с ярко выраженным геометрическим членением. Оставшиеся свободными углы полей заполнены геометризированным орнаментом растительного содержания и отрезками бараньего рога. Надпись читается, шрифт ее приближается к насху.

Круглые медальоны содержат в центре небольшой круг с узором, окаймленным широкой гладкой полосой. Орнаментация внутри каждого круга двояка. В одних медальонах это чистый орнамент в виде ясно выраженных завитков бараньего рога, осложненных на оставшемся пространстве отрезками прямой. В других медальонах очень стилизованно, но достаточно ясно дан рисунок птицы, вписанной в круг, с высоко поднятой и несколько запрокинутой назад головой, с отчетливо прочерченными крыльями, в которых перья намечены резкими штрихами. Несмотря на схематизацию, изображение птицы очень выразительно, в нем много движения и нет геральдизации, казалось бы неизбежной в таком рисунке. Из трех медальонов верхнего яруса в двух имеется изображение птицы, один ярус заполнен геометрическим орнаментом. В трех нижних медальонах обратное соотношение: один медальон с птицей, а два — с геометрическим орнаментом.

Все изображения сделаны резьбой, без трафарета, что становится вполне ясным при тщательном рассмотрении орнамента: обнаруживаются разные направления, разная толщина линий рисунка и т. п.

На других стволах тот же принцип орнаментации — по три медальона среди арабской надписи, которая наложена на овалы, геометрически орнаментированные. Внутри этих овалов, пересеченных длинными линиями лямов и алифов, имеются сильно стилизованные изображения птиц, переходящие порой в совершенно непонятный геометрический рисунок. Медальоны окаймлены широкой гладкой полосой, в центре их — четырехлепестковая виньетка. На некоторых цветках в центре помещен крестик; иной цветок имеет еще лучи. На ряде образцов вместо указанных типов цветка имеются рисунки в виде пальметки. В этих случаях более четко выступает строгая растительная орнаментация фона, которая контрастирует с надписью почерком сильно геометризированного куфи. Орнамент круглых медальонов тот же; в одном случае гладкое поле вокруг круглого медальона прочерчено концентрическими кругами.

Обращает на себя внимание иногда небрежное выполнение центральной розетки медальона, сильно смещенной в ту или другую сторону круга.

К монгольскому времени относится немало случайных находок из Семиречья. Среди них — бронзовые бляхи на пояс с изображением газелей (туловище в профиль, голова анфас), обычно относимые ко времени Золотой Орды, типично монгольские чаши — круглодонные с горизонтальной ручкой, заполненной растительным орнаментом (опубликованы Я. И. Смирновым).[1]

Анализ предметов монгольского времени показывает, что они резко различны по своему художественному уровню. Порой мы видим мастера, четко гравирующего рисунок, дающего большую орнаментальную насыщенность, но каждый элемент такого рисунка уместен, четок и выразителен. Однако таких объектов — меньшинство; в основном изделия слишком загромождены изображениями, технически и сюжетно несовершенны и поражают обилием линий, а отнюдь не их удачным размещением.

К тимуридскому времени относится еще меньше памятников искусства в Семиречье. Объясняется это тем, что гарнизоны войск Тимура, его сына Шахруха и внука Улугбека, готовящихся осуществить замысел великого завоевателя — поход в Китай, были солдатами, живущими в трудных походах, довольствовавшимися лишь жизненно необходимым и мало заботившимися о красоте. Поэтому предметы искусства тимуридского времени, составляющие для среднеазиатской культурной сокровищницы одно из ярчайших сокровищ,[2] здесь представлены единичными и случайными экземплярами. К ним относится керамика, покрытая сине-голубой глазурью, типичной для времени тимуридов. Типичны сосуды грушевидной формы, точно датируемые аналогиями этой

---

[1] Попутно укажу на точную китайскую аналогию, датируемую сунским временем (960—1279 гг.), в керамике из Музея Виктории и Альберта в Лондоне. См.: L. Aschton and B. Gray. Chinese Art. London, 1936, рис. 82b.

[2] А. Якубовский. Самарканд при Тимуре и тимуридах. Л., 1931.

Еще хуже обстоит дело с памятниками последующего периода, времени джунгар. Наука до сих пор не может на основе археологических данных охарактеризовать культуру ойротской державы в Семиречье. Несомненно, что для этого времени можно отметить сильное влияние китайской культуры и буддизма. Китайская культура эпохи джунгар была явно ориентирована на вкус мусульманской Средней Азии. Из Киргизии происходят вещи типа китайских курильниц на трех ножках, где с клеймами китайских императорских мастерских эпохи Мин на ножках и дне сосуда сочетаются медальоны с целыми сурами из Корана, выполненными невысоким рельефом на чеканном поле медальона. Да и сами медальоны разделяются друг от друга изящно вырезанным рисунком лотоса, сочетающимся, — как прежде с сасанидским орнаментальным кругом, — с арабской надписью в медальоне.[1]

Среди других памятников искусства этого времени следует отметить находки предметов ламаистского культа в виде статуэток будды, в позднетибетском ламаистском исполнении, не представляющих какого-либо интереса, не оригинальных и совершенно случайно попавших сюда с другой территории.[2] Быть может к этому периоду следует отнести и графические изображения на скалах будды, как правило, в позе алмазопрестольного будды, окруженного обычными многократными формулами на санскрите («ом мани падмо хум»), а также надписи, высеченные на берегах или в урочище Ак-улен у Иссык-куля; изображения будды на скалах встречаются там же, на Или, в урочище Тамгалы-тас и в ущелье Иссигаты в Чуйской долине, по дороге на нынешний курорт Арасан.[3]

Как бы ни малы были наши сведения об искусстве джунгар на территории Киргизии, все же можно с большой долей вероятности полагать: 1) что это искусство было китайско-буддийским, 2) что оно не нашло себе отклика в местной среде, не получило ни синкретических, ни даже эклектических форм выражения.

Мы охарактеризовали искусство монгольской эпохи как эклектическое и попытались привести этому посильные доказательства. Мы не собирались давать здесь оценку тимуридскому искусству, — не на памятниках Киргизии решать эту проблему. Несомненно, что оно преодолело характерную для монгол эклектику и породило новый этап в развитии мусульманского искусства Востока. Монументальное и строгое, оно, быть может, дает самые яркие образцы искусства мусульманской деспотии. Но в Киргизии ни искусство Тимуридов, ни искусство джунгар не пустило корней. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что господство монгол в Семиречье вело страну к культурному обнищанию. Если в самом начале монгольского владычества еще существовали, умирая медленной смертью, отдельные города, если во время Хайду еще наблюдался земледельческий труд, то уже в 1269 г. страна представляла собой кочевья монгол и города были превращены в пастбища, о чем говорил Рубрук еще в 1253 г.: «На вышеупомянутой равнине (долина Кок-су и Каратала, — *А. Б.*) прежде находилось много городов, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища».[1] Эта цитата классически подтверждает слова К. Маркса: «. . . монголы при опустошении России действовали соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием».[2]

Но монголы столкнулись с древней культурой Киргизстана, и в первое время здесь была еще возможность для существования местной многовековой традиции, правда, в нарушенных формах. Может быть, через более продолжительное время появились бы и в Семиречье произведения искусства, достойные более высокой оценки. Но страна разрушалась, и разрушение довершили Тимуриды и джунгары. Страна с ее населением, бывшая до XIII в. действующим лицом исторического процесса в Средней Азии, стала лишь объектом действий завоевателей, плацдармом их походов. И в это время отстаивали свою свободу «дикие львы Могулистана» — киргизы. Это они, «не мусульмане, не кафиры», как говорит о них Сейфи,[3] составлявшие «крестьянское» окружение былых центров, оказались единственными носителями самобытного местного искусства. «Крестьяне»-киргизы были чужды искусству ислама, настолько не веря в него, что вызывали гнев отдельных своих владык (например Мухаммеда), готовых вбивать гвозди в головы непокорных, не хотевших носить мусульманскую чалму. И эти неверующие «крестьяне» кочевники, свидетели и соучастники большого процесса созидания культуры в долинах и горах Тянь-шаня, синтезировали развитие искусства в своем орнаменте, лишенном исламской догматики и сухости. Тимуриды и джунгары не оставили следа в киргизском искусстве. Они

---

[1] Об этих мусульмано-китайских взаимоотношениях и курильницах такого типа, но более раннего времени см.: B. Laufer. Chinese Muhammedan Bronzes. AJ, 1934. По указанию Лауфера, особенно активны были эти связи при императорах Сяо Цзуне (1488—1505) и Чжан-дэ (1504—1521 гг.). Наш сосуд имеет дату Чжан-дэ.

[2] Аналогии этим статуэткам см., напр.: Б. А. Куфтин. Краткий обзор пантеона северного буддизма и ламаизма в связи с историей учения. М., 1927.

[3] Н. Пантусов. Тамгалы Тас, отд. отт. из ЗВО.

[1] См. в переводе Малеина (СПб., 1911, стр. 105).

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Введение к «К критике политической экономии». Соч., т. XII, ч. I, стр. 188.

[3] В. Бартольд. Киргизы. (Исторический очерк). Фрунзе, 1942.

были врагами, с которыми боролись киргизы. Киргизы не приняли их культуры, тем более что культура завоевателей не нашла почвы в среде квалифицированных ремесленников городов, где бы она могла пустить свои корни. В прошлом эта среда лишала все влияния их сущности, превращала гибридность в синкретизм и воспитывала на творчески преображенных образцах массу «крестьян»-кочевников, помогала им обогащаться международными сокровищами культуры и искусства. Ныне этой творческой среды не было, не было мастерских и лавок, базаров и караванов.

Сухая догма ислама, идущая с Тимуром, и созерцательное искусство буддизма, шедшее с джунгарами, без этой творческой переработки не могли найти и не нашли отклика в кочевой киргизской среде. Они, киргизы, сохраняли, развивали более полноценное искусство, более древнее — искусство сакское, реалистическое, близкое народным запросам, народному представлению о прекрасном,[1] и сохранили глубоко реалистический в своей сущности народный повествовательный узор киргиза.[2]

Таковы характерные черты искусства и культуры Семиречья, важнейшего центра кочевников Средней Азии, где господствовали с VI в. тюркские племена.

Сравнивая Семиречье с Тянь-шанем, нельзя не притти к выводу о том, что культура племен и народов, заселявших Тянь-шань, была проще. Политические властители Тянь-шаня, поддерживая традиции патриархального строя как орудие управления рядовыми соплеменниками, в своих горных ставках ограничивались сравнительно малым: живя за стенами поселений, выстроенных руками согдийцев или ферганцев, владетели Атбаша или Кажингар-баши ограничивались в своем быту простым инвентарем кочевников. Но это не значит, что им были чужды стремления к богатству. Это была только внешняя сторона, «дипломатия» быта. Их вкусы и требования удовлетворялись внизу, в равнинах, в городах, где они были хозяевами не менее, чем в горах. Эти города были их владениями.

И власть кочевников гор, от хана до рядового члена его дружины, столь сильно, повседневно ощущалась в среде этих ремесленников, что в большинстве изделий, которые они создавали, упорно проявлялась идеология владетелей, кочевавших в Центральном Тянь-шане. Это влияние кочевников, которое мы пытались показать в настоящей главе, и является объективным доказательством нашего тезиса о том, что с сакского периода до позднего средневековья кочевники оставались хозяевами своего края. Их потомки — киргизы, выросшие на основе длительного скрещения различных, прежде всего кочевых, тюркских племен, — и донесли до наших дней память об этом прошлом в своей культуре дооктябрьского периода.

В настоящей, третьей главе мы сделали попытку подытожить наши наблюдения и исследования над археологическими памятниками Семиречья и Центрального Тянь-шаня, собранными нами в процессе археологических экспедиций еще с 1933, а главным образом с 1936 г.

Сотни раскопанных курганов, тысячи кубометров культурных слоев древних поселений, которые мы вскрыли и исследовали, десятки тысяч километров разведочных маршрутов — дали относительно большой материал. Однако суть дела не только в сборе фактов, но и в правильном их теоретическом осмыслении в свете идей марксизма-ленинизма.

Страна, о которой шла выше речь, была весьма своеобразной. Своеобразие заключалось в том, что политическая власть в ней всегда принадлежала кочевникам, а более передовая культура колонистам — земледельцам и ремесленникам, в основном пришельцам из Средней Азии. Подчиняясь в какой-то мере требованиям и вкусам политических хозяев края — кочевников, пришельцы все же не могли не влиять на идеологическое и культурное развитие местного населения. И это сказалось и на памятниках культуры данных районов. Чем дольше продолжались взаимоотношения тех или иных этнических групп, тем более органичным и целостным были выявленные культурные ценности. Однако частая смена племен и народностей с теми или иными политическими государственными образованиями нарушала этот процесс взаимных влияний. Следует учесть, что границы государственных образований были различными, и в силу этого в орбиту процесса вовлекались одни народы и, в известной степени, отсекались другие. Это была страна, где непрочные военно-административные объединения господствовали чуть ли не до Великой Октябрьской социалистической революции. Вспомним слова И. В. Сталина о полупатриархальном, полуфеодальном строе кочевников Средней Азии, о пережитках патриархально-родового быта населения Туркестана. Вспомним хотя бы родо-племенной состав киргизов, где нашли свое отражение этнонимы различных племен и народностей, известных и казахам, и узбекам, и другим народам Средней Азии. Этими историческими причинами объясняется и тот факт, что в памятниках культуры

---

[1] В этом главнейшая черта отличия киргизского узора от орнаментов западных тюрок. Достаточно сопоставить любой киргизский ширдак, даже тушкииз, с орнаментом османских турок. (См.: W. Staube. Le caractère turc dans l'ornamentation des faiences osmanlies. Syria, т. XV, 1934).

[2] См. альбом «Киргизский народный узор», наше введение «Киргизский национальный повествовательный узор» (Л., 1948).

отразился процесс дробления и расхождения, смешивания и скрещивания культурных явлений.

Не следует забывать, что кочевники в результате военных походов и торговли овладевали различными культурными ценностями, захватывали различных по происхождению ремесленников, а среди награбленных сокровищ были плоды ремесленного труда из различных стран; среди предметов дани и торговли было также немало иноземных. Все это и способствовало накоплению в Семиречье и Тянь-шане тех разнообразных культурных явлений, о которых шла речь.

При трактовке этого материала мы исходили из высказывания И. В. Сталина об империях Кира и Александра Великого, Цезаря и Карла Великого, «... которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения».[1]

Но, с другой стороны, И. В. Сталин, продолжая свою мысль, обращает внимание на то, что внутри временных и непрочных военно-административных объединений, внутри этих империй, конгломератов племен и народностей были «... племена и народности, которые входили в состав империи, имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки».[2]

Вот эти племена и народности, постоянно обитавшие на территории Семиречья и Тянь-шаня и имевшие собственную экономическую базу, кочевники, ведущие свое происхождение, по крайней мере, с эпохи бронзы, и являлись носителями той культурной традиции, которую мы в нашем исследовании именуем сакской ветвью культуры и искусства.

Прослеживая эту линию искусства и культуры среди конгломерата других культурных явлений, мы и приходим к выводу о том, что носителями данной древней традиции являются современные, в недавнем прошлом, кочевые народности этой территории.

Предки киргизов появились на Тянь-шане и в Семиречье еще в I в. до н. э. Вторичное появление их здесь относится к VI—X вв., и окончательно овладели они страной в XVI в.

Если учитывать хронологию появления и утверждения киргизских племен на Тянь-шане, то нельзя не признать, что все сказанное в настоящей главе об истории культуры и искусства в Семиречье и на Тянь-шане ближайшим образом относится и к киргизам, но не только к ним. Народы этой страны принимали участие не только в этногенезе киргизов, но и других кочевых, тюркоязычных народов Средней Азии. Ведь саки тесно связаны с этногенезом казахов, гунны и тюрки Западного каганата — еще с более широким кругом народностей, прежде всего узбеками и туркменами.

Следует учесть, что со времени саков особенно отчетливо выступает процесс движения племен из Семиречья и Тянь-шаня на запад и юго-запад. В своем движении на Сыр-дарью, в Ташкентский оазис, Фергану, Алай, Памир, Согд, Тохаристан и далее эти племена и народности приносили свои культурные ценности, либо ими созданные, либо ими заимствованные от еще более восточных или южных соседей. Этому вопросу в последующих частях нашей работы мы уделяем посильное внимание.

---

[1] И. Сталин Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 12.

[2] И. Сталин, ук. соч., стр. 13.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФЕРГАНА И АЛАЙ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДРЕВНИЙ ФЕРГАНО-АЛАЙ

1. ДРЕВНЕЙШИЕ КУЛЬТУРЫ

В экспедициях мы не занимались исследованием памятников, требующих особого типа разведки (памятниками палеолита и неолита), однако там, где было возможно, мы регистрировали пещеры, которые могут представить интерес для изучения каменного века.

Наибольший интерес, по нашему мнению, представляют следующие местности с пещерными комплексами: 1) долина Арсланбоб, 2) Охнинская долина, 3) пещеры у Хайдаркана и по Соху, 4) пещеры по каньону р. Нарын.

Особенно много пещер расположено по склонам долины Арсланбоб (киргизское название Арыстанбель). Река Арсланбоб берет начало с ю.-в. склонов гор Чаак-тау, — к ЮЗ от пика Вебера, — составленных из нижнего отдела каменноугольной системы, и протекает в неогеновых и древнечетвертичных (нерасчлененных) отложениях.[1] Место это весьма примечательно. Находясь в прекрасно защищенном углу, образованном упомянутым хребтом Чаак-тау и западными отрогами Ферганского хребта, оно сохранило реликтовые формы средиземноморской флоры. Здесь расположены немногочисленные леса Киргизии, составляющие особый геоботанический ландшафт, куда входят: 1) можжевеловые или арчевые леса, 2) ореховые, 3) орехово-фруктовые и другие широколиственные леса, 4) орехово-фруктовые, яблоневые и яблоневo-сливовые леса, частично кленовые, и кустарники.[2]

Заросли грецкого ореха (Juglans fallax) в 45—50 тыс. га, яблони, алычи, барбарисы и т. д., большое количество дичи (от горных антилоп до кабанов) в ореховых лесах создавали максимально благоприятные условия для жизни древнего человека. Изобилие пещер, особенно в верхней части долины, в районе поселка Арсланбоб (в 12 км к С от центра Ачинского района, с. Чарвак), могло обеспечить его удобным жильем. У некоторых пещер расположены и родники (например пещера Чильтан Ункур).

Вторая и третья значительная группа пещер расположены в сходных условиях нерасчлененных четвертичных отложений: во-первых, в Охнинской долине, к З от долины р. Шахимардан, по южным отрогам гор Катран-тау, и, во-вторых, в четвертичных и нижнекаменноугольных отложениях по южным склонам западных отрогов тех же гор Катран-тау, от Хайдаркана к З, к долине р. Сох, в северной части урочища Кош-куль. Во втором упомянутом районе отмечу пещеры в урочище Багашин у с. Тарык, а также большую пещеру над дорогой из Хайдаркана в кишлак Сур к С от дороги.

Четвертое место, где обнаружены пещеры, — это каньон Нарына, у впадения правого притока Нарына — Кара-су (за Таш-кумыром), по левому берегу р. Кара-су. Пещера расположена к Ю от разветвления дорог Джангиджол—Токтогул, непосредственно над дорогой Таш-кумыр—Токтогул. Она расположена на стыке юрских (угленосных) и верхнепалеозойских отложений хребта Узун-ахмат.

Наибольший интерес представляют пещерные комплексы и урочища Арсланбоб. Следует, однако, отметить, что мягкие породы, в которых расположены эти пещеры, плохо сохраняют первоначальный план и объем пещеры. Подвергаясь быстрому карстовому процессу, они изменяют свой объем, «растут» вглубь породы, в то время как старая, внешняя кромка разрушается и обваливается. Мы сами наблюдали, главным образом по западным отрогам ущелья, что от былых пещер остались лишь их задние, сильно прокопченные стенки, в то время как потолок пещеры обвалился — и относительно недавно, о чем свидетельствуют светлые пятна излома породы. Не будет удиви-

[1] См.: Геологическая карта центральной и южной части Средней Азии, масштаб 1 : 750 000, 1941. Гл. редактор А. П. Марковский.

[2] И. В. Выходцев. Геоботанические ландшафты Киргизии. Изв. КиргФАН, вып. 2—3, Фрунзе, 1945, стр. 38—40.

тельным поэтому, если в процессе исследования пещер вместо палеолита обнаружатся памятники сакской эпохи, поскольку, по свидетельству Птолемея, саки широко пользовались пещерами для жилья.[1]

Однако в описываемом районе, так же как и в других, нами упомянутых, имеется ряд пещер, которые и по своему древнему облику и по окружающему ландшафту вселяют надежды на обнаружение более старых памятников — времени палеолита. В этом плане небезинтересно обследовать пещеру с южным входом у районного центра Суфи-курган, к северу от моста, на правом берегу р. Терек-су.

Более поздние памятники неолита и бронзы мы обнаружили в южной части Ферганы. Прежде всего следует отметить тепе (сильно разрушенное) на 9-м километре шоссе Ош — Кара-су, к Ю от дороги, на которое мы обратили внимание еще в 1941 г. Оно отличается от обычных тепе тем, что стоит без всяких площадок на дневной поверхности почвы; первоначально оно имело ясный полусферический профиль, чем отличаются более ранние тепе от поздних (за исключением даваньского типа), особенно от кушанских и средневековых.

На этом тепе были обнаружены фрагменты керамики анаусского типа, явно архаического облика, резко отличающейся от так называемого «афросиабского триполья» — керамики с красочной росписью, в основной своей массе доходящей до средневековья, а судя по нашим работам на Узгене в 1945 г. — до XI—XII в. Аналогичного типа фрагменты были встречены в массе подъемного материала и в других местах. Типологически они могут быть возведены к культурным комплексам анаусского типа той же Ферганы, известным по раскопкам в районе Нарынского совхоза и в городище Эйлатан.[2]

Наряду с керамикой этого тепе, явно восходящей к раннеземледельческой культуре Ферганы, в районе г. Ош, к Ю от горы Сулейман-тау, были обнаружены фрагменты серых горшков слабого напольного обжига, приближающихся к баночной и шаровидной формам, ручной выделки, с нанесенным по плечикам чеканным орнаментом елочного типа. Керамика эта, отличающаяся слабо развитым венчиком, геометризированными формами орнамента, слабым обжигом (серый излом), явно восходит к эпохе бронзы андроно-карасукского облика, скорее всего второго этапа, т. е. рубежа II — начала I тысячелетия до н. э.[3]

Как бы ни были малочисленны факты, добытые археологией для этого периода, совершенно ясно выступают две основные линии развития культуры эпохи бронзы. В равнинной части Ферганы население базируется на развитии земледельческого хозяйства, в предгорных и горных районах — на пастушеском скотоводстве. В отличие от соседнего Тянь-шаня, где мы обнаружили трупосожжение в памятниках андроновского типа (долина р. Арпа),[1] здесь, в приалайской зоне, наличествует трупоположение.

Близкое и неизменное сосуществование скотоводческого и земледельческого хозяйств составляет основную и характерную черту развития культуры предгорных районов Ферганы как в древнюю, так и в последующие эпохи.

2. САКО-УСУНЬСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГОРНЫХ ДОЛИН АЛАЯ ПО ДАННЫМ РАЗВЕДКИ 1946—1947 гг.

Одной из важнейших задач экспедиции являлось выявление сферы распространения культуры сако-усуньского облика. Будучи знакомы с памятниками этого времени (по Семиречью и Тянь-шаню) по их внешним данным (характер насыпи и план могильников), мы поставили перед собой задачу проследить их распространение по Фергане. Обследование показало, что в основном тянь-шаньский вариант (шире — семиреченский) этих культурных комплексов тянется в ю.-з. направлении, находя свое наиболее яркое выражение в Алайской долине. Весьма выразительны в этом отношении курганы могильника Чакмак (по течению реки Гульчи на 85-м км шоссе Ош—Сары-таш). Здесь, на высоком правом берегу реки, оказалась группа едва заметных с поверхности могил, отмеченных круглыми и подквадратными выкладками, слегка поднимающимися над уровнем земли, с диаметром от 3 до 5 м. Закраины могильных ям, ориентированных по оси С—Ю, расположены непосредственно под тонким дерновым слоем, а дно ямы находится на глубине не более 1.20 м. Могильная яма завалена мелкими камнями.

В результате неглубокого залегания могилы скелет и инвентарь полностью разрушены, но бесспорно устанавливается трупоположение. В одной могиле была найдена бронзовая булавка «гвоздеобразного» типа (длиной 5 см), типологически относящаяся к скифскому периоду. Расовый тип погребенного мужчины был близок андроидам Казахстана. За исключением одного места в Алае (Кийке-таш, километрах в 30 к З от Сары-таша) курганы этого типа меньше, чем северносемиреченские, и потому ближе к центральнотяньшанским. Остается

---

[1] На это свидетельство Птолемея обратил особое внимание Г. В. Григорьев (Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935).

[2] Археологические работы на новостройках, т. II, 1935, стр. 141, ср. стр. 142, табл. 111 и 118.

[3] Ввиду недостаточности подобного материала из этих районов мы воздерживаемся от более точной датировки этой керамики.

[1] А. Бернштам. Археологические контуры Тянь-шаня и Алая. Изв. КиргФАН, 2—3, Фрунзе, 1945.

в силе высказанное нами ранее предположение, что наиболее древние и «царского типа» курганы сако-усуньского времени расположены в бассейне и междуречьях Талас—Чу—Или и не южнее берегов Иссык-куля.[1]

Исключением явились: район Чон-алая — упомянутый Кийке-таш — для времени саков и курганные группы «Мингтепе» и «Хансалык» в Кетменьтюбинской долине, первая на правом, вторая на левом берегу р. Нарын.

Кийке-таш — это большой курган «пазырыкского» типа на правом берегу р. Кызыл-су; насыпь его сложена из крупной гальки и камня, взятого с окружающих гор. Диаметр кургана достигает 35 м, высота — до 3 м. В центре кургана огромная воронка до 10 м в диаметре, а с В курган пробит траншеей древних грабителей, шириной до 5 м. Очевидно, курган неоднократно подвергался ограблению еще в глубокой древности. Кругом кургана скрытые в высокой траве мелкие курганы с диаметром до 10 м и высотой до 0.50 м. Аналогичный могильник с большим центральным курганом расположен в 5 км к З, в местности Кургак, и составляет с первым, очевидно, один комплекс. Всего по Алайской долине нами зарегистрировано 18 курганных комплексов. По правому берегу р. Кызыл-су от Сары-таша до Дараут-кургана (110 км) отмечены следующие курганные группы: 1) Арчабулак — 25 насыпей, 2) Кийке-таш — 5, 3) Кургак — 20, 4) Сары-могол — 1,0 5) Дараут-курган — 15. По левому берегу, начиная от Дараут-кургана: 1) Алтын-дара — 12 насыпей, 2) Ачи-су — 14, 3) Лай-су — 17, 4) Токуз-кунгей западное — 7, 5) Токуз-кунгей восточное — 13, 6) Таштыкунгей — 40, 7) Ничке — 1, 8) Джибек-су западное — 14, 9) Джибек-су восточное — 5, 10) Ачик-таш — 10, 11) Боокеныи Таласы — 20, 12) Чумагы — 10. Кроме того, по правому берегу Кызыл-су по дороге в Иркештам в урочище Ак-киндык следует отметить еще одну группу в 14 курганов около каменного мавзолея, приписываемого Курманджан Датхе. Всего по Алаю, вдоль р. Кызыл-су, нами было зарегистрировано по правому берегу 75, по левому 167, а всего в 18 группах 242 кургана. Фактическиих несомненно больше.

Если посмотреть на карту, то станет очевидной определенная закономерность в их размещении. По правому берегу курганы тяготеют к районам Сары-таш и Дараут-курган, в то время как пространство между ними оказывается незаселенным. Наоборот, по левому берегу наиболее многочисленные курганные группы сконцентрированы в средней части долины, против незаселенных пространств правого берега.

Таким образом, создается возможность расчленить долину в меридиональном направлении на три части, как бы соответствующие трем племенным группам в древности. Следует отметить, что, в отличие от левобережных, в правобережных группах курганы расположены бессистемно; на левом берегу преобладают планы могильников, вытянутых в цепочку с С на Ю вдоль берегов горных рек, притоков Кызыл-су. Этим уже ясно выявляются две группы курганов: времени саков (в основном правый берег) и усуней (левый).

Особо отметим выделяющиеся из общего комплекса могильные выкладки в урочище Арча-булак и примыкающие к ним по форме насыпи могильные выкладки по берегам р. Сары-могол. Это могилы, выложенные из крупных, порой до полуметра, камней овальной или прямоугольной формы, ориентированные по оси С—Ю, иногда с поставленным на ребро одним камнем в северной части могилы. Подобные могилы мы зарегистрировали еще в Арпе, на Центральном Тянь-шане, в 1944 г. Облик могил весьма архаичный, но только раскопка 1948 г. показала, что это киргизские могилы XVIII—XX вв.

Сакского типа курганы расположены и по малому Алаю в урочищах Кызыл-алай, Каратала, Чиилитектер, у Кызыл-кыштака, Кызылкургана, Чакмака и выходят в предгорья Туркестанского хребта по линии Ош—Хайдаркан. Здесь в урочище Багашин, в 12 км к З от Хайдаркана, фактически в долине р. Сох, надо отметить находки сакского типа керамики с дресвой черного, серого и коричневого цвета, относительно хорошей выделки (при плохом обжиге). Еще в 1942 г. мы получили случайно найденную здесь печать с изображением яка,[1] отнесенную нами к сакскому периоду. В 1946 г., обследовав место находки, мы пришли к убеждению, что перед нами могилы без курганных насыпей сакского времени в виде прямоугольных выкладок с типичной керамикой сакского типа. Такого типа могилы и каменные курганы имеются у западного подножья перевала Метинг-бель. Из аналогичной Соху долины Шахимардан известна бронзовая стрелка позднескифского типа, трехгранная в сечении, с черенком.[2]

Изображение яка-кутаса заставляет сопоставить его с изображением яка на золотой пластинке из Нарына (случайная находка, хранится в музее в г. Фрунзе) и с великолепной скульптурной фигуркой яка на одном из алтарей с Иссык-куля, впервые изданного Б. М. Зимма.[3] Широко представлен як в на-

[1] А. Бернштам. Археологические контуры Тянь-шаня и Алая. Изв. КиргФАН, вып. 2—3, стр. 63.

[1] Рисунок с печати воспроизведен в работе «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого чуйского канала» (Фрунзе, 1943; см. табл. III, рис. 21).

[2] Хранится в Ферганском областном краеведческом музее.

[3] Б. Зимма. Иссыккульские жертвенники Фрунзе, 1940; ср. у нас: Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 24 и сл.; см. табл. III. См. выше, гл. I, § 5.

скальных изображениях Саймалы-таш на Ферганском хребте. Этот начинающий вырисовываться круг распространения культа яка позволяет нам выдвинуть гипотезу о яке-кутасе как одном из тотемов заяксартских саков. Як, с его приспособленностью к горным высотам, не мог не стать почитаемым животным у племен, жизнь которых сложилась в районах этих высот. И если архар и теке могли быть и тотемами и олицетворением солярного культа, то як-кутас, скорее всего, — чисто тотемное животное.

Чрезвычайно ярко обнаружились следы сако-усуньской культуры, особенно ее усуньского этапа, в Кетменьтюбинской котловине. Здесь «царские» курганные группы расположены по левому берегу р. Нарын, где они носят название «Хан салык» (букв. «Царский клад»). Другая группа курганов известна по левому берегу р. Узун-ахмат, тянущаяся на несколько километров, и, наконец, еще одна группа курганов имеется на землях колхоза им. Кирова под названием Минг-тепе («Тысяча холмов»). Раскопка одного из малых курганов (высота 1 м, длина 12 м) в Узунахматском могильнике показала, благодаря найденным там фрагментам керамики, явно усуньскую принадлежность группы. Группа состоит из 56 курганов, часть которых достигает внушительных размеров (диаметр от 6 до 25 м, высота от 0.5 до 5 м).

Все курганы имеют мягкую земляную насыпь, в основании которой лежит каменная выкладка. Могильная яма в грунте, без обкладок, размер ее 1.5×3 м.

Особенностью кетменьтюбинских групп является связанность курганов с поселениями, возникающими на грани н. э., в которых мы наблюдали керамику усуньского типа (см. гл. II, § 6).

Резюмируя общие наблюдения над памятниками этой эпохи, укажем, что курганы саков ясно делятся на две группы: сакскую, тянущуюся в ю.-з. направлении, и усуньскую, более равномерно распространенную в Восточной Фергане, — причем памятники усуньской эпохи выступают достаточно ярко и в синхронных тепе оседлого типа в равнинной части Ферганы, что известно было и до наших работ.[1] Нами также отмечено усуньское влияние, например, в Караван-тепе (Янги Наукатского района Ошской области) или в тепе Акман (Базар-Курганского района Джелалабадской области).

Наблюдения над распространением памятников сакского типа поставили перед нами и чисто исторические проблемы, в частности проблему о распространении саков амюргийских.

В работе академика В. В. Струве [1] ставится вопрос о признании теории В. В. Григорьева,[2] по которой саков амюргийских следует локализовать по Мургабу в Туркмении, ибо топоним Мургаб состоит из этникона «Мург» и иранского «об» — «река», «вода». Соглашаясь с возможностью такой трактовки топонима Мургаб, мы, однако, обратили внимание на то, что коренные области саков, которых следует признать амюргиями Геродота или хаомоварга ахеменидских клинописей, нужно искать на востоке — за Яксартом и в районах Тянь-шаня и Припамирья (восточного и северного, в первую очередь).

О сакских племенах этого района сообщает китайская этногеография старших Хань, перечисляющая племена (с Ю на С): хюсюнь, гюаньду, кочевников Кашмира, уш и наконец сэ, т. е. саки Тянь-шаня.

Племена эти расположены в предгорьях Прикашгарья (Сарыкол), на Алае, в Фергане и Тянь-шане. В области Хотан-Яркенд наблюдается ассимиляция племен, где ясно выступает тибетский компонент наряду с сакским (племена улэй).

Учитывая показания китайских источников, можно с наибольшей долей вероятности племена сакского происхождения хюсюнь и гюаньду локализовать в районе Кашгара (Сарыкол), племена уш — в долине Юйту на Алае. Не исключено и фергано-тяньшаньское распространение племен хюсюнь—гюаньду.[3]

В частности, характерно, что в тюркский период (в VII—VIII в.) Восточная Фергана была переименована в область «Хюсюнь», т. е. было восстановлено одно из древних ее имен. Из китайских источников II—I в. до н. э. известно о распространении сако-усуньских племен на востоке и севере Памира. Следовательно здесь, если принимать гипотезу, что именно восточные саки были амюрги-хаомоварга, должны быть и этнонимы типа Мургаб. Это подтверждается и географией Памира. В широтном направлении протекает по Восточному Памиру р. Мургаб, соединяющая Сарыкол с Западным Памиром и верховьями Амударьи. С целью выяснения возможности связать с этой долиной поселения саков-амюргиев мы впервые в 1946 г. выехали на Восточный Памир, в долину Мургаб (см. ч. III, гл. VIII, § 3).

---

[1] Т. Оболдуева. Археологические наблюдения на Северном ферганском канале. Изв. УзФАН, 10, 1940; В. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного ферганского канала, там же. Ср. нашу работу: Историко-культурное прошлое Северной Киргизии, стр. 344.

[1] В. В. Струве. Поход Дария I на саков-массагетов. Изв. ОИФ, т. III, № 3, стр. 237.

[2] В. В. Григорьев. О скифском народе саках. СПб., 1872.

[3] Об этом мы подробнее говорили в работе: Исторические проблемы Восточного Туркестана. ВДИ, 2, 1947. О распространении саков в долине Алая говорил и А. Стайн. Ср. его: On ancient Central Asian Tracks. London, 1933, стр. 286 и сл. О локализации хюсюнь в Алае и их связи с саками см.: A. Herrmann. Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike. Leipzig. 1939.

Начиная с перевала Кызыл-арт, т. е. с Заалайского хребта до долины Мургаб, лежит высокогорная пустыня. На участках между перевалами Кызыл-арт, Уй-булакбель, Маркан-су, Ак-байтал мы не смогли отметить ни одного памятника глубокой древности. В долине Мургаб мы обратили внимание на зеленую траву, что говорило о возможности прокормить здесь скот в течение 3—4 летних месяцев. Следовательно, здесь можно было ожидать находки древних памятников. И действительно на низкой террасе, непосредственно следующей за болотистой поймой, расположены небольшие курганы до 5—8 м в диаметре при высоте 0.20—0.30 м, вытянутые в цепочку, т. е. близкие по типу к сако-усуньским группам. Немногочисленность этих курганов ясно показала, что говорить о долговременном пребывании племен в этих местах не приходится. Курганы оставлены случайными, недолго пробывшими здесь обитателями, проходившими, но не постоянно жившими на этой территории. Учитывая, что неблагоприятные условия для перекочевки с С на Ю исключают возможность приписать эти курганы алайским племенам, естественнее рассматривать их как следы движения сарыкольских племен с В на З, т. е. из союзов племен хюсюнь и гюаньду, принадлежащих к конфедерации племен амюрги — хаомоварга. Им и обязан топоним Восточного Памира — Памирский Мургаб. Мургаб — это более древнее имя, сакское, смененное затем этнонимами хюсюнь, уш, являющимися не чем иным, как дериватами этнонима усунь-исседон.[1]

Мургаб не мог быть круглый год обиталищем больших племенных групп, что подтверждает и современная экономика этого района. Базой племен оставались Сарыкол и Алай; Мургаб был лишь транзитом движения на З для племен скорей всего сарыкольских, так как для алайских племен этот выход на З мог быть осуществлен по линии Кызыл-су—Сурхоб, им не было надобности итти через труднопроходимые пустыни горного Памира. Учитывая, что связь алайских племен с сарыкольскими, т. е. племен уш с племенами хюсюнь—гюаньду, могла осуществляться через перевал Тау-мурун и Иркештам, можно полагать, что все эти сакские племена являются не чем иным, как результатом распадения сакского союза, саков амюргиев-хаомоварга, центром которых было Семиречье с Тянь-шанем; Сарыкол же с Алаем являлись их ю.-з. окраинами, обнимавшими Памир с В и С.

Когда усуньские (исседонские) племена заставили часть сакских племен уйти из Центрального Тянь-шаня, то саки, пройдя по проторенным дорогам в ю.-з. направлении, увеличили ранее бывшую там группу родственных им племен не только в Сарыколе и Алае, но и в Кашмире и Афганистане, где сакские племена были известны еще с VI—V вв. до н. э. К этому предположению нас склоняет то, что саки занимают в перечислении стран и народов в Ахеменидской клинописи устойчивое место рядом с Индией, «страной всадников» («Ренгай» Авесты, указания Махабхараты и Рамаяны и т. п.).

Экспедиция 1946 г. ясно показала пути ю.-з. распространения саков и усуней и роль Восточного Памира в этом расселении. Туркменский Мургаб выступает как «продолжение» Памирского Мургаба; это одно из дополнительных доказательств широкого расселения амюргиев-хаомоварга. Что касается усуней, то экспедиция показала их выход в равнинную часть Ферганы и слияние их с земледельческой культурой последней, с населением «царства Давань».

Таковы были наши наблюдения и выводы в 1946 г.; они нашли свое полное подтверждение в работах последующих лет — 1947—1948 гг.

Работы 1947 г. в Северном Припамирье и Фергане позволили установить некоторую хронологическую шкалу памятников, датировать их по внешнему виду, конструктивным особенностям и подъемному материалу. В какой-то степени эти наблюдения помогали определять древние могильные и жилые сооружения Памира.

Раскопка кургана в урочище Чамак (бассейн р. Гульча), в дополнение к раскопкам в 1946 г.,[1] обнаружила два костяка — мужчины и женщины(?) под небольшой курганной насыпью, диаметром 5 м, перекрывающей квадратную выкладку 2×2 м. Вытянутые с З на В костяки лежали в могильной яме размером 2×1 м. Слева у головы лежала полусферическая чашечка сако-усуньского типа, покрытая красной краской (см. ниже). Учитывая конструкцию погребения и находку в 1946 г. в аналогичной могиле бронзового, круглого в сечении шила типа булавки с головкой (Чакмакский могильник) и сопоставляя это с находкой 1947 г., погребение можно отнести ко времени ранних саков, к VI—V вв. до н. э. Весьма важно подчеркнуть, что здесь мы наблюдаем «южносибирский» тип захоронения в тяньшанском варианте (квадратная выкладка с плоской полусферической насыпью) и сако-усунский вид посуды с типичной для Ферганы монохромной красной раскраской. Эти явления инфильтрации тяньшанских культурных элементов были прослежены и при раскопках курганов в Тулейкенской группе (в 10 км к СЗ от г. Ош по Араванской дороге). Судя по исторической топографии этого района, исследованного в 1946 г., курганы Тулейкенской группы должны были относиться к скифскому времени и принадлежать скифам-

[1] О термине усунь-исседон ср. у нас: Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 32.

[1] А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. ВДИ, 4, 1948.

аристеям. Имя скифов-аристеев запечатлено топонимикой средних веков (Урешт, Рашт) [1] и выразительной иконографией на Араванской скале с изображением лошадей, которых разводили скифы и их преемники кушаны.[2]

Вскрытие курганов Тулейкенской группы подтвердило принадлежность этой группы курганов к скифской эпохе VI—IV вв. до н. э. и, тем самым, к группе племен аристеев.

Тулейкенская группа курганов (рис. 76) расположена вдоль небольшого, тянущегося с З на В горного кряжа Чиль Байрам. Всего в группе зарегистрировано 22 насыпи. Насыпи полусферические, сложены из крупных камней, порой размером 40×50×30 см. При раскопках обнаружилось, что насыпи содержали на дневной поверхности по одному сосуду; никаких следов могильной ямы и трупоположения не было. Совершенно очевидно, что это были ритуальные насыпи, покойник же, видимо, выбрасывался на съедение хищникам и птицам, как об этом повествуют многие античные авторы о номадах Средней Азии.

Крайне выразительны найденные в насыпях сосуды. Один из них — типичная чаша сако-усуньской формы, близкая к находке в Чакмаке; второй сосуд — кувшин грушеобразной формы с отогнутой закраиной, — тип, известный нам в сако-усуньской керамике, преимущественно ранней (Каргалы I, Беркара I, чуйские погребения). Тесто сосудов розовое, относительно хорошо промешано, поверхность затерта (лощение). На кувшине имеется спускающийся с горловины на плечики резной орнамент в виде треугольников, поставленных вершинами вниз и раскрашенных в шахматном порядке красной и желтой краской. Нижняя часть тулова сосуда окрашена в красный цвет.

В обнаруженных курганах, совершенно ясных по времени (V—III вв. до н. э.), как и в Чакмаке, любопытны элементы скрещения тяньшанской культуры кочевников-саков (насыпь, форма сосудов) с традициями, идущими от оседло-земледельческой культуры Ферганы и восходящими, в свою очередь, к традициям позднего Анау (двуцветная раскраска сосудов, шахматное чередование треугольников в орнаментальной композиции). Все это свидетельствует о сложном и раннем переплетении культур скотоводческого Тянь-шаня и земледельческой Ферганы.

Чрезвычайно важные результаты были получены при раскопках в Чон-алае. Здесь мы столкнулись с двумя комплексами.

I комплекс — группа курганов в 6 км к З от кургана Кийке-таш (24 км от Сары-таша, в местности Кургак). В этой группе курганы двух типов. Земляные насыпи разнообразны по размерам (в среднем, диаметр 16 м, высота 0.50 м), с ясно выраженным ровиком вокруг полы насыпи; каменные — малых размеров (диаметр 5 м, высота 0.10 м) (рис. 76).

В земляном кургане, в могильной яме, вырубленной в мягком грунте, лежал костяк мужчины, ориентированный головой на С; рядом обнаружены обломки железного ножа и скифо-сарматского типа железная стрела с черенком, размером 9.6 см.

Эта форма стрелы, как отмечал С. В. Киселев, типична в Центральной Азии (Монголии) для скифской эпохи.[1]

Каменный курган был начисто разграблен, и экспедиция обнаружила лишь мелкие обломки костей; но в завале могильной ямы был найден черепок красного лощения, свидетельствующий о том, что ограбление совершалось в кушанский период. Курган этот явно старше кушанского периода и относится к скифо-сарматскому времени.

3. КУМЕДСКАЯ КУЛЬТУРА АЛАЯ И ЧОН-АЛАЯ

В свете работ 1947 г. необходимо сказать несколько слов о Северном Припамирье.

Отнесенные китайскими источниками к С от Памира племена хюсюнь (Восточная и Южная Фергана), уш (Южная Фергана и Алай) и гюаньду (Чон-алай—Каратегин) принадлежат генетически к сакам, т. е. теснейшим образом связаны с саками Тянь-шаня и саками хаомоварга (амюргийскими). Имя последних, как мы указали выше, содержится в Памирском Мургабе, в первой части этого топонима — в частичке «мург». Среди амюргийских саков явно выделяются племена аристеи, давшие имя древнедаваньскому городу Эрши, средневековому Уресту, области Рашт, предгорьям Туркестанского хребта, быть может, межгорным долинам Алайского и Туркестанского хребта (Кичиалай).

Область Чон-алая—Каратегина — древняя область античных кумедов, средневековых кумиджиев, китайских гюйми, где в ханьское время были расселены племена гюаньду.

О кочевническом быте племен гюаньду сообщают китайцы, указывая на их сакский генезис и сходство в быту с усунями.

Название Гюаньду весьма созвучно и с названием долины — Яньдунь, где жили эти племена. Яньдунь, по Карлгрену, можно читать как Гяньдунь.[2] Термин гюаньду соответствует и более позднему китайскому названию Каратегина — Гюйми.

Этнографические параллели, приводимые китайцами, документированы сако-усуньскими памятниками Чон-алая и Каратегина, особенно усуньскими цепочками курганов, доходящими

[1] W. Thomaschek. Centralasiatische Studien, Sogdiana. Ср. карту.

[2] А. Н. Бернштам. Араванские наскальные изображения. СЭ, 4, 1948 (см. гл. V, § 2). Ср. нашу статью в газ. «Ленинский путь» (г. Ош) от 2 VIII 1947.

[1] С. В. Киселев. Монголия в древности. Изв. АН СССР, сер. ОИФ, т. IV, вып. 4, 1947.

[2] B. Karlgren. Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese. Paris, 1923, стр. 96, иероглиф 242.

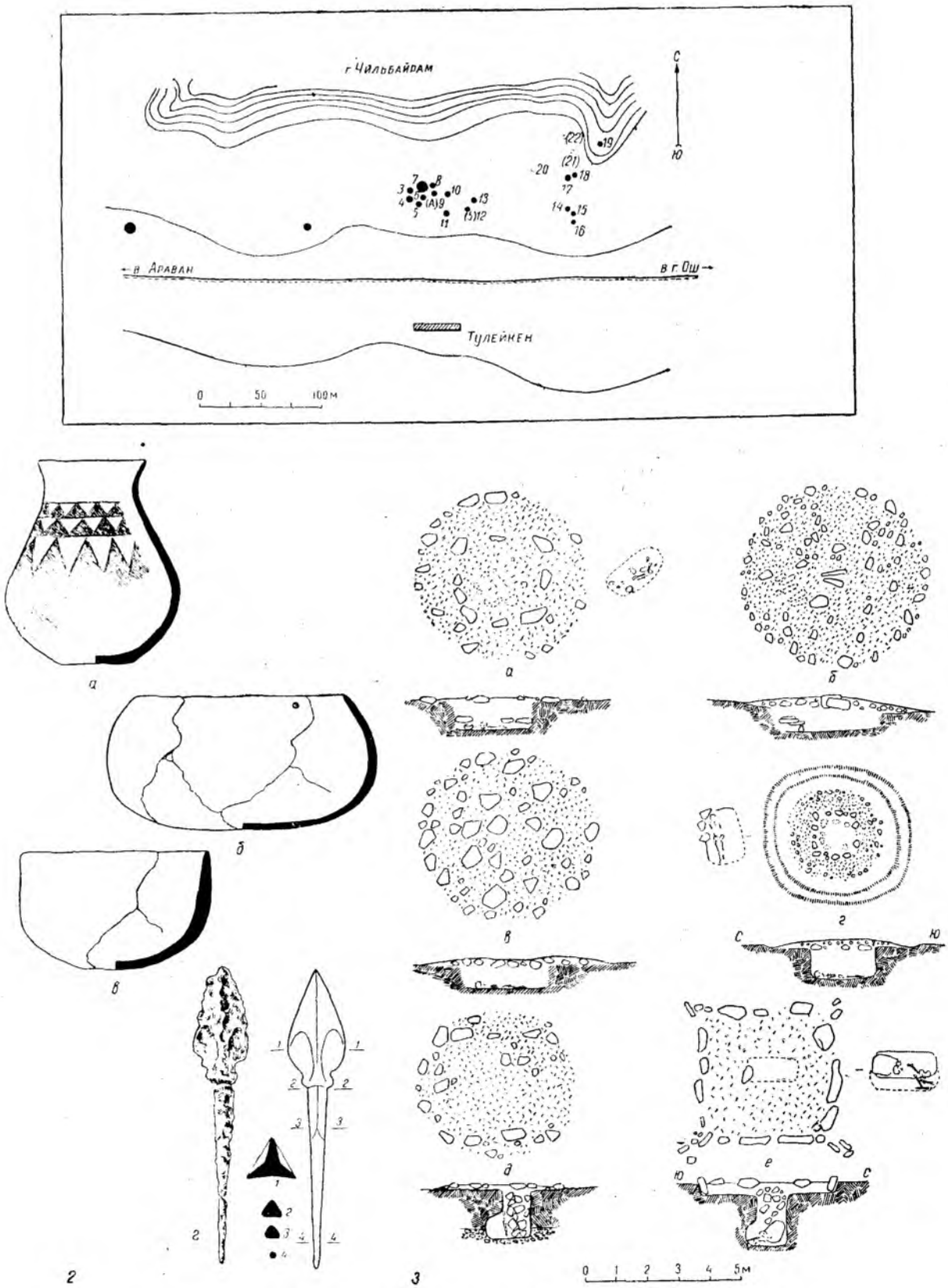


Рис. 76. Фергана, Тюлейкенский могильник, Чон-алай. Типы курганов.

П а в е р х у: план Тюлейкенского могильника. В н и з у с л е в а: *2* — инвентарь погребений [*а, б.* — керамика из Тюлейкенского могильника; *в* — глиняная чаша (Алай, Чакмакский могильник); *г* — железный наконечник стрелы (Чон-алай, Кургакский могильник)]. В н и з у с п р а в а: *3* (*а—е*) — типы курганов (*а* — Чакмак; *б* — Тюлейкен; *в* — Кургак, курган с каменной насыпью; *г* — Кургак, курган с земляной насыпью; *д, е* — Чон-алай, могильник Мааша).

вплоть до Гарма. Именно здесь, у Гарма, они значительно более выразительны, чем в равнинной Фергане. Указание о смежности племен гюаньду с усунями свидетельствует о том, что они были расселены по всему Чон-алаю, т. е. действительно на севере, или, как говорят китайские источники, «держатся Цунлина», т. е. Памира. Отделить их от Чон-алая не представляется возможным, тем более, что на восточной окраине они являются соседями усуней, а к С и З от них находятся племена хюсюнь, являющиеся не чем иным, как ферганскими усунями. Племенное наименование «хюсюнь» с типичным придыханием в начале дало форму «кушан», о чем мы специально писали. Гюймигяньдунь-гюаньду, как уже отмечалось в литературе, — китайская транскрипция имени, племени и местности Кумед (Кумиджии).[1] Кумеды были тюркизированы уже в VII в. Не случайно китайский текст сообщает, что владетель Гюйми происходит из тюркского рода Яньто и что часть имен этих владетелей явно тюркского характера.

Обратим внимание на имя владетеля Каратегина — Исилань Хэу Гинь, известного китайцам в 742—755 гг. Первая часть имени — явно «Арслан». Большой интерес представляет вторая часть имени Хэу — Гинь. Знак «хэу» употребляется китайцами для транскрибирования тюркского слова «кара»—«черный»; топоним Каратегин, и, по-моему, в целом «хэугинь» не что иное, как транскрипция имени «Кара (те)гин».

Тюркский характер племен Чон-алая и Каратегина определялся не только усуньскими этническими группами.

Раскопки и разведки 1947 г. показали мощную инфильтрацию центральноазиатских племен — гуннов, представленных могилами Мааша и Кызыл-туу (см. ниже, § 4).

Гуннские могильники, во-первых, подтвердили правильность античных известий о гуннах подле Имауса (Страбон, Птолемей), во-вторых, объяснили активный процесс тюркизации местного населения.

Античные авторы различали кумедов и тоорнов-фрунов-фаунов-гуннов. Это вполне согласуется с нашими археологическими наблюдениями, когда мы отделяем курганы сако-усуньского типа (хюсюнь и гюаньду-кумедов) от могил маашинского типа (гунны). Каменные насыпи малых курганов и цепочки земляных (со щебенкой) усуньских курганов должны быть связаны с хюсюнь и гюаньду-кумедами, в то время как прямоугольные выкладки (Мааша) и такие же выкладки под курганным перекрытием (Кызыл-туу) следует отнести к гуннскому кругу памятников. В результате скрещения гюаньду с гуннами появился смешанный вид погребений (Кызыл-туу). Скрещение этих племен дало, вероятно, новый этнокультурный и расовый тип, с характерными тюркскими чертами. Очевидно, что с этого скрещения началась тюркизация кумедов.

Таким образом, на границе с Тохаристаном формировался тюркский этнический компонент, который в VII в. является господствующим в Каратегине и становится носителем политической власти в Хуттале и Тохаристане. Об этом свидетельствуют титулы шеху (ябгу), сылифа (эльтебер), сыгинь (тегин?) и другие. Напомню, что накануне прихода арабов, в 40-х годах VII в., тюрки Семиречья уже владели Тохаристаном; в 641 г. Тухоло (Тохаристаном) овладел Шаболо Шеху хан; этим же объясняется бегство западнотюркского кагана Дулу в Тохаристан; имеются и другие данные. Таким образом, появление тюркского элемента в Тохаристане было связано не только с экспансией тюрок Семиречья в области Тохаристана и борьбой тюрок с эфталитами, но явилось и результатом более древней тюркизации племен гюаньду гуннами.

Арабо- и персоязычная литература отличает кумедов (Kumeji, Knjina), кумиджиев, от тюрок-карлуков. Несмотря на эти скрещения, древнее название победило и сохранилось. Отмечу, что В. Минорский, вслед за Марквартом, считал вероятным, что кумеды являются потомками древних саков и более поздних эфталитов.[1] Мусульманские источники рассматривают кумиджиев как потомков эфталитов.

Наши раскопки и обследования в области расселения древних кумедов, обнаружившие гуннский элемент и скрещение его с местным населением, прослеживаемое по археологическим данным, дают нам право утверждать, что скрещение центральноазиатских элементов, гуннов, с сакскими элементами на почве Припамирья дало эфталитскую среду — непосредственное и раннее проявление тюркского этногенеза.

Мы опускаем вопрос о дальнейшей роли гуннов Тянь-шаня и Чон-алая и анализ их движения на З. Думаю, что скрещение их с массагето-аланской средой Яксарта так же породило племя «белых гуннов», как разновидность племени эфталитов.[2] Мы опускаем также вопросы о соотношении культуры Мааша и Кенкола с аналогичной культурой Нижнего Поволжья, не без влияния которой рождается раннее Салтово, так как этот вопрос требует специального изучения.

Обследованные районы содержат ряд памятников, еще не вскрытых; те же, что раскопаны, дали слишком небольшой материал, чтобы мы могли притти к каким-либо выводам. Но в свете проведенных обследований уже стало ясно, что север Цунлина—Имауса—Памира был одним из узлов тюркской этногонии,

[1] J. Markwart. Wehrot und Arang. Leiden, 1938, стр. 65; см.: Hudud al-Alam, стр. 363.

[1] H-al-A., стр. 363.

[2] С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 3, 1947.

а его южная половина имела иное этнокультурное лицо, в основном восточноиранское. Как это ни парадоксально, но Памир оказался и барьером и транзитом, — барьером тюркского этногенеза и транзитом восточноиранского на юге, барьером восточноиранского и транзитом тюркского на севере. Эти выводы подтвердились раскопками 1948 г.

4. КОЧЕВНИКИ АЛАЯ. ФРУНЫ И ИМАУС

Совершенно иным по времени и культуре оказался второй комплекс курганов в низовьях Кызыл-су, на правом берегу у Дараут-кургана (Мааша и Кызыл-туу). Первая группа состоит из каменных оградок в виде прямоугольников разнообразных размеров (от 2×3 м до 10×12м). Выкладки подкубической формы сложены из камней в два и три ряда. Некоторые оградки имеют по углам отходящие наружу «усики» или стоящие вертикально менгирообразные плиты. В Кызыл-туу та же, но более плоская, прямоугольная выкладка перекрыта курганообразной насыпью. Всего было вскрыто в Мааше 4 и в Кызыл-туу 3 насыпи [1] (рис. 76).

Все они (за одним исключением) дали катакомбного типа захоронения в виде айвона до 2 м глубиной и подбоя — ляхат — с ориентировкой С—Ю. Ляхат от айвона отделен каменной или хворостяной перегородкой.

В катакомбах были трупоположения. Костяки имели деформированные черепа; женским костякам сопутствовал богатый инвентарь. Особенно много найдено бус — карнеоль, янтарь, коралл, стекло (черное), паста (голубая и бирюзовая), а также изделия из дерева (столики, чаши, плетенки и т. д.). Сами костяки лежали в плетеных гробах — футлярах из веток облепихи (Hippophaca rhamnoides). Из украшений весьма любопытны серьги салтовского типа, железные пряжки с подвижным язычком. Общий характер инвентаря погребений и их конструкция (например тип насыпи с «усиками») напоминают могилы Ильмовой Пади (гробы, выдолбленные из колоды, характерные для Ильмовой Пади, здесь заменены плетеными футлярами). Инвентарь явно аналогичен инвентарю Кенкольского могильника и катакомбам в Арпе (деревянные изделия, биконические прясла). По своей конструкции это катакомбы уже позднего типа (типа катакомб Исфары, Каунчи, Ширин-сая), в виде подбоя, да и серьги, пряжки, украшения с зерньо в виде подвесок на стерженьке и т. д. относятся к более позднему времени.

Предтюркский характер инвентаря свидетельствует о том, что Маашинский могильник более позднего времени, чем Кенкольский. Мы относим могильник ко времени II—IV вв. и, по совершенно ясным данным (расовый тип, деформация черепа, инвентарь), приписываем его пришельцам из более восточных районов. Очевидно, это были гунны. Тем самым оправдывается указание Страбона—Птолемея о нахождении гуннов—фрунов—фаунов у гор Имаус (Памир), близ племен кумедов [Восточный Памир (?) или Каратегин].

5. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В АЛАЕ И ЧОН-АЛАЕ В 1948 г.

Раскопки 1948 г. в Алае имели для нас важное значение, так как окончательно утвердили классификацию памятников и их датировку. Именно поэтому мы выделили описание работ 1948 г. в особый параграф.

На территории Алая экспедиция 1948 г. шла по проторенной дороге, благодаря нашим разведкам 1946—1947 гг. В задачи экспедиции 1948 г. входило вскрытие максимального количества ранее зарегистрированных могильников и поиски культуры коренного населения межгорных долин Алая и Чон-алая скифского времени — кумедов. Раскопки были произведены: в Чакмаке, Кызыл-кургане, Кызыл-кыштаке (Алай), Арча-булаке, Кургаке и в Дараут-кургане (Чон-алай). В этих шести пунктах была раскопана 21 могила и заложен один шурф на городище.

Раскопки двух каменных могил в Чакмаке дали в одном случае сильно разрушенное погребение, где кроме обломков костей ничего не оказалось, в другом — погребение, сохранившееся относительно лучше. Второе погребение находилось под круглой каменной вымосткой высотой 0.10—0.15 см, при диаметре в 4—5 м. На глубине 0.45 м от поверхности в южной части могилы были обнаружены остатки кладки из камней и сильно разрушенный костяк с ориентацией, примерно, С—Ю, головой на Ю. Из находок следует отметить обломки горшка грубого черного цвета, железный ножичек и бронзовую пряжку без язычка в виде овальной рамки с шипом, укрепленным на ажурной площадке. Тип пряжки и керамики, в сочетании с находками 1946—1947 гг. в Чакмакском могильнике, дает основание датировать могильник раннесакским временем (рис. 77).

Весьма любопытные результаты были получены при раскопках в Кызыл-кургане и Дараут-кургане (рис. 78 и 79). Наше внимание привлекли здесь расположенные по кромке площадки, нависающей над Памирским трактом, каменные курганы и тепе. Вся площадка имеет немало подъемного керамического материала. Раскопы были заложены на двух курганообразных могилах и на одной подквадратной выкладке, т. е. всего три раскопа: $Р_{I}$, $Р_{II}$, и $Р_{III}$. Раскопы II и III обнаружили захоронение, раскоп I, — вероятней всего, остатки селища. Могилы представляли собой каменные подквадратные вы-

[1] См. нашу статью: Уч. зап. Ист. фак. ЛГУ, Там же — отчет С. С. Сорокина о раскопках могильника Мааша, сер. ист., вып. 19, 1952 г.

кладки и «накидки», весьма напоминающие по форме могилы маашинского типа в Чоналае, но более аморфные по конструкции. Размер выкладок — от 2 до 10 м по стороне.

1. Тонкий черепок из отмученной глины коричневого цвета внутри, с красной закраской по внешней поверхности. Закраска идет параллельными рядами под углом к поло-

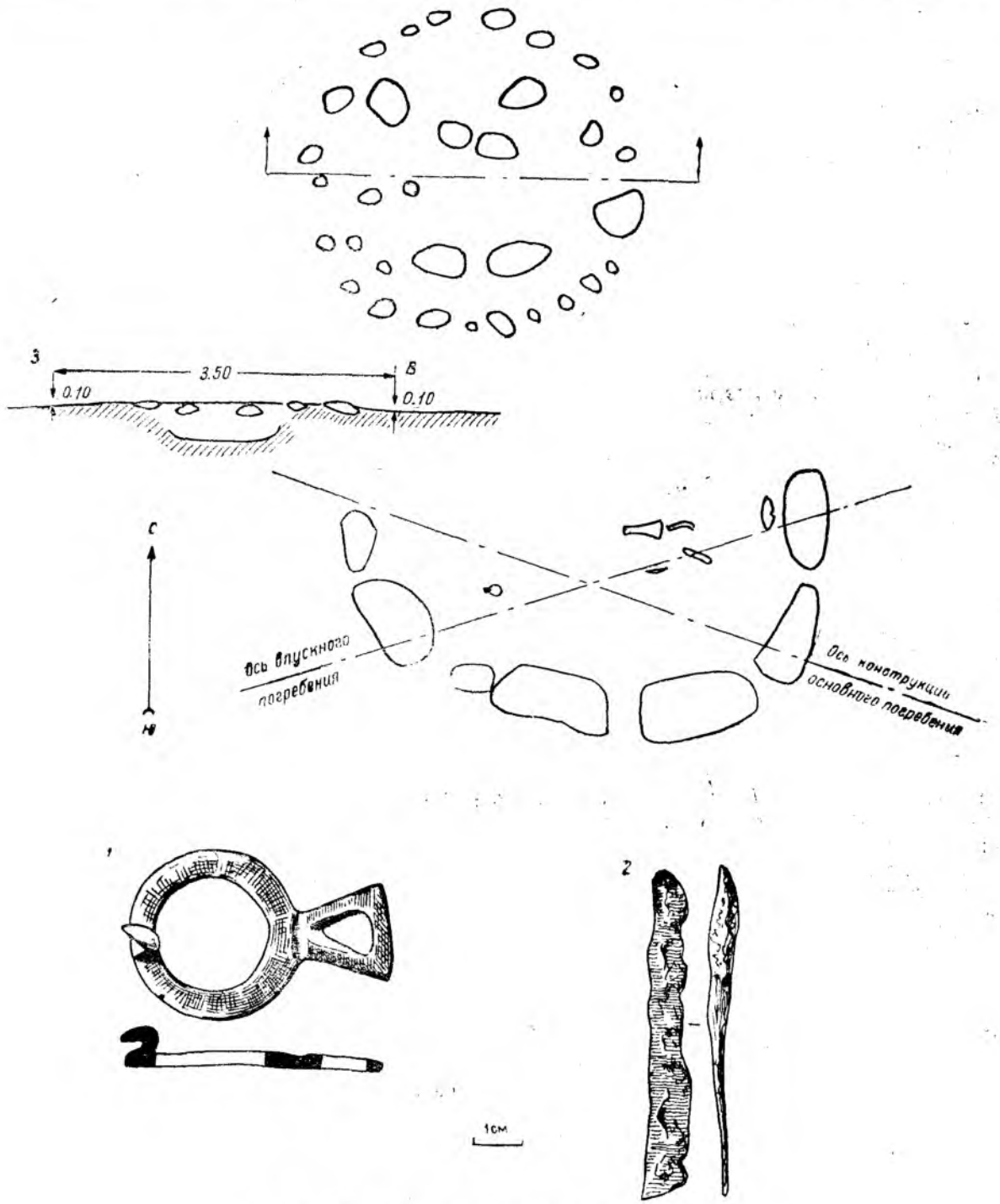


Рис. 77. Алай, Чакмак. План кургана и инвентарь.

1 — бронзовая пряжка; *2* — железный нож.

После снятия дерна толщиной в 10 см в P_1 показалась каменная вымостка толщиной в 20 см, из щелей которой между камнями было вынуто большое количество керамики. Керамика эта четко расчленяется на 5 групп:

сам от гончарного круга. Тип керамики приближается к кушанскому.

2. Грубый плотный черепок, красный в изломе с дресвой, иногда с шамотом, слоистый с белой ангобовой окраской по поверхности.

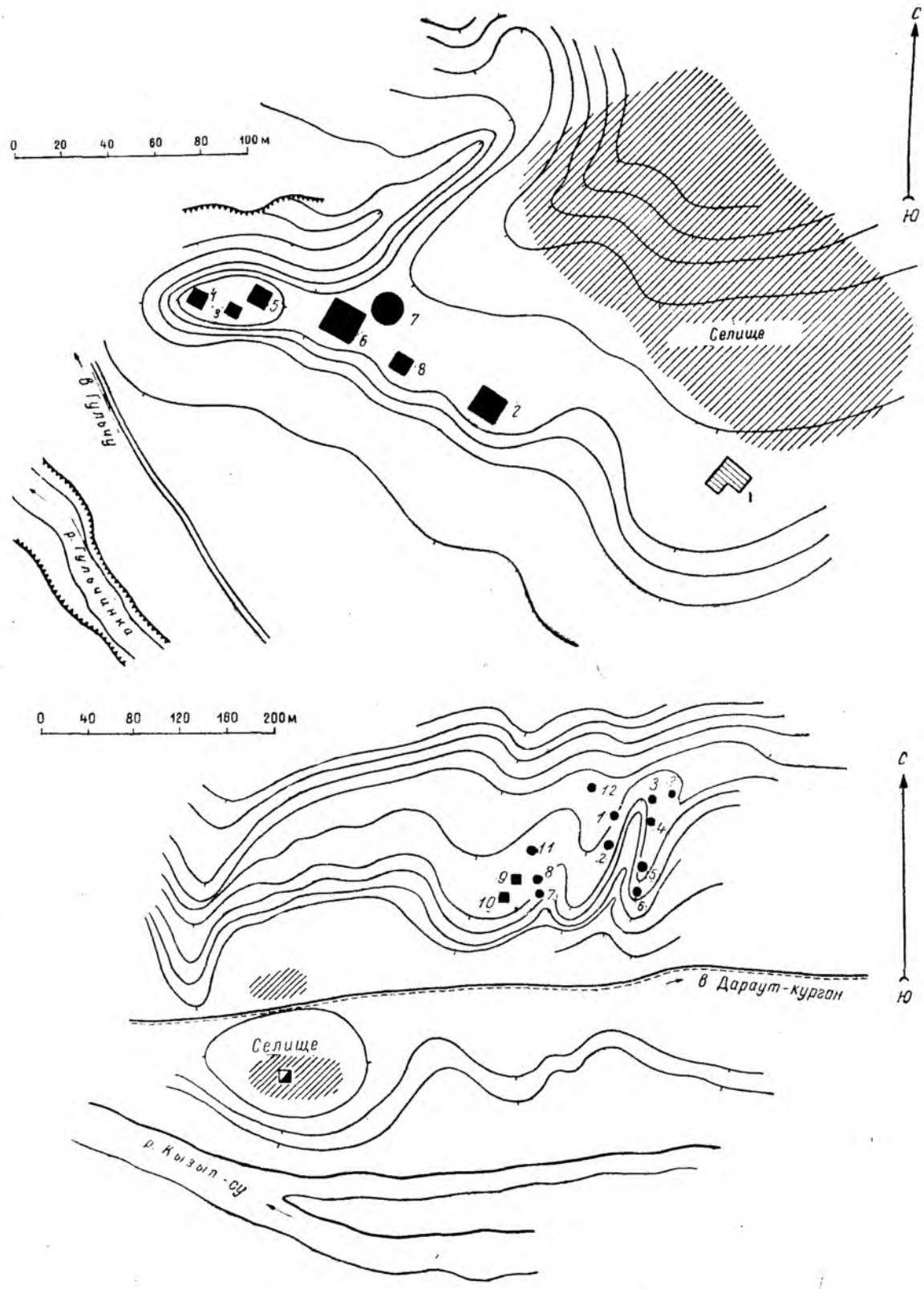


Рис. 78. Чон-алай. Селища и могильники.
Наверху — Кызыл-курган; внизу — Дараут-курган.

Венчики этих сосудов прямо отогнуты от тулова вверх.

3. Эту группу составляют черепки, сходные со второй группой, но имеющие черный излом и более массивный черепок (до 1.5 см в сечении).

4. Аналогичные второй группе по тесту, обжигу и толщине черепки (закраины)

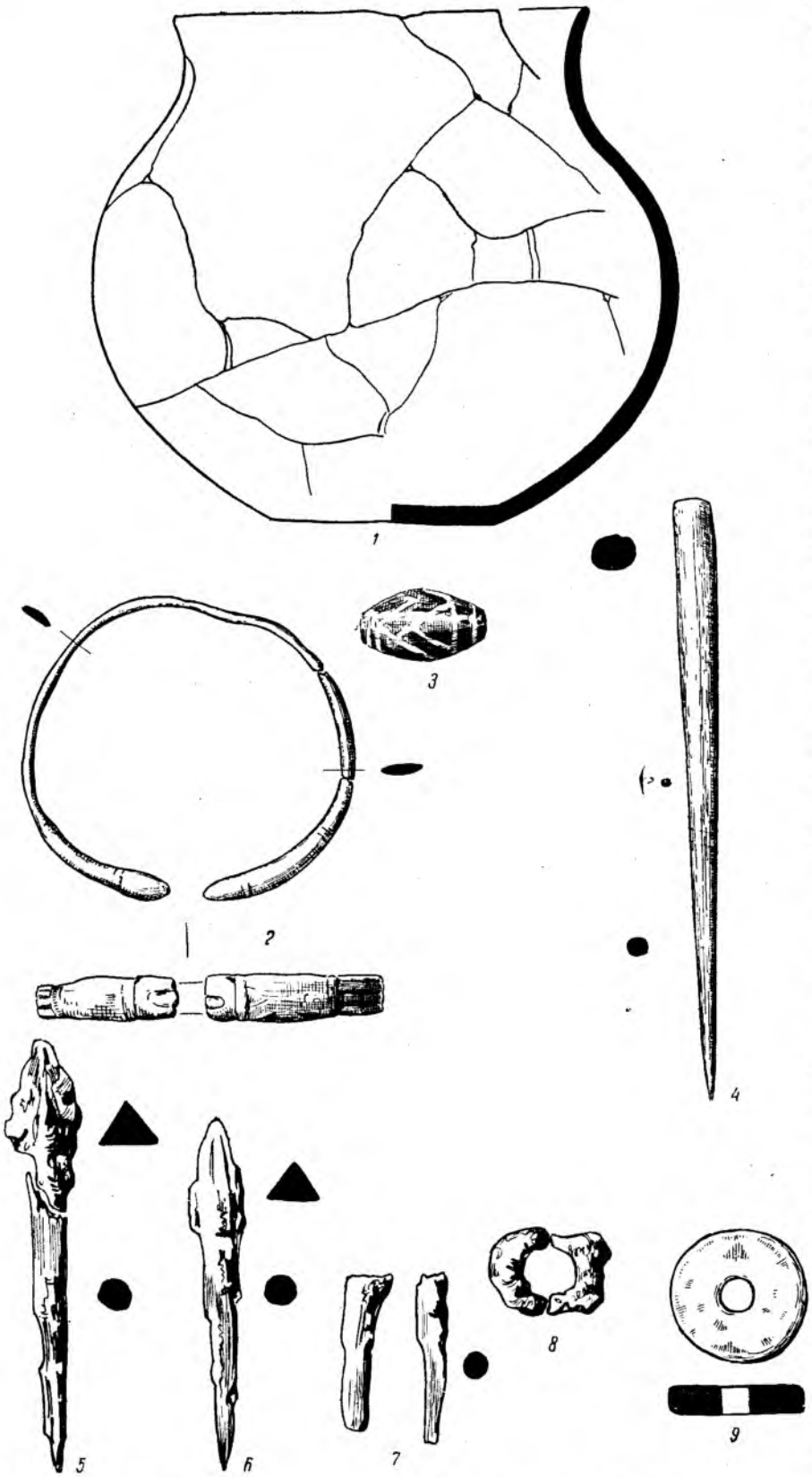


Рис. 79. Алай. Находки из раскопок в Дараут-кургане (*1—4*) и в Кызыл-кургане (*5—9*).

1 — глиняный сосуд; *2* — бронзовый браслет; *3* — сердоликовая бусина; *4* — каменная проколка; *5, 6* — наконечники стрел, железо (К 2); *7* — фрагменты железных наконечников стрел (К 3); *8* — железная пряжка (К 3); *9* — мраморное прясло (К 1).

усуньского типа чаш с двусторонней черной раскраской и залощеной поверхностью.

5. Черепки того же теста и технологии, но поверхность покрыта красной краской с росписью темными полосами.

Несмотря на сходство групп 2 и 5, группы 4 и 5 имеют более архаический облик и по своим технологическим качествам; форма сосуда и его раскраска находят себе полные аналогии в позднеанауской керамике VI—IV вв. до н. э. — так наз. Анау IV. Группы 2 и 3 воспроизводят даваньскую посуду III—II вв. до н. э., и лишь группа 1 близка к керамике кушанского времени. Надо указать, что раннедаваньская керамика (со светложелтой и белой обмазкой) в виде массивных чаш весьма близка к анауским формам и отличается от них тем, что последние имеют в тесте отпечатки половы (соломы), которая примешивалась к тесту. В этой группе преобладают более глубокие формы сосудов и прослеживаются ясные следы грубой раскраски по поверхности.

P_I показал, что здесь нет могилы и каменная выкладка является, вероятно, лишь ритуальным сооружением, быть может в честь погибшего не на родине жителя поселения. Но сползающий с наклонной площадки селища культурный слой задерживался за выступающей каменной выкладкой. Здесь накопился материал разного времени, более ранний, чем тот, который был обнаружен под выкладкой (см. ниже таблицу).

Во втором раскопе оказалась могила. Несмотря на то, что она была сильно разрушена, в ней сохранились железные трехгранные стрелки с длинным черенком (общая длина 8 см, длина боевой части 3 см) позднескифского типа, напоминающие кургакские находки 1947 г. Находки керамики в этой могиле весьма выразительны.

Здесь обнаружены черепки от сосудов групп 2, 4 и 5, как на селище. Так как могила была перекрыта каменной вымосткой и находилась вне зоны смыва культурного слоя вышерасположенного селища считать случайной эту керамику здесь нельзя. Обнаружились факты, указывающие, что анауские и даваньские формы сосуществуют.

Отмечу, что под вымосткой P_I был найден черепок кушанского типа, т. е. группы 1. В могиле II раскопа эта керамика датируется стрелкой, но такая же керамика была обнаружена и в найденном материале селища.

Раскоп III показал могильное сооружение, но, к сожалению, без находок бытовых вещей, доказав только, что каменные вымостки, возвышающиеся над поверхностью, представляют собой могилы с трупоположением. Факты говорят, что селище и некрополь одновременны и расцвет их падает на III—II вв. до н. э.

Основу селища составляют частично разрушенные тепе, расположенные по левому и правому берегам Соганды-сая.

Группируя керамику из раскопов и подъемный материал с селища по трем хронологическим группам, мы получили следующую таблицу:

Раскопы	I гр., VI—IV вв. до н. э. *Анауский тип*	II гр., III—II вв. до н. э. *Даваньский тип*	III гр., II—I вв. до н. э. *Кушанский тип*
P_I	+	+	+
P_I (под выкладкой)	—	— +	+ и камен. прясло
P_{II}	+	и стрелки	—
Селище	+	+	+
Тепе I, II, III	—	+	+

Из приведенной таблицы следует, что:

1) под выкладкой материал только кушанского времени, т. е. верхние слои, смещенные с поселения, и частично даже старше;

2) могилы (P_{II}) даваньского времени;

3) селище несет следы всех эпох;

4) тепе даваньско-кушанского периода.

Все это говорит о том, что мы открыли не анауские погребения, а даваньские, синхронные селищу, и что даваньско-кушанский материал преобладает в нашей коллекции.

Наличие в могиле анау-даваньских форм и отсутствие кушанских весьма характерно, так же как и тот факт, что кушанские формы находились под каменной выкладкой P_I без ранних образцов. Это значит, что первые две группы теснее связаны между собой, чем с третьей.

Архаичность керамики I группы и более новое происхождение III, массовость и значительное преобладание керамики II группы говорят о том, что даваньский тип связан со временем расцвета селища. Одновременное нахождение в могиле групп I и II дает возможность предполагать родство и хронологическую близость керамики этих групп. По аналогии с выдвинутым нами для кочевников Семиречья термином «сако-усуньская культура», для селища Кызыл-кыштак можно предложить термин «анау-даваньская керамика. Несомненно, что в ее недрах созревал тип кушанской керамики.

Однако это селище III—II вв. до н. э., как показывают находки, возникло раньше и было брошено позже упомянутых дат. Время его расцвета падает на период господства в этих местах племен кумедов. Поэтому культуру этого типа, несущую явные следы воздействия земледельческой Ферганы, можно именовать кумедской — как культуру коренных жителей Алая и Чон-алая второй половины I тысячелетия до н. э. Эти наблюдения, как оказалось, подтвердились дальнейшими изысканиями, во время разведок и раскопок в Дараут-кургане.

Прежде всего в Дараут-кургане нас привлекло селище к З от поселка (рис. 78 и 79). Оно расположено на площадке, ограниченной с В рекой Тенгиз-бай, вытекающей из ущелья Тенгиз-бай, и с Ю — бровкой надпойменной террасы Кызыл-су. Селище сильно перекрыто камнепадом, но в нем четко прослеживаются кладки из специально уложенных и подобранных камней, очевидно для каких-либо хозяйственных сооружений. Быть может, это фундаменты стен зданий или загонов для скота.

Шурф (рис. 80) до глубины 0.80 м показал светлый слой зольно-пылеватой структуры, образующийся главным образом на поселениях скотоводов от употребления в качестве топлива кизяка. Глубже 0.70—0.80 м начались полы в виде горизонтальных слоистых плоскостей из промазанной глины со следами золы, костей и навоза. В полах отмечены следы очагов, врытых в землю на глубину 1.20 м. Сверху донизу (глубина слоя 1 м) идут в большом количестве фрагменты грубых толстостенных сосудов (сечение стенок 1—2 см), глубоких и мелких, со следами желтой затирки и редко лощения. Эта керамика прослежена во всех трех слоях (явно относящихся к одной эпохе). Любопытно, что керамика нижних слоев отличалась (в пределах одной и той же технологической традиции) более высокой техникой по сравнению с вышележащими слоями.

Тип керамики идентичен кызылкурганскому и может быть нами именован анау-даваньским. Наряду с керамикой в изобилии встречены кости животных — домашних (баран) и диких (кабан, козел). Кости все расколоты вдоль, часть костей имеет следы обработки в виде крючков, проколок-шильев, «полуфабрикатов»-заготовок. Среди подъемного материала должен быть отмечен обломок крупной зернотерки размером в 60 см при ширине в 25—30 см.

Затем на прилегающих к селищу прилавках были обследованы могильные сооружения. Они расположены на конусах выноса, усеянных обломочными породами. Могилы перекрыты каменными полусферической формы насыпями диаметром в 3—4 м. Один из курганов имеет диаметр 10 м и представляет квадрат, вписанный

в круг, углами упирающийся в окружность. И квадрат и круг выложены крупными камнями, круг — в один ряд, квадрат — в два ряда.

Все так называемые «круглые» насыпи имеют квадратную планировку, или — точнее — представляют собой квадрат «с закругленными» углами. Кроме того часто встречаются квадратные насыпи кызылкурганского типа с ясно выраженной «архитектурой» кладки.

В некрополе были раскопаны три могилы (рис. 79). Одна из круглых в плане насыпей оказалась жертвенным местом со слоем угля и пепла на глубине в 0.40 см, толщиной в 30 см. Другая могила была разграблена, но все же в ней нашлись черепки, совершенно идентичные черепкам из селища и указывающие, тем

Сарматского типа браслет, инкрустированная бусина, проколка и сосуд — все вместе взятое позволяет отнести могилу к II—I вв. до н. э. Таким образом погребения в некрополе отвечают основному времени жизни селища; там представлены также и более поздние могилы не местного происхождения, непосредственно предшествующие времени гуннского вторжения.

Материал двух кушанских селищ с анаудаваньской культурой (Кызыл-курган и Дараут-курган) и связанные с ними некрополи, особенно могилы с квадратной выкладкой, нельзя не сопоставить с раскопками могил маашинского типа с гуннскими катакомбаим. Несомненно, что квадратная выкладка на гуннской катакомбе — явление, идущее от

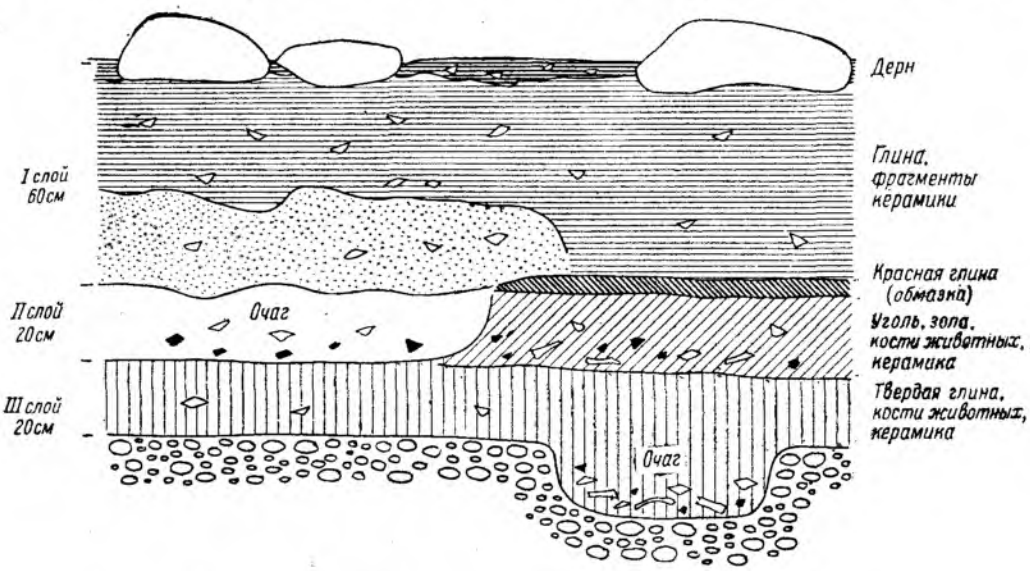


Рис. 80. Чон-алай. Разрез шурфа селища в Дараут-кургане.

самым, на синхронность части могильника и селища. Весьма важно, что план этой могилы несколько напоминает план маашинских могил.

Наконец, третий из раскопанных курганов оказался ограбленой могилой. В нем на глубине 0.60 м лежал костяк женщины, ориентированный головой на З. Несколько выше головы (на 10 см) стоял тонкостенный горшок, красный в изломе, со светлой поверхностью, приближающийся по профилю к кушанским, сделанный на гончарном круге медленного вращения.

Около головы была найдена большая (до 1.5 см) сердоликовая, биконическая со срезанными концами, уплощенная бусина с прорезью, как бы инкрустированная белой пастой. Этот орнамент делали с помощью соды. У локтевого сустава покойника лежал бронзовый, с незамкнутыми концами, браслет: концы его представляют собой стилизованные львиные(?) морды с открытой пастью, а вся внешняя плоскость браслета украшена желобками. Кроме того, была найдена каменная проколка длиной в 13 см, квадратного сечения с одной стороны и заостренная с другой.

полуоседлых кумедов, пастухов-земледельцев и охотников (о чем свидетельствует Дараутское селище). Здесь, в Дараут-кургане и Кызыл-кургане, мы явно вскрыли культуру кумедов, тесно связанных в прошлом через горные перевалы с равнинной Ферганой.

Для того чтобы закончить обзор памятников Алая этой эпохи, отмечу, что напротив селения Кызыл-кыштак, около ущелья Шарт, были раскопаны четыре намогильные сооружения. Два из них оказались культовыми выкладками, третье, по всей вероятности — гуннотюркского времени, но сильно разрушенное грабителями, наконец, четвертое дало нам новый тип погребения. Это погребение было расположено на мыске, нависающем над рекой Терек-су против ущелья Шарт. Около раскопанной нами каменной могилы, в виде кольца с квадратом посредине, поднимающейся над поверхностью с одной стороны на 0.50 см (другая сторона маскирована наплывом), оказались два погребения (рис. 81—83). Первое, нижнее, представляло захоронение скорченника головой на С—В, в грунтовой

яме размером 1.55×0.70 м на глубине 1.70 м. Справа от костяка женщины лежал деревянный, сильно истлевший сосуд, на шее были найдены

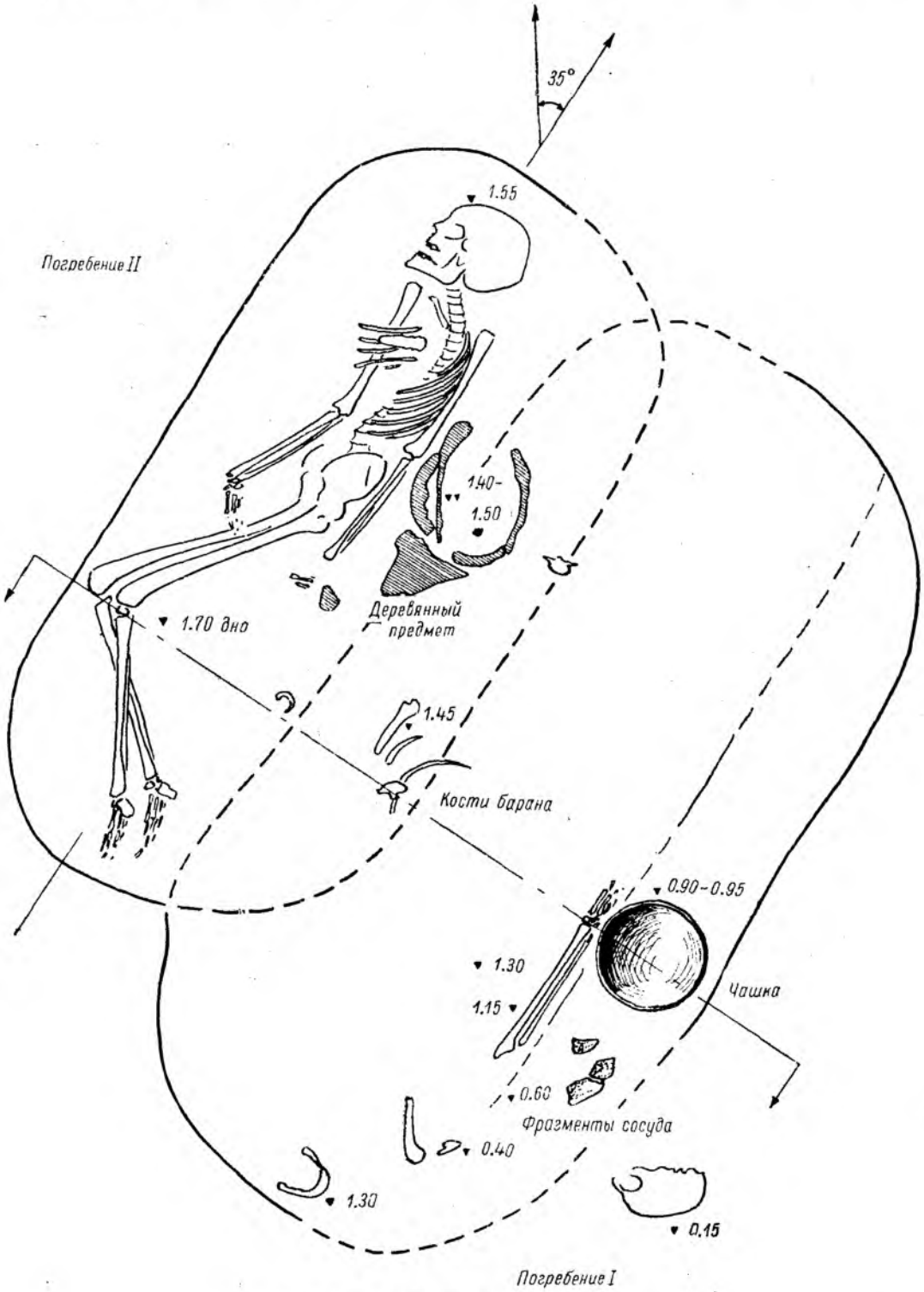


Рис. 81. Алай, Шарт. План К 16.

пастовые бусы голубого и бирюзового цвета. В левом ухе, судя по окиси, была медная (бронзовая) серьга. Здесь же был найден фрагмент сосуда желтовато-коричневого цвета, хорошо залощенный, из грубого теста, напоминающий технологию залощенных усуньских сосудов. Ноги покойника были скрещены и согнуты в коленях, руки вытянуты вдоль туловища, голова повернута на СЗ. Костяк был перекрыт камнями и затем засыпан землей. Эта могила была впущена в курган, где находилось

другое погребение, разграбленное. Кости мужчины были обнаружены на глубине от 0.40 до 1.30 м. Голова, очевидно, была ориентирована на ЮЗ, судя по челюсти (череп был выброшен на верх грабителем) и сохранившемуся первоначальному положению правой руки. Около кисти руки (но выше ее на 35 см) на полочке (шириной в 20 см) стояла полусферическая глиняная чаша, покрытая белым ангобом, имеющая вдоль закраины синюю полоску и орнамент в виде углов с веточками, выполненными той же синей краской. Диаметр устья 17.5 см, наибольший диаметр 20 см, высота 10.7 см. Черепки от такой же чаши были встречены выше, в засыпи могилы.

Таким образом, раскрытое могильное сооружение содержало два разновременных погребения: первое, нижнее (впускное), судя уже по трупоположению, отчасти бусам и черепку посуды, датируется IV—II вв. до н. э.; второе (первоначальное), верхнее, — сакское, причем роспись чаши напоминает анаускую манеру росписи посуды по белому ангобу. На основании этого мы склонны относить его ко времени не позже VI—V вв. до н. э.

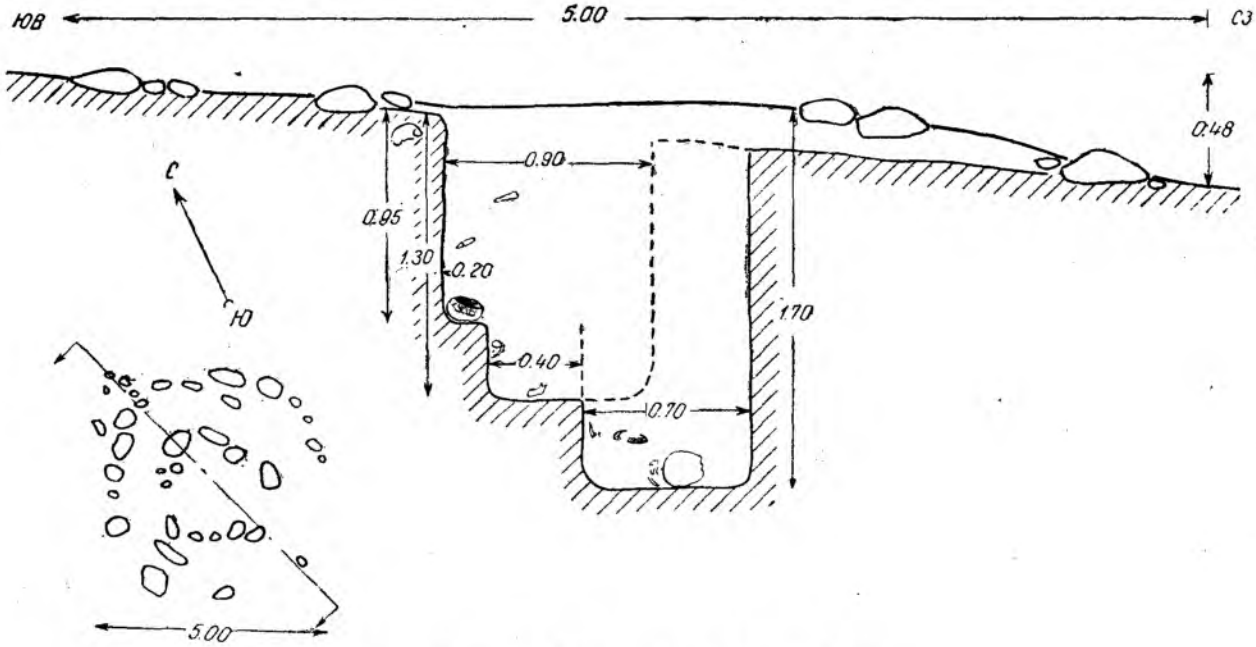


Рис. 82. Алай, Шарт. План и разрез К 16.

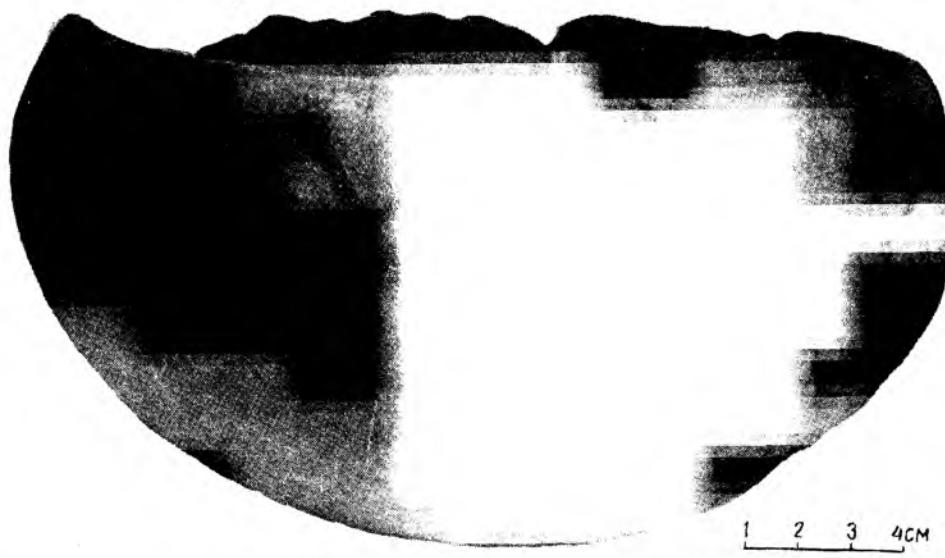


Рис. 83. Алай, Шарт. Сосуд с росписью.

Чтобы завершить обзор наших работ в Алае, отметим итоги работ в Кургаке и Арча-булаке.

В Кургакском могильнике (рис. 84—86) земляные курганы с редкими вкраплениями камней в насыпи дают грунтовые погребения,

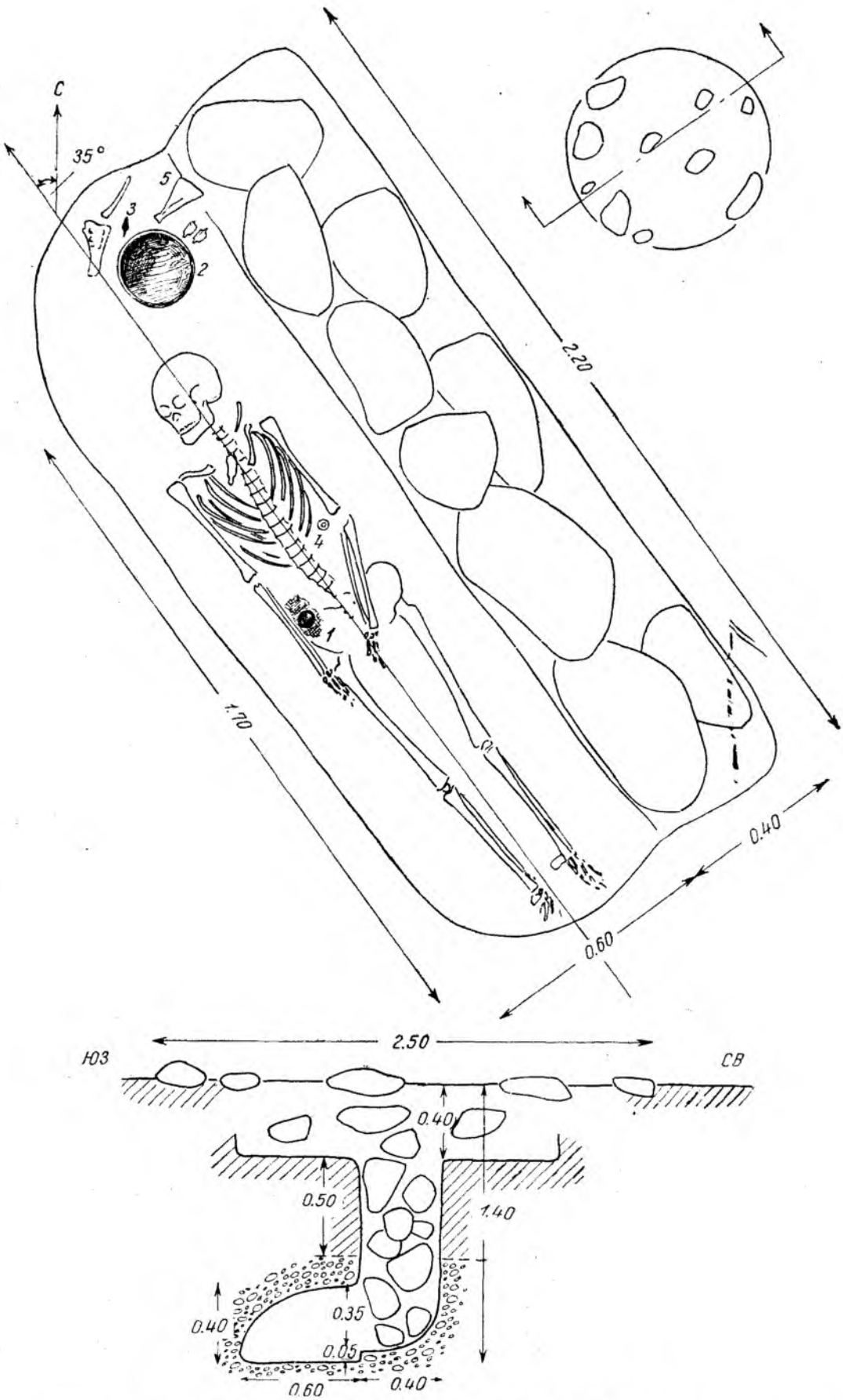


Рис. 84. Чон-алай, Кургак. План и разрезы К 19.

1 — бронзовая коробочка; *2* — деревянная чаша; *3* — железный наконечник стрелы; *4* — глиняное прясло; *5* — кости барана.

которые были датированы раскопками 1947 г. благодаря находке стрелки позднескифского типа. В 1948 г. эти курганы, кроме обломков железных ножей, дали толстостенный сосуд грубого теста и выделки, черно-коричневого цвета, со сферическим туловом и уплощенным дном. Могилы, как мы и думали раньше, бой в могилу — катакомбу (ляхат) — шириной в 0.60 м, длиной в 2.20 м при высоте 0.35 м. В нем оказался женский костяк, лежащий головой на СЗ. Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая лежала на лобке. На правом боку в двуслойном кожано-матерчатом футляре (материал — шерсть и шелк)

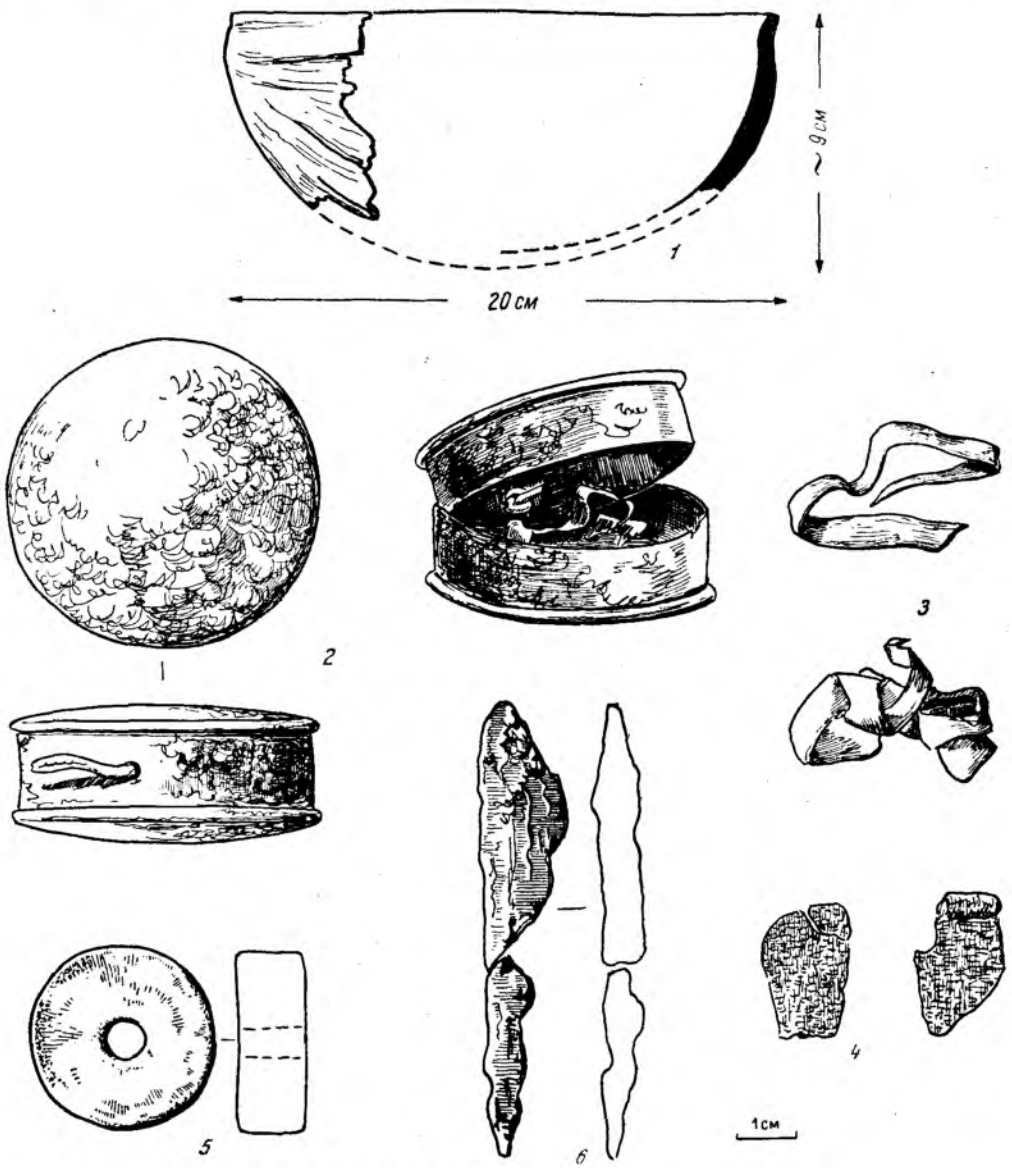


Рис. 85. Чон-алай, Кургак. Находки в погребениях.

1 — деревянная чаша; *2* — бронзовая коробочка; *3* — кожаный ремешок; *4* — ткань; *5* — глиняное прясло; *6* — железный нож.

в 1947 г., принадлежат центральноазиатским кочевникам последних веков до н. э. В этом могильнике оказалось и более позднее погребение: под слегка выдающейся над поверхностью каменной выкладкой диаметром 3.5 м, на глубине 1.40 м, была обнаружена вырубленная в почве на глубине 0.40 м площадка, в которой был сделан айвон шириной в 0.40 м при глубине в 1 м. Он был весь засыпан крупными камнями. Из айвона (дромоса) шел под- находилась бронзовая круглая коробочка с крышкой типа античных пиксид, диаметром в 6 см при высоте в 2 см. Крышка прикреплялась кожаным ремешком. У левого локтя лежало каменное прясло. У головы находились деревянная чаша-миска, железный вытянутый наконечник стрелы и кости барана — лопатки, позвонки и крестец. Тип могилы с подбоем может быть отнесен к гуннскому времени и увязан с погребениями Кызыл-туу и Мааша.

Очевидно, это — могилы тех гуннов, которые не скрестились с кумедами, но заимствовали от них конструкцию намогильных сооружений. Разноплеменность гуннских орд, отражаемая различными формами погребальных сооружений в Центральной Азии и южной Сибири, подтверждается не только среднеазиатским материалом в целом, но и данными наших исследований могил этого времени в Чоналайской долине.

Последним (хронологически наиболее молодым) объектом, расположенным в Чоналайской долине, были три могилы в Арча-булаке в виде овальных выкладок из крупных плит камня с менгирообразными вертикальными плитами в северной части могилы. Две крупные выкладки (до 3 м длины) и одна маленькая (в 1 м) дали захоронение без вещей двух взрослых и одного ребенка. Ориентация покойника: головой на С, лицом на ЮЗ. Обряд погребений заставляет полагать, что это киргизские могилы XVIII—XIX вв. Аналогичные могилы имеются в большом количестве на левом берегу Кызыл-су и отмечены нами на Тяньшане (Арпа, перевал Джаман-даван).

Раскопки в Алае и Чон-алае, ведущиеся три года, показали весьма интенсивное использование этих долин кочевниками с середины I тысячелетия до н. э. вплоть до середины I тысячелетия н. э. В этих долинах господствовала скифская по времени культура полуоседлых пастухов-земледельцев и охотников-кумедов, тесно связанных с оседлой Ферганой. Их культура несет явные следы анау-даваньских традиций (Кызыл-курган, Шарт, Дараут-курган). В долины Алая проникали тяньшаньские сако-усуньские элементы (Чакмак, Шарт), культура которых также была осложнена влияниями культуры Давани. На рубеже н. э. мы отмечаем новую волну центральноазиатских проявлений гуннской культуры, в которой намечаются более ранние, «чистые» явления (Кургак, отчасти Кызыл-туу) и более поздние, связанные уже со скрещением гуннов с кумедами и племенами хюсюнь. Наряду с восточными (тяньшаньскими) и северными (ферганскими) взаимоотношениями в Чон-алае отмечены и связи с западом (Дараут-курган), вероятно с тохарскими племенами Тохаристана. Эти связи не утрачиваются в VI—VIII вв. н. э., что отмечают памятники Дараут-кургана II—I вв. до н. э. и Кукяльда VI—VIII вв. н. э. Отмеченные явления документируются не только инвентарем погребений, селищ и конструкцией намогильных сооружений, но и расовым типом.

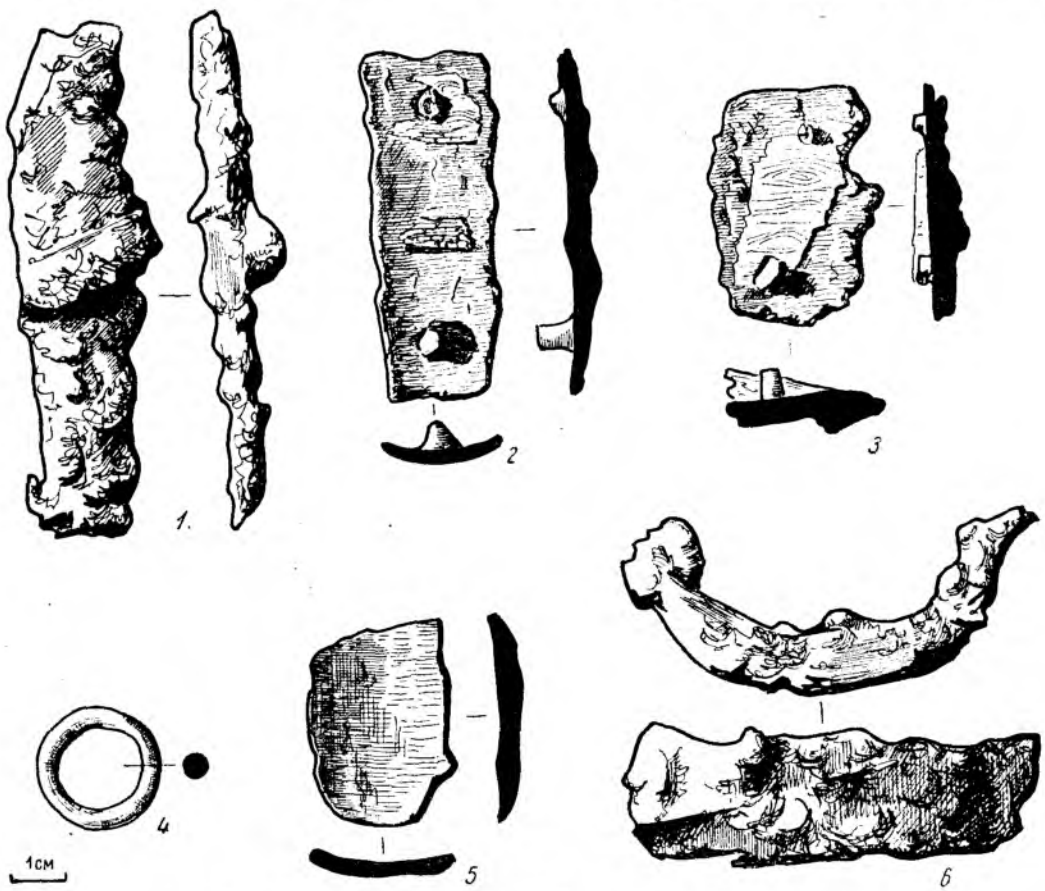


Рис. 86. Чон-Алай, Кургак. Находки в погребениях.

1—3, 6 — фрагмент ножа, накладки и фрагмент кольца, железо; *4, 5* — кольцо и накладки, бронза.

Местный расовый тип — памиро-ферганский. Тяньшаньские компоненты отмечены андроидными чертами (Чакмак), очевидно заходящими глубоко в Алай. Гунское вторжение отмечено не только катакомбной культурой, но и метисированным монголоидным расовым типом. Расово-этническую смешанность населения гор в VI—VIII вв. дает могильник Кукяльда, где представлены южносибирский и памиро-ферганский расовые типы.[1]

Таким образом древнейшие местные племена Северного Припамирья — это племена кумеды (гюаньду). Они смешивались со своими соседями, прежде всего кочевыми племенами саков (сэ) и усунь (хюсюнь), и оседло-земледельческим населением Ферганы, которых до этого времени условно называю даваньцами.

На рубеже н. э. в эти районы проникают племена центрально-азиатского происхождения, фруны античных авторов, гунны китайских источников. В результате этого смешения началась ассимиляция местных племен пришельцами. Быть может на основе этого процесса началось образование эфталитов, в этих районах выступающих под именем тюрок-кумиджиев. Быть может, Кукяльда и есть памятник, документирующий результат этого скрещивания. Этот вывод — главный итог наших трехлетних работ в Северном Припамирье; он вскрывает основное значение этой области в деле сложения и развития новых этнических групп Средней Азии.

6. ОБЩИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ ПАМЯТНИКОВ АЛАЯ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АНАЛОГИЙ

В 60 км к Ю от города Ош, за перевалом Чигирчик, мы попадаем в мощную горную страну — долину Алая, а еще через 120 км, пройдя перевал Талдык, — в долину Чон-алая. Если первая долина идет в меридиональном направлении, соединяя восточные отроги Туркестанского и Алайского хребтов, то вторая расположена в широтном направлении и образована Алайским и Заалайским хребтами. Продолжением Чон-алая, орошаемого главной рекой Кызыл-су и множеством притоков, стекающих с гор, является долина Каратегина, где Кызыл-су принимает уже таджикское название Сурхоб.

Если Алай связывает горную страну с Ферганой, а через нее (и отчасти самостоятельно) с Центральным Тянь-шанем, то Чон-алай и Каратегин окаймляют с С Памир, соединяя Восточный Туркестан с Тохаристаном.

Исключительные природные богатства этих долин и особенно выгодное их положение — связь их с древнейшими культурными и политическими центрами — не могли не наложить на их культуру своеобразного отпечатка. С одной стороны, местное население развивалось на основе связи с богатыми древними цивилизациями, что компенсировало ограниченность местного производства (высокогорные районы не знали оседлости и земледелия, и их экономика базировалась на кочевом скотоводстве), с другой, занимая выгодные трассы торговых путей, оно принимало (и неоднократно) приток новых этнических групп, оказывавших существенное влияние на его развитие.

Основные связи населения Алайских долин тянулись на С, к Фергане. Здесь, на богатых подгорных долинах, окаймляющих Фергану, издавна развивалась синкретическая культура земледельцев и пастухов-скотоводов, приходивших с гор. Культура Ферганы, как это уже показали исследования советских археологов, была земледельческой, типа культуры Анау, и оказывала большое влияние на культуру скотоводов, спускавшихся в долину с Ферганского хребта — с В или с Туркестанского — с Ю. Следы этого воздействия земледельческой культуры мы отмечали еще для «скифского» времени, на примере культуры аристеев (Тулейкен), так же как обратное влияние кочевой культуры на культуру древней Давани.

В Алайские долины проникали не только влияния Ферганы, но, в связи с перекочевкой саков и усуней, и культура кочевников Центрального Тянь-шаня, осложненная уже воздействием земледельческой Ферганы. Следы тянь-шаньских влияний ясно прослеживаются в долинах Алая — в могильнике Чакмак. Погребения Чакмака под каменными с квадратными выкладками насыпями в 3—4 м в диаметре, глубиной до 0.60—0.80 м, в которых было обнаружено трупоположение по линии С—Ю, являются характерными памят - ками, документирующими влияние Тянь-ша. Около покойников находились полусферич ские сако-усуньского типа чаши, покрытые (что характерно для Ферганы, а не для Тяньшаня) красной краской, булавкообразные бронзовые проколки, а в 1948 г. в одной из могил была найдена ажурная пряжка с шипом на ремне. Точная аналогия бронзовой чакмакской пряжки известна на Алтае, в памятниках Майэмирской культуры;[1] особенно много таких пряжек известно из Ордоса,[2] Китая.[3] Далее, эти пряжки известны и в Лобноре, т. е. уже на территории Восточного Туркестана, но, очевидно, в ничтожном количестве дошедшие из степей.[4] Характерно, что в расовом

[1] См. палеоантропологические наблюдения в статье: В. Гинзбург. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии. КСИЭ, XI, 1950.

[1] С. Руденко. К палеоантропологии Южного Алтая. Сб. «Казаки», стр. 15, рис. 16; ср.: М. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, XVIII, рис. 46 (Солопечный белок), а также рис. 9 (коллекция Семипалатинского музея).

[2] J. Andersson, BMEA, IV.

[3] T. Arne, BMEA, V.

[4] F. Bergman. Lou Lan Wood-Carvings and Small Finds discovered by Sven Hedin. BMEA, VII.

типе погребенных антрополог В. Гинзбург отмечает андроидные черты, характерные для населения Семиречья и Тянь-шаня «скифского» времени. Характер каменных выкладок со следами кромлехов, расовый тип погребенных и, наконец, инвентарь свидетельствуют, во-первых, о «скифском» (сакском) времени могильника (VI—V вв. до н. э.), во-вторых, — об инфильтрации тяньшаньских этнических элементов.

К этому же, а быть может и несколько более раннему времени относится одно из погребений в урочище Шарт (Кызыл-кыштак, Алай) под каменной насыпью диаметром в 5 м при высоте до 0.50 м. В кургане, как указывалось выше, оказалось два погребения. Одно, нижнее, на глубине 1.70 м, представляло скорченное погребение старухи с деформированным черепом. Второе было погребением мужчины пожилого возраста. Из вещей, как указывалось выше, здесь были найдены фрагменты керамики и один целый сосуд в виде полусферической чаши. Второе погребение вряд ли намного моложе первого. Учитывая, что оба они находятся в цепочке курганов, в могильнике, где имеются специально выделенные культовые выкладки без могил, мы относим нижнее погребение ко времени IV—II вв. до н. э., а верхнее, на основании родства найденной чаши с анаускими образцами, — ко времени VI—V вв. до н. э. Шартское погребение — типичное погребение местного населения «скифского» времени.

Однако если Чакмак и Шартское погребение типичны для кочевников, хотя они и разного этнического происхождения, то несколько иной характер имеют погребения и селища, открытые нами в Кызыл-кургане (Алай) и Дараут-кургане (Чон-алай).

В Кызыл-кургане были раскопаны расположенные на «прилавке» две каменные могилы подквадратных очертаний, сложенные как бы в виде мощных оградок из крупных камней.

Находки в этих могилах стрел, похожих на позднескифские образцы, дают возможность относить погребения ко времени III—II вв. до н. э. и сопоставлять находки в них с раскопками земляных курганов в Чон-алае в 1947 г. Вообще тип этих стрел весьма устойчив и бытует вплоть до VI—VIII вв. н. э.[1] Керамика же из этих погребений оказалась родственной керамике селища, расположенного к СВ от некрополя. Характерные черты этой керамики: лепная, толстостенная (фрагменты крупных сосудов толщиной в изломе от 1.2 до 2 см); в тесто ее замешаны дресва и саман (солома); обжиг неравномерный. Черепки покрыты желтой, красной, коричнево-красной и коричневой краской. По всему своему облику керамика восходит к грубой анауской посуде IV этапа и имеет аналогии в Фергане, поэтому мы именуем ее ануаудаваньским типом, подчеркивая в названии происхождение и время. В кызылкурганском селище эта грубая керамика сосуществует с более совершенной керамикой кушанского типа красного лощения, что подтверждает хронологическую близость обоих типов. Керамика кушанского типа лежит поверх каменных выкладок, керамика ануа-ферганского типа — под ними. Кушанская керамика, вероятно, позднее попала в некрополь, расположенный ниже уровня селища, в результате размыва слоев внешними водами и сползания культурных слоев в зону некрополя. Более спокойные условия залегания культурных слоев с ануаудаваньской керамикой были встречены в другом селище — в Дараут-кургане.

Если бы не находки этой керамики в могилах с железными стрелками в Кызыл-кургане, Дараутское селище можно было бы датировать весьма ранним временем. И возможно, что Кызыл-курган — лишь поздняя реплика этой архаичной ануа-даваньской культуры, сохранившейся в окраинных горных условиях (по сравнению с Ферганой, с которой она могла общаться только через перевал Тенгизбай). Дальнейшие специальные исследования этих селищ должны раскрыть точный характер хозяйства древних обитателей долин Алая, но уже и сейчас ясно, что, наряду со скотоводами, в тех местах Алая, где природа допускала развитие земледелия, были очаги собственной земледельческой культуры, сочетавшей с земледелием пастушество и, возможно, охоту. Так, наряду с костями домашних животных, были найдены кости диких животных.

Дараутское селище, в меньшем объеме давшее керамику кушанского типа, более архаично, чем селище в Кызыл-кургане, и ориентировочно датируется нами второй половиной I тысячелетия до н. э.

Отметим, что характер культурных слоев и найденный в них инвентарь весьма напоминают архаический облик поселений Гань-су (в долине Нинхэ, около поселения Синин). К С от него было раскопано древнее поселение Chu Chia Chai (Чуцячай), датируемое Т. Арне временем Яншао. Состав культурного слоя имеет много общего с Дараутским селищем, например в изделиях из кости и рога, отчасти в грубой лепной керамике, представленной в китайском поселении наряду с классическими образцами культуры Яншао (расписная с геометрическим орнаментом посуда, шлифованный камень и т. д.).[1] Впрочем,

[1] А. Захаров. Материалы по археологии России (отд. отт.), табл. VI, рис. 2. Весьма близкие по форме стрелки были найдены В. Радловым в малых курганах II Катандинского кладбища (А. Захаров, ук. соч., стр. 100). Они сосуществуют с массивными лопастными стрелами.

[1] J. Andersson. The Site of Chu Chia Chai, Hsi Ning Hsien, Kansu. BMEA, XVII.

аналогичные селища могут быть отмечены и в Иране.[1]

Арне указал на связь культуры этого типа с Ферганой и Китаем.[2] Шартское погребение, кумедские селища Кызыл-кургана и Дараут-кургана увязывают Алай с этой культурой.

В Дараут-кургане было раскопано несколько намогильных каменных сооружений подквадратных очертаний, напоминающих собой могильные сооружения Кызыл-кургана. Одно из сооружений было культовым местом и дало зольное пятно. В другом оказалось погребение женщины и ребенка (от последнего остались только молочные зубы). На шее женщины была обнаружена сердоликовая биконическая уплощенная бусина-амулет со срезанными концами, с орнаментом в виде зигзагов и окаймленная на концах ободком из двух параллельных линий. Зигзагообразный орнамент членит поверхность бусины на три части.[3] На левой руке, у локтя, — бронзовый браслет в виде пластины с незамкнутыми концами. Концы браслета украшены стилизованными мордами хищника (льва?), а внешняя поверхность браслета — параллельными желобками, идущими вдоль всей плоскости браслета. Незамкнутые браслеты, типа найденного в Дараут-кургане в могиле 2, чрезвычайно широко распространены и территориально и во времени. Напомним, что бронзовый незамкнутый браслет найден нами и в андроновской могиле на Арпе в 1944 г.[4] Подобные браслеты широко распространены в луристанской бронзе и при ахеменидах в Иране (на концах браслета — головки животных).[5] Известны они и в Китае. Так, Т. Арне издал один браслет, весьма близкий к нашему экземпляру, найденный в могилах Люань Бин (около Пекина), который он датирует IV—III вв. до н. э.[6]

Характерно в этом браслете схематическое изображение животного, помещенное на узкой площади, что весьма напоминает скифскую традицию подобных изображений на ножках котла из Семиречья, хранящегося в Алма-ате,[7] или скифского же типа резьбу по кости.[8] Слева от головы женщины находилась заостренная каменная палочка длиной в 11.5 см из шифера, очевидно для чернения бровей. У левой ноги стоял глиняный горшок, хорошего теста, красного обжига с белой (слегка розоватой) поверхностью, сильно обизвествленный. Изящный профиль сосуда, высокая техника его изготовления, схематизированная орнаментика браслета, восходящая к звериному стилю, архаический стиль бусин скифского цикла — делают этот комплекс крайне противоречивым в отношении датировки. Больше всего оснований отнести этот комплекс к началу «сарматского» периода — III—II вв. до н. э., когда были сильны еще переживания сакской культуры, но ясно прослеживались такие новые явления, как керамика на ручном круге и схематизация в изображении животных, не свойственная скифскому искусству. Устойчивые же переживания типов бус — явления, достаточно хорошо известные.

К этому же времени относится и другой комплекс могил, открытых в Чон-алае. Как в Алае, наряду с полуоседлой культурой типа Кызыл-курган, существовали культурные элементы, представленные Чакмаком и погребениями в Шарте, так и в Чон-алае — культуре типа Дараут-курган соответствуют ранние курганы могильного поля Кургак.

Кургак состоит из двух типов могильных насыпей. Первый тип — мелкие земляные насыпи с относительно редким включением камней, обведенные канавками. Размеры насыпей сильно варьируют (высота до 1 м, диаметр 10—14 м, обведен канавками и валиком; при диаметре насыпи 6—8 м высота кургана 0.20—0.40 м). В этих курганах могильная яма находится на глубине до 1.50 м от вершины. Ориентирована яма строго по линии С—Ю, голова покойника на С. Могилы разрушены. Среди находок — обломки железных оковок со шпеньками, керамика плоскодонная, черного цвета, из грубого, рыхлого, с примесью дресвы теста. В одном случае (К 16) было найдено гладкое бронзовое кольцо около женского костяка.[1] Другой тип могил — с уплощенными каменными насыпями диаметром 3—4 м. Под ними оказались катакомбы-подбои. Первые погребения — скифо-сарматского времени, вторые — гуннского.

В 1947 г. при раскопках кургана первого типа была найдена железная трехлопастная стрелка позднескифского, раннесарматского типа, на основании чего мы датировали основную массу курганов временем III—I вв. до н. э. Курганы эти должны быть сопоставлены по времени с вышеописанным дараутским погребением. Укажем на некоторое родство формы сосудов (плоскодонность) при большой разнице в технике изготовления.

---

[1] Ср., например: F. R. Wulsin. Excavations at Tureng Tepe, Near Asterabad. Supplement to the Bulletin of the American Institute for Persian Art and Archaeology, т. II, № 1 bis, март, 1932. Аналогичное поселение Шах-тепе раскрыто Арне: The Swedish Archaeological Expedition to Iran, 1932—1933. Acta Archaeologica, т. VI, вып. 1—2, Kobenhavn, 1935.

[2] T. Arne, ук. соч., стр. 48.

[3] Ср.: A. Stein. An Archaeological Tour in Waziristan and Northern Baluchistan. MASI, 37, Calcutta, 1939, табл. XII.

[4] А. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-шаня. Сов. археолог., XI. Аналогичный дараутскому браслет был найден в одной из пещер Восточного Памира.

[5] Survey of the Persian Art, т. I.

[6] T. J. Arne. Die Funde von Luan P'ing und Hsuan Hua. BMEA, V, стр. 166, табл. IV, рис. 9.

[7] А. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-шаня. Сов. археолог., XI.

[8] B. Grakov. Monuments de la culture scythique entre le Volga et les monts Oural. ESA, III, стр. 35.

[1] Аналогичное кольцо из Лоулани см.: BMEA, VII, табл. XII, рис. 2.

Если материалы Дараут-кургана ведут к аналогиям с западом, то в описанных погребениях Кургака выступает явная самобытность кочевого населения, не знающего земледелия, да и район обитания уже не способствует этому занятию. Дараут-курган находится на высоте 2200 м над ур. м., Кургак же — на высоте около 3000 м, хотя расстояние между ними не превышает 85—90 км.

Итак, мы прослеживаем к рубежу н. э. в Алае и Чон-алае сосуществование двух укладов на двух этапах развития.

I этап — «сакский» — кочевой. Он представлен погребениями типа Чакмак (тяньшаньского происхождения) и Шарт (местный тип). Ему соответствует оседло-земледельческо-пастушеская анау-даваньская культура селищ Кызыл-кургана и селища Дараут-кургана.

II этап — «сарматский» — кочевой. Он представлен в Чон-алае погребениями Кургак I. По времени культура этого уклада синхронизируется с поздними (раннекушанскими) слоями селища Кызыл-курган и отчасти Дараут-курган и квадратными могилами некрополей этих районов. Древние сакские племена этого района явно восходят, как мы пытались показать в другом месте,[1] к аристеям, и поэтому первый этап мы называем аристеевским этапом. Второй этап связан с господством в этих районах местного племени кумедов, сакского по происхождению, и поэтому второй этап именуем кумедским. В обоих случаях эти племена сходны по своему этнографическому облику с саками и усунями, на что уже обращали внимание китайцы, характеризуя, например, племена кумедов (гюаньду, гюйми). Эта связанность между собой саков и усуней, позволившая нам выдвинуть термин «сако-усуньская культура»,[2] дает основание и здесь говорить о культуре аристее-кумедских племен. Основное отличие их от саков и усуней заключалось в сильном воздействии на них анауского типа культуры земледельческой Ферганы.

На рубеже н. э. в долины Алая проникают гуннские племена, еще раньше появившиеся на Тянь-шане. Культура гуннов-фрунов, живших под Имаусом (Памиром), где они были отмечены Страбоном и Птолемеем, открыта нами в 1947 г. в могильниках Мааша и Кызылтуу. Уже на основании открытий 1947 г. сложилось ясное впечатление, что пришельцы гунны смешались с местным населением — камедами — и положили начало тюркскому этногенезу, завершившемуся сложением тюрок-кумиджиев. О влиянии на гуннов местного населения прежде всего говорит тип намогильных сооружений в виде квадратных выкладок, негуннский характер которых был прослежен в 1948 г. в некрополе Кызыл-курган. В 1948 г. была раскопана одна гуннская могила в Кургаке (К 19), показавшая, что ранний (или «чисто» гуннский) тип погребения в катакомбах не знает квадратных оградок, а представляет собой сплошную каменную насыпь (см. выше, § 5).

В катакомбе среди прочих находок весьма типична бронзовая пиксида.[1] Такая же точно пиксида известна нам из раскопок на Тянь-шане погребений раннетюркского времени (см. гл. I, § 8).

Тип захоронения, обряд, инвентарь не оставляют сомнения в гуннском характере захоронения, о чем говорит и расовый тип похороненной женщины. Если в Кызыл-туу, а особенно в Мааше, гуннские погребения были с поверхности замаскированы погребальными наземными сооружениями местного типа, то погребение в кургане, только что описанном, дает «чистый» тип гуннского захоронения. Среди раскопанных, сильно разрушенных могил Кургака (К 5 и К 8) оказались: в первом — женский (15—20 лет) костяк европеоида со следами деформации черепа, во втором — мужской (45—60 лет), со следами небольшой деформации черепа, южносибирского типа. Таким образом, в одном могильнике одного времени (рубежа н. э.) отмечено расовое многообразие похороненных; это дает еще одно подтверждение того, что в верхнем течении Кызыл-су сохранился более кочевой, скотоводческий характер племен и их культуры.

В своих ранее изданных работах мы отмечали связь культур Алайских долин с Ферганой, а через Каратегин — и с Тохаристаном. Мы отмечали и более поздние памятники эфталитского времени (Кукяльда) и проникновение земледельческой кушанской культуры и поселений вглубь горных местностей.[2] Повторять это здесь незачем. Укажу только, что намеченная нами ранее периодизация подтвердилась исследованиями 1948 г. и была здесь детализована, в частности обнаружилась кумедская культура. Вплоть до эфталитов и времени проникновения тюрок (V—VIII вв.) выявилось кочевое и пастушеское окружение Памира и типические черты культуры основных трех этапов: аристеевского, кумедского и гуннского. На вопрос — в какой степени влияние северных соседей сказалось на Памире — мы отвечаем в III части книги.

---

[1] А. Н. Бернштам. Араванские наскальные изображения и даваньская (ферганская) столица Эрши. Сов. этнограф., 4, 1948.

[2] А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-шаня. Сов. археолог., XI.

[1] Ср.: A. Stein. Innermost Asia, т. IV, табл. XXI.

[2] КСИИМК, XXI; ВДИ, 1, 1949.

ГЛАВА ПЯТАЯ

САКИ ЯКСАРТА И ТЯНЬ-ШАНО-АЛАЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Одной из важнейших проблем древней истории Востока, в первую очередь Средней Азии, является сакская проблема.

В русской науке этому вопросу посвящено немало общих и частных исследований, среди которых первым, наиболее обстоятельным трудом был труд русского ученого В. Григорьева «О скифском народе саках».[1]

Оставляя в стороне историю вопроса изучения саков, отметим лишь, что в общем обширная буржуазная литература, посвященная этому вопросу, — и русская и зарубежная — может быть охарактеризована (естественно, в самых общих чертах) как борьба мнений о расселении, этнической принадлежности и политической истории саков, как дискуссия, возникавшая всецело на базе письменных источников, главным образом античных и древнеперсидской клинописи, в меньшей степени на данных китайских анналов.

Новым этапом в интерпретации текстов являются работы академика В. В. Струве в области политической истории саков,[2] С. П. Толстова — по истории их расселения и этногенеза,[3] работы К. В. Тревер по истории культуры.[4]

До последнего времени для решения сакского вопроса археологический материал привлекался очень мало. Ценные замечания по этому вопросу М. Грязнова, С. Руденко и С. Киселева касались главным образом южносибирских племен скифского времени,[5] предложения же Г. Григорьева об отождествлении некоторых археологических комплексов Ташкентского оазиса с сакской культурой не встретили сочувствия в специальной литературе.[1] Обширные работы по археологическому изучению Семиречья и Центрального Тянь-шаня дали нам возможность выявить археологические комплексы, которые мы и предложили именовать сакскими. Аргументация этого предложения имеется в печатных работах, что освобождает от необходимости останавливаться здесь на этом вопросе более подробно. Судя по откликам в литературе, наше предложение не вызывает пока возражений, поэтому в настоящем тексте мы коснемся главным образом других вопросов, связанных с сакской проблемой (по материалам, опубликованным в предшествующих главах), а именно:

1) генезис и племенной состав восточной группы саков, саков заяксартских;

2) локальные особенности устанавливаемых нами трех основных групп: а) тяньшано-памирских, б) фергано-алайских, в) яксарто-каратауских, т. е. сырдарьинских;

3) племенные конфедерации усунь и кангюй — потомки заяксартских саков; роль и значение их в истории Востока (рис. 87).

Естественно, что каждый из намеченных вопросов мог бы составить тему самостоятельной работы; мы ограничимся лишь самой общей характеристикой поставленных проблем, по мере возможности избегая уже освещенных в литературе вопросов и концентрируя внимание на темах, связанных с личными наблюдениями. Личные впечатления возникли, во-первых, в связи с нашими раскопками памятников сакской эпохи, исчисляемых десятками комплексов и сотнями археологических единиц; во-вторых, они получены в результате обследования почти всей территории расселения заяксартских саков, длившегося по меньшей мере десять археологических сезонов,

---

[1] СПб., 1872.

[2] В. В. Струве. Поход Дария I на саков-массагетов. ИАН ОИФ, 1946, № 3. См.: ВДИ, 4, 1949; он же. Восстание в Маргиане при Дарии I. МЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.

[3] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

[4] М. Воронец, К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский. История Узбекистана, т. I. Ташкент, 1950.

[5] Сводку см.: С. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, М., 1949.

[1] См. рецензии А. Тереножкина (Изв. УзФАН, 8, 1940) и С. Толстова (ВДИ, 8, 1, 1946).

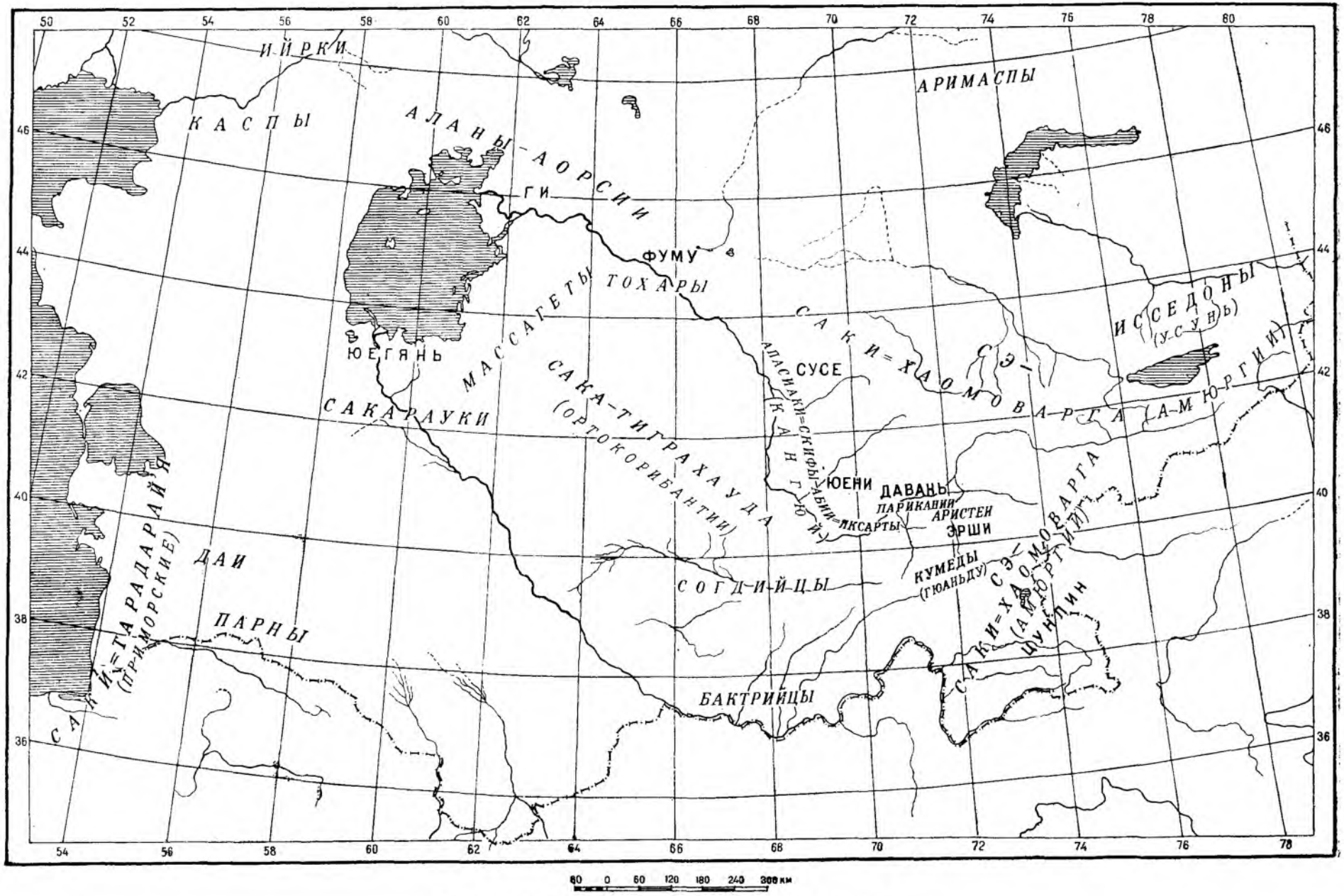


Рис. 87. Карта расселения сакских племен в Средней Азии.

в течение которых мы прошли по следам саков в Семиречье, Тянь-шане, Фергане, Алае, Памире, Кара-тау и по Сыр-дарье примерно 20 000 км, из них свыше 2000 км только по одной прямой — от Кок-су и Каратала в северном Семиречье до истоков р. Памир на юге Памира. В свете этих личных впечатлений мы и постараемся рассмотреть сведения письменных источников.

2. ГЕНЕЗИС И ПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ ЗАЯКСАРТСКИХ САКОВ. САКИ АМЮРГИЙСКИЕ — ХАОМОВАРГА

Геродот был мало, но конкретно осведомлен о саках. Три описанные им группы саков — приморские, ортокорибантии и амюргийские — полностью соответствуют сакай-тарадария, сакитиграхауда и хаомоварга ахеменидской клинописи. Вторые, «острошапочные» (ср. каракалпаки), занимали срединную Среднюю Азию (среднеазиатское междуречье), третьи соответствовали заяксартским сакам Страбона, Птолемея, а первые являлись обитателями берегов морей, независимо от того, был ли это берег Каспия или Понта.

Хаомоварга — сосед (судя по клинописным надписям) Индии и Ирана. Думаем, что здесь речь идет о ю.-з. клине расселения саков, который то приближался, то уходил от этих стран. В общем, саки-хаомоварга занимали довольно прочное место в перечне стран и народов, на которые якобы распространяли свою власть ахеменидские владыки. По существу безличный этноним «сак» со временем стал приобретать этническую конкретность и к рубежу нашей эры, особенно в первые века, включал в себя серию частных названий сакских племен, свидетельствуя о его многоплеменности.

Учитывая компилятивный характер обеих «Географий» (Страбона и Птолемея), особенно в части этнического состава, допуская включение Страбоном и Птолемеем ряда уже отмерших для их времени названий племен, мы все же должны признать большую и конкретную осведомленность этих писателей. Теоретически это ощущается уже при чтении этнических списков, где выступают все более и более настойчиво, наряду с ираноязычными, и тюркские элементы, при явном преобладании первых.

Подтверждает карту расселения сакских племен и археологическая разведка, констатирующая наличие курганов кочевников этого времени на территориях, где Страбон и Птолемей помещают тех или иных кочевников сакского происхождения.

Широкая распространенность восточной группы саков документирована столь же широким распространением культуры кочевников послесакской эпохи, прежде всего усуней. На прямую связь между саками и усунями нам уже приходилось указывать неоднократно — с тех пор как мы предложили объяснить этноним «усунь» как китайскую транскрипцию греческого «исседон».[1] О прямой связи усуней с саками свидетельствует и единая линия развития культуры, где сакские и усуньские комплексы суть лишь два этапа одного и того же культурного цикла, а также и данные китайских летописей, которые в усуньской конфедерации отмечают такие, например, племена, как гюаньду, хюсюнь и уш, прямо указывая, что они являются потомками древних саков. Эта преемственность между саками и усунями прослежена нами в Семиречье и Центральном Тянь-шане, а некоторые данные позволяют нам отнести этот процесс и к предгорным районам северного и западного Синьцзяна, во всяком случае до широты Яркенда.

На всей этой территории совершенно ясно выступает преемственность сако-усуньской культуры, начиная от мощной культуры эпохи бронзы, во всех своих ведущих областях связанной с типическими чертами южносибирских племен этой эпохи. Имеем в виду идентичность находок керамики и орудий из бронзы в Семиречье и Тянь-шане с типичными образцами таковых в андроновском и карасукском комплексах, особенно Алтая. Лишь для второго, карасукского этапа яснее выступает своеобразие, в котором налицо и западные элементы (например вислообушный топор), и юго-восточные (лопаткообразные кельты). Своеобразна и керамика карасукского этапа Тянь-шаня. К концу этой эпохи утверждается типичная для последующего сако-усуньского времени круглодонная, полусферических форм керамика. В целом, сако-усуньская культура Семиречья и Тянь-шаня рождается под сильным влиянием южносибирских этнических компонентов, более ярких для андроновского этапа, что особенно ясно документирует раскопанный нами могильник в Арпе. В предгорьях обнаружены своеобразные карасукские комплексы, где окончательно формируется своеобразие семиреченско-тяньшаньского круга, судя по сборам на стоянках Чуйской долины — Джаильма и Каинда. Эти южносибирские влияния прослеживаются в ю.-з. направлении и, очевидно, проходят на Восточный Памир, быть может минуя Фергану, непосредственно с Тянь-шаня, через Сарыкол (ввиду невозможности меридиональных коммуникаций по пустынному северному Памиру).

Частично южносибирские и тяньшаньские влияния проникли на Памир с С по Чон-алаю, что документируют курганы типа Кийке-таш, могильник в районе Кургак (Чон-алай), сако-усуньские цепочки по Каратегину до Гарма. В широтном направлении пересекают Памир и

---

[1] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

курганы тяньшаньского типа по речным магистралям типа Ак-су—Мургаб, Аличур и по реке Памир до слияния его с Вахан-дарьей, т. е. до начала Пянджа. Крайние ю.-з. курганы этой серии нами отмечены в местечке Юм-хона у спуска к кишлаку Лянгар в восточном Вахане. Особенно ярко и полно выступила *южносибирская, алтайская культура в I Памирском могильнике.*

Сохраняя общие тяньшаньские черты, курганы сако-усуней, как показали наши раскопки, значительно видоизменяются в районе Восточной Ферганы и Фергано-Алая. Мы имеем в виду курганы Чакмака и Тулейкена. В подквадратных выкладках, перекрытых плоской каменной насыпью, Чакмака и сферических насыпях из крупных камней Тулейкена обнаружена была керамика сако-усуньских классических форм, типичных для Тянь-шаня, но раскрашенная и орнаментированная согласно традициям анауской культуры, ее IV этапа.

Учитывая массовое появление сако-усуньской керамики в древней Фергане в оседлых поселениях, учитывая находки бронзовых кинжалов случайного происхождения с усиками минусинского типа в Фергане и Ташкентском оазисе, бронзовых котлов с козлами и т. п., мы имеем все основания утверждать, что для сако-усуньской эпохи в Фергане сакская культура складывается на базе скрещивания культуры тяньшаньских пастухов и охотников-саков с культурой местных оседлых племен.

Быть может, наиболее ярким памятником этого скрещивания являются наскальные изображения на перевале Кургак, в урочище Саймалы-таш («Узорный камень») на Ферганском хребте, где, наряду со сценами охоты, изображениями козлов и архаров, свойственных тяньшаньскому кругу наскальных изображений, встречаются интереснейшие композиции в виде ритуальных сцен: людей за плугом (?) либо на колесницах, запряженных быками-яками. Передневосточная трактовка быков и упряжек, наряду с типичными для скотоводческих районов сценами, наглядно свидетельствует о столкновении здесь, в районе Ферганского хребта, генетически разных компонентов фергано-алайской группы саков. Генезис этих племен — скрещивание племен южносибирского тяньшаньского круга с племенами анауского цикла. Вопрос о характере языковых скрещиваний для этой территории сейчас еще не может быть решен.

Если для тяньшаньской группы ведущими племенами являлись исседоны, то на фергано-алайской почве мы такими ведущими племенами склонны считать аристеев. Имя аристеев запечатлено древней и средневековой топонимикой в китайской форме Эрши, арабо-персидской Урест, Рашт и т. д.

В главе VI нам придется еще показать, что центром аристеевской Ферганы была Южная Фергана в бассейне Араван-сая и Мархаматское городище, обследованное в 1946—1947 гг.; последнее мы склонны отождествить с экономическим и политическим центром древней Ферганы — городом Эрши.

В результате работ 1938—1947 гг. нам удалось очертить контуры распространения и третьей группы сакских племен, тяготеющей к горам Кара-тау и северному, т. е. среднему, течению Сыр-дарьи. Своеобразные черты керамики и конструкции погребений в могильнике Беркара, выявленные раскопками 1938—1939 гг. (а также в могильнике Тамды, исследованном в 1947 г.), позволили нам еще в 1939 г. именовать эту группу курганов кангюйской.[1] Рыхлое, черное или розовое тесто лепной без шаблона керамики, чайникоподобные сосуды (с ручкой и носиком), значительное количество плоскодонных сосудов, сочетание местных элементов с более восточными (звериный стиль, бронзовые эсовидные крючки колчанов и т. п.) создают, при многих чертах сходства с сако-усуньской культурой Тянь-шаня и Семиречья в целом, свои местные черты. Широкая разведка осенью 1947 г. по Кара-тау и Сыр-дарье, с учетом результатов работ Хорезмийской экспедиции, показала сильное сращение культуры кочевников Кара-тау и оседлых поселений древнего Яксарта. Над всем этим комплексом явно преобладали переживания «андроидных» степных форм в сочетании с типичной для своего времени культурой оседлых и полуоседлых племен Яксарта. Эта сложная синкретическая культура сакского времени характеризует третий круг племен заяксартских саков. Здесь, на Яксарте, явно выступает «водная», «абская» группа племен абиев, апасиаков и т. п.,[2] вероятно, тесно связанных с массагетскими и сармато-аланскими племенами «болот и озер». На базе первых двух групп саков *тяньшаньских и ферганских возникли: 1) усуньская* конфедерация племен кочевников гор и межгорных долин, 2) в равнинной и предгорной Фергане (не без сильного влияния усуней) создалась первоначальная основа кушанского государства. В областях, прилегающих к Яксарту, точнее — в междуречье Таласа, нижнего Чу и Яксарта, по обе стороны хребта Кара-тау впоследствии возникла кангюйская конфедерация, на ЮВ граничащая с кушанской Ферганой. На СЗ племена кангюйской конфедерации переплетались с аланскими племенами Яксарта, и в самом имени Канка звучит одно из названий Сыр-дарьи — Ранка, символизирующее конфедерацию «водных» саков античных авторов. И не случайно область Ренгай, по Авесте, «покрыта всадниками, которые

[1] См. нашу статью: Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. Изв. АН КазССР, сер. археолог., вып. 2, Алма-ата, 1949.

[2] Ср. ищую локализацию: С. П. Толстов. Огузы, печенеги, море Даукара. Сов. этнограф., 4, 1950, стр. 49 и сл. (см. карту).

не знали владыки над собой». Как в Фергане названия «аристеи» запечатлелись в именах городов и местностей, так «абские» саки оставили след в названиях городов бассейна Сырдарьи, например в именах Испидж+аб, Фар++аб и т. п.

Итак, группа заяксартских саков, амюргиев или хаомоварга, состояла из трех ясно выраженных групп: тяньшаньской, ферганской и собственно яксартской. В их формировании участвовали южносибирские племена и племена, восходящие к андроновскому этапу эпохи бронзы местного происхождения. На Тянь-шане этот процесс был осложнен локальным различием и отчасти центральноазиатскими связями, в Фергано-Алае — взаимоотношениями с носителями ануской культуры, а на Яксарте—с массагетскими и сармато-аланскими этнокультурными элементами. Эти заяксартские саки обладали общими расовыми данными (памиро-ферганские и переднеазиатские со включением андроидного расового типа европеоиды), этнографическими чертами, наиболее ярко сказавшимися в религии (шаманистско-зороастрийские обычаи), в ритуале захоронения; наблюдается некоторое единство звериного стиля, общие формы керамики; в то же время они ясно отличались друг от друга.

Распад заяксартской конфедерации саков дал: 1) усуней, наиболее последовательно державшихся традиций сакского кочевого союза, продолжавших, однако, сохранять южносибирские связи; 2) кушанов-тохаров, очень резко оторвавшихся от культурной традиции и развивавшихся в условиях экономики оседло-земледельческой Ферганы и Согда и Тохаристана, и 3) кангюй, в свою очередь распавшихся на две части: одна группа — оседлая, слилась с массагетской и сармато-аланской средой Сыр-дарьи; другая, кочевавшая в горах Кара-тау, быть может, в степях Центрального Казахстана, сохраняла свой кочевой сакский облик.

Для Геродота это — саки-амюргии, одна из активных групп саков, неоднократно врывавшихся в далекий передневосточный мир, оставившая свое имя не только в названии туркменского Мургаба, как думал еще В. Григорьев (его поддержал В. В. Струве), но и в названии Мургаба памирского.

Берега этой реки, при малоблагоприятных условиях жизни пустынного плато Восточного Памира, хранят следы пребывания древних кочевников в виде каменных курганных насыпей того же сакского времени.

3. КУЛЬТУРА САКОВ И ИХ ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Памятники сакской культуры известны нам по археологическим комплексам и отдельным вещам, собранным в музейных собраниях, а также по случайным находкам и собственным раскопкам. Несмотря на этническую пестроту состава сакского племенного союза, он обладал ясно выраженным этнографическим единством, и разница, например, между тяньшаньской и яксартской группами не больше, чем между современными северными киргизами племен Солту или Сарыбагыш и южными казахами Старшего жуза. Так как описание культуры саков было дано выше на основании добытых нами материалов, я ограничусь в настоящем тексте общими характеристиками и теми новыми данными, которые мы извлекли из наших исследований.

Сакская культура представлена некрополями из курганов, ритуальными местными наскальными изображениями, а яксартско-каратауская группа — еще стойбищами и селищами.

Основные места расселения саков сосредоточиваются у гор при выходе горных речек из ущелья, где сочетаются три жизненно важных элемента: 1) пути на сезонные пастбища, прежде всего летовки в горах — джайлоо в Тянь-шане, джоны в Кара-тау; 2) наиболее долгий и обильный травостой по берегам горной реки, выходящей в равнину, и по склонам гор; 3) защищенность урочища от суровой зимы, буранов и снегопада.

Расселение столь закономерно, что, имея подробную физическую карту района, можно почти без ошибки нанести могильники, отмечающие места стойбищ саков. Этнографическая карта современных кочевников — очень существенная помощь для поисков древних мест расселения саков. И когда мы начали свою разведку по Памиру, в новой для нас географической зоне, то, памятуя слова одного из путешественников, Гордона, о том, что Пшарт — «излюбленное место для кочевок киргизов», начали с этой небольшой долины, подарившей нам первые курганные насыпи древних.

Там, где расселение саков базировалось не только на мелких горных речках, а по большой водной магистрали и где горные выпасы, по сравнению с пойменными, имеют меньше значения, — там каждая родовая община владела пастбищами обоих берегов, на что ясно указывает размещение курганов. Так, например, по Алаю, т. е. по течению реки Кызыл-су — Сурхоб, против курганных групп правого берега отсутствуют в таких же географических зонах курганы на левом берегу, и наоборот. Если исследователь будет удивлен археологической пустынностью одного берега, имеющего все данные для эксплоатации его под пастбища, он должен перебраться на другой берег, там он найдет свидетельства расселения древних кочевников. Эта закономерность не соответствует современному расселению, где значительно бо́льшую роль имеют интенсивные стойловые формы содержания скота.

Важной особенностью крупных территорий, занятых древними кочевниками, являлось чередование интенсивно эксплоатирующихся уго-

дий с заповедными пустынями, с необитаемыми пространствами, столь необходимыми, по выражению К. Маркса, условиями для кочевого скотоводства. Таковы, например, долина Ак-сай на Тянь-шане, со средней высотой 3500 м над ур. м., рядом с которой расположены густонаселенные долины Арпа и Атбаш; перевал Тау-мурун и долины рр. Кок-су и Нура возле густо заселенного Чон-алая в северном Припамирье; более «заселенный» Мургаб и почти совсем пустынная долина Аличура на Восточном Памире — то и другое свыше 3500 м над ур. м.; совершенно пустынные джоны Кара-тау с богатыми летними выпасами, расположенными на высотах 400—1000 м над ур. м., рядом с густо населенным Кара-тау, особенно по его с.-в. склонам.

Сакские курганы, как правило, сочетаются с усуньскими, а последние выделяются своими ровными цепочками фамильных кладбищ знати, ориентированными с Ю на С. Сакские курганы менее дифференцированы по диаметру и высоте насыпей. Могилы саков покрыты каменной насыпью, перекрывающей в ранних курганах каменный ящик, или могилы, обложенные крупной галькой, а в более поздних вариантах — обычную грунтовую яму.

Важной особенностью насыпи сакского кургана является ясно прослеживаемый в виде правильного круга кромлех по краю и эллипсовидный кромлех по контуру могильной ямы в центре, с забутовкой пространства между кромлехами более мелким камнем. Их «потомки», усуньские или кангюйские курганы, утрачивают этот скелет насыпи, но приобретают выкладки в виде «усиков» вокруг полы кургана и других подобных элементов, наглядно свидетельствующих о сохранении солярно-космических образов и их эмблематики. Эти солярно-космические воззрения древних саков, очевидно, отражают изображения горных козлов и архаров: в припамирских странах появляется рисунок яка-кутаса, подобно оленю на севере Восточной Европы, лосю в тайге северной Азии или коню массагетов, о котором сообщал Геродот. Наскальные изображения обнаруживаются около пастбищных угодий, в заповедных местах, — как правило, в ущельях. Типичная для сако-усуньской эпохи манера нанесения изображений — профильная, рисунок теневой; обрисован весь контур животного, — не всегда, правда, динамично, — техникой точечных ударов, а не резьбы.

Керамика этих погребений, в основном, сферических форм, ленточной лепки без шаблона, с затертой поверхностью; она представляет собой различные градации вытянутых форм от раскрытой чаши до сужающихся к устью кубков, в последнем случае с маленькой, плоской в сечении, ручкой. Посуда в разрезе асимметрична. Как правило, посуда эта без орнамента, среднего обжига, с дресвой, красного излома на Тянь-шане, рыхлого теста с черным изломом и слабого обжига — в Каратау, плотным черепком, всегда раскрашенная красной или желтой краской, иногда с прорезным орнаментом геометрического сюжета — в Фергано-Алае. Бронзовые и золотые украшения — зооморфного цикла у саков и линейно-геометрические, порой волютообразные, у усуней и кангюй — составляют частые находки в курганах; редкие находки бронзовых стрел и оружия и более частые — железных или костяных в поздних курганах, — вот ведущий инвентарь погребений. Весьма важно отметить, что в фергано-алайском комплексе сакских памятников наряду с трупоположением нами открыты и курганы без погребения, в виде поминальных насыпей с ритуальной трапезой; а яксартская группа кочевников, — правда, скорее массагетского и сармато-аланского круга, — с древних времен вплоть до раннего средневековья придерживалась зороастризма, о чем свидетельствуют холмы-наусы, с погребениями в хумах-астоданах.

На наличие шаманистско-зороастрийских обычаев давно было обращено внимание в связи с типичными для Семиречья находками культовых комплексов светильников, жертвенных столов и котлов сакского времени из бронзы. Отмеченное нами в другом месте переживание этих воззрений прослеживается вплоть до тюрко-согдийского периода. Эти комплексы, в данной местности получившие материальное выражение в культовых предметах из глины, столкнулись с маздеизмом согдийцев, знаменуя ближайшее родство идеологических воззрений номадов с государственной религией культурных земель Средней Азии в доисламский период.

Нам известно заявление Страбона о том, что оседлое население Средней Азии, например согдийцы и бактрийцы, «мало отличалось от номадов по образу жизни и по нравам» (в частности имеется в виду обычай выбрасывать труп на съедение собакам). Страбон отмечает также сходство и отличие обычаев и нравов и зависимость их от «скифских» обычаев. Сопоставление с этими свидетельствами Страбона более ранних по времени «протозороастрийских» обычаев семиреченских номадов дает нам право считать, что «дожреческий» зороастризм и его аксессуары (например жертвенники), по всей вероятности, возникли в среде заяксартских саков. В Хорезме имеются свидетельства о наиболее раннем культе огня, Семиречье же дает аксессуары культа огня не намного позже, очевидно самостоятельно, без воздействия Хорезма или Согда. Формирование «родины зороастризма» лежит прежде всего в сакской среде кочевников.

«Водные» саки отличались от «горных» своей оседлостью, что наложило особый отпечаток на их культуру. Эта оседлость подтверждается остатками поселений в виде своеобразных зольн-

ников,— круглого в плане, рыхлого по структуре селитренного тепе, как правило, насыщенного костями животных, обломками посуды, ярко выраженного так называемого «кангюйского типа», известного нам по курганам Берккара и Тамды. Такие тепе по с.-в. Кара-тау (Ак-тепе, Тюбет-тепе, Кумкент) или нижние слои городищ по Сыр-дарье, например в Отрурском или Сауранском оазисах, составляют главное отличие яксартских саков от тяньшано-алайских.

Общий обзор всей территории позволил нам выделить ведущие районы от окраинных. Несомненно, что основные центры сако-усуньской культуры — междуречье Или—Чу и бассейн Чу. Тянь-шань, тем более Памир, дает более мелкие насыпи. Здесь, в бассейне р. Или, особенно в Тургене, Иссыке, Талгаре и восточней до долины Иртыша, находились «царские саки», всего вероятней исседоны; отсюда происходит и большое количество особо ярких находок сакской культуры. В отдельные периоды такую же роль играло верхнее Чу и берега Иссык-куля, куда явно переместился центр усуньского племенного союза.

Центром фергано-алайской, аристеевской группы кочевых саков был Чон-алай; «царские» курганы их представлены прежде всего в урочище Кийке-таш, а следы, относящиеся к усуньскому этапу, кроме Алая, фиксируются в равнинной Фергане, прежде всего у Хуршаба. Центром яксарто-каратауской группы несомненно были с.-в. склоны Кара-тау, особенно ю.-в. угол — Берккара, в то время как для позднего этапа намечается прямой выход кочевников к Сыр-дарье. Так, самая северная мощная цепочка курганов усуньского типа — Джеты-тепе — зафиксирована нами на увале, подходящем к берегу Сыр-дарьи километрах в шести к ЮВ от Яны-кургана.

Могильники сакской эпохи мы наблюдаем по склонам Джунгарского и Заилийского Алатау, в бассейнах Кок-су и Каратала, откуда они без перерыва тянутся в зоны «золотостерегущих грифов», т. е. через зону северночешуйских племен Иртыша к Алтаю и в Центральную Азию. Могильники этого типа покрывают всю долину Или, Чу, Таласа, выходят к Иссык-кулю и имеются почти во всех горных долинах Тянь-шаня, кроме Ак-сая; они лепятся по предгорьям Ферганского хребта, Чаткала и Туркестанского хребта, расположены по межгорным долинам Алая, Чон-алая, Каратегина, заполняют все южные долины Восточного Памира, резко обрываясь по линии к З от Лянгара, Койтезек — Яшиль-куль. Наконец, они нами картированы по обоим склонам Кара-тау, этого крайнего с.-з. «горного форпоста», обрываясь на перевале Ак-сумбе — Бакарлы.

Такова археологически документированная площадь расселения амюргийских саков, занимавшая примерно 500 000 км².

4. ПЛЕМЕННЫЕ КОНФЕДЕРАЦИИ УСУНЬ И КАНГЮЙ — ПОТОМКИ ЗАЯКСАРТСКИХ САКОВ

Нам осталось сказать о результате распада сакского племенного союза — об образовании конфедерации усунь и кангюй.

Исторически зафиксированное движение исседонов-усуней в зоне Тянь-шаня не только изменило наименование сакского союза, но было важнейшим этапом во внутреннем развитии кочевников. Это был процесс становления военно-демократического союза кочевников, выступающего в оппозиции в раннеэллинистической Средней Азии, которая оправляется от последствий македонского завоевания. В борьбе с Александром Македонским выросла родовая аристократия сакских племен, часть которых и участвовала в формировании в горах усуньской, а по Сыр-дарье кангюйской конфедераций. Совершенно очевидно, как бы ни были кратки наши данные, — эти конфедерации упрочили тюркский этногенез, особенно ярко документированный у кангюй. Тюркоязычные племена, идущие с востока, были связаны с кочевой частью кангюй и усунь. Анализ кангюйской топонимики, впервые приведенной Цяньханьшу, показывает уже ее тюркоязычный характер. Уже Куракиши Ширатори обратил внимание на то, что название местности Лоюени имеет тюркский характер.[1] Соглашаясь с ним в интерпретации первого иероглифа «Ло», звучавшего в древности «лок», «лук», т. е. являвшегося, видимо, транскрипцией тюркского Улуг — «великий», вторые два иероглифа я транскрибирую как «юери-йери», учитывая соответствие в древнекитайском *н* и *р* (типа соответствия Аньси-Арсак); Улуг-йери (кит. Лоюени) — в переводе на русский язык «Великая земля», что целиком соответствует тюркским топонимам, например казахскому Улу-тау. Тюркский характер этнонимов «карат», «комар», топонима Аскатаг и других отмечался в литературе, в частности Бертело.

Вопрос о тюркском ядре среди усуней тоже поднимался в литературе, и, пожалуй, наиболее убедительна аргументация Н. Аристова.

Вопрос об этнической принадлежности кангюй и усунь до сих пор в научной литературе не решен. Связь этих племен с оседлыми районами не подлежит сомнению. Вместе с тем, часть этих племен продолжала кочевой образ жизни. В этническом отношении скорей всего они принадлежали к восточно-иранской группе племен. Однако к середине первого тысячелетия до н. э. на территорию Средней Азии все больше и больше проникают племена центрально-азиатского происхождения. Они, вероятно, были тюркскими по языку. Об этих связях с востоком свидетельствуют археологи-

[1] K. Shiratori. A Study on Su-tê, or Sogdiana. Memoirs of the Research Department of the Toyo-Bunko, 1928, № 2, Tokyo, стр. 51—67.

ческие факты, особенно ясно наблюдаемые с первого тысячелетия до н. э., т. е. с конца эпохи бронзы. Таким образом еще до массового вторжения тюркоязычных племен, в связи с движением гуннов, на территории Средней Азии — в Семиречье, Тянь-шане и по Сырдарье были значительные группы тюркоязычного населения. Эти тюркоязычные племена были расселены среди усуней или кангюй или, во всяком случае, жили по соседству с ними.

С этого времени началась, а с III—II вв. до н. э. усилилась, языковая ассимиляция пришельцами местного населения, что было тесно связано с физическим смешением пришельцев с аборигенами. В связи с этим постепенно изменялся этнический облик населения Семиречья, Тянь-шаня и средней Сыр-дарьи. Однако в культурном отношении пришельцы подчинялись высокой культуре местного населения Средней Азии. Они воспринимали относительно высокую культуру массагетских и особенно сармато-аланских племен, часть которых находилась в оседлом состоянии.

К рубежу, особенно началу, н. э. тюркоязычность была сравнительно широко распространена среди усунь и кочевой части кангюй. Связь кочевой и оседлой части кангюй послужила основанием для трактовки их как оседлого государства в источниках относительно поздних и как кочевников — в ранних источниках, что свидетельствует о раздвоении кангюйских племен и действительно двойственном характере их экономики; но скорее всего эта двойственность определилась не ранее рубежа н. э.[1]

Иная судьба и историческая роль усуней. Во-первых, они сохранили кочевой уклад жизни на Тянь-шане и вообще в горной зоне и вошли в связь с оседлыми племенами лишь в зоне Ферганы и Ташкентского оазиса. Эта связь с ираноязычной Ферганой, где они утратили к началу нашей эры политическую власть, породила на основе усуне-даваньского синкретизма кушанскую этническую среду, о чем мы уже специально писали. Не случайно усуньские племена Восточной Ферганы «хюсюнь» — уже фактически носители имени кушан. Кушанская Фергана — прямой результат активного вмешательства усуней в жизнь земледельческой Ферганы. С другой стороны, остатки саков после возвышения усуней передвинулись в ю.-з. направлении, что отмечено курганами Памира. Их движение, прослеженное нами достаточно подробно в историко-топографическом плане, было направлено в сторону Афганистана, Северной Индии и Восточного Ирана. Массовое движение саков через «Висячий переход» по узким каньонам р. Памир на Вахан и было движением из страны «высоких гор» (Хара Березайти) саков-хаомоварга, шакья индийских источников, пастушеских предков племен индоиранского мира, — движением, которое запечатлели индийские Веды. Это был, с нашей точки зрения, заключительный этап долговременного «арийского завоевания», которое от первого до заключительного его этапа связано с историей племен интересующей нас территории. Если это так, то массовое раскрытие курганов кочевников Памира похоронит бредовую идею «чистоты» арийской расы, ибо уже предварительные данные (которыми мы располагаем по Припамирью и Тянь-шаню) о культуре племен, на основе которой складывалась культура «арийца-завоевателя», говорят о разнообразии расовых типов, их этнической и культурной смешанности. Решение сакской проблемы на археологическом материале — часть правильного решения и арийской проблемы.

Открытие нами Кенкольского могильника в 1938 г., Арпинского могильника в 1944 г., Мааша в Алае в 1947 г., Кызартского в 1949 г. показывает широкое включение центральноазиатских элементов в жизнь населения сакской территории. Четкая по своим палеоэтнографическим данным гуннская культура Тянь-шаня (более ранняя) и Припамирья (более поздняя) объясняет этнографические карты Страбона—Птолемея, локализующие фрунов — фаунов—тоорнов подле Имауса. Открытием в Мааша по Алаю гуннских погребений мы окончательно утверждаем осведомленность Птолемея, вопреки скептицизму и прямому недоверию к его данным, неоднократно проявляемым в специальной литературе. С другой стороны, яснее становятся и неоднократные заявления китайцев, усматривавших влияние и политическое господство гуннов над рядом владений Средней Азии, в том числе и над территорией восточных кангюй. Так как восточное крыло кангюй было смежно с Даванью—Ферганой (если кангюй — обитатели Сырдарьи—Ранка), то становится понятным характер катакомб Ширин-сая, Соха, Исфары и Каунчи, в которых различаются ритуалы захоронения гуннского происхождения.

Гуннское вторжение было той мощной инфильтрацией тюркских элементов, которая ускорила местную тюркизацию в кочевой части сакского племенного союза, носителями которой здесь были усунь и кочевые кангюй. Уже в первых веках н. э. происходила интенсивная ассимиляция предков заяксартских саков и в конечном счете восторжествовала тюркская линия этногенеза.

Мы ограничились характеристикой тех новых и главных сторон в изучении сакской проблемы, которые встали перед нами в результате многолетних исследований их памятников. Не все поставленные проблемы опираются на

[1] Развернутый анализ китайской исторической и географической литературы по вопросу о племенах кангюй, в частности их расселения, мы дали в статье «Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана» (Изв. АН КазССР, № 67, сер. археолог., вып. 2, Алма-ата, 1949).

достаточное количество археологических памятников. Завершив в 1949 г. свои «путешествия» по основным магистралям, пересекающим владения заяксартских саков, мы надеемся в последующие годы массовой раскопкой курганов в наименее изученных зонах получить материал, который даст возможность сделать окончательные выводы по поводу ряда выдвинутых положений.

Итак, резюмируем наши представления о расселении сакских племен и их потомков на основании археологических данных и письменных источников в районах Ферганы и по Сырдарье.

По Фергане были расселены племена аристеи и усунь (культуры даваньская и тулейкенская). По Алаю — племена хюсюнь и кумеды (Чакмак и Шарт, с одной стороны, Кызыи-курган и Дараут-курган, с другой), у которых возникает анау-даваньская культура.

От Ферганы по Сыр-дарье жили все виды «водных» саков (абии, апасиаки, переименованные Птолемеем в яксартов, позднейшие кангюй). Они делились на пять частей, чему соответствуют пять крупных археологических районов, а именно:

1) юени (абии-яксарты) — Ташкентский оазис; культура типа Каунчи;

2) сусе (кангюй и асии) — Отрарский оазис; культура кангюйско-каратауская;

3) фуму (тохары) — Кува-дарья и Жаны-дарья; джетыасарская культура, явно развивавшаяся в то время под сильным воздействием гуннов (имеем в виду слой Джеты-Асер II).

4) ги (массагеты и сармато-аланы) — нижняя Сыр-дарья; культура «болотных» городищ;

5) юегянь (хорезмийцы) — Хорезм; культура городищ с «жилыми» стенами и кангюйская культура (по С. П. Толстову).

В основе этих этнических формирований лежали сакские племена из конфедерации амюргиев, отчасти тиграхауда.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

АНТИЧНЫЙ И СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОДЫ В ФЕРГАНЕ И АЛАЕ

1. ДАВАНЬ И КУШАНЫ

Изучение проблемы сако-усуней в полном объеме приводит нас к другому важному вопросу, поднятому экспедицией, — к вопросу о взаимоотношении этих племен с земледельческой страной равнинной Ферганы — Даванью и со сменившими власть саков и усуней кушанами, с которыми связан расцвет античного периода в Средней Азии.

Повествуя о Фергане, Чжан Цянь обратил внимание на множественность (чисто количественную) поселений в Давани: он отмечает свыше 70 больших и малых городов. Так переводят И. Бичурин и другие авторы соответствующий текст Шицзи, где Сымацянем приведен рассказ Чжан Цяня.[1] На самом деле подлинный текст выглядит несколько иначе. Для наименования «города» здесь выступают четыре иероглифа: 成郭屋室 *чэн го у ши*, т. е. буквально «городищ и предместий, усадеб и домов».[2] Совершенно очевидно, что если даже принимать эти иероглифы как две группы биномов, то здесь говорится по крайней мере о двух родах поселений: это укрепленные общинные поселения «чэнго» и одиночные усадьбы «уши». Характерно, что укрепленные поселения документируются и описанием «города» Эрши — центра Давани, который осаждал Лигуанли. Из этого описания в Шицзи следует, что укрепленные поселения состояли по меньшей мере из двух частей: внешней и внутренней (*вай чэн* 外城 и *чжун чэн* 中城).[3] В отличие от этих данных, версия Цяньханьшу, основывающаяся на Шицзи, выбрасывает эти топографические подробности, употребляя один и тот же термин *чэн*, но сохраняя при этом указание на тоже их количество (70 городов).[1] Для первых веков н. э. (Хоуханьшу) подобных сведений мы для Давани не имеем. Вплоть до времени Тан фигурирует один и тот же термин *чэн*, но зато изменяются количественные характеристики. Чаще всего встречаются названия одной столицы или двух-трех городов и множества мелких поселений, резко противопоставляемых первым. Другими словами, ярко выступает стремление отметить, что множественное (и относительно равномерное) расселение сменяется исключительной ролью отдельных центров. Так, с эпохи Вэй выступает одна столица Гуйшань (об этом ниже), при Суй — один город, при Тан — шесть городов и около 100 мелких селений. Это положение целиком и полностью подтверждалось археологическими данными.

Для времени Давань и кушанов, т. е. для IV—II вв. до н. э. (Давань) и I в. до н. э. — IV в. н. э. (кушаны), основной тип расселения по всей Фергане составляли отдельные укрепленные дома и городища, с меньшим распространением для времени Давань, бóльшим для кушан. Так, для последних характерно проникновение земледельческой культуры в горные районы (например Гульча), что еще неведомо для Давани, для которой характерно распространение усуньской, горной по существу культуры в равнинах. Подобно тому как усуни идут по сакской тропе, кушаны идут по даваньским дорогам. Кушанское расселение совпадает с максимальным распространением земледельческой (и пастушеско-земледельческой) культуры в Фергане и приферганских районах.

Регистрируя и исследуя даваньско-кушанские места расселения, мы выявили строгую закономерность, особенно явственно выступающую по сравнению с системой расселения в средние века. Для давань-кушанов харак-

[1] И. Бичурин. Собрание сведений. . . , ч. III, стр. 4, II изд., т. II, стр. 149; ср.: J. J. De Groot. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens, т. II. Berlin—Leipzig, 1926, стр. 9 и сл. Ср. стр. 109—111.

[2] Шицзи, гл. 123, л. 3а.

[3] Об этом подробней — ниже.

[1] Цяньханьшу, гл. 96а.

терна рассредоточенность расселения, для средневековья — сильная сосредоточенность, уменьшение количества центров расселения и новое стягивание их в равнинную часть Ферганы. Это положение явствует из характеристики таких отдельных комплексов, особо тщательно обследованных в ряде мест, как: 1) Джилгинсайский комплекс (Янги-Наукатского района Ошской области), 2) Чукатепинский, 3) Акманский и 4) Караванский (Октябрьский, Базаркурганский и Караванский районы Джалалабадской области). В Джилгинсайском комплексе было зарегистрировано около 60 тепе, концентрирующихся по крайней мере в шести группах, вытянутых с В на З. Многие тепе содержали, кроме даваньской и кушанской керамики, — мусульманскую поливную, среди которой встречаются и характерные караханидские формы.

Наглядно виден процесс уменьшения количества поселений сельского типа по отдельным районам при сопоставлении данных, сведенных в нижеприводимых таблицах. Здесь мы приводим данные, относящиеся к тепе, обследованным в двух комплексах: Чука-тепе и Акман.

Итак, в группе Чука-тепе мы наблюдаем рост количества кушанских тепе по сравнению с даваньским периодом (на шесть тепе), снижение его в раннесредневековый период и единичные тепе для всех последующих периодов. Аналогичная картина — и для группы Акман: увеличение на шесть тепе при кушанах, небольшое увеличение в раннем средневековье и единичные тепе при развитом средневековье. Другими словами, при кушанах количество отдельных домов увеличивается больше чем вдвое (11 : 5; 8 : 3), очевидно, за счет дальнейшего распадения родо-общинных поселений

Комплекс Чука-тепе

№№ тепе	Время						
	Давань, IV—II вв. до н. э.	Кушаны, I в. до н. э. — IV в. н. э.	Раннее средневековье, V—VIII вв., кушаны, тюрки	Карлукско-саманидский период, VIII—X вв.	Караханидский период, XI—XII вв.	Монголо-тимуридский период, XIII—XIV вв.	Средневековье (нерасчлененные)
I		×	×?	×		×?	×?
II		×	×				
III	×		×				
IV	×	×	×				
V	×	×	×				
VI		×					
VII	×	×	×?				
VIII					×		
IX							
X		×	×?				
XII [1]	×?	×					
XIII		×					
XIV		×					
XV		×					
Итого . .	5	11	7	1	1	1	1

В Чукатепинской группе (у Джалалабада) было зарегистрировано 16 тепе, в Акмане — 13, в Караване, по течению р. Патша-ата, — 24, в Алабукинском районе — 17 больших тепе и 4 городища, у города Ош — 6 больших тепе, и т. д.

Для некоторых комплексов характерно такое расположение: тепе вытягиваются в одну линию с С на Ю, крайние в цепочке упираются в отроги небольших возвышенностей. За такой цепочкой к В часто находится городище. Таковы комплексы у Джалалабада в Чука-тепе и у Султанабада.

«чэн». Это положение сохраняется вплоть до VIII в. с вариантами (небольшое увеличение или уменьшение) и резко изменяется со времени арабского завоевания (1 : 7 и 1 : 9).

Аналогичная картина выявилась и по другим комплексам: Караванскому и Джилгинсайскому. На базе последнего образовались в середине века сельскохозяйственная округа Кувинского оазиса. Округ Кувы был связан с областью Некад (Джилгин-сай, городище Наукат); центром его, видимо, был город Мискан. В. В. Бартольд помещает эти районы в зоне рек Чилеи, Киргиз-ата [1] (Наукатский

[1] На XI и XVI тепе подъемного материала не было.

[1] В. Бартольд. Туркестан, т. II, стр. 160 и сл.

Комплекс Акман

№№ тепе	Время					
	Даванъ, IV–II вв. до н. э.	Кушаны, I в. до н. э.— IV в. н. э.	Кушаны, тюрки, V–VIII вв.	Карлукско-саманидский период, VIII–X вв.	Караханидский период, XI–XII вв.	Монголо-тимуридский период, XIII–XIV вв.
I		×	×			
II		×	×			
III	×	×?				
IV			×			
V		×				
VI		×				
VII			×			
VIII	×	×	×			
IX	×	×	×			×
X						
XI			×			
XII		×	×			
XIII			×?		×	
Итого . .	3	8	9		1	1

район), к которым тяготеет Джилгинсайский комплекс. Очевидно современное городище Наукат связано с названием древнего округа Некад, а само оно, быть может, было руинами центра этой области — города Мискан. Районы эти и в мусульманскую эпоху славились своей горнодобывающей промышленностью (Некад — золото и серебро, Сох — ртуть), что могло наряду с земледелием (и скотоводством?) составлять важную статью доходов местного населения.

Приведенные выше таблицы наглядно рисуют основную тенденцию к расселению для трех периодов: даваньского, кушанского и средневекового. Они отвечают трем основным этапам социально-экономической истории Ферганы: разложению первобытно-общинного строя (даваньский), рабовладельческому (кушанский и кушанотюркский) и феодальному.

В дополнение к типам расселения, которые нами были прослежены в 1941 г.,[1] отметим, что тепе даваньского типа и кушанские в своих классических выражениях резко отличаются друг от друга. Тепе даваньского типа полусферические, с тенденцией к уплощению, растянутости, почти круглые в плане, без заметных площадок — стилобатов. Эти холмы-тепе образовались путем разрушения пространного, близкого к квадратной форме, помещения, сложенного из сырца.

Основные типы керамики на этих тепе: грубая ручной лепки посуда, покрытая ангобом светложелтого цвета, тесто в изломе слоистое (плохо промешанное), излом шероховатый, в тесте дресва. Орнамент отсутствует, лишь иногда наблюдаются нечеткие линии криволинейного орнамента (геометрического?), нанесенного светлокрасной (охристой) и темнокоричневой (марганцевой?) краской. Эта керамика изредка сочетается с грубой тонкостенной «сакской», чаще с усуньской, красной, с отпечатками ткани внутри, особенно на дне; на поверхности часто имеются следы разрисовки красной краской.

Формы сосудов в основном чашеобразные, типа усуньских сферических чаш, без венчика или со слабо выраженным в виде утолщения венчиком, треугольным в сечении.

Тепе кушанского типа имеют резко выраженный острый профиль, выше даваньских, и стоят на площадке. В возвышенной части чувствуется четкая конструкция башни, быть может, круглой в плане (Джилгин-сай), или четырехугольного помещения с башнями по углам (Гульча). Площадкой для такого тепе часто служат старые даваньского типа тепе, чем и объясняются многочисленные находки керамики того и другого типов на одних и тех же руинах.

Керамика на этих тепе залощена или покрыта лаком темного, иногда черноватого оттенка. Редкий орнамент обычно прорезной, криволинейный и геометрическо-растительный. Черепок тонкий из хорошо отмученной глины, сделанный на гончарном круге, красного обжига. Сосуд тщательно профилирован, строгих пропорций, иногда с резко выраженным венчиком; чаши на кольцевых и сплошных поддонах, слегка вдавленных внутрь. Основной тип — чаша на поддоне, но встречается кувшин типа кузачи и хумча и бокал типа вытянутой вверх пиалы. Наряду с ними продолжает бытовать грубая лепная керамика с дресвой, по технике восходящая к даваньской.

[1] А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943, стр. 29 и сл.

Поверхность ее покрыта линейным прямым и волнистым орнаментом.

В более поздних тепе — тюрко-кушанского периода — преобладает посуда красного лощения, чаще в виде вертикальных полос преимущественно темных оттенков на сосудах ручной лепки грубой работы (особенно кувшинах). Такая керамика сосуществует с формами, характерными для согдийской и раннекарлукской керамики Семиречья.

Тепе кушанского типа больше, чем даваньских, и они продолжают свое существование до арабского завоевания. Местами наибольшего их распространения являются предгорья Туркестанского, Ферганского и Чаткальского хребтов; иногда они проникают в горные долины, как, например, в Гульчу.

С позднекушанским периодом мы связываем и наличие могильника, частично нами раскопанного, в горной долине Алая, близ ущелья Согуты, в урочище Кукяльда.

Могильник Кукяльда расположен на высоком правом берегу р. Терек-су (верхняя часть р. Гульча). Он состоит из 11 прямоугольных выкладок из камней, поставленных на ребро, размером от 5×5 и 10×10 м и ориентированных углами по странам света. Могильник расположен на скате возвышенного участка. Нами были в 1946 г. раскопаны две могилы: наверху и внизу этой площадки. После вскрытия первая могила (размером выкладки 4×3 м) показала следующее.

Под тонким слоем в 0.40 см выявилась ровная площадка, в с.-з. половине которой обнаружилось перекрытие, сделанное из арчевых плах. Плахи лежали параллельно вдоль ю.-з. кромки выкладки, причем плахи, лежащие по северной стороне, были крупные, а с южной — все уменьшались по длине и в сечении. Количество плах — 12. Под ними оказалась мягкая засыпь, идущая на глубину 1.30 м от поверхности, где и лежал костяк на спине головой на СЗ. При костяке женщины монголоидного типа не было никаких предметов; руки были сложены на груди в характерной позе — одна над другой, напоминая буддийский жест Авалокитешвары.

Вторая могила (размер 4×5 м) дала ту же картину, только здесь находилось меньше плах (7). Череп костяка мужчины южносибирского расового типа был повернут на З, руки вытянуты вдоль туловища, кисть левой руки примыкала к бедру (кисть правой руки не сохранилась).

В 1947 г. было открыто 4 больших могилы, одна из которых была обложена камнями, создающими стенки длиной до 7 м.

Могилы содержали групповые погребения; костяки ориентированы головой на С, лицом повернуты на ЮЗ. Положение рук двоякое: одна над другой на груди в стиле буддийского жеста, или опущены на живот ниже пояса. Могилы вырублены в породе, часть из них обложена и перекрыта плоскими камнями и плитами. Вещей нет, только на поверхности одной могилы были подобраны черепки, относимые к раннему средневековью. Четыре раскопа дали погребения, в которых некоторые костяки лежали с руками, сложенными на груди, а некоторые с руками, опущенными ниже пояса. Время захоронений — VI—VIII вв. н.э.; выяснение расовой принадлежности помогает определить происхождение похороненных. Здесь были андроидные, южносибирские, тунгусо-маньчжурские и памиро-ферганские расовые типы. Эта смешанность населения типична для позднекушанского и тюркского периодов. Укажу сейчас, что ближайшая аналогия может быть отмечена на Таласе, к ЮВ от Джамбула, в могильнике, раскопанном Г. И. Пацевичем в 1940 г. (материал не опубликован), где точно в таких же позах и с такой же ориентировкой лежали костяки в каменных ящиках из плит или в могилах, вырубленных в каменном грунте. Аналогичные погребения в виде грунтовых ям открыты М. М. Дьяконовым в Таджикистане, в верхнем слое могильника Туп-хона.[1] Скорее всего мы имеем здесь дело с позднекушанским населением Ферганы, находившимся в тесной взаимосвязи с китайскими гарнизонами и населением Восточного Туркестана. Особенно усилились эти связи в начале VIII в. Кушаны в большом количестве покинули равнинную Фергану под натиском тюрок, а затем арабов. В Туп-хона эти могилы подстилает слой могил греко-бактрийского времени. Могилы верхнего слоя, однотипные с кукяльдинскими, М. М. Дьяконов относит к эфталитскому времени. Отсутствие какого бы то ни было инвентаря в раскопанных нами погребениях заставляет воздерживаться пока от точной датировки. Только в первой могиле был встречен в верхнем слое засыпки тлен, быть может от деревянной чаши.

Однако могут быть выдвинуты некоторые соображения, которые помогут найти пути для датировки. Соображения эти следующие.

Совершенно ясно, что мы имеем дело не с курганами, а с могилами четырехугольной формы с оградкой, присыпанной мягкой засыпью, расползающейся на поверхности в слабо выраженный овал. Создается впечатление, что это оплывшая, размытая (в виду слабости грунта) сферическая земляная насыпь могилы. В этом районе такая конструкция исключена для ведущих типов курганов от бронзы до тюрок включительно. Четырехугольные выкладки с мягкой засыпью могильной ямы и поверхности мы встречали в северном Семиречье только для тюркского времени.[2] Для тюркских женских погребений на Сыр-

[1] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. МИА, № 15.

[2] Прямоугольные выкладки (очевидно скифского времени?) в Хайдаркане и Багашине имеют другой характер.

дарье (Шегнак-сай) характерное для женских погребений положение правой руки на лобке.

Для кочевников (саки, усуни, тюрки) характерна круглая выкладка — типа кромлеха как символа солнца; могилы обычно сооружаются в жестком грунте. Исключен для Кукяльды и мусульманский характер погребения, судя по ориентации покойника. Характер могильного сооружения и обряд захоронения скорее сближаются с тем кругом представлений, которые могли возникнуть в оседлой (но знакомой с пастушеством) среде у населения домусульманского периода и, скорее всего, в религиозном отношении близкого к буддизму.

Все это дает основание связывать могильник с племенами, выселившимися в горные районы, — кушанами-буддистами Ферганы. Было ли это выселение результатом проникновения туда кушан в период их максимальной экспансии, чему свидетельством Гульчинское тепе или селище в урочище Чакмак, или оно было насильственным в пору активного вторжения в Фергану тюрок (из-за которых, несомненно, часть кушан бежала из равнинной Ферганы), — сейчас на это ответить трудно.

Кушанский период в Фергане — период ее экономического расцвета. Это документируется не только фактом широкого распространения культурных комплексов этого времени. Многочисленные горные выработки сурьмы и ртути, с которыми мы познакомились в Хайдаркане, показали, что максимальное развитие этих выработок начинается как раз с кушанского периода. Это прекрасно документируется обильными находками чаш кушанского типа в выработках Хайдаркана. Чаши грубые, без лощения и лака, но они в точности повторяют кушанские формы развитого типа. Характер расселения при кушанах в замках-домах, свойственный рабовладельческому способу производства, широко развиваемый при кушанах горнодобывающий промысел (очевидно основанный также на широком применении труда рабов) еще ярче подчеркивают рабовладельческий характер экономики кушанской Ферганы. Этим не ограничивалась экономика кушанского периода. Продолжая традиции хозяйства Ферганы периода Давани, кушаны широко практиковали, наряду с земледелием, и скотоводство, в частности выращивали знаменитых лошадей Давани. Свидетельством этому являются Арванские наскальные изображения. Но, прежде чем перейти к анализу этих изображений, остановимся на некоторых выводах, подсказанных нам также разведкой по Каратегину, проведенной в 1947 г. участником нашей экспедиции Ю. А. Заднепровским.

Разведка по Каратегину до Гарма особенно важна в двух отношениях. Во-первых, она показала, что древние земледельческие поселения поднимались по Сурхобу до впадения реки Катта-карамук (правый приток), примерно в 40 км к З от с. Дараут-курган (и еще раньше в долине Кок-су). С С поселения земледельческого типа, подходящие к Чон-алаю, мы зафиксировали на 104-м километре от г. Ош, в местности Купаляк. Обнаруженное здесь городище носит у местного населения название Куутам. Оно представляет собой огражденную стенами четырехугольную площадку, ориентированную углами по странам света, размером 65×45 м. Городище стоит на левом обрывистом берегу р. Гульча, против устья ущелья Куналяк, через которое идут пути в южную Фергану. Стены городища сложены из сырцового кирпича. Хорошо сохранились западная и южная стены, хуже северная, почти совершенно разрушена восточная. Подъемный материал показал раннее заселение этого места. Здесь были встречены усунеподобные кушанские черепки; много средневековой посуды — вплоть до тимуридского времени. Возможно, что усунеподобные черепки — результат разрушения при строительстве крепости курганов этого времени, следы которых и сейчас имеются в пашнях, окружающих Куутам.

Примерно в 1 км к ЮЗ от Куутам находится турткуль (длина стен до 60 м) с бедной и невыразительной керамикой раннесредневекового типа. Дальше на Ю до перевала Талдык и по Алаю от Иркештама до Катта-карамук следов поселений нет. Иркештам поражает своей пустынностью. Следы постоянного пребывания здесь человека обрываются около урочища Ак-киндык. Район Тау-мурун—Иркештам оказался одним из тех «заповедных» необитаемых пространств, которые всегда сопутствуют густо заселенным кочевниками долинам, типа пустынного Ак-сая, около заселенных долин Арпа и Атбаш в Центральном Тянь-шане. Попутно отметим, что большой интерес представляет явно обитаемая в прошлом пещера Кельды-булак в бассейне Кок-су, на подъеме к водоразделу, отделяющему Кок-су от долины р. Нура.

Оседлые поселения Каратегина сравнительно многочисленны. Так, они зарегистрированы по Сурхобу: Кок-су (ближе к горному перевалу), Катта-карамук близ Сурхоба, несколько городищ и тепе по Мук-су (Джаильган, Карамура, Ляхш), у Джергетала (по р. Занку), между Ялдымук и Сафидхо (Кала-и-хоит) и у Гарма.

Весьма важно отметить, что этого типа поселения поднимаются и вверх по течению притоков. Так, например, три поселения отмечены по левому притоку Сурхоба — Мук-су и правому притоку Кок-су. Многие из них приписываются киргизами и таджиками мугам-зороастрийцам (Карамук, Мук-су, Ялдымук и т. д.), что свидетельствует о восприятии местным населением этих поселений как домусульманских. Эту «датировку» большинства тепе и городищ подтверждает подъемный материал,

кушано-эфталитский и раннесредневековый, лишь в городище Катта-карамук — более поздний.

Второй важной чертой Сурхоба является наличие в нем курганов ранних кочевников. Это три ясно выраженных группы:

1) малые по диаметру и высоте каменные курганы, датировать которые без вскрытия весьма трудно, но, судя по разведке с раскопками в Алае, они могут быть отнесены к сакскому времени;

2) земляные курганы большой высоты, построенные в цепочку явно усуньского типа; такие курганы прослежены вплоть до Гарма и отмечены также в долине Мук-су, Занку и других урочищах;

3) курганы «маашинского» типа, которые, как показали раскопки в Алае, относятся к позднегуннскому времени; этот тип прослежен в Мук-су, за Дараут-курганом и в других местах, также до Гарма, хотя и реже, чем остальные типы.

Сколь далеко заходили вглубь Тохаристана кочевники — выяснят последующие археологические разведки. Во всяком случае, уже эти факты объясняют в какой-то степени силу воздействия кочевой культуры на Тохаристан и пути этого воздействия. В свете настоящих фактов становится ясным и указание китайцев на роль тюркских кочевых элементов в Тохаристане, и свидетельства арабов о хайталах (эфталитах — белых гуннах) и карлуках, и т. д.[1]

Во всяком случае, разведка и раскопки в Алае и разведка по Каратегину подсказывают вывод, что водная магистраль Кызыл-су—Сурхоб являлась одной из важнейших коммуникаций кочевников Семиречья и Тянь-шаня, связывающей их через Памиро-Алай с Тохаристаном. Она была более важной для кочевников, чем Согд, где, несмотря на многочисленные исследования, до сих пор курганы кочевников не обнаружены. Дальнейшие исследования гуннских погребений в Мааше и по Каратегину быть может ответят и на другой вопрос — о происхождении племен «белых гуннов», т. е. эфталитов, столь активно себя проявивших в IV—VI вв. н. э. в близлежащих от Каратегина областях.

Таким образом, разведка и раскопки в северном Припамирье в 1947 г., завершая наши разведки, начатые в 1944 г., привели нас к следующим выводам.

Памиро-Алай, как периферия Ферганы, отчасти Тохаристана, был густо заселен пастухами и кочевниками, во всяком случае, с эпохи бронзы и саков, — племенами тюркского происхождения, распространение которых намечается к первым векам н. э. Кызыл-су — Сурхоб — русло наиболее глубокого проникновения кочевников в среду окружающего эти межгорные долины оседлого, земледельческого восточно-иранского населения Ферганы, Согда и Тохаристана.

В свою очередь, наиболее активное обратное влияние со стороны земледельческой Ферганы и земледельческого Тохаристана и Согда на Памиро-Алай прослеживается с кушанского периода, — территориально, правда, ограниченное на З и С, вероятно, двумя обстоятельствами: 1) занятостью территории кочевниками, 2) высотой, ограничивающей возможности земледелия.[1] С В эта область была ограничена перевалом Тау-мурун от Синьцзяна, с Ю — мощной цепью Заалайского хребта и пустынями с.-в. Памира.

2. АРАВАНСКИЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И ДАВАНЬСКАЯ СТОЛИЦА ЭРШИ

Во время работ экспедиции летом 1946 г. нам удалось зафиксировать известные в литературе, но еще ни разу не изданные наскальные изображения у с. Араван в 25 км к СЗ от г. Ош, Киргизской ССР [2] (рис. 88).

Две группы композиций расположены на ю.-з. стене невысокой скалы, стоящей на правом берегу р. Араван, рядом с шоссе, идущим из г. Ош в г. Ферганy. Время испортило изображения, но не настолько, чтобы нельзя было разобраться в основном сюжете. В исследовании этих изображений мы особенно обязаны сотруднику экспедиции С. С. Сорокину, добравшемуся до них и сделавшему прекрасные графические и акварельные зарисовки.

Верхний рисунок сделан на камне размером 2×2 м, на высоте примерно 15—16 м от подошвы скалы. Он состоит из изображения двух лошадей, исполненного твердым (металлическим?) инструментом, которым мастер выбивал патину скалы мелкими точками, частыми ударами; соединение этих точек образовало плоскость изображения. Этот рисунок, как ясно стало из обследования на месте, более поздний, чем первоначально прорисованная композиция на той же площадке — изображение людей и горных козлов. Метрах в трех ниже на плите 1.30×0.70 м в меньших масштабах снова повторено изображение двух лошадей, выполненных в той же технике, что и предыдущая пара. Стилистические особенности изображений столь отличны от обычных наскальных изображений Тянь-шаня и окружающих

[1] См. краткую сводку о Каратегине в работе: Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина. Сталинабад, 1941.

[1] Только в последние годы удалось повысить зону распространения зерновых культур по Алаю до урочища Юкос — около 2500 м над ур. м., а удачные опыты с зерновыми (ячмень) и корнеплодами известны на Памире на высоте больше 3800 м над ур. м., но имеют опытный характер.

[2] ПТКЛА за 1898 г.; М. Массон, КСИИМК, VI, Л., 1940; ср. его статью: Древние наскальные изображения домашних лошадей в Южном Киргизстане. Труды ИЯЛИ КиргФАН, т. II (об аналогичных изображениях в других местах, недалеко от Аравана).

районов и в то же время столь типичны для определенного круга изображений за пределами указанной территории, т. е. в живописи оседлых районов Средней Азии и Восточного Туркестана, что мы не могли не рассмотреть специально эти композиции, выполненные явно незаурядным мастером.

Более древняя группа изображений находится на верхней плоскости. Здесь изображены три архара (высота 16—17 см), идущие влево, под ними — две человеческие фигуры (высота 17—19 см). У одной фигуры (левой) руки расставлены в стороны от туловища, у рядом стоящей — правая рука поднята вверх, левая упирается в бок. Рядом с ними, у ног, непонятные круглые предметы, слева от фигуры — прямоугольное очертание какого-то предмета.

Ниже, с левого края, — фигура человека, изображенного в профиль, с головой, обращенной вправо; левая рука поднята и упирается в лоб, правая — в бедро; у ног его изображение собаки, перед ним четыре кружка (?). Далее следует изображение козла (оленя?) с запрокинутыми назад рогами, трактованными в типично скифском стиле;[1] перед козлом (оленем?) — еще одно изображение собаки. Заключают композицию три человеческие фигуры, одна под другой. Верхняя (в профиль?) стоит с расставленными в сторону руками. Фигура заключена в схематический рисунок в виде ворот, на левой стороне которых, вероятно, изображен сосуд.

Две нижние фигуры стоят в одинаковых позах: левая рука поднята вверх и касается головы, правая упирается в бедро.

Техника нанесения рисунка (точечная) и стилистические особенности — нежный контур тела животного, схематизированный, но не окончательно утративший реалистическую основу [трактовка рогов козла (оленя)], — дают все основания связывать его с сакским кругом памятников этого района, прежде всего с изображением козлов на котле скифского типа, открытом в 1940 г. на строительстве Большого Ферганского канала.[2] Аналогичные изображения имеются и в ущелье Чиим-таш в Таласской долине, где они были нами осмотрены в 1938 г. и где они также датируются находкой скифского типа котла, ныне хранящегося в Эрмитаже. Скифское время этой композиции, в свете приведенных данных, для нас несомненно. Сложнее обстоит дело с семантикой изображения. Сцена несомненно культовая: люди исполняют какой-то культовый танец; они не вооружены, поэтому это не сцены охоты, известные нам по изображениям, например с Кугарта на Ферганском хребте, в свое время зарисованным Н. Хлудовым и И. Пославским,[1] ныне изученным Б. М. Зимма.[2] Животные, здесь изображенные, — не предмет охоты, а символы благополучия, скорее всего эмблемы солярного культа. Это участники ритуала, к которым, быть может, обращены эти культовые танцы. Так надо понимать роль козлов в наскальных изображениях Тянь-шаня и прилегающих районов — как культово-магических посредников между человеком и солнцем.

На СВ Азии в этой функции выступает изображение оленя и лося, в центральноазиатском круге тотемов от Монголии до Средней Азии главную роль играет изображение козла и архара. Это не столько тотемный, сколько солярно-космический образ, особенно четко раскрытый в одном из изображений в Саймалы-таш, где козлы шествуют среди изображе-

Рис. 88. Фергана, Араван. Наскальные изображения.

[1] На это уже обращал внимание М. Е. Массон. См. его: Экспедиция археологического надзора на строительство Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. КСИИМК, VI, стр. 53.

[2] М. Массон, ук. соч. Изображение опубликовано М. Массоном в газ. «Пионер Востока» (№ 91, 1939).

[1] Н. Г. Хлудов. Перевал «Саймалы-таш», на котором найдены камни с надписями. Протоколы ТКЛА, VII, Ташкент, 1902, стр. 40—42; Н. Пославский, там же, стр. 44—48 (по поводу заметки Н. Г. Хлудова); он же. Из поездки на Саймалы-таш. Протоколы ТКЛА, VIII, Ташкент, 1903, стр. 75—83.

[2] Материалы, собранные Б. Зимма во время поездки на перевалы Ферганского хребта летом 1946 г. Б. Зимма ознакомил меня с фотографиями, за что приношу ему свою глубокую благодарность. В 1950 г. мы лично обследовали богатейший комплекс наскальных изображений Саймалы-таш.

ний солнечных дисков. Очевидно, на Араванской скале и были изображены эти культовые сцены, связанные с почитанием солнца. Вспомним, что, по свидетельству Геродота, кочевники Средней Азии, массагеты, «чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное».[1]

Если у степняков наибыстрейшим животным считается лошадь, то всякому бывавшему в горах не приходится доказывать, что наибыстрейшими и самыми недоступными в горных условиях являются козлы и особенно архары, изображаемые повсеместно, в том числе и на Араванской скале.

Совершенно в иной технике и манере исполнены здесь и упомянутые две пары лошадей. Композиции повторяют друг друга. Размеры верхнего и нижнего изображения почти одинаковы. Жеребец верхней композиции имеет размер 1.10×1.05 м, кобылица — 0.52×0.61 м. На нижней плите размеры жеребца 1×0.70 м и кобылицы 0.50×0.50 м. Изображение лошадей крайне типично и стилистически весьма индивидуально. Маленькая, сухая голова посажена на плавно изогнутую, «лебединую» шею. Тело поджарое, ноги сухие, нервные, утончающиеся книзу. Круп сильный, все тело напряжено, что подчеркивается и положением хвоста, слегка приподнятого и отставленного от круна. Напряженность, явно ощущающаяся во всем внешнем виде, связана не только с предкойтусным состоянием пары; она чувствуется и в изображении кобылицы, нарисованной в более спокойном состоянии. Это общая характеристика самой лошади, а не только ее состояния в определенный момент. Подтверждается такое заключение аналогиями. Характерные внешние черты мы можем найти в ряде иконографических материалов Центральной Азии от Шандуна до Хорезма. Напомню изображение лошадей на ноинулинских тканях[2] и в Шандунских барельефах II—I вв. до н. э., прекрасно изданных и описанных Э. Шаванном;[3] на деревянных дощечках из Хотана VI—VIII вв., в издании Стайна;[4] на щите с горы Муг, также VII—VIII вв.;[5] на монетах вплоть до VIII в. (хорезмийские всадники).[6] Этот тип лошади связан с кушанским кругом, он отличен от лошадей Монголии и Переднего Востока. Напомню изображения лошадей, например, на стеле Тайцзуна VII в. н. э.,[1] или скульптуру лошадей в многочисленных китайских статуэтках всадников Танского времени.[2]

Иные изображения переднеазиатских лошадей, проникших в Малую Азию[3] с хеттами и получивших затем широкое распространение в Европе. Быть может, только в ранних изображениях лошадей в античном искусстве замечаются экстерьеры, сходные с нашими изображениями;[4] но ко времени наших изображений, т. е. всего вероятнее к III—II вв. до н. э., на Переднем Востоке, не говоря уже о Европе, преобладает иная порода, более тяжелая.

Разбираемые изображения представляют собой, очевидно, местную породу лошадей, ферганскую, которая высоко ценилась на Востоке и прежде всего в Китае, но это была далеко не единственная порода лошадей, распространенная в этих областях.[5] Впрочем, этот вопрос выходит за пределы наших интересов в данной статье и может составить тему для самостоятельного исследования.

Сцены с изображением лошадей, так же как и предшествующий им по времени сюжет на верхней плите, — явно культового содержания. Они посвящены идее размножения лошадей, одним из центров разведения которых являлся, вероятно, окружающий район. Фергана в целом являлась местом разведения этой высоко ценной породы, первые сведения о которой нам сообщают китайцы. Сообщения эти широко известны, и нам остается их только напомнить. Китайцы отмечают, по сообщению Чжан Цяня, что в Давани «много шапьма, —

[1] Геродот. История, I, 215.

[2] К. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, табл. 39, 40.

[3] Ed. Chavannes. Mission Archéologique dans la Chine Septentrionale. Paris, 1909, табл., ч. I, см. табл. XIX, ср. также XXIV, XLI, XLIV и др.

[4] A. Stein. Ancient Khotan, т. II.

[5] А. Якубовский. Культура и искусство Средней Азии. Л., 1940, стр. 25, см. рис. на стр. 27.

[6] С. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ, 4(5), 1938. Ср.: КСИИМК, I.

[1] См., например, в своде: Osvald Sirén. La Sculpture de l'époque Han à l'époque Ming. Paris—Bruxelles, 1930.

[2] См.: Osvald Sirén. Chinese Sculpture from the fifth to the fourteenth Century. London, 1925.

[3] Ср. гипотезу: W. Leonardt. Hettiter und Amazonen. Leipzig, 1911. О ней см. в статье: А. Захаров. Хеттский вопрос. Новый Восток, № 1, стр. 251.

[4] См. последнюю монографию: S. D. Markman. The Horse in Greek Art. The Johns Hopkins University Studies in Archaeology, № 35, Baltimore, 1943. Ср., напр., рис. 25, 32 и другие.

[5] Укажу на одну из последних известных нам статей по этому вопросу: W. Eberhard. Çin kaynaklarina göre Orta Asyadaki at cinsleri ve beygir yetistirme hakkinda malûmat. Ülkü, Bir Tesrin, 1940, Iki Tesrin, 1940, Анкара («Сведения китайских источников относительно вида лошадей и выращивания их в Средней Азии»). На работы этого автора см. нашу рецензию в журнале «Вопросы Истории» (№ 7, 1946). Вторым центром разведения аналогичных даваньским породам лошадей был район Тохаристана и сопредельных областей: Гудо (Хутталь), Гэшими (Кашмир), Шини (Шугнан). Сюань Цзан отмечает область Тяньма в Шумане [ср.: Ed. Chavannes. Documents sur les Toukiue (Turcs) Occidentaux. СПб., 1903, стр. 196 и 276]. Однако в свете китайских источников эти центры более поздние (VI—VIII вв.), чем даваньские, что может свидетельствовать о распространении ферганской породы и ее разведении в других районах. Быть может, это связано с распространением в этих районах тюрок.

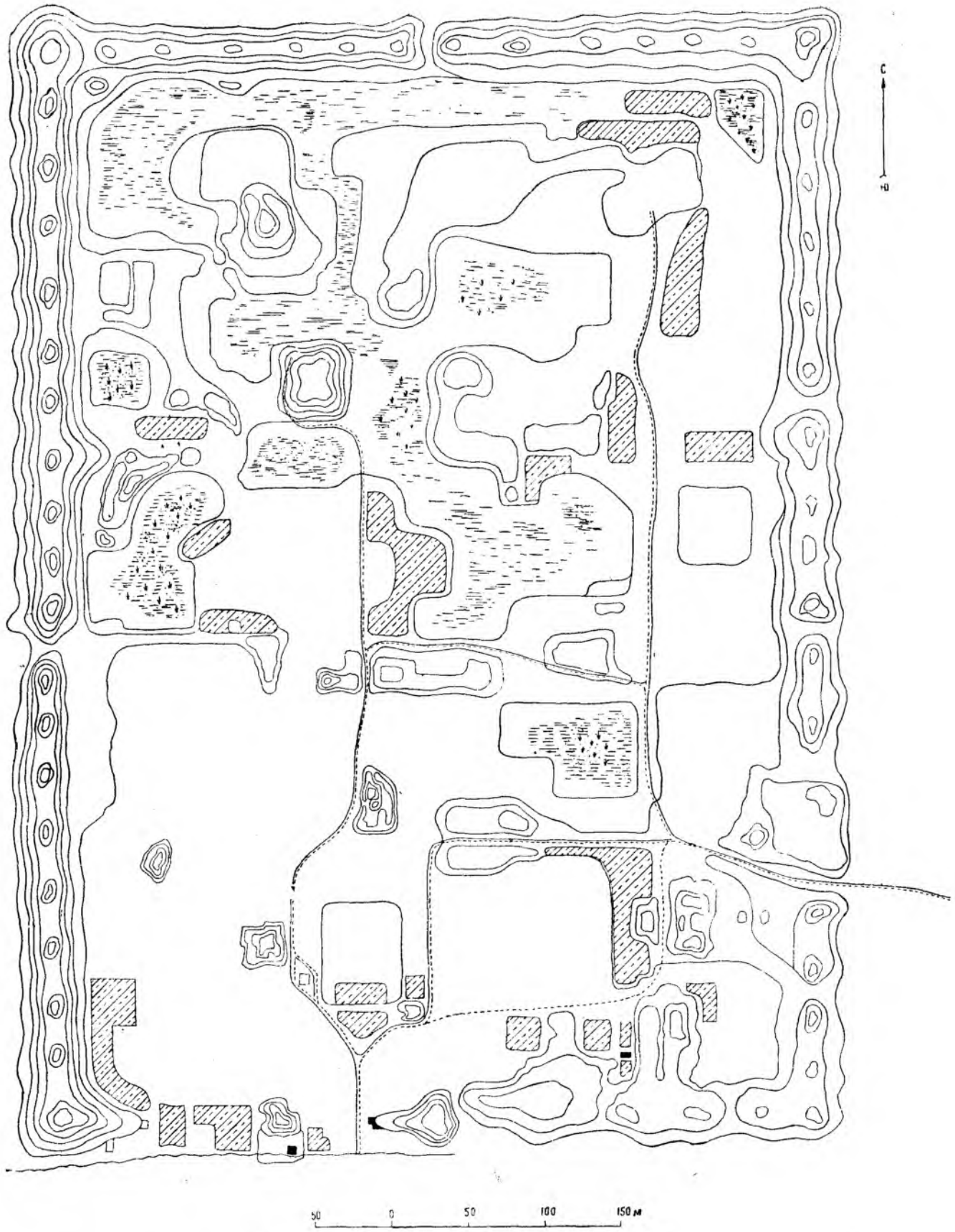


Рис. 89. Фергана, Мархаматское городище. План.

добрых лошадей (暴馬)». Они имеют кровавый пот и происходят от породы тяньма — «небесных лошадей (天馬)».[1]

В другом месте подчеркивается, что даваньцы разводят траву му-су, которую любят лошади Давани.[2] Трава му-су — это люцерна, и она была вывезена, как и виноград, в Китай.[3] Ханьшу не приводит новых деталей и лишь редактирует версию Шицзи.[4] Важно отметить, что комментатор Цяньханьшу по имени Мэнцзюй приводит любопытную легенду в качестве комментария. Текст следующий: «Во владении Таюань имеются высокие горы (*гаошань*). На этих горах имеются лошади, которых невозможно поймать. Выбирают пятишерстных [*у-сэ* 五色, т. е пестрых] кобылиц и пускают их к подошве гор для случки (с горными). От этих кобылиц родятся жеребята с кровавым потом. Поэтому (их) называют потомством небесных лошадей (天馬子)».[5]

Приведенный комментарий Мэнцзюя исключительно интересен в свете изображений на Араванской скале. Совершенно очевидно, что место для нанесения культового рисунка, воспроизводящего идею размножения лошадей ферганской породы, выбрано не случайно. Рисунок нанесен на скалу, издавна обожествляемую, на которой уже были изображены архары и теке.

Здесь солярный культ, восходящий к сакскому периоду, оказался тесно переплетенным с культово-магическим рисунком более поздней, очевидно, раннекушанской поры Давани. Известно, как тесно переплетен солярный культ, культ солнца — силы, определяющей всю жизнь человека и его окружения, — с культово-магической ролью изображения солнца и его символами. Этот культ был знаком и художникам, нарисовавшим эти две пары лошадей, несомненно сочетавшим сюжет своего рисунка с бытующим почитанием горных владык — архаров, важнейших компонентов солярного культа.

Характерно, что эта преемственность сохранилась и в мусульманский период.

Изображения, которые мы анализировали были почитаемы и мусульманами. Родник, вытекавший у подножия скалы, также почитался окружающим населением. Здесь был выстроен мавзолей, ныне разобранный до основания. У подножия скалы мы обнаружили фрагменты керамики от времени Давань до XIX в., а все кусты и поныне увешаны лоскутками материи. Почитание мусульманами этого урочища отмечалось в литературе. «В селении Араване, в 25 верстах от г. Оша, есть скала, на которой нарисована лошадь с жеребенком, под скалой ключ и мозарька Дульдуль-ата. По легенде, в этом месте Алий привязал свою лошадь, когда отправлялся на битву с дивом-сафит (белый див), жившим в пещере, находящейся также близ Аравана, называемой Чиль-устун (40 столбов)».[1]

Из сказанного следует, что Араванские наскальные изображения документируют интереснейший цикл религиозных представлений древних народов сако-кушанского времени, переосмысленных и мусульманской идеологией. Они документируют также одно из мест культа даваньской лошади и, быть может, один из важнейших центров ее разведения. Последнее заставило нас обратиться к более тщательному анализу китайских текстов, где имеются упоминания об этих лошадях. Анализ текста привел к совершенно неожиданным результатам. Он позволил прежде всего связать происхождение этих лошадей с городом Эрши — политическим центром древней Ферганы — и поставить вопрос о местоположении этого города. Мы не можем не привести анализ текста китайского источника — того же повествования о Давани, о городе Эрши.

Больше всего славился в Фергане своими лошадьми город Эрши. Текст Чжан Цяня прямо сообщает: «Сообщено было китайскому императору, что Да Юань имеют шаньма, находящиеся в городе Эрши (貳師城), но, скрывая, не дают их ханьскому китайскому послу».[2]

Китайский император (Вуди) направляет посольство Челина с богатыми подарками для приобретения лошадей, и именно из местности Эрши. В числе даров послы везут много серебра и золотого коня. Однако даваньские

---

[1] Шицзи, 123, л. 3а.

[2] Шицзи, 123, л. 14а.

[3] B. Laufer. Sino—Iranica. Chicago, 1919, стр. 208 и сл. Б. Лауфер возводит му-су к древнеиранскому buso, сарыкольскому wux — трава и связывает с тюркским burcak. Лауфер считает возможным связывать этот термин с тюркским термином, обозначающим сено из люцерны (bida, bedä), но последнее возводит (вслед за Томашеком) к персидскому beda.

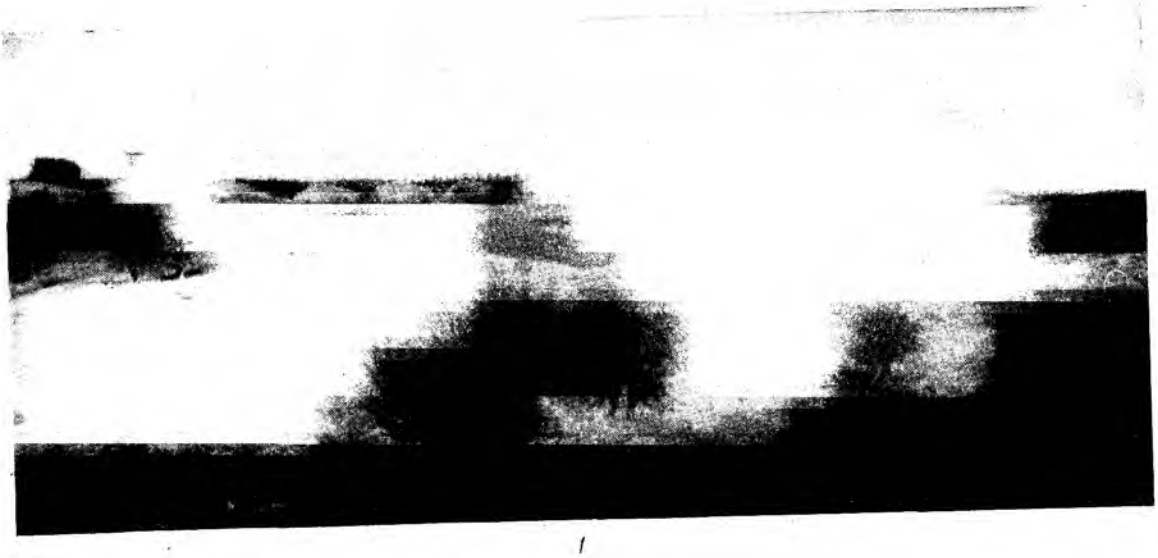
[4] Цяньханьшу, гл. 96а, л. 17б.

[5] Цяньханьшу, гл. 96а, л. 17б—18а. Ср. кит. текст: «*Мэнцзюй юе: янь Таюань го ю гаошань, ци шан ю ю ма бу кэдэ, иньцюй у-сэ мума чжи ци ся, юй цзи шэн цзюй цзе хань сюэ, инь, хаоюе тяньма цзы юнь*».

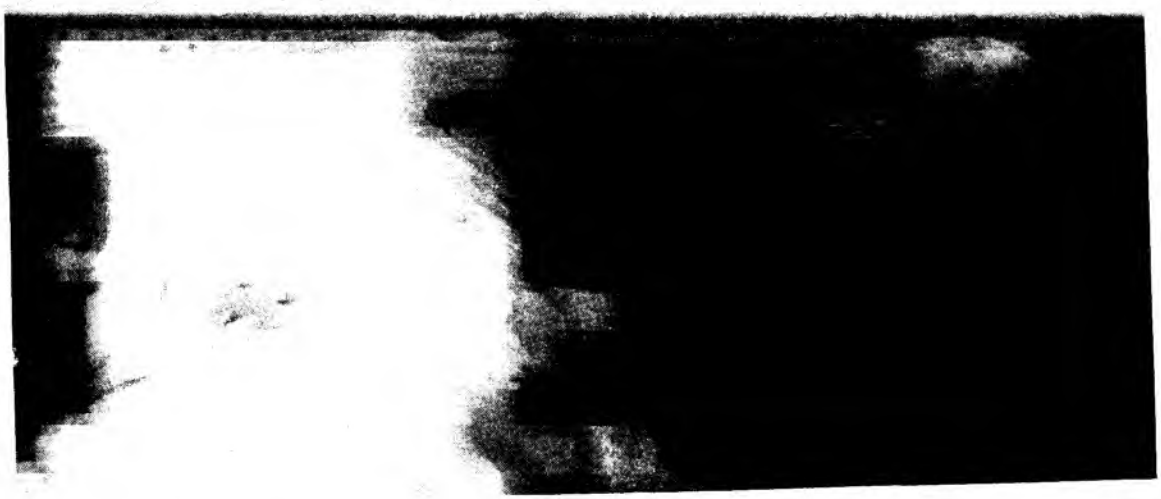
Сходная легенда приведена в Суйских анналах в отношении лошадей Тохаристана и повторена в Цзютаншу: «На севере есть гора Поли. На южной (стороне) пещера, внутри (которой) имеется божественный конь (шэньма). Жители пригоняют на пастбище (к горе) кобылиц, от которых рождаются жеребята, потеющие кровью» (*Бэй ю Поли шань. Ци ян сюэ, чжун ю шэнь ма. Гожэнь ю мупинь, юй цзэ шэн цзюй чже ханьсюэ*). Цзютаншу, гл. 210б, л. 5б.

[1] Д. Граменицкий. Заметка о древних урочищах Туркестанского Края. Протоколы ТКЛА, 1898, стр. 154; ср.: Турк. Ведомости, № 12, 1897. Характерно, что и поныне киргизы Тянь-шаня почитают архара. Рога его можно встретить во многих домах, с ним связывают свое происхождение ряд киргизских племен.

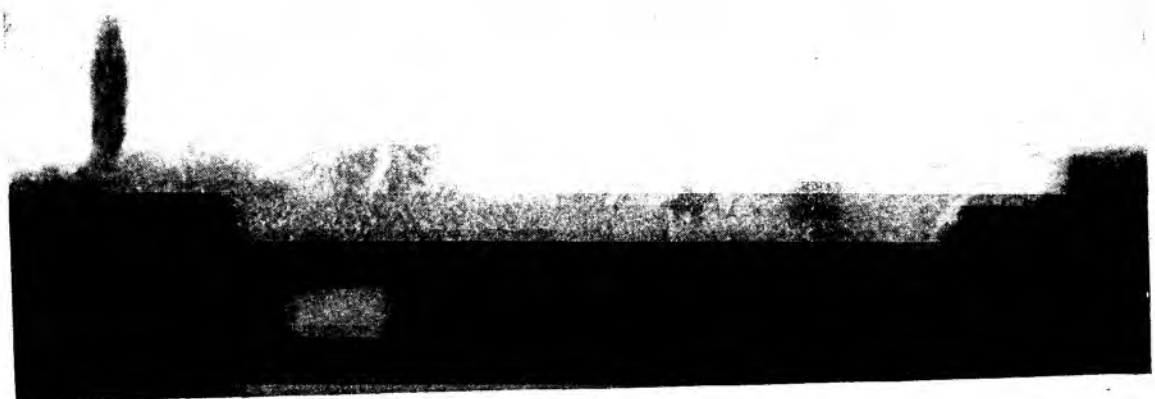
[2] Шицзи, 123, л. 14б.



1



2



3

Рис. 90. Фергана, Мархаматское городище. Общий вид.
1 — вид с запада; *2* — вид с юга; *3* — юго-западная башня.

старейшины после совещания отказались дать лошадей, надеясь, что китайская армия не сможет дойти до их мест. Эршинских лошадей они прямо называют «драгоценными лошадьми Давани (*Эрша ма Юань бао ма е*!)».[1] Китайский посол был вынужден уйти ни с чем, вызвав возмущение даваньских старейшин (*Юань гуй*) своим пренебрежительным к ним отношением. В связи с этим было приказано задержать его «на восточной границе в городе Ю (*дун цзи Ючен*)»[2] и убить. Это убийство было поводом к организации известных походов Лигуанли 104 и 99 гг. до н. э. Характерно, что целью похода объявлялось «дойти до города Эрши и взять там шаньма», а Лигуанли уже перед походом был объявлен эршиским полководцем (*Эрши цзян-цюнь*).[3]

Войска овладели городом Ю, т. е. крайним восточным городом Давани, но не дошли до центра Давани, т. е. очевидно Эрши (название которого в данном месте текста *ван-ду*— 王 都),[4] и повернули обратно, истратив на этот поход 2 года.

Во время второго похода Лигуанли не задерживается у города Ю и прямо подходит к Эрши, снова названному здесь не именем, а «титулом», отводит воду от города и осаждает его. После 40 дней осады ему удается разрушить внешнюю стену (*вай чэн*). Лигуанли берет часть даваньских старейшин в плен. Остальные заперлись в среднем городе (*чжун чэн*).[5] Не овладев средним городом, китайские военные руководители согласились на предложенные даваньцами условия, т. е. получили «несколько десятков шаньма, затем 3000 кобылиц среднего и низшего разбора».[6] Политические условия перемирия нас в данном случае не интересуют.

Приведенные данные весьма интересны с двух точек зрения. Во-первых, они дают возможность предполагать, что город (или местность с городом) Эрши был центром Давани и экономически славился особой породой лошадей, изображение которых мы видим на Араванской скале: во-вторых, — отождествить этот центр с конкретной местностью Ферганы.

Мы не можем не обратить внимания на совпадение китайской транскрипции политического центра Давани — Эрши с средневековым топонимом Урешт (ارشت . رشت), который Томашек локализует в Фергане около города Ош, сопоставляя местность Аришт ‖ Ришстан с аристеями Птолемея.[7] Сопоставления Томашека были приняты В. В. Бартольдом,[1] который указал, что Урест стоял на перегоне от Кувы до Ош на Ошской (?) реке. Несколько восточнее, между Ошем и Куршабом, помещал Урашт В. Минорский.[2]

Китайская транскрипция Эрши, — несомненно, вариант того же названия Урашт. С нашей точки зрения, он может быть локализован только в определенном месте, т. е. отождествлен с Мархаматскими развалинами на реке Араван, над которой и стоит скала с упомянутыми изображениями (рис. 89—90). Другого города, явно весьма крупного (как следует из описаний китайских источников), на пути между Кувой и Ошем нет, так же как нет такого города на перегоне Ош—Куршаб. Крепость Кургашин-тепе, стоящая между Ошем и Куршабом и обследованная нами в 1946г., значительно меньше Мархаматских руин и центром древней Давани быть не может.

Восполняя пропуск в работах 1946 г., мы обследовали городище Мархамат в 1947 г., которое нами сопоставляется с древним г. Эрши китайских источников.[3] Мархаматское городище, отвечая описаниям китайских источников с точки зрения историко-топографической, сохранилось лучше всего в своей центральной внутренней части — чжунчэн. Это прямоугольник, ориентированный сторонами по странам света, с мощными стенами, укрепленный жилыми и оборонительными башнями (18 по западной, 16 по восточной стороне, 12 по северной и 6 по южной, не считая угловых). Внутри городища — одиночные тепе в количестве 16; в основном же площадь городища свободна от построек. Входы в городище расположены по всем стенам, главные ворота ближе к ю.-з. башне. Такие городища обычно возникали среди пастушеско-скотоводческого населения и служили не только местообитанием для людей, но главным образом для загона скота во время военной опасности. Подъемный материал — раннекушанский. Имеются и предшественники кушанской керамики и раннего средневековья (рис. 91—92). Чрезвычайно любопытны двуступенчатые башни с узкими продольными комнатами (ширина до 2 м). Башни сложены из крупного квадратного кирпича античных размеров (40×40×10 см). Одна из башен (в ю.-з. углу) немного выше и напоминает цитадель, она предназначена для защиты ворот южной стены городища.

Размеры и укрепления Мархаматского городища, его план и местоположение, характерный подъемный материал, указывающий на расцвет города во II в. до н. э.—II в. н. э., утвердили наше предположение о принадлежности этих руин древнему Эрши — Рашту, аристеевскому

---

[1] Шицзи, 123, л. 15а.
[2] Шицзи, 123, л. 15б.
[3] Там же.
[4] Шицзи, 123, л. 16а, буквально «резиденция князя (правителя)».
[5] Шицзи, 123, л. 17а.
[6] Шицзи, 123, л. 17б.
[7] V. Thomaschek. Centralasiatische Studien I. Sogdiana. Wien, 1877, стр. 50.

[1] В. В. Бартольд. Туркестан, ч. II, стр. 155 и сл.
[2] Hudud al-Alam, стр. 115.
[3] А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. ВДИ, 1, 1949.

по происхождению, первому политическому центру античной Ферганы. Это предположение было целиком подтверждено раскопками в Эрши в 1950 г.

Мархаматские развалины величественны. Они имеют несколько рядов стен (большой протяженности), окружены различного времени тепе, в том числе и древними и кушанскими. В зоне Араванской долины расположены сакоусуньского времени курганы (например Тулейкенская группа по дороге Араван—Ош), а западнее Мархамата известен Кувинский

Рис. 91. Фергана. Типы даваньской керамики.

могильник даваньско-кушанского времени, открытый при строительстве Южноферганского канала.

Расчистка среза полуразрушенного тепе 11-го километра по дороге Ош—Кара-су дала наметки стратиграфии полусферических тепе без площадок, основу которых составляет слабый даваньский слой, затем следует мощный кушанский и весьма вялые очертания средневекового слоя. Раскопки подтвердили наши наблюдения 1946 г., основанные на принципе взаимной стратиграфии разновременных тепе, обследованных и типизированных по подъемному материалу.

Сакские комплексы из этого района обнаружены во время археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина. Само Мархаматское городище сохранило те основные конструктивные черты, которые позволяют видеть в нем упомянутые китайскими источниками черты: «внешнюю стену» и «внутренний город»; расположено оно на берегу реки, которая питала город, чего нельзя сказать ни об одном городище, в частности, о Кургашин-тепе на пути из Оша в Куршаб. Характерно, что город Ю, который мы уже в другом месте отождествили с Узгеном,[1] находится на востоке Давани, на ее границе.

Таким образом, мы приходим к выводу: развалины у сел. Мархамат, на берегу р. Ара-

Рис. 92. Фергана. Керамика Мархаматского городища.

1—4 — венчики сосудов без лощения; *5—7* — венчики сосудов с черным лощением; *8—13* — венчики сосудов с красным лощением.

ван, являются развалинами древнего города Эрши, средневекового Урешта, центра Ферганы в даваньский и кушанский периоды. Ввиду изложенного отпадает совершенно произвольное в литературе отождествление Эрши с Кокандом.[2]

[1] А. Н. Бернштам. Археологические контуры Тянь-шаня и Алая. Изв. КиргФАН, вып. 2—3, Фрунзе, 1946.

[2] Отождествление предложено Бичуриным. Позднее Эрши отождествляли с Кирополем и помещали около Ура-тюбе, город Ю — с «Антиохией в Скифии». См. по этому поводу: К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 12.

Но Эрши — не только «политический» центр древней Ферганы. Это центр разведения «добрых лошадей» — «шаньма», «драгоценных лошадей» — «баома»,[1] и как бы свидетельством этому являются наскальные изображения Айрымач-тау у сел. Араван, документирующие сведения китайских источников об экономическом значении Эрши.

3. ПОЗДНИЕ КУШАНЫ И ТЮРКИ В СЕВЕРНОЙ ФЕРГАНЕ

История династии Тан сообщает, что династия, правившая в Фергане (разбитая тюрками из конфедерации племен дулу в 649 г.), непрерывно царствовала с 479 г. Очевидно, речь идет о второй династии кушанов, которые после эфталитского разгрома в Средней Азии (не затронувшего ферганской окраины обширного кушанского государства) официально прекратили свое существование еще в III в., при Васудеве. Для поздних кушан мы не имеем ясно выраженных памятников материальной культуры. Только стационарные раскопки позволят нам точно разделить и типы поселений и керамику на разные хронологические группы (рис. 93). Но даже сейчас, в свете ранее собранных материалов и наших наблюдений, а также при учете скудных известий письменных источников, выступает возможность отделять поздних кушан от ранних (на грани IV—V вв.).

Мы склонны полагать, что к более позднему периоду относятся тепе на площадках, не с башней, определяющей жесткий профиль тепе, а с полусферической цитаделью — как результат разрушения многокомнатного помещения типа согдийских замков. Такие тепе в большом количестве встречены в различных местах Ферганы; их классическим образцом являются тепе Караван (Янги-Наукатского района), Шалтакские тепе, отмеченные еще в 1941 г., тепе в Караванском районе Джалал-абадской области. Они отличаются большими размерами (до 100 м в диаметре), расплывчатыми формами, напоминая тепе Ташкентского оазиса, и часто перерастают в маленькие городки в виде цитадели, стоящей на миниатюрном «шахристане», чему прекрасным примером являются сдвоенные тепе у селения Коштерек в Алабукинском районе Джалалабадской области, Кургашин-тепе у г. Ош и другие. Характерно, что такого типа тепе обычно тяготеют к равнинным районам, и чем ближе к ним расположены, тем больше по размерам, как, например, тепе в районе Уйчи и Яны-курган, упомянутая крепость Кургашин-тепе, Акбуринская крепость и т. д. В этих случаях они увеличиваются в объеме за счет того, что жизнь на них не прекращается и в мусульманский период. Классическое развитие этого типа поселения для домусульманского периода дает городище типа древнего Касана.

Керамика на тепе поздних кушанов, как уже отмечалось выше, — резко пониженного качества. Здесь уже нет тонкого черепка с тщательно залощеной поверхностью, исчезает и «глазурный» лак: толстый, грубый черепок с красным лощением, идущим полосами сверху вниз, сосуществует с семиреченско-согдийскими и раннекарлукскими вариантами керамики. Процесс этот особенно ясно прослеживается в северной Фергане. Если проникновение согдийской и раннекарлукской керамики объясняется известными нам историческими фактами из области историко-политических и этно-культурных связей Ферганы и Семиречья, то ухудшение местной керамики объяснить этими явлениями нельзя. Мы полагаем, что упадок в керамическом производстве техники лощения, тем более лака, связан был с изобретением нового технического приема отделки посуды — поташной поливы. Поташная полива с успехом вытеснила лощение, ибо она не только обладала практическими свойствами лака и лощения — уменьшала гигроскопичность керамического сосуда, — но и увеличивала возможности чисто художественного порядка. С другой стороны, для нас несомненно, что лак не местного происхождения, а является импортом из Рима и продолжает здесь развитие чернолаковой, тусклой эллинистической посуды, возводимой нами к македонскому завоеванию. Этот технический прием потому закрепился в Фергане наиболее стойко, что он совпал с местной традицией, идущей от анауских приемов раскраски сосудов и продолжающейся до развитого средневековья. Как правило, ферганская керамика в целом весьма строга, скупа в орнаментике, особенно рельефной (резьба, штамп, налеп). Универсальными приемами являются: раскраска, сплошная окраска, лощение и лак, изредка дополняемые в домусульманский период процарапыванием и резьбой. Лишь в мусульманский период, особенно в караханидский, возникают приемы, общие для мусульманской керамики в целом. Характерные черты домусульманской керамики в Фергане — округлые формы, без резких выступов, нависающих венчиков, выступающих носиков и ручек, — округлые формы, идущие от излюбленных форм кочевников; монохромность — желтый, черный и главным образом красный цвет (лощение или лак); преобладание в орнаменте (в тех редких случаях, когда он появляется) росписи над резьбой; криволинейный и геометризированный растительный орнамент. Все вместе взятое составляет типические черты ферганской керамики домусульманской эпохи,

[1] Мы сознательно не употребляем принятый в литературе термин «аргамак» (Бичурин, Массон), так как китайцам позднее этот термин был известен и они его транскрибировали «а-лу-гу-ма» (см. уйгурско-китайский словарь в труде: J. Klaproth. Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren. 1812).

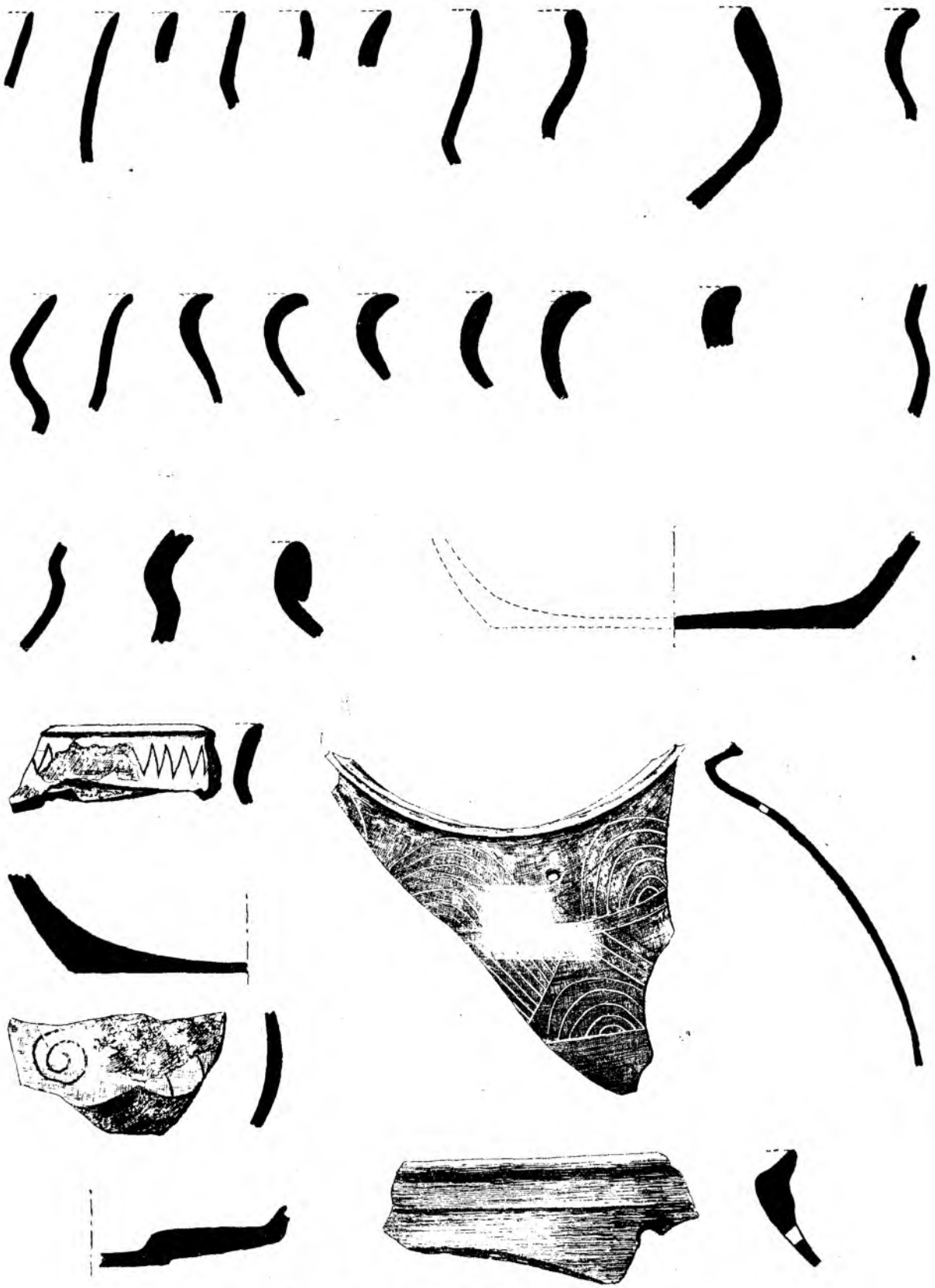


Рис. 93. Фергана. Кушанская керамика.

ее индивидуальность. Наиболее близкий путь развития керамики этого типа можно отметить в Хорезме, от росписи Кельтеминарских сосудов до позднеафригидской керамики, что исключено для Согда.

Как уже было сказано, в Северной Фергане

мы встретились с явлениями, идущими из северного Семиречья, из долин Таласа и Чу.

Прежде всего это сказалось в характере подъемного материала на поселениях, расположенных в предгорьях Чаткала, например в комплексе бассейна Патша-ата-су, городищах Кош-терек, Ак-курган и в других. Толстый черепок с крупномасштабным орнаментом, исполненным тупым стэком, вероятно деревянным, варианты волнистых линий, сделанные тонким резцом, орнамент в виде жгута с отжимами пальцами, налепы, витые ручки, уплощенные ручки кувшинов и котлов, — все это приближается к тому кругу керамики, который мы знаем по Таласу и Чу. Наряду с этим встречаются поселения и керамика явно тяньшаньского происхождения. Отметим, что Кошгерекское городище у Янги-шаара (Алабукинский район) — наиболее типичный образец культуры древней Хайламы на склонах Чаткала.

Еще одна особенность Северной Ферганы — наличие здесь могильников тюркского типа, наиболее характерным из которых является могильник у горы Унгар в Караванском районе. Этот могильник состоит из миниатюрных курганов с каменной насыпью (диаметр 2—3 м при высоте до 10—12 см), бессистемно расположенных на склонах горы Унгар. Подъемный материал из разрушенных могил дал позднекушанскую керамику с черепками согдийского и карлукского типа, достаточно характерную для датировки могильника VI—VIII вв. н. э.

Эти явления, говорящие о связи Ферганы с Семиречьем, объясняются свидетельствами письменных китайских и тюркских источников.

Проникновение тюрок в Фергану имело место неоднократно. Еще при Тунябгу (в начале VII в.) тюрки проникают в Фергану. В 639 г. западнотюркский хан Хилиши спасается в Фергане. Через 20 лет, в 659 г., Фергана была завоевана тюрками, но сохраняла в течение некоторого времени двоевластие, т. е., наряду со ставленником тюркского кагана Ебочжи, жившего в городе Гесай (Касан), был и кушанский династ Аляошень в городе Хумынь (Кумыр, ср. тюркск. Таш-кумыр). Тюркское завоевание определило на несколько десятилетий ориентацию Ферганы на западнотюркский каганат. Так, в начале VIII в. Фергана, сопротивляясь китайской экспансии, опирается на тюргешского кагана Согэ. Однако с 10-х годов VIII в. изменяется характер взаимоотношений Ферганы с окружающими странами, в первую очередь с Китаем. Наступление арабов заставляет ряд государств перегруппировать силы, в том числе и Фергану, которая втягивается во все антиарабские коалиции, во всех случаях поддерживаемые Китаем. Но Фергана к этому времени меняет свое лицо: насколько мы знаем по скудным известиям письменных источников, — она, в основном, тюркская. Здесь не место вдаваться в подробности политической истории Ферганы и объяснять причины, побудившие ее выступать то в одном, то в другом военно-политическом блоке. Отметим только, что тюркское завоевание Ферганы в середине VII в. раз и навсегда обусловило ее отюречивание. Опираясь на «столичные» долины Таласа и, следовательно, Чаткала, тюрки смогли диктовать волю и всему Семиречью, и Ташкенту, и Фергане. Все эти области издавна были сродни кочевникам. Не случайно еще китайцы отмечали, что Фергана — страна усуней, что здесь, наряду с земледелием, разводят лошадей и баранов. Такой же буферной страной была и страна Шаш. Тюрки с Талас — Чаткальских долин, опираясь на Фергану, западное Семиречье и Ташкентский оазис, сильно вдавались в земледельческие массивы Средней Азии, «висели» через Фергану над Осрушаной и Тохаристаном, через Ташкентский оазис — над Согдом, а опираясь на низовья Таласа, Арысь и Чу (и фактически среднее течение Сыр-дарьи), — над Хорезмом. Фергана, в том числе и Северная, была ближайшим форпостом земледельческих оазисов Средней Азии, поэтому она всегда оставалась в поле зрения тюркских каганов и, наоборот, сложившиеся тюркские княжества Ферганы пытались, когда они чувствовали в себе достаточную силу, сбросить с себя талласских сюзеренов. Этим объясняется комбинация сил: ферганцы выступают в 715 г. против арабов, в 751 г. — против арабов и тибетцев или только против арабов, в 739 г. они же в союзе с Китаем выступают против Таласа, потеряв, правда, в этом союзе свою независимость, ибо китайцам дважды (до 757 г.) удается включить Фергану в состав своих префектур.

Однако Китай не может утвердить в Фергане свое органическое культурное влияние. Префектура имела весьма эфемерный характер, а культурные связи народов Ферганы и Семиречья оказались более сильными и выразились особенно ярко в североферганских памятниках, что было отмечено выше. Очень ясно эта связь ферганского населения с тюрками прослежена при обследовании и раскопках Касана.

4. ГУЙШАНЬ-ГЕСАЙ — КУШАНСКИЙ КАСАН

Исследование истории Средней Азии кушанского периода — дело будущего. Но оно уже намечается рядом исследований на отдельных территориях Средней Азии; следы этого периода, в частности его культуры, остались в ряде памятников. Кушанская империя строилась на базе, по существу, отдельных цивилизаций, временно объединенных в результате политического единства империи, вскоре распавшейся на ряд отдельных самостоятельных полуварварских государств, — «Кушаний». Одной из таких «Кушаний» — «Кушанией Ферганской» — и был интересующий нас район, т. е. Фергана. Она

имела, по свидетельству китайцев, несколько названий: Давань, Полона, Бохань, Боханьна и, наконец, Нинюань. За исключением последнего, все эти названия были не чем иным как приближением к истинному названию страны — Паргона — Фергана, в то время как последнее было прозвищем, китайским «титулом» Ферганы, после принятия ею протектората в 739—742 гг. Нинюань означало буквально «далекие и тихие». Название это было дано в тот период, когда тюркский правитель Ферганы Арслан Таркан, заключивший союз с Китаем (дабы получить помощь в борьбе против таласского кагана Тухосяня), был награжден за покорность Китаю: не только получил помощь войсками, но в 744 г. ему была дана в жены китайская принцесса Хэ-и.

Подобно разным вариантам в названии страны, китайцы давали и разные наименования (фактически разные транскрипции) городу Кушан, центру Ферганы в кушано-тюркский период: то Гуйшань (эпоха Вэй), то безымянная столица Боханьна окружностью в 4 ли (Суй), то Гесай (Тан), во всех случаях — в бассейне р. Чженьчжу, т. е. Нарына, реки «Йенчу ӱгӱз» рунических текстов.

Этот город, по имени народа, населявшего страну, был известен не только в доисламский период, когда он был столицей, но и в X в. компилятору Абу ль Фида — еще как центр Ферганы (воспоминание явно о прошлом, ибо другие мусульманские авторы того же X в. видели в имени города скорей топоним, чем живой центр кушан). Не случайно, что в Цзютаншу, составленной в начале XI в., указано, что правитель Ферганы (Нинюани) живет не в Гуйшань (Гесай-Касан), а в Сигяне, который Шаванн весьма основательно отождествляет с древним Ахсыкетом.[1]

Название древнего города Касана явно восходит к этнониму «кушан», который, как мы постарались показать в другом месте, является тохарским дериватом этнонима «усунь».

Развалины этого города посещались неоднократно, но описание памятника нашло наиболее яркое отражение в трех отчетах: в отчете 1896 г. — Н. Щербина-Крамаренко, 1897 г. — Н. Брянова и 1900 г. — В. В. Бартольда. Первый писал: «Развалины древней Урды Мук имеют значение только в археологическом отношении; интересующихся, полагаю, ждет здесь богатый материал».[2] Резко противоположное мнение высказал Н. Брянов, специально уполномоченный для обследования развалин Касана Туркестанским кружком любителей археологии; он самоуверенно заявил: «... хотя нет сомнения, что как селение Касан, так и развалины укрепления Муг Курган являются памятниками глубокой старины, но они не представляют собою материала, который дал бы археологам данные к выяснению жизни в этой местности, когда Муг Курган представлял из себя жилое место. Если же такой материал и может там встретиться, где-либо скрытый под землей, то находки такие могут быть случайными, как это возможно в каждом исстари оседлом месте, но отнюдь не путем систематических раскопок, для ведения которых в Касане и его окрестностях нет никаких показателей».[1] И, наконец, наиболее ясное и авторитетное указание о Касане принадлежит В. Бартольду: «В конце VIII и в начале IX века Касан был столицей ферганских царей; исследование развалин, в особенности древней крепости Муг, поэтому представляло бы большой интерес».[2]

Мы посетили Касан через 50 лет после первого его обследования Щербина-Крамаренко, заинтересовавшись им на основании данных не столько письменных источников, сколько данных по археологии, начинающих приходить в ясность после четырех сезонов работы в Фергане, в свете которых эти развалины стали особенно ценными. Обильный выход подъемного материала на поверхность позволил составить общее представление о городище, не прибегая в первый год к раскопкам.

Касан представляет собой два ясно выраженных комплекса руин: город и «замок».

Город крайне мал (рис. 94). Периметр его стен 600 м. В плане это городище имеет вид трапеции. Южная стена (основание трапеции) имеет 160 м, западная и восточная — 180 м, северная — 80 м. Городище не совсем правильно ориентировано по странам света, — слегка повернуто углами. Стены ломаные, укрепленные по углам выступающими башенками. Ю.-з. угол занят цитаделью также неправильной трапециевидной формы; размеры стен цитадели (в том же порядке) — 90, 85, 20 и 30 м. Высота стен городища над восточным уровнем поверхности достигает 15 м, над южным — 30—40 м, так как здесь оно расположено вприпык к обрывистому берегу р. Касан-сая (рис. 95).

Вдоль северной и, частично (до половины), восточной стены идет дополнительная стена, создающая проход свыше 15 м шириной. Там, где кончается этот дополнительный вал (на средине восточной стены), стоит выступающая вперед башня. Вал явно построен для защиты входов в крепость, которых, по нашему мнению, было два: во-первых, ворота между башней восточной стены и с.-в. башней и, во-вторых, калитка в северной стене у с.-з. башни. Дополнительный вал сильно ограничивал количество наступающих в районе ворот и калитки и ставил их в весьма невыгодное положе-

[1] Ed. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. СПб., 1903, стр. 148.

[2] Н. Щербина-Крамаренко. По мусульманским святыням Средней Азии. Справочная книжка Самаркандской области, IV, отд. IV, стр. 49.

[1] Н. Брянов. О следах древнего города Касана в Ферганской области. Протоколы ТКЛА за 1898—1899 гг., стр. 146.

[2] В. Бартольд. Туркестан, II, стр. 163.

ние, обеспечивая несомненные преимущества защитникам города.

На городище четко выступает ряд архитектурных деталей — обрезы стен и башен по южной стене, причем на цитадели видны арочные конструкции, уходящие вглубь ее; галереи и фасы башен, сложенные из крупного сырцового кирпича. В основном стены сложены из сырцового кирпича; эту кладку мы, по некоторым данным, относим ко вторичной реконструкции стен крепости.

углом поворачивает на С и затем, пройдя 60 м на З, подходит к городищу, к той части восточной стены, где расположена башня. Таким образом, стены замка связывают его с городищем, причем уже план показывает, что замок моложе, чем городище.

Впрочем, это заключение вытекает не только из плана, но из техники и конструкции стен и из характера подъемного материала.

В городище культурные пласты необычайно мощные, они заполняют его до краев,

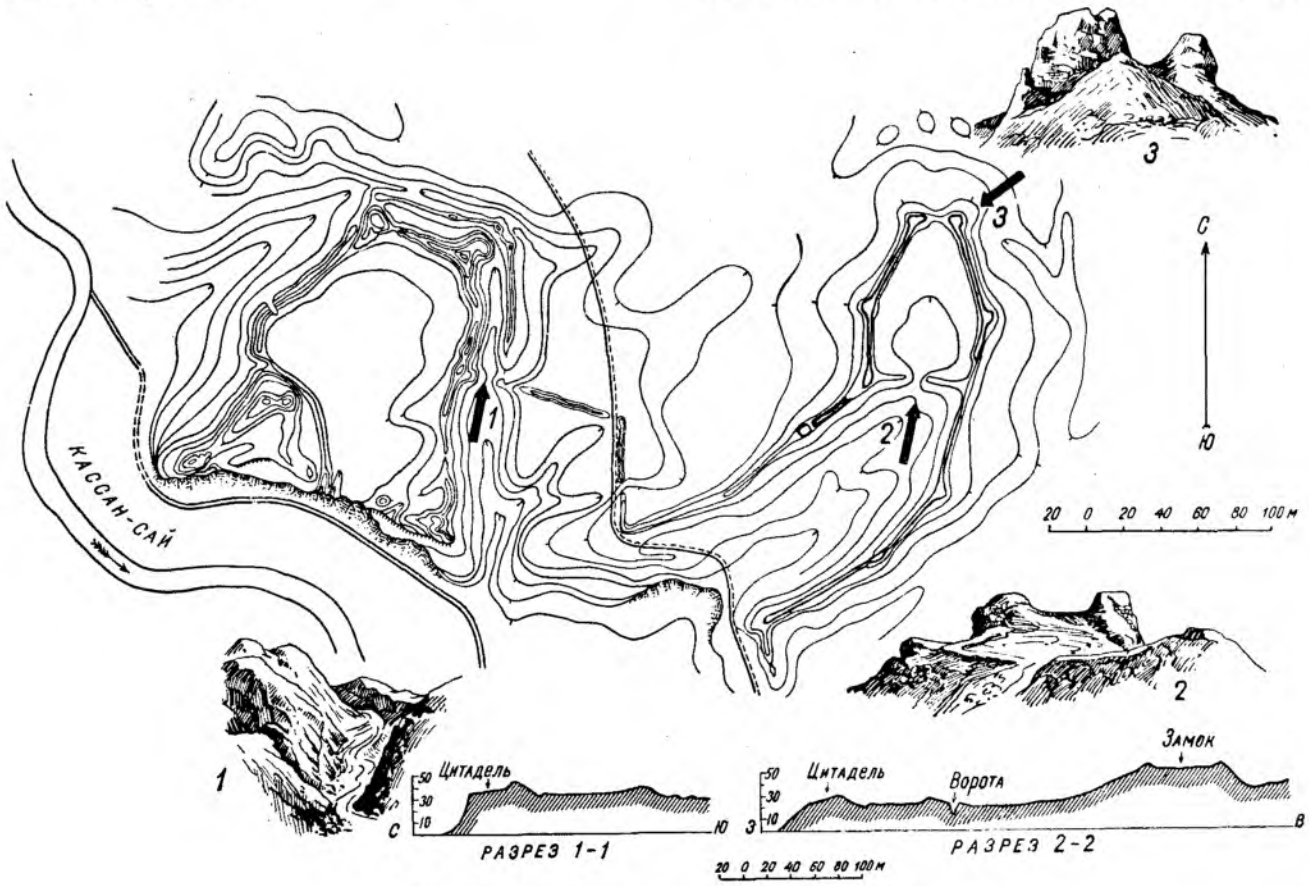


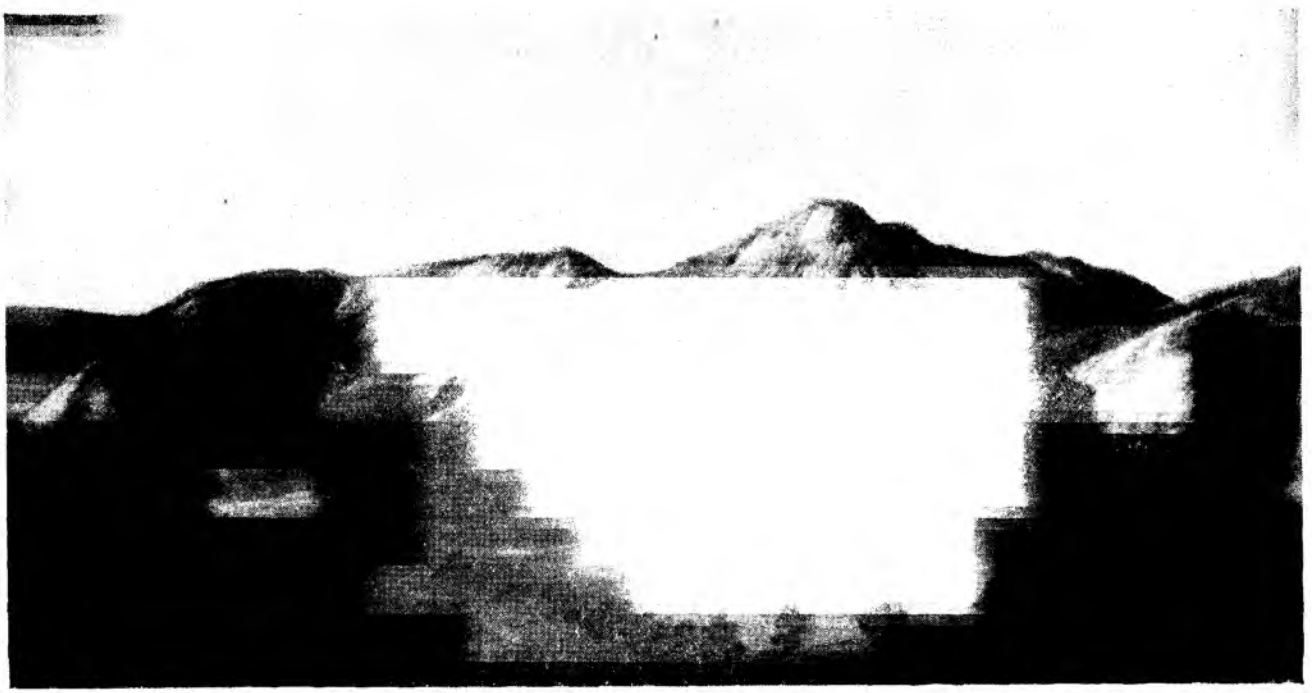
Рис. 94. Фергана, Касан. План и разрезы городища.

Непосредственно к городищу примыкает эффектно расположенный рядом на возвышенности (на 30 м выше уровня городища) «замок» со сложной конструкцией стен (рис. 96). Центральную часть замка составляет мощная ограда площадки наверху скалистого плато размером 90×70 м. Стены были укреплены шестью сильными башнями, из которых хорошо сохранились четыре. Ориентирована площадка по длинной оси — СЮ. От нее идут два ряда почти параллельных стен, спускающихся книзу, плавно изгибаясь на ЮЗ. Они окаймляют естественный пандус — склон скалы, по которому можно было подойти к верхней площадке. Окончание восточной стены теряется внизу, ибо она была срыта при прокладке дороги (Касан—Алабука). Западная же стена у основания скалы почти под прямым

и можно полагать, что толщина культурного слоя здесь не меньше 10 м. Датируются эти слои и подъемным материалом — от кушанского лака до поташной керамики, т. е. явно I—VIII вв. н. э. В кладке применяется крупный сырцовый продолговатый кирпич «позднеантичного» типа (50×25×10 см).

В отличие от городища, «замок» имеет в южной части площадки весьма маломощный и поздний по времени культурный слой — VI—VIII вв. Стены сложены из пахсы и кирпича,— прием, также свойственный кладкам этого времени. По своему общему облику строение напоминает крепости кочевых владык Тяньшаня (Ширдакбек, Кошой-курган); внутри оградки были, конечно, не фундаментальные постройки, а легкие шатры-кибитки этих кочевых владык (рис. 97).

1



2

Рис. 95. Фергана, Касан. Общий вид Муг-кала.

1 — вид с востока; 2 — вид с запада.

Уже эти данные позволяют полагать, что «замок» создан тюркскими завоевателями Ферганы. Они поставили замок на «командной точке», не только по отношению к Касану, но и к простирающейся ниже долине, к предместьям города, скрытым постройками современного Касана, к необозримым пространствам земледельческой Ферганы. К этому кочевому владыке, захватившему трон кушанского диваста, должны были взбираться по скалистому пандусу между двумя рядами стен подвластные ему вассалы. На стенках и на их башнях стояла стража, охраняющая кагана. Зрелище эффектное, прекрасно продуманное и стратегически, и с учетом эмоционального воздействия. Вот здесь и сидели тюркские владыки, в первое пятидесятилетие своей власти опиравшиеся как на источник своей силы на до-

Рис. 96. Фергана, Касан. Общий вид Муг-тепе.
1 — вид с запада; *2* — восточные башни.

лины Таласа и Чаткала, расположенные за их спиной. Здесь и сказался политический синкретизм тюрок и кушан, породивший культуру, объединившую позднекушанские элементы с согдийско-семиреченскими. Кстати, последние — согдийские — отражены не только в вещевых находках на городище, но и в многочисленных, поныне бытующих легендах о зороастрийцах в местности Кампыр, где выбрасывались трупы на съедение собакам; и поныне проходящий через эту местность правоверный мусульманин отплевывается при воспоминании об этих «язычниках»; наконец, память о них живет и в многочисленных топонимах местности, включая и описанные городища, где всегда наличествует термин «муг».

Общий периметр развалин древнего города, достигающий двух километров, точно отвечает показаниям анналов Суйской династии, определяющих периметр резиденции владетеля Ферганы (Бэхань) в 4 ли. Всего вероятнее, что этот город возникает как политический центр Ферганы только с первых веков н. э., ибо до этого таким центром был город Урешт—Эрши (Мархаматские развалины). Если учесть непрерывность династии кушан, город как политический центр жил с 479 г. (по другим источникам — династии Цзинь, т. е. с III в. н. э.). Если принять последнюю дату, то после Эрши, который был столицей во II в. до н. э., стал центром Кушан (в III—IX вв. н. э.). Его сменил в этой роли Ахсыкет (с IX по X в.), о чем уже свидетельствует Цзютаншу, а в XI—XIV вв. центр переместился в Узген, и лишь после этого центры восточной Ферганы уступили свое первенство западной Фергане, в частности Коканду.

Раскопки в Касане показали основные этапы его развития. Вещественный материал документировал прежде всего два основных периода его жизни, соответствующие двум важнейшим этапам истории Ферганы — кушанскому и кушано-тюркскому. Эти два этапа в какой-то степени и освещены раскопками 1948 г.

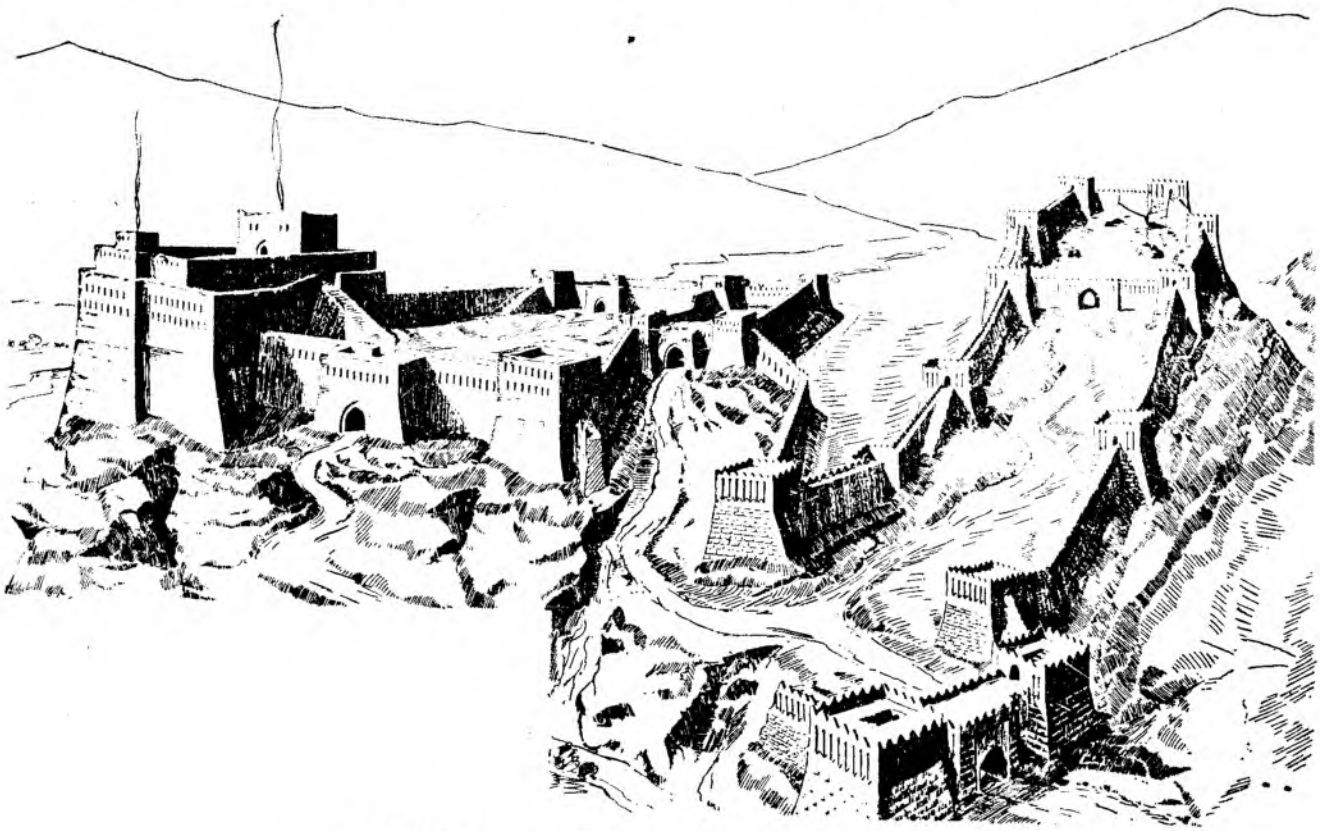


Рис. 97. Фергана, Касан. Реконструкция Муг-тепе.

В июле 1948 г., по приглашению Наманганского областного краеведческого музея, мы произвели раскопки на городище древнего Касана и совершили поездку для обследования древних поселений в западной части области, конкретно городища Ахсы (древнего Ахсыкета) на берегу Сыр-дарьи, на территории Шаханд-ского сельсовета, Тюря-Курганского района, а также обследовали городища Айртам, Мончак-тепе и Белед-тепе в Папском районе на территории колхоза Узгуруш.[1]

Предварительное описание Касана и его обследование было произведено нами, как мы

[1] Предварительная информация об этих работах напечатана нами в Наманганской областной газете «За коммунизм» от 10 августа 1948 г. (№ 158) («К итогам работы археологической экспедиции»).

выше писали, еще в 1946 г., когда был собран богатый подъемный материал и составлен участником экспедиции С. С. Сорокиным план городища. Изучение руин в 1946 г. убедило нас в том, что развалины, состоящие из двух ясно выраженных комплексов, носящих у местного населения названия Муг-тепе и Муг-кала, являются разновременными частями городища, построенными не позже VII в. н. э. После VIII в. на этом поселении значительного строительства не было. Эти наблюдения подтвердили наше предположение, что поселение тождественно древней столице Ферганы — Касану, который был оставлен жителями и захирел как крупный центр послеарабского завоевания Ферганы в первой половине VIII в.

Это мнение, уже высказанное в литературе, в частности В. В. Бартольдом,[1] подтверждалось и нашими наблюдениями и дополнительно аргументировалось данными топографии поселения. Так, в согласии с показаниями китайских источников, периметр города имеет 4 ли (китайское ли — 1/2 км), периметр руин — 2 км.

[1] В. В. Бартольд. Туркестан, II, стр. 163.

Раскопки, произведенные на Касане Брянновым, не дали никаких результатов, и к Касану как археологическому объекту не возвращался ни один исследователь, хотя его неоднократно посещали и уделяли ему и связанным с ним легендам немало внимания.[1]

Наша экспедиция 1948 г. поставила перед собой задачу вскрыть часть площади города, выяснить характер стратиграфии, т. е. проследить развитие поселения в разные эпохи, определить время его возникновения и упадка.

Исходя из предварительных данных разведки 1946 г., мы и организовали раскопки на городище древнего Касана в 1948 г. Всего было заложено 8 раскопов, впоследствии 4 из них — Ia и II, III и IIIa (рис. 98) — слились вместе. Раскоп I начинался на гребне северной стены цитадели в 8 м шириной и постепенно спускался вниз до основания цитадели, т. е. вскрыл в длину до 10 м площади.

Раскоп Ia с той же стены спускался к Ю, т. е. внутрь цитадели, и имел размер 4×4 м.

[1] Ср., напр., работы Веселовского, Брянова, Кастанье, Кон Винера, М. С. Андреева и др.

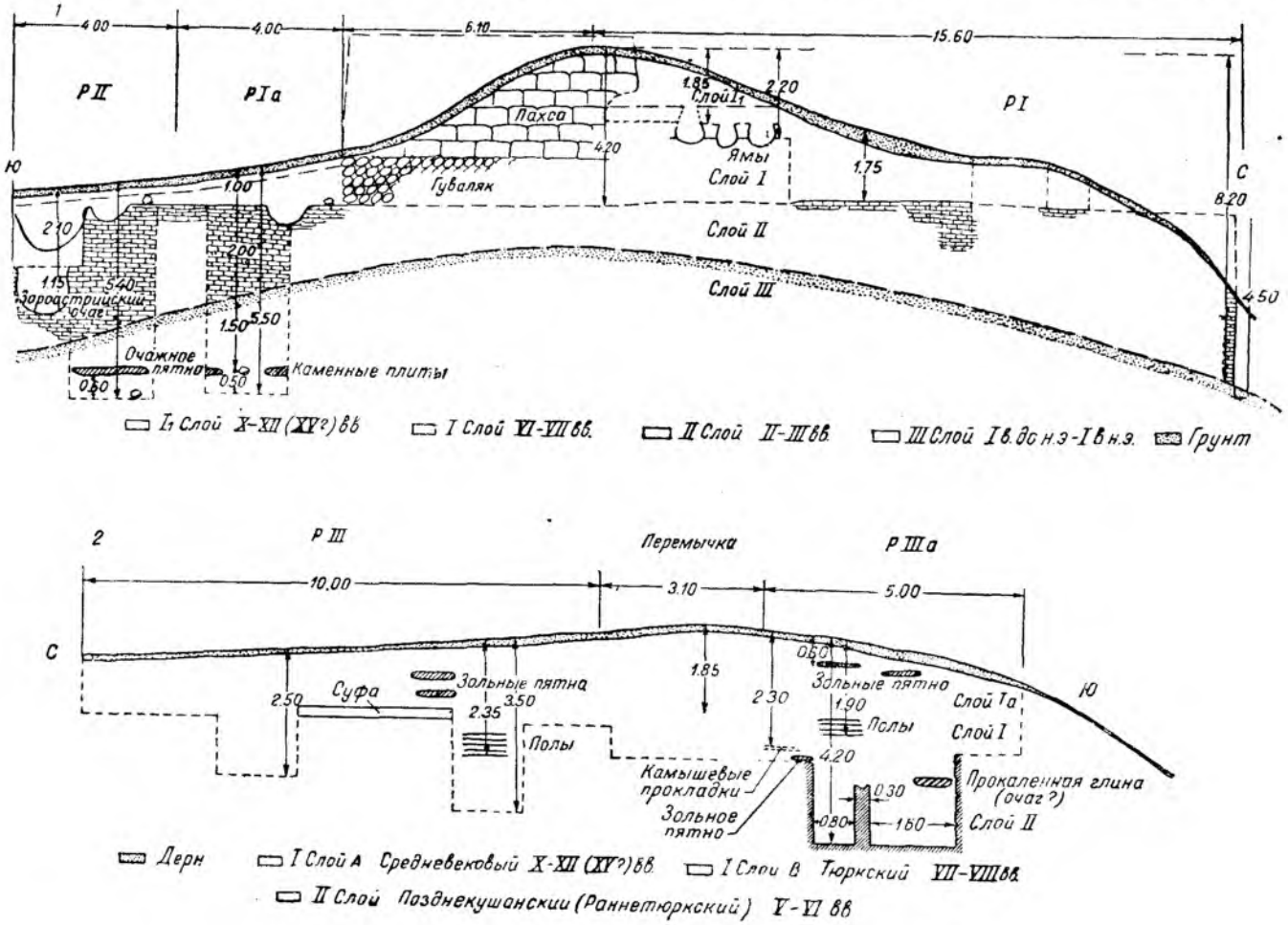


Рис. 98. Фергана, Касан. Аналитические разрезы раскопов.
1 — цитадель (раскоп I, Ia и II); *2* — шахристан (раскопки III и IIIa).

Раскоп II был поставлен на самой высокой «ступеньке» внутри цитадели и развивался к Ю, где он почти подошел к раскопу IIа, заложенному в самой нижней части цитадели у ее ю.-з. башни. Отмеченные раскопы дали полное представление о конструкции цитадели, времени ее возведения и запустения.

На шахристане вдоль восточной стены были поставлены раскопы III (с С на Ю) и IIIа (с З на В), впоследствии слившиеся в один общий раскоп площадью в 70 м². Кроме этого, были поставлены шурфы на ю.-в. башне Муг-тепе (размер 4×4 м) и на площадке в Муг-кала, размером также 4×4 м. Общая площадь раскопов достигала 300 м², а количество вынутой земли — 900 м³.

Раскопы I, Iа, II и IIа, развернутые на цитадели, в полной мере осветили ее конструктивные черты и показали развитие и разрушение этой важнейшей части города.

Итог этих наблюдений может быть изложен следующим образом.

На хорошо защищенном мысе, поднимающемся метров на 50 над Касаном, было небольшое поселение. Его следы были вскрыты двумя специальными шурфами в раскопе II, достигавшими 5 м от поверхности и находящимися в 9.5 м (9.26—9.36 м) от нивелировочной линии, верхняя точка которой была закреплена на гребне северной стены цитадели, поднимающейся над поверхностью шахристана почти на 6.50 м (6.33 м).

В этих двух шурфах на дне, под кирпичной кладкой раннекушанской эпохи, выступил относительно мягкий грунт со следами очагов и каменных плит, с грубой лепной керамикой, на которой особенно характерны вертикальные полосы по стенкам сосуда — следы промазки стенок сосуда пальцами. Этот тип керамики в виде крупных хумообразных сосудов, раскрашенных красной или черной краской, восходит к керамике второй половины (или последней четверти) I тысячелетия до н. э. и явно предшествует кушанской керамике, особенно если опираться на аналогии с Афросиабом (А. И. Тереножкин) или Хорезмом (С. П. Толстов). Поверх этого раннего поселения, используя выросший бугор как цоколь, была воздвигнута цитадель древнего Касана. Она была сложена из крупного сырцового кирпича размером 50×25×10 см и представляет собой кладку платформы, достигающую в некоторых местах 5 м толщины при наименьшей толщине в 2 м. В этой платформе как бы впущены помещения, причем одно из них частично вскрытое раскопками, имело явно культовое назначение. Так, в южной части раскопа II был открыт овальный в плане очаг размером 1.5×2.5 м с бортом из слегка обожженной до розового цвета глины. Внутри очага были обнаружены остатки дерева (арчи) и толстый слой белого пепла, свидетельствующего о культовом, а не хозяйственном назначении очага. Никаких следов хозяйственной жизни около этого очага не было обнаружено, в то время как ниже, в том слое, который мы именуем третьим, докушанским слоем, очажные пятна сопровождались обломками упомянутой выше кухонной керамики и костями домашних животных. Такое ритуальное кострище совпадает по своим конструктивным чертам и остаткам с очагами «домов огня» (алаухана), открытыми С. П. Толстовым в Хорезме, в частности в поселении Джанбас-кала.

Этот слой кирпичной кладки и культового очага датируется кушанской керамикой прекрасной выделки, красного лощения и раскраски по тонкому черепку, а главное фрагментами сосудов в виде бокалов на неустойчивой ножке, покрытых двусторонней красной краской (рис. 99). Этот слой (слой II), благодаря указанным находкам, может быть датирован не позже рубежа н. э., причем это дата строительства основного комплекса, но не упадка цитадели, который наступил, вероятно, в первых веках н. э.

Следующий этап жизни цитадели наступил после значительного перерыва. На заброшенной цитадели, используя ее как платформу, последующие строители, деятельность которых датируется не ранее V в., а всего вероятней VI в., воздвигли стену из сырцового кирпича, размер которого 32×24×12 см. Характерно содержание этого слоя: лепная, древняно-шамотная керамика, близкая к сферическим формам со слегка уплощенным дном, с налепным арочным орнаментом, исполненным полосками глины с насечками или «защипами» (рис. 100—101). Для этой керамики характерны горизонтальные сплошные ручки, вертикальные ручки с насечками елочкой, ямками, а также асимметричные в плане двуручные чаши. Этот тип сосудов и орнаментации находит себе явные параллели в тюркской и раннекарлукской керамике Шаша и Семиречья VI—VIII вв. Строительный период на цитадели, отмеченный этой керамикой, обозначен нами как слой I.

Строители VI—VIII вв., воздвигая на кушанской платформе свои здания, врезали хозяйственные ямы и очаги в толщу кушанской кирпичной кладки, что отмечено в раскопе II. По северной стороне стены цитадели отмечены хозяйственные ямы, проходящие в толще стен позднекушанского периода; они имеют вид цилиндра с диаметром до 0.80 м.

Этот строительный период был последним значительным этапом жизни цитадели. Более монументальных перестроек мы не наблюдали. Однако выше основных горизонтов I слоя были отмечены следы кладки гуваляка, хозяйственные ульевидные ямы и очаги в брошенной стене цитадели, на ее северном склоне. Этот пятнами прослеженный слой, отмеченный нами шифром Iа, содержал керамику, сделанную на гончарном круге, и поливу караханидо-тиму-

ридского времени, т. е. XI—XV вв. Как показали раскопки на остальной площади городища,

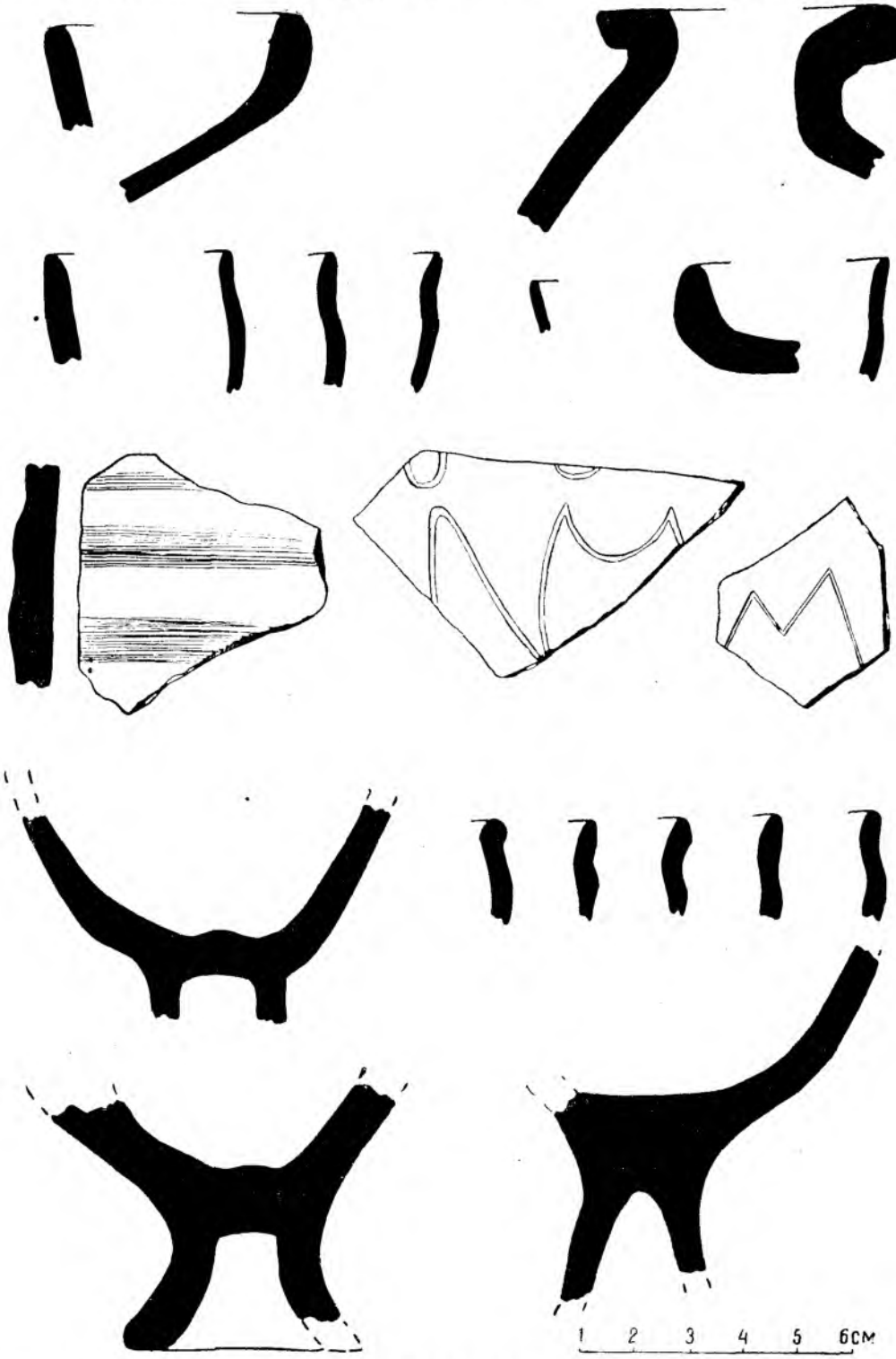


Рис. 99. Фергана, Касан. Кушанская керамика.

жизнь города в целом (а не только на цитадели) не была интенсивной.

Наблюдения на цитадели целиком подтвердились и при раскопках на шахристане (раскопы III и IIIа).

В шахристане в указанных раскопках на оказалось слоя III, обнаруженного на цитадели. Наиболее древним оказался слой II, т. е. кушанский, не отличающийся от кушанского слоя цитадели. Он представлен в виде построек с продолговатыми комнатами шириной по 2 м. Постройки имели айван, в кото-

ром была найдена часть деревянной древней колонны. Постройки сложены из пахсы размером 60×40 см, при толщине шва в 8—10 см.

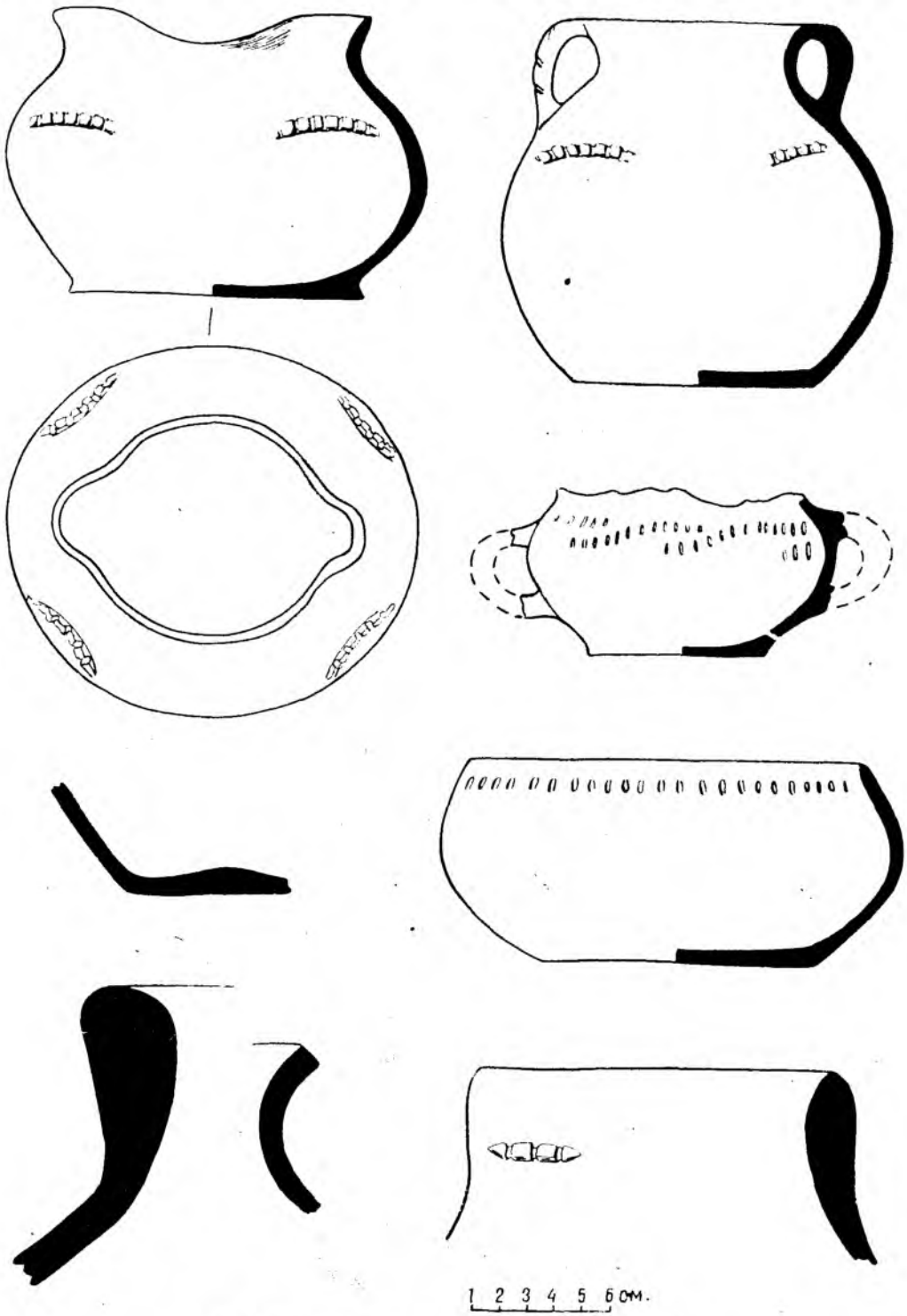
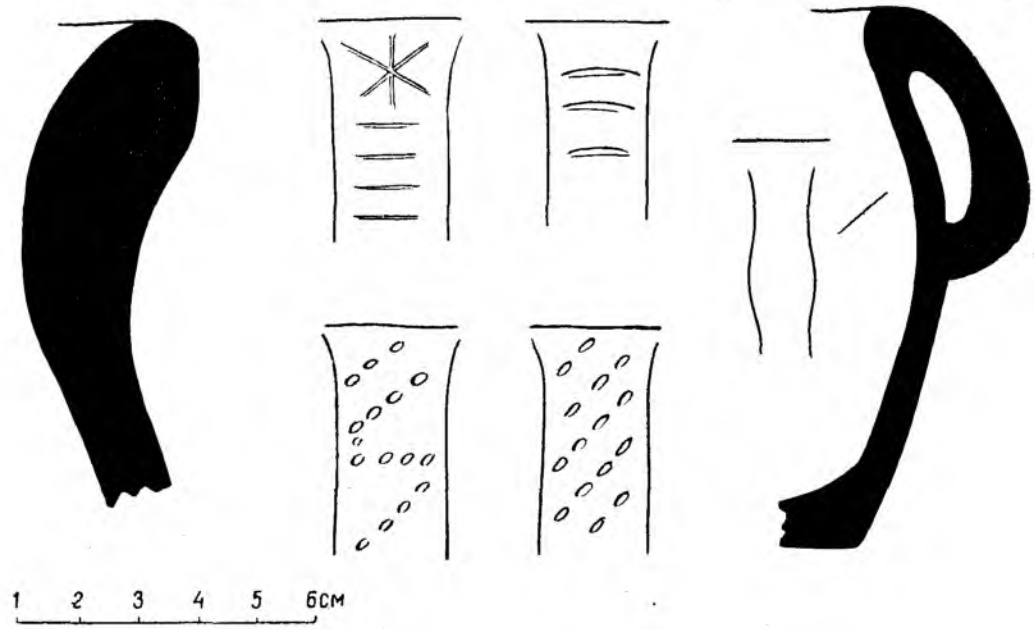


Рис. 100. Фергана, Касан. Тюркская керамика.

Преобладает керамика позднекушанская (толстый черепок с односторонней раскраской), сосуществующая с раннетюркской, шамотно-дресвяной. Этот наиболее ранний слой шахристана, отмеченный строительными сооружениями, датируется по указанным данным, всего вероятней, V—VI вв. (план помещений, пахсовая кладка, керамика). Он сильно разрушен более энергичным строительством тюркского времени. К тюркскому периоду — VII—VIII вв. — относится слой Iб, отложившийся в виде многослойных обмазанных полов, толщиной до 10 см, вперемежку с золь-

ными прослойками и очагами. На верхних горизонтах слоев с полами сохранились целые тюркские сосуды, свидетельствующие о том, что в VIII в. город был покинут жителями и, вероятно, надолго. Развалившиеся стены перекрыли помещения, в которых была оставлена домашняя утварь, а при последующем возрождении жизни на шахристане (строительство—слой Iа, относящееся к XI—XV вв.) возводились постройки на остатках строений VI—VIII вв., причем не были затронуты эти отложения. В отличие от этой стратиграфии, слой Iа повсеместно впущен в слой II, свидетельствуя тем самым о непрерывной жизни в V—VIII вв.



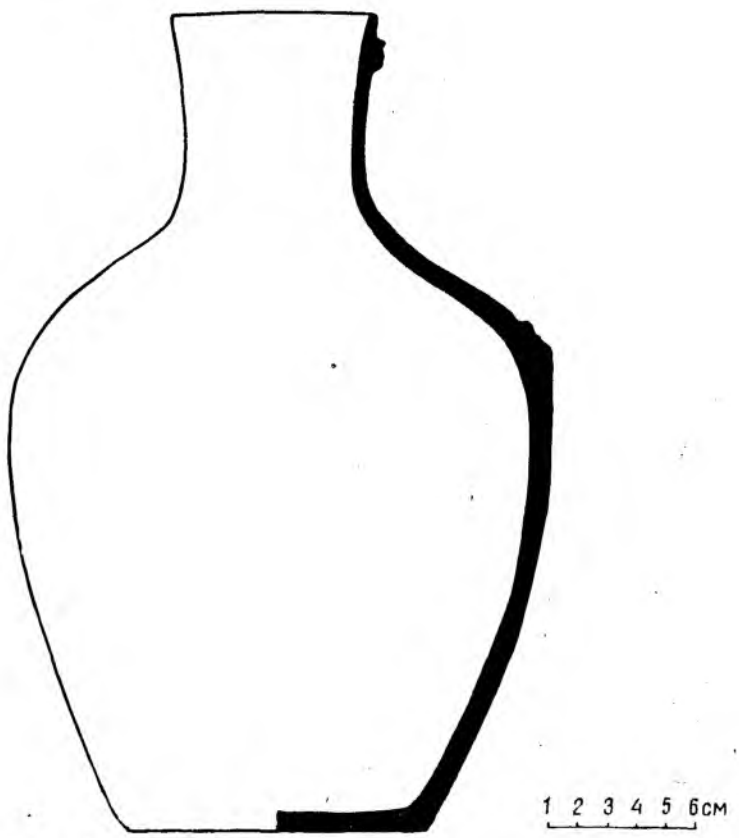


Рис. 101. Фергана, Касан. Тюркская керамика.

Для слоя Iа характерно употребление мелкого продолговатого сырцового кирпича, относительно широких прямоугольных построек, суфы в домах, тандыров, использование вращающихся жерновов, керамики лепной и станковой, причем лепная по всей орнаментации и технологии более выразительна.

Слой Iб отличается аморфностью, неясностью горизонта, «блуждающими» очагами, небольшой толщиной (0.40—0.60 м), керамикой станковой — неполивной и поливной. Все это говорит о том, что постройки этого времени — небольшие, случайные, часто забрасывались и существовали относительно недолго. Города в это время не было, и лишь отдельные постройки воздвигались на руинах древнего центра.

Шурф на ю.-в. угловой башне дал отложения VI—VIII вв., так же как шурф на Муг-кала. В последнем случае (Р I) был отмечен сырцовый кирпич размером 38×22×8 см, при толщине шва в 3—3.5 см, и керамика VI—VIII вв., в частности грубые лепные сосуды с глубоким резным орнаментом (кружки, насечки). Общая толщина слоя едва достигала метра (0.80), что также указывает на недолговременное заселение этого участка и отсутствие фундаментальных построек. За стенами «дворцового» укрепления стояли легкие шатры тюркских ханов или их наместников.

Такова общая характеристика результатов вскрытий на городище древнего Касана. В дополнение к этому на правом берегу р. Касансай были раскопаны 6 каменных курганов, из которых только в одном были вскрыты погребения: трупоположение под каменной насыпью в грунтовой яме на глубине 0.9 м. Один костяк лежал головой на С, лицом на В. Возле него оказались два тюркских лепных горшка — один целый (плоскодонный), второй такой же, но фрагментированный. Возле второго костяка были бусины: каменная граненая, в форме параллелепипеда, и продолговатая цилиндрическая из пасты.

В итоге вскрытий ясно выступает характер жизни Касана.

Возникнув на месте старого поселения второй половины I тысячелетия до н. э. (сл. III), Касан переживает два ясно выраженных этапа строительства: кушанский II в. до н. э. — I—II вв. н. э. (сл. II) и тюркский с V (?) и несомненно с VI в. н. э. до начала VIII в. н. э. (сл. I и Iб). После этого он был заброшен, и жизнь в нем отмечается лишь случайными и единичными постройками с XI в., местами вплоть до XV в. (сл. I_1 и Iа). Очевидно, что с X—XI вв. жизнь перешла на новое место, — туда, где находится современный районный центр Касан и где обнаруживаются следы средневековых поселений и кладбище (Саднир). В VI—VIII вв. территория Касана резко увеличивается за счет пристройки ставки тюркских владетелей (Муг-кала).

Ко времени расцвета, т. е. к кушанскому и тюркскому периодам, относится и периферия Касана — тюркское кладбище на правом берегу, многочисленные жилые дома в Алабукинском и Караванском районах, зарегистрированные нами еще в 1946 г. К этому же времени относится строительство каменной водозаборной плотины в каньоне Касана, выше урочища Ортотокой, которую мы осмотрели в 1948 г.

Упомянутая плотина, по нашему предположению, была рассчитана на подъем воды в Касане, чтобы ее могли забирать головы арыков, предназначенных для орошения правобережья Алабукинской долины. Плотина не была достроена, о чем ясно говорят не только остатки самой плотины, но и большое количество заготовленного, но не использованного камня. Остатки дамбы сохранились сейчас протяженностью метров на 50. Она была сложена из двух рядов крупных камней с забутовкой в центре. Местное население, киргизы, связывают ее строительство с каракитаями.

В чем же историческая роль Касана и почему он возник на этом месте?

Местонахождение Касана исключительно выгодное. Он расположен на границе между кочевой и оседлой частью Ферганы. Земледельческие районы Касана (к С от него по направлению к предгорьям Чаткальского хребта) образовались, по всей вероятности, благодаря его влиянию и защите. До подножья Касана простиралась культурная полоса Ферганы, прекрасно обозреваемая с его цитадели. Касан несомненно возник как военно-политический центр на границе кочевников и земледельцев, реализуя их союз на основе синтеза экономических и военно-политических условий. Этот союз в условиях Ферганы складывался, видимо, издавна. Об этом свидетельствуют усуньские культурные элементы в жизни Давани, об этом говорит само происхождение имени кушан.[1]

Название города Касан издавна сопоставлялось с этнополитическим термином «кушан». Топоним «кушан» известен в Янгикурганском районе Наманганской области. Местная (таджикская) этимология слова Касан (точнее «Касон») обозначает «люди». Название поселка «кушан» этимологизируется как название высокого качества посуды, которую производили в древности его жители. И в том и другом случае мы имеем дело с переосмыслениями этнического и политического термина, отмечающими 1) происхождение народа, 2) характерную черту их культуры.

Касан—Кушан — город-ставка, лагерь-крепость, возникший на рубеже н. э. в связи со становлением кушанской династии Ферганы.

[1] А. Бернштам. Древняя Фергана. КСИИМК, XXI; ВДИ, 4, 1948.

Это военно-политический центр, это «военная столица», а не центр культуры и экономики. Этим объясняется суровый облик города, строгость инвентаря, в этом его самобытность. Находки в Касане целиком и полностью отражают индивидуальность культуры Ферганы в целом, культуры явно возникающей и развивающейся согласно требованиям кочевников: строгость форм, монохромность росписи, скромность орнаментации на ранних образцах. Здесь, прежде всего, жили военачальники, а не купцы, — солдаты, а не ремесленники. Экономическая жизнь била ключом в других районах — внизу, ближе к берегам Сыр-дарьи. Это было типично для первых веков н. э., это повторилось в VI—VIII вв., когда характер господства кочевников усунь-кушанов как бы повторил тюркское завоевание Ферганы, с середины VI в. утвердившее свою, тюркскую, династию на смену павшей кушанской.

Раскопки отметили между двумя периодами расцвета явный период упадка — примерно III—V вв. Объяснение этого упадка мы находим в следующих обстоятельствах. Возникшее кушанское государство стремительно разрастается, включая в свои пределы (только в границах Средней Азии) области до Хорезма и вверх по Аму-дарье до Тохаристана. Центры перемещаются из Ферганы в другие области: Ферганский Гуйшуань уступает свою роль Зарафшанскому Гуйшуаню— Кушании Согда. О последнем говорится уже в источниках н. э., особенно в позднеханьских и вэйских источниках.

Падение кушанского государства в Среднеазиатском междуречье, в связи с активностью эфталитов, позволяет снова восстановиться ферганскому Касану, тем более, что его силы укрепляются новым военно-политическим блоком с тюрками. Касан под именем Гесай (так его называют Суйские и Танские китайские летописи) на время возрождается, — во-первых, до разрушения его арабами, во-вторых, до фактического падения патриархально-рабовладельческих отношений в Фергане. На смену городу, возникшему как римская Urbis или греческая erimata и сложившемуся в полис, появляется новый тип поселения, который в условиях феодальной экономики может иметь больше права на превращение в социально-экономический центр страны. К таким городам, выступившим на смену Касану, принадлежал и древний город Сигянь — средневековый Ахсыкет.

5. ДРЕВНИЙ СИГЯНЬ — СРЕДНЕВЕКОВЫЙ АХСЫКЕТ

В целях получения данных по более поздней истории Ферганы мы предприняли в том же 1948 г. разведку к берегам Сыр-дарьи для обследования древней средневековой столицы Ферганы — города Ахсыкета. Руины Ахсыкета у местного населения носят название «Иски-ахсы». Они расположены на правом берегу Сыр-дарьи в 30 км ниже Намангана у Гуль-кишлака, на территории сельсовета Шаханд. К СВ от Иски-ахсы расположен кишлак Базарбаш.

Городище Ахсыкета (цитадель, шахристан и первоначальный рабад) ориентировано сторонами по странам света с небольшим уклоном к З: 10—15° (рис. 102).

Цитадель находится в ю.-з. углу шахристана и достигает (относительно берега Сыр-дарьи) 30 м высоты. Как укрепление южной стороны использован высокий и обрывистый берег реки, со всех остальных сторон шахристан и рабад обнесены стеной.

Цитадель отделена от шахристана с С логом, с В глубокой промоиной. Она вытянута с З на В и имеет по верхней площадке размеры 50×12 м.

За промоиной от берега начинается восточная стена шахристана, которая тянется на С. По этой стене сохранилась одна прямоугольная башня (размер 20×20 м), выступающая на 10 м. Такая же прямоугольная башня по северной стене и одна круглая, сильно выступающая вперед (40×30 м), связывают северную (длина 280 м) и восточную (длина 280 м) стены шахристана. Вдоль всех стен тянется глубокий ров с повышенным внешним краем. По всей площади шахристана расположены примыкающие друг к другу бугры построек, на поверхности которых — разнообразная средневековая керамика, — так же, как и на цитадели, частично кушанского типа. Однако преобладает керамика более поздняя, начиная с тюркской (рис. 103), особенно многочисленна саманидо-караханидская.

За пределами стен шахристана начинается площадь древнего рабада (рабад I), окруженного стенами (восточная — 420 м, северная — 640 м). Характерной чертой этих стен являются прямоугольные башни, обращенные внутрь рабада. По буграм-постройкам много металлического и керамического шлака, ясно очерчивающего границы древних мастерских. Восточную линию стен рабада, шахристана и цитадели образует обрыв яра, отделяющий эту часть города от его мощного западного пригорода. Здесь на двух площадках между ярами I и II зафиксированы кушанского типа тепе, где с помощью шурфа был вскрыт кушанский слой и средневековые постройки, а в яре I — многочисленные остатки ремесленных кварталов с двумя ясно выраженными слоями: VI—VIII вв. и IX—XII вв. Яр, повидимому, углублен землетрясением 1720-х годов и последующим размывом, но до землетрясения здесь находились постройки. Эта площадь более позднего рабада, рабада II, была также обведена стеной, остатки которой ясно прослеживаются с С и идут на соеди-

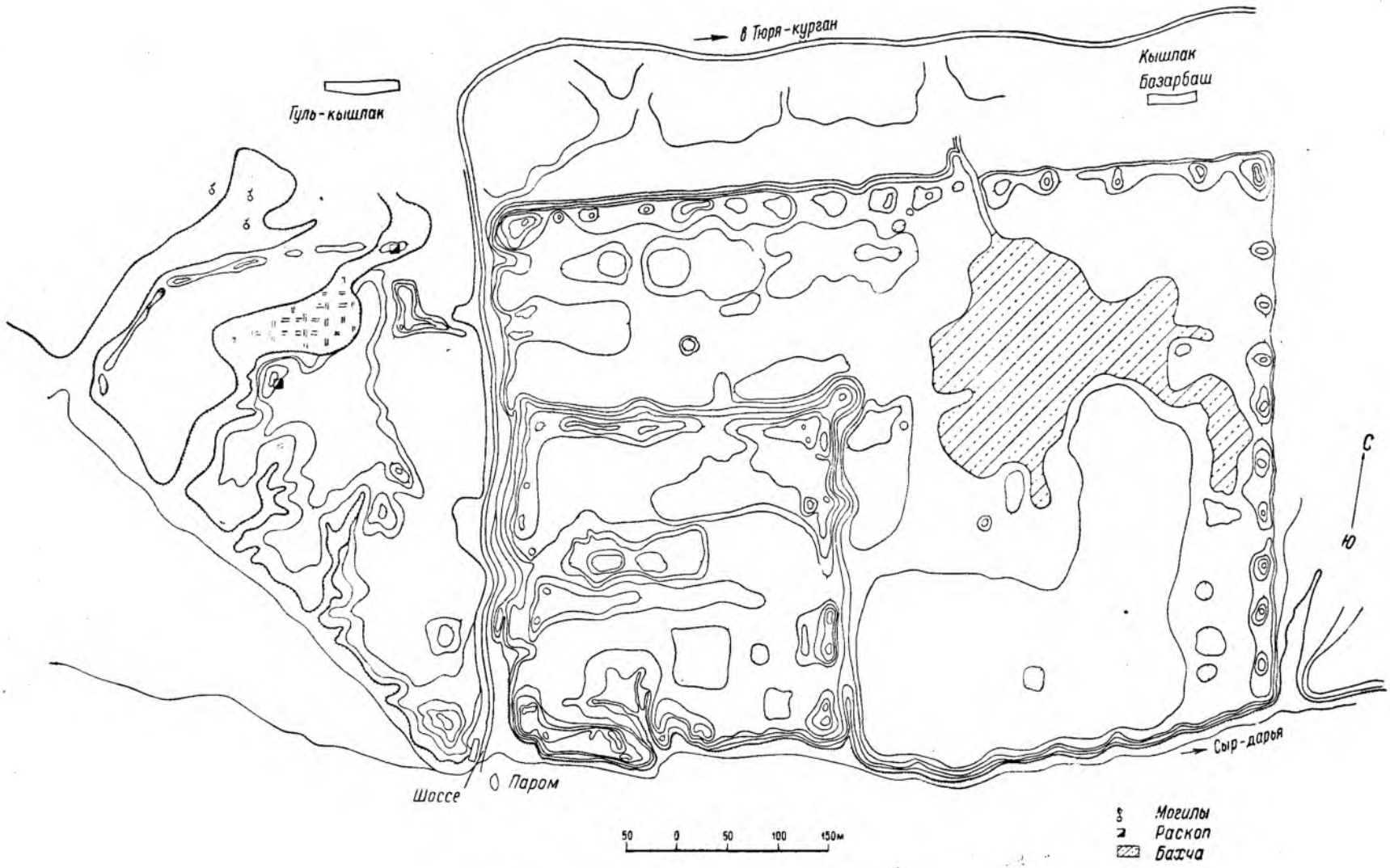


Рис. 102. Фергана, Ахсыкет. План городища.

нение с северной стеной рабада I. Площадь рабада II имеет размер 310×400 м. Далее к З, в зоне современного яра II (Угра-яр), на-

Рис. 103. Фергана, Ахсыкет. Керамика.

ходилось позднемусульманское кладбище XI—XII вв., которое тянулось до яра III (Тешик-яр). Могилы здесь выложены прямоугольным жженым кирпичом серого цвета размером 30×18×4 см. Некоторые могилы здесь

перерезаны ямами и перерыты очагами с караханидской керамикой (коричневая раскраска по светлому фону), свидетельствующей о том, что в основе своей кладбище относится к предшествующему, саманидскому времени.

В обоих рабадах наряду с древней и средневековой керамикой встречается поздняя тиму-

ридская (кашинный черепок с поливой кобальтового цвета).

Площадь Ахсыкета огромна. Если включать в площадь города все гуристаны (кладбища), то он тянется с В на З километра на три. Подъемный материал говорит о жизни человека на этих местах по крайней мере с кушанского времени, однако расцвет Ахсыкета восходит лишь к тюркскому и послетюркскому периодам.

Даже в условиях проведенной разведки стал ясен экономический облик Ахсыкета, благодаря большим площадям ремесленных кварталов. Это город в буквальном смысле этого слова: город торговый и ремесленный, о чем говорят находки монет и шлаков; город — административный центр, о чем свидетельствуют стены и мощная цитадель. Ахсыкет — столица Ферганы в IX—X вв. Он явно превзошел Касан уже в силу того, что был более разносторонним центром, чем Касан, и находился в том районе, где сосредоточивалась экономическая сила Ферганы, — на Сыр-дарье.

Упрочение централизованной власти, отличающее период саманидов, создало все государственные предпосылки для широкой эксплоатации водных ресурсов Сыр-дарьи — развития ирригационной системы. Государственная централизация обеспечивала также и стабилизацию караванных дорог, и развитие торговли.

Попутно отмечу, что ко времени расцвета Ахсыкета, особенно после IX в., относится вероятно цепь городищ, уходящих в сторону Чаткала, через Касан. Так, в 10 км за Ортотокоем нам известны средневековые поселения Курган-тепе, затем крепость Бузук-тепе, в 50 км по Касан-саю, на притоке Терек-су, крепость Зирк. Все эти крепости стоят по дороге к единственному проходимому зимой перевалу в Чаткальскую долину, известному с древних времен. Напомню, что в селении Янгибазар сохранился мавзолей в стиле караханидской архитектуры, а кушанские поселения были в большом количестве обследованы чаткальским отрядом нашей экспедиции 1949 г. (А. Кибиров) в низовьях Чаткала.

В этих новых условиях сходит на-нет роль Касана, находящегося на окраине Ферганы. Ахсыкет занимает центральное и более выгодное положение. Он «спорил» с Касаном еще в тюркский период. В повествовании о Нинюане (Фергана VII—VIII вв.) говорится, что «местопребывание владетеля в городе Сигянь (Ахсыкет), на северной стороне реки Чженьчжу» (Сыр-дарьи, букв. «Жемчужная река»).[1] Можно даже полагать, что Гесай (Касан), переименованный в область Хюсюнь, где сидел один из тюркских владетелей Ебочжи, уже фактически уступил место Сигяню—Ахсыкету. Этим объясняется широкая распространенность слоев тюркского времени, прослеженная нами и за пределами шахристана в рабаде II.

Для выяснения экономического облика района мы проехали западнее для осмотра развалин Айртам, первоначально обследованных научными сотрудниками Наманганского музея И. Маленковым и А. Шлезом.

В районе городища Айртам находятся фактически еще два поселения: Мончак-тепе и Белед-тепе. Это огромная площадь позднесредневековых развалин XI—XII вв., расположенных на территории не менее 10 км² на правом берегу Сыр-дарьи, делающей здесь излучину в северном направлении. Площадь этих неукрепленных поселений характеризуется обильным выходом керамических изделий, полуфабрикатов, шлаков, кузнечными горнами и т. п. Это огромный ремесленный центр, живший и развивавшийся под покровительством, вероятно, Ахсыкета.

Особенно привлекательна многочисленная керамика со штампованным рельефным орнаментом, близким к «мегарской» технике. Своеобразие самого этого центра и его керамики, столь резко отличной от привычных нам ферганских форм, дает все основания предполагать западное происхождение ремесленников, искусство которых нам прежде всего известно в Мавераннахре и северном Хоросане, но отнюдь не в Фергане и не на сопредельных территориях Семиречья или Шаша.[1] Ближайшие ремесленные центры этой керамики — Осрушана (находки на Фархадстрое). Северная Фергана, будучи в древности экономически менее развитой, чем южная, все же в течение тысячелетия держала в своих руках политическую власть. Свое господство она полностью основывала на военно-политическом союзе с кочевниками. Два этапа ясно различаются в свете археологических и письменных данных: во-первых, блок с усунями, определивший генезис Кушанского государства и города Касана, во-вторых, блок с тюрками, обеспечившими подъем Сигяня и превращение его в столицу. Во втором случае в этих условиях решающую роль сыграла развитая экономика Ахсыкета.

6. ГЕНЕЗИС СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОАЗИСОВ ФЕРГАНЫ

Вопросы, касающиеся специально средневековья, в том числе и вопросы топографии городов, не стояли в эти годы перед нашей экспедицией ввиду того, что обследование имело разведочный характер и проводилось главным образом в окраинных частях подгорной Ферганы. Но в ряде случаев мы не проходили и мимо этих вопросов.

Следует отметить, что процесс возникновения феодальных центров выступил перед нами

[1] И. Бичурин. Собрание сведений. . . , ч. III, стр. 251. О делении Ферганы на две части и нахождении в северной части тюрок говорит китайский автор VIII в. (текст 726 г.) Хой Чао. См. нашу статью в ВДИ, № 1, 1952.

[1] См.: Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.

особенно отчетливо при сопоставлении памятников доисламской эпохи с мусульманскими. Таким образом, исследуя группу тепе в Джилгин-сае (рис. 104а, 104б, 104в), мы выявили, что после ликвидации жизни в многочисленных тепе

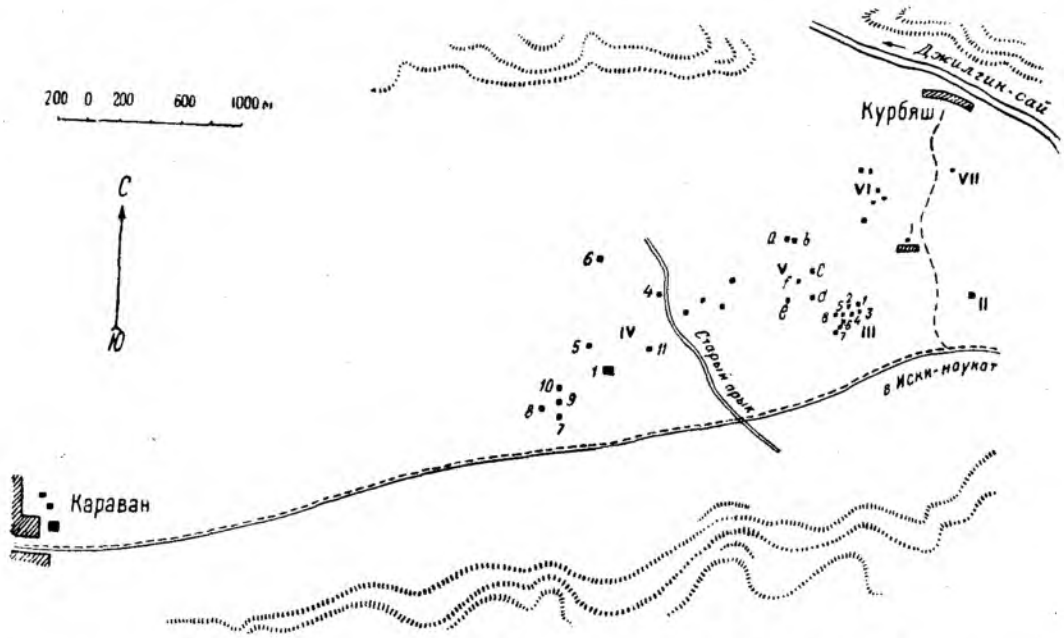


Рис. 104а. Фергана. Схема расположения тепе. Джилгин-сай.

скохозяйственной округой городов, а также играют роль крепости-форпоста, защищающего оазис феодального города. Когда заглохла жизнь в укрепленных домах Джилгин-сая, им на смену пришли неукрепленные селища феодаваньского и кушанского времени на смену приходят в сельскохозяйственных районах предгорья сильно укрепленные замки и крепости. Эти крепости функционируют в роли цитадели феодальных владык, возвышаются над сельдального времени и несколько в стороне вырос — быть может, на базе одного из таких кушано-тюркских замков — типично феодальный замок (Караван-тепе у центра Янги-Наукатского района). Политический же центр

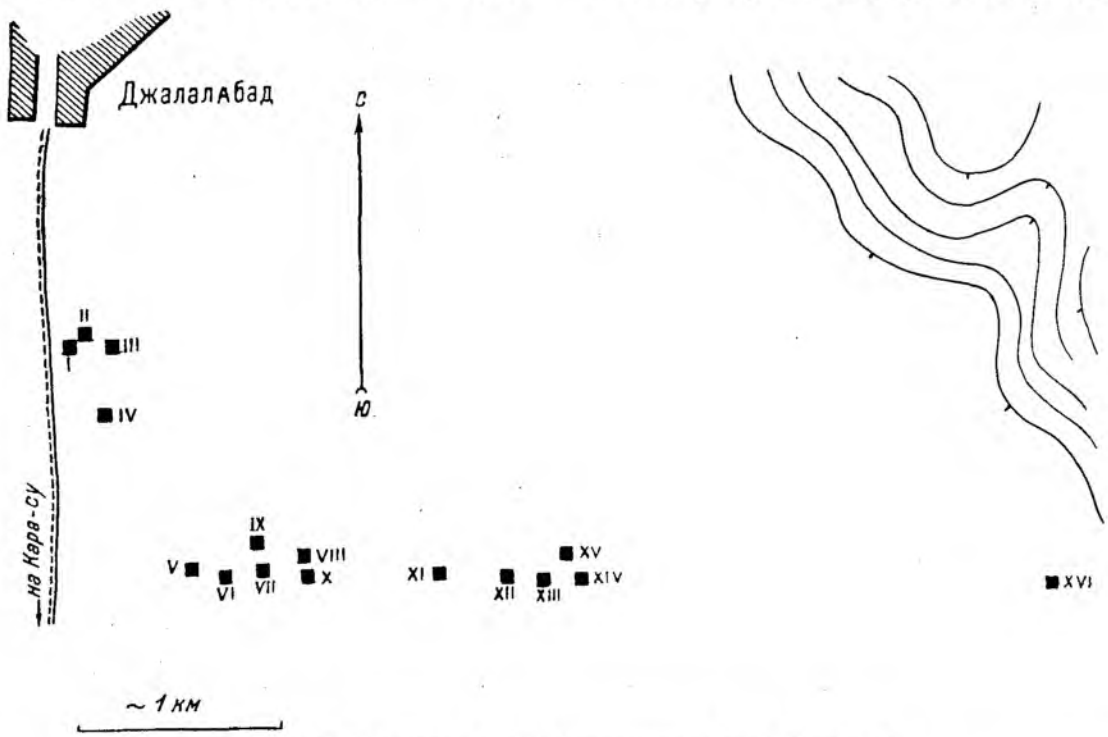


Рис. 104б. Фергана. Схема расположения тепе. Чука-тепе.

округи был перенесен в город Кува, расположенный в равнинной части Ферганы на трассе торгового пути с З на В.

Образованию города Ош предшествуют тепе такого же типа, даваньского и кушанского времени, обследованные экспедицией в 1946 г. С укреплением роли и значения города Ош эти поселения (расположенные к З от него по Наукатской дороге) отмирают. На смену им появляются крепости и замки, реконструирующие былые замки кушанского типа. К таковым относится крепость на Ак-буре, к ЮЗ от г. Ош, и крепость Кургашин-тепе (рис. 105) к В от него. Первая охраняла подступ к нему со стороны гор по ущелью Ак-бура и ведала его оросительной системой. Выход же из ущелья Талдык-су (перевал Чигирчик) охраняла стройная система укреплений — Шалтакская группа замков, продолжающих свою жизнь и в средние века, и город Медва. Эти замки шли на С от поселения Гульча (рис. 106), где в процессе наших раскопок выявлен слой, датируемый караханидским дирхемом.

С востока Ош оказывается защищенным мощной крепостью Кургашин-тепе, также обследованной раскопками экспедиции 1946 г., показавшими, что в средние века продолжалась жизнь городища, несомненно возникшего гораздо раньше.

Таким образом, к VIII—IX вв. наблюдается — за счет отмирания множества отдельных поселений — образование крупных феодальных центров, с развитой системой обороны

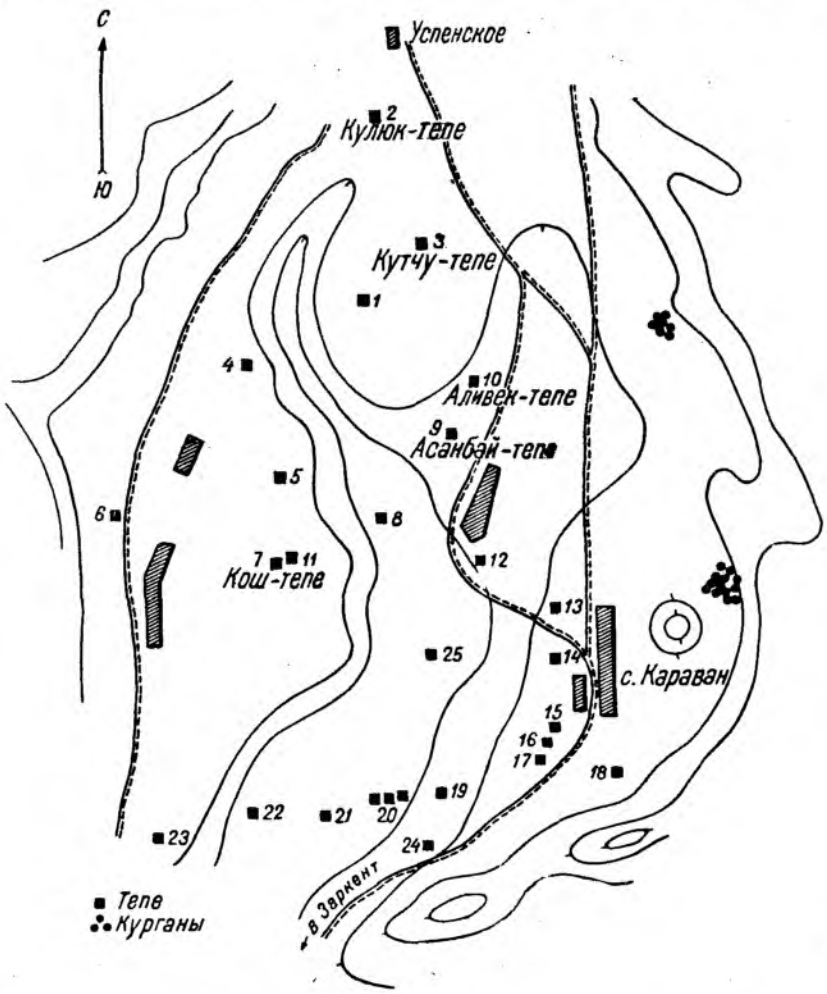


Рис. 104в. Фергана. Схема расположения тепе. Патша-ата.

оазиса крепостями, при господстве над сельским населением владыки, сидящего в отдельном сильно укрепленном замке. Так представляется нам округа Кувы, одного из значительных городов Ферганы, так же очевидно, сложилась и округа Оша. Таков был, по нашим наблюдениям, и процесс формирования Таласского оазиса в Семиречье. Характерно, что при этом феодальные центры выдвигаются в равнинную часть, соединяясь между собой трассой торгового пути. В горных и подгорных районах они сохраняют вид совокупности замков, стоящих на адырах. Таковы Медва и Наукат (рис. 107).

Керамические находки на всех этих городищах весьма однотипны (рис. 108).

Очевидно, в это время и складываются федерации городов, образующих отдельные провинции внутри Ферганы, а именно города Несайские (юг Ферганы), Вагизийские (север Ферганы) и область Миян-и-рудан (восток Ферганы). Внутри этих провинций выделялись особые округа. Так, известно, что упомянутая нами Кува была центром такого округа. Впрочем, эта характеристика уже дана в литературе — прежде всего В. В. Бартольдом. Очевидно, к таким самостоятельным округам относится и округа Хайлама (Кетмень-тюбе).

Однако в географической литературе у древних авторов, даже у такого относительно точного автора, как Макдиси (X в.), имеются противоречия в отнесении того или иного селения к той или иной области.

В связи с этим определение отдельных точек и трасс торговых путей имеет особо важное значение как историко-географическая сетка для составления карты. Следует указать, что при обследовании района Арсланбоба для нас стал совершенно ясен путь на Тянь-шань, в область Хайлама.

Попасть в область Хайлама (Кетмень-тюбе) через каньон Нарына, где теперь проходит дорога, представляло бы в древности огромные трудности — следовало бы итти по пустынным и труднопроходимым, почти не заселенным местам. Гораздо удобнее было проникнуть по другому пути — по долине реки Кара-унгур, до слияния с нею р. Арсланбоб (правый приток), повернуть по Арсланбобу, начать переход через горы к оз. Кен-куль и затем по р. Кара-су выйти в район современного Уч-терека. Здесь широкий разлив Нарына мог допустить и переход вброд, чтобы подойти к городам Хайламы. Древность этого пути подтверждает мавзолей Арсланбоб, спрятанный в глуши, казалось бы в отрыве от всех мирских центров. Существующий мавзолей, — недавний (не старше 300 лет), но рядом с ним мы обнаружили развалины более старого здания, сложенного из кирпича караханидского типа. Такие мавзолеи могли стоять только на трассе торгового пути, соединявшего Хай-

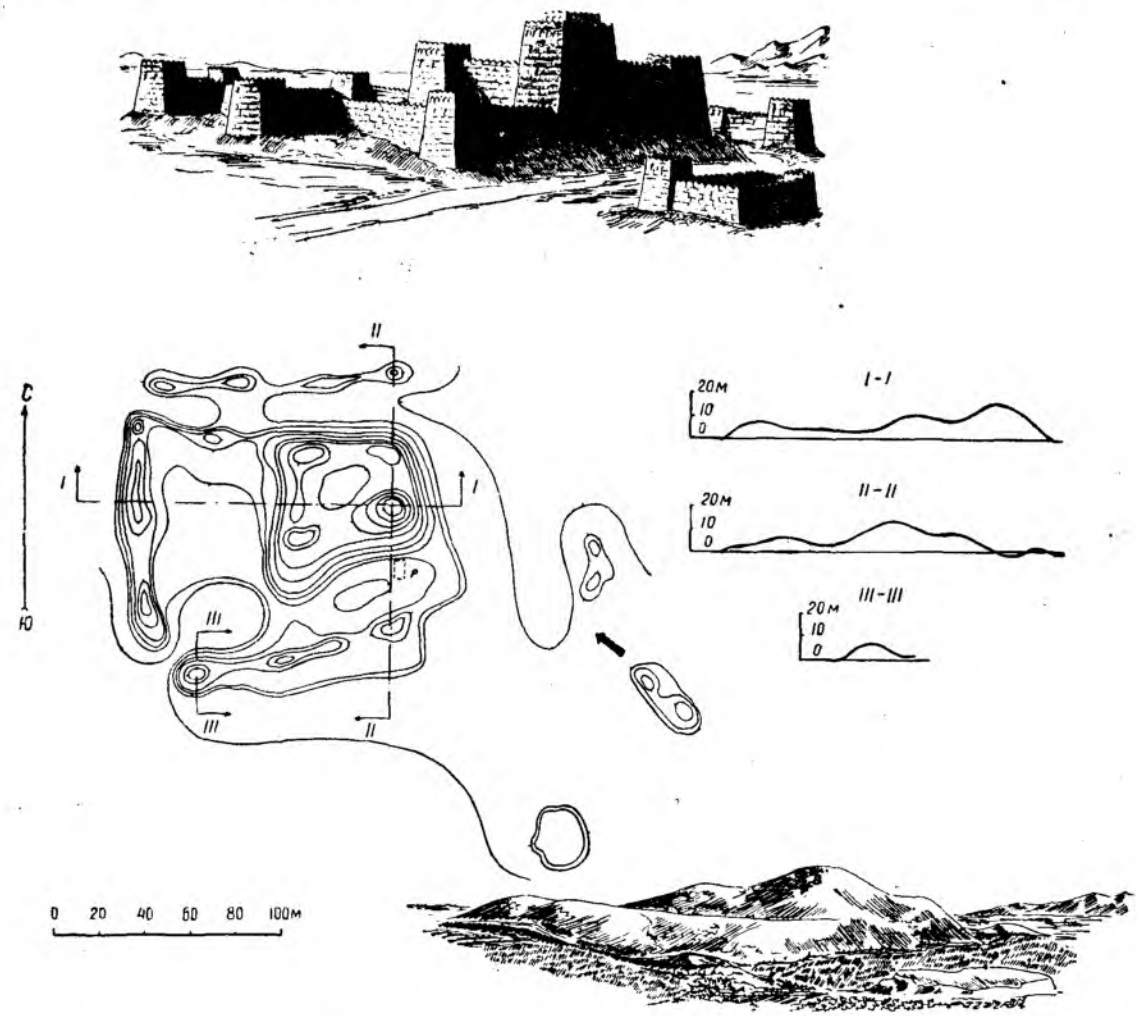


Рис. 105. Фергана, Кургашин-тепе. План и реконструкция.

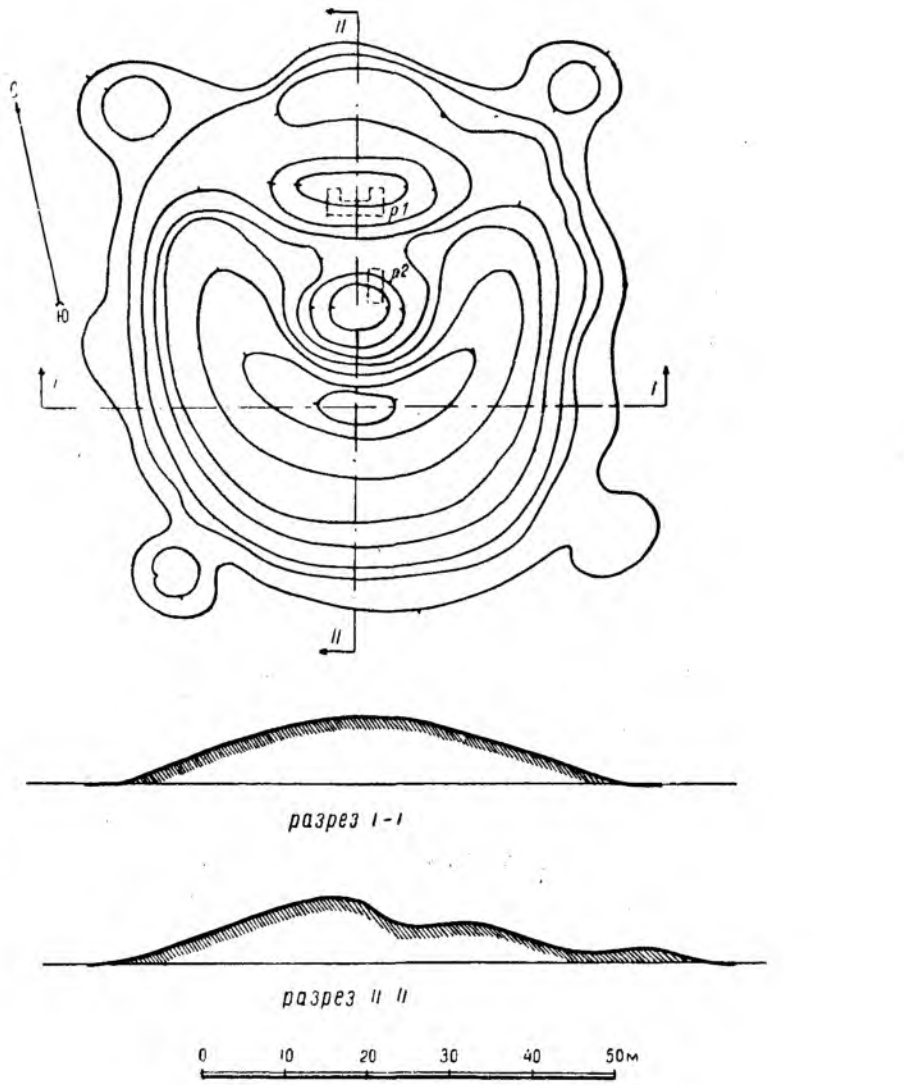


Рис. 106. Алай, Гульча. План и реконструкция тепе.

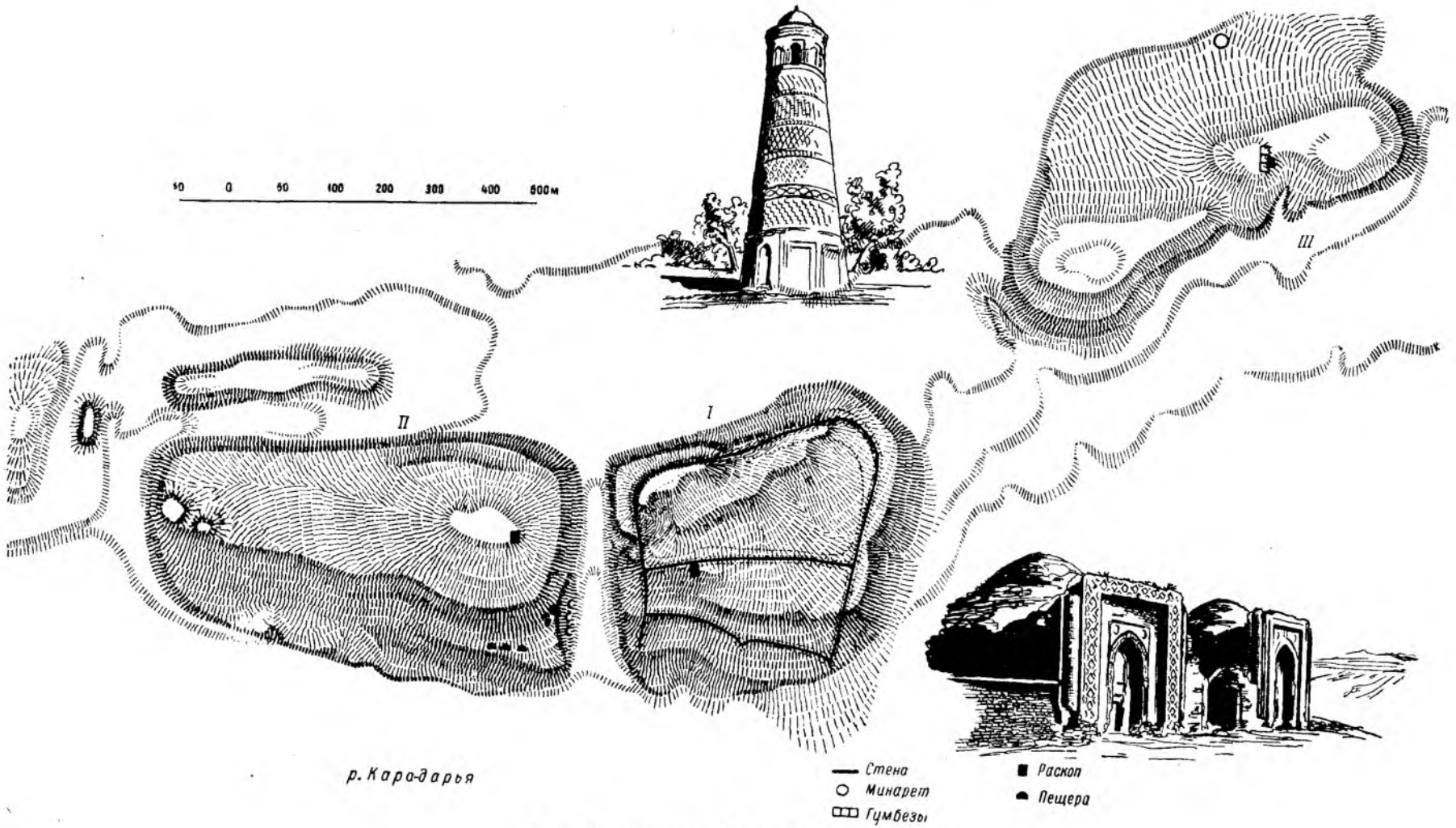


Рис. 109. Фергана, Узген. План города.

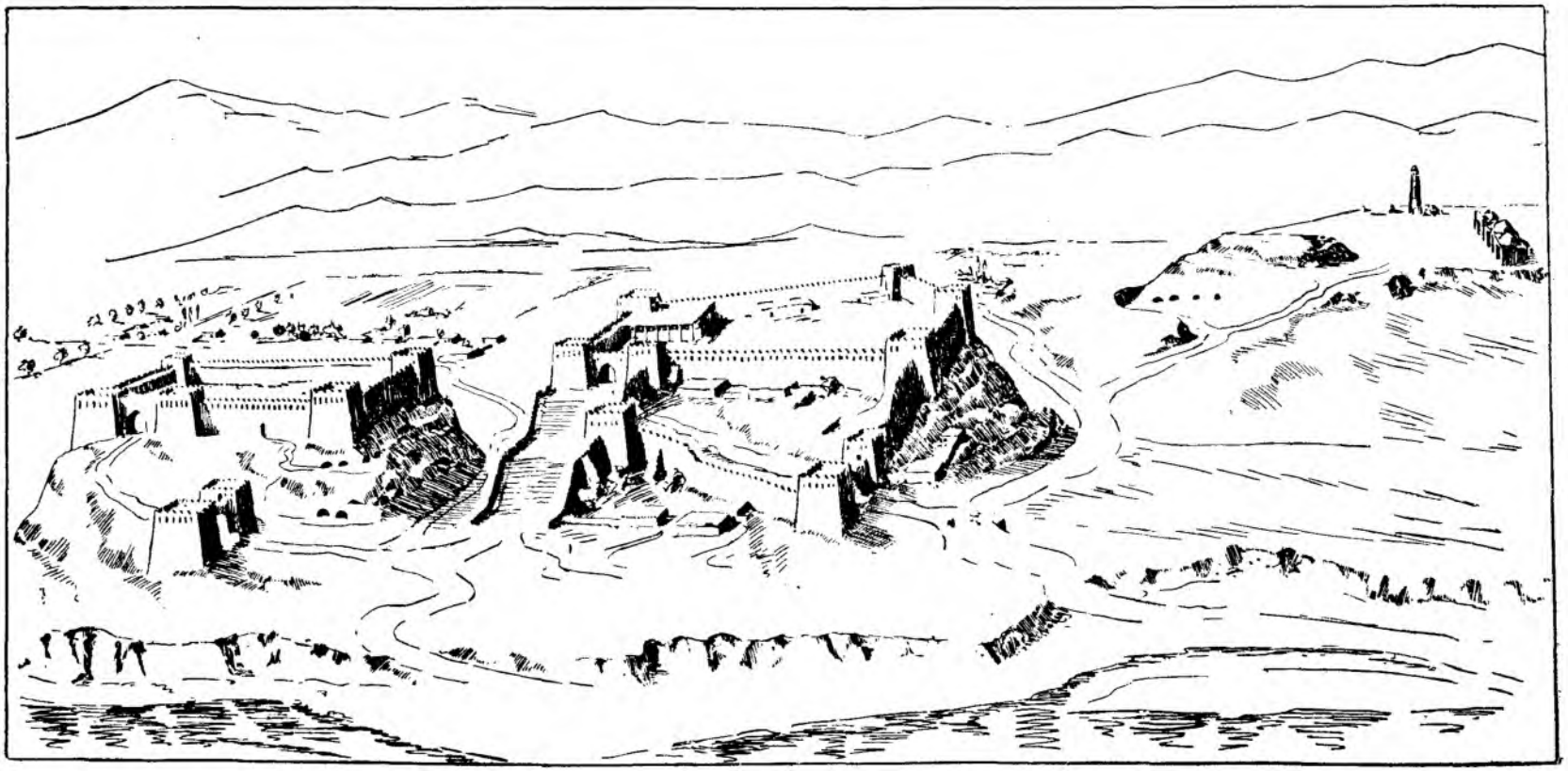


Рис. 110. Фергана, Узген. Опыт реконструкции.

Одно из наиболее древних поселений стояло к Ю от шоссе, где на самой вершине цитадели сохранились следы вала времени кокандского ханства (XIX в.). Это, очевидно, был древний арк Узгена и наиболее старый шахристан I. Рядом с ним, к Ю, за рвом, где проходит современная Атбазарская улица, соединяющая Верхний Узген с Нижним, была расположена еще одна часть городища Узгена, которую мы называли «шахристан II». Уже к концу XII в. он был заброшен, и возник некрополь, о чем свидетельствуют следующие факты: 1) отсутствие послемонгольской керамики (самая ранняя керамика — караханидского периода); 2) наличие мавзолеев, из которых самый старый, быть может, конца X в., но не позднее начала XI в.; 3) наличие на кладбище кайраков XIII в.

Фасад города был обращен к реке. На южном берегу Кара-дарьи имеются развалины крепости замка, вероятно, защищавшего место переправы через реку. По фасаду высокого берега и стен Узгена ясно прослеживаются силуэты въездного пандуса на шахристаны I и II. В шахристане I он шел с В на З и был укреплен башнями, контролирующими выезд. Далее дорога постепенно поднималась к ю.-з. углу арка, шла по вырубленной площадке, четко различаемой и поныне. Вырубка имеет до 4 м в ширину, край ее укреплен бортиком, сохранившимся на высоту до 0.60 м при такой же, примерно, ширине. Другая дорога шла вдоль подошвы городища. Вдоль западной границы арка тремя маршами идут следы

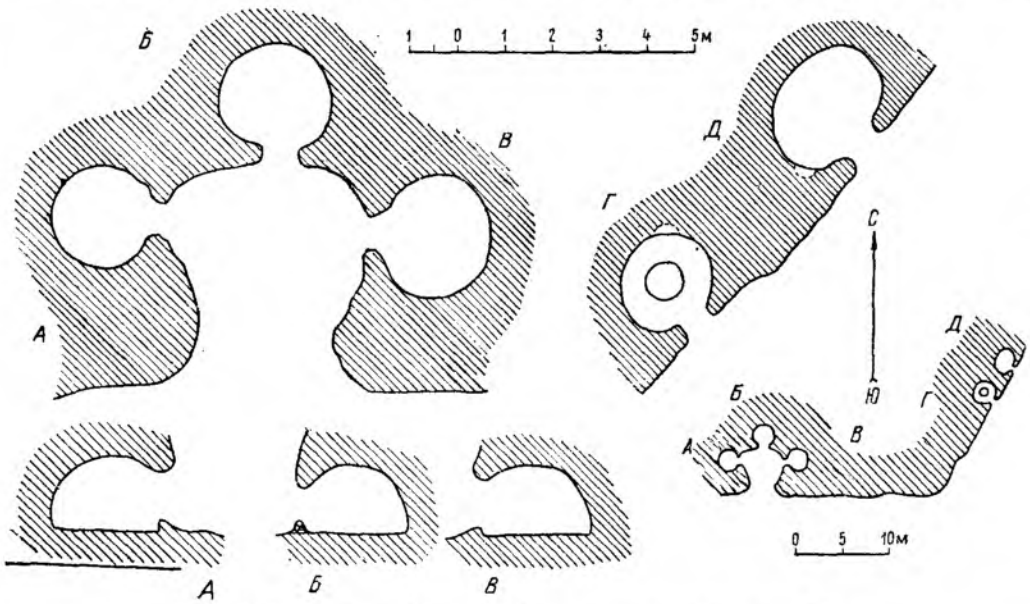


Рис. 111. Фергана, Узген. Жилые пещеры городища. План.

К В от арка расположен шахристан III. Возникнув, быть может, одновременно с шахристаном II, во всяком случае уже в VI в. (о чем говорит керамика, в частности фрагмент облицовочной плитки с «сасанидообразным» орнаментом), шахристан III продолжал свою жизнь, судя по керамическим материалам, до XVI в.

Рабад Узгена располагался к С и В от шахристана III, что документировано не только находками керамики, но и многочисленными керамическими и металлическими шлаками. Судя по случайным находкам во время строительных работ в современном Узгене, древний рабад простирался и на территорию современного города, такие находки известны, например, к С от минарета.

Таковы границы древнего города Узгена по данным топографических наблюдений, съемки местности, анализа распространения случайных находок и раскопок на городище.

подъема, быть может лестницы, которая выходит к арку в том же месте, где проходит и вышеописанная дорога. Лестница ограничена с З стеной арка, а с В внутренней стеной, как бы укрепленной своеобразными контрфорсами. В углу, образованном стеной арка и стеной лестницы, располагались постройки шахристана I.

Аналогично выезду к арку осуществлялся выезд и на шахристан III. Дорога здесь также начиналась с В, но сразу разветвлялась: один отрезок шел к ю.-з. углу шахристана, другой, более крутой, поднимался на ю.-в. угол. В месте развилки стоят массивные бугры, вероятно остатки башен, защищавших подход к городу.

Исключительно интересным фактом является наличие в шахристане III пещер, вырубленных в толще лёссовидных суглинков.

Пещеры вырублены в два яруса в ю.-в. углу шахристана III. Все они небольшого размера, диаметром в 2—4 м, как правило, круглые или овальные в плане со сферическим потолком кибиткообразного типа. Вход прямоугольный,

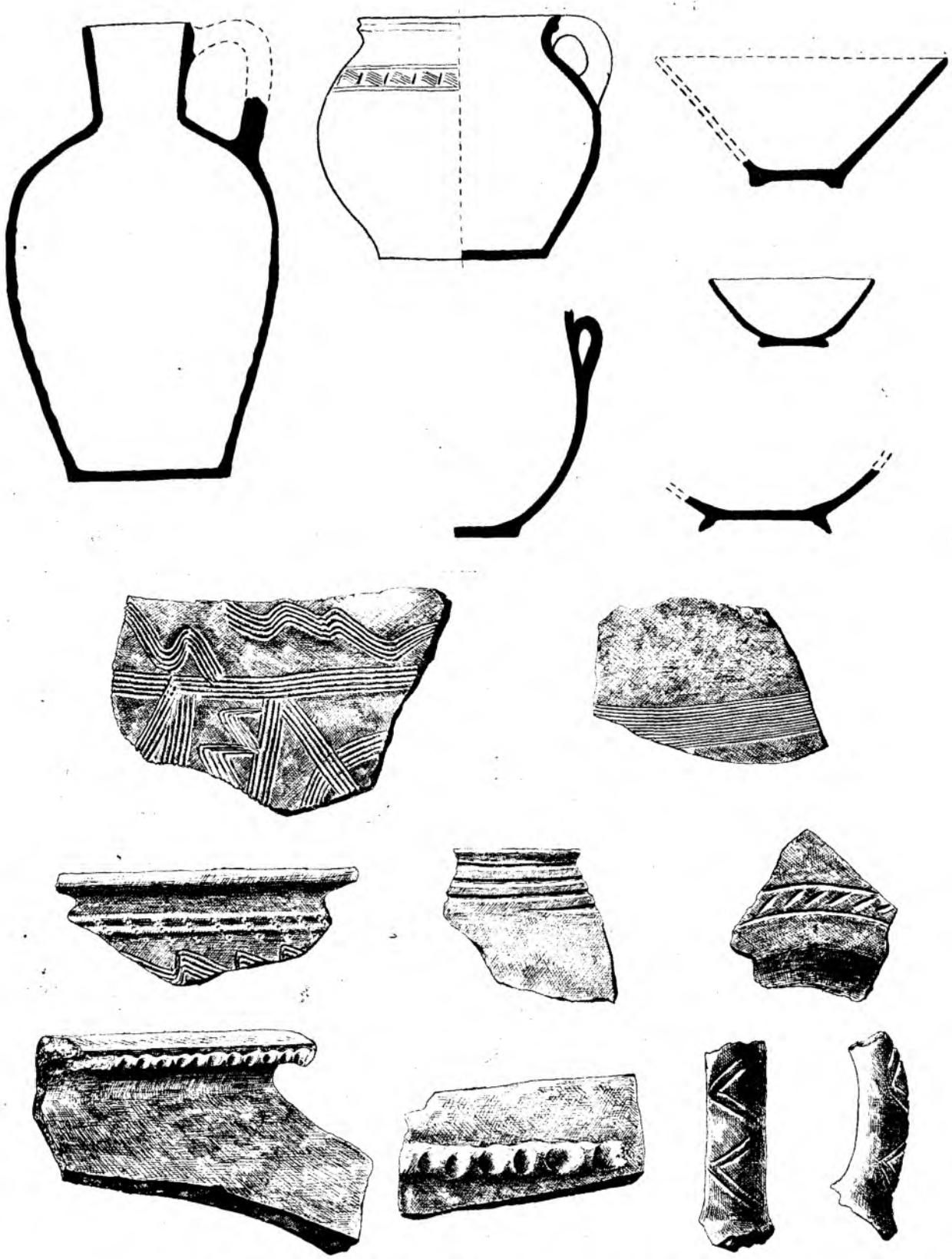


Рис. 112. Фергана, Узген. Керамика саманидского времени.

иногда стрельчатый, углы во всех случаях закругленные. Внутри стены обожжены до розоватого цвета, что предохраняет их от дальнейшего разрушения. Вход у ряда пещер — прямо с фаса стены, в других случаях в массе лёсса сделана прямоугольная вырубка и пещеры расположены в трех сторонах незамкнутого прямоугольника (рис. 111).

Малый размер пещер напоминает кельи монахов, и естественно, что они могут быть в первую очередь сопоставлены с аналогичными пещерами Восточного Туркестана. Буддийская принадлежность этого комплекса пещер отчасти доказывается первыми, еще крайне незначительными данными раскопок на площади шахристана III, над этой группой пещер.

Раскопы на городище древнего Узгена были осуществлены в трех точках: 1) на шахристане I при входе в арк (в конце выездной дороги), размером в 40 м²; 2) на шахристане II (раскоп имел специальное назначение: он вскрыл восточные углы среднего мавзолея, причем ю.-в. раскоп был построен так, чтобы открыть и часть фундаментов южного мавзолея), площадь раскопа 40 м²; 3) на шахристане III — размером в 22 м². Глубина первого раскопа была доведена до 3 м, второго и третьего — до 2 м.

Раскоп II был расположен за стенами арка на слегка падающей к Ю площадке шириной в 4 м и длиной с С на Ю 10 м. Раскоп был поставлен с таким расчетом, чтобы его можно было довести на С к стене арка, а на Ю вывести на въездную дорогу. На площадке раскопа наблюдались выходы керамики и кирпича.

Раскоп дал картину трех основных слоев, датируемых керамикой (рис. 112—113). I слой — монголо-тимуридский, XIII—XVI вв., с большим количеством мелкого боя керамики этого времени. Слой тонкий, зольный, пылеватой структуры, легко копался. Найдено большое количество поливной и грубой керамики почти без орнаментации. В нижних горизонтах этого слоя был встречен рейский люстр.

II слой — караханидский, XI—XII вв. По сравнению с первым он более мощный. Наряду с керамикой наличествует строительный материал — сырец и жженый кирпич, сохранившийся в отрезках разрушенных стен и кладок в виде буквы П (из жженого кирпича) в три слоя. Кирпич размером 34×19×4.5 м. Насыщенность слоя керамикой средняя. Кроме фрагментов керамики, на горизонте кирпичных выкладок и мощных зольных пятен были найдены и целые сосуды. Большой процент составляла глазурованная керамика с подглазурной коричневой росписью куфическими надписями и геометризированным орнаментом. Краски росписи коричневые, красные, зеленые; изредка встречалась подрисовка орнамента гравировкой. В неполивной керамике много лощения, преимущественно темнокрасного, и росписи красной краской по ангобу (белому и желтоватому). По остаткам выкладок можно предположить, что здесь находились печи; возможно, что раскоп обнаружил привратную чайхану. В этом же слое найдена костяная пуговица, с орнаментом плетенкой в виде креста, и один низкопробный диргем, а из грубой посуды — хумы и большие кувшины. Ниже слоя кирпичных выкладок (которые отмечены в этом слое в двух горизонтах) начался более плотный грунт с редким вкраплением керамики. Это III слой. В нем заметно уменьшились находки поливы — преобладает (но в мелких фрагментах) неполивная посуда с лощением (красное и желтое) и с ангобированной поверхностью. Слой подстилает остатки караханидского времени и по своеобразию неполивной керамики (кушанские традиции ангобирования и лощения с редким резным линейным орнаментом) соответствует, видимо, саманидскому слою Мавераннахра — IX—X вв. н. э. На глубине 3 м 20 см работы на раскопе прекращены из-за недостатка рабочей силы.

Раскоп на шахристане III вскрыл караханидский слой и ему предшествующий (монголо-тимуридский слой здесь распахан, смыт, и керамика находится, главным образом, в боковых оплывах). Здесь была обнаружена керамика II и III слоя и намечались находки так называемого IV слоя (кушано-тюркского), среди которых — то же лощение и ангоб, а также тонкая облицовочная плитка (толщина 1 см) с орнаментом из перлов и каменная поделка в виде восьмилепестковой розетки. В раскопе обнаружен камень (из кладки фундамента), свидетельствующий о каком-то строении, впоследствии совершенно разрушенном. Восьмилепестковая розетка напоминает навершие ступы и, быть может, говорит о существовании здесь в прошлом какого-то буддийского культового сооружения, что вполне согласуется с находящимся ниже комплексом пещер, напоминающим кельи синьцзянских раннесредневековых монастырей. Зачистка этих пещер дала фрагменты керамики и даже целый сосуд (большой кувшин для воды), — свидетельство, что жизнь в них продолжалась до тимуридского времени (не говоря о том, что этими пещерами пользовались как случайным убежищем и в недалеком прошлом).

Раскоп на шахристане II имел своей целью вскрытие фундаментов среднего мавзолея и попутно изучение слоев, затронутых его строительством.

Керамический материал раскопа — караханидский. Среди фрагментов керамики выделяются черепки, синхронные саманидской эпохе, типа так называемого «афрасиабского Триполья», т. е. росписи коричневой краской по белому ангобу в виде спиралевидных узоров. Очевидно, что эта керамика была вынута при закладке котлована для фундаментов сред-

Рис. 113. Фергана, Узген. Керамика караханидского времени.

него мавзолея и свидетельствует о том, что котлован уже разрушал слои IX—X вв. Однако для точной датировки архитектурного сооружения этого недостаточно, так как характерные данные постройки сами говорят, что она относится к началу XI в., а быть может и к концу X в.; керамический материал этому не противоречит, но ничего и не уточняет.

Раскопки выявили уходящую еще на метр вглубь южную стену, украшенную, как и портал, фигурной кладкой в виде сдвоенных кирпичиков и резьбой по ганчу. Фундамент мавзолея покоился на плитах камня, положенных на мягкую подушку из сырой глины уже без применения ганча. Таким образом, сохранившиеся в земле фрагменты стен среднего мавзолея показали, что, во-первых, он имел более вытянутые вверх формы, т. е. не был таким кубическим, каким он выглядит сейчас; во-вторых, раскоп показал аналогичную западному фасу обработку стен, что снижает «монопольное» значение так называемого портала и противоречит идее портальной архитектуры; в-третьих, раскоп открыл фундаменты и стены какого-то сооружения, которое было построено раньше среднего мавзолея и уже разрушено при строительстве южного мавзолея 1186—1187 гг.

Этими данными раскоп у среднего мавзолея окончательно решает вопрос о его датировке в пользу наиболее ранней, делая вполне вероятным предположение участника экспедиции Н. М. Бачинского, что средний Узгенский мавзолей — постройка конца или, быть может, середины X в., но никак не XI в., так как последний уже знает развитой портал. Кроме того, была проведена исчерпывающая работа по обмерам и фиксации резьбы мавзолеев и минарета путем эстампа и фотографирования — в целях составления специальной монографии об узгенском архитектурном ансамбле по заданию Управления по делам архитектуры при СНК КиргССР.

Исследования на городище древнего Узгена в 1945 г. были исчерпывающими с точки зрения подготовки к стационарным работам: составление плана городища в масштабе 1 : 500, изучение топографических данных, зафиксированных в планах, зарисовках, фотографиях, рисунках и схемах-реконструкциях, зачистка архитектурных объектов (пещеры, мавзолеи, минарет) и их всесторонняя фиксация (обмеры, фотографирование, эстампажи), сбор подъемного материала (учитывая сборы 1944 г.) и стратиграфические раскопки в разных горизонтах городища — были выполнены до стационарных исследований.

Старый Узген, в свете собранного археологического материала, предстал как весьма сложный объект изучения: во-первых, хронологической протяженностью культурных слоев (от эпохи древней Давани до XIX в., причем наиболее отчетливо от кушанского до тимуридского слоя), толщина которых по предварительным подсчетам, на основании раскопов и выклинивания в обрезах, достигает более 10 м; во-вторых, благодаря относительно спокойной политической жизни Узгена в его культурных отложениях остался сравнительно бедный и плохо сохранившийся вещевой материал, так как, не застигаемые политическими катастрофами, жители могли спокойно переходить с одного места на другое, оставляя только абсолютно им не нужный, потерявший всякую бытовую ценность инвентарь; в-третьих, при всей скудости вещевого материала, представлена разнообразно материальная культура города: архитектура культовых зданий, светская, дворцовая, мусульманская и буддийская; документированы различные строительные материалы и приемы строительства (кирпич-сырец и жженый, использование пещеры), неплохо сохранились следы архитектуры фортификационной; и, наконец, следует сказать об остатках керамики. Наблюдения показали, что узгенская местная керамика по отношению к Мавераннахру играет роль провинциальной, — правда, в меньшей степени, чем семиреченская, но и с большим количеством импорта, резко выделяющегося на фоне местной керамики (самаркандская-саманидская, рейская при ранних монголах). Местная высокого качества керамика становится особенно массовой при караханидах и при монголах, что объясняется историей этого города: он был столицей при караханидах и ставкой наместников джагатаидов и, очевидно, в это время располагал достаточным количеством высококвалифицированных ремесленников, что освобождало его от необходимости усиленного импорта.

Все это говорит о том, что получение из Узгена большого исторического материала потребует немало средств и серьезно поставленных стационарных раскопочных работ. Объем земляных работ на Узгене весьма велик: во много раз превышает обычную процорцию пустой земли и археологического материала, приближаясь по своему соотношению к домусульманским слоям согдийских поселений типа Талибарзу. В свете полученных данных в 1945 г. стали ясны перспективы раскопок Узгена и появилась возможность планировать работы на будущее. Это обследование Узгена с точки зрения перспектив его изучения в последующие годы и было одной из задач, поставленных перед экспедицией, и мы выполнили ее в сезон 1945 г.

Второй вопрос, который поставила экспедиция 1945 г., — это вопрос о культурно-исторических особенностях Узгена.

Конечно, решать этот вопрос в полном объеме нельзя, пока не произведены на Узгене раскопочные работы большого масштаба. Однако наблюдения, сделанные при обследовании города и его округи, дают возможность предварительно представить себе культурно-истори-

ческие особенности Узгена. Сейчас мы остановимся на двух вопросах, а именно: 1) Узген как окраина Средней Азии и буфер с Синьцзяном, 2) «провинциализм» Узгена.

Особое положение Узгена, даже среди ферганских городов, подчеркивали и средневековые авторы, в том числе Макдиси. Узген — пограничный город с тюрками, место, где сидели тюркские князья, караханиды и потомки джагатаидов. Это особое положение Узгена в политическом отношении накладывало отпечаток и на культуру города. Он находился на пути из Средней Азии в Кашгар и, естественно, не мог не отражать в себе и культурных явлений последнего. С другой стороны, он был одной из первых точек на З со стороны Тянь-шаня, где осуществлялся протекторат тюрок.

Результатом такого местоположения Узгена явились следующие особенности его материальной культуры.

Первое — это расчлененность плана города, не свойственная планам обычных городов согдийско-мавераннахрского типа. Узген состоит, по существу, из суммы поселений. Объяснить это только условиями географической среды (рассеченность береговой кромки на ряд отдельных останцев) вряд ли возможно. Очевидно, он складывался из поселений-кварталов, быть может, заселенных различными этническими элементами. К этому мнению нас склоняют пещерные комплексы шахристана III. Тип таких пещерных комплексов характерен для Синьцзяна, его многочисленных оазисов от Кашгара до Кучара и от Дуньхуана до Тибета. На территории Синьцзяна они восходят к очень раннему времени, во всяком случае к первым векам н. э. (Дуньхуан), служа, как правило, буддийским монастырям. Особый расцвет этих поселений относится к середине I тысячелетия н. э., когда на территории Синьцзяна появляются манихейцы, как известно, бывшие и мастерами росписи буддийских храмов (например в Хочжо). В это время в Среднюю Азию проникают отдельные византийские вещи (монеты), а главное появляются подражания изделиям византийского ремесла вплоть до того, что воспроизводятся клейма византийских ремесленников.

Некоторые исследователи живописи Восточного Туркестана даже пытались объяснить стилистические особенности фресковой росписи в Кучаре византийским влиянием, проникшим в эти районы через посредство Сасанидского Ирана и эфталитов (Грюнведель). В свете современных открытий советских археологов в Средней Азии, в Хорезме, а главным образом в Пянджикенте и Барахше, где открыты совершенно уникальные настенные росписи, так называемый «византинизм» Восточного Туркестана не выдерживает критики.

Совершенно ясно, что росписи Восточного Туркестана могут быть объяснены только из живописи Средней Азии. Более того, в свете открытой монументальной живописи в Средней Азии росписи Восточного Туркестана порой выступают как провинциальное отражение художественной школы согдийских мастеров.

Это не снимает, но уменьшает роль византийских влияний в Средней Азии и отмечает вновь самобытность культуры Средней Азии, на фоне которой византийские влияния выступают как частное, наносное и второстепенное явление.

Второй вопрос — это «провинциализм» Узгена. Вся Фергана, большинство ее городов отличаются своим материалом от Согда и Мавераннахра. Это характерно, например, для керамического материала, где в неглазурованной керамике чрезвычайно бедно представлены украшения, где все внимание было перенесено на обработку поверхности сосуда — затирка, лощение, лак, иногда роспись. Резной орнамент если и наличествует, то главным образом в виде тонкой гравировки, и только при караханидах завоевывает себе место штамп. Почти совершенно отсутствует в первой половине I тысячелетия рельефный или врезной орнамент, господствует красный лак и лощение без узора.

Однако совершенно иной в это время выглядит керамика Синьцзяна: достаточно вспомнить, например, аппликационный орнамент Хотана, его развитую терракоту, терракоту и штамп Согда, глубокую резьбу Семиречья. Всего этого, повторяем, нет в Фергане, в том числе и в Узгене. Здесь посуда гладкая, с различным образом затертой поверхностью — так называемая кушанская керамика, пережившая саманидскую эпоху и дожившая до конца владычества караханидов. Единственным разнообразием является роспись по белому ангобу темнокоричневой и красновато-желтой краской, как бы воспроизводящая Триполье «афросиабского» типа. Это сильно и долго действующая традиция в керамическом производстве характеризует самобытность и консервативность ферганского керамического центра, черты, свойственные Узгену и той группе близлежащих городищ, которые мы обследовали на участке Узген-Ош-Гульча. Этот же вывод подтверждается и сборами огромного керамического материала, получившего уже свое отражение в печати,[1] на строительстве Большого ферганского канала, а также Северного и Южного. Эти особенности, характерные для даваньской и кушанской культуры,[2] продолжают бытовать в саманидское и даже караханидское время.

[1] Работы М. Массона (Краткие сообщения ИИМК, IV), Т. Оболдуевой, В. Жукова (Изв. УзФАН, 10, 1940). См. также: Труды Института истории и археологии АН Узб. ССР, вып. 4, Ташкент, 1951.

[2] Краткая характеристика этих культур в нашей работе: Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого чуйского канала. Фрунзе, 1943. Ср. также: А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. Ташкент, 1951.

Имеет отличия и поливная керамика. Укажем, например, на такой факт, как наличие арабских надписей почерком куфи в тимуридской керамике, что не свойственно керамике Самарканда этого времени и что указывает на продолжение традиций саманидо-караханидской росписи глазурованной керамики. Несомненно, что и этот факт надо рассматривать как один из показателей самостоятельности и консервативности ремесленно-художественного центра Ферганы по сравнению с Мавераннахром. Сильная кушанская традиция в первой половине I тысячелетия н. э. наглядно показывает отсутствие в Фергане согдийского влияния. Последнее шло через Северное и Центральное Семиречье и огибало Тянь-шань с С на пути в Синьцзян. По тем данным, которыми мы располагаем, северная трасса остается согдийской дорогой Средняя Азия—Синьцзян; путь через Фергану пока не документирован археологическим материалом. Это ясно из сравнительно обильного вещевого материала, полученного в результате раскопок и особенно строительных работ. Объяснение этого явления весьма простое. Будучи издавна густо заселенной местностью, вполне справлявшейся со своими экономическими задачами в области земледелия и ремесла, Фергана не могла принять в свою среду согдийских эмигрантов, предоставить базы для их колоний и торговых факторий. Согдийцы нашли этот путь севернее, через Чуйскую долину, где они в условиях скотоводческого хозяйства Тянь-шаня получили приют и экономические выгоды; Фергана не приняла согдийцев, в Тянь-шане они осели. Поступательное движение на В согдийцев (да и не только их) привело к тому, что Чуйская долина стала не только руслом международных взаимоотношений и культурных влияний, но и тем местом, где осаждались и синтезировались различные культурные явления. Этим и объясняется синкретический характер культуры Семиречья. Фергана устояла против колонизационного потока, тем самым она сохранила в большей степени свою самобытность, оставшись в стороне от международной жизни, хотя и была в отдельные периоды территорией, где проходили караваны. Фергана сама ввиду излишка богатств порождала колонизацию, но ее экспансия была ограничена западным Тянь-шанем. Мы уже отметили ее по Алабуке; отдельные данные фиксируют ее в Токуз-тарау и Кетмень-тюбе. Дальше на В она, видимо, не распространялась, Тянь-шань и его природные данные ограничивали возможности ферганцев. Чисто торговые фактории, без солидной экономической базы в виде земледелия и ремесла (что имели согдийцы на Таласе, в Чуйской долине и на берегах Иссык-куля), существовать не могли. Этим объясняется ограниченность колонизационной экспансии ферганцев. И это охраняло самобытность культуры Ферганы.

В свете этих соображений становится понятным коренное отличие Ферганы, и в частности Узгена, от окружающих районов. Находясь в активных связях с западом и востоком, Фергана сохранила свою индивидуальность, наметившуюся в глубокой древности; лишь только некоторые небольшие штрихи указывают на ее связи с Синьцзяном и западом (Средней Азией, Согдом), дальнейшее объяснение которых могут дать только археологические работы.

Рассмотренный выше материал эпохи раннего средневековья все более и более заставлял нас обращаться к политической и культурной истории тюркских племен и народов Средней Азии. Они выступают не только как политические хозяева, но и как соучастники большого культурно-творческого процесса. В этой связи мы постараемся рассмотреть их действительную роль в истории Средней Азии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ТЮРКСКИЕ ПЛЕМЕНА И НАРОДНОСТИ В ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Подавляющее большинство современного населения Средней Азии — тюркские народы: туркмены, каракалпаки, узбеки, киргизы, казахи. Большинство их, кроме части узбеков, еще сравнительно недавно были кочевниками.

В целом для этих народов и их предков характерно кочевое хозяйство, причем на всем протяжении своей истории они вступали в активные взаимоотношения — главным образом торговые — с оседлой частью среднеазиатских культурных областей. Последние были заселены среднеазиатскими иранскими народностями, среди которых в древности и раннем средневековье самую активную роль играли согдийцы.

Политические конфликты, возникавшие между кочевниками и земледельцами, объяснялись невозможностью примирения двух разных экономических укладов: кочевого и оседлого.

Такова была попытка объяснения характерных черт среднеазиатской действительности. Эта особенность истории Средней Азии неоднократно, но по-разному, отмечалась в трудах В. В. Григорьева,[1] В. В. Радлова,[2] В. В. Бартольда.[3]

В наши дни эта точка зрения развивается А. Ю. Якубовским.[4]

Несомненно, в этом есть значительная доля правды. Широко известны высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса по этому вопросу. Напомню, что К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу от 2 июня 1853 г. писал, разбирая причины своеобразия исторического процесса на Востоке: «У всех восточных народов можно, с тех пор как этот процесс происходит, установить *общее* взаимоотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой части».[1] Неоднократно К. Маркс и Ф. Энгельс возвращались к этому вопросу, особо отмечая разрушительную роль монгольского завоевания. Однако было бы несправедливо безоговорочно использовать эти отдельные конкретно-исторические замечания классиков марксизма для объяснения всех аналогичных процессов в Средней Азии.

А. Ю. Якубовский, критикуя идеалистические тенденции в концепции В. В. Бартольда и преувеличение им роли культурных факторов, не подверг критике его концепцию о роли кочевников и прежде всего тюрок в истории Средней Азии.[2] А в целом В. В. Бартольд противопоставлял кочевников оседлым оазисам, видел в них внешний фактор истории и не признавал за ними никакой созидательной роли в истории культуры народов Туркестана.[3]

---

[1] См. его Сборник статей: Россия и Азия. СПб., 1876; О скифском народе саках. СПб., 1879.

[2] В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, стр. 65 и сл.

[3] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1898—1900.

[4] А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Труды ИАИ, вып. 3, ч. I, Л., 1933.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XXI, стр. 488.

[2] А. Ю. Якубовский. Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда. Вестн. Лен. унив., 12, 1947.

[3] Напомню, например, рецензию В. В. Бартольда на труд: E. Chavannes. Documents sur les Toukiue Occidentaux. СПб., 1903; см. ЗВО, т. XV, стр. 181. Ср. его: История туркско-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 8; История культурной жизни Туркестана. Л., 1927 («в Средней Азии турки, в противоположность юечжийцам и эфталитам, оставались в степях. . .», стр. 10); История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 19. Точка зрения В. В. Бартольда отразилась в работе: А. Семенов. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии. Сталинабад, 1945.

Эту точку зрения разделяли и мы до специального исследования этого вопроса, которым занимаемся уже с 1933 г.[1]

Внимательное изучение всех видов письменных и археологических источников, посвященных кочевым народам, позволяет за этой внешне однообразной системой взаимоотношений между кочевниками и земледельцами, состоящих в торговле и завоеваниях, проследить, во-первых, иные формы этих взаимоотношений (с моей точки зрения, более важные), в виде сложных явлений хозяйства и культуры, во-вторых, различные в разные эпохи роль и значение завоеваний. Ответ на эти вопросы мы получили только теперь в результате археологических исследований в Средней Азии и, прежде всего, в районах древнего обитания кочевников.

Кочевники отнюдь не всегда были враждебно настроены по отношению к оседлым оазисам, далеко не так часто являлись чуждым элементом в государствах оседлой полосы. С господством кочевников не следует всегда и везде связывать только упадок культуры. Так как именно в кочевой среде созревали этнические элементы тюркских народов Средней Азии, то мы, изучая историю кочевых народов Средней Азии, тем самым выясняем пути формирования, главным образом, тюркских народов и историческую обстановку, в которой они складываются.

Чрезвычайно важно отметить, что на этой точке зрения стоят и другие современные исследователи. Укажу, например, что Б. Гафуров в своем втором издании «Истории Таджикского народа» [2] неоднократно указывает, что взаимоотношения между оседлым земледельческим древнетаджикским населением и кочевым тюркоязычным были разнообразными и отнюдь не только враждебными.

Так, он совершенно ясно и определенно писал в упомянутой книге (стр. 329): «В данной книге читатель найдет много примеров, подтверждающих большой вклад кочевых племен в хозяйственное развитие народов Средней Азии. Поэтому не выдерживают никакой критики утверждения буржуазных историков о том, что якобы в Средней Азии извечно существовала «борьба между степью и оазисом». Если ханы кочевых племен, как и все феодальные правители, действительно грабили и разоряли земледельцев или, наоборот, феодалы из земледельческих районов разоряли кочевые народы, то отождествлять с ними массы кочевников или трудящихся земледельческих районов — значит фальсифицировать историю».

Нельзя в этой связи не вспомнить и справедливое замечание рецензента этой книги — В. А. Ромодина. В своей рецензии В. А. Ромодин писал: «Автор (Б. Гафуров, — *А. Б.*) отводит много места и другой специфической черте истории Средней Азии — взаимосвязи и взаимодействию между оседлым населением и кочевниками. Б. Г. Гафуров убедительно показывает, что традиционные взгляды буржуазных историков, утверждающих, что оседлое население и кочевники всегда будто бы находились между собой в состоянии вражды, соперничества и войн, не имеют ничего общего с действительностью (стр. 110, 329, 336 и другие)».[1]

Рассмотрение Б. Гафуровым тесной связи истории таджиков с тюркоязычными народами Средней Азии в качестве заслуги отмечает и А. Ю. Якубовский.[2]

Несомненно, что задолго до появления древнетюркского письма, датируемого в наиболее ранних образцах VI—VIII вв. (орхоно-енисейская письменность), слагались тюркские племена, объединенные в VI—VIII вв. в народности.

В современной тюркологии, прежде всего в советской, признана возможность относить генезис тюркских племен к периоду VII—IV вв. до н. э., а тюркский характер гуннской конфедерации уже не подлежит сомнению.[3] Именно в этот период, когда складываются древне-тюркские племена, начинается та сложная система взаимоотношений между кочевниками и земледельцами в Средней Азии, которая подлежит краткому рассмотрению в настоящей главе. Мы ставим перед собой задачу только формулировать важнейшие стороны этого процесса в историческом аспекте, — не более.

Гениальная характеристика выделения пастушеских племен из остальной массы «варваров», данная Ф. Энгельсом, с развитием наших знаний все более и более утверждается в науке, и прежде всего на исторических и главным образом археологических материалах Средней Азии.

«У некоторых наиболее передовых племен — арийцев, семитов, может быть уже и туранцев, — писал Ф. Энгельс, — главной отраслью труда сделалось сначала приручение и только после этого разведение скота и уход за ним. Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров: *первое крупное общественное разделение труда*».[4] И несколько далее: «В климатических условиях Туранского пло-

[1] См. нашу статью: О роли завоеваний в исторической концепции К. Маркса. Проблемы истории материальной культуры, № 3—4, 1933; Ср.: Изв. ГАИМК, 103, 1933. Иной подход к этой проблеме мы пытались наметить в статье «Проблемы распада родовых отношений у кочевников Азии» (Сов. этнограф., 6, 1936), а также в нашей книге «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. н. э.» (Л., 1946).

[2] Госполитиздат, 1952.

[1] В. Ромодин, ВИ, 1, 1953.

[2] См. его статью «Серьезное исследование по истории таджикского народа». Коммунист, 1, 1953.

[3] См. статьи Н. Баскакова и С. Малова в Изв. ОЛЯ, 2, 1952.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. 1, стр. 135.

скогорья невозможна пастушеская жизнь без запасов корма на долгую и суровую зиму; луговодство и разведение зерновых хлебов было здесь, таким образом, необходимым условием. То же самое относится к степям Черного моря».[1]

Далее, как известно, Ф. Энгельс характеризует рост ремесла, расширение обмена, появление рабов, начало разделения общества на классы, а все это, в свою очередь, определяло смену материнского рода — отцовским.

Возвращаясь к цитированным отрывкам, подчеркнем наиболее важные для темы настоящей главы явления — связанность кочевого хозяйства с оседло-земледельческой деятельностью кочевников. Это положение прекрасно документируется данными современной советской науки; решающее слово здесь в значительной мере принадлежит советской археологии. Не вдаваясь в подробности, укажем, что в культуре Анау IV (середина первого тысячелетия до н. э.) и в сходных с ней культурах Ирана исследователями отмечено сосуществование пастушества и охоты с оседлостью в одном хозяйственном комплексе.[2] Аналогичные две линии развития хозяйства засвидетельствованы для Согда археологическими памятниками сако-ахеменидского слоя Афросиаба,[3] бургулюкской культурой Ташкентского оазиса.[4] Согд в географии Авесты выступает как пастушеская страна. Сердцем Согда является Гава — колыбель пастушества. Одним из важнейших культов является культ покровителя стад Гопатшаха.[5] Древнейшие города Хорезма (авестийская вара), типа городищ с жилыми стенами Калалыгыр, Кюнерлигыр, — связаны с пастушеством, скотоводством, хотя здесь, в Хорезме, еще значительно раньше зафиксировано, как и в культурах Анау, земледелие каирного типа, а для упоминаемого времени (VI—IV *вв. до н. э.*) отмечается уже широкое развитие ирригационной системы.[6]

Если на юге Туркмении, в Согде, Хорезме, по Сыр-дарье, скорее всего и в Фергане скотоводство возникает в комплексном хозяйстве оседлого типа, то в Семиречье и Центральном Тянь-шане оно больше было связано с луговодством. Таков облик культуры эпохи бронзы и «скифского» времени в этих районах, причем луговодство по сазам и карасукам документировано частыми находками бронзовых серпов, что неоднократно отмечалось археологами.[1] Часть археологов даже склонна видеть здесь и земледелие, учитывая частые находки зернотерок.[2]

Однако Семиречье и Тянь-шань, так же как и другие горные районы, прилегающие к оседлым оазисам, в силу создавшегося разделения труда вряд ли развивали у себя земледелие, довольствуясь активным обменом. Распространение оседлости и, возможно, переход части кочевников к земледелию произошли позднее, к рубежу нашей эры, когда рост имущественного расслоения привел к оседанию части кочевников и возвращению их к интенсивным формам хозяйства — пастушеству и земледелию.

Кстати отмечу, что на этом этапе изменяется и состав стада — увеличивается процент крупного рогатого (молочного) скота.

В этот период, как указано было выше, датируемый рубежом н. э., на территориях, занятых кочевниками, появляются оседлого типа поселения. Нами опубликованы материалы таких стойбищ в Чуйской долине (нижние слои холма Луговое): из районов, занятых усунями, отмечены аналогичные селища в стране кангюй по Кара-тау и правому берегу Сыр-дарьи; наблюдали мы такие поселения и в межгорной котловине Кетмень-тюбе, а также в области расселения усуней.[3] Несомненно первая культура, которая здесь возделывалась, была скороспелое просо (40 дней вызревания). В области средней Сыр-дарьи разводили ячмень и пшеницу, и оседлость кангюй Ташкентского оазиса была более прочной, что документировано и культурой Каунчи.[4]

Таким образом, с начала активного и самостоятельного существования кочевников, т. е. с I тысячелетия до н. э., мы наблюдаем не прекращавшуюся до рубежа н. э. активную связь кочевников с оседлостью и земледелием, причем только незначительная часть среднеазиатских кочевников — обитателей горных районов, вероятно и центральноказахстанских степей (экономику последних для этого времени мы пока еще плохо знаем),[5] — ограничивалась получением продуктов земледельческого труда путем обмена и не только из областей Средней Азии, но и более удаленных, например

---

[1] Там же, стр. 136.

[2] Е. Кобранов. Историческое и культурное значение Анау. Ашхабад, 1927.

[3] Раскопки А. И. Тереножкина на Афросиабе в 1947 г. Материалы не опубликованы.

[4] А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН, 9, 1940.

[5] К. В. Тревер. Гопатшах — пастух царь. ТОВЭ, II.

[6] С. П. Толстов. Городище с «жилыми стенами». КСИИМК, XVII.

[1] А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого чуйского канала. Фрунзе, 1943.

[2] А. И. Тереножкин, ВДИ, 2, 1947 (рецензия на нашу работу).

[3] А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941; Древняя Фергана. КСИИМК, XXI.

[4] Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940.

[5] Только в последнее время история Центрального Казахстана после эпохи доклассового общества начинает получать свое предварительное освещение (статьи А. Х. Маргулана: Вестник АН КазССР, 1947, № 7 и 12; 1948, № 2). См. также: Изв. АН КазССР, сер. археолог., вып. 1—3.

из Китая. Таковы сведения китайских источников об усунях.

Следует отметить, что и в земледельческих оазисах не прекращался процесс развития пастушеской культуры, игравшей важнейшую роль в экономике оседлого населения. Напомню, что древняя Фергана — Давань — славилась лошадьми, особенно ее первый политический центр, город Эрши, владелец этих табунов; [1] напомню китайские описания Тохаристана, Хутталяна, свидетельства китайцев о «небесных», «добрых», «кровавопотных» и других породах лошадей, о культе лошади в Средней Азии от Бактрии до массагетов, отмеченном, в частности, наскальными изображениями Аравана (Фергана), изображениями лошадей на греко-бактрийской чаше, свидетельствами античных авторов о роли лошади в культе массагетов (Геродот).[2] Все это говорит о том, что, в свою очередь, и в оседлой полосе Средней Азии не прекращалась эта связь с пастушеством, связь земледельцев с кочевниками. Не случайно земледельческая Фергана, не только родина знаменитых аргамаков, но и центр разведения люцерны (му-су), привлекла внимание Китая, который, наряду с виноградом, вывозил из Ферганы лошадей и люцерну.[3]

Итак, взаимосвязь кочевого и земледельческого укладов в Средней Азии сохранилась до рубежа н. э. Она документирована обильным археологическим материалом, о чем свидетельствуют и письменные источники.

Саки, древнейшие обитатели Средней Азии, имели свои ставки-города типа hormeteria Зарины, как, например, Роксонака (столица саков), упомянутая Николаем Дамасским. Упоминание о саках в богатой хлебом Азии имеется и у Хэрила. Многие античные авторы греко-римской эпохи видели мало различия между кочевниками и земледельцами, особенно в области культуры.

Напомню о сходстве религии скифов и, с другой стороны, согдийцев, бактрийцев и каспов, отмеченном Страбоном; в Восточном Туркестане Птолемей поместил город, носящий имя бывших кочевников — «исседон», китайские источники упоминают у кочевников кангюй города, в частности ставку-город Битянь. У всех кочевников, живущих в равнинах, и западными и восточными источниками для этого времени неоднократно отмечаются города-ставки.[4]

Имеют города и древние юечжи, которых китайцы называют также кочевниками, и т. д. и т. п. Только в некоторых горных областях древние авторы специально обращают внимание на отсутствие городов. Например, китайцы говорят это об усунях (и то исключением является город-ставка Чигу на берегу Иссык-куля), или Птолемей, описывая горных саков, заявляет: «. . . земля саков населена кочевниками, они не имеют городов, а живут в лесах, пещерах».[1]

Городища этого времени представляют собой, как и города архаического Хорезма, незастроенные внутри площади, обнесенные стенами, типа поселения-ставки; они и позднее сохраняют этот облик в областях безраздельного господства кочевников, например в средние века в Северном Семиречье (городок Койлык) или в Центральном Тянь-шане (города Атбаш, Каджингар-баши).[2]

Таким образом, оседло-земледельческая жизнь Средней Азии не была отгорожена «китайской стеной» от кочевников. Стена Антиоха Сотера I в Маргиане защищала границы селевкидского государства от всех соседей с В и С, врагов внутренних и внешних, а отнюдь не только от кочевников. Последние составляли органическое единство в развитии хозяйства и культуры со всем населением Средней Азии. Около рубежа н. э. с востока проникают сюда тюркоязычные племена, которые оказывают воздействие на местное население.

Существенные изменения претерпевает Средняя Азия в первых веках до н. э., в связи с двумя крупными событиями: 1) движением племен Яксарта с С на Ю и разгромом греко-бактрийского государства в 140 г. до н. э. и 2) вторжением с В гуннов в середине I в. до н. э. В обоих случаях решающая роль принадлежала кочевникам.

Совершенно ясно, что экономика оседлых обществ была более независимой, чем экономика кочевых племен. Например, Китай мог существовать без гуннов-кочевников, а гунны не могли существовать без земледельческого производства Китая.

Как ясно свидетельствуют прежде всего археологические материалы, кангюйско-юечжийская экспансия II в. до н. э. вглубь земледельческих областей Средней Азии не привела к упадку среднеазиатской культуры. Она сломила остатки чуждого для Средней Азии влияния Греко-Бактрии, в составе которой Средняя Азия играла важную роль.

---

[1] А. Бернштам. Древняя Фергана. КСИИМК, XXI.

[2] См., например: К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940; А. Н. Бернштам. Араванские наскальные изображения и древняя столица Ферганы город Эрши. Сов. этнограф., 3, 1948.

[3] B. Laufer. Sino-Iranica. Chicago, 1919.

[4] В. В. Григорьев. О скифском народе саках. СПб., 1875.

[1] A. Berthelot. L'Asie Ancienne Centrale et Sud-Orientale d'après Ptolemée. Paris, 1930, стр. 199 и сл.

[2] См. наши работы: Историко-культурное прошлое Северной Киргизии, стр. 34; Археологические контуры Тянь-шаня и Алая. Изв. КиргФАН, вып. 2—3, Фрунзе, 1945; Из истории Восточной Ферганы и Алая. Там же, вып. 6, Фрунзе, 1947.

В этот процесс консолидации собственно среднеазиатских племен активно вмешиваются и тяньшаньские племена — усуни — со стороны Ферганы.

Как было указано, инициаторами этого объединения явились полуоседлые племена Яксарта и кочевые племена Тянь-шаня. В кушанском государстве воспринятая от предшествующего периода культура получила блестящий расцвет, чему свидетельство — культура городища Айртам [1] и Топрак-калы в первую очередь.[2]

В плане нашей темы важно отметить внедрение земледельческой культуры в районы кочевников. Речь идет не о широком распространении в степи вещей кушанского времени далеко на север, например на с.-в. склоны Кара-тау (городище Кум-кент), не только о подражании высокохудожественным образцам Согда и Ферганы в этих районах, но и о расширении границ земледельческо-оседлой культуры, о проникновении ее в горы, в зоны обитания кочевников.

Так, например, в районах Северного Приамирья мы наблюдали мирное сосуществование кочевников и земледельцев.[3]

Не исключаются в это время и другие факты — столкновений кочевников и земледельцев.

В кушанский период мы наблюдаем первые явления колонизации, направленной в районы кочевников, что особенно ясно чувствуется в Северном Приамирье. Этот процесс доказывает мирное разрешение экономического конфликта между кочевниками и земледельцами. То, что было начато в кушанский период, продолжалось и позднее, в тюрко-согдийский период (VI—VIII вв.), и выразилось прежде всего в согдийской колонизации Семиречья.

История кушанского государства, возникшего на территории Средней Азии, исключительно важна для общей истории ее народов и ждет еще своего исследователя. Важно подчеркнуть, что это, повидимому, период наиболее зрелых рабовладельческих отношений в Средней Азии. Ныне мы уже лучше знаем кушан с точки зрения истории культуры, выявленной буквально по всей территории от Хорезма до Термеза. Традиции кушанской культуры, восходящие к эллинистической культуре Средней Азии, живут в некоторых районах (Фергана) весьма долго, до арабского завоевания. И как в сакских юридических документах VII в. текст начинается с упоминания кушанского царя Васудевы,[4] так в культуре Средней Азии VI—VIII вв. еще весьма устойчивы традиции кушанской культуры I—III вв. н. э.

Вторым важным событием является постепенное проникновение в эти районы гуннов Центральной Азии, первое появление которых в Средней Азии документируется еще в I в. до н. э. при Чжи-чжи шаньюе. Передвижения гуннов в I в. до н. э.—I—III вв. н. э. были чреваты двумя последствиями: во-первых, более активным проникновением сюда тюркоязычных племен; во-вторых, передвижением кочевников Семиречья, Тянь-шаня и Сыр-дарьи вглубь некоторых областей среднеазиатского междуречья.[1] Культура этого времени, открытая в ряде пунктов Средней Азии (Талас — Кенкольский могильник, Центральный Тянь-шань — Арпа и Атбаши, Сыр-дарья — могильники джунского типа, Фергана — катакомбы Соха и Исфары, Памиро-Алай — катакомбы Мааша и Кызыл-туу в Чон-алае),[2] носит скорее характер культуры кочевников, чем пастухов, тем более оседлых земледельцев. Но и здесь археологи находят ясные доказательства связи с оседлой культурой, например просо, глиняную посуду из оседлых районов. Сильнее сохраняют кочевнический характер племена горных районов — Центрального Тянь-шаня и Памиро-Алая, меньше в Фергане и Шаше.

Приобщение кочевников к оседлой культуре происходило, естественно, в местах их непосредственного соприкосновения с оседлой полосой, и прежде всего по Сыр-дарье. Господство кочевников и в частности гуннов, в оседлых районах засвидетельствовано китайскими источниками (Вэйшу) в повествовании об области Судэ.[3]

Коренная ломка общественных отношений, явившаяся результатом первого в истории Средней Азии кризиса, документированного письменными источниками и археологическими данными, наложила отпечаток на городскую культуру.

Эти разные результаты, в гунно-кушанский и эфталитский периоды, объясняются тем, что в первом случае выступали кочевники, издавна сосуществовавшие с оседлыми районами, во втором — кочевники, для которых взаимоотношения с оседлыми районами осуществлялись только в форме завоеваний и обмена-торговли.

---

[1] М. Массон. Находка фрагмента скульптурного фриза первых веков хр. эры. Матер. Узкомст., вып. 1, Ташкент, 1933. См. Труды ТАКЭ, вып. 2.

[2] См. статьи С. Толстова: ВДИ, 1, 1946; Изв. АН СССР, сер. ОИФ, 4, 1944, и 2, 1947.

[3] А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. КСИИМК, XXI.

[4] Sten Konow. Ein neues Saka-Dialekt. SPAW, 1935, XX, стр. 904 и сл.

[1] По этому вопросу см. наши работы: Кенкольский могильник. Л., 1940; Из истории гуннов I в. до н. э. Сов. востоковед., I, Л., 1940.

[2] Значительная часть материалов еще не опубликована. Результаты наших раскопок см. в вышеуказанных работах. Ср. аналогичный материал в работе В. Ф. Гайдукевича: Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, XIV, 1947. Ср.: М. Массон. Археологические исследования Узбекистана. Сб. «Наука в Узбекистане за XV лет», Ташкент, 1939.

[3] Подробно об этом и впервые: F. Hirth. Über Wolga-Hunnen und Hioung-nu. SKAW, 1899, т. II, вып. 2.

Следует указать, что ослабление оседлых государств вызвало к жизни усиление активности кочевников. Внутренние процессы распада оседло-земледельческих государственных образований привели к тому, что соседящие с ними кочевники воспользовались этим ослаблением и усилили свои набеги. Если внешне поход гуннов и эфталитов схож с нашествием германцев на Рим, то по существу здесь значительная разница. Гунны не несли Согду общину и феодальные порядки, как славянские и германские племена Риму.

Кочевники-завоеватели лишь разрушили остатки среднеазиатско-античной культуры. Кризис наступил прежде всего в результате внутренних процессов развития рабовладельческого строя.

И вместе с тем упадок городской жизни в этот гунно-эфталитский период следует рассматривать не только как результат политического кризиса или насильственного разрушения, а как проявление больших сдвигов в социально-экономическом строе общества.

Отмечаемое археологами в этот период запустение древних античных городов, например в Термезе [1] или на Афрасиабе,[2] прежде всего знаменует переход к новым типам общественных отношений — феодальным. В связи с этим появляются иного типа поселения, прекрасно выявляемые прежде всего в Хорезме,[3] отчасти в Семиречье [4] и Бухарском оазисе.[5] В это время преобладает расселение в замках и деревенских усадьбах-селениях. Общинные города архаического типа рабовладельческого периода прекращают свое существование. Средняя Азия покрывается многочисленными укрепленными жилищами сельского населения и замками аристократии. Пульс городской жизни резко ослабевает. Такая картина в Средней Азии остается до раннего средневековья, когда мусульманская литература отмечает многочисленные кешки, а затем уж отдельные города. Именно эта «децентрализация» общественной жизни вызвала в основном упадок городской жизни в переходный период от античности к средневековью, а не разгром оседлых районов кочевниками, как это часто рассматривается в качестве главной причины упадка.

С этого времени, с IV—V вв. н. э., углубляется органическая связь кочевников-тюрок с оседлыми районами, проявляющаяся в двух формах: 1) зависимость ряда областей Средней Азии от кочевников и 2) колонизационное движение оседлого населения в среду кочевников. Доказательством этому является вся структура отношений в эпоху тюркского каганата, наметившаяся еще в предшествующий период.

Напомню расцвет строительства в отдельных центрах эфталитского государства, например в Бамиане. В бухарском оазисе весьма яркий памятник эфталитского времени — дворец Бухар-худатов в Варахше.[1] Однако большинство исследователей склонно считать, что Варахша — памятник VI—VIII вв., а не эфталитов.

Однако отдельные памятники такого типа, как Варахша, еще не свидетельствуют о расцвете городской культуры, которая в это время явно переживает упадок; в этом отношении Средняя Азия напоминает Западную Европу после падения Рима. Особенность развития культуры при переходе от античности к феодализму была отмечена еще К. Марксом и Ф. Энгельсом.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс выделили особую группу завоеваний, связанных с «разрушением старой цивилизации варварским народом и следующим за этим образованием заново иного общественного строя (Рим и варвары, феодализм и Галлия, восточноримская империя и турки). У варварского народа-завоевателя сама война, как уже было выше указано, еще является регулярной формой сношений, которая используется все более, по мере того как прирост населения, при традиционном и единственном для него возможном примитивном способе производства, создает потребность в новых средствах производства».[2]

Последствием таких завоеваний является возникновение феодального типа собственности. В том же труде К. Маркс и Ф. Энгельс прекрасно резюмируют этот тезис: «Если античность исходила из *города* и его небольшой округи, то средневековье исходило из *деревни*. Эту перемену исходного пункта обусловило первоначальное редкое и рассеянное по обширной площади население, которое завоеватели не увеличивали сколько-нибудь значительно. Поэтому, в противоположность Греции и Риму, феодальное развитие начинается на гораздо более широком базисе, подготовленном римскими завоеваниями и связанным с ними вначале распространением земледелия. Последние века клонившейся к гибели Римской империи и самое завоевание ее варварами разрушили множество производительных сил; земледелие пришло в упадок, промышленность, за отсутствием сбыта, захирела, торговля замерла или была насильственно приостановлена, сельское и городское население

---

[1] М. Е. Массон. Работы термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг. Труды АН УзССР, сер. 1, т. II.

[2] В. Л. Вяткин. Афрасиаб. Городище былого Самарканда. Ташкент, 1926.

[3] С. П. Толстов, ВДИ, 1, 1946.

[4] А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

[5] В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940.

[1] О нем см.: В. А. Шишкин. Исследование городища Варахша и его окрестностей. КСИИМК, X. Из последних работ В. А. Шишкина об этом замечательном памятнике см.: Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, вып. 4.

[2] К. Маркс, Ф. Энгельс, Собр. соч., т. IV, стр. 13.

убыло. Сложившиеся таким образом обстоятельства и обусловленная ими организационная форма завоевания развили, под влиянием структуры германских войск, феодальную собственность».[1] К этому тезису К. Маркс и Ф. Энгельс возвращались неоднократно; напомню, что эти положения были четко сформулированы в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Картина, нарисованная К. Марксом и Ф. Энгельсом, полностью соответствует тем представлениям, которые начинают складываться в нашей науке в отношении Средней Азии накануне тюрко-согдийского времени — VI—VIII вв. За внешними проявлениями упадка и экономического кризиса следует видеть генезис новых форм общественных отношений, не ограничиваясь только констатацией экономического упадка. Следует указать, что С. П. Толстов, на ярких памятниках Хорезма анализируя смену типов поселений, правильно подчеркнул значение этого периода, противопоставляя среднеазиатские города поздней античности расселениям афригидского времени.[2]

В отношении Средней Азии следует только подчеркнуть, что упадок был преодолен в очень краткий срок, поскольку на VI—VIII вв. падает новый расцвет ее своеобразной культуры.

К VI—VIII вв., когда непосредственно в районах кочевников складывается первое государство — Западнотюркский каганат (580—704 гг.) — и государство тюргешей (704—766 гг.), мы имеем длительную предисторию развития различных форм сосуществования кочевников и земледельцев.

Крайне любопытны сложившиеся к этому времени отношения. В Тохаристане, по свидетельству китайцев, в VIII в. сидели тюркские ябгу, олицетворявшие политическую власть, как бы преемственно от кушан и эфталитов. Еще в 30-х годах VIII в. Тохаристан, по свидетельству Сюань Цзана, представлял собой развалины.

Знаменателен переход к тюркам кушанского титула власти — ябгу, усунь-кушанского — хихэу, титула явно не тюркского происхождения.

Этническая принадлежность владетелей Тохаристана остается тюрко-эфталитской до арабов, которые неоднократно отмечают здесь хайталов и тюрок-карлуков (вспомним хотя бы традицию, сохраненную Табари).[3]

В Согде тюрки после эфталитов удерживают свою власть, и это на примере бухарского эпизода расправы с Абруем неоднократно получало свое освещение.[1] А ведь VIII в. для Тохаристана и VII для Согда — отнюдь не время упадка, а наоборот — расцвета. Если для Тохаристана мы пока располагаем только фактами политической истории, например свидетельствами китайских источников о развитой посольской и торговой деятельности, то для Согда мы имеем богатейший археологический материал, документирующий этот расцвет. В стране тюрок, в Семиречье, по свидетельству того же Сюань Цзана, еще в 30-х годах VII в. были цветущие земледельческие оазисы.

Уже от эфталитского времени дошли свидетельства об укреплении государственного строя в этих районах и о новых тенденциях в развитии культуры. Мы имеем в виду такие факты, как укрепление восточных границ на Памире, чеканка эфталитских монет,[2] дворец в Варахше [3] и т. п. Для тюркского периода и Согд дает документы, характеризующие его расцвет. Позиции Согда укрепляются на Сырдарье.[4] В это время начинается этап наиболее активного проникновения согдийцев в Семиречье, Чуйскую долину и ферганцев на Тянь-шань, усиление влияния оседлого населения в Памиро-Алае, прежде всего в Каратегине.[5]

В VI—VIII вв. происходят знаменательные события: новый этап более активных взаимодействий кочевников и оседлого населения, активизация оседлого населения в этих кочевых районах, впервые отмеченная еще в кушанский период; появление согдийских колоний в Чуйской долине, зарегистрированных руническими надписями под именем alty čub soγdaq, что было еще отмечено В. Томсеном,[6] а ныне подтверждено не только многочисленными свидетельствами письменных источников, обобщенных В. В. Бартольдом,[7] но и нашими разысканиями в области археологии; появление ферганских колоний на Тянь-шане (оазис Ширдакбек), открытых нами в 1945 г., — это наиболее яркий из многочисленных фактов, свидетельствующих о связан-

---

[1] Там же, стр. 14.

[2] С. П. Толстов. Топрак-кала. Изв. АН СССР, сер. ОИФ, № 4, 1944, стр. 188. Об этом же см. его статью: Новые материалы по истории Хорезма. ВДИ, 1, 1946, стр. 74.

[3] С. Толстов. Тирания Абруя. Исторические записки, вып. 3.

[1] См. по этому поводу: А. Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв. Сов. этнограф., 3, 1947, стр. 52 и сл.

[2] H. F. J. Junker. Die Hepthalitischen Münzinschriften. SPAW, XXVII, 1930.

[3] Литературу о нем см. выше, стр. 268, прим. 1.

[4] А. И. Терепожкин. Раскопки холма Ак-тепе близ Ташкента в 1940 г. Изв. УзФАН, 3, 1941.

[5] См. наши работы: Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, VI, 1940; Из истории культурных связей Ферганы и Тянь-шаня. Сб. «Академику К. И. Скрябину», Фрунзе, 1945; ср.: Изв. КиргФАН, вып. 6, 1947. — Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина. Сталинабад, 1941.

[6] V. Thomsen. Inscriptions de l'Orkhon. Helsinki, 1896.

[7] В. В. Бартольд. К вопросу о языках согдийском и тохарском. Сб. «Иран», I.

ности тюрков-кочевников с оседлыми земледельческими поселениями. И когда Сюань Цзан в 630 г. рассказывает о цветущих земледельческих оазисах Чуйской долины и Таласа, он отмечает, что все эти города находятся под властью тюрок, хан которых сидит в соседней долине Чон-кемина в городе-ставке — Суябе.

Тюркское население в это время, особенно в VIII—X вв., занимало, кроме указанных районов, Фергану, область Хайлам (Кетмень-тюбе), располагалось по Сыр-дарье, в степях Казахстана, а археологические обследования, широким фронтом проведенные в последние годы, показали довольно высоко развитую оседло-земледельческую и городскую культуру этих районов. Именно археологические обследования «подтвердили существование» городов гузов Истахри,[1] обнаружили расцвет городов феодального типа в Семиречье (особенно в XI—XII вв.),[2] открыли земледельческие поселения в Кетмень-тюбе, которые продолжают традицию оседлой культуры еще первых веков н. э.

Особенно активно эта жизнь протекает в Семиречье в карлукский период (в VIII—X вв.) и на Сыр-дарье в огузский период (то же время). Здесь происходит установление более тесных взаимоотношений тюрков-кочевников и земледельцев, среди которых наряду с согдийцами было также немало тюрков. Карлукское время объясняет успех создания и формирования тюркской, кочевнической по своему происхождению, Караханидской династии XI—XII вв. Даже в областях ягма, наиболее воинственных и диких племен тюркской группы, с которыми связывают происхождение Караханидской династии (хотя не снят еще вопрос о роли уйгуров), были города-ставки (Атбаш, Каджингар-баши). И не случайно поэтому вновь созданная династия из среды кочевников-тюрок успешно управляет разнообразными по своему экономическому укладу областями Синцзяна, Тянь-шаня, Семиречья и среднеазиатского междуречья, подобно тому как огузы-сельджуки управляли областями от Хорезма до Малой Азии.[3] Не случайно поэтому находит себе место в этих государствах дидактика, повествующая об управлении государством (в сочинении Низам ал Мулька «Сиясет-намэ» и Хаджи Юсуфа Баласагунского «Кудатгу Билик»), о найденных способах «примирить» интересы кочевника, земледельца и ремесленника. В этом отношении особенно поучительны соответствующие главы Кудатгу Билик.[1] Если сасанидские судебники были рассчитаны на те социально-экономические отношения, где существенную роль играют в качестве непосредственного производителя рабы — «бандак» и «аншахрик»,[2] если в китайских законах, до династии Тоба, особую роль в императорском законодательстве играют декреты о рабах — «нубэй»,[3] то сочинения вроде Кудатгу Билик всем своим существом проникнуты духом феодальных отношений в сложном по своему укладу обществе. В этом процессе огромную роль играли как оседлые земледельцы, так и кочевники, в частности предки современного тюркоязычного населения Средней Азии. По-моему, суть этого процесса в искони складывавшихся взаимоотношениях кочевников и земледельцев, в которых не единственной стороной являлись войны-завоевания. Это был результат исторически сложившихся необходимых связей обеих сторон. И не случайно в этом единстве кочевники иногда, хотя и далеко не часто, выступали в помощь оседлым районам в период их политического кризиса перед внешней угрозой.

Напомню связь саков и согдийцев в борьбе против Александра Македонского в IV в. до н. э., обращение Гурека к тюркам за помощью против арабского завоевания в начале VIII в., участие эфталитов в маздакитском движении в V в. и ряд других фактов, отмеченных в специальной литературе и еще далеко не обобщенных.

Очень интересно было бы провести с этой точки зрения изучение ономастики, которая показывает, что согдийцы носят тюркские имена (Тархун) и т. д. Это свидетельствует о близости к земледельцам среды кочевников-тюрок, что неоднократно отмечали исследователи.

Сторонники старого взгляда на взаимоотношения тюрок-кочевников и иранцев-земледельцев Средней Азии, как только на враждебные, могут ответить нам (и отвечают) двумя возражениями: указанием на строительство так называемых «длинных» стен и на экономический и культурный упадок.

Начнем со второго — с вопроса об упадке культуры. За внешним проявлением упадка может стоять совершенно различное содержание, так же как и за внешним проявлением богатства. Нам уже довелось показать, что богатство Ноинулинских курганов гуннского времени в Монголии отражало политический

---

[1] С. П. Толстов. Города гузов. Сов. этнограф., 3, 1947.

[2] А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941; Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

[3] См. нашу статью «Уйгуры в Семиречье» (Сб. «„Белек" С. Е. Малову», Фрунзе, 1946); А. Ю. Якубовский. Сельджукское движение и туркмены в X в. ИАН, ООН, 4, 1937; В. Гордлевский. Государство сельджуков Малой Азии. М.—Л., 1941.

[1] С. Малов. Из третьей рукописи Кудатгу Билик. ИАН, 1929, стр. 738; Ср.: А. Валитова. К вопросу о классовой природе караханидского государства. Труды КиргФАН, т. I. Фрунзе, 1943.

[2] Ch. Bartholomae. Über ein Sasanidisches Rechtsbuch, Sitzungsber. d. Heidelberg. Ak. d. Wiss., Phil.-hist. Kl., II (Abhandlungen).

[3] Pippon Toni. Beitrag zum Chinesischen Sklavensystem. Tokyo, 1936.

кризис гуннского племенного союза.[1] Богатство паразитических ставок монгольского государства и Золотой Орды выросло в «иго кровавого болота». Реакционное по своему характеру монгольское завоевание, тянувшее молодой и прогрессивный тогда феодализм в бездну варварства и одичания, было катастрофой для человечества, катастрофой, от которой защитила Западную Европу Русь. Здесь завоевания кочевников имели совсем другой смысл и содержание, поскольку они происходили в иных исторических условиях. Монголы и втянутые в их завоевание кочевники происходили из другой среды, находились на ином этапе общественного развития. Они предпочитали пастбища посевам и городам. Об этом говорит Рубрук, характеризуя поведение монголов в Илийской долине: «На выше упомянутой равнине прежде находилось много городков, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища».[2] По этому поводу читаем у К. Маркса: «. . .монголы при опустошении России действовали соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием».[3]

Когда слагались феодальные отношения, монгольское завоевание имело реакционный характер, было губительным для экономики и культуры новой, прогрессивной общественно-экономической формации. Это не удар «варваров» по изжившей себя рабовладельческой системе, омолодивший историю, по выражению Ф.Энгельса.[4] Это не удар «варваров», которые, по словам И. В. Сталина, «объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим».[5]

Из возникшего после монгольского завоевания кризиса в Средней Азии пытаются найти выход потомки Чингиза. Напомню решение курултая 1269 г. на Таласе, когда запрещалось пасти стада на пашнях в Семиречье, напомню также тенденции примирения кочевников и земледельцев не только у Хайду, но и у Тармаширина [6] и других; отмечу политику Золотой Орды, при которой явно намечается некоторый подъем городов по Сыр-дарье.[7] В этих новых условиях, судя по археологическим данным, наибольших успехов, видимо, добился все же Тимур.

Таким образом, взаимоотношения кочевников и земледельцев, имевшие место в Средней Азии в древности, носили разный характер и, главное, имели иные последствия.

Что же это за стены, ограждающие земледельческие оазисы от кочевников? О стене Антиоха мы уже говорили выше. Изучение роли китайской стены показало, что она имела, быть может, большее значение для выполнения «полицейской» функции Ханьского Китая, чем для защиты от гуннов. Об этом говорит и докладная записка императору чиновника Хэу Ина, и — ярче всего — ответ китайского императора гуннскому шаньюю Хуханье: «Шаньюй в представленном докладе предложил снять по северной границе служащих воинов охранных гарнизонов и принять ее охрану на своих детей и внуков. Шаньюй, порываемый любовью к благоприличию и справедливости, предложил самое прочное средство к облегчению народа, которое я одобряю. Китай со всех четырех сторон имеет крепости и заставы не только в целях защиты внешней границы, но и для обуздания своевольствующих и бунтующих жителей Китая, которые выходят за границу и производят грабежи: поэтому для успокоения народа предпринимаю законные меры».[1] Этой «законной мере» и служили кампыр-дувалы Средней Азии, как и лимесы Римской империи, о чем свидетельствует разговор у гуннов Приска Панийского с беглым римлянином, бежавшим от хороших, но «плохо используемых» законов Рима.[2]

Отрезки стен,[3] ограничивающие оазисы Средней Азии, не могли быть надежным препятствием в случае набега кочевников. Кочевники всегда могли обойти эти стены, учитывая, что они не были замкнуты и не примыкали к естественным преградам. Уж если кочевники могли проходить через трудные ущелья и перевалы Тянь-шаня и Памиро-Алая, то не кампыр-дувал мог остановить (как действительно не остановил позднее) их движение. А для удержания населения в границах государства такие стены несомненно были эффективны.

Никогда кочевники не играли той роли и не имели такого влияния, как в период ран-

[1] А. Н. Бернштам. Гуннский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение. ИАН, вып. 4, 1937.

[2] Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод А. И. Малеина, СПб., 1911, стр. 105.

[3] К. Маркс, и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XII, ч. 1, стр. 188.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. XVI, ч. 1, стр. 132.

[5] И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр. 432.

[6] В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943.

[7] А. Якубовский. Тимур (опыт краткой характеристики). «Вопросы истории», 1946, 8—9. Из ранних работ его см.: Феодализм на Востоке. Столица Золотой Орды — Сарай Берке. Л., 1932. Там же указания на другие работы на эту тему. Ср. его: Золотая Орда. Л., 1934.

[1] А. Бернштам. Из истории гуннов I в. до н. э. Сов. востоковед., т. I.

[2] Г. С. Дестуннис. Сказание Приска Панийского. Уч. Зап. II отд. Акад. Наук, кн. VII, вып. 1. СПб., 1861, стр. 52 и сл.

[3] Об этих стенах и их роли неоднократно говорил В. В. Бартольд, датировавший их XIII в. См., например, его: История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. Подробное и наиболее тщательное обследование после Л. Зимина провел в 1934 г. А. Якубовский. См. его статью: Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину. ТОВЭ, II, 1934. Там же см. литературу вопроса.

него средневековья. Кочевники не имели той феодальной собственности, которая необходима для полного развития феодализма.[1]

Кочевники — тюркоязычные племена становились прогрессивными, когда они переходили на оседлость. Возглавляемые своей знатью, они разоряли оседло-земледельческие оазисы и наносили большой ущерб развитию производительных сил, опустошая огромные пространства.

Особое значение имеют сельджукский и караханидский периоды. Это было время, когда выделялась кочевая аристократия. Несомненно, что это была жадная феодальная знать, стремящаяся к грабежам и накоплению сокровищ в результате набегов и ограблений. В ином положении были трудящиеся скотоводы, как и трудящиеся земледельцы, для которых гнет пришельцев в одинаковой степени был тяжел.

Караханидский период завершает историю сложившихся в древности взаимоотношений кочевников и земледельцев в Средней Азии. Размах строительного дела в это время, гигантское развитие ремесла и торговли в новых для них районах, строительство городов и караванных дорог, по наследству перешедших затем к монголам, — знаменуют подъем культуры Средней Азии, а не ее упадок. Некоторое ухудшение в технике гончарного производства — результат возросших требований при ограниченных еще возможностях растущего ремесла, а отнюдь не захирения в результате завоевания.

Таким образом, в домонгольский период тюрки-кочевники Средней Азии явились соучастниками строительства культуры, подобно уйгурам в Восточном Туркестане.[1] Они не были только неразборчивыми потребителями продукции ремесленников из иранского населения Средней Азии, только «варварами», разрушающими строительство и культуру оседлых районов. Высокая культура прошлого народов современных среднеазиатских республик — плод творчества их прямых предков, как иранских, так и тюркских народностей.

А этим определяются подлинная роль и место тюрок-кочевников в истории Средней Азии.

[1] И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 41.

[1] По-иному освещена роль тюрков в истории культуры Средней Азии в работе А. Якубовского «К вопросу об этногенезе узбекского народа» (Ташкент, 1941). О культуре бывших кочевников уйгуров в развитии культуры Восточного Туркестана см. его статью: Арабские и персидские источники об уйгурском турфанском княжестве в IX—X вв. ТОВЭ, IV. О роли кочевников уйгур в истории Синьцзяня см. у нас в статье: Проблемы древней истории Восточного Туркестана. ВДИ, 2, 1947.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПАМИРА

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОБЩИЙ ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПАМИРА

1. ОСОБЕННОСТИ ЛАНДШАФТОВ

Своеобразие изучения памятников Памира заключается в том, что особые географические и исторические условия создали соответствующую специфику расселения древнего человека. Высокогорные пустыни Восточного Памира, в основном в южной части, обильно орошены такими речными системами, как Ак-су—Мургаб, Аличур, Истык и Памир. По берегам этих и более мелких рек имеется относительно большой (для Памира) травостой, обеспечивающий пропитание для скота. Северная часть Восточного Памира (Маркан-су, берега оз. Кара-куль) вовсе лишена этих благ. В условиях примитивного хозяйства движение в меридиональном направлении для древних кочевников было почти исключено, учитывая пустынный характер этой части Восточного Памира. Единственная, пожалуй, меридиональная речная магистраль, способная обслужить скотоводов, — Ак-байтал — проходит незначительную часть пути с С на Ю. Зона с.-в. пустыни Памира, начинающаяся сразу к Ю от перевала Кызыл-арт, всегда была барьером для северных племен Алая и Чон-алая, преграждавшим прямой путь на Ю. В северной части Западного Памира эту роль играл еще более крутой барьер снеговых гор и хребтов — узел Гармо. Пригодные для использования человеком зоны Памира были отрезаны от непосредственного общения с северными территориями. Связь с ними, как можно полагать, исходя из географических данных, осуществлялась только в обход, с В через Тау-мурун и Сарыкол и с З через Каратегин—Дарваз и далее к южным областям Памира. Этими географическими условиями объясняется широтная протяженность памятников древности к С от Памира и на юге Памира.

В памятниках прекрасно «ощущаются» пустыни Памирского нагорья (рис. 114).

Протянувшиеся в широтном направлении реки и пастбища южного Памира стали центрами его жизни, трассами торговых и политических коммуникаций. Среди них трасса верхнее Ак-су—Истык—р. Памир, как показали наши археологические разведки, была основной, по сравнению со средним течением рек Ак-су — Мургаб или, тем более, такими долинами как Пшарт. Долина Ак-байтал, переходящая в пустыни — Музколь, Кара-куль, Маркансу и т. п., вообще не привлекала людей древности.

Освоение Восточного Памира, сложное из-за огромных пространств и ограниченности ресурсов для пропитания (трудность охоты, требующей больших переходов за чутким высокогорным зверем — горным козлом и архаром; невозможность использования земель для древнего человека, с его примитивной техникой земледелия), было под силу не пешему охотнику, а только всаднику. Поэтому в течение многих веков на Памире господствовали только скотоводы, от которых остались лишь маломальски приметные могильные памятники, но почти нет надежды обнаружить стойбища.

Думаю, что мы будем недалеки от истины, утверждая, что только с приручением скота, быть может со всадничеством, началось освоение Восточного Памира. Стойбища кочевников всегда содержат столь малые следы пребывания человека, что их трудно проследить даже в условиях подгорных долин, где было большое и густое население, не говоря уже о редких стойбищах древнего человека Памира. Напомним к тому же мощную эрозионную деятельность на Памире, стиравшую всякие следы слабых культурных слоев древнекочевнических стойбищ. Таковы особые условия Восточного Памира. Специфична археология и Западного Памира. С глубокой древности географическая граница Восточного и Западного Памира, проходящая по меридиану Лянгар, оз. Турумтай, перевалам Тагаркаты и Койтезек, оз. Яшилькуль и Сарез, была границей и двух форм хозяйства: кочевого скотоводства на Восточ-

ном Памире, земледелия и пастушеского скотоводства на Западном.

Отличающиеся великолепным климатом и богатой растительностью долины Западного Памира [Вахан (Пяндж), Шахдара, Гунт, Бартанг, Язгулем и т. д.] не могли не привлечь издавна человека. Но Западный Памир поставил преграды для его деятельности: камнепады, завалы меняли рельеф долин и отбирали у человека клочки земли, годные для эксплоатации. Таким образом, площадь земли, удобная для обработки, здесь весьма ограничена. Этим вызывалось то положение, что человек, испокон веков заселявший эти территории, максимально использовал поселения своих предшественников. Перепланировывались земельные террасовидные участки пашен, перестраивались древние крепости, строились из старого строительного материала новые загоны для скота или общинно-родовые крепости, очищались от древних построек участки для пашен. В подавляющем большинстве случаев все старые крепости, которые мы видели по Гунту, Шахдаре, Вахану, несут следы многих переделок и выступают ныне как архитектура шугнанцев или ваханцев. Отслоить старое от нового, учитывая очень сильную традиционность в технике и культуре населения Западного Памира (гальча), представляет особую трудность. И лишь единицами насчитываются памятники, в которых обнаруживаются характерные следы древней культуры.

Таковы те особенности в изучении памятников Памира, которые следует отметить, прежде чем перейти к обзорам отдельных областей. Надо сказать, что эти особые условия не учитывались в должной мере нашими предшественниками, основные наблюдения которых нам предстоит изложить.

2. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Памиру посвящены буквально тысячи работ; главным образом это естественно-географические описания его природы, ландшафтов и т. п. Гораздо меньше уделялось внимание человеку, заселявшему Памир, особенно в древности. Работ, посвященных истории Памира, а тем более археологии, крайне мало. Это не значит, что Памиром (в известной мере это относится и к ближайшему его соседу — Алаю) никто не занимался. Памир посещали многие путешественники, и одна сводка И. Минаева достаточно ясно об этом говорит.[1] К рубежу н. э. наука уже знала, во всяком случае, крайние отроги Памира: китайская — под именем Цунлин («Луковые горы»), — очевидно, район Тагдумбаш Памира; античная — под именем гор Имаус, вероятно Заалайский хребет.[1] В первоначальных сведениях Памир — это мощная горная цепь. Лишь позднее, когда племена и путешественники начали пересекать Памир и входить в его внутренние долины, и прежде всего в южные, площадь Памира как бы расширяется; начинают отмечаться его отдельные урочища и племена, там живущие. Создается географическое понятие о Памире как о совокупности горных гряд, как о площади, а не только линейно протянутом одном горном хребте. Эта географическая характеристика Памира складывается к середине VII в., когда впервые становится известным имя этой страны в китайской транскрипции — Памило.[2] Отмечу, что под термином Памир явно подразумевается Восточный Памир. Западный Памир известен под названием долин Вахан (Хуми или Бохо), Шугнан (Шини, Шикини). Особенно это ясно из текста Хой-Чао.[3] Хотя в последующее время география Памира все более и более уточняется, сведения о нем были столь незначительны, что в ранних географических картах вплоть до XVIII в. для Памира почти не остается места и он отмечается только своими пограничными хребтами; это свидетельствует о том, что исследователями не был понят «объем» этой страны.[4]

Однако Памир был местом, с которым многие народы и племена издавна связывали свою историю, эпическую традицию. Как показал уже Гейгер,[5] авестийской стране «Хара Березайти» («горы, вечно покрытые снегом»), откуда начинаются реки Ардвисура (Аму-дарья) и Ранка (Сыр-дарья), соответствуют вечно снеговые горы Тянь-шаня и Памиро-Алая, где действительно начинаются истоки величайших рек Средней Азии. С этой страной связана эпическая традиция Вед о миграции арийцев — пастухов-скотоводов, начавших новую «арийскую» эру в Северной Индии, Афганистане и Восточном Иране.[6] Памир оказывается в центре внимания кабинетных ученых, гадающих о роли его в истории Востока. Создается серия работ (в основном Гейгера и Герцфельда); многочисленные теории пытаются объявить

[1] И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-дарьи. СПб., 1879.

[1] Al. Hermann. Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike. Quellen und Forschungen zur Geschichte der Geographie und Völkerkunde, т. I. Leipzig, 1939.

[2] Впервые у Сюань Цзана. См., например: S. Beal. Si-yu-ki. Buddhist Records of the Western World, т. II. London, стр. 297.

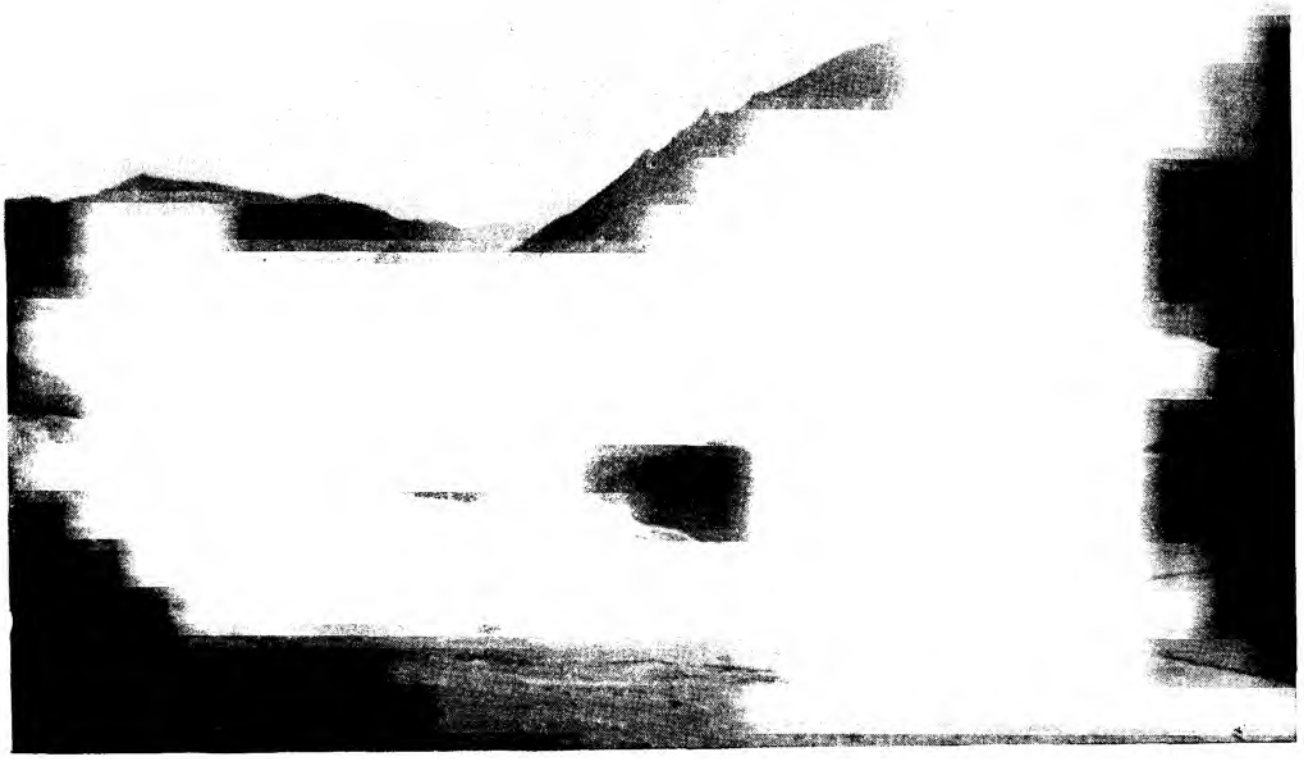
[3] Walter Fuchs. Huei-chao's Pilgerreise durch Nordwest Indien und Zentral Asien im 726. SPAW, XXX, 1938, стр. 426 и сл.

[4] Традиция, идущая от древнейшей картографии Китая. Ср.: A. Herrmann. Die ältesten chinesischen Karten von Zentral- und Westasien. Festschrift für Friedrich Hirth. Berlin, 1920.

[5] W. Heiger. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882.

[6] W. Heiger, ук. соч., стр. 3 («первые следы древнеиранской культуры ведут нас в горный мир Средней Азии», — в частности на Памирское плато, Алай и Тянь-шань).

1



2

Рис. 114. Восточный Памир. Горные ландшафты.

Памир одной из прародин индоевропейских племен. Назойливая идея приводит к тому, что Херцфельд [1] даже при конструировании исторических карт переносит на Памир китайское описание страны Таюань (Ферганы), не считаясь ни с географическими, ни с историко-археологическими данными об этой стране.

Сбор и интерпретация исторических сведений об этой загадочной стране, начавшиеся на рубеже н. э., продолжаются и поныне. Лучшей для своего времени сводкой исторических известий являлся труд Н. Аристова.[2] Однако и он не был свободен от основного недостатка: все историко-географические выводы и наблюдения накладывались на карту Памира без учета следов исторической деятельности здесь человека, без учета карты археологических памятников. Некоторым извинением этому была почти полная неизученность Памира в археологическом отношении. Отдельные памятники Памира, крепости и наскальные изображения отмечались в литературе давно, еще с конца XIX в. Упоминали крепости Вахана Гордон[3] и Свен Гедин,[4] но оба не давали ни планов и рисунков этих крепостей, ни мало-мальски четкого их описания, не говоря уже о более точном историко-археологическом определении. Попытку дать какое-то описание крепостей Вахана и Западного Памира и даже отнести их к парфяно-сасанидскому времени можно найти в труде Олуфсена в связи с участием его во второй датской экспедиции в 1898—1899 гг.[5]

В начале XX в. Памиром занимается небезызвестный А. Стайн, который больше чем кто-либо другой останавливает свое внимание на древних руинах Западного Памира,[6] прежде всего на крепостях-городищах Вахана (Исор, Ямчун, Каахка), а впоследствии даже набрасывает краткий исторический очерк страны.[7]

Регистрацию отдельных памятников, часто уже с повторением известного, можно найти в дореволюционных работах русских ученых — А. Бобринского [1] и М. Андреева.[2] Достоинством и своеобразием этих двух авторов является освещение древних памятников Западного Памира в свете этнографических и фольклорных данных. После 1917 г. только А. Ниалло [3] и В. Рацек [4] регистрируют сведения о древностях Памира, в основной своей части известных по трудам их предшественников.

На фоне этого скудного перечня имен наиболее фундаментальными обзорами источников и исторических сведений оставались вышеупомянутые труды русских ученых И. Минаева и Н. Аристова, а наиболее обстоятельное описание крепостей Западного Памира принадлежало А. Стайну. Однако А. Стайн (который «отвечал» перед наукой больше, чем кто-либо другой, в части археологии), посетивший Алай [5] и большую часть Памира, не справился с задачей археологического изучения Памира. Он не увидел археологических памятников Алая, пропустил их на Восточном Памире, и его внимание остановили только многометровые стены крепостей Западного Памира, в основном Вахана, предварительно уже обследованные Олуфсеном. Он, наконец, пропустил за крепостями шугнанцев остатки древних поселений Шахдары и Гунта. В тех случаях, когда он останавливал свое внимание на встреченных памятниках, он не справился с их определением и объяснением, так как его внимание не привлекли керамика и невзрачные для любителей редкостей археологические находки, раскрывающие датировку этих сооружений и принадлежность их к определенной культуре. Археологически Памиру не повезло. Историко-археологической характеристики Памира не существовало, что позволило и впредь пользоваться «крышей мира» для построения всяких спекулятивных теорий вроде «арийских завоеваний» и видеть в нем прародину (одну из многих, но не последнюю) индоевропейцев. Об этом наглядно говорит уже цитированная выше работа Герцфельда.

Начав с 1945 г. раскопки на Алае, а с 1946 г. — на Памире, мы чувствовали себя пионерами в деле археологического обследования этой высокогорной страны, прекрасно сознавая и те трудности, которые перед нами стояли. Они заключались в сложности прохождения горной страны, в особенностях ее памятников, в слабой освещенности письменными источниками. Мы отлично отда-

---

[1] E. Herzfeld. Sakastan. Archaeologische Mitteilungen aus Iran, т. IV, вып. 1. Окт. 1931, стр. 24. Ср. карту.

[2] Н. Д. Аристов. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям. Русск. антрополог. журн., 1900, № 3; 1901, №№ 2, 3, 4; 1902, №№ 1, 2, 3; 1903, № 1; 1904, №№ 1, 2, 3, 4.

[3] The Roof of the World. Реферат работы Гордона см.: Венюков. Путешествие на Памир Гордона. СПб., 1877.

[4] С. Гедин. В сердце Азии. Памир, Тибет, Восточный Туркестан. СПб., 1899.

[5] Through the Unknown Pamirs. The Second Danish Pamir Expedition 1898—99. London, 1904.

[6] A. Stein. Innermost Asia, т. II, гл. XXV. Oxford, 1928.

[7] A. Stein. Serindia, т. I, гл. I и II. Oxford, 1921.

[1] А. А. Бобринский. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908.

[2] М. С. Андреев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. Сб. МАЭ, вып. 9, СПб., 1911.

[3] А. Ниалло. По горным тропам. Памирские путевые заметки. Ташкент, 1933.

[4] В. Рацек. Этнографические и археологические наблюдения в высокогорных районах Тянь-шаня и Памира. Изв. ВГО, 4, 1947.

[5] A. Stein. An ancient Central Asian Track. London, 1933.

вали себе отчет в том, что изучение Памира должно быть всесторонним, и подготовили раскопки предварительными широкими обследованиями, тщательным картографированием памятников, внимательным изучением географической среды и поисками письменных известий (очень малочисленных). Мы подошли к Памиру, уже изучив территории Тянь-шаня и Ферганы, развернув «археологическое наступление» на горные районы Алая и Чон-алая, где знакомились с известными нам памятниками горного Тянь-шаня и равнинной Ферганы в новых географических, исторических, этнических и культурных условиях. Алайские долины были для нас территорией «археологической тренировки» для археологического «наступления» на Памир. И, оглядываясь на истекшие годы, вспоминая пройденные маршруты и раскопанные памятники, мы убеждаемся в правильности нашего метода — постепенного археологического освоения территорий, обеспечившего нам понимание и памятников Памира.

Позволим себе дать общую характеристику памятников Восточного и Западного Памира, для того чтобы легче было разобраться в результатах раскопок 1948 г. на Восточном Памире, составляющих основное содержание данной части книги и позволивших завершить первый этап в деле археологического изучения этой страны.

3. ПАМЯТНИКИ ВОСТОЧНОГО ПАМИРА

Мы проехали свыше 200 км по Восточному Памиру от того места, где скрылись последние курганы Чон-алая, пока не натолкнулись на первые курганообразные насыпи. Это были каменные насыпи долины Пшарта, впоследствии оказавшиеся кенотафами. Наши исследования в Алае показали, что предшественники (А. Стайн) просмотрели здесь следы древнего человека; но на первых этапах работы на Восточном Памире казалось, что упрек в исследовательской ошибке сделан напрасно. Однако настойчивое и последовательное знакомство со всеми основными географическими зонами Восточного Памира убедило нас в правильности первоначального суждения. Выше мы уже касались основных законов расселения древнего человека на Восточном Памире. Здесь мы остановимся лишь на деталях.

Наиболее обжитыми на Восточном Памире являются его южные долины. В северной части Восточного Памира курганов нет; в центральной их меньше, чем в южной. На юге и наиболее крупные могильники: если на севере кладбища состоят из 3—5 курганов, то на юге (р. Памир, верхнее Ак-су) они порой содержат по несколько десятков могил (Ак-беит). Типична большая рассредоточенность кладбищ, характеризующая редкое и немногочисленное население. Люди обитали здесь небольшими группами, чему способствовало примитивное экстенсивное хозяйство кочевого скотоводства. Редкость стоянок, отмеченных малыми кладбищами, и удаленность их друг от друга производят впечатление сезонного использования угодий, и только такие комплексы, как Тохтамыш и Ак-беит на верхнем Ак-су и Тамды на р. Памир, дают основание предположить постоянное обитание здесь человека. Однако южные долины Памира, о которых здесь идет речь, не намного лучше Мургаба, Ак-байтала или Пшарта по своим природным ресурсам и условиям для кочевого скотоводства. Долина же Аличура, которая должна была больше привлекать внимание, чем, например, каньон р. Памир, оказывается еще менее заселенной в древности. Чем же это можно объяснить? Очевидно, тем, что не одни только природные ресурсы для скотоводства, но и другие причины играли здесь существенную роль. Это были чисто исторические причины: южные долины дают открытый выход в богатые долины Западного Памира, а главное — в такие страны, как Афганистан, Тохаристан, Восточный Иран, и через Гиндукуш в Северную Индию. Богатство народов этих стран могло привлекать воинов-кочевников, в варварском быту которых грабеж, как примитивная форма обмена, играл значительную роль. Эти долины были одновременно трассой для военных походов, позднее став дорогой купцов и паломников. Вот почему здесь «оседали» и в первую очередь осваивали эти места кочевые племена.

Тип намогильных сооружений Восточного Памира весьма выразителен по своим внешним конструктивным данным. Во-первых, они незначительны по объему и относительно единообразны. Без всякого вскрытия намогильных сооружений можно сказать, что здесь нет ярко выраженного имущественного или классового различия. Об этом же свидетельствуют и вскрытые курганы. Здесь нет существенной градации в насыпях, выделения цепочек могил родовой знати, как это характерно для Семиречья, отмечено на Тянь-шане, известно, хотя и редко, для Алая (Кургак). Во всех этих единообразных и едва приметных, порой слившихся с окружающей местностью, курганах или плоских могилах, к тому же часто перекрытых камнепадом, проглядывает сильная традиция родового строя, задержавшегося в своем распаде в глухих окраинах кочевого мира.

Во-вторых, при рассмотрении этих памятников обнаруживается слабая их дифференциация во времени, т. е. устойчивость погребального сооружения на протяжении веков. Наблюдается очень мало вариантов, а именно: 1) плоская выкладка типа кромлеха, 2) сплошная каменная насыпь, круглая в плане, и 3) овальная в плане каменная могила. Кольцевые и прямоугольные выкладки оказались культовыми сооружениями. Сплошные каменные курганы в основной своей массе

более поздние, чем концентрические кромлехи; часть из них оказывается кенотафами.

Могилы с кромлехами наиболее архаичны и восходят по времени к сакам; каменные сплошные насыпи — к рубежу н. э. и продолжаются до тюркского времени. К последнему относятся и овальные и прямоугольные могилы, вероятно иного этнического происхождения. Но и среди поздних курганов нет следов резкой дифференциации, хотя исторические свидетельства достаточно ясно говорят о резкой классовой дифференциации среди населения. Очевидно, на Памире находили себе приют периферийные, отсталые племена, и он никогда не являлся политическим и культурным центром кочевых племен, в отличие от соседнего Тянь-шаня или даже Алая.

В-третьих, обращает на себя внимание территориально широкая распространенность и многочисленность первого — архаического, кромлехного — типа могил скифского времени, затем каменных курганов. Анализируя карту распространения этих памятников, видишь, что скифского времени курганы занимают все «обжитые» долины Памира и количественно преобладают в каждом могильнике. Так, например, в целиком раскопанном могильнике на р. Памир (Памирская I группа) из 16 погребальных сооружений — 1 тюркское, 2 усуньских и 13 скифского времени. Максимальную густоту заселения в древности запечатлели на Памире сакские племена.

Типическим для ранних могил, в значительной степени и для поздних, является их явное сходство прежде всего с могилами Тянь-шаня, Семиречья и Алтая. Они отличаются не только от погребений Тибета, но и от соседнего Алая. Во всяком случае Памир не знает многих типов погребений — например кумедских, гуннских и других.

Уже эти предварительные наблюдения, закрепленные результатами раскопок 1948 г., показали, что в заселении Памира основную роль сыграли племенные объединения алтайского и тяньшаньского происхождения, т. е. та масса племен, живших за Яксартом к востоку, которых Геродот называл «саки амюргии», а Бехистунская надпись — «саки хаомоварга».

Анализ археологических памятников, особенно после раскопок, со всей убедительностью подкрепил это положение. Трасса движения этих племен вела непосредственно к Тянь-шаню. Одна ветвь очевидно шла через Сарыкол на Памир, другая — через Ферганский хребет в Алай. О том, что именно этот путь наиболее реален, говорит наибольшая заселенность южной части Восточного Памира и отсутствие прямой связи с севером, Алаем. Не случайно «сакский владетель перешел на юг за Висячий переход»,[1] когда часть сакских племен Тянь-шаня в III в. была вытеснена юечжами и усунями. Прежней территорией саков овладели усуни, как говорит тот же текст. Из этого текста достаточно ясно тяньшаньское происхождение саков Памира, что подтверждает и археология. О том, что саки прошли Памир, говорит и другой текст, где отмечается, что они овладели областью Гибинь (северная Индия) и что живущие на СЗ от Кашгара хюсюнь (Восточная горная Фергана) и гюаньду (кумеды) «суть потомки древних саков»;[1] сакского же происхождения и другие племена этого района, например племена уш.

Эти указания письменных источников в сочетании с данными археологии отмечают тяньшаньское происхождение саков Алая и Памира, с двух сторон овладевших этими территориями. На пути в Алай они встретили мощную культуру Ферганы, а в долинах Алая — не менее мощную местную культуру кумедов, вследствие чего в значительной степени утратили свои первоначальные тяньшаньские этнографические черты. Наоборот, на Памире они были более мощной силой, чем местное население (не известное пока нам), почему и сохранили лучше свое «тяньшаньское лицо». Таково, на мой взгляд, происхождение культуры древних обитателей Памира, а в связи с этим и тип памятников и характер их распространения по долинам Памира, постепенно освоенным кочевниками-скотоводами в интересах эксплоатации природных богатств горных долин Памира.

4. ПАМЯТНИКИ ЗАПАДНОГО ПАМИРА

Совершенно иной характер имеют памятники Западного Памира. Резко отличные от восточнопамирского ландшафт и условия для развития хозяйства способствуют тому, что в самобытной культуре древнего населения Западного Памира явно выступает культура Тохаристана, особенно активно себя проявившая в кушанский период. Поскольку Западный Памир был нами исследован только предварительно и лишь с точки зрения интересов изучения Восточного Памира, а основные итоги изложены в специальном труде, мы позволим себе остановиться на общих, итоговых наблюдениях, отсылая интересующихся деталями читателей к нашей работе «Памир и Алай в свете археологических работ 1947 г.».[2]

На Западный Памир нас привлекли курганы кочевников. Они все более и более стягивались в ю.-з. направлении. Они почти обошли богатую долину Аличур и вышли в каньон реки

[1] Цяньханьшу, гл. 96б, л. 1б; И. Бичурин. Собрание сведений. . . , ч. III, 64.

[1] Цяньханьшу, гл. 96, л. 10б; И. Бичурин. Собрание сведений. . . , ч. III, 48. Херман считает, что хюсюнь — китайский перевод имени Хаомоварга (ук. соч., стр. 10). О сакском происхождении племен Алая и Ферганы см. у нас: Проблемы истории Восточного Туркестана. ВДИ, 2, 1947; ср.: там же, 1, 1949; КСИИМК, XXI.

[2] УЗЛГУ, вып. 19, Л., 1952.

Памир, дойдя до перевала Лянгар, который мы отождествляем с китайским названием местности «Висячий переход». Здесь, в урочище Юм-хона, зарегистрированы последние курганы кочевников, как и на перевале Койтезек и у берегов оз. Булун-куль и Яшиль-куль. За «Меридианом Памира» начинался другой мир, особенно своеобразный под лянгарским спуском. Здесь начинаются древние крепости, наиболее активно сопротивлявшиеся возможному нападению с Востока. Правда, еще в каньоне р. Памир, до памирского меридиана, по ущельям Мац и Косрив, О. В. Заленский отмечал остатки руин древних крепостей, долженствовавших защищать горные проходы через Вахан к верховьям Шахдары.

Наиболее мощным укреплением по долине Памир—Пяндж была крепость Ратм, стоявшая на утесе, вдававшемся в устье каньона р. Памир, недалеко от слияния ее с Вахандарьей. Положение крепости Ратм, оставившей в своем тылу выход из долины Вахана, свидетельствовало о том, что основная опасность ожидалась населением Пянджа не с Вахандарьи, а из Памирского каньона. И действительно, расположение курганов показывало, что именно здесь шел основной поток кочевых племен на ЮЗ, на Пяндж. Защищать этот выход в Тохаристан и Бактрию и далее в Индию и Иран должна была крепость Ратм. Эту-то крепость, раскрывающую весь смысл укреплений Западного Памира, и просмотрел А. Стайн, не поняв, тем самым, остальной комплекс укреплений. Аналогична функция комплекса крепостей верховий Шахдары, защищавших долину у оз. Турумтай: крепости Яушан-козы, Абдал, Бутенентык, Джаны-джан и т. п. Наконец, укрепления у с. Токуз-булака и Гунта, в местности Хазарет Имом-хона и Ванк-кала, должны были также отражать возможное вторжение с В.

Комплекс этих крепостей подвергся сильной перестройке в позднейший период, но подъемный материал на их площадках дает возможность для достаточно достоверной датировки первоначальных укреплений. Во-первых, это лепная посуда в виде полусферических чаш, покрытых желтым ангобом, тождественная с керамикой Давани (ранняя Фергана) или керамикой Согда и Кашка-дарьи, именуемой А. Тереножкиным «греко-бактрийской»; [1] во-вторых, кушанская керамика красного цвета и лощения, так же хорошо датируемая, — во всяком случае, со II в. до н. э. до первых веков н. э.; [2] в-третьих, это керамика с красным и коричневым лощением, иногда с сильной примесью слюды, воспроизводящая высокохудожественную керамику Согда VI—VII, [3] — ее мы в условиях этих областей именуем эфталитской.

Эти три основных типа керамики датируют непрерывность жизни укреплений, по крайней мере с III в. до н. э. до VI—VII вв. н. э., на что также не обратили внимание ни Олуфсен, ни Стайн, ни другие исследователи.

Крепости, аналогичные отмеченным, но расположенные гораздо реже, находятся в долинах по всему течению рек. Так, по Гунту отмечу, например, крепости у Чертыма и Ри-

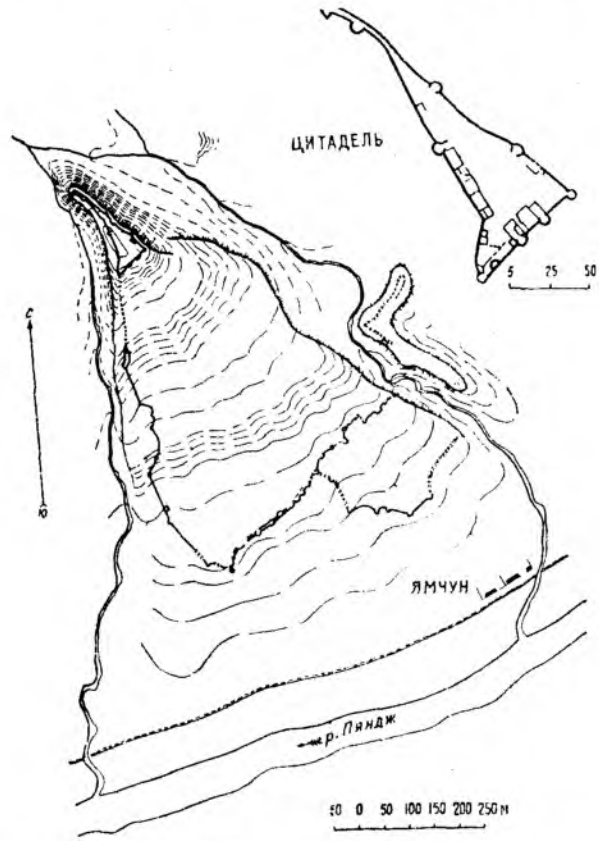


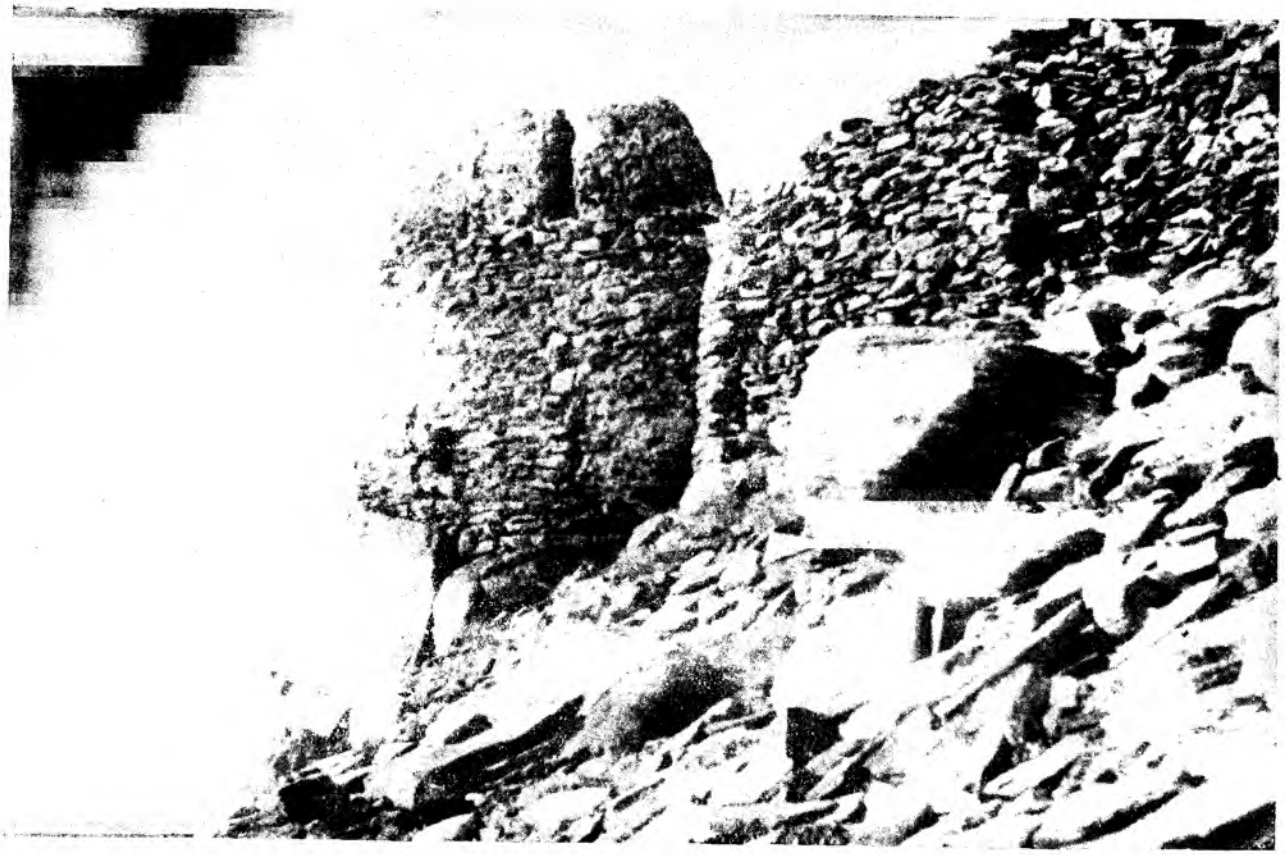
Рис. 115. Западный Памир, Вахан. Крепость Ямчун.

вака, по Шахдаре — Рош-кала. Они больше крепостей по Вахану и гораздо внушительнее по объему, — во-первых, потому, что здесь шла основная дорога с В на З, во-вторых, потому, что Вахан сохранял значение «столичной» долины еще в течение долгого времени, по крайней мере до VIII в.

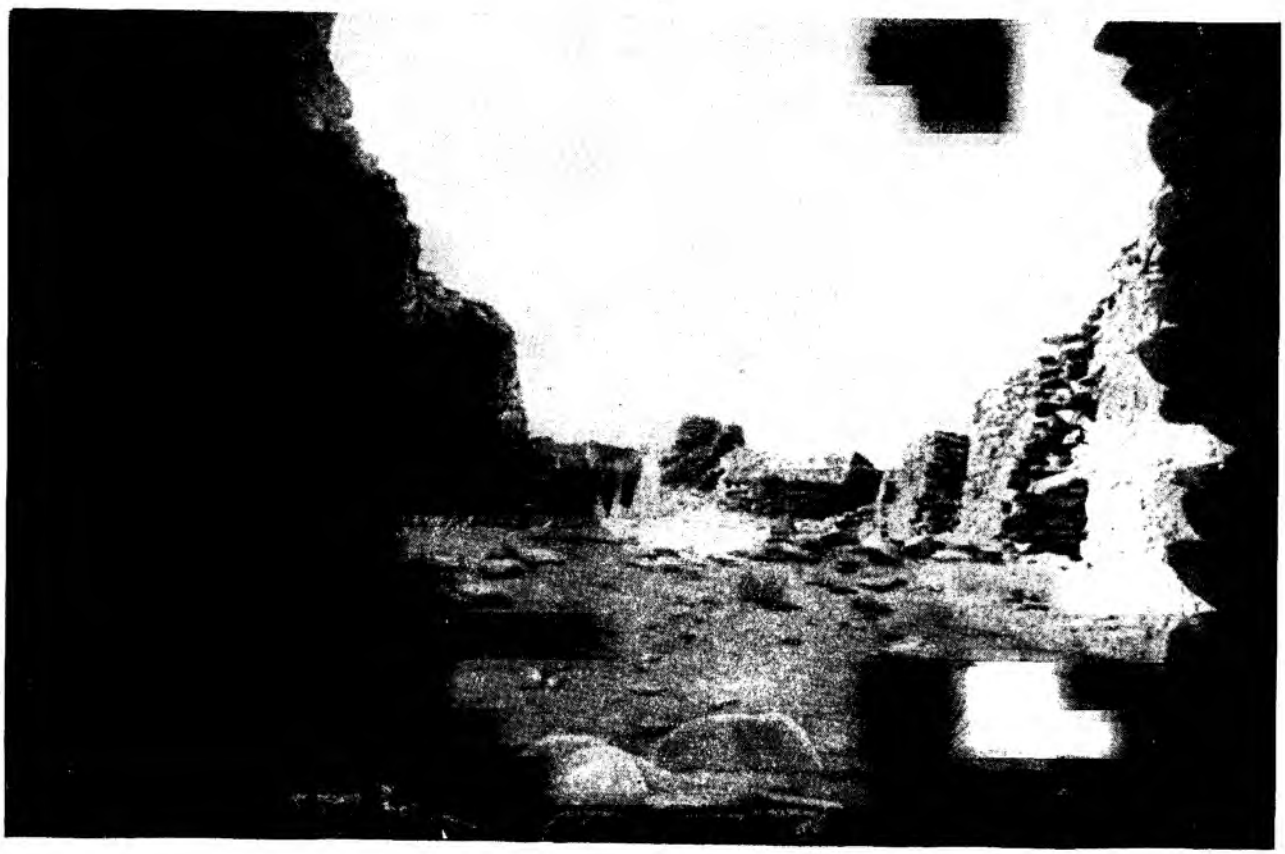
За Ратмом по Пянджу отмечу крепости Исор, Зунк, Даршай и ряд других. Однако наиболее значительными здесь были поселения крепости Ямчун (Замр-и-аташ-Параст или Кафыр-кала) и Каахка в южном Ишкашиме.

Ямчун стоит на отдельном утесе, омываемом притоками Пянджа — с В рекой Ямчун, с З Викхут (рис. 115—116). Утес имеет три уступа, по которым расположены стены укрепления. Верхнюю часть занимает цитадель, почти треугольная в плане, от нее отходят стены, ограничивающие наиболее значительную часть площади укрепления, и, наконец,

[1] ВДИ, 2, 1947.
[2] А. Тереножкин, КСИИМК, XVII, стр. 118.
[3] Г. Григорьев. Тали Барзу. ТОВЭ, II.



1



2

Рис. 116. Западный Памир, Вахан. Крепость Ямчун.

1 — башня на цитадели; *2* — жилые постройки на цитадели.

от нижней части стены отходит еще один замкнутый участок стены.

Укрепление сложено из камня на известковом растворе. Кроме камня в кладке обнаружен (последующий ремонт) сырцовый кирпич, размеры которого варьируют — от 40×20×10 см до 45×30×10 см. Шов между слоями кирпича достигает 3 см.

Все повороты стен и углы защищают башни двух типов: круглые с массивным основанием и несколько утончающиеся кверху, прямоугольные в плане. Башни и стены снабжены невысокими бойницами, прямоугольными в плане, до 0.50 м высоты.

и жилые помещения в виде узких продолговатых комнат.

Въезд в крепость осуществлялся с З, где к стене крепости примыкало дворцовое помещение. Здесь стена украшена фигурной кладкой кирпича, образующей «сасанидского» типа городки и розетки с радиально расходящимися лучами. На восточной части крепости сохранились башни со стрельчатыми бойницами. Башни прямоугольные в плане, сильно выступают наружу от стен.

В крепости Каахка, еще больше чем в Ямчуне, наблюдаются элементы среднеазиатской фортификационной техники, прежде всего увя-

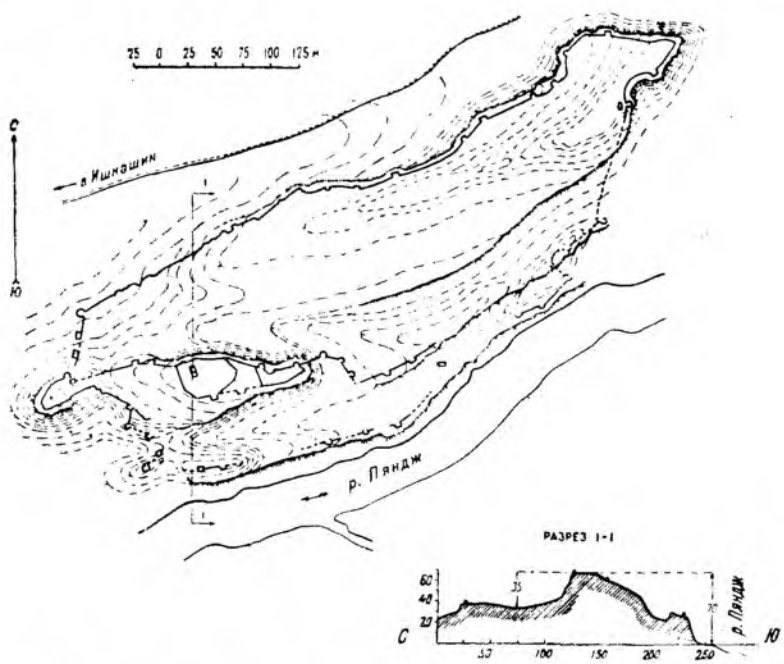


Рис. 117. Западный Памир, Ишкашим. Крепость Каахка.

Письменные источники позволили нам отождествить крепость Ямчун с упоминаемым в китайских источниках столичным городом страны Бохо (Вахан) «Сакским городом Гашэнь». Характерно то, что в названии города отмечено — «сакский». Этим подчеркиваются роль и значение саков в исторических судьбах Вахана.

Вторым, более поздним центром Вахана и столицей Памира был город Кухань (Каахка), или — в VI—VIII вв. — Ябгукат, с которым мы связываем руины Каахка на берегу Пянджа (рис. 117—118).

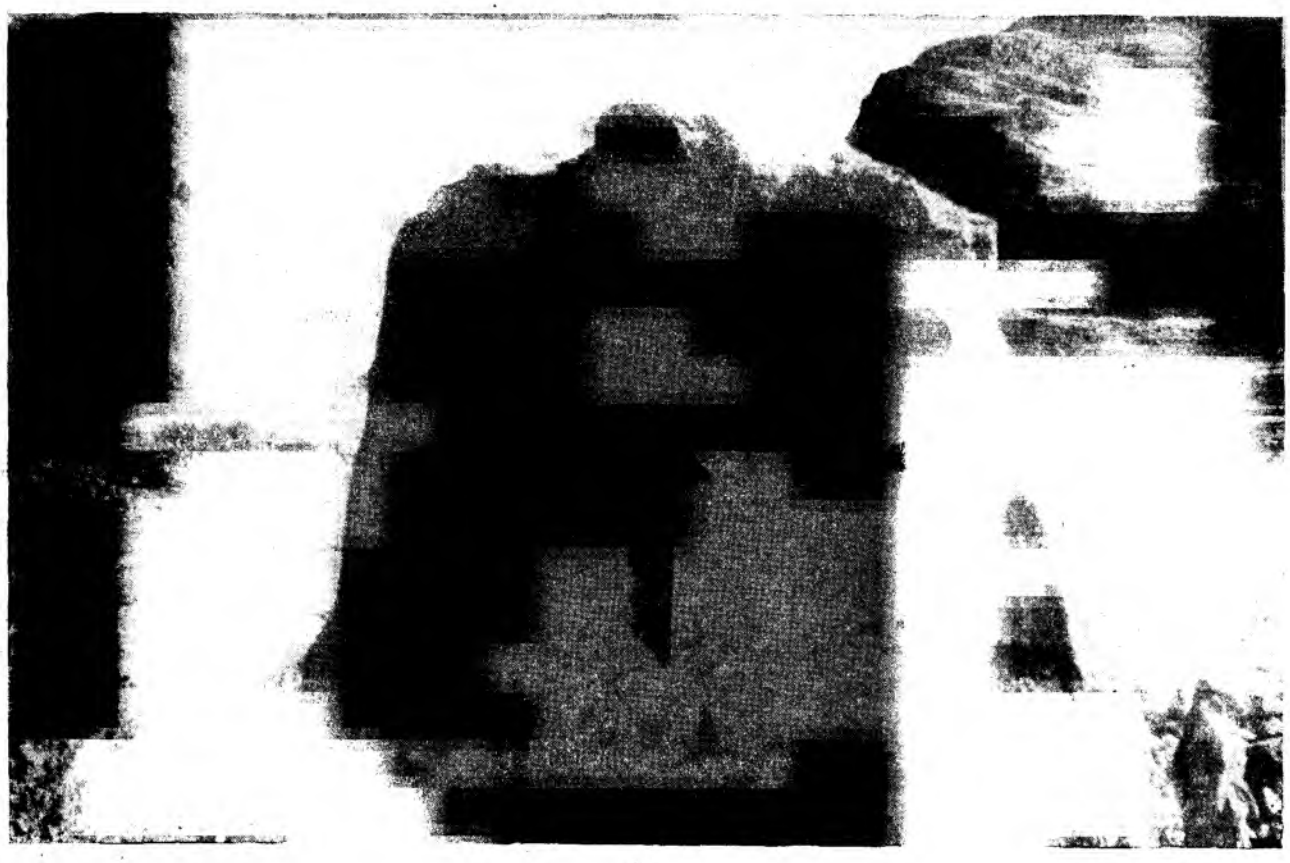
В отличие от Ямчуна, в Каахке каменными оказались только фундаменты стен. Сами же стены глиняные, сложенные из кирпича размером 40×28×10 см и крупных блоков пахсы. Стены окружают края утеса, стоящего под Пянджем и вытянутого в широтном направлении. Наибольшая высота стен 8.60 м. Внутри стен, как и на цитадели Ямчуна, имелись проходы

зывающейся с Хорезмом, например с такими замками, как Тешик-кала и другие. Если в китайских источниках этот центр назывался Кухань, то в сако-хотанском путеводителе X в., изданном Байли,[1] как мы пытались это показать в другом месте,[2] Каахка названа Ябгукатом, т. е. «городом Ябгу», городом наместника владетеля Тохаристана, скорее всего карлукского происхождения. Ябгукат упоминается в источниках X в., но возник он раньше, в эфталито-тюркский период, когда область Вахан сохраняла еще свой столичный и отчасти автономный характер. Об этом, в частности, говорит эфталитская нумизматика.

[1] H. W. Bailey. An Itinerary in Khotynesa Saka. Acta Orientalia, т. XIV, 1936.

[2] А. Н. Бернштам. Памир и Алай в свете археологических работ 1947 г. УЗЛГУ, вып. 19, Л., 1952.

1



2

Рис. 118. Западный Памир, Ишкашим. Крепость Каахка.

1 — северная стена; *2* — одна из башен южной стены.

Приведенные примеры доказывают особый характер памятников Западного Памира, отличный от Восточного. На всех обследованных участках Западного Памира мы не видели следов кочевников. Очевидно, здесь издавна сложился совершенно другой, особый культурный мир. Однако тип наскальных изображений по Вахану, особенно в районе Даршая, архаическая керамика в селищах на песчаных дюнах под Реджистом свидетельствуют о преобладании охотничье-пастушеского характера хозяйства в скифскую или доскифскую эпоху. Тот облик Западного Памира, когда действовали его крепости, восходит не ранее чем к III в. до н. э., т. е. к периоду новой активизации кочевников Восточного Памира, когда на Тянь-шане складывался усуньский племенной союз. Начавшееся в это время активное движение сакских племен, уже угрожавших культурным оазисам Западного Памира, послужило сигналом к активной его обороне, особо усиленной в кушанский период и вновь оживленной в эфталитский. После тюрок, когда спокойствие на Западном и Восточном Памире контролировалось тюрками западного каганата, а затем карлуками, когда, в связи с активизацией северных торговых путей через Фергану и Семиречье, утратил свое былое значение Вахан, его крепости пришли в упадок. И когда по этим дорогам прошел Марко Поло, то он встретил такую же пустыню, какая представлялась и позднейшим исследователям XIX и XX вв., изучавшим этот край.

В настоящем обзоре мы дали общую характеристику памятников Алая и Памира в свете материалов, добытых в результате наших исследований. Нам удалось установить, что граница древних кочевников и земледельцев по Памиру совпадает с границей недавнего расселения таджиков и киргизов. Нам представилось также вполне возможным заключение, что тяньшаньские племена, спускаясь на ЮЗ двумя потоками — на Алай и южный Памир, впоследствии потеряли между собой связь, и непосредственных сношений алайские племена с южнопамирскими не имели. Некоторое сходство, наблюдаемое в памятниках, — результат общности происхождения, а не общности последующей истории. Окончательно решить эту проблему могли раскопки, которые мы развернули особенно интенсивно в 1948 г. Основные итоги раскопок по Алаю мы показали выше и только в общих чертах, как фон для изучения памятников Памира. Данные же раскопок на Памире мы подвергнем особо детальному анализу, ибо они имеют основное значение в настоящей работе. Благодаря раскопкам курганов и могил Восточного Памира мы впервые получаем возможность написать начальные страницы его истории и изменить сложившиеся традиционные представления о его всемирно-исторической роли. Поэтому подробный анализ находок и составит основное содержание следующих трех глав.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОГО ПАМИРА

В 1948 г., как было выше указано, мы раскапывали могильные сооружения кочевого населения Восточного Памира. Раскопки проводились: в каньоне р. Памир [Ичкилик — 4, Харгуш — 2, Тамды (Памирская I) — 16]; в долине р. Ак-су (Ак-беит) — 2, у «Известкового камня» — 2, у Тугурук Бамана — 1, в долине Пшарт — 1 кольцевая выкладка. Всего было вскрыто 28 погребальных и культовых сооружений, а с учетом 4 могил, раскопанных в 1947 г., на Памире вообще впервые раскрыто только 32 могильных сооружения.

Ниже мы приводим основные данные по результатам раскопок курганов и могил 1948 г.

1. ИЧКИЛИК

Ичкиликская группа состоит из восьми каменных сооружений, несколько отличающихся друг от друга по внешнему виду. Могилы 1—4 и 6 представляют собой уплощенные каменные насыпи, имеющие диаметры от 2 до 8 м, высоту 0.10—0.20 м. Они расположены на правом берегу р. Памир, на пойме, непосредственно вблизи небольшого травостоя, под прилавком Ваханского горного хребта. Каменные выкладки положены на песчаный грунт. Один из курганов этого типа (К 1) оказался грабленым захоронением в овальной могильной яме, ориентированной по линии З—В. В могиле были обнаружены только обломки костей человека и барана.

Две кольцевых выкладки (К 5 и 7) диаметром 2 м оказались культовыми кромлехами без захоронений, и только в одном кольце (К 5) удалось обнаружить следы зольного пятна на глубине 0.20 м. Более интересной оказалась могила 8. Она была расположена несколько на отлете от основной группы и имела овальную форму, вытянутую с С на Ю, размером 3.5×3 м, при высоте 0.40 м. В могильной яме (1.70×0.70 м), обложенной крупными камнями, оказалось трупоположение: костяк мужчины зрелого возраста, лежащего по линии СЮ, лицом на З. Вещей не обнаружено. Обращает на себя внимание согнутая в локте левая рука, кисть которой у плеча была опущена книзу, как бы воспроизводя какой-то ритуальный жест.

Несмотря на, казалось бы, отрицательный результат вскрытий в Ичкиликском могильнике, есть основания выделить К 8 из остальных сооружений. Каменные курганы с могильными ямами, ориентированными З—В, наличие в них костей барана и сопровождение могил культовыми кромлехами с зольными пятнами известны нам по раскопкам сакоусуньских захоронений V—II вв. до н. э. (например Берккаринский могильник). Эти соображения позволили — правда, весьма условно — датировать основную группу сооружений (К 1—7) примерно этим временем.

Резко отличается от других захоронение К 8, находящее себе аналогии в наших раскопках в Алае (могильник Кукяльда, который датируется эфталитским или раннетюркским временем — V—VI вв. н. э.). Аналогичные погребения известны в Гисарском могильнике (Тупхона), раскопанном М. М. Дьяконовым в 1946—1948 гг., — они датируются примерно тем же временем, — и, наконец, в Тиктурмаском кладбище на правом берегу р. Талас у древнего города Тараза (совр. г. Джамбул), раскопанном Г. И. Пацевичем в 1940 г.

2. ХАРГУШ

Харгушская группа состоит из 9 каменных курганов, расположенных в двух комплексах: в 4 и в 5 курганах (рис. 119). Она находится недалеко от слияния р. Харгуш с р. Памир, на невысокой надпойменной террасе. Курганы 1—4 вытянуты на ровной площадке в цепочку, 5—9 расположены на приподнятом мыске непосредственно у берега р. Памир. В ущелье Харгуш, недалеко от могильника, имеется несколько групп наскальных изображений горных козлов и архаров. Курганы

полусферические, достигают в высоту 1 м при диаметре до 6 м. Один из курганов имеет кромлех из камней. Раскопаны были К 1 и 4.

К у р г а н № 1 (диаметр 8 м, высота 0.10 м) содержал два погребения, одно над другим. начали встречаться на глубине 0.40 м. Костяк лежал лицом на Ю. У его головы несколько выше костей стоял лепной сосуд почти сферической формы (114×130 мм) со слегка отогнутой закраиной. Второе захоронение мальчика (?) лет

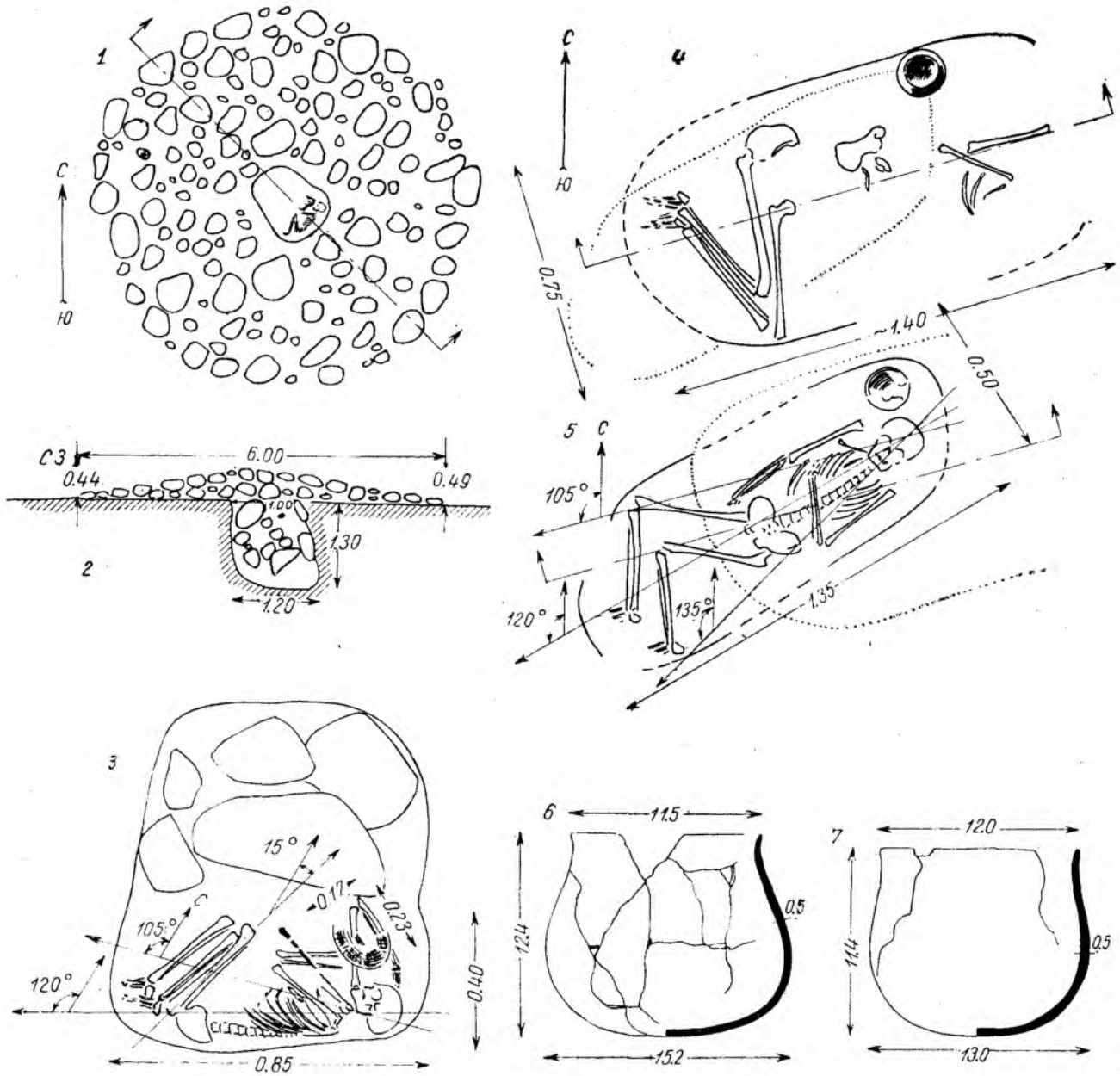


Рис. 119. Восточный Памир, каньон р. Намир. Могильник Харгуш.

1 — план, К 4; *2* — разрез, К 4; *3* — погребение, К 4; *4* — погребение в насыпи, К 1; *5* — погребение на горизонте, К 1; *6* — сосуд из погребения на горизонте, К 1; *7* — сосуд из погребения в насыпи, К 1.

Первое погребение — мужчины зрелого возраста — было в насыпи и оказалось существенно потревоженным, особенно в верхней части костяка. Он лежал в скорченном положении в каменной насыпи на глубине 0.60 м (ближе к восточной части насыпи). Могильная яма ориентирована под небольшим углом с ЮЗ на СВ. Черепки от сосудов этого погребения

8—10 было на дневной поверхности, на глубине 1.10 м. Яма и костяк в ней ориентированы также головой на В. Костяк лежал на спине, лицом вверх, ноги были слегка согнуты в коленях. У головы стоял сосуд, весьма похожий на сосуд верхнего погребения (в насыпи), но несколько более сдавленный к устью (диаметр устья 115 мм, дна — 152, при высоте 124 мм).

Горшок лепной, толщина стенок, как и у первого сосуда, 5 мм.

К у р г а н № 4 имел диаметр 6 м при высоте до 0.50 м. Насыпь каменная, могильная яма несколько необычайной ульевидной формы расширялась книзу (устье ямы 1 м, дно 1.20 м). Дно ямы было ниже горизонта на 1.30 м. В ю.-в. углу ямы лежал сильно скорченный костяк мужчины зрелых лет, заваленный сверху крупными камнями. Около костяка оказались плетеная корзинка в виде открытого лукошка и палка с крюком.

Оба раскопанных кургана примыкают по общему характеру обряда (скорченное трупоположение) к хорошо датируемым могилам Памирской первой группы, о которой речь будет ниже. Сходна и керамика курганов. Однако и К 1, и К 4 имеют некоторые отличия. Во-первых, в К 1 оба погребения не в могильной яме, впущенной в грунт, а на дневной поверхности и в насыпи. Во-вторых, керамика харгушского К 1 имеет некоторые особенности в пропорциях сосудов. К 4 отличается и устройством погребального сооружения, напоминающего в известной мере подбой — катакомбу. Не могу попутно не отметить, что тип плетеного лукошка аналогичен корзинке, обнаруженной нами в одной из катакомб Кенкола в 1939 г. Являются ли эти отличия достаточными для выделения харгушских могил в особую хронологическую группу, — к этому вопросу мы возвратимся ниже.

3. ПАМИРСКАЯ I (ТАМДЫ)

Эта наиболее значительная по количеству могил и по богатству находок группа древних могил расположена на высокой площадке, стоящей над правым берегом р. Памир и примыкающая к южным склонам Аличурского хребта (рис. 120). Она сложена из песчано-гравийных речных отложений, с прослойками рваного камня, обломочных пород в виде как бы стекающих с гор камнепадов. Из этих обломочных пород и порою окатанных валунов сложены едва заметные на поверхности выкладки могил и насыпи курганов. Курганов в могильнике мало, и лишь три из них отчетливо выделяются на фоне всего могильника и по своим размерам, и по более темному цвету камня, из которого сложены насыпи.

Все курганы, могилы и культовые выкладки, общим числом 16 сооружений, расположены по кромке надпойменной террасы, слегка поднимающейся над общим уровнем площадки, и вытянуты вдоль течения реки с З на В. При подъеме на площадку с З можно видеть на отдельном камне изображения горных козлов и собак (?). Изображение, занимающее площадь 0.80×0.50 м, сильно покрыто пустынным загаром и не всегда отчетливо читается. Ряд точек и штрихов над фигурами козлов — несомненно, остаток более сложной композиции, быть может сцены охоты, учитывая фигуру собаки. Рисунки исполнены в «скелетной технике», как и большинство изображений на скалах Памира, и могут быть отнесены к скифскому периоду.

Как и в Харгушском комплексе и в ряде других мест с наскальными изображениями, животные на рисунке как бы направляются от гор к воде и находятся в непосредственной близости от травостоя, т. е. в урочище, которое одинаково могло заинтересовать древнего человека охотой или пастбищем.

Все 16 раскопанных погребальных сооружений оказались нетронутыми. Двенадцать могил были одиночными погребениями; три (К 7, 9 и 12) имели впускные погребения в насыпи, и одна выкладка оказалась ритуальной. Рассмотрим последовательно все могилы в процессе их вскрытия (рис. 121).

К у р г а н № 1 (рис. 122). Круглая в плане каменная насыпь (диаметр 5.50, высота 0.60 м). Могильная яма (1.30×0.65 м), ориентированная З—В, была обнаружена на глубине 0.55 м (от уровня дневной поверхности). Она была перекрыта в западном конце каменной плитой, а затем тремя группами жердей в один слой. Скорченный костяк женщины лежал на правом боку, головой на З, лицом на Ю, т. е. к реке. При костяке лежали только бусы: 1 сердоликовая бочонковидная, 1 бронзовая цилиндрическая из согнутой пластинки, 79 плоских крупных из пасты голубого и зеленоватого цвета, 2 таких же сдвоенных, 14 из стеатита.

К у р г а н № 2. Круглая в плане выкладка, в которой явно выступают два концентрических круга. Общий диаметр выкладки 4.50 м, высота 0.40 м. Могильная яма (130×0.53 м), ориентированная З—В, была обнаружена на глубине 0.60 м (от уровня дневной поверхности). Она была завалена камнями и песком. Скорченный костяк женщины лежал на боку, головой на З, лицом на Ю. У лица стоял глиняный горшок, весьма напоминающий харгушские, но с более тонкими стенками (4 мм). Горшок слегка сужается к устью (диаметр 158 см, устье 12 см при высоте 13.6 см).

К у р г а н № 3 (рис. 123). Каменная насыпь диаметром 3.50 м, высотой 0.30 м. Могильная яма вытянута с З на В, размером 1.20×0.75 м, глубиной 0.50 м. Все погребение было перекрыто истлевшими деревянными жердями. Сильно скорченный костяк женщины (головой на З) лежал на дерновой подстилке. Лицо погребенной обращено на Ю. Перед лицом стояла чаша со слегка загнутой внутрь закраиной (диаметр чаши 160 мм, устья 125 мм). На шее было ожерелье из 48 бусин: 38 стеатитовых цилиндрических (от 1 до 6 мм в диаметре и высотой 1—10 мм), 7 из сердолика, бочонковидных (диаметр 7—9 мм, высота 12—16 мм), 2 из зеленого (бочонковидные) и 1 из голубого стекла (плоская). Ожерелье имело

замок из серебряной проволоки, согнутой в виде восьмерки.

Кроме того, в могиле были обнаружены бронзовая спираль из пяти витков (общая длина 20 мм, сечение 4 мм) с продернутой шерстяной (?) ниткой и одна биконическая бусина из черного стекла (шлак?) со срезанными верхушками (диаметр 10 мм, высота 5 мм). На лучевых костях рук (правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и лежит на поясе) надеты железные витые браслеты. Около подбородка лежал окатанный камешек мраморовидной породы со следами красной краски на одном конце.

К у р г а н № 4. По типу близок к кургану № 3: та же насыпь (диаметр 4 м, высота 0.40 м); могильная яма ориентирована З—В (1.15×0.70 м, глубина 0.40 м). Скорченный костяк женщины нарушен, лежит на дерновой подушке, головой на З, лицо повернуто на Ю (?). В центре южной стены могильной ямы стоял глиняный сосуд в виде конической чаши с тонкими стенками (3 мм); наибольший диаметр его 172 мм при высоте 114 мм. Были обнаружены разбросанные в беспорядке по могиле 11 бусин из стеатита в виде колечек и удлиненных цилиндров (диаметр 2.3 мм, длина 8—13 мм).

К у р г а н № 5 (рис. 121, *3*) отличался большим размером насыпи (диаметр 11.50 м, высота 1.35 м), благодаря тому что она была расположена на гребне кромки площадки. Сверху насыпь была сложена из мелкого гравия и щебенки; к основанию насыпи и объем и количество камней увеличивались, достигая наибольших размеров к уровню дневной поверхности. Могильная яма, ориентированная З—В (1.10×0.70 м), содержала сильно скорченный костяк мужчины (?), лежащий на боку, головой на В, лицо было повернуто на С. У головы, как бы поддерживаемая руками, стояла деревянная полусферическая чаша.

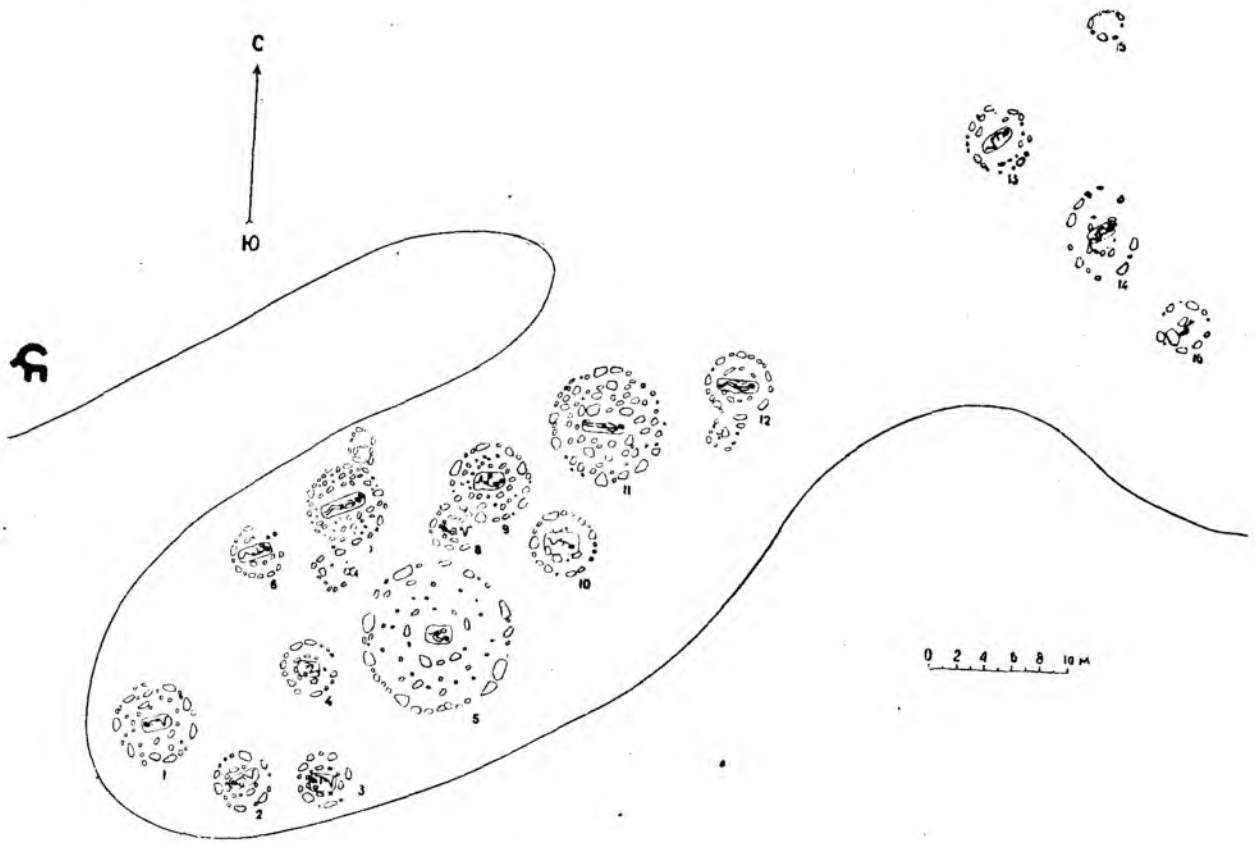


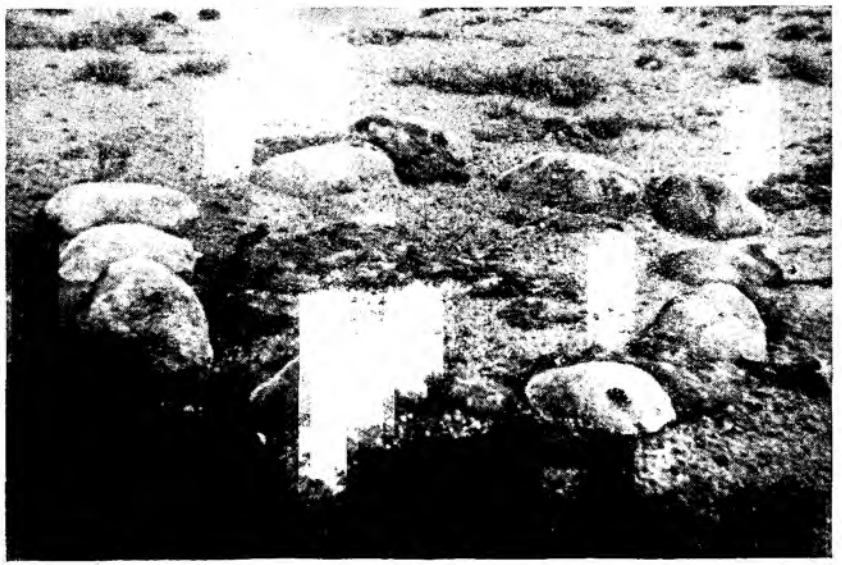
Рис. 120. Восточный Памир. Схема могильника Памирская I.

К у р г а н № 6 — по ориентировке погребенного аналогичен К 5. Костяк юноши лежал на дерновой подстилке. Ноги согнуты под прямым углом, правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте. Насыпь (диаметр 4 м, высота 0.35 м) перекрывает могильную яму размером 0.60×1.20 м, почти до половины засыпанную камнями. При костяке находился глиняный сосуд с выгнутой закраиной и идущим на конус туловом и следами красно-коричневой раскраски; диаметры сосуда: тулова 160 мм, устья 140 мм; высота 110 мм.

К у р г а н № 7 (рис. 121, *4*, 124 и 125) представляет большой интерес. Это — каменная сплош-

1

3



2

4

Рис. 121. Восточный Памир, Памирская I. Типы могил и трупоположений.

1 — каменная насыпь кургана; *2* — выкладка; *3* — погребение с деревянной чашей, К5; *4* — погребение, К7.

ная насыпь диаметром 6 м при высоте в 0.40—0.45 м; с С и Ю примыкают выкладки: северная — прямоугольная, напоминающая собой каменный ящик; вторая, южная, — квадратная. Обе выкладки ритуальные и никаких следов погребения не содержали.

При вскрытии насыпи вверху оказался обломок браслета, круглого в сечении, из синего стекла. Второй обломок этого браслета был найден у кургана еще до его вскрытия. В верхней части насыпи на глубине 0.45 м от вершины кургана была устроена могила (длиной 2 м), сплошь выложенная по дну дерном и обложенная крупными камнями. Костяк мужчины сохранился частично: часть позвоночника, таз и бедро. С этим костяком связаны находки стеклянного браслета, обломок железного браслета и фрагменты керамики. Костяк, вытянутый по оси З—В, лежал головой на З и в ногах, очевидно, был также перекрыт дерном.

В этом же кургане на глубине 0.70 м, в яме (глубина 1.60 м), также обложенной крупными камнями, головой на В лежал второй костяк мужчины. Ноги, слегка согнутые в коленях, покоились на дерне. Лицо обращено на С. Это было основное погребение, впущенное в землю на глубину 30—35 см от уровня дневной поверхности.

У головы покойника, к В, лежали 73 астрагала; перед лицом, немного выше лба, стояли три глиняных сосуда. Одна чаша коническая, вторая — полусферическая со слегка загнутой внутрь закраиной и один шарообразный сосуд со слегка отогнутой наружу закраиной (диаметр чаш 186 и 150 мм, высота 90 мм; диаметр горшка 150 и 106 мм, высота 137 мм). Прямо против лица погребенного лежал железный нож (длина до 20 см), с кольцом вместо навершия, с рукояткой эллипсоидного сечения и уплощенным лезвием. На правом виске погребенного было золотое кольцо.

К у р г а н № 8 примыкает по типу к курганам 1—3. Диаметр каменной насыпи 3 м при высоте 0.15 м; яма глубиной 0.70 м содержала один скорченный костяк, лежащий головой на З, лицом на Ю. Перед лицом стоял глиняный горшок полусферической формы со слегка изогнутой закраиной, диаметрами 180 и 155 мм, при высоте 121 мм. Других находок в кургане не оказалось.

К у р г а н № 9 (рис. 126) наползал своей полой на насыпь К 8. Он имел диаметр в 6 м при высоте до 0.55 м. Так же, как и К 7, он содержал погребение мужчины в насыпи, на сей раз — погребение с конем. Костяки человека и коня были на уровне дневной поверхности, причем от человека сохранились только отдельные кости. Можно полагать, что костяк человека лежал, как и костяк лошади, головой на З. Он был расположен к С от лошади и не имел сопровождающего инвентаря. На костяке лошади были обнаружены железные кованые удила с круглыми псалиями, стремена в виде восьмерки с широким подножием и железная пряжка с подвижным язычком на полуовальной рамке.

Ниже этого впускного погребения шел завал

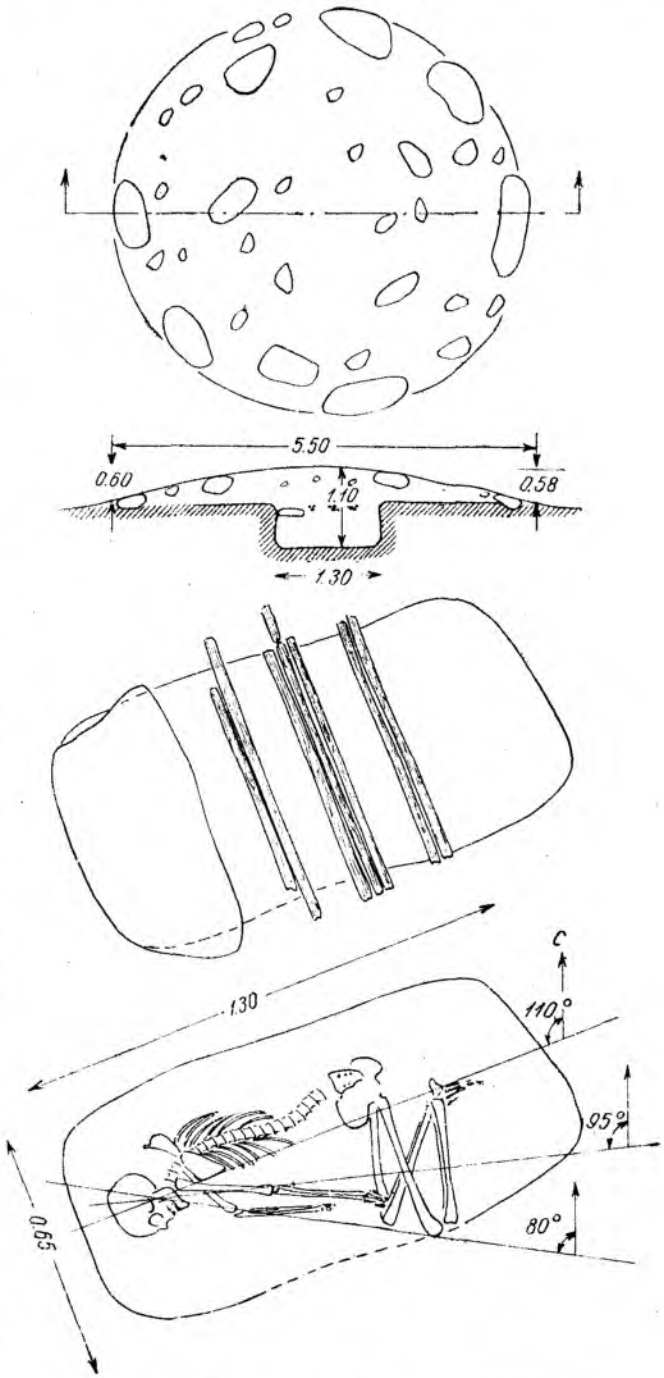


Рис. 122. Восточный Памир, Памирская I. Планы и разрезы, К1.

камней, затем сильно продавленный в центре накат из бревнышек, положенных крест-накрест (наибольший размер наката 1.55 м), и, наконец, на глубине 1.10 м (от дневной поверхности) располагалось основное погребение в могильной яме неправильной формы. Могильная яма, ориентированная З—В,

с длиной сторон 1.55 и 0.90 м (южная несколько короче — 1.20 м), содержала скорченное трупоположение мужчины, лежавшего головой на В, лицом на С. За спиной костяка лежали сильно истлевшие деревянные прутья, основа щита эллипсовидной формы, и акинак длиной в 36 см. Он имел полулунное навершие, такое же полулунное, но опущенное книзу перекрестие, под которым была бронзовая обоймица шириной в 2 см, повидимому от ножен. Обоймица украшена косыми (влево) вдавленными линиями и подчеркнута желобком.

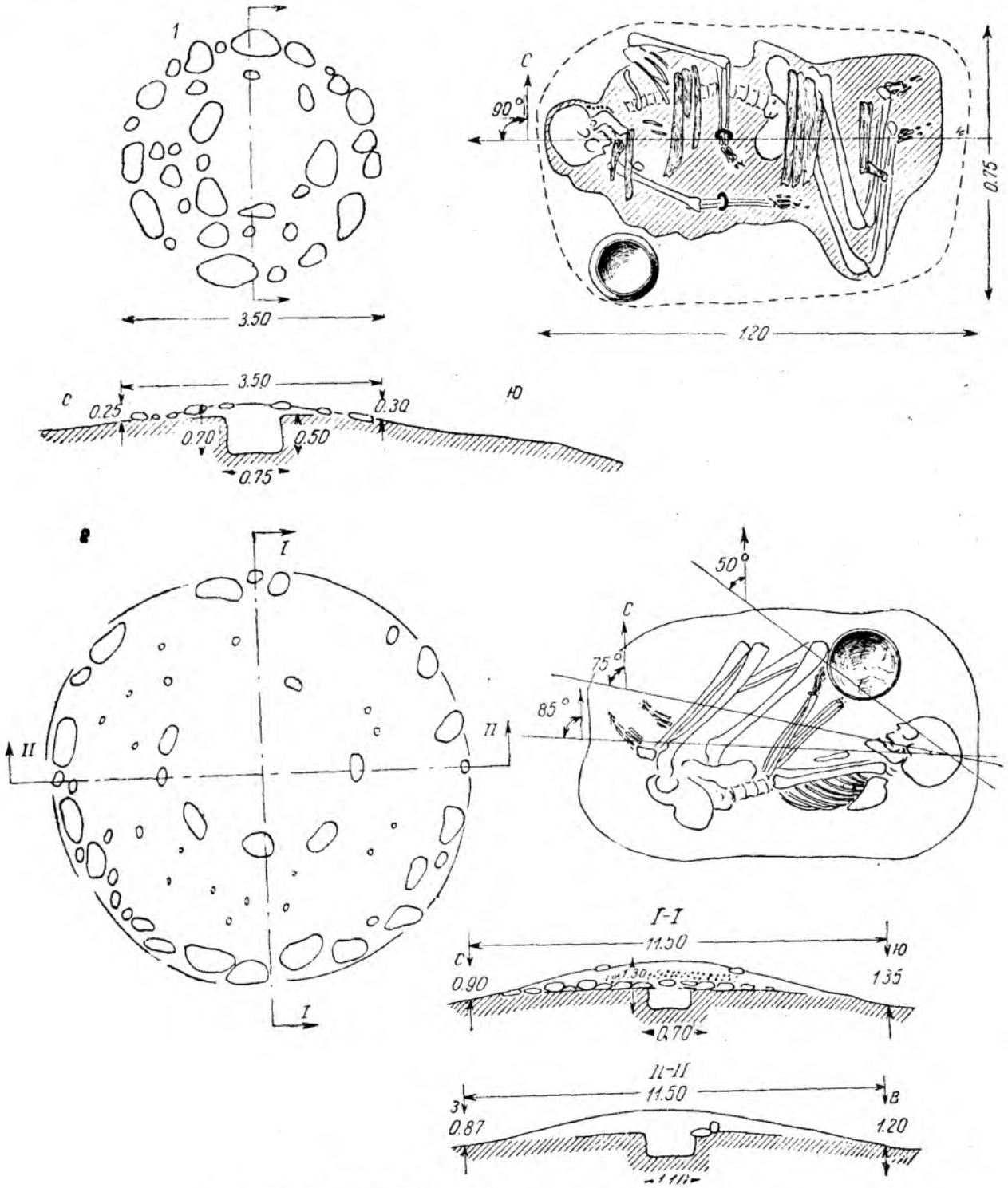


Рис. 123. Восточный Памир, Памирская I. Планы и разрезы.
1 — К 3; *2* — К 5.

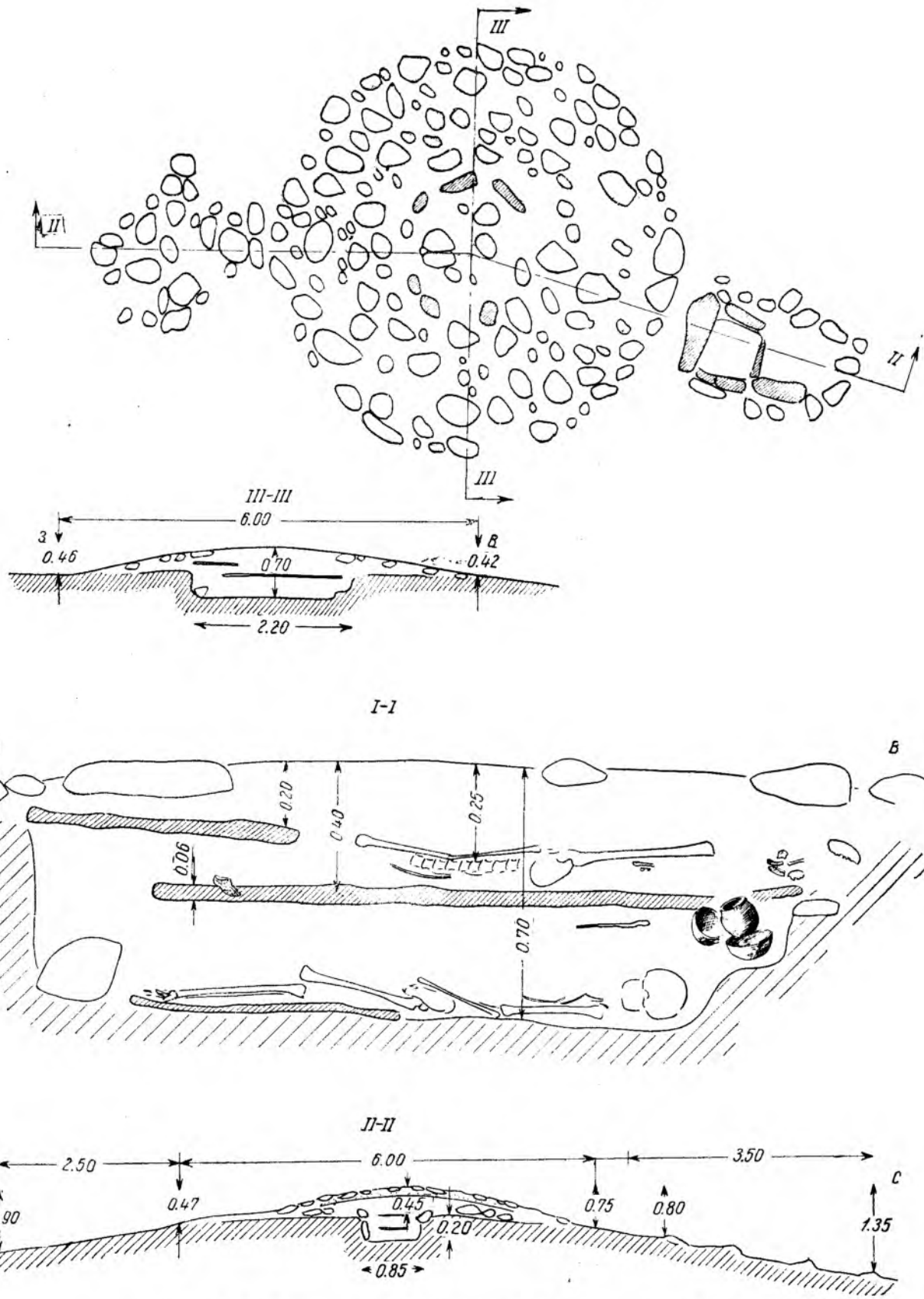


Рис. 124. Восточный Памир, Памирская 1. План и разрезы. К 7.

Вдоль костяка от головы и до пояса располагался инвентарь: перед лицом стояли дере-

плетеной сетке, деревянный столик (длина 490 мм, ширина 270 мм, высота 60 мм) со слегка

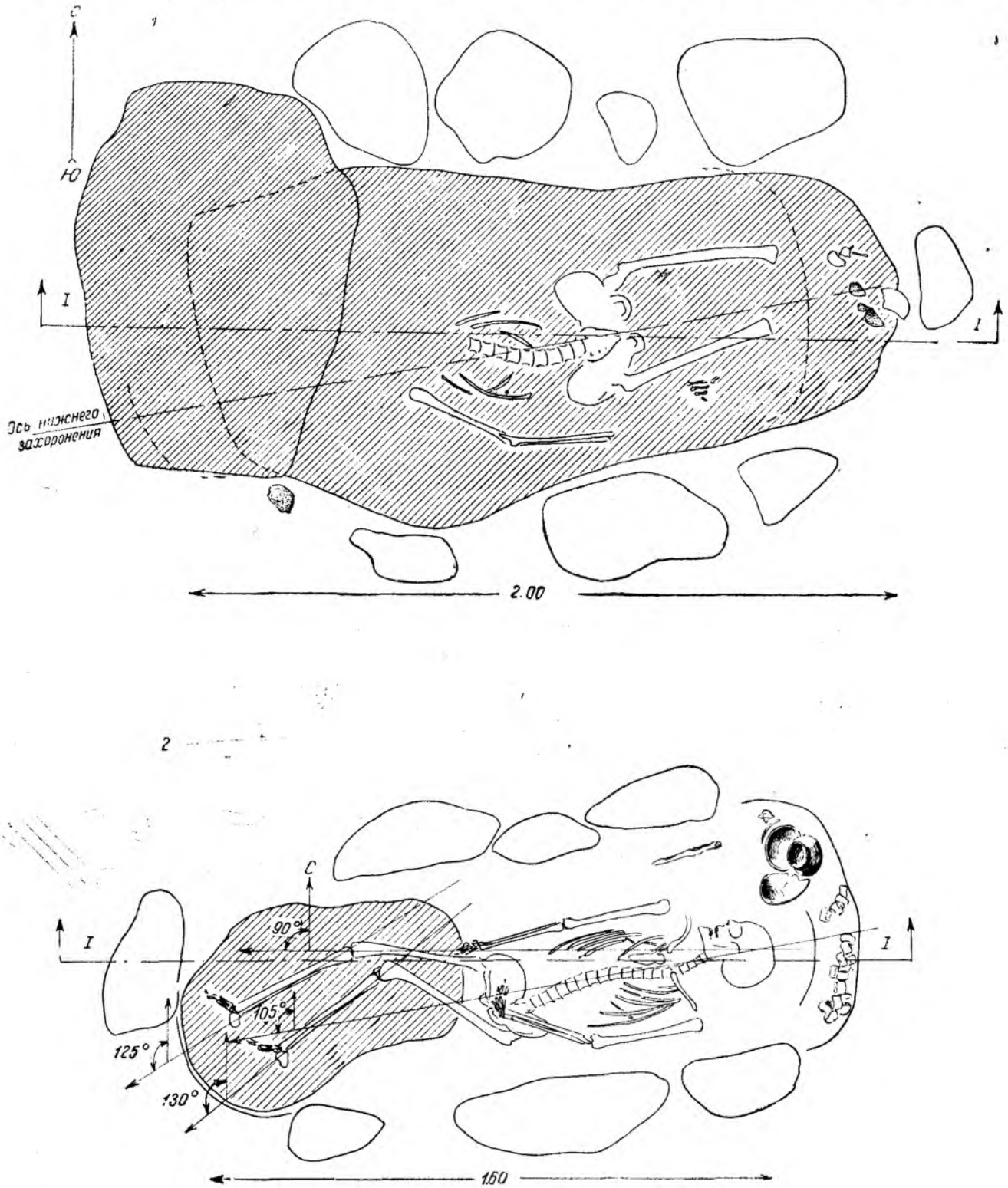


Рис. 125. Восточный Памир, Памирская I, К7.
1 — верхнее погребение; *2* — нижнее погребение.

вянная долбленая чаша (диаметр 200 мм, высота 95 мм), бронзовая чаша в шерстяной

поднятыми торцовыми краями; на столе лежал точильный брусок из сланцевой породы

с дырочкой для подвешивания (длина 10.5 см, толщина 0.5 см) и, наконец, большого диаметра деревянная чаша. В с.-з. углу могилы лежали кости барана (заупокойная пища), среди костей фрагменты плоского в сечении железного ножа. Железо, бронза и дерево сохранились очень плохо и зафиксированы были лишь при вскрытии, так как потом сохранить эти предметы в полном объеме не представлялось возможным.

К у р г а н № 10 (рис. 127—129) оказался наиболее интересным. По внешнему виду он не представлял ничего особо примечательного. Каменная насыпь диаметром в 5 м, при высоте 0.45 м, состояла из отдельных, редко расположенных камней, создающих впечатление двух концентрических кромлехов. Несколько ниже насыпи, под камнями, были вскрыты остатки тонких бревнышек, лежавших, очевидно, крест-накрест, как в К 9, под ними сразу были обна-

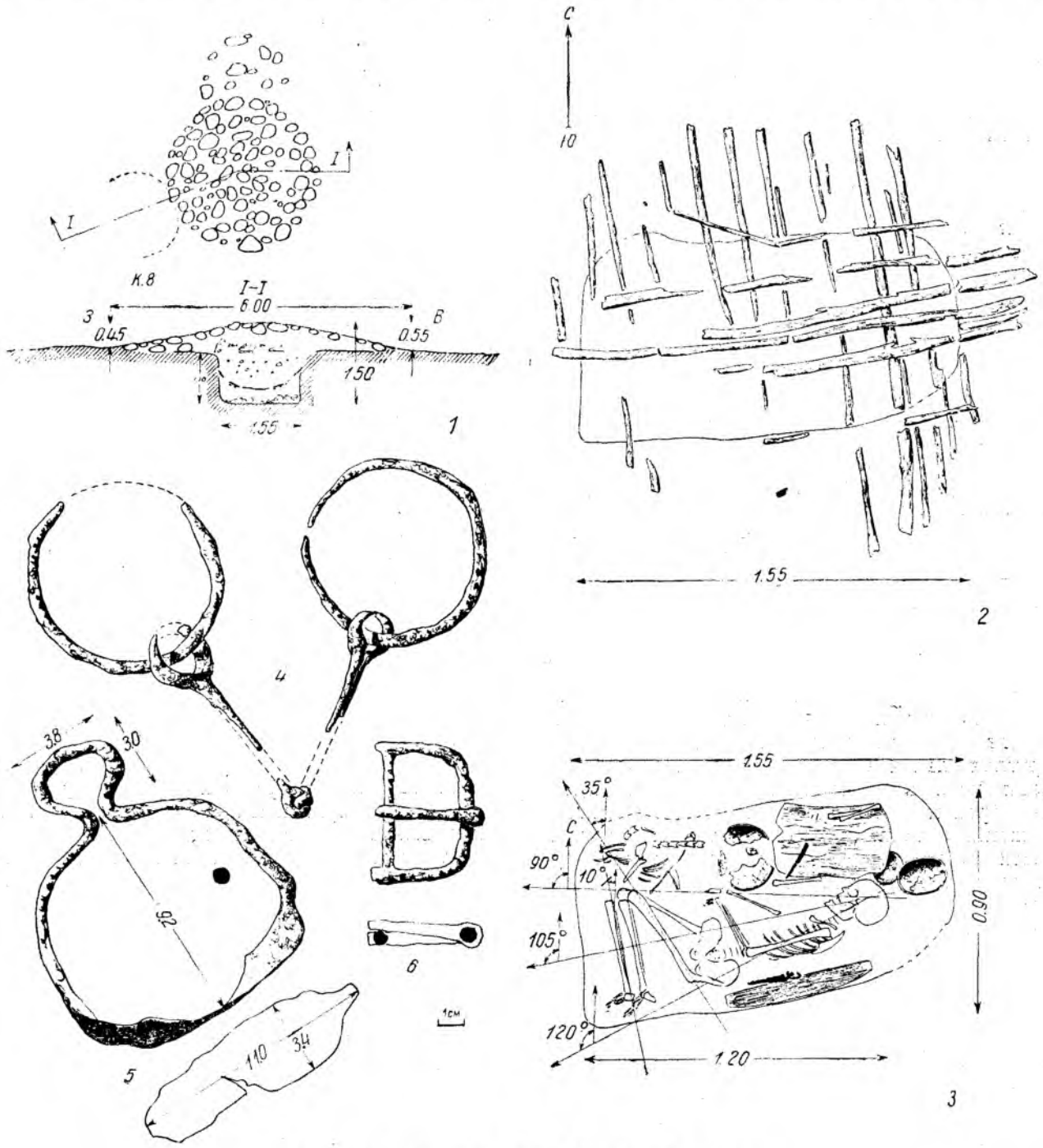


Рис. 126. Восточный Памир, Памирская I, К 9.

1 — план и разрез; *2* — настил из жердей; *3* — нижнее погребение; *4—6* удила, стремя и пряжка, железо (верхнее погребение)

ружены расположенные как бы полукругом в два слоя 4 пары рогов архара и отдельные обломки их. Они окаймляли могильную яму с З и С (яма была вытянута в направлении З—В и имела размеры 1.55×1.35 м). Под рогами шла засыпь из песка и мелкого гравия со щебенкой до самого дна, где было обнаружено погребение на глубине 1.15 м от вершины кургана. В могильной яме лежал на левом боку скорченный костяк мужчины, головой на В, лицом на Ю. Одна рука (левая) была вытянута вдоль туловища, вторая под прямым углом согнута в локте, кисть была опущена вниз.

Около черепа лежал деревянный колчан, обшитый кожей, с набором стрел (35 экз.); колчан был положен наконечниками стрел книзу. Низ колчана расширялся; общая длина колчана 0.75 м.

Набор стрел весьма разнообразен. Здесь были наконечники из бронзы (19 экз.), железа (1 стрела), кости (1 стрела) и дерева (20 экз.). На колчане лежал акинак (длиной в 35 см) с прямым перекрестием, рукоять которого, выше перекрестия, охватывала бронзовая обойма с орнаментом в виде опущенных вершинами вниз треугольников. Акинак был в кожаных ножнах. Рядом с ним лежал другой акинак длиной в 31 см, который имел плоское навершие и перекрестие в виде опущенных книзу прямоугольников. Под колчаном лежали остатки кожаного футляра (горита) с зашитым в нем литым из бронзы изображением горного козла (таутеке), запечатленного в момент прыжка. Здесь же был найден обломок приспособления для добычи огня в виде куска дерева с полусферическими углублениями и круглая палочка для сверления. Около головы были в беспорядке разбросаны литые из бронзы украшения и части одежды, а именно: пряжка в виде головы и верхней части тела медведя, с кольцом на тыльной стороне, две полных, но меньших размеров, стилизованных фигурки медведей, с полукольцами на тыльной стороне и в одном случае с сохранившимся ремнем; большая литая бронзовая пряжка с маленьким основанием и большой сердцеобразной рамкой без язычка; полусферическая пуговица с рамкой на тыльной стороне (обломана); две цилиндрические обоймицы, стягивающие пару параллельных ремней; две сворки для перекрестия ремней; одна круглая пуговица с петлей на тыльной стороне.

Позади скорченника, у северной стенки могилы, лежали бронзовые литые двучленные удила на кольцах, с прямоугольными рамками на концах, внутри которых еще дополнительно имеются круглые отверстия. Через прямоугольную рамку был продернут плоский ремень, через круглое отверстие — кожаный шнурок. Этот тип удил называется стремяновидным. Рядом с удилами лежали бронзовые массивные псалии, четырехгранные в разрезе, с рельефным зигзагообразным орнаментом по одной стороне. В середине псалий три круглые выпуклости с отверстиями, через которые продернуты кожаные шнурки. Шнурки закреплены в отверстиях благодаря завязанному на конце узлу. Одна из псалий сохранилась полностью, одна частично — только срединная часть (рис. 129).

Богатые и выразительные находки в десятом кургане не только дают основание для твердой датировки основной части могильника, но позволяют поставить ряд вопросов об особенностях культуры древнего населения Памира, в частности о ее происхождении, но об этом скажем ниже, после специального рассмотрения находок.

К у р г а н № 11 (рис. 130) также содержал три захоронения.

Под сплошной каменной насыпью диаметром в 9 м при высоте до 0.85 м на дневной поверхности лежало одно сильно разрушенное захоронение; среди костей найден железный ножик, а ниже, в могильной яме, ориентированной по линии СЗ—ЮВ (длина 1.55 м, ширина 0.40 м), обложенной крупными камнями, как в ящике, на глубине 0.65 м от вершины кургана лежал вытянутый костяк юноши лет 12 и кости ребенка 2 лет. Костяк юноши лежал на дерновой подушке, головой на В, лицом на С, с руками, вытянутыми вдоль туловища. В области таза лежал акинак длиной в 23 см, с эллипсовидной в разрезе рукояткой, односторонним лезвием и сердцеобразным навершием. У шеи были обнаружены стеатитовые бусы (24) кольцеобразной и цилиндрической формы.

К у р г а н № 12 (рис. 130) имел в насыпи две явно выраженные концентрические выкладки и примыкающую с ЮЗ прямоугольную выкладку. Курган при диаметре в 5 м имел высоту до 0.55 м. Камней в насыпи было мало, но над могильной ямой, начавшейся с уровня дневной поверхности, шло перекрытие из шести массивных плоских каменных плит. Стенки могильной ямы частично были также обложены плитами. В могильной яме (1.65×0.50 м) лежал головой на В, лицом вверх вытянутый костяк мужчины со слегка согнутыми в коленях ногами. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти лежат в области таза.

Никаких находок возле костяка не оказалось.

К у р г а н № 13 был четко очерчен кольцом крупных камней по основанию. Внутри кольца камень был более мелкий; диаметр кургана 5 м, высота 0.30 м; дно могильной ямы, ориентированной по линии ЮЗ—СВ, было на глубине 0.55 м от уровня дневной поверхности. Покойник (юноша) лежал в скорченном положении на дерновой подстилке головой на В, лицом на Ю. Руки в локтях согнуты под прямым углом. Среди находок: обломанный на

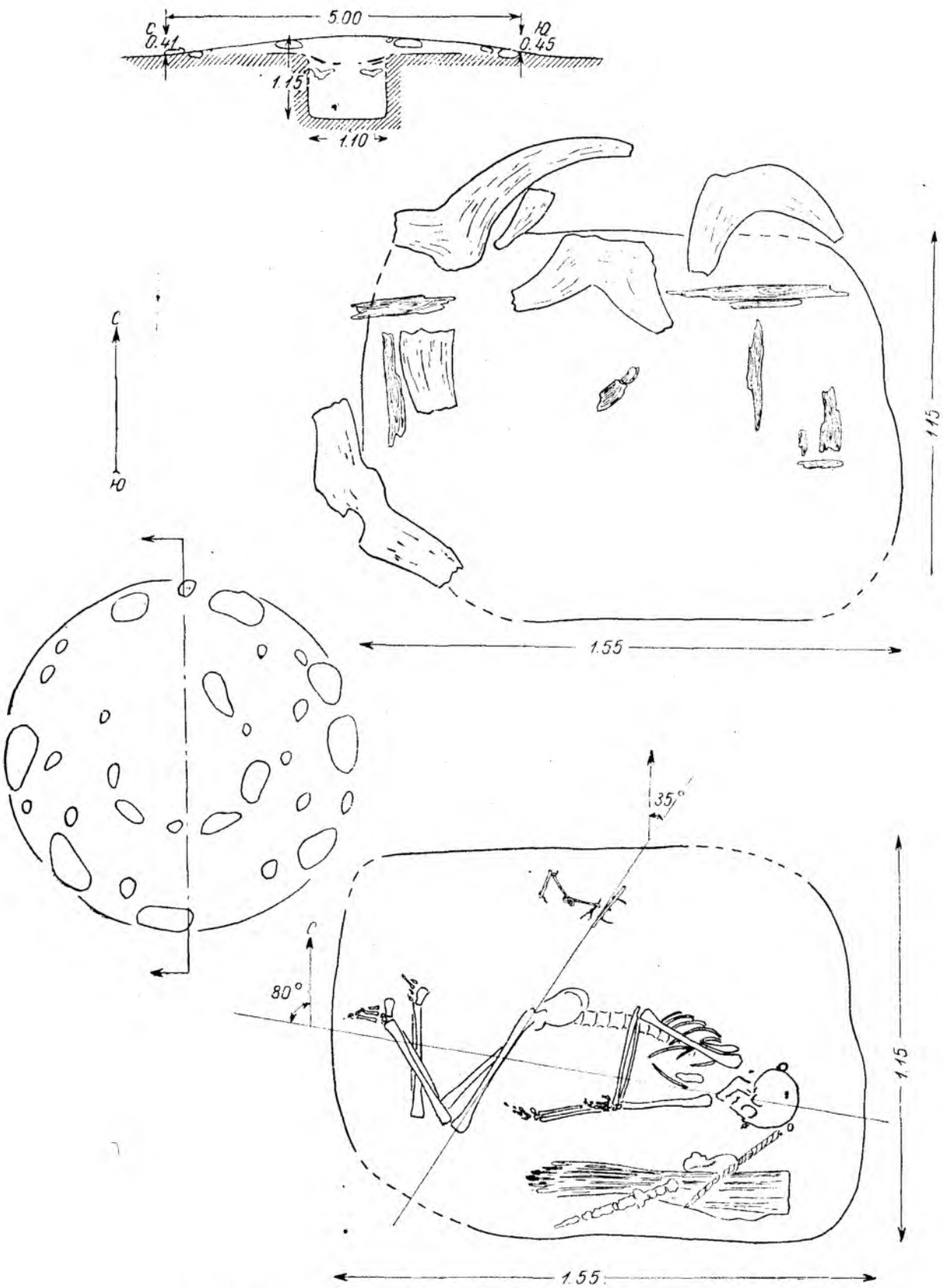


Рис. 127. Восточный Памир, Памирская I, К 10. План и разрезы.

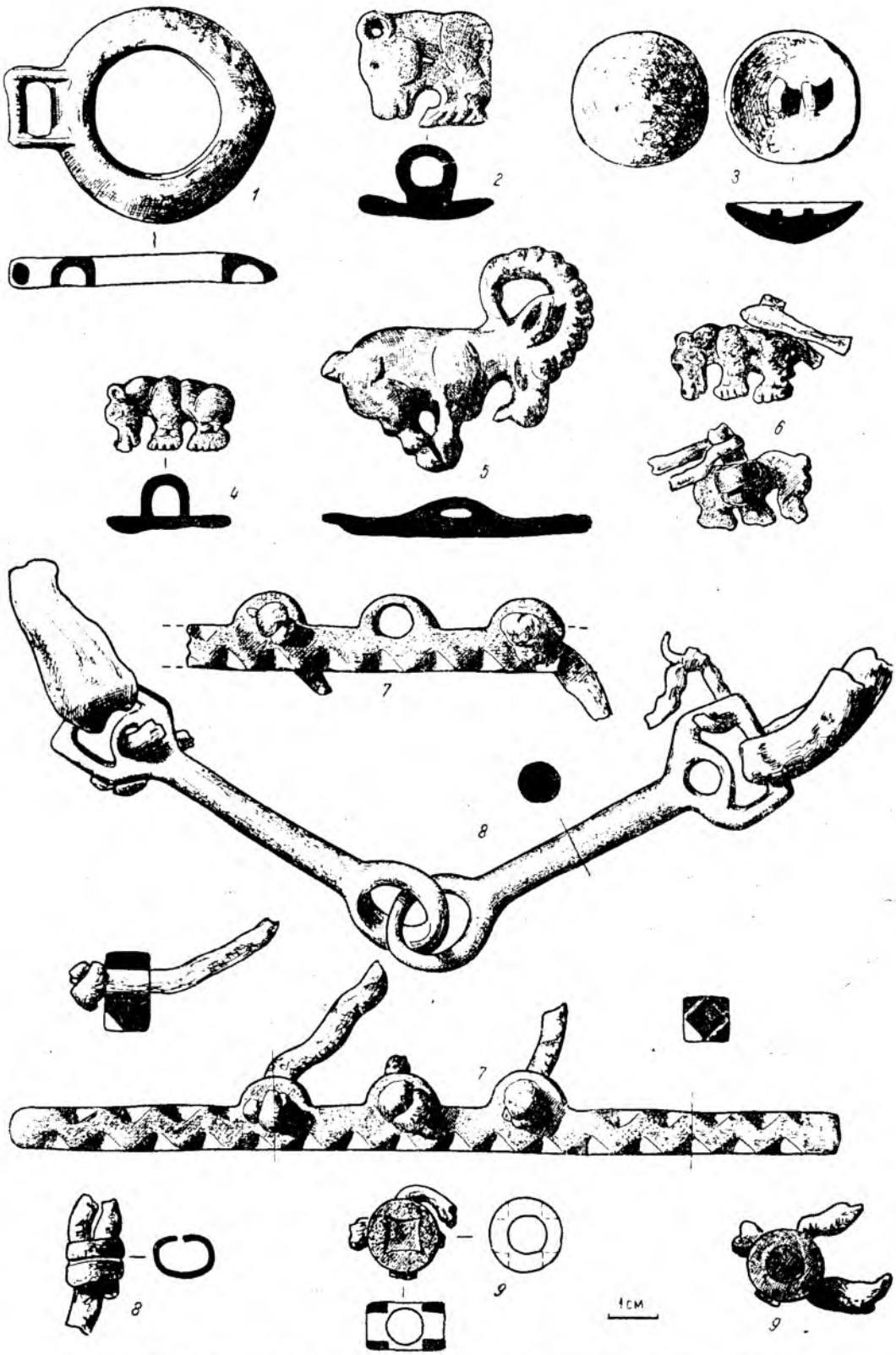


Рис. 128. Восточный Памир, Памирская I. Бронзовые вещи из К 10.

1 — пряжка; *2—6* — бляшки; *7* — псалии; *8* — удила; *9* — сворки.

концах бронзовый нож с тупой спинкой и одним заостренным краем, спилок астрагала с дырочкой в центре (амулет?), обрывок кожаного изделия типа ножен и шесть бусин (три стеатитовых, цилиндрических, до 2 см длиной, одна пастовая в виде колечка и одна бронзовая цилиндрическая).

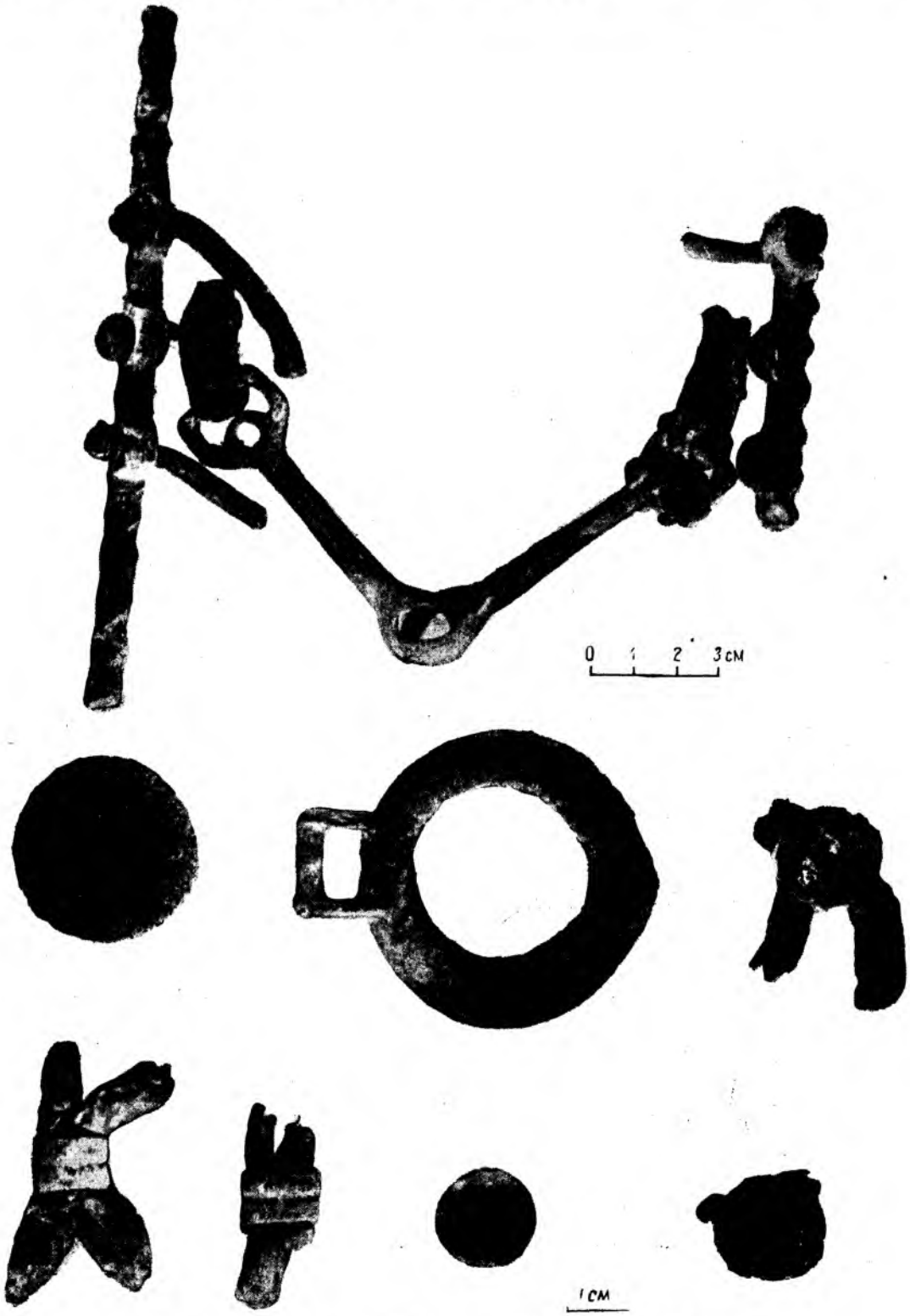


Рис. 129. Восточный Памир, Памирская I, К 10. Удила и пряжки.

Курган № 14 (рис. 130) представлял собой овальную могилу (5×7 м) с прямоугольной выкладкой в центре. Вся выкладка, как

и могильная яма, была ориентирована по оси ЮЗ—СВ. Скорченный костяк мужчины лежал на дерновой подстилке головой на СВ, лицом на Ю. У головы располагалась выкладка из четырех крупных камней, внутри которой стоял один глиняный горшок с резко профилированной верхней частью. Сосуд круглодонный, приближающийся по форме к сфе-

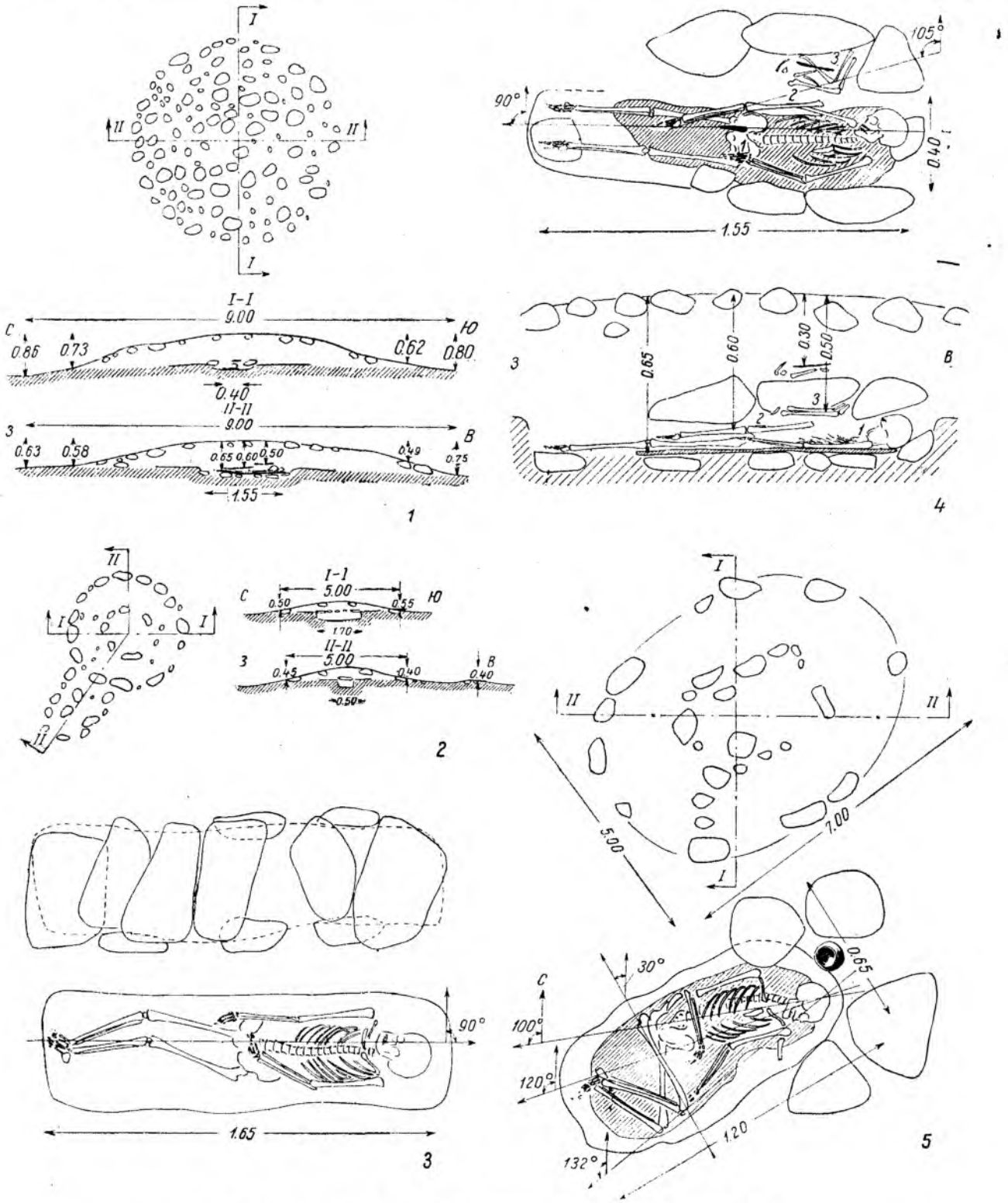


Рис. 130. Восточный Памир, Памирская I. Курганы 11, 12 и 14.

1 — план и разрезы (К 11); *2* — план и разрезы (К 12); *3* — погребение (К 12); *4* — план и разрез погребения (К 11); *5* — план кургана и погребения (К 14).

рическому, с диаметром тулова 140 мм, устья 112 мм, при высоте 117 мм.

Курган № 15 содержал два детских захоронения (без вещей) в возрасте до 1 года.

Курган № 16 оказался культовой выкладкой.

Все обнаруженные костяки были окрашены в красный цвет.

4. АК-БЕИТ

В верховьях р. Ак-су, около Кызыл-равата, в местности Акбеит, что ограничена с С р. Кара-куль, а с В р. Ак-су, на высокой площадке, возвышающейся над поймой правого берега Ак-су, было отмечено три группы курганов, всего в количестве 27 насыпей (рис. 131). В основном направление цепочек курганов меридиональное, хотя порядок внутри цепочек частично нарушается. Насыпи курганов каменные, в виде полусферы; значительное количество их не утратило двух концентрических вписанных кромлехов. Это одна из больших для Памира курганных групп. В районе могильника были обнаружены две крупные зернотерки: одна размером 1×1.10 м, другая 0.75×0.65 м, с углублением в них от долгого употребления (3—10 см). Во второй Акбеитской группе были раскопаны две небольшие могилы кромлехного типа.

Курган № 7 имеет диаметр 3×3.50 м и едва поднимается над окружающей местностью (высота 0.30 м). Он содержал могильную яму неправильной формы (1.15×0.65 м), обложенную крупными камнями, ориентированную по оси С—Ю. Костяк ребенка полутора лет в скорченном положении лежал головой на С, с лицом, обращенным на З, т. е. к реке.

У подбородка костяка были обнаружены пять бусин. Две сердоликовые, разрисованные содой (белые линии): одна из них бочонковидная с двумя зигзагообразными линиями, разделенными одной прямой вдоль тела бусины; в одном конце эти линии перехвачены кольце-

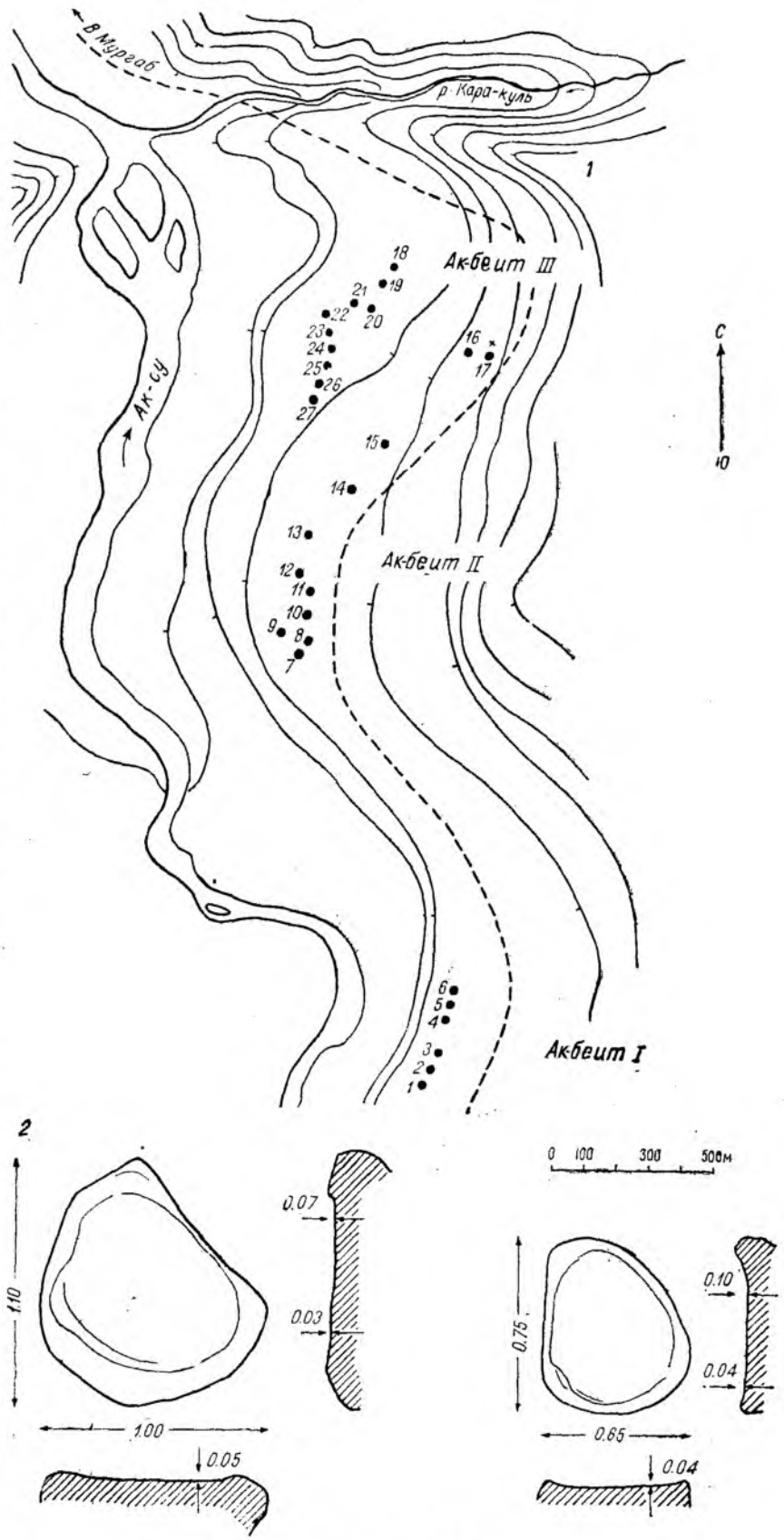


Рис. 131. Восточный Памир. Могильник Ак-беит.

1 — схема расположения курганов; *2* — зернотерки (Ак-беит III).

вой белой линией; на второй уплощенной сердоликовой бусине орнамент в виде восьмерки (амулет от сглаза). Третья — кольцеобразная бусина из синего стекла; четвертая — синяя из мраморовидного оникса (?) или талька, боченковидной формы; пятая — цилиндрическая синего цвета из плохой ляпис-лазури. Других находок в погребении не оказалось.

Курган № 8 той же II акбеитской группы представляет собой два геометрически правильных концентрических кольца; в нем оказалась могильная яма, также ориентированная по оси С—Ю, размером 0.90×0.65 м. В ней остались лишь отдельные кости детского костяка, а среди находок — фрагмент круглодонной чашки сако-усуньского облика и одна цилиндрическая стеатитовая бусина.

По типу захоронений, насыпям и находкам курганы Ак-беита могут быть сопоставлены с Памирской I группой.

5. «ИЗВЕСТКОВЫЙ КАМЕНЬ»

По дороге от Ак-беита к «Известковому камню» встречаются одиночные курганы у оз. Кызыл-курум, Шинды, Дункельдык, но наибольшая группа курганов расположена около урочища Тохтамыш, у впадения р. Истык в Ак-су, на территории колхоза им. Кирова. Курганы, которых здесь несколько десятков, тянутся до урочища Балгын. Сюда же подходят курганы и могилы Истыка. От Балгына до «Известкового камня» следов погребальных сооружений мы не обнаружили. Прямоугольные выкладки из камней, поставленных на ребро у «Известкового камня», имеют размеры 2×3 м и 2×2.5 м; они оказались культовыми местами. Обе они вытянуты в широтном направлении, и только в одной из них сохранились следы кострища с диаметром до 1 м.

6. ТУГУРУК БАМАН И ПШАРТ

В курганной группе Тугурук Баман всего пять насыпей. Основная часть курганов расположена в меридиональном направлении с С на Ю, перпендикулярно реке. Таково же построение курганов и в другой, более западной группе, Джарутекской (тоже на правом берегу р. Ак-су).

Один из курганов с кромлехного типа выкладкой (высота 0.25 м, диаметр 7.5 м) был раскопан. Под центральным кромлехом оказалась могильная яма, размером 1.30×0.80 м, идущая по оси З–В. В яме на дерновой подстилке лежал сильно скорченный костяк мужчины в возрасте около 60 лет, окрашенный в красный цвет, головой на В, лицом на Ю, к реке. Находок не оказалось, но по типу погребального сооружения и трупоположения он целиком повторяет захоронения I Памирской группы.

По Ак-су имеется еще ряд курганных групп, которые частично исследовались в 1947 г. Таковы группы около урочища Курбан-айгыр, у с. Мургаб, к В и З от него.

По Ак-байталу курганов и могил мы не видели; только по правому притоку Ак-байтала, по р. Пшарт, имеются совершенно разграбленные курганы. Есть сообщения (О. В. Заленский), что хорошей сохранности курганы находятся у самого перевала Пшарт. В 1948 г. мы раскопали культовую кольцевую выкладку, расположенную среди холмов, стоящих у слияния горной речки Гумбаздык-кол и Пшарт. Одна кольцевая выкладка из крупных камней оказалась жертвенным местом и, кроме зольного пятна с костями барана, ничего больше не дала.

Таковы итоги вскрытий курганов на Восточном Памире в 1948 г. В конечном счете был собран достаточно выразительный материал, который вкупе с данными специальных анализов и консультаций, полученных нами от В. В. Гинзбурга (антропология), Г. Г. Леммлейна (бусы и горные породы), В. А. Петрова (органические остатки и технологические определения) и В. Е. Гарутта (палеозоология), позволяет сделать ряд частных и общих выводов как археологического, так и — на основании привлечения других исторических данных — общеисторического характера.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КЛАССИФИКАЦИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАХОДОК

Собранный на Памире в результате раскопок 1948 г. материал дает возможность рассмотреть культуру древнейшего населения Памира и, вместе с тем, датировать основные комплексы. Однако до рассмотрения вопроса об историко-культурных аналогиях и, соответственно, датировках обнаруженных комплексов следует проанализировать собранный материал, дать его характеристику, выявить относительную классификацию комплексов, их производственную и культовую значимость. Рассмотрим материал по следующим группам: 1) погребальные и культовые сооружения (курганы, могилы, выкладки); 2) обряд погребения; 3) вооружение; 4) утварь; 5) украшения.

1. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ И КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Первым типом погребальных сооружений является невысокий курган-могила с выложенными по насыпи двумя концентрически расположенными кромлехами, обычно правильной формы (Ичкилик, Харгуш, Памирская I, Ак-беит, Тугурук-Баман и другие), реже с подквадратной выкладкой внутри (Памирская I, Ак-беит). Второй тип составляют сплошные каменные полусферические насыпи (Памирская I, Харгуш), причем, как это будет ясно из последующей главы, они чаще связаны с более поздним временем (Памирская I, К 7, 9, 11).

Хотя для первого типа и характерно расположение курганов в цепочку, но эта традиция часто нарушается, в то время как курганы второго типа строго придерживаются меридионального, линейного построения.

Третий тип захоронений, представленный пока только одной вскрытой могилой (Ичкилик, К 8), находит себе аналогии за пределами Памира, в ближайших к нему могильниках.

Все могильники, как правило, расположены по берегам рек вблизи травостоя и водопоя, т. е. около урочищ, одинаково необходимых для охоты и скотоводства. Как правило, могильники отмечаются расположенными недалеко от них наскальными изображениями (Памирская I, Харгуш).

В силу того что могильники явно тяготеют к берегам рек, они часто стоят и в пойменных местах или на площадках, непосредственно возвышающихся над берегами рек. Здесь нарушен закон расположения могильников Семиречья, Центрального Тянь-шаня, Алая, где они стоят по водоразделам и порой удалены от воды на значительное расстояние. На Памире все обнаруженные нами одиночные курганы и курганные группы стоят только в указанных местах, вдали от рек или у рек со слабым травостоем курганов нет.

Другая общая тенденция расположения курганных групп, как мы указали выше, заключается в том, что их больше на юге Памира, чем на севере; но в этом распределении играли роль уже другие, чисто исторические причины. Могильные сооружения обоих типов почти стандартны по своим размерам. Максимальный диаметр в 8 м при высоте в 1 м — исключение. Курганы и могилы варьируют в двух пропорциях: диаметр 6 м, высота 0.60 м или диаметр 4 м, высота 0.40 м, т. е. в обоих случаях отношение 1 : 10. При этом почти стандартна глубина могильной ямы — в среднем 0.50 м от дневной поверхности.

Наряду с захоронениями в могильной яме, впущенной в материк, перекрытой жердевым накатом (Памирская I, К 1, 3, 9) или каменными плитами (К 12) и обложенной камнями (К 11, 14), имеются трупоположения на дневной поверхности (Харгуш, К 1, Памирская I, К 7) и в насыпи (Харгуш, К 1, Памирская I, К 7, 9); однако эти погребения на дневной поверхности и в насыпи явно разновременны. Так, например, в могильнике Харгуш, К 1 — оба погребения по обряду захоронения скорченные и несомненно восходят к «скифскому» времени. Явно одновременны погребения в насыпи и на дневной поверхности в Памирской I, К 7,

причем они более поздние, чем Харгуш, К 1. Наконец несомненно, что погребение с конем в насыпи К 9 различается по времени с основным погребением указанного кургана в могильной яме.

В сооружении погребальных помещений играли наибольшую роль три момента: а) вырубка ямы в грунте и иногда ее отделка — выкладка камнями, дерновая подстилка, что характерно для I, отчасти и для II типа; б) перекрытие ее потолка (жерди и камень),— детали, отмеченные только для I типа; в) устройство внешнего сооружения: кромлех-выкладка для I типа, сплошная насыпь главным образом для II типа. Сочетание высокой насыпи с архаичным погребением характерно для тех случаев, когда над древней могилой возводилась насыпь для «впускного», явно более позднего захоронения (Памирская I, К 9).

Принципиальное отличие могил от курганов на Памире состоит в том, что могила имеет фигурную выкладку — кромлехи, в то время как курган — гладкую полусферическую насыпь. Последние или являются более молодыми погребениями, или под ними отсутствует могильная яма, чем вызвано сохранение высоты погребального сооружения. Для Памира более характерны выкладки-могилы, чем насыпные курганы.

Культовые выкладки мы встретили трех типов:

1. Прямоугольные и квадратные в виде «усиков» у курганов (Памирская I, К 7 и 12). Курган 7 более поздний, чем основной состав могильника; курган 12 окончательно датировать трудно, так как вещей не оказалось, но судя по вытянутому костяку — он ближе по времени к захоронению К 7. Возможно, что «усики» (учитывая инвентарь находок в К 7) отмечают захоронения, тяготеющие к «сарматскому» времени, а не к «скифскому», т. е. к III—II вв. до н. э.

2. В другом случае круглые в плане выкладки, не будучи органически связаны с конструкцией основного погребения, тесно примыкают к могильнику (Ичкилик, К 5 и 7). Мы отмечали аналогии этим комплексам времени III—II вв. до н. э.

3. Особо стоят жертвенные места в виде прямоугольных выкладок у «Известкового камня» на Ак-су, вне непосредственной близости могильников, и в урочище Гумбаздык-кол в долине Пшарта.

В том и другом жертвенном месте имеются следы деятельности человека (зольное пятно у «Известкового камня», зольное пятно и кости животного в урочище Гумбаздык-кол). В обоих случаях выкладки, которые мы рассматриваем как культовые места, связаны с определенным рельефом ландшафта, — отдельно стоящий камень на Ак-су, холмы у подножья весьма запоминающейся горы Гумбаздык-кол (кстати, носящей своеобразное название «Рука могилы»). Отмечу, что и в других местах Памира около такого типа урочищ мы встречали аналогичные выкладки (например у отдельной скалы Сатыр-таш, на перевале Найза-таш при входе в Аличурскую долину с В).

Заодно отмечу также, что к культовым выкладкам я отношу явно нерабленные, аккуратно сложенные насыпи по Пшарту, раскопанные нами в 1947 г. и являющиеся, по нашему мнению, кенотафами.

2. ОБРЯД ЗАХОРОНЕНИЯ

Среди раскопанных курганов явно обнаруживается устойчивый обряд захоронения. Он выражается в двух основных типах трупоположения: скорченном и вытянутом (второй по времени моложе первого). Скорченные погребения в могильных ямах тянутся вдоль основной речной магистрали (Памирская I, Харгуш, Тугурук Баман — с З на В, Ак-бейт с С на Ю). Как правило, лицо повернуто к реке, а ориентировка покойника головой и на З и на В.

Так, например, из 11 архаических погребений Памирской I — 5 ориентированы головой на З, 6 головой на В и 9 повернуты лицом на Ю, т. е. к реке. Повернуты к реке покойники в Ак-бейте и Тугурук Бамане. Совершенно ясно выступает культ реки.

Второй особенностью является окрашивание костяков архаических захоронений. Во всех 11 захоронениях они были окрашены в красный цвет. Окрашен был костяк в Тугурук Бамане. Преобладает для этой группы трупоположение на дерновой подстилке, хотя этот момент известен и для более молодых захоронений (Памирская I, К 7) и не известен для более архаичных (та же группа, К 10). Очевидно, этот обычай достаточно устойчив и связан был с не известными нам условиями (времена года?).

Еще один культовый ритуал характерен для обоих типов погребений — положение костей барана. Он отмечен и для архаических погребений (Памирская I, К 9, 11) и для более молодых (Ичкилик, К 1; Памирская I, К 7).

Различие женского и мужского погребения выражено прежде всего бусами при женских костяках и оружием при мужских, хотя бусы известны и в погребениях мужчин. В женских погребениях — чаши, в мужских — деревянная посуда и глиняные котелки. Мужчины, в основном, лежат головой на В (6 из 7), а женщины — на З (все 4). Женские погребения все повернуты лицом к реке, мужские — 5 из 7.

Более молодые по времени захоронения — усуньского, а не скифского времени — отличаются вытянутым трупоположением на спине, иногда со слегка согнутыми ногами; руки — вдоль туловища, иногда сложены ниже пояса; все головой на В, спиной к реке. Сакские скорченные трупоположения — на боку; скор-

ченность различная, от утробного положения рук и ног (Памирская I, К 5) до вытянутого туловища с сильно подогнутыми ногами, как у человека, стоящего на коленях, или так называемое «положение всадника» (К 9, 10). Положение рук также сильно варьирует: от прижатых к груди (Тугурук Баман, Памирская I) до вытянутых вдоль туловища; иногда одна рука под прямым углом согнута в локте. Кроме костей барана, положенного в качестве пищи в ряде курганов (позвонки и ребра в Памирской I, К 9; крестец и поясничные позвонки — там же, К 1), в одном «скифском» погребении находились ребра архара (К 10). В другом кургане (К 9) было обнаружено сопровождающее захоронение лошади, но это погребение относится уже к раннему средневековью. Следов других животных найти не удалось.

Резюмируя сказанное, следует отметить явные сходства захоронения в погребениях «сакского» и «усуньского» времени, что подтверждает близость этих разных по времени погребений. В обряде захоронения отмечается замена скорченного трупоположения вытянутым (и то со слегка подогнутыми ногами); замена могильной ямы положением на дневную поверхность; утрата кромлехов в насыпи. Ясно выступает культ реки (ориентация могильных ям и покойников), культ солнца (кромлехи), явное различие мужских и женских погребений по инвентарю (оружие и украшения, ориентировка). Весьма характерна (мы еще отметим это ниже) слабая социальная дифференцированность всех погребальных сооружений, изученных на Памире, особенно в пределах одного могильника, и по конструкции насыпи и по инвентарю. Можно только заметить, что южные погребения (р. Памир, верховья Ак-су) богаче северных (Тугурук-Баман, Мургаб, Пшарт).

3. ВООРУЖЕНИЕ

Из находок в могилах к предметам вооружения должны быть отнесены кинжалы-акинаки, стрелы, щит и, в известной мере, ножи.

Акинаки, обнаруженные в ряде курганов (Памирская I, К 9, 10, 11), были различных размеров (рис. 132): 25 см (К 11), 31 см (К 10), 35 см (К 9 и 10). Все они железные и, по аналогии с известными нам формами, могут быть отнесены (см. гл. V) к одному времени. Акинаки из 9 и 10 курганов обоюдоострые, из К 11 — однолезвийный. Сделаны они путем проковки железного бруска в вертикальном направлении, о чем говорит характер расслоения окисленного металла. Перекрестие и эфес делались из отдельных брусков и наклепывались на рукоять. Рукоять уже лезвия вдвое (сечение рукояти 2 см, лезвия до 4). При взгляде на один из акинаков (К 11) создается впечатление, что навершие его было расклепано из одного бруска, перекрестия же не было совсем. Два акинака имеют бронзовые оковки внизу рукояти, в одном случае выше, в другом ниже перекрестия.

Ножи (К 7, 9, 11, 13), кроме одного (К 13), сделаны из железа. Все они отличаются по форме. Нож К 13 выкован из бронзового бруска и имеет вид ровной пластины с одним заостренным лезвием и затупленной рукоятью; он был вложен в кожаные ножны. Железный нож из К 11 имеет длинный черенок и расплющенную нижнюю рабочую часть, но он помещался в спорном горизонте, всего вероятней — усуньского времени, где он лежал вместе с костями барана. Более архаичен нож из нижнего погребения К 9, длиной 17 см, с шаровидным навершием и массивным телом; архаичен по типу и нож с кольцом из нижнего погребения К 7, но он скорее принадлежит к усуньскому времени. В отличие от прямоугольного сечения ножа из К 9, нож из К 7 имеет овальное сечение, более эллипсовидное у рукояти и уплощенное на лезвии.

Ничего особо характерного нельзя сказать о щите размером примерно $0.65 \times 17 \times 9$ (10) см. Он состоял из прутиков (основа щита), поверхность его была обтянута кожей, следы которой сохранились. Будучи поставлен на торец, он, сдавленный камнями засыпи и частично сгнивший, потерял свою первоначальную форму, хотя и можно предполагать, что он имел форму эллипсиса, приближающегося к кругу.

Колчан из К 10 был сделан из деревянных дощечек, обтянутых кожей. Как уже было указано, он имел петлю, образованную бронзовой фигуркой горного козла, также обтянутого кожей. Форма колчана, расширенного книзу, весьма характерна. Висел он, очевидно, на ремешках, к которым относятся найденные здесь же обоймицы и сворки. Но главное значение имеют найденные в колчане фрагменты стрел и хорошо сохранившиеся наконечники.

Всего в колчане было найдено 35 стрел и наконечников из бронзы, железа, кости и дерева (рис. 133—135). Наиболее разнообразны наконечники из бронзы и дерева. Стрела делалась из прутьев тополя (?) толщиной до 0.5 см. Длина стрелы, судя по величине колчана и лежащих в нем стрел, измеренных на месте, достигала 80 см. Нижние части древка сгнили, верхние сохранились хорошо. В конце, где насаживался наконечник, древко расщеплялось, и в него вставлялся заостренный черешок наконечника стрелы, затем расщепленный конец плотно стягивался многочисленными витками сухожилия. Число витков на некоторых экземплярах достигает 25. В некоторых случаях в древке выдалбливалось углубление и туда засовывали черешок деревянного наконечника стрелы. Из целого бруска вытачивались деревянные стрелы с тупым бочонкообразным навершием для боя пушнины, так называемые томары. Из дерева были встречены:

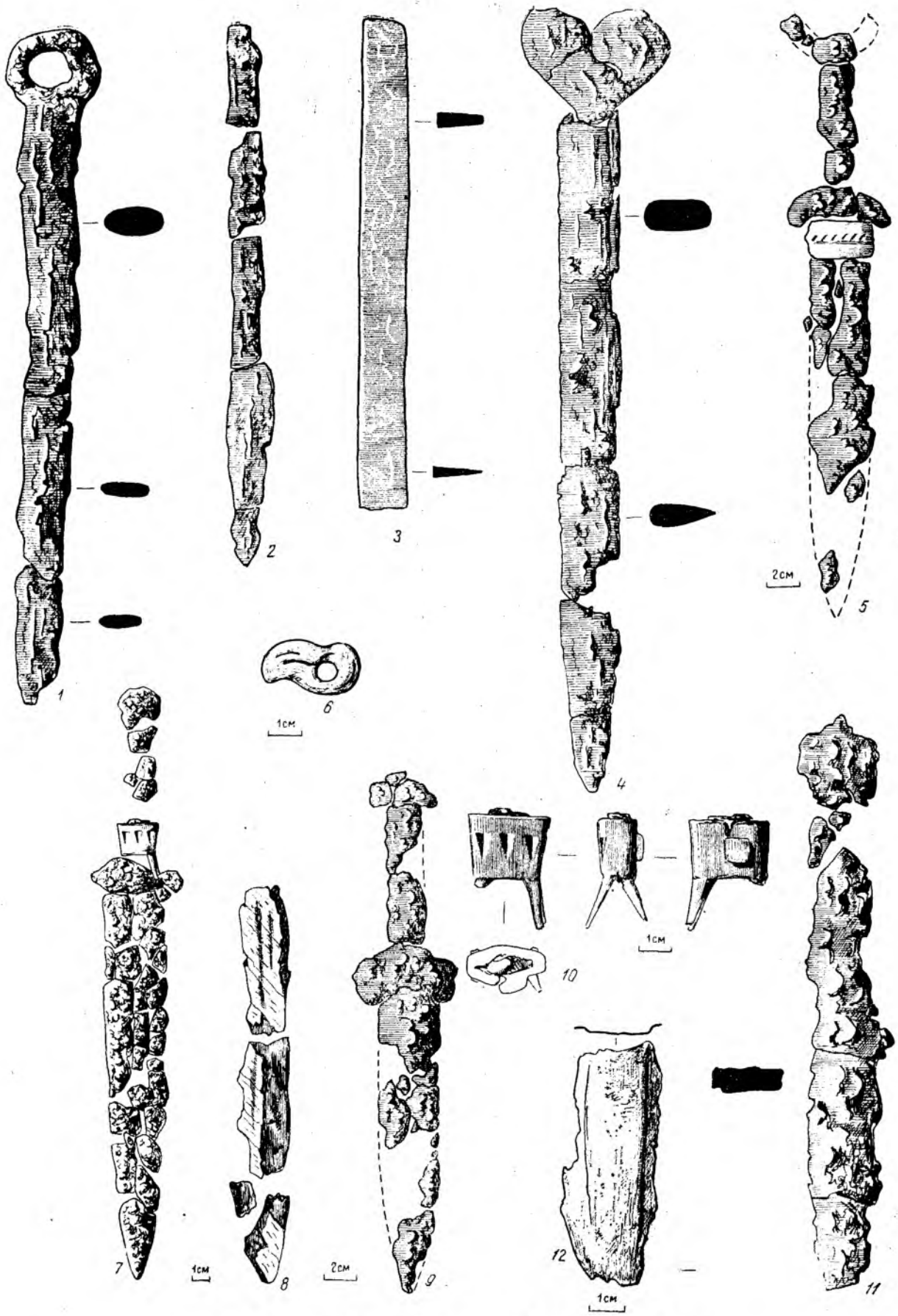


Рис. 132. Восточный Памир, Памирская I, К10. Акинаки и ножи.

1 — нож железный(К 7); *2* — нож железный (К 9); *3* — нож бронзовый (К 9); *4* — акинак железный (К 9); *5* — акинак железный (К 9); *6* — амулет (подвеска), кость (К 13); *7* — акинак железный (К 10); *8* — нож железный (К 11); *9* — акинак железный (К 10); *10* — обойма от акинака бронзовая (К 10); *11* — нож железный (К 11); *12* — часть кожаных ножен от бронзового ножа (К 10).

1) конический черешковый наконечник стрелы с притупленным верхом, выточенный из другой породы, чем само древко; 2) бочонковидные «томары», круглые в сечении; 3) трехгранные в сечении черешковые наконечники; 4) ромбовидные в сечении черешковые наконечники. Общая длина наконечников в среднем до 8 см, боевой части — от 4 до 6.5 см.

Рис. 133. Восточный Памир, Памирская I, К 10. Стрелы из колчана (бронза, железо, кость, дерево).

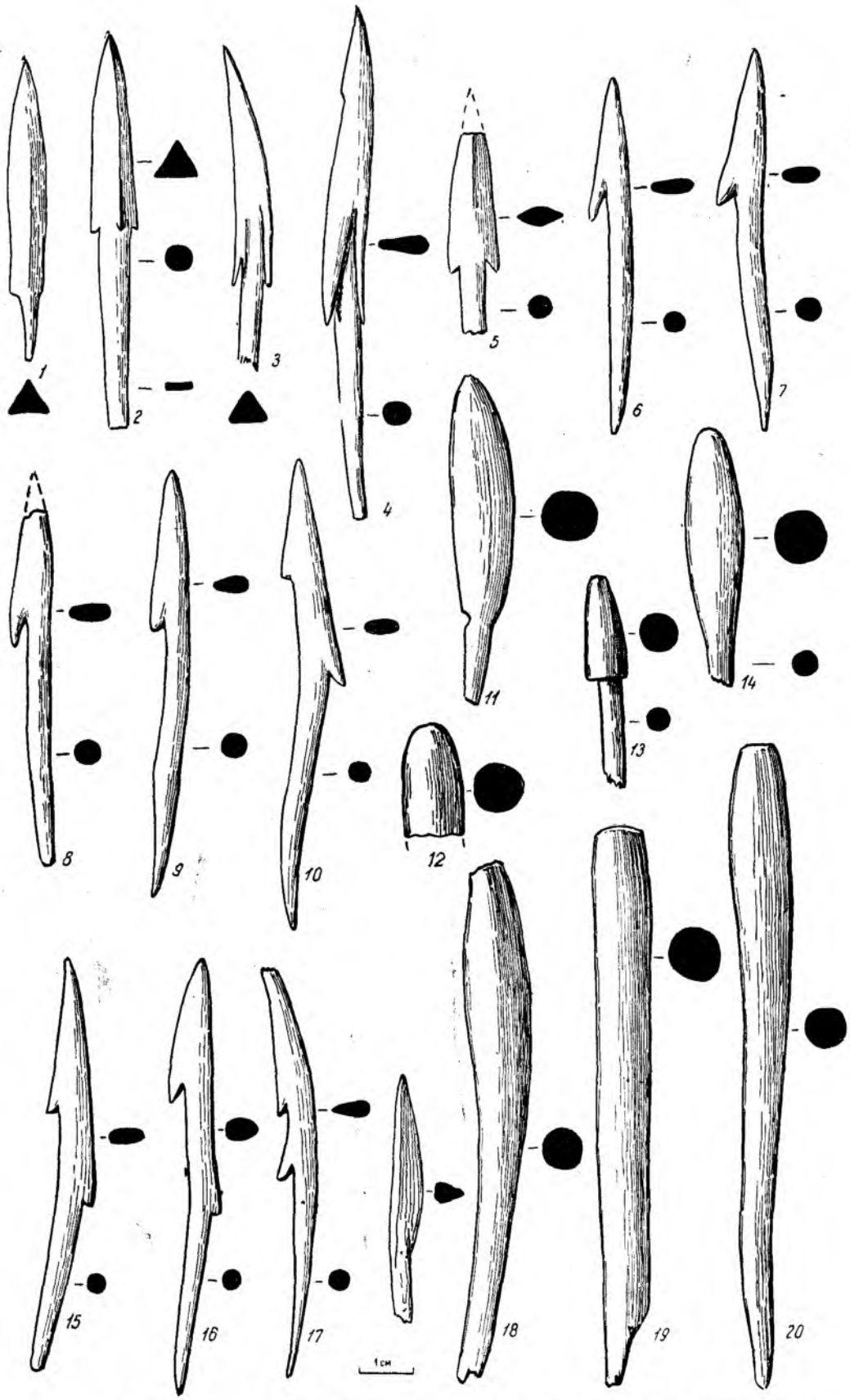


Рис. 134. Восточный Памир, Памирская I, К 10. Деревянные стрелы из колчана.

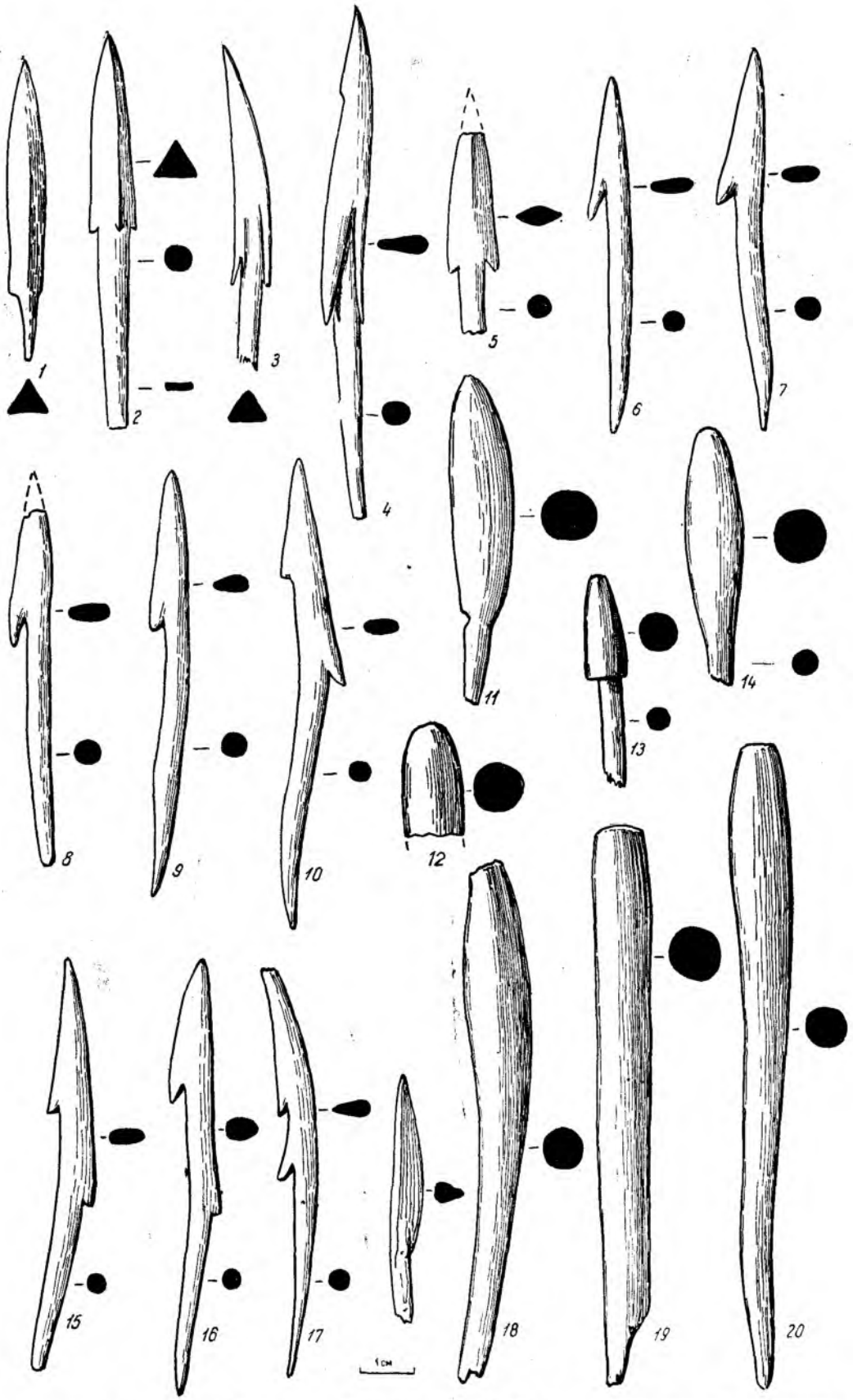


Рис. 134. Восточный Памир, Памирская I, К 10. Деревянные стрелы из колчана.

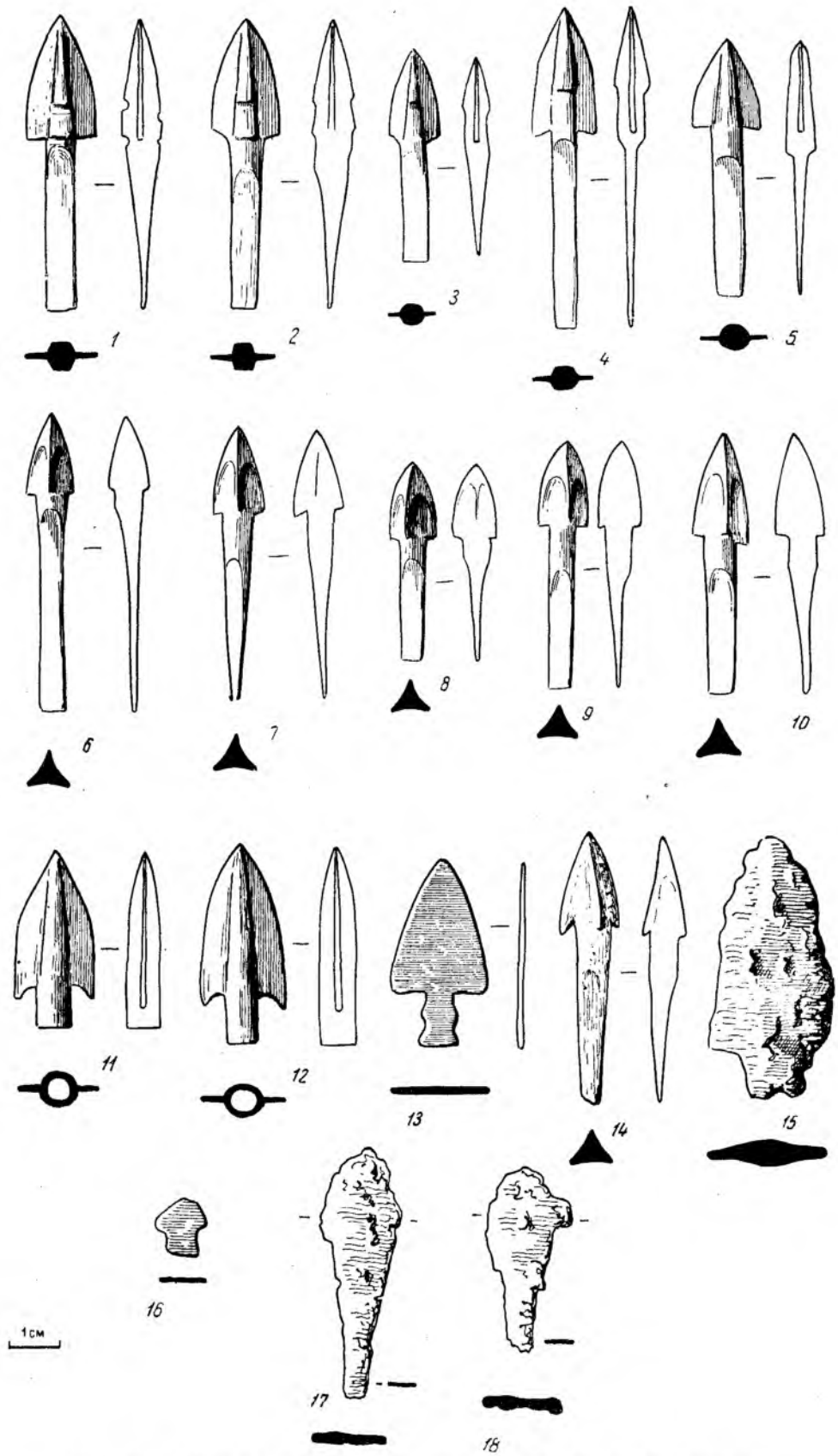


Рис. 135. Восточный Памир, Памирская I, К 10. Стрелы из колчана.
1–13, 16 – бронза; *14* – кость; *15, 17, 18* – железо.

Томары достигают длины от 4.5 до 10 см при толщине до 1 см.

Особую группу составляют выточенные из дерева гарпуны, которые могут быть отнесены к трем типам: 1) гарпуны уплощенные с одним жальцем; черешок круглый в сечении, длина общая — 8.6 см, боевой части — 3.5 см; черешок гарпуна и жальце заострены; 2) такие же гарпуны с двумя жальцами (одно под другим); при длине 8.2 см длина его боевой части 4.4 см; 3) гарпуны, где жальца развернуты в разные стороны, общая длина 9.5 см, боевой части — 4.8 см. Деревянные стрелы и гарпуны искривлены (из-за качества материала или от времени). Соотношение черенка и боевой части почти 1 : 1, черенок лишь несколько длиннее. Черенки в сечении круглые, боевая часть — уплощенная.

Вторую большую группу составляют литые из бронзы наконечники стрел, весьма разнообразные по форме.

1) Черешковые двухлопастные на прямоугольном или круглом в сечении пере. Длина лопастей варьирует от 2 до 2.5 см при общей длине наконечника от 4.3 до 6.2 см. Некоторые перья имеют поперечные асимметричные насечки. Лопасти срезаны внизу под разными углами.

2) Черешковые трехгранные с такими же вариантами в размерах боевой части и черешка. Черешки и в первой и во второй группах «срезаны» иногда вбок, чаще симметрично заостряются книзу (манера среза ножом по дереву). Грани срезаны под разными углами.

3) Малочисленные втульчатые двухлопастные наконечники со слегка опущенными концами лопастей. Наконечник массивен и имеет размеры 3.8×1.6 см. Древко стрелы для них стачивалось на цилиндрик, входящий во втулку.

4) Одна бронзовая стрела, — в разрезе плоская (общая длина 3.5 см), треугольная в плане, с коротким черенком (1 см), — была вставлена в расщепленное древко.

5) Один трехгранный с черешком наконечник стрелы был выточен из кости.

6) Наконец, в колчане оказалась одна железная кованая стрела с коротким (обломанным) черешком, почти плоская в сечении, слегка утолщенная к центру. Общий размер 5×2.5 см.

Таков состав колчана из К 10 Памирской I группы курганов. Бросается в глаза разнохарактерность материала, из которого изготовлены стрелы, разнообразие типов и технологических приемов, разнообразие конструкций. Исходя из общепринятых датировок, все эти стрелы, если бы они были найдены в разных местах, были бы отнесены к разному времени с амплитудой по меньшей мере в 3—4 столетия: от VI до III в. до н. э.

Однако все стрелы находились в одном колчане и, таким образом, дают основание говорить о долгом переживании форм в особых условиях быта человека. Но к этому мы вернемся ниже. Разнообразны стрелы и по функции. Здесь предусмотрена война, охота на крупного зверя и птицу, на рыбу (гарпуны) и на пушного зверя (томары).

Этими находками исчерпываются предметы вооружения.

4. УТВАРЬ

Основные сосуды получены из раскопок курганов в Памирской I и Харгушской группах курганов, в кургане же из могильника Акбиит были найдены только фрагменты керамики (рис. 136—138). Сосуды делались из глины, дерева и бронзы. Кроме того была найдена плетеная корзиночка. Сосуды из глины по технике изготовления мало чем отличаются друг от друга — это ручной лепки круглодонные, полусферических и сферических форм горшки и чашки. Отсутствие шаблона заметно в асимметричности форм — разности диаметров сосудов. Так, эта разница выражается в некоторых сосудах от 4, 6 и даже до 22 мм (последний случай — сосуд из К 4). Наибольшие варианты диаметров — в открытых полусферических чашах. Попутно отмечу, что чаши несут на себе следы вмятин и другие дефекты производства, связанные с ручной лепкой.

Чаши различаются — но весьма незначительно — по форме; это либо точная полусфера, либо закраина загибается внутрь, либо она, загибаясь внутрь, затем вновь отогнута наружу. Последний тип закраины характерен для закрытого типа горшков шарообразной формы. Они имеют более жесткий и четкий профиль, часто покрыты коричнево-красной краской (сосуды из К 8, 14). В одном случае (К 2) имеются симметрично расположенные крест-накрест ручки в виде проткнутых выступов для пронизывания шнурка (для подвешивания сосуда).

Тесто сосудов рыхлое с примесью дресвы и слюды, слоится в изломе, красного, черного и серого цвета, характеризующего неравномерность обжига. Тесто и обжиг сосуда предусматривают использование сосудов на костре. О таком использовании говорят и неравномерные пятна копоти по поверхности сосуда. Несмотря на примитивность техники, сосуды отличаются небольшими размерами (максимальный диаметр 86 мм) и тонкостью стенок (от 3 до 5 мм).

Как я уже отметил, сосуды отличаются и по качеству выделки. Гораздо лучше сделаны горшки, чем чаши. Они несут на себе следы раскраски, симметричнее по форме и пропорциям (К 4, 6, 7, 8, 14; Харгуш, К 1) и наблюдаются как в «сакских», так и в «усуньских» погребениях. Забегая вперед, укажу, что если сосуды в виде чаш имеют полные аналогии

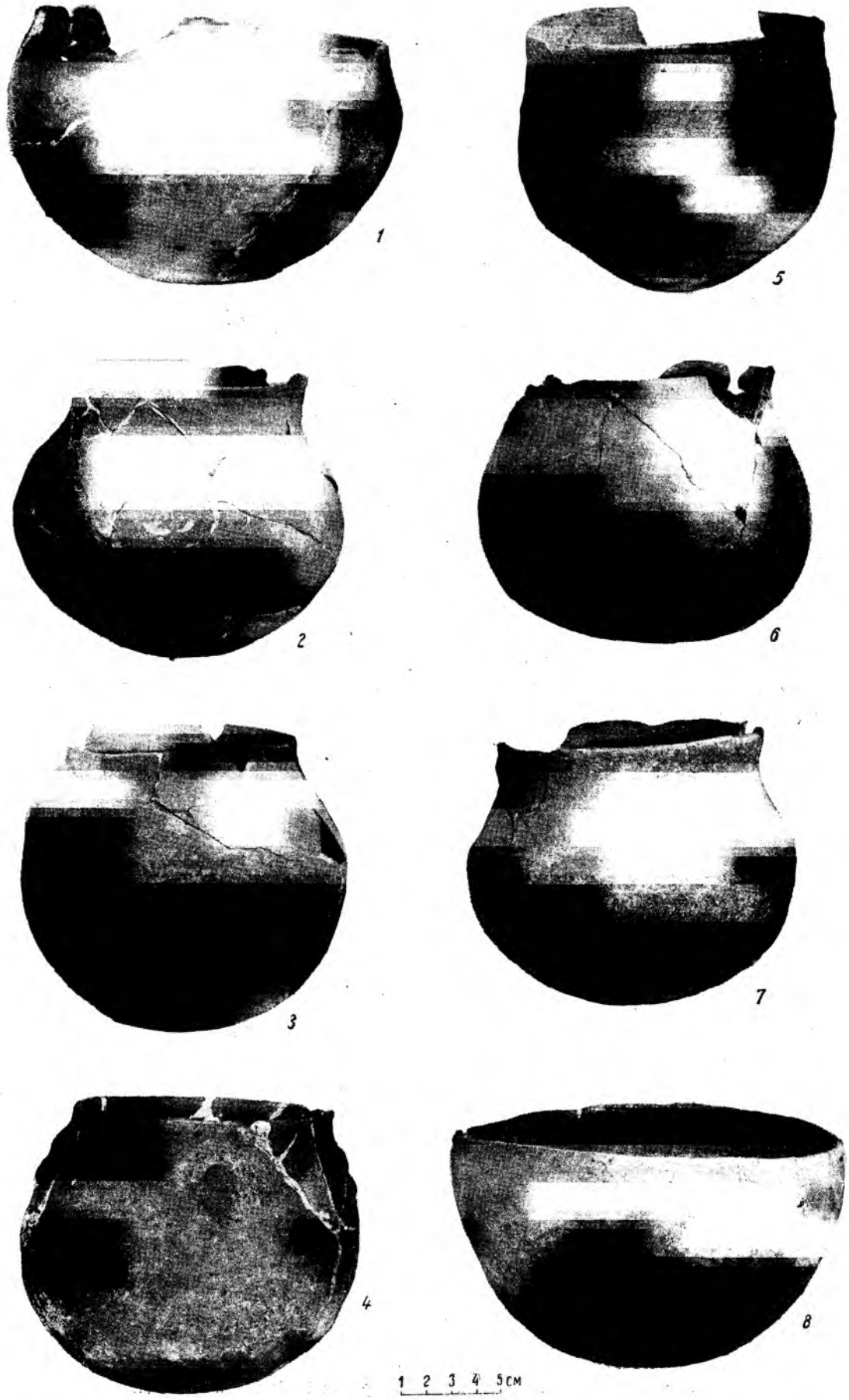


Рис. 136. Чон-алай и Памир. Керамика.

1 — Памирская I, К 8; *2* — Дараут-курган; *3,8* — Памирская I, К 7; *4* — Памирская I, К 2; *5* — Харгуш, К 1, погребение в насыпи; *6* — Харгуш, К 1, погребение на горизонте; *7* — Памирская I, К 14.

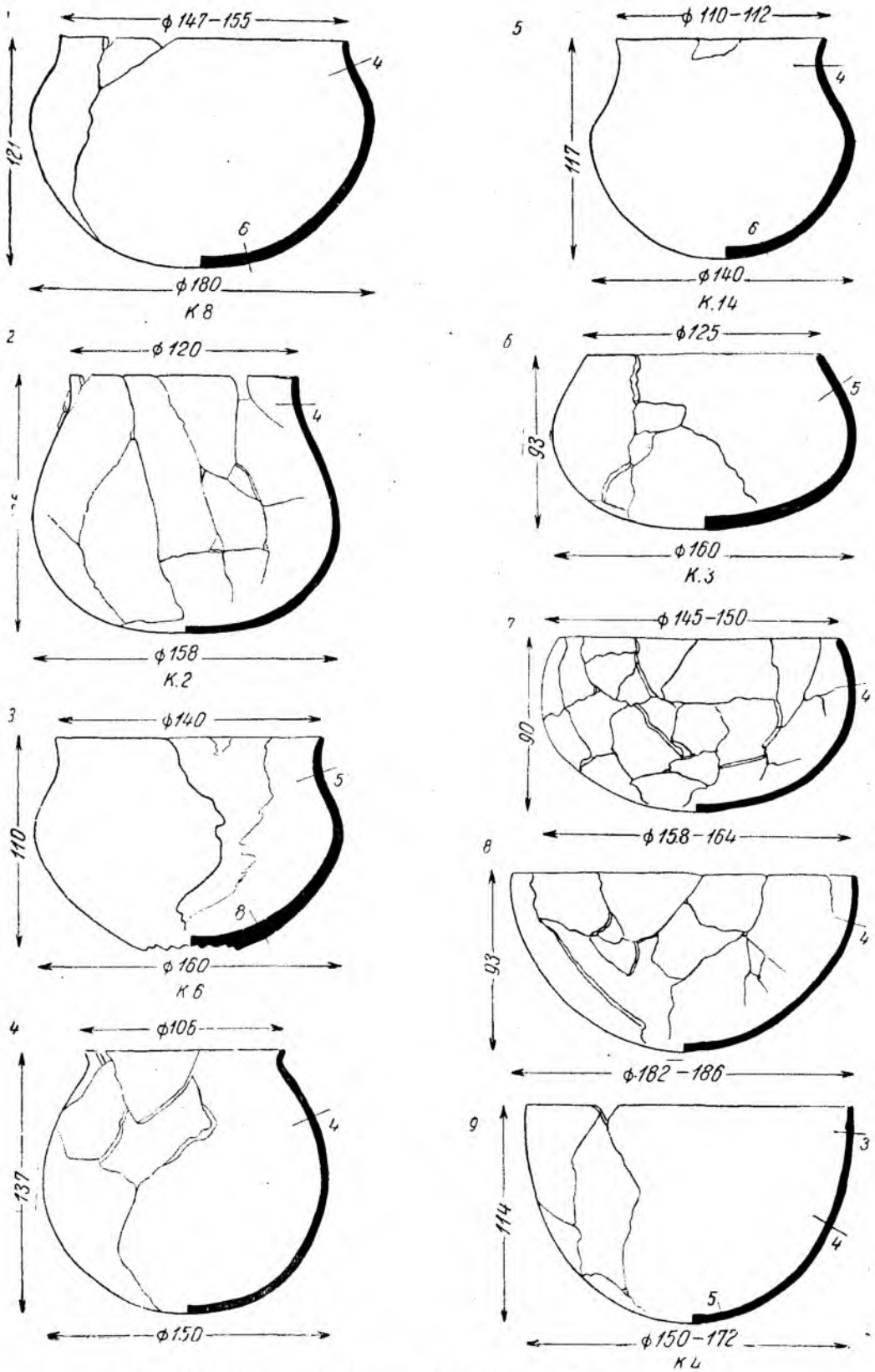


Рис. 137. Восточный Памир, Памирская I. Глиняная посуда.
1 — К 8; *2* — К 2; *3* — К 6; *4*, *7*, *8* — К 7; *5* — К 14; *6* — К 3; *9* — К 4.

в сако-усуньской посуде, то горшки с профилированной закраиной в керамике сако-усуней аналогий себе не найдут.

Крайне примитивно сделана посуда из дерева. Она выдолблена ножом из одного куска арчи и намного уступает деревянной посуде Кенкола. Ясно заметны следы выскабливания внутренности сосуда, и только закраины отделаны лучше, как бы зашлифованы. Это примерно с тем же диаметром. Наибольшим диаметром обладает деревянная посуда (200 мм и больше).

Упомянутая выше корзиночка сделана из ветвей облепихи (?) и сплетена по принципу «полотняного» плетения, также в форме полусферической чаши. Посуда не сохранила остатков пищи, за исключением костей барана.

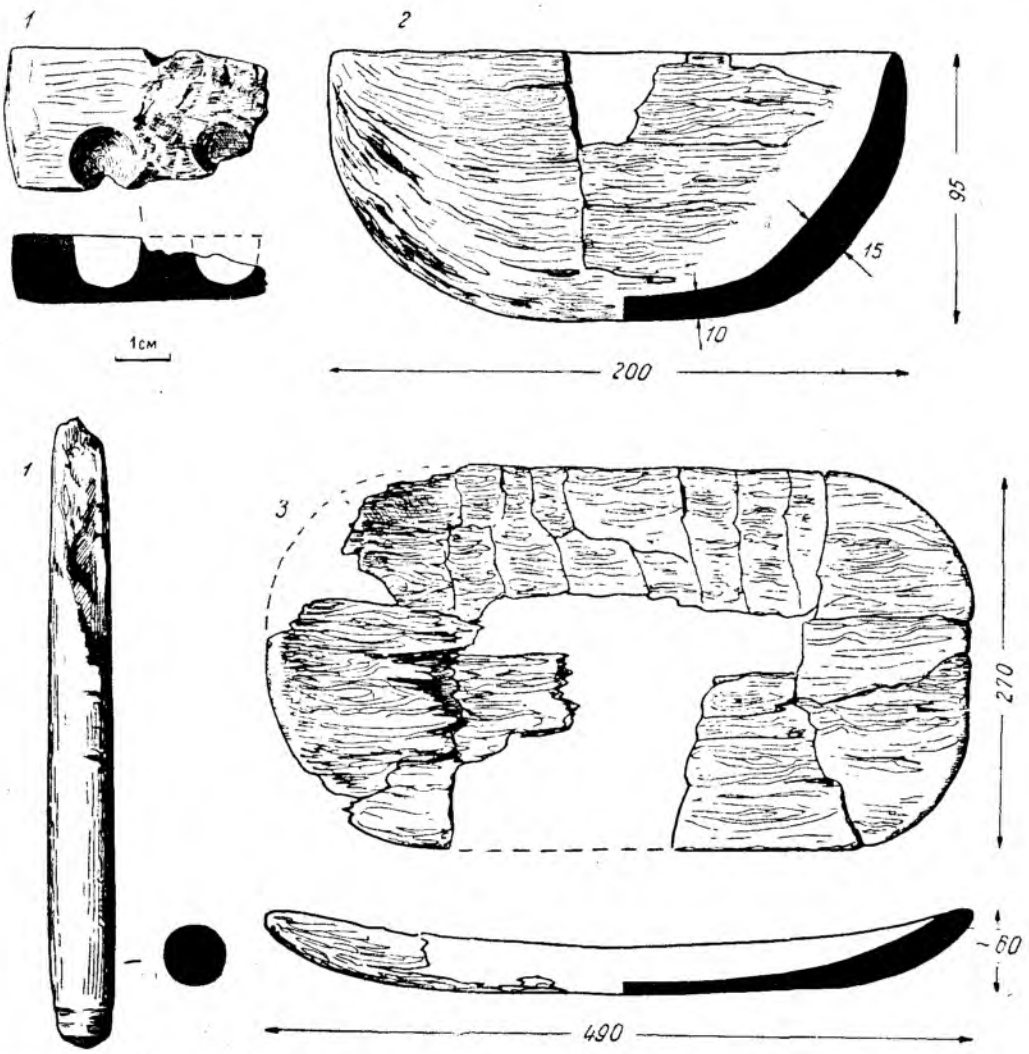


Рис. 138. Восточный Памир, Памирская I. Деревянная посуда и изделия из дерева.
1 — приспособление для добывания огня (К 10, нижнее захоронение); *2*, *3* — чаша и крышка от столика (К 9).

относится в равной мере к деревянным чашам из К 5 и К 9, столику и блюду из К 9. Глиняные чаши по форме очень сходны с деревянными, а горшки своей изящной профилировкой приближаются к металлическим изделиям.

Из металлической посуды была найдена одна бронзовая полусферическая чаша в шерстяной сетке, к сожалению сильно окисленная. Гладкостенная и очень тонкая (до 2 мм сечение стенок), она по форме воспроизводила полусферическую чашу сако-усуньского типа,

Среди деревянных изделий отмечу деревянную плашку с углублениями, куда вставлялась круглая палочка (К 10), путем вращения которой «вытирался» огонь. Такого типа огниво, совершенно идентичное по конструкции, было найдено в Ноинулинских курганах гуннского времени в Монголии П. К. Козловым.[1] Деревянная плашка в К 10 сохранилась частично, рядом с ней была найдена и круглая

[1] А. Бернштам. К вопросу о социальном строе восточных гуннов. Проблемы истории докапиталистических обществ, № 9—10, 1935.

палочка длиной в 12 см, при толщине в 1 см. Один конец палочки и дно углублений затерты и покрыты от огня черным цветом нагара.

5. УКРАШЕНИЯ

Важным этнографическим признаком являются украшения (рис. 139—140). В наших коллекциях они представлены большим набором бус и бронзовых поделок из К 10

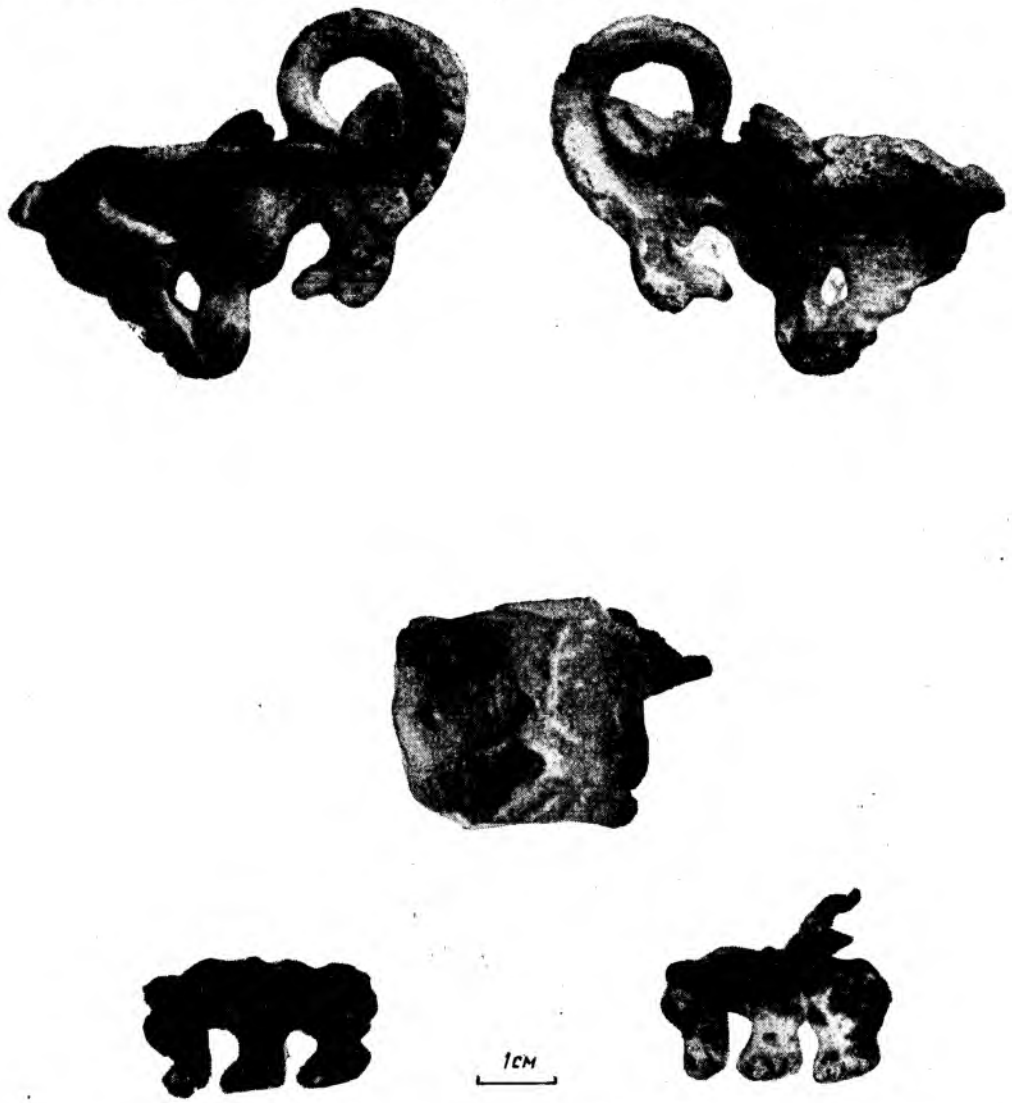


Рис. 139. Восточный Памир, Памирская I, К 10. Украшения из бронзы.

Памирской I группы. Исключением является одна серебряная поделка в форме восьмерки в застежке одного из ожерелий (К 3) и височное золотое кольцо, обнаруженное на правом виске черепа из К 7.

Бусы нашей коллекции делятся на следующие группы:

1) Сердоликовые бочонкообразные, сверленные алмазным сверлом; по мнению Г. Г. Леммлейна, они индийского происхождения. Часть их расписана геометрическим орнаментом, нанесенным раствором соды с последующим обжигом, что оставляет на сердолике белые линии.

2) Стеатитовые (в наибольшем количестве) цилиндрической и кольцевой формы, из материала, добываемого в районе Алтая и Саян, отшлифованные со всех сторон вручную.

3) Бусы из оникса (?) или нефрита (памирский минерал) и ляпис-лазури (Бадахшан).

4) Большую серию бус составляют пастовые бусы, а также бусы из голубого или зеленого фаянса на светлой основе, в виде одиночных или сдвоенных колец; единичны бусы из стекла и шлака; встречено несколько бронзовых бус, одна бронзовая пронизка и один срез астрагала.

Некоторые бусы имели значение отвращающего амулета — например сердоликовая бусина с изображением глаза из детского погребения в Ак-беите (К 7); характер амулета имеет и астрагал.

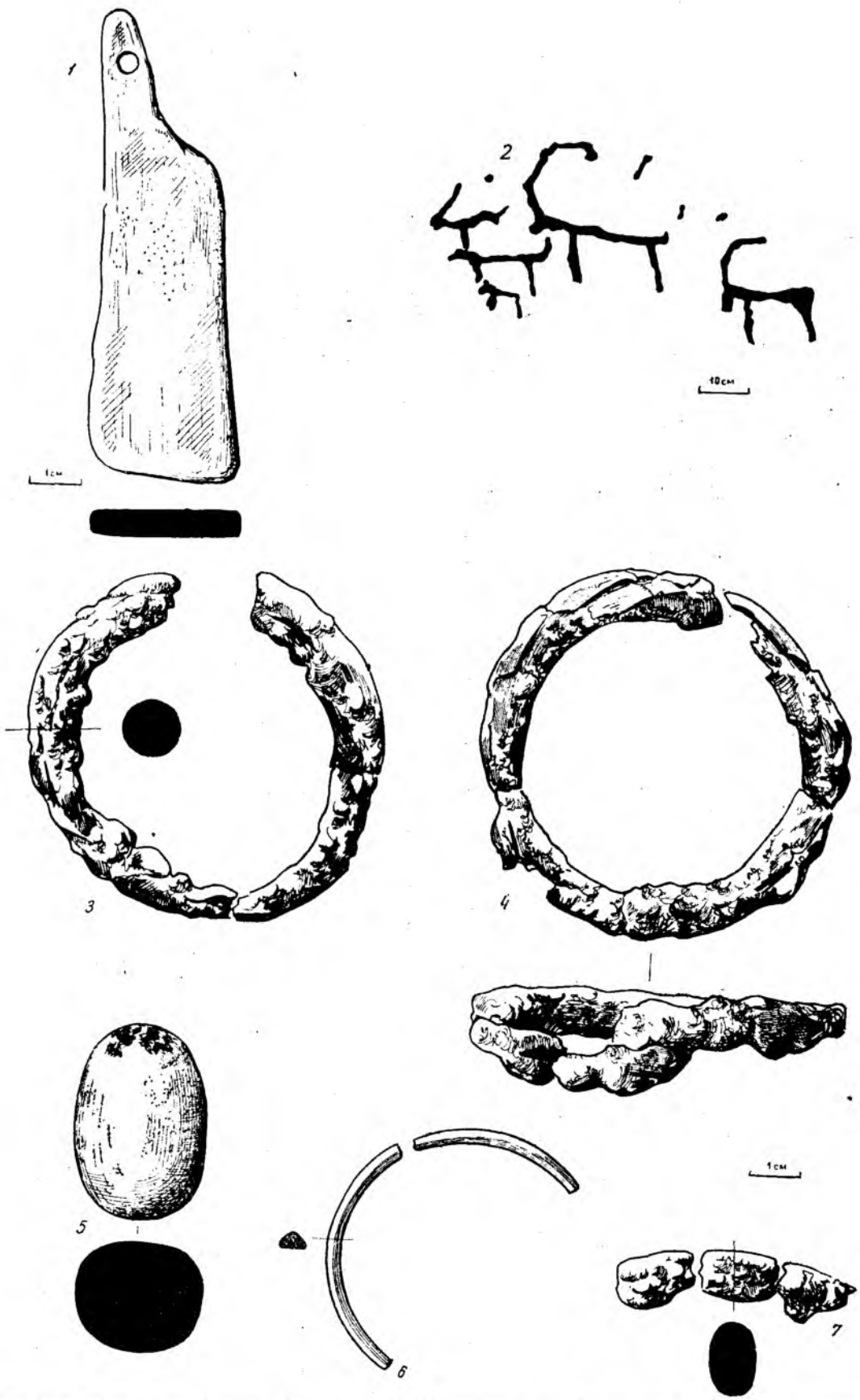


Рис. 140. Восточный Памир, Памирская I. Наскальные изображения и отдельные находки.

1 — точильный брусок (К 9); *2* — наскальные изображения близ могильника Памирская I; *3*, *4* — браслет и удила (фрагмент) железо (К 3); *5* — камень, покрыт краской (К 3); *6* — стеклянный браслет (К 7, в насыпи); *7* — фрагменты железного изделия.

Богатый набор бронзовых украшений из К 10 делится на две части: изображения животных и всевозможные пряжки, сворки, обоймы, псалии. Массивные предметы (фигурка таутеке, пряжка для ремня) имеют вогнуто-выпуклую поверхность, зашлифованную снаружи. Изображение горного козла (таутеке) дано весьма реалистично, в момент прыжка. Ноги подобраны друг к другу, рога загибаются к холке и выполнены отчетливо и очень рельефно. Ноги несколько коротковаты, мышцы ног даны обобщенно, сглаженно. Голова имеет «бороду», — особенность горного козла, в отличие от архара.

Из других изображений животных весьма реалистично изображение головы и верхней части тела медведя. В ухе просверлено отверстие; лапа сделана непомерно короткой, для того чтобы все изображение могло вписаться в квадрат. Кроме головы, рельефно даны плечевые мышцы и прочерчены пять пальцев на лапе.

Более схематично и более стилизованно изображены медведи на двух других бляшках: преувеличен размер верхней губы и лба, те же короткие лапы с прочерченными пятью пальцами, более выделены мышцы плеч и бедер. Тело их членится на пять частей: голова, шея, плечи, тулово, круп; слегка намечен хвост. Остальные предметы имеют скупой геометрический орнамент; на псалиях рельефная зигзагообразная линия; на сворке прочерченный четырехугольник, с вдавленными внутрь сторонами, на одной обоймице желобок, напоминающий желобок на сдвоенных кольцеобразных бусах; такого же типа геометрический подквадратный орнамент и на одной пуговице. Отметим орнамент косыми насечками на обоймице ножен (?) акинака. Из сказанного видно, что орнаментация предельно скупа. На посуде как глиняной, так и деревянной орнамента нет. Орнамент в основном на металле, хотя и здесь больше значения имеет форма предмета или характер изображения (козел, медведь), чем отдельные линии или ритмически повторяющийся сюжет. Эта ясно выраженная тенденция достаточно хорошо известна для раннескифского орнамента, а своей лаконичностью, отсутствием вычурности и строгостью весьма напоминает основные принципы киргизской орнаментики, донесшей до современности основные принципы как скифского, так и сакского изобразительного искусства.

Мы не останавливались на некоторых других найденных вещах, отмеченных при раскопках, поскольку они не обладают сколько-нибудь специфическими чертами в отношении как техники, так и функции. Например, это относится к набору конской сбруи из впускного погребения К 9 или к железным браслетам. В связи с датировкой этих комплексов мы еще возвратимся к указанным объектам.

6. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Мы завершили обзор находок по раскопанным могилам. Уже из этого обзора ясно, что в сложении культуры древних насельников Памира принимали участие племена территорий, расположенных далеко от Памира. Об этом говорят, например, сердоликовые, сверленные алмазом, бусы из Индии или стеатитовые бусы Алтая. В культуре древнейшего открытого нами населения ясно проступают и другие черты, доказывающие знакомство обитателей этой страны с народами и территориями, расположенными вне Восточного Памира. Напомню употребление дерева для накатов в могилах, стрел и посуды (арча, тополь, облепиха); томары, рассчитанные на бой пушного зверя, впрочем частично представленного и на Восточном Памире.

Архаические могилы «скифского» времени дают нам картину экономики кочевого населения, занимающегося скотоводством и охотой. Особенно ясен облик воина-охотника, который выступает в инвентаре мужского погребения К 10. Об этом достаточно убедительно говорит набор стрел его колчана и рога архара в насыпи. Наряду с разнообразной охотой, владелец колчана не пренебрегал и рыболовством, о чем свидетельствуют его многочисленные и разнообразные гарпуны. Занятие населения скотоводством сказывается на характере бытового инвентаря, типичного для скотоводов-кочевников в период всего «скифского тысячелетия», — полусферическая и сферическая посуда из глины и дерева, остатки кожаной, меховой и шерстяной одежды, баран в составе стада (о последнем свидетельствуют находки бараньих астрагалов и остатки пищи).

Воинственный характер населения подчеркивается вооружением (акинаки, щит, боевые стрелы). Весь облик населения, оставившего могильник Памирский I, говорит, что это воины. Здесь почти нет стариков (возраст умерших юношеский и возмужалый), а дети не старше 2—3 лет, возможно рожденные женами воинов в походе. Крайне слабо дифференцированы могилы в социальном отношении — обращает на себя внимание однообразие насыпей и погребальных сооружений в целом, одинаковый инвентарь и лишь большая, пожалуй, внимательность к мужским погребениям, что не может не быть связано с утверждением уже патриархального строя.

По времени могилы Ак-беит, Тугурук Баман и основная масса погребений Памирского I могильника синхронны. Выделяются погребения в Памирской I, К 7 (оба погребения, повидимому, одновременные), К 11 и 12. Быть может, Харгуш, 1 и 4 к ним примыкают по времени или стоят как связующее звено между ними. Эти погребения мы относим к более позднему времени. С ними связано начало (?) выделения культовых мест в отдельные соо-

ружения в виде кромлехной насыпи (Ичкилик, 1, 5, 7; «Известковый камень», Пшарт, «усики» при упомянутых в Памирской группе К 7 и 12).

Однако хронологическая разница между этими двумя группами курганов невелика, ибо, в основном, сохраняется погребальный ритуал и главным образом культура, стойко переживающая столетия, что особенно ясно чувствуется в керамике. Вряд ли за это время произошла и смена идеологии. Шаманистский характер воззрений, почитание сил природы и жертвоприношения остались и, пожалуй, судя по особому выделению культовых мест, усилились.

Особое хронологическое место занимают впускное погребение с конем в К 9 Памирской I группы и могила 8 в Ичкиликской группе; первое связано с кочевым тюркским населением Памира VIII—X вв. (судя по форме стремени, удил и псалий), т. е. с карлуками, а могила в Ичкилике, как мы уже указали, скорей связана с эфталитами или ранними тюрками. Как первым, так и вторым не чужд был буддизм, о чем свидетельствует положение рук похороненного. Если о принадлежности этого погребения карлукам мы можем говорить с достаточной определенностью, то о происхождении могилы в Ичкилике — только предположительно.

Разнообразие материала первых двух групп позволяет перейти к уточнению датировок и, в связи с этим, к выяснению некоторых историко-культурных вопросов. Но сначала скажем о датировке, об археологических аналогиях открытой культуры.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

АНАЛОГИИ И ВОПРОС О ДАТИРОВКЕ КОМПЛЕКСОВ

1. АНАЛОГИИ НАХОДКАМ НА ПАМИРЕ

Рассмотрим сейчас материал из тех археологических параллелей, на которые мы можем опереться для выяснения даты и происхождения культуры раскрытых погребений. Позволим себе провести параллели в таком порядке, в каком мы рассматривали материал в X главе.

Обряд захоронения памирских саков имеет широкое распространение прежде всего среди ранних кочевников Тянь-шаня, Семиречья и Алтая. Неглубокие грунтовые ямы, перекрытые жердями, отмечены в усуньских погребениях Чуйской долины М. Воеводским и М. Грязновым,[1] а также неоднократно встречались нами в Илийской долине в самых разнообразных памятниках вплоть до начала н. э.[2] В западном Алтае эта конструкция известна в погребениях, вскрытых А. Адриановым и С. Черниковым,[3] на Алтае — в культуре скифского типа;[4] этот прием отмечен для Минусинского края еще Кузнецовым, а также Радловым и Теплоуховым;[5] наконец он известен в Забайкалье.[6]

Прием этот весьма разнообразен по типу крепления насыпи, по общей конструкции и, в конце концов, связывается с конструкцией сруба в ранних могилах, начиная со «скифского» времени. Насколько нам известно, в эпоху бронзы этого приема почти не знали. Ясно выраженный кромлех над могильной насыпью и его утрата в могилах (Памирская I, К 7, 9, 11), а также вынос кромлеха за пределы насыпи (Харгуш, Ичкилик) находят себе полную аналогию прежде всего в семиреченских и тяньшаньских погребениях, в частности в Беркаринском могильнике.[1]

Этот тип конструкции насыпи тянется до Алтая, во всяком случае до Западного, в Минусинском же крае он исчезает, там насыпь имеет свой путь развития. Такая ограниченность аналогий дает нам возможность увязывать насельников Памира прежде всего с Семиречьем в широком смысле слова, включая и некоторые части Центрального и Восточного Казахстана.[2]

Существенной чертой захоронения является скорченное трупоположение, как правило, на дерновой подстилке и с окрашенными костяками.

Окраска костяков известна для ранних, эпохи бронзы, могил от Восточной Европы до Минусинского края, а также для скифских могил Причерноморья. Скорченные положения в памирских могильниках двух типов: это утробное положение, более архаичное, и с согнутыми коленями, т. е. положение «всадника», очевидно более молодое.

Несмотря на то, что скорченное положение костяка характерно еще для эпохи бронзы, В. Городцов в 1900 г. указал, что «ничего не будет неожиданного, если эти погребения займут место среди памятников железной эпохи».[3] В скифских погребениях Ольвии и Херсонеса,

---

[1] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 3 (4), 1938.

[2] А. Н. Бернштам. Памятники старины Алма-атинской области. Изв. АН КазССР, сер. археолог., вып. 1, Алма-ата, 1948.

[3] ИАК, № 62. Раскопки С. Черникова, см.: Изв. АН КазССР, сер. археолог., вып.3, Алма-ата, 1951.

[4] М. Грязнов. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930.

[5] Инн. Кузнецов. Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889, табл. X, рис. 1—3; В. В. Радлов. Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. СПб., 1896; С. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2.

[6] Г. Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья. Труды Отдела истории первобытной культуры, Гос. Эрмитаж, т. I.

---

[1] А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941; ср. табл. в нашей статье (Сов. Археолог., XI).

[2] Работы в совхозе Гигант. Изв. ГАИМК, вып. 110.

[3] Труды III Археологического съезда, стр. 140.

по исследованию С. Капошиной, скорченность прослежена вплоть до III в. до н. э.[1]

Ввиду неоднократно отмечавшегося нами архаизма погребения на Памире этот обычай трупоположения не может ограничивать нас исключительно ранним временем в датировке могильников.

Скорченные погребения тепе Гисар, относящиеся к более раннему времени, имеют резко отличный инвентарь и не могут быть сопоставлены с нашими погребениями, хотя отдельные вещи имеют отдаленное сходство (пластинчатые стрелы, украшения в виде колец, бронзовая посуда).[2]

Как сходные с нашими черешковыми трехугольными наконечниками стрел из бронзы, могут быть отмечены стрелы на Алтае в Бухтарме[3] и в Минусинском крае, в Тагарских комплексах, где они, очевидно, не составляют значительных серий по сравнению с костяными.[4]

Алтайские аналогии не вполне идентичны. Головки стрелок пропорционально к длине черенка больше, чем памирские, и не имеют выемок в гранях.[5] Это можно отметить по находкам Адрианова, Грязнова, Киселева и др.

Пожалуй, ближе к нашим образцам бронзовые наконечники стрел из собрания Национального музея МНР,[6] среди собраний Суйюаньской бронзы «скифо-гуннского» времени.[7] Глубокие выемки в нижней части головки стрелы нашей серии сближают их отчасти с типом трехлопастных стрел, о которых Б. Граков пишет, что они встречаются «единично в Причерноморье, чаще в Прикамье и Приуралье и весьма часто в Сибири».[8] Датируются эти стрелы, по всей вероятности, V—IV вв. до н. э., ибо на рубеже IV—III вв. до н. э., особенно в Алтае, они сменяются железными стрелами сходных типов. С точки зрения скифских параллелей наиболее древние — двухлопастные втульчатые стрелы, представленные среди наших находок двумя образцами. В Причерноморье они датируются VII—VI вв. до н. э., но немного отличаются более длинной втулкой и выемками в лопастях. Оба наши экземпляра, будучи весьма сходными между собой, имеют и некоторое различие в верхней части головки (ромбическая с более округлой заточкой). Этот тип стрел уже в VI в. вытесняется трехгранными и трехлопастными стрелами.[1] Однако в нашем колчане они находятся вместе с другими типами стрел. Двухлопастные стрелы, но с черенком и опущенными книзу лопастями, известны из поселения и некрополя Муянчэн (Корея), исследованного Иошита Харада и Казушика Комай.[2] На западе нам известен близкий тип в тепе Алишар Гуюк.[3]

Чрезвычайно редкий тип — плоская, пластинчатая бронзовая стрела. Нечто подобное обнаружено С. Киселевым в могилах афанасьевского времени на Енисее, но названо им ножом (?), очевидно, из-за размеров (8—9 см).[4] Так же называет аналогичный предмет из катакомбного могильника эпохи бронзы на Северном Кавказе и М. Артамонов.[5]

Отдаленная аналогия может быть указана в серии бронзовых стрел из раскопок Р. Гиршмана в Над-и-али (тепе Сорх) в комплексах второго периода, который он датирует VIII в. до н. э. и называет греко-скифским.[6] Однако точных аналогий нет, и памирский тип следует признать самобытным.[7]

Деревянные стрелы нашего собрания, как и гарпуны, подражают главным образом изделиям из кости. Это ясно чувствуется прежде всего в гарпунах, имеющих себе аналогии в Шигирской культуре Приуралья.[8]

Однако найденная в том же комплексе Горбуновского торфяника деревянная стрела[9] резко отличается от наших типов — трехгранных и ромбовидных в сечении. Некоторые

---

[1] С. И. Капошина. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса. Сов. Археолог., VII.

[2] E. F. Schmidt. Tepe Hissar Excavations 1931. MJ, т. XXIII, № 4, 1933.

[3] С. Руденко, сб. «Казаки», XV, стр. 141, рис. 1—5; Ср.: ИАК, вып. 62, стр. 37, рис. 19 (К 2).

[4] С. Киселев, Ежегодник Гос. Музея им. Мартьянова, Минусинск, рис. 66; Ср.: В. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, табл. VIII, рис. 29.

[5] Такой тип стрелы известен из II кургана Покровки, датируемой VI—V вв. до н. э. (МАР, 37, табл. VI, рис. 22, ср. стр. 23).

[6] С. Киселев. Монголия в древности. Изв. АН СССР, сер. ОИФ, т. IV, вып. 4, 1947, стр. 364, рис. 3.

[7] Archaeologia Orientalis, сер. B, т. I, табл. VII, рис. 1—5.

[8] Б. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Труды Секции археологии РАНИОН, вып. 5, стр. 83.

[1] Б. Граков, ук. соч., Труды секции археологии РАНИОН, V, стр. 72, ср. рис. 1.

[2] АО, т. II.

[3] E. F. Schmidt. The Alischar Hüjük. OIP. т. XIX. Researches in Anatolia, т. IV, ч. I, 1932 (Слой IV), рис. 348 на стр. 265.

[4] Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Ежегодник Гос. Музея им. Мартьянова, т. VI, вып. 2, Минусинск, 1928, см. стр. 26, табл. I, рис. 5.

[5] М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине реки Маныч в 1935 г. СА, IV, стр. 109, рис. 30.

[6] R. Ghirchman. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan. RAA, т. XIII, вып. 1, табл. V, рис. 44, 52, 72, 78; ср. стр. 20.

[7] Плоские стрелы, но из железа, см. в «Находках Муянчэна» (АО, II, табл. XX). Плоские стрелы из бронзы были широко распространены на западе. Ср., напр.: A. Stein. Archaeological Reconnaissances in North Western India and South Eastern Iran. London, 1937, табл. XVIII (Белуджистан). Пожалуй, наиболее близкая аналогия — из Мирана (Восточный Туркестан), хотя общий облик стрел скифского типа из Восточного Туркестана сильно отличается от памирской серии. Ср.: A. Stein, Serindia, т. IV, табл. LI.

[8] См.: Д. Эдинг. Резная скульптура Урала. М., 1940, рис. 135.

[9] Д. Эдинг. Новые находки на Горбуновском торфянике. Материалы по археологии СССР, т. I, стр. 43, табл. I, рис. 4.

деревянные стрелы такой формы, со слегка опущенными вниз концами ребер, могут быть сопоставлены с костяными стрелами из Свиногорского городища, также ромбическими и трехгранными, особенно со вторым типом из слоя, датируемого А. Збруевой IV—II вв. до н. э.[1]

Близкая аналогия деревянным черенковым стрелам — в Муянчэне (сделаны из кости).[2]

Отмечу, что такие наконечники стрел известны в дохеттских комплексах тепе Алишар Гуюк II слоя.[3] Костяная трехгранная черешковая стрела не имеет полных аналогий на Енисее, где преобладают ромбические, уплощенные и четырехгранные типы, как и в Забайкалье. По своей конструкции она весьма сходна с такими же трехгранными стрелами из бронзы Алтая и Минусинского края, где, впрочем, встречаются и костяные стрелы, близкие к нашему типу.

Еще затруднительнее подыскать аналогии к плоской железной стреле, найденной в К 10, также в одном экземпляре. Плоские железные стрелы встречаются редко, и этот тип, явно ранний, еще труднее разыскать в древних аналогиях ввиду обычно плохой сохранности железных стрел. Нам известны такие плоские стрелы из станицы Кужарской на Северном Кавказе,[4] к сожалению, не датированные, а также плоские стрелы из Свиногорского городища на Урале, — но они датируются исследователем VII—VIII вв. н. э.[5]

Наиболее близкая аналогия — в комплексах Муянчэна,[6] отчасти на З и Ю от Памира, но, как и для бронзовой стрелы, точных аналогий нет.[7]

Вне аналогий остались томары (бочонковидные деревянные стрелы) и бронзовые черешковые двухлопастные, которым также в известных нам изданиях и музейных коллекциях найти аналогий почти не удалось, за исключением отдаленных — отмеченных выше.

Акинаки памирского могильника находят себе аналогии в обширном круге памятников.

На Енисее известны уже с тагарской культуры железные кинжалы,[8] но среди коллекций, изданных В. Левашовой, точных аналогий нашим нет. Мерхарт приводит типы акинаков с плоским навершием и слегка опущенным книзу перекрестием, напоминающим один из акинаков нашей серии (II I, К 10).[1] Аналогичные типы известны в суйюаньской бронзе.[2]

Если приведенные аналогии не разрешают нашей задачи (так как речь идет о бронзовых кинжалах), то ближе к нашим экземплярам находки на Алтае железных кинжалов из Туяхты и Вавилоновки, относимые С. Киселевым, отличающим этот тип от майэмирского, к V—IV вв. до н. э.[3]

Два акинака из К 10 имели плоскую шляпку и один из них — перекрестие со слегка опущенными концами, несколько напоминающими рукоять меча из Мельгуновского клада, датируемого первой половиной VI в. до н. э.[4]

Более «молодым» выглядит акинак из нижнего погребения К 9 с полулунным навершием и опущенным книзу перекрестием. Акинак этого типа нами был встречен в Берккара II, известны эти формы и в Оренбургском крае и других местах.

Наконец, следует отметить еще один акинак из К 11, где утрачена крестовина, но, судя по месту прикрепления, она была прямой; акинак имеет сердцевидное навершие, являющееся, по-моему, стилизацией волютообразного навершия; и, пожалуй, самая характерная черта этого акинака — лезвие, заостренное только с одной стороны.

М. Ростовцев отмечает родство этих типов с акинаками с серповидными и волютообразными навершиями и датирует их для Оренбургского края временем не позднее IV в. до н. э.[5]

Отсутствие на наших образцах элементов звериного стиля не является основанием к «омоложению» всех акинаков, к чему, казалось бы, склоняют акинаки с серповидным навершием.[6] Отмечу, что в той же работе Ростовцева отмечаются аналогичные акинаки из Прохоровских курганов, которые датируются не позже III—II вв., хотя формы этих акинаков известны в позднеэллинистическое и римское время.

Формы наших акинаков имеют почти исчерпывающие аналогии в Минусинских коллекциях. Отмечу, что среди железных акинаков, изданных В. Радловым, известны формы акинака с серповидным, полулунным навершием и тонкой крестовиной, — правда, более

---

[1] А. Збруева. Свиногорское городище. Материалы по археологии СССР, т. I, стр. 103, табл. III, рис. 1–2.

[2] AO, II, табл. XXI. Ср.: A. Stein. Ancient Khotan, т. II, табл. (Кара Донг).

[3] E. F. Schmidt. The Alischar Hüjük. OİP, т. XIX, Researches in Anatolia, т. IV, ч. I, 1932, рис. 222 на стр. 177.

[4] Альбом рисунков, помещенных в ОАК, СПб., 1906, стр. 199, рис. 1225.

[5] А. Збруева, ук. соч., стр. 103, рис. 6—7.

[6] AO, II, табл. XX.

[7] См., напр.: A. Stein. An Archaeological Tour in Waziristan and Northern Baluchistan. MASİ, № 37, Calcutta, 1929, табл. XII.

[8] В. Левашова, ук. соч., табл. VIII, рис. 7 и 8.

[1] P. Merhart. Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926, табл. IV/V, рис. 12.

[2] Archaeologia Orientalis, сер. B, т. I, табл. II, рис. 1.

[3] С. В. Киселев. Алтай в скифское время. ВДИ, 2, 1947.

[4] Е. Придик. Мельгуновский клад 1763 г. МАР, № 31, стр. 4, табл. I; ср. стр. 20.

[5] МАР, № 37. См. описание, стр. 55 и сл., датировка — стр. 76—77. Ср. табл. VII, рис. 9—15.

[6] Отмечу, что аналогичный акинак Б. Граков (Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1917. ТСА РАНИОН, IV, стр. 148, рис. 1) датирует IV в. до н. э.

прямой, чем в нашем экземпляре.[1] На указанном акинаке рукоять, так же и на нашем, уже сечения лезвия. Почти совпадают и размеры. Обращу внимание на акинаки с кольцевидным навершием,[2] с плоским навершием и опущенными крыльями перекрестия[3] и, наконец, с волютообразными навершиями, представленными на Енисее многими типами.[4]

Характерной чертой акинаков Минусинского края является то, что они сделаны иногда из двух металлов — бронзы и железа, это отмечено и нашими коллекциями. Правда, здесь бронза используется не для рукояти или лезвия, а только в виде оковки внизу рукояти, выше или ниже перекрестия.

Эти акинаки из двух металлов — и, тем более, железные на Енисее — относятся к третьему (по Теплоухову) этапу минусинской курганной культуры, датируемому V—III вв. до н. э.[5]

Учитывая, что в минусинских культурах железо распространяется, в основном, к концу этого этапа, а главным образом во II—I вв. до н. э., — быть может, следует железные предметы (вооружение) относить к III—II вв. до н. э. Однако это не исключает более ранней даты для Памира, если принять во внимание весь характер комплексов, который в условиях Минусинского края ближе к этапу V—III вв. до н. э. Напомню, что, по мнению других исследователей, железное производство на Енисее возникает в VII—IV вв. до н. э., а широко распространено в IV—III вв. до н. э.[6]

Характерно, что тип акинаков Памира имеет аналогии только на С и СВ. Среди 56 типов мечей из Переднего Востока, проанализированных Р. Максвелл-Хислоп, нет ни одного типа, сходного с нашим собранием.[7]

Сопоставления памирских акинаков с возможными аналогиями не только уводят на С и СВ, но ясно указывают на датированные объекты V—III вв. до н. э., сводка которых представлена в известной монографии Гинтерса.[8] Все типы обнаруженных в Памирском некрополе акинаков тяготеют к позднескифским и раннесарматским образцам, во всяком случае не к архаическим или «скифо-персидским» формам.

Железный нож с кольцом имеет аналогии среди тагарских находок[9] в бронзе, но более близкая аналогия — из Старой Полтавки (Нижняя Волга),[1] изданная И. Синицыным и относимая им к I—III вв. н. э.[2]

Укажем на абсолютно схожий экземпляр из комплекса времени конца Чжоу и начала Хань из Кореи.[3] Обломок прямого бронзового ножа из К 13 имеет аналогии как в Суйюаньской бронзе, так и в отдельных (редких) находках бронзовых кинжалов от Енисея до Казахстана.[4] Но, пожалуй, наиболее близкая аналогия — в бронзовых ножах «Частых курганов» и К 8, датируемого IV—III вв. до н. э.[5]

Отметим на Алтае стремена, близкие по форме к найденным в К 10 стремяновидным удилам.[6] Еще более схожи с нашей находкой удила в тагарской культуре Минусинского края;[7] аналогичны также удила из Причерноморья и Северного Кавказа (Костромской курган). Однако наиболее близкий тип известен как из Минусинского края, около с. Большая Иня,[8] так и из западного Алтая (Семипалатинск).[9]

Но ни в одном случае мы не нашли аналогий обнаруженным нами трехпетельным псалиям, представляющим пока единственный образец. Некоторые аналогии им (по конструкции, а не по форме) могут быть отмечены в Венгрии,[10] где они обнаруживаются в скифских комплексах. Б. Карлгрен, публикуя аналогичные по конструкции псалии из раскопок в Аньяне, неосновательно относит их ко времени Инской династии, выдвигая теорию о происхождении звериного стиля из инской бронзы и проникновении его через Сибирь в скифский мир.[11]

Аналогичные псалии с тремя отверстиями известны были, очевидно, всему скифскому миру, но весьма редко встречались. Отмечу, например, подобные только что указанным китайским образцам псалии из Ртищева под Саратовым.[12]

---

[1] Сибирские древности, т. I, вып. 2, табл. XIV, рис. 10. Ср. табл. XIII, рис. 8.
[2] Там же, табл. XIII, рис. 10.
[3] Там же, табл. XIII, рис. 5.
[4] Там же, табл. XIII и XIV.
[5] См.: С. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, стр. 28 и сл.
[6] С. Киселев. Тагарская культура. ТСА РАНИОН, т. IV, стр. 260.
[7] Rachel Maxwell Hyslop. Daggers and Swords in Western Asia, A Study from prehistoric times, to 600 b. c. Iraq, т. III, 1946.
[8] Waldemar Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928.
[9] В. Левашова, ук. соч., табл. VIII, рис. 1, 9.
[1] И. Синицын. Сарматская культура Нижнего Поволжья. Сов. Археолог., VIII, рис. 24, ср. рис. 25.
[2] Там же, стр. 76.
[3] АО, II, табл. XX, рис. 10.
[4] Ср.: Archaeologia Orientalis, сер. B, т. I, табл. XLII, рис. 8—9.
[5] С. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. Сов. Археолог., VIII, рис. 22, ср. стр. 48.
[6] С. Руденко, ук. соч., рис. 4; М. Грязнов, ук. соч., стр. 10, рис. 86.
[7] См. воспроизведения В. Левашовой: Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, табл. VI, рис. 304; ср.: В. Радлов. Сибирские древности, т. I, табл. XX—XXI; ср.: Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности, вып. 1, табл. III, рис. 4, Томск.
[8] В. Радлов, ук. соч., табл. XXI, рис. 3. Коллекция Лопатина.
[9] М. Грязнов. Памятники Майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, XVIII, рис. 3.
[10] Olow Janse, BMEA, IV, рис. 2 на стр. 194.
[11] B. Karlgren. Some Weapons and Tools of the Jin Dynasty. BMEA, XVII, стр. 143, 144, табл. 38, 39.
[12] ESA, XII, Varia.

Обращает на себя внимание не характерный для Сибири геометрический рельефный орнамент в виде зигзагообразной линии. Такой орнамент можно встретить на вещах кавказского и китайского происхождения. Мы склонны ко второму источнику этого приема, так как с Кавказом никакие другие явления нашей коллекции связи не имеют. «Китайские» же аналогии, с учетом воздействия на Китай южносибирской культуры, неоднократны.

Полусферические формы чаш и горшков из древнейших могил прежде всего находят себе аналогии на Тянь-шане и в Семиречье, от Иртыша до Кара-тау и Ферганы включительно.[1]

На Алтае эти формы, но с орнаментом вдоль закраины, отмечены М. Грязновым в Большереченском поселении поздней бронзы.[2]

С другой стороны, этот тип керамики простирается и на З, где, однако, составляет незначительный процент среди керамических изделий. Совершенно очевидно, что центры происхождения этой посуды расположены в районах распространения среднеазиатских кочевников и прежде всего в Семиречье. Отмечу, что в Дура Эвропос этого типа полусферическая посуда была найдена в могилах некрополя, датируемых серебряными монетами Лизимаха (305—281 гг. до н. э.), и стратиграфически они не позже сосудов IV группы, датируемых монетой Антиоха (280—261 гг. до н. э.).[3]

Полусферическая посуда имеет весьма широкое распространение. Кроме указанных аналогий она известна на востоке вплоть до Кореи (Муянчэн).[4]

Однако и на крайнем востоке и на западе этот тип посуды представлен единичными экземплярами среди других, более богатых керамических серий и не составляет значительного процента ни на западе, ни на востоке, существуя там как редкость и в более поздний период.[5] Вопрос о круглодонной посуде, имеющей распространение и на востоке и на западе, прежде всего в Иране, должен решаться особо. Кроме того, что она там не играет ведущей роли, она отличается прежде всего по технике и орнаментации. Наиболее близкие формы могут быть отмечены в Анау.[1] Впрочем, на этой территории отмечался и сако-усуньский тип керамики с отпечатками ткани.[2]

В целом же, полусферическая посуда зарубежного Востока, прежде всего Ирана, отличается сюжетными и орнаментальными росписями,[3] не известными для наших форм, связанных с кочевой средой. Гладкая посуда на западе появляется, не без воздействия среднеазиатских кочевников, только во второй половине I тысячелетия до н. э. Форма сосудов из второй группы могил восходит к типичным карасукским формам Минусинского края[4] и известна для раннетагарских погребений.

Кроме того, такие сосуды могут быть отмечены и на Алтае, в Большереченском поселении, где, однако, имеют орнамент на слабо выраженных плечиках.[5]

Деревянная посуда очень плохо изучена. Отмечу столик и чашу из К 9 Памирской I, которые хотя по форме напоминают находки из Кенкола, а следовательно Лоуланьские сборы Стайна,[6] но гораздо грубее по выделке и могут быть скорее сопоставлены (поскольку это разрешают воспроизведения) с деревянной посудой Алтая, например с посудой из раскопанных В. Радловым курганов на р. Табажек.[7] Датировка этих предметов первыми веками нашей эры не имеет здесь для нас особого значения. В одном из наших курганов (Памирская I, К 5) был найден большой обломок деревянной чаши несравненно более высокого качества, чем остальные предметы и напоминающий лучшие образцы Кенкола. Изогнутый венчик сосудов в глиняной посуде второго типа и несколько идущее на конус дно известны для малоазийских и западноиранских форм в глу-

---

[1] М. Воеводский и М. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, № 3—4, 1938; А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941; Ср. СА,XI.

[2] М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930, стр. 10, рис. 64, 65.

[3] N. Toll. The Excavations in Dura Europos, ч. II, The Necropolis. New Haven, 1946, см. стр. 108, ср. стр. 133, 134.

[4] АО, т. II, табл. XLV, рис. 1, 6.

[5] Ср., например, посуду этого типа в керамике второго типа, обнаруженной в Беграме в слое I и IV: R. Ghirshman. Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afganistan, т. XII, Caîre, 1946, табл. XXI; ср. табл. XXX. См. также: M. E. L. Mallowan. Excavations in the Balih Valley, 1938, Iraq, т. VIII, 1946.

[1] R. Pumpelly. Explorations in Turkistan. Washington, 1905; Expedition of 1904. Washington, 1908. См. об этом: В. Бартольд. Восточноиранский вопрос. Известия РАИМК, т. II, 1922, стр. 362; Е. А. Кабранов. Историческое и культурное значение Анау. Асхабад, 1927.

[2] М. Массон. Силуэты Сумбарского района. Туркменоведение, № 3—4, 1931; А. Марущенко. Развалины святилища огня. Там же, 1930, № 11.

[3] См., например, общий обзор: H. Frankfoort. Studies in Early Pottery of the Near East I. Mesopotamia, Syria, and Egypt and their Earliest Interrelations. Royal Anthropological Institute, London, 1924. — Из последних работ укажу: E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. Oxford, 1941; R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, prèsh de Kashan (раскопки 1933, 34, 37 гг.), т. II. Musée du Louvre, série Archéologique, т. IV, Paris, 1939, табл. XV, рис. 6.

[4] С. Киселев, ук. соч., табл. II, особенно ср. рис. 11, 12.

[5] М. Грязнов, ук. соч., КСИИМК, XVIII, рис. 6, *16*.

[6] А. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940.

[7] А. Захаров. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. Радлова в 1865 г. (отд. отт.), табл. I, рис. 3.

бокой древности, являясь там редкими и нетипичными формами.[1]

Попутно отмечу, что найденная в обломках бронзовая полусферическая чаша повторяет формы глиняной посуды, но находки таких предметов чрезвычайно редки ввиду их большой ценности. Аналогичная чаша имеется в собраниях Томского музея, но, к сожалению, вне комплекса.[2]

Весьма реалистично исполнена бронзовая бляха в виде козла (из К 10). Он запечатлен в момент прыжка, когда ноги собраны вместе.

Такие изображения козлов с подобранными ногами неоднократны в скифо-сакском искусстве, и можно было бы привести много аналогий,[3] но все они отличаются от нашего экземпляра своей статичностью, спокойной позой животного, лишь несколько насторожившегося, о чем говорит высоко поднятая голова и характерный ее поворот.

Наше изображение передает другой момент — прыжок, а не стремительный бег, получивший также канонизированные формы изображения: подогнутые ноги, далеко запрокинутая назад голова, что так характерно для большинства изображений бегущих оленей.

Несколько похожая трактовка туловища, а особенно ног животного нам известна в бронзе Ордоса, — в изображении лошади,[4] оленя,[5] козла,[6] а особенно козла с «бородой», подобранными ногами и запрокинутыми назад рогами.[7] Однако наибольшим реализмом отличается наш экземпляр с характерно трактованными рогами. Мы бы отметили один существенный недостаток нашего изображения — это сильно укороченные ноги. Такая стилистическая трактовка свойственна изображению антилопы-сайги из бронзы в коллекции Лоо. Издатель коллекции А. Сальмони относит этот предмет к вещам скифского происхождения и датирует VII—IV вв. до н. э.[8]

Поразительно сходство с изображением медведя из находок в Майэмирской степи, из б. Бухтарминского уезда (навершие бронзового ножа и шильца).[9]

Аналогичное навершие известно на обломке ножа тагарского времени второго этапа из Минусинского края.[1]

Отмечу попутно, что там же известны миниатюрные бронзовые изображения оленей с петлей на оборотной стороне, типа наших бляшек с изображением медведей. Эти вотивные изображения, найденные в Большом Тесинском кургане, датируются С. Киселевым рубежом III—II стадий тагарской культуры, т. е. V—IV вв. до н. э.[2]

Близки по стилю изображения пары медведей на перекрестии кинжала из Енисея[3] и амулет из того же собрания с характерно трактованными лапами.[4] Неоднократны такие украшения наверший ножей и кинжалов в Минусинском крае,[5] Ордосе,[6] где они встречаются не только на оружии, но и на пряжках.[7] Близкая аналогия, стилистически и конструктивно, — в бронзовых изображениях зверьков из провинции Хубэй (Сюань Хуа, Китай),[8] датируемых IV—III вв. до н. э. В изображении этих животных господствовал явный трафарет, соблюдаемый весьма строго, хотя изображались иногда медведи (Енисей), иногда лошади (Ордос). Тип медведя как хищника хорошо представлен на одной из бронзовых подвесок, найденных в Минусинском округе.[9]

Большая бронзовая пряжка без язычка и шипа, найденная в К 10 (Памирская I), находит себе аналогии на Алтае (Большереченские курганы).[10] Полных аналогий нашему экземпляру мы не знаем, но близкие формы отмечу в Минусинском крае; сходство в конструкции, а не в форме, — так, рамка не сердечкообразной формы, а в виде вдавленного с одной стороны овала.[11] В Суйюаньской бронзе можно найти близкие аналогии своркам из К 10, имеющим, однако, сферическое перекрытие, а не плоское, как на наших экземплярах.[12] Этот тип сворок характерен не только для Ордоса, но и для Китая.[13]

Полусферические бляхи-пуговицы, типа найденной в К 10 у головы покойника, имеют аналогии в Минусинском крае в могилах, относимых ко второй стадии тагарской культуры,

---

[1] C. L. Wooley, E. A. Speiser. Excavations at Ur. The pottery of Tell Billa. MJ, т. XXIII, № 3, табл. I, рис.4, 11. Эта посуда, отмеченная в ранних слоях (в слоях 6—3 — III—II тысячелетия), исчезает в более поздних (II—I тысячелетия до н. э.).

[2] ESA, т. XII.

[3] J. Andersson. Selected Ordos Bronzes. BMEA, V, табл. X, XI; Е. И. Агеева, Изв. АН КазССР, сер. археолог., вып. 3, стр. 132, табл. II, рис. 1.

[4] J. Andersson, BMEA, IV, табл. XX, рис. 4.

[5] Там же, табл. XXI, рис. 2.

[6] Там же, рис. 7.

[7] Там же, табл. XXII, рис. 10; ср. табл. XXIII, рис. 1.

[8] A. Salmony. Sino-Siberian Art. Paris. 1933, табл. VII, рис. 4; ср. стр. 34.

[9] С. Руденко. К палеоантропологии Южного Алтая. Сб. «Казаки», вып. 15, стр. 141, рис. 1 и 4.

[1] С. Киселев. Материалы. . . Ежегодник. . . , т. III, рис. 58.

[2] С. Киселев, ук. соч., стр. 95 и 97.

[3] В. Левашова, ук. соч., табл. IX, рис. 1.

[4] В. Левашова, ук. соч., табл. X, рис. 2.

[5] G. Merhart, ук. соч., табл. VIII; ср. также табл. XLXI, рис. 16.

[6] J. Andersson. Hunting Magic in the Animale style. BMEA, т. IV, табл. IX, рис. 1.

[7] Там же, табл. XII, рис. 6.

[8] T. Arne, BMEA, V, табл. X.

[9] Альбом ОАК, стр. 330, рис. 2200.

[10] М. Грязнов, ук. соч., КСИИМК, рис. —14.

[11] Кузнецов-Красноярский. Минусинские древности. Томск, вып. 1, табл. 4, рис. 5.

[12] Archaeologia Orientalis, сер. B, т. I, рис. 23—25, 52.

[13] См.: Olov Janse. Tubes et boutons cruciformes trouvés en Eurasie. BMEA, вып. 4, табл. III, рис. 7, 9—12; стр.: J. Andersson, ук. соч., табл. XVI.

и являются их характерной чертой. С. Киселев отмечает, что они обнаруживаются «как в мужских, так и женских погребениях всегда около или на черепе, составляя, очевидно, необходимую принадлежность головного убора, имевшего, судя по находке бляшек, нашитых на полоску кожи, вид ременной повязки. Подобные бляшки особенно характерны для погребений второй стадии Тагарской культуры. Они найдены почти во всех курганах этой стадии, раскопанных Адриановым, Клеменцом, Оссовским и Савенковым».[1] Аналогичные бронзовые пуговицы известны из плиточных могил в Забайкалье, раскопанных Г. П. Сосновским.[2] Пуговицы этого типа известны и для ранних (VI—III вв. до н. э.) и для поздних плиточных могил (III—II вв. до н. э.), причем в основном связаны со второй стадией.

Эти пуговицы имеют широкое распространение. Можем отметить аналогии в Суйюани,[3] Ордосе,[4] Китае.[5]

Железные витые браслеты из К 2 могут быть сопоставлены с большими витыми железными пряжками «Частых курганов» (IV—II вв. до н. э.).[6] Аналогичные браслеты, известные в Гедрозии по работам А. Стайна, к сожалению, не датированы.[7]

2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДАТИРОВКА КУЛЬТУРЫ ОБИТАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕГО ПАМИРА

Мы уделили особое внимание подбору аналогий памятникам Памира ввиду особой важности этих комплексов в связи со вставшим перед нами вопросом о происхождении этой культуры и ее датировки.

При объяснении происхождения культурного комплекса на Памире все пути ведут на северо-восток: Тяньшань—Семиречье, Алтай и Енисей. В самом деле, если взять основной материал наших комплексов, а именно: 1) типы намогильных сооружений, 2) оба типа керамики (типа А и Б на карте), 3) изображения зверей, 4) черешковые трехгранные стрелы, 5) общескифские типы стрел (втульчатые), 6) плоскую бронзовую стрелу, 7) акинаки и ножи, 8) бусы стеатитовые, 9) бусы сердоликовые, 10) удила, 11) украшения, 12) характер погребения, — то из двенадцати основных комплексов одиннадцать явно связаны с северо-востоком и только один комплекс (сердоликовые бусы, сверленные алмазом) тяготеет к Индии.

Две аналогии ведут на Передний Восток, но они же представлены и на северо-востоке, причем в более широких сериях.

Две аналогии ведут в Заволжье, Северный Кавказ и Причерноморье, но они же повторяются в южносибирских комплексах.

И, наконец, три аналогии ведут в Центральную Азию, но и они восходят к кругу вещей «синосибирских» комплексов, т. е. повторяются в памятниках Алтая—Енисея.

Из этого становится очевидным, что в происхождении культуры племен древнего Памира решающую роль играли племена южносибирского и семиреченско-тяньшаньского этнического круга. О том, что племена Памира в первую очередь были связаны в своем происхождении с Тянь-шанем, говорят два обстоятельства: 1) сходство культуры насельников Памира с древними культурами Тянь-шаня; 2) проникновение к ним культурных элементов через Тянь-шань, так как Восточный Туркестан почти не знает тех вещей, которые представлены на Памире. Так, например, совершенно отличен тип стрел, нет акинаков, круглодонной посуды и т. д.

Отсутствие на западе и северо-западе главных элементов культуры древних обитателей Памира подтверждает наш тезис о их с.-в. связях.

Рассмотрение аналогий в общем дает весьма единообразную картину в широких пределах с VIII в. до н. э. на западе, VII—VI на северо-западе и VI—V на северо-востоке. Верхняя граница датировок почти одинакова и колеблется между III и II вв. до н. э.

Наше приближение в датировке к этим векам объясняется тем, что древние памирцы более знакомы с железом, чем их с.-в. соседи. Учитывая, однако, их близость к центрам происхождения железа на юго-западе и то, что Алтай в V—IV вв. знает железо, последнюю дату следует считать наиболее вероятной. К этому нас склоняет и следующее: если рассматривать наши коллекции в целом, то, при преобладании железа над другими металлами, комплекс схож с комплексами третьего этапа тагарской культуры (V—IV вв.), а алтайские V—IV вв. (Туяхта, Вавилоновка), с «позднескифскими» и раннегуннскими комплексами Ордоса, пожалуй тех же веков, ближе к комплексам IV—III вв. Архаичность общего облика памирских погребений, в частности скорченность трупоположения, использование железа в качестве украшения, заставляют остановиться на дате V—IV вв. до н. э.

Вместе с тем, мы уже отметили, что для ряда серий мы не могли подыскать прямых аналогий. В значительной мере это результат молодости и неразработанности восточной археологии. Но все же объяснить отсутствие аналогий

---

[1] С. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. См.: стр. 89, табл. III, рис. 21—25.

[2] Г. П. Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья. Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. I, рис. 16.

[3] Archaeologia Orientalis, сер. B, т. I, табл. XI, ср. табл. XVII.

[4] J. Andersson, BMEA, IV, табл. XVI.

[5] T. Arne, BMEA, V, табл. VII.

[6] С. Замятнин, CA, XIII, стр. 41, рис. 29; стр. 44, рис. 35. Ср.: E. F. Schmidt, ук. соч., рис. 362.

[7] A. Stein. An Archaeological Tour in Gedrosia. MASI, 43, Calcoutta, 1931, табл. VII; ср. ст. 60 и сл.

только этим не приходится. Думаю, что мы не будем далеки от истины, если укажем, что некоторые особенности культуры древних памирцев объясняются: 1) их периферийностью, оторванностью от центров, способствовавшими сохранению архаических представлений и форм материальной культуры, и 2) приспособленностью этих немногочисленных кочевников к суровым и своеобразным условиям горного ландшафта Памира. Именно эти условия сохранили древний обряд захоронения, восходящий к эпохе бронзы, и почет, оказываемый памирцами еще дорого стоящему металлу. Именно эти условия сохранили (или породили?) томары, с помощью которых они могли охотиться в этих условиях на горностая, ласку, лису, сурка или птиц; гарпуны для ловли рыбы в горных речках (маринка, осман). Только в условиях высокогорных рек, текущих по каменистому ложу, в заводях, где кипящая пена не мешает наблюдению и не закрывает рыбу от взора рыболова взвешенными частицами ила и песка, как в лёссовых равнинах, могли применяться эти гарпуны.

С местными условиями связан, быть может, характер двухлопастных черешковых стрел и некоторые другие детали, трудность в определении которых ясна из вышеизложенного.

Резюмируя сказанное, мы можем сделать следующие выводы: памирские скотоводы-кочевники, оставившие после себя курганы, исследованные нами, в древнейшей своей части датируются V—IV вв. до н. э. и связаны в своем происхождении с кругом племен Семиречья, Алтая и Енисея.

Учитывая данные исторической географии, датировку могильников и истоки сложения их культуры, нельзя не признать, что мы здесь имеем дело с группой сакских племен из их восточной ветви, т. е. саков заяксартских. Выше мы уже отмечали некоторую хронологическую разницу между отдельными погребениями и указывали их относительную хронологию. Наиболее поздние погребения в Памирской I, К 7, 11 и 12, относятся ко времени не позже II—I вв. до н. э. Харгушские могилы являются звеном, соединяющим древние и более молодые могилы, поскольку они тесно связаны с обоими типами; поэтому их логично отнести к III—II вв. до н. э. В целом все три могильника, как и в Семиречье саки и усуни, находятся в границах единой этнической группы с общей культурой, т. е. являются хронологическими этапами одной культуры, сакской в основе.

3. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ВЫВОДЫ

В нашем исследовании мы касались общих и частных проблем расселения и истории племен Алая и Памира. Основными положениями было:

1) тяньшаньское (алтайское и минусинское) происхождение алтайцев и памирцев;

2) различные пути «алайцев» и «памирцев» в их последующей истории;

3) смешанность культуры тяньшаньских пришельцев с культурой Ферганы и племен кумедов;

4) оторванность и изолированность памирских саков от Алая.

Уже те наблюдения, которые были изложены в предшествующей главе, доказывают, что жизнь саков на Памире была не столь кратковременной. Об этом говорят отмеченные выше факты о приспособлении их к местным условиям, о наличии трех разных хронологических этапов — с V по I в. до н. э.

С другой стороны, коллекции говорят, что памирские саки пересекали большие пространства и пользовались в своем быту ценностями, которые получили в далеких от Памира областях. Об этом свидетельствует прежде всего состав древесины, ближайшие месторождения которой (арча и облепиха) находятся в Западном Памире или в Сарыколе, в 400—500 км от могильника. О связях говорят также бусы, которые, пусть через посредников, могли к ним попасть только из областей еще более удаленных (Алтай, Индия).

Как бы ни были обширны эти связи, однако ясно, что самые необходимые вещи и оружие они производили сами. На одежду шла кожа, мех и шерсть, остатки которых были найдены в могилах. Для изготовления посуды, оружия и жилища использовались дерево и глина, которые можно было достать в ближайших местностях. В пищу шло мясо козы, архара, птиц, а также рыба (напомню рога архара, изображение козла, гарпуны, томары). О том, что охота имела особое значение, говорит набор типично охотничьих стрел.

В такой же степени источником питания могло служить и скотоводство (об этом говорят остатки шерсти, кости барана, и т. п.). О мучной пище говорят находки зерен проса (?), очевидно сарыкольского происхождения, и зернотерки (Ак-биит). Основную массу необходимых средств существования они могли получать на этой или ближайшей территории. Как бы ни были «обширны» возможные ресурсы, но все же значительную часть средств к повседневному существованию они получали не на Памире, а в других, хотя и близко расположенных территориях. Посему вероятно предположить хотя и длительный, но сезонный характер жизни саков на Памире.

Несомненна связь этих саков и с ю.-з. территориями. Их влекли к себе богатые, культурные оазисы.

Их путь (который повторяли и более поздние племена) и вторжение отмечены письменными источниками и археологическим материалом. На пути «Памир—Афганистан—Восточный Иран—Северная Индия» эти пастухи-скотоводы и охотники упрочили свою власть,

опираясь на свою «крепость» — неприступный горный Памир. Их завоевательные походы остались в памяти ю.-з. соседей и были запечатлены в источниках — от Вед и священных книг Авесты до прозаических хроник Китая. Население «гор, вечно покрытых снегом» прочно вошло в сознание и память народов в качестве каких-то мифических завоевателей. История породила предания, предания трансформировались в миф, а последний был использован для всяких спекулятивных теорий, в том числе для реакционной человеконенавистнической арийской теории.

Наши раскопки на Памире снимают завесу с «крыши мира», открывая реальный мир и восстанавливая правду о жизни людей этого сурового края. Это были сакские племена, первоначально этнически и культурно разнообразные племена, в недрах которых сложилась их относительно общая культура. Из массы южносибирских и тяньшаньских племен и родились те реальные саки Памира, с которыми научное заблуждение и политическая спекуляция столь долго и упорно связывали происхождение мифических арийцев.

Быть может, в разрешении этого вопроса — основной смысл и значение результатов тех работ на Памире, о которых отчитывался автор в настоящей части книги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предлагая свой труд на суд читателю, прежде всего историку народов Средней Азии (поскольку книга имеет специальный характер), я надеюсь, как уже указал в своем предисловии, что в ней читатель найдет новый материал из еще неизведанных территорий и посильную попытку его объяснения автором с позиций марксизма-ленинизма.

Во многом настоящая монография является лишь публикацией того материала, который может быть использован для истории нашей страны. Публикуемый материал дает больше возможностей для выводов, чем это сделано автором, особенно если изложенные здесь факты рассматривать не только в историко-культурном плане, а под углом зрения историко-экономических проблем.

Я надеюсь еще со временем вернуться к более детальному рассмотрению этих важных вопросов.

Эти материалы вместе с ранее проведенными исследованиями, рассмотренными в свете данных письменных источников, дали возможность предложить набросок археологической периодизации памятников и составить их историко-топографическое описание. Как бы итогом этой работы являются сводная таблица археологических памятников Центрального Тянь-шаня, Ферганы и Памиро-Алая, а также три археологические карты.

Предложенная в книге археологическая периодизация памятников показывает, что на Центральном Тянь-шане вплоть до раннего средневековья абсолютно господствует кочевое скотоводство, сложение которого следует возводить ко времени пастухов-скотоводов андроновского времени (наиболее ранние памятники, открытые в Центральном Тянь-шане, — середины II тысячелетия до н. э.). С рубежа н. э., наряду с грунтовыми ямами-погребениями сакского происхождения, появляются катакомбного типа погребальные памятники, прослеживаемые до X в. н. э.

В северной части Центрального Тянь-шаня (главным образом берега Иссык-куля) ясно ощущается связь с Чуйской долиной, в Центральном и Западном Тянь-шане — с Ферганой. Земледельческая культура никогда не господствовала на Тянь-шане. Основные памятники — курганы-некрополи кочевников. С VI—VIII вв. появляются города-ставки (Кошой-Коргон, Ширдакбек).

На Восточном Памире пока открыты относительно поздние памятники заселения сакского времени (V—IV вв. до н. э.). Значительно выше культура Западного Памира, особенно Вахана. С начала нашей эры здесь широко распространяются города, достигающие особого расцвета в VI—VIII вв.

Связь Восточного Памира с кочевниками осуществлялась в широтном, а не меридиональном направлении.

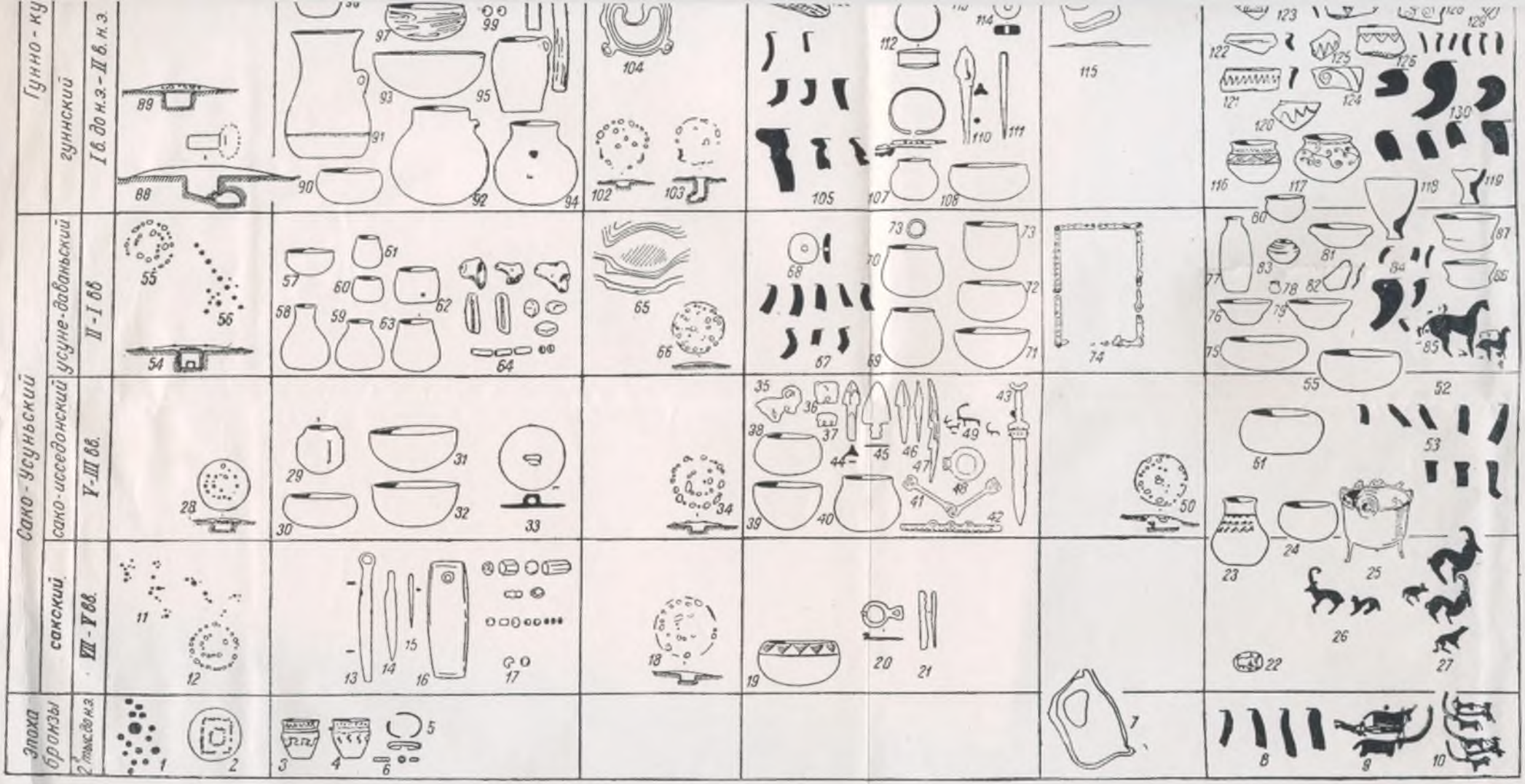
Чоналайская долина была тесно связана с Центральным Тянь-шанем. Наблюдается здесь много общего в конструкции погребений, расовом типе, отчасти инвентаре. Однако на культуре Алайской долины лежит сильный отпечаток влияния Ферганской долины (например раскраска сосудов). Фергана — издревле пастушеско-земледельческая страна, с ведущей ролью земледелия со II тысячелетия до н. э. Особого расцвета Фергана достигает в первые века н. э Однако и в этот период она сохраняет связи с пастушеским населением, но на основе общественного разделения труда (ср. катакомбные могильники и синхронные им оседлые поселения). Культура ее весьма своеобразна и отличается строгостью и цельностью. В керамике очень слабо представлена орнаментация. Нет терракот. Существенные изменения в культуре происходят к VI—VIII вв., когда Фергана была завоевана тюркоязычными племенами Тянь-шаня.

Если в кушанский период ферганцы активно распространяются на север (Чаткал) и на юг (Алай), то с VI в. н. э. они устремляются и на восток (Тянь-шань).

В IX—XII вв. в Фергане наблюдается все больше связей с Мавераннахром, особенно в XI—XII вв., при сохранении местных черт.

В предложенной таблице отмечены ведущие типы памятников и основные формы археологических находок.

Фергана, Уэген. Расписная керамика.



Историко-археологическая классификация памятников Центрального Тянь-шаня, Памиро-Алая Ферганы.

ЭПОХА БРОНЗЫ: *1* — план могильника андроновского типа, Арпа; *2* — курган андроновского времени, Арпа; *3—6* — находки в кургане андроновского времени, Арпа; *7* — тепе у г. Ош, *8* — профили сосудов даваньской культуры; *9, 10* — наскальные изображения Саймалы-таш.

САКСКИЙ ПЕРИОД: *11* — план могильника Аламышик (Нарын); *12* — тип насыпи в могильнике Аламышик; *13—15* — находки в курганах (бронза); *16* — каменная подвеска (Аламышик); *17* — бусы из курганов в Кырчине и Джергетале; *18* — план и разрез кургана в Шарте (Алай), *19* — расписной сосуд из Шартского погребения; *20—21* — находки в кургане могильника Чакмак; *22* — печать из долины Сох; *23, 24* — сосуды из курганов в могильнике Тулейкен; *25* — котел бронзовый, найденный на трассе Большого ферганского канала; *26, 27* — наскальные изображения Саймалы-таш.

САКО-ИССЕДОНСКИЙ ПЕРИОД: *28* — план и разрез кургана из могильника Аламышик; *29—32* — находки из курганов в могильнике Аламышик; *33* — находки в кургане могильника Карагудижр; *34* — план и разрез кургана Тамдинского могильника (Памир); *35—49* — находки в курганах Тамдинского могильника (Памир); *50* — план и разрез Тулейкенского кургана; *51—53* — сосуд и венчики сосудов позднедаваньского типа (из Кызылрайской степи).

УСУНЬ-ДАВАНЬСКИЙ ПЕРИОД: *54—56* — план могильника, план и разрез кургана у с. Соколовка (Иссык-куль); *57—63* — сосуды из Соколовского и Аламышикского могильников; *64* — бусы коралловые из Аламышикского могильника; *65—66* — план селища Кызыл-курган и курганной насыпи в Алае; *67—68* — находки на селище и могилах Кызыл-кургана; *69—73* — находки в курганах Харгушского могильника (Памир); *74* — план города Эрши; *75—84, 86, 87* — находки из Эрши в раскопках и подъемный материал (венчики сосудов); *85* — Аравансние наскальные изображения.

ГУННСКИЙ ПЕРИОД: *88* — схемы погребений гуннского времени на Иссык-куле и Кыварте; *89* — то же, Джергес; *90—92* — находки в могильнике Джергес; *93—101* — находки в гуннских катакомбах (Кыварт); *102—103*—типы погребений в Чон-алае; *104* — тепе Гульча (Алай); *105, 106* — находки на тепе Гульча; *107, 109, 113, 114* — находки в могильнике Дараут-курган; *108, 110—112* — находки в могильнике Курган; *115* — Кюль-тепе; *116, 117, 120—130* — находки на городищах в могильниках; *118* — Касан; *119* — Мын-Пошс.

КУШАНСКИЙ ПЕРИОД: *131* — схема погребений (Аламышик); *132, 133* — керамика (Аламышик); *134* — Маашинские погребения (Чон-алай); *135* — Ямчун (Вахан); *136—149* — находки из могильника Мааша и Кызыл-туу; *150* — Кургашин-тепе (Ош); *151—153* — планы и разрезы погребений в могильнике Боркорбав (Сох); *154—158* — могильник Ширин-сай; *159* — подъемный материал с городищ; *160—176* — находки в могильнике Боркорбав.

ТЮРКСКИЙ ПЕРИОД: *177* — тип могил на Иссык-куле; *178* — городище Ничке в Кетмень-тюбе; *179, 180* — постройка Мананельды на Алабуге; *181* — находки на городищах Тянь-шаня и Кетмень-тюбе; *182* — типы каменных изваяний с северного берега оз. Иссык-куль; *183—186* — находки из могильника Аламышик; *187—189* — план погребения в могильнике Куюльда и общий вид могильника (Алай); *190* — план городища Каххка; *191* — профили венчиков сосудов из поселений Западного Памира (Шугнан, Вахан); *192* — план города Касан; *193—200* — находки городища Касан и Ахсыкет.

КАРЛУКСКИЙ ПЕРИОД: *201* — план и разрез кургана из могильника Аламышик; *202—205* — находки из курганов в Аламышике; *206* — находки из Кочкорского клада; *207* — погребение из Тамдинского могильника (Памир); *208* — городище Куутам (Алай); *209—211* — находки из погребения Тамдинского могильника, *212* — Ахсыкет; *213—219* — находки на городище Ахсыкет.

КАРАХАНИДСКИЙ ПЕРИОД: *220* — Кочкорское городище; *221* — цитадель Узгена; *222* — мавзолей Узгена; *223—228* — находки на цитадели Узгена.

УКАЗАТЕЛИ

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ВизИ	— Византийские историки, перев. С. Дестуниса
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗИАН	— Записки имп. Академии Наук
ЗИВ	— Записки Института востоковедения
ЗКВ	— Записки Коллегии востоковедов
ЗВО	— Записки Восточного отделения Русского Археологического общества
ЗРГО	— Записки Русского Географического общества
ИРГО	— Известия Русского Географического общества
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИАН	— Известия Академии Наук
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИЗ	— Исторические записки
Изв. ВГО	— Известия Всесоюзного Географического общества
Изв. ИИА АН КССР	— Известия Ин-та истории и археологии АН КазССР
Изв. ОИФ	— Известия Отделения истории и философии АН СССР
Изв. ООН	— Известия Отделения общественных наук
ИНС	— История народов СССР
К	— Курган
КОДЖ	— Комиссия по изучению одомашнения животных
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
ЛИЖВЯ ТТС	— Ленинградский институт живых восточных языков. Труды Тюркологического семинария
МАР	— Материалы по археологии России
МАУ	— Материалы по археологии Узбекистана
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ	— Материалы по этнографии
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ОЛЯ	— Отделение литературы и языка
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИМК	— Проблемы истории материальной культуры
ПСТД	— А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941
РГО	— Русское географическое общество
СА	— Советская археология
САГУ	— Среднеазиатский Государственный университет
Сб. МАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии
СВ	— Советское востоковедение
СГАИМК	— Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СК	— Латышев. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. I (в. 1—3) Греческие писатели; т. II (в. 1—2) Латинские писатели
СЭ	— Советская этнография
ТВО РАО	— Труды Восточного отделения Русского археологического общества
ТГИМ	— Труды Государственного Исторического музея
ТОВЭ	— Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа
ТСА РАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТТКОПОРГО	— Труды Троицкосавского Кяхтинского Отдела Приамурского отделения Русского географического общества
УЗЛГУ	— Ученые записки Ленинградского Государственного ордена Ленина университета
УЗСГУ	— Ученые записки Саратовского Государственного университета
AA	— Artibus Asiae
AI	— Archaeological Institute
AM	— Asia Major
AH	— Archaeologia Hungarica
AO	— Archaeologia Orientalica
AOH	— Archaeologia Orientalis Hungarica
BMEA	— Bulletin of the Museum for Eastern Antiquities
BM	— Burlington Magazine
BSOS	— Bulletin of the School of Oriental Studies

ChR	— China Review
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua
HalA	— V. Minorsky. Hudud-al-Alam, London, 1937
FF	— Forschungen und Fortschritte
JA	— Journal Asiatique
JAI	— Journal of Anthropological Institute
JAOS	— Journal of the American Oriental Society
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society
JNCBRAS	— Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society
JSFO	— Journal de la Société Finno-Ougrienne
KCzA	— Körösi Czoma Archiv. Zeitschrift für türkische Philologie und verwandte Gebiete
MASI	— Memoirs of the Archaeological Survey of India
MRDTB	— Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (The Oriental Library)
MJ	— Museum Journal
MSFOug	— Mémoires de la Société Finno-Ougrienne
MSOS	— Mitteilungen des Seminars Oriental Sprachen
OIP	— Oriental Institute Publications
OZ	— Ostasiatische Zeitschrift
PMAA	— Princeton Monographs in Art and Archaeology
PM	— Petermanns Mitteilungen
PS	— Paleontologia Sinica
RAA	— Revue des Arts Asiatiques
RO	— Revue Orientale
SBAW	— Sitzungsberichte d. Bayerischen Akad. d. Wissenschaften
SBE	— The Sacred Books of the East
SKAW	— Sitzungsberichte d. Kaiserlichen Akademie d. Wissenschaften zu München
SKAW zu Wien	— Sitzungsberichte d. kaiserlichen Akademie d. Wissenschaften zu Wien
SPAW	— Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften
TE	— Travaux Ethnographiques
TP	— T'oung Pao
ZE	— Zeitschrift für Ethologie

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[1]

Абдал 281
Азия Малая 270
Азия Центральная 72, 130, 354
Айритам 22
Айртам 237, 247, 267
Айрымач-тау 230
Ак-беит 102, 279, 301—303, 314, 316 325
Ак-босого 22
Ак-бура 249
Ак-буринская крепость 230
Ак-киндык 187, 221
Ак-кия 25, 26
Ак-курган 232, 253
Акман 218
Акман, тепе 188
Ак-мойнак 107, 122
Ак-муюн 22
Ак-сай, долина 5, 15, 22, 25, 26, 107, 119, 213, 221
Ак-су 31, 42, 211, 275, 279, 286, 301, 302, 304, 305
Ак-сумбе 214
Ак-тала 25, 26
Акталинский р-н 120
Акталчат 26
Акталчатская группа курганов 26
Ак-тепе 113, 158, 214
Ак-терек 88
Акулен 127, 180
Акчат 89
Ак-чий 25, 26, 120
Ак-чулак 103
Ак-шийряк 25, 26
Акыр-таш 103
Акыр-тобе 145
Алабакан 10, 12, 50, 55, 60, 122
Алабука 5, 10, 22, 24—27, 31, 100, 103, 113, 114, 116, 122, 262
Алабука, долина 5, 26, 27, 102, 103, 105, 107, 114, 120, 143, 252
Алабукинский р-н 218, 243
Алай 7, 14, 15, 22, 71, 95, 96, 103, 186—189, 193, 198, 200, 203—207, 212, 214, 216, 220—222, 276, 278—280, 285, 286, 303, 325
Аламышик 10, 12, 23—27, 33, 35, 36, 38, 50, 53, 67, 68, 70, 74, 77 81, 84, 87
Аламышикский могильник 51, 59, 84
Алайская долина 5, 186, 187, 214, 353
Алайский хребет 15, 190, 204
Ала-тау Джунгарское 214
Ала-тау Заилийское 22, 26, 214
Ала-тоо Киргизское 22
Ала-тоо Терскей 97, 115
Албания 89
Алдыяр 95
Александровское (Александровка) 141, 171, 178, 179
Аличур, долина 280, 304
Аличур, р. 211, 275
Аличурский хребет 288
Алишар Гуюк 319, 320
Алма-ата 12, 20, 46
Алтай 8, 20, 33, 88, 126, 127, 144, 149, 150, 204, 210, 214, 314, 316, 318—322, 324, 325
Алтын-арык 10, 12, 72, 76, 87, 88
Алтын-дара 187
Аманджол 119
Аму-дарья 142, 276
Андижан 113, 114
Аньси (Парфия) 133
Аньян 321
Араван 222, 224, 226, 230, 266
Араван, долина 229
Араван, р. 211, 222, 226, 229
Ара-куль 10, 12, 72, 76, 87
Аральское море 13, 329
Арасан 180
Аргу 116
Ардвисура (Аму-Дарья) 276
Ардебиль 166
Арпа, долина 5, 15, 18, 23, 27, 102, 107, 130, 186, 187, 203, 213, 221
Арпа, р. 18, 22, 186
Арпинский могильник 33, 67, 193, 210, 215, 265
Арсланбоб 5, 117, 185, 250, 258
Арсланбоб, пос. 185
Арча-булак 187, 193, 200, 203
Арыстанбель 181
Арысь 232
Астана 139
Атбаш, г. 99, 100, 102, 103, 113, 114, 116, 118, 125, 266, 270
Атбаш, долина 5, 15, 19, 21—23, 27, 100, 102, 107, 116, 213, 221, 265
Атбаш, р. 22, 25
Атбашинский р-н 120
Атбашинский хребет 20, 102, 115
Афганистан 152, 189, 215, 275, 279
Афрасиаб 156, 239, 265, 268
Ахсы 237, 253
Ахсыкет 233, 237, 244, 247, 253
Ача-тюбе 10, 50, 55, 60
Ачи-су 187
Ачик-таш 187

Багашин, урочище 185
Багдад 152
Багышчан 76
Базарбаш 244
Байбиче-тоо 100, 107
Бакарлы 214
Бактрия 266, 281
Баласагун 114, 116, 125, 139, 168, 172
Бала-чичкан 117
Балгын 302
Бамиан 268
Барсхан Верхний 88, 97, 98
Барсхан, оз. 88, 115
Бартанг 277
Басчий 119
Бедель 14
Безеклик 134
Белед-тепе 237
Берккара 127, 214, 286, 319, 320
Битянь 226, 266
Богатыревка, с. 97
Богушты 21
Большереченское поселение 322
Большой Теснинский курган 323
Боокенын Таласы 197
Боом (Боомское ущелье) 88
Боомское ущелье, см. Боом
Боровое 130
Босого 15
Бохань (Фергана) 237
Боханьна (Фергана) 237
Бохо (Вахан) 283
Бузук-тепе 247
Булун-куль 281
Бургунды 253
Бурмачап 18, 22, 23, 60, 72
Бурукчинская волость 90
Бутенентык 281
Бухарский оазис 268
Бухтарма 319

Вавилоновка 320, 324
Вагизийские города 250
Ванк-кала 281
Варахша 261, 268, 269
Вахан 9, 211, 215, 278, 281, 283, 285, 327
Вахан-дарья 211, 281, 235
Вебера пик 185
Венгрия 126, 321
Византия 141, 149, 150, 262
Викхут 281
Волга Нижняя 321
Ворошиловское, с. 171
Восток Передний 321, 324
Вэнь-су, см. Пенчул

[1] Указатели составила И. В. Бентович.

Гандара 149
Гань-су 205
Гарм 192, 221, 222
Гармо 275
Гашень 283
Гедрозия 324
Гесай (Касан) 114, 232, 233, 247
Ги 216
Гибинь (сев. Индия) 280
Гиндукуш 279
Гисар, тепе 319
Горумды 100
Греко-Бактрия 132, 266
Греция 268
Гуйшань 217, 233
Гуйшуань Зарафшанский 244
Гуйшуань Ферганский 244
Гуль-кишлак 244
Гульча, р. 5, 15, 22, 95, 186, 189, 219, 220, 249, 261
Гумбаздык-кол 302, 304
Гунт 9, 277, 278, 281
Гюйми 190

Давань (Фергана) 13, 14, 22, 118, 133, 189, 203, 204, 215, 217, 221, 224, 226, 229, 233, 243, 266, 281
Дала-кудук 89
Дальний Восток 126, 164
Дамаск 138
Дандан-ойлык 340
Дантохун 349
Дараут-курган 5, 187, 193, 198, 203, 205—207, 216, 221, 222
Дарваз 275
Даршай 281, 285
Дашт-и-Кипчак 347, 350
Дербендский проход 125
Джаильган 221
Джаильма 21, 210
Джалалабад 218
Джалалабадская область 12, 218, 253
Джалгызуй 18
Джаман-даван 18, 107, 203
Джаман-тоо 18, 25, 26, 31, 107
Джамбул 103, 220
Джанбас-кала 239
Джанги-джол 185
Джаны-булак 26, 120
Джаны-джан 281
Джаргелан 5, 10, 50, 55, 87, 98
Джаргеланский залив 10
Джаргеланский мыс 97
Джаркимбаевский могильник 10, 33, 38
Джарутекская группа курганов 302
Джергес 10, 38, 39, 50, 55, 57, 58, 60
Джергетал 10, 25—27, 31, 33, 38, 39, 50, 54, 60, 119, 120, 221
Джеты Огуз 97
Джеты-тепе 214
Джибек-су 187
Джилгин-сай 218, 219, 248
Джиль 88
Джуль 150, 151
Джумгал, долина 5, 10, 12, 60, 72, 76, 98, 122
Джумгал, р. 98
Джууке 10, 97
Дункельдык 302
Дунь-хуан 161, 164
Дура Эвропос 322
Дюрбельджин 25—27, 119, 120

Европа Восточная 318
Европа Западная 271
Енисей 33, 79, 83, 88, 89, 126, 142, 149, 150, 319—321, 323—325

Жаны-дарья 216

Заалайский хребет 204, 222
Забайкалье 318, 324
Заволжье 324
Занку 222
Заркан (Зеркент) 253
Зеркент, см. Заркан
Зирк, крепость 247
Зунк, крепость 8, 281

Ивановка, с. 127
Игредж Арт 115
Идикут Шари 151
Иерусалим 138
«Известковый камень» 286, 302, 304, 317
Или, р. 26, 100, 119, 156, 157, 214
Илийская долина 125, 214, 271
Ильмовая Падь 193
Имаус 7, 192, 193, 207, 215, 276,
Индия 135, 149, 152, 169, 189, 281, 316, 324, 325
Индия Северная 276, 279, 326
Иотокан 140, 340
Иран 49, 135, 139, 149, 164, 206, 261, 281
Иран Восточный 215, 275, 279, 325
Иркештам 5, 187, 189, 221
Иртыш 142, 214, 322
Исбаскент 253
Иски-ахсы 244
Исор 8, 278, 281
Иссигаты, ущелье 180
Иссык, р. 214
Иссыкатинское ущелье 146, 172
Иссык-куль (Исси-куль) 5, 10, 12, 14, 15, 22, 26, 31, 35, 40, 42, 46, 47, 49, 67, 72, 74, 76, 79, 87, 88, 97, 107, 115, 119, 120, 122, 127, 144, 145, 180, 187, 214, 266, 268, 353
Иссыккульская котловина 42
Истык 275, 302
Исфаган 166
Исфара, долина 23, 193, 215, 267
Италия 164
Ичкилик 286, 303, 304, 317, 318
Ишкашим 8, 281

Кааxка, крепость 8, 278, 283
Кавказ 322
Кавказ Северный 49, 320, 321, 324
Каджингар-баши 13, 100, 103, 115—118, 125, 266, 270
Казарман 10, 98
Казахстан 20, 33, 119, 136, 270
Казахстан Центральный 318
Каинда 21, 210
Каирма 98
Кала-джурга 39
Калалыгыр 264
Калкабар 100, 102, 107
Калмак-ашу 88
Каменка, с. 35
Кампыр 237
Канка (Сыр-дарья) 211
Капка 281
Караагач 130
Карабалты, с. 146, 171
Кара-булунь 22
Караван 218, 230
Караванский р-н 218, 230, 232
Караван-тепе 188, 230, 248
Карагуджир, долина 19, 38
Карагуджир, р. 38
Карагуджир, ущелье 38
Кара-дарья 5, 15, 22, 253, 256
Каракол, р. 18
Кара-коюн, р. 22, 100
Кара-куль 13, 275, 301
Кара-кульджа 15, 22, 96
Карамура 221
Кара-су 22, 120, 185, 229, 250
Каратал, урочище 187, 210
Каратавалгаты 10, 98
Каратал, долина 180
Кара-тау 5, 12, 13, 127, 210—213, 265, 267
Каратегин, 5, 190—193, 204, 207, 210, 214, 221, 222, 269, 275
Кара-унгур 18, 250, 253
Кара-ходжо 242
Каргалы 39, 44, 130, 132, 190
Карой 10, 12, 77—79, 87
Касан (Гесай, Гуйшуань) 5, 96, 113, 114, 230, 233—239, 243, 244, 247, 253
Касан-сай 247
Каспий 13, 95, 210
Катанда 127
Катран-тау 185
Катта-карамук, р. 221, 222
Каунчи 39, 193, 215, 265
Каунчи-тепе 153, 158, 256
Кафыр-кала 140
Кашгар 96, 100, 102, 113—116, 280
Кашка-дарья 281
Кашка-джол 22
Кашмир 189
Кашу 114, 351
Кельды-булак 221
Кемин Большой 22, 143
Кемин Малый 22
Кеминский курган 25
Кенбулунь 148
Кенкол 7, 23, 67, 72, 322
Кенкольский могильник 67, 70, 130, 193, 215, 267
Кеи-куль 250
Кень-су 10
Керван, см. Караван
Кескен-таш 89
Кетмень-тюбе 5, 98, 107, 115, 117, 119, 250, 262, 265, 270
Кетменьтюбинская котловина 117, 187, 188
Кийке-таш 186, 187, 190, 210, 214
Киргиз-ата 218
Киргизия 5, 12, 13, 95, 127, 141, 142, 144, 145, 149, 151, 158, 167, 171—174, 178, 180, 185
Киргизия Северная 95
Киргизия Южная 13, 253
Китай 46, 49, 50, 93, 94, 96, 107, 126, 130, 132, 139, 144, 146, 149, 151, 172, 178, 204, 206, 224, 225, 232, 266, 267, 271, 323, 324
Кичи-алай 190
Койбын 119
Койлык 266
Койсара 10, 97
Койтезек 214, 275, 281
Кок-айгыр 22
Коканд 229, 237
Кок-булак 10, 12, 72, 74, 87
Кок-добе 42
Кок-кий 22
Кок-мойнак, к/х 10, 74, 87, 88
Кок-мойнакская группа курганов 76
Кок-су, долина 180, 210, 213, 214, 221
Кокшаал 15
Конорчек 25, 26, 100, 119, 122
Концепт 130
Копенский Чаатас 93, 94
Корея 126, 147, 319, 321

Косрив 281
Костромской курган 321
Кочкор 149, 334
Кочкорская долина 5, 10, 60, 72, 76, 87, 89, 90, 100, 107
Кош-куль, урочище 185
Кошо Цайдам 143, 349
Кошой-коргон 100, 103, 114, 118
Кош-терек 230, 232
Красная речка 148
Краснореченский канал 138
Краснореченское городище 138, 141
Кува 218, 228, 249, 250
Кувинский оазис 218, 229
Кува-дарья 216
Кугарт 96, 100, 223, 252
Кужарская станица 320
Кукяльда 203, 204, 220, 221, 286
Куланак 25, 26, 100, 107, 119, 120
Куланакский р-н 120
Кумбель 100
Кумед 192
Кумкент 214, 267
Куналяк 113, 114, 221
Кунгей 74
Курбан-айгыр 302
Кургак 187—190, 193, 200, 203, 206, 207, 210, 211, 279
Курган-тепе 247
Кургашин-тепе 228—230, 249
Курментинская крепость 10
Курменты 10, 79, 80
Куртка 120
Куршаб 228, 229
Кутурга 10, 80
Куутам 221
Кухань (Каахка) 283
Куча 148
Кучар 169, 261
Кучарский оазис 139
Кушан 233, 237, 243
Кушания Ферганская 232
Куэньлунь 349
Кызарт 10, 12, 59, 67, 72, 215
Кыз-кала 112
Кызыл-алай 187
Кызыл-арт 189, 275
Кызыл-белес 19
Кызыл-курган 22, 187, 193, 198, 203, 205—207, 216
Кызыл-курум, оз. 302
Кызыл-кыштак 187, 193, 198, 205
Кызыл-рават 301
Кызыл-сай 26
Кызыл-су 97, 148, 187, 189, 193, 203, 204, 212, 222
Кызыл-туу 192, 193, 202, 207, 267
Кылдау-бель 100
Кылды-су 98
Кынды 15
Кырк-кыз 112
Кырчин 5, 10, 12, 27, 31—33, 46, 49, 60, 67, 70, 77—79, 87
Кысмычи 114, 171
Кюнерлигыр 264

Лай-су 187
Ленина пик 14
Лобнор 204
Лоюени 214
Луговое 265
Люань Бин 206
Лянгар 211, 214, 275, 281
Ляхш 221

Мааша 192, 193, 202, 207, 215, 222, 267
Маверааннахр 156, 157, 159, 160, 162, 164, 172, 260, 261
Майкоп 49
Майэмир 35, 323
Макмал, р. 100
Мамай, урочище 171
Манакельды 5, 12, 99, 100, 107, 113, 114, 122
Манчжурия 126, 136
Маргиана 266
Маркан-су 189, 275
Мархамат 211, 228, 229, 237
Матча 138
Мац 281
Медва 249
Мерв 112
Метинг-бель 187
Минусинские степи 21
Минусинский край 144, 318, 320—323
Миран 170
Мискан 219
Миян-и-рудан 250
Могулистан 102, 114
Монголия 88, 126, 139, 143, 144, 149, 190, 223, 270, 313
Мончак-тепе 237, 247
Муг 224
Муг-кала 238, 243
Муг-курган 233
Муг-тепе 238
Мук-су 221, 222
Мунчак-тепе 113
Мургаб, долина 189, 305
Мургаб, р. 188, 189. 211, 275, 279
Мургаб, с. 302
Муянчен 136, 319, 320, 322
Мык-Пошо 114

Над-и-али 319
Найза-таш 304
Наманган 244
Нарын, г. 5, 18, 21—25, 27, 48, 113, 115, 120
Нарын, долина 5, 10, 15, 22, 24—27, 107, 331
Нарын, р. 21, 22—27, 81, 98, 100, 107, 117, 119, 185, 187, 188, 250, 253
Нарын-тоо 18, 23
Наукат 218, 219, 249
Невакет 88
Некад 218, 219
Несайские города 250
Нинхэ 205
Нинюань (Фергана) 96, 233
Ничке, р. 117, 187
Новороссийское, с. 22, 97
Ноинула 126, 148, 270, 313, 341
Нузкет 171
Нура, долина 213
Нура, р. 213, 221
Нура-тау 18

Ой-булак 10, 12, 77—79, 87
Ой-гаин 107
Ой-тала 10
Ой-терескен 22
Ольвия 318
Он-арча 22
Он-уйгур 96
Ордос 204, 323, 324
Ордукент 114, 116, 351
Орловка, с. 124
Орочок, с/х 97
Ортотокой 89, 93, 243, 247
Отрарский оазис 214, 216
Оренбургский край 320
Орхон 146
Осрушана 232, 247
Оттук 22
Охинская долина 185
Ош 5, 186, 187, 189, 204, 218, 221, 222, 226, 229, 249, 261

Пазырыкские курганы 126, 127
Памило (Памир) 276
Памир (Памило) 5, 8—10, 13, 15, 33, 188, 189, 193, 194, 207, 210—212, 214, 215, 222, 265, 275, 276—280, 285, 302—304, 316, 317, 319, 321, 324—326
Памир, р. 8, 15, 210, 215, 275, 279—281, 285, 286, 288
Памир Восточный 8, 188, 189, 193, 210, 213, 214, 275, 276—280, 285, 286, 316
Памир Западный 8, 275, 276—281, 283, 285, 325
Памир Южный 275, 285, 303
Памиро-Алай 14, 15, 222, 267, 269, 271, 277
Памирская I группа курганов 280, 288, 302—305, 310, 314, 316, 318, 322, 323, 325
Памирский Мургаб 189, 190
Паргона 233
Патша-ата 218
Патша-ата-су 232
Пейгу 88
Первомайское, с. см. Куртка
Победы пик 14
Поволжье 130
Покровка (Чонкызыл-су) 10, 141
Полона (Фергана) 233
Полтавка Старая 321
Понт 210
Пржевальск 10, 55, 97
Прикамье 319
Прикашгарье 116, 188
Припамирье 188—190, 192, 215
Припамирье Северное 190, 204, 213, 222, 267
Притяньшанье северное 13
Приуралье 319
Причерноморье 130, 148, 318, 319, 321, 324
Прохоровские курганы 320
Пяндж 211, 276, 281, 283
Пшарт, долина 275, 279, 286, 304, 305, 317
Пшарт, перевал 302
Пшарт, р. 212, 302
Пянджикент 261

Рабат-и-Малик 112
Ранка (Сыр-дарья) 276
Ратм 8, 281
Рашт (Урешт, Урест) 190, 211, 228, 229, 237
Реджист 285
Рей 166
Ренджид 253
Ренжит, см. Ренджид
Ривак 281
Ривдад, см. Тали Барзу
Рим 268, 270
Роксонака 266
Рош-кала 281
Ртищево 321
Рыбачье, пос. 10, 74

Саз 25
Саймалы-таш (Саймалы-тас) 128, 211, 223, 333
Салтово 192
Самарканд 156, 157, 164
Самарра 152, 156, 164, 172
Санчи 152
Саратов 321

Сарез, оз. 275
Сарыг 93, 94, 138, 150—152, 162
Сарыкол 188, 189, 210, 275, 280, 325
Сары-могол, р. 187
Сары-таш 22, 186, 187, 190
Сатыр-таш 304
Сауранский оазис 214
Сафидхо 221
Сафит-булан 253
Свиногорское городище 320
Селат 253
Семеновское, с. 10, 42
Семипалатинск 321
Семиречье 7, 8, 22, 25, 43, 47, 49, 88, 95, 99, 102, 106, 119, 125, 126, 128, 130, 132, 135, 138—140, 142, 145, 147—153, 156, 157, 164, 167, 168, 170—174, 178—181, 186, 189, 205, 210, 211, 213, 215, 220, 222, 232, 239, 261, 265, 269—271, 279, 280, 285, 303, 318, 322, 324, 325
Сианьфу 144
Сибирь 49, 319, 321, 322
Сибирь южная 128, 203
Сигянь (Ахсыкет) 233, 244, 247
Синин 205
Синьцзян 95, 107, 116, 140, 150, 153, 164, 210, 222, 252, 260—262, 270
Ситинк-куль (Сон-куль) 115
Согд 14, 107, 112, 135, 138—140, 142, 149, 150, 164, 182, 212, 213, 222, 232, 261, 264—266, 268, 269, 281
Согуты, ущелье 220
Соколовка, с. 10, 50, 55, 60
Сон-куль (Ситинк-куль) 10
Сорх-тепе 319
Сох 5, 48, 185, 215, 219, 267
Сталина пик 14
Судэ 267
Сусек 19
Сузы 44
Суйюань 324
Сукулукское городище 46, 94, 133, 139, 142, 146, 148, 158, 162, 166, 167
Сулейман-тау 186
Султанабад 218
Сур 185
Сурхоб 189, 204, 212, 221, 222
Сусамыр, долина 117
Сусамырский хребет 117
Суфи-курган 22, 186
Суяб 88, 97, 100, 125, 270
Сыр-дарья 5, 12, 93, 95, 142, 211, 212, 214—216, 221, 232, 237, 244, 247, 265, 270, 271

Табажек, р. 322
Тагаркаты 275
Таджикистан 138, 220
Талас 7, 13, 22, 116, 140, 156, 171, 187, 211, 220, 232, 271, 286
Таласская долина 14, 22, 117, 125, 127, 149, 179, 214, 223, 232, 237, 249, 269, 270
Талгар 214
Талгарское городище 179
Талдык, перевал 15, 204, 221
Талдык-су, ущелье 249
Тали Барзу 113, 140
Тамгалы-тас 180
Тамды 211, 214, 279, 286, 288
Тараз 116, 125, 139, 140, 141, 147, 155—158, 163, 165, 171, 172, 286
Тарык, с. 185
Тау-мурун 189, 213, 221, 222, 275
Тахта-даван 95
Тахт-и-бохай 169
Ташкентский оазис 20, 23, 67, 95, 113, 211, 215, 216, 232, 265
Таш-рабат 102, 103
Таштыкультей 187
Таш-кумыр 185, 232, 253
Таюань (Фергана) 278
Темирбулатовская волость 90
Тенгиз-бай 205
Терек-су 5, 25, 26, 186, 220, 247
Тереты 22
Термез 112, 140, 268
Терскей Ала-тоо 115
Тешик-кала 112, 283
Токмак 90, 168
Токтогул 185
Токтогульский р-н 107
Токуз-булак 9, 281
Тонуз-кунгей 187
Токуз-тарау 5, 10, 98—100, 107, 113, 252, 262
Токузтарауский р-н 107, 122
Тон 87, 88
Топрак-кала 267
Торт-куль 10, 97
Тохаристан 192, 203, 204, 207, 222, 266, 268, 269, 279—281
Тохтамыш 279, 302
Тува 144
Тугурук Баман 286, 302—305, 316
Тузбель 15, 102
Тулейкен 189, 204, 211, 229
Туп-хона 220, 286
Турайгыр 10, 74, 120
Тургарт 14, 18, 22, 102, 107
Тургень 214
Туркестан 220, 329
Туркестан Восточный 18, 94, 100, 107, 130, 134, 138, 139, 141, 148, 149, 151, 154, 162, 172, 204, 220, 223, 261, 266, 272, 324
Туркестанский хребет 5, 15, 187, 190, 204, 214, 220
Туркмения 142, 144, 265
Турумтай 8, 275, 281
Турфан 134, 151, 341, 342, 351
Туяхта 320, 324
Тюбет-тепе 214
Тюп, долина 5, 10, 48
Тянтяк-сай 253
Тянь-шань 5, 7, 10, 12, 14—16, 22, 23, 25, 27, 38, 39, 46, 49, 59, 67, 83, 88, 89, 94, 95, 97, 100, 102, 107, 113, 114—116, 119, 124, 125, 130, 132, 148—150, 160, 162, 181, 186—190, 203, 205, 208, 210—215, 222, 262, 270, 271, 279, 285, 318, 322, 324
Тянь-шань Северный 120
Тянь-шань Центральный 10—13, 15, 25, 27, 33, 67, 81, 87, 88, 92, 96, 98, 100, 107, 117, 120, 122, 125, 181, 189, 204, 208, 210, 221, 252, 265—267, 303

Угут 25, 26, 107
Узбекистан 144
Узген 5, 96, 100, 107, 114, 115, 186, 229, 253, 255, 258, 260, 261
Узгуруш 25, 55, 119, 120, 237
Узунагачский р-н 130
Узун-ахмат, горы 117, 185
Узун-ахмат, р. 117, 188
Уй-булакбель 189
Уйтал 145
Уйчи 230
Унгар 232
Урал 320
Урест (Рашт, Урешт) 190, 211, 228
Урешт (Урест, Рашт) 237
Утукенская чернь 362
Учкурганская степь 253
Учкюн 25, 26, 120
Уч-терек 250

Фергана (Таюань, Бохань, Боханьна, Полона, Нинюань) 5, 7, 14, 15, 22, 23, 27, 48, 49, 67, 94—96, 100, 102, 106, 107, 113, 114, 116—119, 125, 127, 149, 150, 186, 188, 189, 192, 198, 203, 205—207, 210, 211, 214—218, 220—222, 226, 229—233, 236, 237, 243, 244, 247, 250, 252, 253, 261, 262, 265, 266, 267, 270, 279, 285, 322, 325
Фергано-Алай 15, 211, 213
Ферганский хребет 5, 6, 15, 18, 26, 27, 107, 115, 119, 122, 128, 185, 188, 211, 214, 220, 223, 280
Фостат 164, 166
Фрунзе, г. 5, 10, 15, 22, 43, 127, 141, 145, 146, 152, 158

Хазарет Имом-хона 281
Хайдаркан 185, 221
Хайлама (Хатлама) 115, 119, 232, 250, 270, 282
Хантенгри пик 14
Хара Берсайти 215, 276
Харгуш, могильник 286, 288, 303, 304, 316, 318, 325
Харгуш, р. 286
Харгуш, ущелье 286
Хатлама, см. Хайлама
Херсонес 318
Хорезм 112, 138, 149, 213, 216, 224, 231, 232, 239, 261, 264, 265, 267—270, 283
Хотан 140, 154, 188, 261
Хочжо 93, 94, 134, 261
Хубэй 323
Хулундугун, р. 348, 349
Хумынь, 114, 232
Хуршаб 214
Хутталь 192, 266
Хэнань 146, 169

Цунлин 7, 192, 276

Чаак-тау, горы 117, 185
Чаек 10, 98
Чакмак 33, 186, 187, 189, 190, 193, 204—207, 211, 216
Чалдывар 10, 12, 98, 99, 100, 107, 112—114
Чарвак 185
Чарклык 340
«Частые курганы» 321, 324
Чаткальская долина 232, 237, 247, 353
Чаткальский хребет 5, 214, 220, 232, 243
Чатыр-куль 5, 18, 102, 115
Черен 340
Черное море 264
Черноморские степи 265
Чертомлык 49
Чертым 281
Чженьчжу (Нарын) 233
Чигиль 116
Чигирчик 95, 96, 204, 249
Чигилькент 116
Чигу 97, 266
Чиилитектер 187
Чиим-таш 127, 223
Чиле 218
Чилик 100

Чиль Байрам 190
Чильтан Уикур 185
Чинабий, мавзолей 76, 122
Чинг-сай 96
Чолок-арык 76
Чолок-коргон 25, 113, 119, 122
Чолпон-ата 79, 88
Чон-алай 5, 67, 95, 103, 187, 190—193, 203—207, 210, 213, 214, 221
Чон-кемин 21, 88, 97, 100, 125, 269
Чон-кызыл-су 97
Чон-сарай 120
Чон-урюкты 122
Чу 10, 40, 74, 88, 107, 114, 115, 125, 148, 156, 157, 171, 187, 211, 214, 232
Чуйская долина 14, 15, 20, 22, 27, 46, 77, 79, 88, 93, 94, 98, 100, 107, 117, 125, 127, 129, 133, 141, 145—148, 154, 157, 159, 162—164, 166, 168, 171, 172, 180, 210—214, 232, 262, 265, 269, 270, 318
Чука-тепе 218
Чумагы 187
Чуцячай 205
Чыргаил 20, 23, 24

Шалтак 95, 230, 249
Шамси, долина 76
Шамси, перевал 89
Шандун 48, 224
Шарт 203, 205—207, 216
Шахдара 8, 276, 278, 281
Шахимардан 185, 187
Шаш 149, 232, 239
Шегнак-сай 221
Шельджи 179
Шибе 126, 127
Шинды 302
Ширдакбек 10, 25—27, 98—100, 102, 103, 106, 107, 113—116, 119, 269
Ширин-сай 23, 193, 215
Шихит 253

Эйлатан 142, 186
Эрши 15, 190, 211, 217, 226, 229, 230, 237, 253, 266

Ю, г. 229
Юйту 95
Юм-хона 211, 281
Юрме 22
Юрьевка, с. 146, 158

Ябгукат 283
Яганкент (Якакент) 114
Язгулем 276
Яксарт 188, 192, 211
Якутия 88
Ялдымук 221
Ямчун 8, 278, 281, 283
Ямчун, р. 281
Янги-базар 247
Янги-Наукатский р-н 230
Янги-шаар 232
Яны-курган 214, 230
Яньдунь (Гяньдунь) 190
Яньки 342
Яркенд 115, 188, 210
Ярыш, степь 340
Ясеы 22, 96, 100, 106, 107, 115, 252
Яушан-козы 281
Яшиль-куль 214, 275, 281

УКАЗАТЕЛЬ ПЛЕМЕННЫХ НАЗВАНИЙ

Аланы 21
Амюргии 188—190, 210, 212, 216, 280
Апаснаки, см. Саки абии
Арабы 192, 222, 232, 269
Аршйцы 264, 272, 276, 325
Аристеи 190, 207, 211, 214, 216

Гальча 276
Гунны 14, 23, 88, 89, 94, 95, 130, 150, 192, 193, 207, 215, 264, 266, 268, 271
Гунны белые 192, 222
Гунны северные 95, 215
Гунны Тянь-шаня 67, 94, 192
Гунны Центральной Азии 22, 192, 267
Гунны Чон-алая 192
Гунны южные 95
Гэшу 83, 89
Гюаньду 188—190, 192, 204, 207, 210, 280
Гюйми, см. Кумеды

Даваньцы 94, 204
Даюечжи 215
Дулу 230

Иранцы 270
Иранцы восточные 214
Исседон, см. Усунь

Казахи 263
Калмыки 15
Кангюй 23, 94, 208, 212—216, 265
Каракалпаки 210, 262
Каракитаи 168, 172
Карлуки 88, 119, 222, 285, 317
Киргизы 19, 88, 89, 151, 181
Киргизы Тянь-шаня 89
Китайцы 130, 207, 233, 266
Кумеды 190, 192, 193, 203, 204, 216, 280
Кумиджии, см. Кумеды
Курыкан, см. Гулиганъ
Кушаны 142, 212, 215, 217, 221, 230, 237, 244
Кущу, см. Гэшу
Кыргызы 263
Кыргызы енисейские 84, 94

Массагеты 215, 216, 224, 266
Монголы 271

Огузы 270

Печенеги 150
Племена Алая 275, 285
Племена Памира 324
Племена таласские 116
Племена Тянь-шаня 267, 280, 285
Племена южнопамирские 285
Племена Яксарта 266, 267, 280

Сака-тарадарайя 210
Сака-тиграхауда 210
Саки 7, 8, 14, 22, 49, 186, 188—190, 204, 207, 208, 210, 212, 213, 217, 221, 266, 270, 280, 325
Саки абии 211, 216
Саки Алая 280
Саки заяксартские 208, 211, 212, 216, 325
Саки ортокорибантии 210
Саки Памира 280
Саки приморские 210
Саки Семиречья 34
Саки Тянь-шаня 34, 40, 127, 190
Саки Ферганы 79
Саки «царские» 214
Сако-усуни 95, 119, 211
Сармато-аланские племена 215
Сарыбагыш 212
Семиты 264
Согдийцы 266, 270
Солту 212
Скифы-абии (саки-абии) 216
Скифы-аристеи 190
Старший Жуз 212
Сусе (кангюй и асии) 216
Сэ 7, 188, 204

Токрасин, см. тохары
Тоорны (фруны-фауны) 192, 215
Тохары 216
Туранцы 264
Тюргеши 88
Тюрки 14, 143, 144, 146, 150, 207, 221, 232, 237, 264, 270, 271, 285
Тюрки западные 114
Тюрки-карлуки 269
Тюрки Монголии 144
Тюрки орхонские 301
Тюрки семиреченские 7, 192
Тюрки Тянь-шаня 125, 261

Узбеки 263
Уйгуры 15, 272
Улэй 188
Усунь 7, 14, 22, 60, 79, 94, 95, 97, 114, 127, 128, 130, 132, 153, 189, 190, 192, 204, 207, 208, 210—217, 221, 244, 266, 267, 280, 325
Уш 188—190, 210, 280

Фауны (фруны) 192, 215
Фруны (фауны) 192, 215
Фуму (тохары) 216

Хайталы 222
Хаомоварга, см. Амюргии
Хорезмийцы 216
Хюсюнь 95, 188—190, 192, 204, 210, 215, 216, 247, 280

Чигили 87, 88, 114—116
Чубань 88

Эфталиты 135, 192, 207, 222, 261, 268—270

Юебань 88
Юегянь (хорезмийцы) 216
Юени (абии-яксарты) 216
Юечжи 266
Юечжи восточные 60, 280

Ягма 115—117, 119, 270
Яксарты 216

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРОВАННЫХ АВТОРОВ

Маркс К. 180, 263, 268, 271
Энгельс Ф. 180, 263—265, 268, 271
Сталин И. В. 15, 16, 182, 270, 355

Абрамзон С. М. 98
Авени П. (Prisse d'Avennes) 167
Агеева Е. И. 43
Адрианов А. В. 319, 324
Аккерманн Ф. (Ackermann Ph.) 135, 161
Акэн Ж. (Hackin J.) 134, 135, 140, 152
Алексеев В. М. 171, 179
Алпатов М. В. 150
Альфёльди А. (Alföldi A.) 48, 126, 148
Андерсон И. (Andersson J.) 126, 204, 205, 322
Андреев М. С. 138, 158, 238, 278
Аримитзу 147
Аристов Н. Д. 88, 145, 278
Арне Т. (Arne T.) 126, 204—206, 323
Арнольд (Arnold) 152
Артамонов М. И. 319
Аштон Л. (Ashton L.) 44, 136, 139, 141, 143, 178

Балашова Г. Н. 158
Байли Х. (Bailey H.) 283
Бартоломе Х. (Bartholomae Ch.) 270
Бартольд В. В. 14, 88, 96, 100, 102, 113—116, 119, 138, 143, 144, 150, 160, 168, 180, 218, 228, 233, 238, 250, 263, 267, 269, 271
Баскаков Н. 264
Батлер А. (Butler A.) 166, 167, 179
Бахофер Л. (Bachofer L.) 151
Бачинский Н. М. 112, 253, 260
Бернштам А. Н. 7, 21, 32, 46, 48, 50, 93, 96, 116, 118, 127, 129—131, 133, 139—141, 144—146, 148, 151, 153, 156, 170, 179, 186, 187, 189, 190, 192, 193, 206, 207, 210, 219, 228, 229, 243, 253, 265, 266, 268, 270, 271, 283, 313, 318, 322
Бертело А. (Berthelot A.) 214, 266
Бершем, ван М. (Berchem, van M.) 158, 167
Бил С. (Beal S.) 276
Бичурин И. 114, 130, 133, 143, 148, 217, 280
Биньон Л. (Binyon L.) 44, 149
Блоше Е. (Blochet E.) 136, 138
Бобринский А. А. 167, 278
Борисов А. Я. 133, 138, 139
Боссерт Х. (Bossert H.) 48, 138
Брянов Н. 233, 238
Бурхард О. (Burchardt O.) 46, 48, 136, 171
Бурчак-Абрамович 48

Валитова А. А. 270
Валлис Х. (Wallis H.) 164
Вальсин Ф. (Wulsin F.) 206
Веймарн Б. В. 150, 153, 158, 162
Венюков М. 278
Всесловский Н. И. 138, 143, 175, 238
Вест Е. (West E.) 135, 137
Винкельман И. И. 169
Владимирцов Б. Я. 348
Воеводский М. В. 318, 322
Воронина В. Л. 113
Вуазэн В. С. (Voisins V. S.) 144, 146
Вули К. (Wooley C.) 323
Вульф О. (Wulff O.) 141, 147, 167
Выходцев И. В. 170, 185
Вяткин В. Л. 156, 268

Гайдукевич В. Ф. 267
Гарутт В. Е. 302
Гафуров Б. Г. 264
Гедин Свен 278
Гейгер В. (Heiger W.) 135, 138, 276
Гёц Г. (Goetz G.) 140
Гейкель Х. (Heikel H.) 130
Гинзбург В. В. 25, 201, 302
Гинтерс В. (Ginters W.) 321
Гиршман Р. (Ghirshman R.) 319, 322
Глюк Г. (Glück H.) 138, 139, 146, 148, 164, 177, 179
Голубев А. Ф. 47
Гольмстен В. В. 49
Гордон 278
Гордлевский В. А. 270
Городецкий В. 141
Городцов В. А. 318
Граменицкий Д. 226
Граков Б. Н. 46, 146, 206, 319, 320
Гракова О. А. 21
Грей Б. (Gray B.) 178
Греков Б. Д. 172
Григорьев В. В. 188, 208, 263, 266
Григорьев Г. В. 136, 140, 153, 158, 171, 186, 208, 265, 281
Груссе Р. (Grousset R.) 140
Грюнведель А. (Grünwedel A.) 134, 141, 150—152, 169, 170, 261
Грязнов М. П. 21, 126, 127, 132, 201, 208, 318, 319, 321—323
Гуммель Я. И. 153

Дальтон О. (Dalton O.) 48, 133, 136
Дебевойз К. (Debevoise C.) 144, 154
Денике Б. П. 94, 153, 158, 177
Дестунис Г. С. 271
Диль Ш. (Diehl Ch.) 149
Диманд М. (Dimand M.) 158, 164, 168
Диц Э. (Diez E.) 138, 139, 146, 148, 153, 177, 179
Дудин С. М. 162
Дьяконов М. М. 156, 166, 220, 253, 286
Дьяконова Н. В. 134

Евтюхова Л. А. 83, 93, 94, 144
Елисеев С. 134

Жуков В. Д. 188, 261

Заленский О. В. 281
Замятнин С. Н. 321, 324
Зарре Ф. (Sarre F.) 48, 133, 134, 139, 152, 154, 156, 157, 160, 162, 165, 172, 174
Засыпкин Б. Н. 112, 153
Захаров А. А. 127, 133, 205, 224, 322
Збруева А. В. 320
Зимин Л. А. 271
Зимма Б. М. 32, 42, 187, 223

Иванов П. П. 158
Иностранцев К. А. 133—138, 155

Йетте П. (Yetts P.) 126

Казакевич В. А. 144
Канда 147
Каношина С. И. 319
Карл Ж. (Carl J.) 152
Карлгрен Б. (Karlgrenn B.) 46, 126, 199, 321
Кастанье И. А. 238
Каямото 147
Кеннеди Ж. (Kennedy J.) 149
Кёхлин Р. (Koechlin R.) 166, 175, 179
Кеикиши (Keikichi O.) 132
Кибиров А. 10, 253
Кисслев С. В. 77, 93, 94, 126, 190, 208, 319—324
Кисляков Н. А. 222, 269
Клапрот Ю. (Klaproth J.) 230
Клейн Д. 139
Клеменц Д. А. 324
Кобарн Ф. (Coburn F.) 143
Кобранов Е. 264, 322
Козлов П. К. 126
Коизуми 147
Кон В. (Cohn W.) 151
Кон-Винер Э. (Cohn Wiener E.) 153, 174, 179, 238
Кондаков Н. П. 130, 158
Контено Г. (Contenau G.) 44, 48
Котвич В. Л. 143
Крачковская В. А. 152, 154, 156, 162
Кузнецов И. 318
Кузнецов-Красноярский 321, 323

Кумарасвами А. 149, 174
Куфтин Б. А. 180
Кюммель О. (Kümmel O.) 48
Кюнель Э. (Kühnel E.) 162, 166

Латынин Б. А. 143
Лауфер Б. (Laufer B.) 48, 126, 157, 171, 180, 225, 265, 340
Левашова В. П. 320, 321, 323
Лекок А. (Le Coq A.) 93, 94, 114, 116, 134, 138, 144, 151, 169, 170
Леммлейн Г. Г. 302, 314
Ленц Э. Э. 162
Леонард В. (Leonardt W.) 224
Лерх П. И. 329

Малов С. Е. 270, 344, 348
Массон М. Е. 139, 140, 144, 158, 179, 222, 223, 261, 266, 267, 322
Максвелл-Хислоп Р. (Maxwell Hislop R.) 321
Маркварт И. (Markwart J.) 13, 117, 192
Маркман С. (Markman S.) 224
Мартин Ф. Р. (Martin F. R.) 160, 172
Марущенко А. А. 322
Мацулевич Л. А. 130, 141, 148
Мейстер П. (Meister P.) 174
Мелиоранский П. М. 143
Мерхарт Г. (Merhart G.) 133, 320, 323
Мижон Ж. (Migeon G.) 164, 175
Мижуно С. 44
Миллер А. А. 168
Минаев И. П. 276, 278
Минаева Т. М. 130
Минорский В. 115, 116, 119, 157, 192, 226
Минцлов С. Р. 144
Монтелль К. (Montell C.) 154
Мюнстерберг О. 50

Ниалло А. 278
Номори 147

Оболдуева Т. Г. 188, 261
Окладников А. П. 128
Олуфсен 278
Ольденбург С. Ф. 136, 139, 149, 151, 167, 169
Орбели И. А. 140, 148, 158, 166, 167
Остроумов Н. 153

Пальмгрен Н. (Palmgren N.) 127
Пампелли Р. (Pumpally R.) 322
Пантусов Н. 90, 102, 180
Парук Д. (Paruck D.) 134, 135
Пассек Т. С. 143
Патканов К. 145
Пацевич Г. И. 103, 220, 286
Пезард (Pezard) 164
Пеллио П. (Pelliot P.) 48, 136, 141, 164, 171
Перо Г. (Perrot G.) 48
Петров В. А. 302
Пещерева Е. М. 155
Пигулевская Н. В. 267
Пилявский В. 112
Поп А. (Pope A.) 156, 161
Попович С. (Popovitch S.) 149
Пославский И. 223
Потапов А. 138
Поярков Ф. 172
Придик К. 320
Птицын Г. В. 117
Пугаченкова Г. А. 158, 179

Радлов В. В. 143, 318, 320, 321
Разумовский К. И. 145
Райс Т. (Rice T.) 149, 152, 164
Рау Х. (Rau H.) 151
Рацек В. 278
Рейдемейстер Л. (Reidemeister L.) 171
Рейнеке Р. (Reinecke R.) 126
Рейтлингер Г. (Reitlinger G.) 162, 179
Рейц С. (Reitz S.) 171
Рерих Ю. Н. 50
Ромм А. 129
Ромодин В. 264
Ростовцев М. И. 44, 48, 126, 127, 129, 146, 320
Руденко С. И. 126, 201, 321, 323

Савенков И. Т. 324
Саль Г. (Salles G.) 44, 155
Сальмони А. (Salmony A.) 48, 126, 134, 147, 164, 323
Семенов А. А. 263
Синицин И. В. 130, 321
Сирен О. (Sirén O.) 44, 129, 136, 141, 144, 146, 171, 224
Смирнов Я. И. 134, 174, 178
Сорокин С. С. 193, 222
Сосновский Г. П. 318
Спицын А. А. 129, 130
Стайн А. (Stein A.) 129, 136, 139, 141, 162, 169, 170, 206, 207, 224, 278, 279, 319, 320, 324
Стен Конов (Sten Konov) 267, 341
Стрелков А. С. 46
Стржиговский И. (Strzygowski I.) 89, 94, 167
Струве В. В. 188, 208
Сухарев И. А. 157
Сян Ш. (Hsiang Ch.) 135

Такач З. (Takacs Z.) 148
Талызин А. 90
Тальгрен А. (Talgren A.) 133, 158
Теплоухов С. А. 43, 126, 318, 321
Тереножкин А. И. 21, 95, 113, 208, 239, 264, 265, 269, 281, 331
Тейлор И. (Taylor I.) 162
Толль Н. 322
Толстов С. П. 147, 192, 208, 216, 224, 239, 265, 268—270, 329
Толстой И. И. 130
Томсен В. (Thomsen V.) 269
Тони П (Toni P.) 270
Томашек В. (Thomaschek W.) 190, 225, 228
Тревер К. В. 48, 126, 134, 135, 139, 140, 148, 208, 224, 229, 264, 265
Тюляев С. И. 152

Умехара С. 132, 147
Умняков И. И. 153

Фенелосса Э. (Fenelossa E.) 44
Фергюсон Д. Ferguson J.) 46
Фетисов 87, 89, 93
Феттих Н. (Fettich N.) 148
Фихтнер Ф. (Fichtner Ph.) 171, 179
Флиттнер Н. Д. 44
Флоринский В. М. 43
Флюри С. (Flury S.) 143, 156
Франкфурт Х. (Frankfurt H.) 322
Фукс В. (Fuchs W.) 276
Фуше А. (Foucher A.) 135, 140, 141, 150, 151, 168, 169

Хавелл Э. (Havell E.) 149
Хакхам 171
Хамада 46, 132, 170
Харада И. 126, 136, 319
Хентце К. (Hentze C.) 132, 147, 148
Херман А. (Herrmann A.) 188, 229, 276, 280
Херцфельд Э. (Herzfeld E.) 13, 44, 134, 152, 156, 157, 177, 278, 322
Хетерингтон А. (Hetherington A.) 171
Хирт Ф. (Hirth F.) 126, 267
Хлудов Н. 223
Хобсон Р. (Hobson R.) 46, 48, 49, 136, 138, 139, 157, 158, 164, 166, 171, 175, 179
Ховорт Г. (Howorth H.) 148
Холлиз Г. (Hollis H) 158
Хюар К. (Huart C.) 135

Циммерман Е. (Zimmermann E.) 171

Чепелев В. Н. 146, 167
Черников С. С. 38, 318

Шаванн Э. (Chavannes Ed.) 48, 119, 126, 146, 150, 169, 172, 224, 263
Шахматов В. Ф. 136
Шефер Ф. (Schaefer F.) 135
Шимада Ш. 46, 170
Шинор Д. (Sinor D.) 134
Шипье Ш. (Chipiez Ch.) 48
Ширатори К. (Shiratori K.) 214
Шишкин В. А. 167, 268, 341
Шмидт Е. (Schmidt E.) 167, 319, 324
Шпейзер В. (Speiser W.) 179
Шпейзер Е. (Speiser E.) 323
Штаубе В. 181

Щербина-Крамаренко Н. 233

Эберхардт В. (Eberhardt W.) 224
Эгами Намик 44
Эдинг Д. 319
Эндрьюс Ф. (Andrews F.) 139
Эттингхаузен Р. (Ettinghausen R.) 168, 179

Юдахин К. К. 116
Юнкер Х. (Junker H.) 269

Якубовский А. Ю. 7, 145, 160, 172, 174, 175, 178, 224, 263, 264, 267, 270—270
Янзе О. (Janse O.) 148, 321, 323

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦ

Абдулла-хан 103
Абруй 269
Абу ль-Фида 233
Александр Македонский 14, 270
Алицы 96
Аляошень 114
Арслан Иль Тиргюг Алп Бургучан Али Тархан Бег Йилантюк Эрскинтюк (Арслан Таркан) 115
Арслан Таркан 96, 114, 116, 233

Барс-бег 143
Бихуаньчжи 95
Богрохан 117

Ванчженсянь 14
Васудева 267

Гардизи 87, 88, 116
Геродот 224, 266, 280
Гурек 270

Ебочжи 114

Живэй Каган 96
Жини 95

Ибн-Хордадбех 102, 115
Исилань Хэу Гинь 192
Истахри 270

Киби 114
Кисрави 155
Кошой 114
Кудама 115
Курманджан Датха 103
Кюль Тегин 143

Лигуанли 14, 217, 228, 341

Макдиси 116, 250
Махмуд Кашгарский 115, 116, 344
Мелик-шах 115
Мир-Мухаммед-шах 114
Мир Керим-берди 114
Могилян-хан 143
Моисей Каганкатуйский 145
Мочжо-каган 143
Мухаммед Хайдер 102
Мэнцзюй 226

Низам аль-Мульк 270

Периегет Дионисий 95
Приск Панийский 271
Птолемей 95, 186, 266

Рубрук 271

Сеюй 96
Судинфан 14
Сымацянь 14
Сюань Цзан 148, 224, 269, 276

Табари 269
Тайцзун 144
Тармаширин 271
Тархун 270
Тимур 14, 102, 103, 271
Тоба-хан 144
Тухосянь Гучжо, 114

Уцзюту 95

Фумын Линча 116

Хайду 271
Хаджи Юсуф Баласагунский 270
Хара Хулагу 102
Хой-Чао 276
Хуханье 271
Хэ-и 233
Хэу Ин 271

Чингиз-хан 14
Чжан Цянь 95, 133, 217, 224, 226
Чжичжи 95

Шаболо Шеху-хан 192
Шадхи 175

Эргэне Хатун 102

Якуб-бек 116
Якуб-Тегин 115
Яньду 148
Яньличэн 179

УКАЗАТЕЛЬ

к историко-археологическим картам важнейших археологических комплексов, открытых экспедициями Семиреченской, Тяньшано-Алайской и Памиро-Алайской в 1936—1949 гг.

(Сокращения: г — городище; т —тепе; к — курган; м — мазар; п —пещера; мин — минарет; б — башня; с — селище; н. и. — наскальные изображения)

Адахкес (г) Г—8
Ак-беит (к) Ж—2
Акман (т) Д—6
Ак-сумбе (б) А—9
Ак-тепе (т) Б—10
Алтын-арык (к) Ж—7
Алтын-тепе (г) Б—8
Ара-куль (к) З—7
Арсланбоб (м) Е—6
Арча-булак (к) Е—5
Аспара (г) Е—8
Атбаш (к) З—6
Атбаш (г) Ж—6
Атлах (г) Д—8
Ахсы (г) Г—6
Бакарлы (к) Б—10
Баласагун (г) З—8
Беркара (к) Г—8
Бехлу (г) Г—8
Боркорбаз (к) Г—5
Бурана (мин) З—8
Бурджары (к) В—8
Бурмачап I (к) Ж—6
Бурмачап II (к) Ж—6
Гульча (г) Е—5
Дараут (с) Д—4
Джаильма (с) Е—8
Джаргелан (к) Л—8
Джергес (к) К—8
Джергетал (к) Ж—6
Джикиль (г) Г—8
Джуван-тепе (к) К—9
Джувикат (г) Г—8
Джуль (г) Ж—8
Джумгал (к) Ж—7
Дохнуджикес Г—8
Жалпак-тепе (г) В—8
Иссык (к) И—8
Ичкилик (к) Е—2
Каахка (г) Г—1
Каджангар-баши (г) Ж—6
Казарман (г) Ж—6
Каинда (с) Е—8
Каирма (г) Ж—7
Кала-и-боло (г) Г—5
Караван (т) Д—6
Карагуджир (к) З—7
Караспан-тепе (г) В—8
Каратавалгаты (г) Е—6
Карачоко (к) К—9
Каргалы (к) З—8
Карнак (г) Б—9
Карой (к) И—8
Касан (г) Д—6
Кегень (г) Л—8
Кенкол (к) Д—8
Кок-булак (к) З—8
Кок-мордан (г) Б—8
Койлык (г) К—10
Копал (г) Л—11
Кошой-коргон (г) Ж—6
Кува (г) Д—6
Кукяльда (к) Е—5
Кулан (г) Е—8
Куль (г) Д—8
Кумбрикет (г) З—8
Кум-тепе (г) В—9
Кумысты (к) Б—10
Кургак (к) Д—5
Кызарт (к) Ж—7
Кызыл-курган (г) Е—10
Кызыл-курган (с) Е—5
Кызыл-туу (к) Д—4
Кырчин (к) И—8
Кысмычи (г) З—8
Лякан (т) Г—5
Мааша (к) Д—4
Манакельды (г) Ж—6
Матчай (т) Г—5
Минг-тепе (к) А—7
Минг-тепе (к) Е—7
Мирки (г) Е—8
Мордан (г) Б—8
Мунчак-тепе (г) Г—6
Мык-Пошо (г) Д—5
Наукат (г) Д—5
Невакет (г) З—8
Нижний Барсхан (г) Г—8
Ничке (г) Е—7
Нузкет (г) Е—8
Ой-булак (к) К—8
Отрар (г) Б—8
Пап (г) Г—6
Пшарт (к) Е—3
Ратм (г) Д—2
Ривак (г) Д—2
Рош-кала (г) Д—2
Сайгашень (г) Д—1
Саймалы-таш (н. и.) Е—6
Сайрам (г) В—8
Сарыг (г) Ж—8
Сары-курган (т) Г—5
Сайран (г) А—9
Соколовка (к) К—8
Сусы (г) Д—8
Суяб (г) З—8
Сыгнак (г) А—10
Сюткент (г) Б—8
Талгар (г) И—8
Талды-курган (г) К—10
Тамды (к) Е—2
Тамды (к) Г—8
Тараз (г) Г—8
Тарса-тепе (г) Б—9
Тасты (г) В—10
Текабкет (г) Д—8
Теньги (к) Г—5
Тугурук Баман (к) Ж—3
Тулейкен (к) Е—5
Тургень (к) К—9
Туркестан (г) Б—9
Тюбет-тепе (г) Б—9
Узун-ата (г) Б—7
Узген (г) Е—6
Унгар (к) Д—7
Ура-тепе (г) В—5
Хамукат (г) Г—8
Харгуш (к) Е—2
Харранджуван (г) Ж—8
Чакан-кала (г) Г—2
Чалдывар (г) Ж—6
Чалдывар (Манакельды) (г) Ж—6
Чардара (г) А—6
Чжимуэрр (г) К—9
Чильпек (к) К—8
Чингильды (г) И—9
Шавгар (г) Б—9
Шарт (к) Е—5
Шегнак-сай (к) Б—8
Шельджи (г) Д—8
Ширдакбек (г) Ж—6
Эрши (г) Д—5
Ямчун (г) Д—1
Яссы (г) Б—9

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Введение. (Территория, памятники, маршруты, метод работ и темы экспедиций 1944—1949 гг.) 5

Часть первая

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ТЯНЬ-ШАНЬ

Глава первая. **Древнейшие культуры кочевников Тянь-шаня** 19

1. Памятники эпохи бронзы в Арпе . . . 19
2. Общий обзор сако-усуньских и гуннских погребений Тянь-шаня (по работам 1944—1945 гг.) 22
3. Сакские памятники VI—V вв. до н. э. 27
4. Исседонские (предусуньские) памятники V—III вв. до н. э. 35
5. Иссыккульские жертвенники 40
6. Усуне-юечжийские памятники II в. до н. э.—II в. н. э. 50
7. Катакомбы Гуннского времени I—IV вв. н. э. 60
8. Памятники времени тюркских каганатов и государств VI—X вв н. э. 72
9. Тянь-шань и Енисей 89
10. Тянь-шань и Фергана 94

Глава вторая. **Оседлые поселения на Тянь-шане в V—XV вв.** 97

1. Оседлые поселения Центрального Тянь-шаня 97
2. Кошой-коргон — древний город-ставка Атбаш 100
3. Ширдакбек — древний город-ставка Каджангар-баши 103
4. Здание Чалдывар на р. Манакельды . . 107
5. К исторической топографии Тянь-шаня 114
6. Культурный комплекс Кетменьтюбинской котловины — средневековая Хайлама . 117
7. Киргизские мавзолеи и крепость Чолок-коргон XVIII—XX вв. 119

Глава третья. **Искусство и культура Тянь-шаня и Семиречья в древний и средневековый периоды** 125

1. Расцвет и упадок искусства кочевников VII в. до н. э.—I в. н. э. 126
2. Синкретическое искусство тюркского каганата в VI—VIII вв н. э. 132
3. Победа орнаментализма в карлукский период VIII—X вв. н. э. 150
4. Искусство феодального Тянь-шаня и народная линия в искусстве 160
5. Искусство и культура Семиречья и Тянь-шаня в период каракитаев 168
6. Эклектическое искусство монголо-тимуридского периода 172

Часть вторая

ФЕРГАНА И АЛАЙ

Глава четвертая. **Древний Ферано-Алай** 185

1. Древнейшие культуры 185
2. Сако-усуньские памятники горных долин Алая по данным разведки 1946—1947 гг . 186
3. Кумедская культура Алая и Чон-алая . 190
4. Кочевники Алая. Фруны и Имаус . . 193
5. Археологические работы в Алае и Чон-алае в 1948 г. 193
6. Общий обзор основных памятников Алая в свете археологических аналогий . . . 204

Глава пятая. **Саки Яксарта и Тянь-шано-Алая по археологическим данным** 208

1. Постановка вопроса 208
2. Генезис и племенной состав заяксартских саков. Саки амюргийские — хаомоварга 210
3. Культура саков и их локальные особенности 212
4. Племенные конфедерации усунь и кангюй — потомки заяксартских саков . . . 214

Глава шестая **Античный и средневековый периоды в Фергане и Алае** 217

1. Давань и кушаны 217
2. Араванские наскальные изображения и даваньская столица Эрши 222
3. Поздние кушаны и тюрки в Северной Фергане 230
4. Гуйшань-Гесай — кушанский Касан . . 232
5. Древний Сигянь — средневековый Ахсыкет 244
6. Генезис средневековых оазисов Ферганы 247
7. Историко-культурные особенности Узгена 253

Глава седьмая. **Тюркские племена и народности в истории Средней Азии** . . . 263

Часть третья

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПАМИРА

Глава восьмая. **Общий обзор археологических памятников Памира** 275

1. Особенности ландшафтов 275
2. История изучения 276

	Стр.
3. Памятники Восточного Памира	279
4. Памятники Западного Памира	280
Глава девятая. Раскопки памятников Восточного Памира	286
1. Ичкилик	286
2. Харгуш	286
3. Памирская I (Тамды)	288
4. Ак-бейт	301
5. «Известковый камень»	302
6. Тугурук Баман и Пшарт	302
Глава десятая. Классификация и определение находок	303
1. Погребальные и культовые сооружения	303
2. Обряд захоронения	304
3. Вооружение	305
4. Утварь	310
5. Украшения	314
6. Некоторые выводы	316
Глава одиннадцатая. Аналогии и вопрос о датировке комплексов	318
1. Аналогии находкам на Памире	318
2. Происхождение и датировка культуры обитателей древнего Памира	324
3. Историко-культурные выводы	326
Заключение	327

УКАЗАТЕЛИ

Список принятых сокращений	333
Указатель географических названий	335
Указатель племенных названий	340
Указатель цитированных авторов	341
Указатель имен исторических лиц	343
Указатель к историко-археологическим картам	344

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского Совета
Академии Наук СССР

*

Технический редактор *Р. А. Аронс*
Корректор *О. Г. Крючевская*

*

РИСО АН СССР № 4585. Пл. № 25—55 В. М-41583. Подписано к печ. 30/VIII 1952 г. Бумага 60×92/8. Бум. л. $21^3/_4$. Печ. л. 43½. Учетно-изд. л. 42,86+8 вкл. (1,55 уч.-изд. л.). Тираж 3000. Зак. № 186. Номинал по прейскуранту 1952 г. в переплете 31 р. 35 к.

1-я тип. Изд-ва Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12.